

ISSN 1998-0817



ВЕСТНИК

Костромского государственного университета

1

2020



ВЕСТНИК
КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

V E S T N I K
OF KOSTROMA
STATE
UNIVERSITY

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Выходит с 1995 года

SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL JOURNAL
Appears since 1995

2 0 2 0 **Том 26**

2 0 2 0 **Volume 26**

№ 1
Январь – Март

№ 1
January – March

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В ПЕРЕЧЕНЬ РЕЦЕНЗИРУЕМЫХ НАУЧНЫХ ИЗДАНИЙ,
В КОТОРЫХ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ОПУБЛИКОВАНЫ ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ДИССЕРТАЦИЙ
НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА НАУК,
НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ ДОКТОРА НАУК,
ПО СЛЕДУЮЩИМ ОТРАСЛЯМ:
07.00.00. – ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ; 10.00.00 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ;
12.00.00 – ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ (РИНЦ)
С 2003 ГОДА

16+

ISSN 1998-0817

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ГРУЗДЕВ ВЛАДИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор юридических наук, доцент,
проректор по научной работе,
Костромской государственной университет

**ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
И ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ**

АНДРЕЕВА ВАЛЕРИЯ ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук,
Костромской государственной университет

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
БЕЛОВ АНДРЕЙ МИХАЙЛОВИЧ**

доктор исторических наук, профессор,
Костромской государственной университет

БИБИКОВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ

доктор юридических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

БОРОДКИН ЛЕОНИД ИОСИФОВИЧ

доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАН, председатель Научного
Совета РАН по проблемам российской и мировой
экономической теории (г. Москва), Московский
государственный университет им. М.В. Ломоносова

ГЛАДКОВ АЛЕКСАНДР КОНСТАНТИНОВИЧ

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Институт Всеобщей истории РАН

ДЕФЬЕ ОЛЕГ ВИКТОРОВИЧ

доктор филологических наук, профессор, Московский
педагогический государственный университет (г. Москва)

ЗАХАРОВА НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ИЗОТОВА НАТАЛЬЯ ВАЛЕРЬЯНОВНА

доктор филологических наук, профессор,
директор института филологии, журналистики
и межкультурной коммуникации
Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону)

КАПУСТИН НИКОЛАЙ ВЕНАЛЬЕВИЧ

доктор филологических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

КОМАРОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

доктор юридических наук, профессор,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

КОПТЕЛОВА НАТАЛИЯ ГЕННАДЬЕВНА

доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственной университет

КОЧЕШКОВ ГЕННАДИЙ НИКОЛАЕВИЧ

доктор исторических наук, профессор,
Почетный работник Высшего профессионального
образования РФ, Ярославский государственный педагогиче-
ский университет имени К.Д. Ушинского (г. Ярославль)

КУЧИНА ТАТЬЯНА ГЕННАДЬЕВНА

доктор филологических наук, профессор,
Ярославский государственный педагогический
университет имени К.Д. Ушинского (г. Ярославль)

ЛЕБЕДЕВ ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственной университет

**THE EDITORIAL BOARD
OF THE JOURNAL
“VESTNIK OF KOSTROMA STATE UNIVERSITY”**

EDITOR-IN-CHIEF

VLADISLAV VLADIMIROVICH GRUZDEV
Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor,
prorector of science
Kostroma State University

**ASSOCIATE EDITOR-IN-CHIEF AND
EXECUTIVE SECRETARY**

VALERIYA GENNADIEVNA ANDREEVA
Doctor of Philology,
Kostroma State University

EDITORIAL BOARD STAFF

ANDREY MIKHAYLOVICH BELOV
Doctor of Historical Sciences, Professor
Kostroma State University

ALEKSANDR IVANOVICH BIBIKOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Ivanovo State University

LEONID IOSIFOVICH BORODKIN

Doctor of Historical Sciences, Professor,
Russian Natural Sciences Academy corresponding member,
chairman of scientific council of Russian Academy of Sciences
on the issues of Russian and world economics (Moscow),
Lomonosov Moscow State University

ALEKSANDR KONSTANTINOVICH GLADKOV

Candidate of Historical Sciences, senior staff scientist,
Universal History Institute of the Russian Academy of Sciences

OLEG VIKTOROVICH DEFYE

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Moscow Pedagogic State University

NATALIYA VLADIMIROVNA ZAKHAROVA

Candidate of Philological Sciences,
Senior Scholar, A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

NATALIYA VALERIYANOVNA IZOTOVA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
director of Philology, Journalism
and Intercultural Communication Institute,
Southern Federal University (Rostov-on-Don)

NIKOLAY VENALIYEVICH KAPUSTIN

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ivanovo State University

SERGEY ALEKSANDROVICH KOMAROV

Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Russian Academy of National Economy
and Career Service under
the President of the Russian Federation (Moscow)

NATALIYA GENNADIEVNA KOPTILOVA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

GENNADIY NIKOLAEVICH KOCHESHKOV

Doctor of Historical Sciences, Professor,
honorary educationalist of higher education
of the Russian Federation, Ushinsky Yaroslavl State
Pedagogic University

TATIANA GENNADIEVNA KUCHINA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ushinsky Yaroslavl State
Pedagogic University

YURIY VLADIMIROVICH LEBEDEV

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

МАЛЬКО АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
директор Саратовского филиала Института государства
и права Российской академии наук (г. Саратов)

МАРКОВ АЛЕКСАНДР ВИКТОРОВИЧ
доктор филологических наук, кандидат философских наук,
профессор, ведущий научный сотрудник
Российский государственный гуманитарный университет,
Московский государственный университет

НЕНАРОКОВА МАРИЯ РАВИЛЬЕВНА
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ПЕТРОВИЧЕВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА
доктор исторических наук, профессор,
директор Гуманитарного института,
Владимирский государственный университет
им. А.Г. и Н.Г. Столетовых (г. Владимир)

ПОЛИЩУК НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Академия права и управления Федеральной службы
исполнения наказаний России (г. Рязань)

ПОЛУБОЯРИНОВА ЛАРИСА НИКОЛАЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой истории зарубежных литератур,
Санкт-Петербургский государственный университет

ПОЛЬВЯННЫЙ ДМИТРИЙ ИГОРЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
почетный работник высшего образования,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

РОМАНОВСКАЯ ВЕРА БОРИСОВНА
доктор юридических наук, профессор,
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород)

ТИХОМИРОВ ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

ТОКАРЕВ ГРИГОРИЙ ВАЛЕРИЕВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Тульский государственный университет
им. Л.Н. Толстого (г. Тула)

ТОПОРОВА АННА ВЛАДИМИРОВНА
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ТЮЛЕНЕВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА
доктор филологических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

УСМАНОВ СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Ивановский государственный университет

ХАЛТРИН-ХАЛТУРИНА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА
доктор филологических наук,
доктор философии (PhD in English),
ведущий научный сотрудник, Институт мировой
литературы им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ЧЕКАЛОВ КИРИЛЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ
доктор филологических наук,
заведующий отделом классических литератур Запада
и сравнительного литературоведения ИМЛИ РАН,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ALEKSANDR VASILIEVICH MAL'KO
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
honoured science worker of the Russian Federation,
director of Saratov branch of State and Law Institute
of Russian Academy of Sciences

ALEKSANDR VIKTOROVICH MARKOV
Doctor of Philology, Candidate of Philosophic Sciences,
Professor, leading researcher,
Russian State University for the Humanities,
Lomonosov Moscow State University

MARIYA RAVIL'YEVNA NENAROKOVA
Doctor of Philological Sciences, leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

ELENA MIKHAYLOVNA PETROVICHEVA
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Director of the Institute for the Humanities,
A.G. and N.G. Stoletovs
Vladimir State University

NIKOLAY IVANOVICH POLISHCHUK
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Academy of Federal
Penitentiary Service (Ryazan)

LARISA NIKOLAYEVNA POLUBOYARINOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Head of the Department of History of Foreign Literature,
Saint Petersburg State University

DMITRIY IGOREVICH POLYVYANNYY
Doctor of Historical Sciences, Professor,
honorary educationalist of higher education
of the Russian Federation, Ivanovo State University

VERA BORISOVNA ROMANOVSKAYA
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Lobachevsky Nizhny Novgorod
State University

VLADIMIR VASILIEVICH TIKHOMIROV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

GRIGORIY VALERIEVICH TOKAREV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Leo Tolstoy Tula
State University

ANNA VLADIMIROVNA TOPOROVA
Doctor of Philological Sciences, leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

ELENA MIKHAYLOVNA TYULENEVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ivanovo State University

SERGEY MIKHAYLOVICH USMANOV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Ivanovo State University

ELENA VLADIMIROVNA HALTRIN-KHALTURINA
Doctor of Philological Sciences,
Doctor of Philosophy (the USA), leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

KIRILL ALEKSANDROVICH CHEKALOV
Doctor of Philological Sciences,
head of the Department of Western Classic Literature
and Comparative Litera Studies,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

ЧЕРКАСОВ КОНСТАНТИН ВАЛЕРЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)

ШАЛУМОВ МИХАИЛ СЛАВОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
судья Верховного суда Российской Федерации (г. Москва)

**ЗАРУБЕЖНЫЕ ЧЛЕНЫ
РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ**

ЙОСИФОВА ТАНЯ НИКОЛОВА
доктор права,
Университет национального
и мирового хозяйства (г. София, Болгария)

КОНТ ФИЛИПП
профессор современного русского языка и литературы
Парижский университет, Сорбонна, (г. Париж, Франция)

РОЗОВСКИЙ БОРИС ГРИГОРЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист Украины,
Институт экономико-правовых исследований
Национальной Академии наук Украины (г. Луганск)

KONSTANTIN VALERIEVICH CHERKASOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
the All-Russian State University of Justice
(RLA of the Ministry of Justice of Russia)

MIKHAIL SLAVOVICH SHALUMOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
judge of Supreme Court of the Russian Federation

**EDITORIAL BOARD
FOREIGN STAFF**

TANYA NIKOLOVA JOSIFOVA
Doctor of Law,
University of Economy for the Bulgarian Nation and World,
Sofia, Bulgaria

PHILIPPE COMTE
Professor of modern Russian language and literature
Pantheon-Sorbonne University, Paris, France

BORIS GRIGORIEVICH ROZOVSKIY
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Honoured lawyer of the Ukraine,
Institute of economical and legal research
National Academy of Sciences of Ukraine (Lugansk)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

- 8 **Кабатов С.А., Кабатова Е.А.**
Источник-историографическое изучение вопроса существования второго костромского кремля (статья 1)
- 21 **Бенда В.Н.**
Вещное и финансовое обеспечение личного состава артиллерийских и инженерных подразделений в первой четверти XVIII столетия
- 27 **Мутиева О.С.**
Отражение событий Кавказской войны в женских письмах (на примере Дагестана)
- 32 **Фролова И.В.**
Организационно-правовое обеспечение беженцев в годы Первой мировой войны (в рамках провинциального города)
- 38 **Крапивенцева М.Б.**
Техническая подготовка рабочих кадров Тульского оружейного завода без отрыва от производства в 20-е гг. XX в.
- 43 **Абехтиков Е.Е.**
О противоречиях в Пролеткульте
- 47 **Аверьянов А.В.**
К вопросу об административно-территориальном устройстве национальных меньшинств в Терском округе Северо-Кавказского края
- 53 **Димитренко Н.В.**
Деятельность советской разведки по получению сведений в области военной бактериологии в 1936–1937 гг.
- 58 **Околотин В.С.**
Производство военной продукции на предприятиях кооперативной и местной промышленности Ивановской области в 1941–1942 гг.
- 64 **Кежутин А.Н.**
Охрана труда на Горьковской железной дороге в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период
- 68 **Кищенко М.С., Никифоров Ю.С., Тумаков Д.В.**
Верхневолжские регионы в контексте общесоюзных тенденций: дихотомия взаимодействия местных элит и центра в СССР (вторая половина 1960-х – 1980-е гг.)
- 77 **Безнин М.А., Димони Т.М., Столетова А.С.**
Буржуазные тенденции в социальной жизни и менталитете советского общества 1950–1980-х гг.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- 87 **Васильева Э.В.**
Особенности хронотопа в новоанглийской готике: «Дом о семи фронтонах» Н. Готорна и «Призрак дома на холме» Ш. Джексона
- 93 **Марков А.В.**
Эль Греко в русской поэзии
- 102 **Крашенинникова О.А.**
Подметное письмо XVIII в. как факт литературы
- 109 **Осипова Е.А.**
«Мысли по вопросам всеобщей истории» А.С. Хомякова в духовно-культурном контексте сербской традиции

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

- 8 **S.A. Kabatov, Ye.A. Kabatova**
Source-historiographical study of the existence of the second Kostroma Kremlin (article 1)
- 21 **V.N. Benda**
Clothing and financial support for the personnel of artillery and engineering units in the first quarter of the 18th century
- 27 **O.S. Mutiyeva**
Reflection of the events of the Caucasian War in women's letters (in terms of Dagestan)
- 32 **I.V. Frolova**
Organisational and legal support for refugees during World War I (in a provincial town)
- 38 **M.B. Krapiventseva**
Tula arms factory workers technical training on a part-time basis in the 1920s
- 43 **Ye.Ye. Abekhtikov**
On the contradictions in the Proletkult
- 47 **A.V. Aver'yanov**
On the issue of the administrative-territorial structure of national minorities in the Terek district of the North Caucasus region
- 53 **N.V. Dimitrenko**
Activities of Soviet intelligence to obtain information in the field of military bacteriology in 1936–1937
- 58 **V.S. Okolotin**
Production of military products at enterprises cooperative and local industry of Ivanovo Region in 1941–1942
- 64 **A.N. Kezhutin**
Labour protection on Gorky railway during the World War II and in the postwar period
- 68 **M.S. Kishchenkov, Yu.S. Nikiforov, D.V. Tumakov**
The regions of the Upper Volga in the context of all-Union trends: contradiction of interaction between local elites and the centre in the USSR (second half of the 1960s to the 1980s)
- 77 **M.A. Beznin, T.M. Dimoni, A.S. Stoletova**
Bourgeois tendencies in the social life and mentality of the Soviet society of the 1950s to 80s.

SCIENCE OF LITERATURE

- 87 **E.V. Vasil'yeva**
On the peculiarities of chronotope in New England Gothic: *The House of the Seven Gables* by Nathaniel Hawthorne and *The Haunting of Hill House* by Shirley Hardie Jackson
- 93 **A.V. Markov**
El Greco in Russian poetry
- 102 **O.A. Krasheninnikova**
Anonymous letters of the 18th century as a fact of literature
- 109 **Ye.A. Osipova**
«Thoughts on Universal History» by Aleksey Khomyakov in the spiritual and cultural context of the Serbian tradition

- 118 Казакова С.К.**
Человек и мир в русском романе:
метаморфозы героев «Обыкновенной истории»
И.А. Гончарова
- 125 Зубков К.Ю., Тихомиров В.В.**
Неизвестный отзыв А.В. Никитенко
о комедии А.Н. Островского «Лес»
в истории рецепции пьесы
- 132 Михновец М.В.**
Особенности формирования образа Кавказа
в творческом сознании Достоевского
- 138 Романова Г.И.**
Л.Н. Толстой о литературе:
история и перспективы изучения
- 144 Микурова П.Л.**
Тема блокадного Ленинграда в письмах
О.М. Фрейденберг Б.Л. Пастернаку
первой половины 1940-х годов
- 149 Никитина Т.Ю.**
Эволюция сюжета в лирике Арсения Тарковского
1930–60-х годов: «Гостья-звезда», «Перед снегом»
- 154 Жиликов С.В.**
Стихотворение «Памяти...» как самостоятельная
жанровая форма в лирике И. Бродского
- 160 Гримова О.А.**
Рецептивная модель «повествования-квеста»
в повести М.П. Шишкина «Слепой музыкант»
- ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ**
- 166 Гринько А.А.**
К вопросу о формах осуществления функций
современного государства
- 172 Тихалева Е.Ю.**
Проблемные вопросы обеспечения национальной
безопасности на региональном уровне
- 178 Зыкова О.А.**
Реестр конечных бенефициаров как правовой меха-
низм отслеживания реального владельца компании.
Опыт в России и за рубежом
- 184 Чекулаев С.С., Гордеев К.В., Леонов М.Р.**
К вопросу об алиментных фондах как способе
обеспечения детей: зарубежный опыт
- 190 Басова А.В.**
Медиация в здравоохранении: проблемы примене-
ния и перспективы
- 195 Хлыстова Н.Б.**
Эффективность уголовно-правовых санкций
и сингулярность уголовного права
- 199 Кобзарев Ф.М.**
О новом законодательном уточнении полномочий
прокурора в досудебных стадиях уголовного судопро-
изводства
- 204 Бабичев Д.А.**
Законность решений, принимаемых субъектами
оперативно-розыскной деятельности:
к вопросу о юридической природе
- 212 Джамилъ Э.З.**
Праворегулирующий потенциал Постановления
Конституционного суда Российской Федерации от
6 декабря 2018 года № 44-П
- 217 Мельников И.Н., Климова А.Ю.**
Актуальные вопросы совершенствования контракт-
ной системы государственных закупок в Россий-
ской Федерации на современном этапе

- 118 S.K. Kazakova**
Man and the world in the Russian novel –
metamorphoses of heroes
of «A Common Story» by Ivan Goncharov
- 125 K.Yu. Zubkov, V.V. Tikhomirov**
Unknown review by Aleksandr Nikitenko
of the comedy *The Forest* by Alexander Ostrovsky
in the receptive history of the play
- 132 M.V. Mikhnovets**
Formation of the image of the Caucasus
in Fyodor Dostoevsky’s creative personality
- 138 G.I. Romanova**
L.N. Tolstoy about literature:
history and prospects of study
- 144 P.L. Mikurova**
The theme of besieged Leningrad in the letters
of Olga Freidenberg to Boris Pasternak
in the first half of the 1940s
- 149 T.Yu. Nikitina**
The evolution of plot in Arseny Tarkovsky’s lyrical
poetry of 1930–60s: «Guest-Star», «Before Snowing»
- 154 S.V. Zhilyakov**
The poem «In Memoriam...» as an independent genre
form in the poetry of Joseph Brodsky
- 160 O.A. Grimova**
The «quest narrative» receptive model
in Mikhail Shishkin’s story «Blind musician»
- JURAL SCIENCE**
- 166 A.A. Grin’ko**
On the question of the forms of implementation
of the functions of the modern state
- 172 E.Yu. Tikhaleva**
The problem issues of ensuring national security at the
regional level
- 178 O.A. Zyкова**
Register of ultimate beneficiaries as a legal mechanism
for tracking the real owner of the company.
Experience in Russia and abroad
- 184 S.S. Chekulayev, K.V. Gordeyev, M.R. Leonov**
The issue of alimony funds as a way of providing for
children: foreign experience
- 190 A.V. Basova**
Mediation in health care: problems of application and
prospects
- 195 N.B. Khlystova**
The effectiveness of criminal sanctions
and singularity of criminal law
- 199 F.M. Kobzaryov**
On the new legislative clarification of the powers
of the prosecutor in the pre-trial stages of criminal
proceedings
- 204 D.A. Babichev**
Legality of decisions taken by the subjects of
operational and investigative activities: on the question
of the legal nature
- 212 E.Z. Dzhamil’**
Law-regulating potential of the Resolution of the
constitutional Court of the Russian Federation
No. 44-П as of December 6, 2018
- 217 I.N. Mel’nikov, A.Yu. Klimova**
Topical issues of improving the contract system
of public procurement in the Russian Federation
at the present stage

221 Бриль Г.Г., Зайцев Л.Н.

Политическая полиция в Костромской губернии
и её кадровый состав в 1826–1867 гг.

228 Зайцев А.В.

Из истории следственных органов в Костромской
губернии (дореволюционный период)

234 ТРЕБОВАНИЯ

К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

221 G.G. Bril', L.N. Zaytsev

Political police of Kostroma Province
and its cadre personnel in 1826–1867

228 A.V. Zaytsev

From the history of investigative bodies in Kostroma
Province (pre-revolutionary period)

234 REQUIREMENTS

TO REGISTRATION OF ARTICLES

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-1-8-20
УДК 94(470.317)

Кабатов Сергей Александрович
Костромской государственной университет
Кабатова Елена Анатольевна
Костромской государственной университет

ИСТОЧНИКО-ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ВОПРОСА СУЩЕСТВОВАНИЯ ВТОРОГО КОСТРОМСКОГО КРЕМЛЯ (СТАТЬЯ 1)

Вопрос датировки городского поселения, если его дата не имеет четкого и конкретного письменного подтверждения, всегда очень проблематична и сложна. Его решение требует привлечения максимально широкого спектра данных. Настоящее исследование представлено блоком статей, в которых предпринимается попытка освещения историко-историографического изучения вопроса существования второго костромского кремля, включая новейшие археологические данные 2016–2017 гг., на территории Старого города второго костромского кремля. В исследовании поднимаются вопросы: условий, специфики и датировки основания первого и второго костромских кремлей, характер их застройки; условия обретения Костромой Феодоровской иконы Божьей Матери и места ее хранения в обоих кремлях. Отдельно рассматривается вопрос о месте, времени и условиях строительства Успенского собора, поскольку на сегодняшний день только исследования условий и датировки его строительства могут пролить свет и на дату основания Старого города второго костромского кремля. Статья № 1 является началом данного блока исследований, отсылающим нас к истокам решения данной проблематики.

Ключевые слова: Костромское Поволжье, Кострома, первый костромской кремль, Старый город второго костромского кремля, Ростово-Суздальское княжество, Новгород Великий, славянская колонизация.

Информация об авторах: Кабатов Сергей Александрович, кандидат исторических наук, доцент, заведующий лабораторией археолого-этнологических исследований, Костромской государственной университет, г. Кострома, Россия.
E-mail: kabatov74@mail.ru.

Кабатова Елена Анатольевна, инженер лаборатории археолого-этнологических исследований, Костромской государственной университет, г. Кострома, Россия.

E-mail: kabatova@bk.ru.

Дата поступления статьи: 05.02.2020.

Для цитирования: Кабатов С.А., Кабатова Е.А. Историко-историографическое изучение вопроса существования второго костромского кремля (статья 1) // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 1. С. 8-20. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-1-8-20.

Sergey A. Kabatov
Kostroma State University
Yelena A. Kabatova
Kostroma State University

SOURCE-HISTORIOGRAPHICAL STUDY OF THE EXISTENCE OF THE SECOND KOSTROMA KREMLIN (ARTICLE 1)

The question of dating an urban settlement, if its date has no clear or specific written confirmation, is always very problematic and complicated. Its solution requires the use of the widest possible range of data. This research is presented in a block of articles that attempt to cover the source-historiographical study of the existence of the second Kostroma Kremlin, including the latest archaeological data from 2016-2017 on the territory of the Old city of the second Kostroma Kremlin. The study raises questions about the conditions, specifics and dating of the foundation of the first and second Kostroma Kremles, their nature of development, the conditions for obtaining the icon Our Lady of Saint Theodore in Kostroma and its storage location in both Kremles. The question of the place, time and conditions of the construction of the Assumption Cathedral is considered separately, since only research on the conditions and dating of its construction can shed light on the date of the foundation of the Old city of the second Kostroma Kremlin. Article 1 is the beginning of this block of research, which refers us to the very beginning of solving this problem.

Keywords: Kostroma Povolzhye, Kostroma, first Kostroma Kremlin, Old city of second Kostroma Kremlin, Rostov-Suzdal Principality, Novgorod Great, Slavic colonisation.

Information about the authors: Sergey A. Kabatov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, head of the laboratory of archaeological and ethnological research, Kostroma State University, Kostroma, Russia.

E-mail: kabatov74@mail.ru.

Yelena A. Kabatova, engineer of the laboratory of archaeological and ethnological research, Kostroma State University, Kostroma, Russia.

E-mail: kabatova@bk.ru.

Article received: February 5, 2020.

For citation: Kabatov S.A., Kabatova E.A. Source-historiographical study of the existence of the second Kostroma Kremlin (article 1). Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 1, pp. 8-20 (In Russ.). DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-1-8-20.

Возникшее во второй половине IX в. Древнерусское государство объединило в своих границах земли, занятые разноплеменным населением. Включение Костромского края в состав древнерусских территорий явилось составной частью общего славянского освоения новых земель, приобретшего с середины XI в. и особенно в начале XII в. характер массового движения в так называемые «новые земли». Первые упоминания о Костромском крае, точнее о его городских центрах, относятся к началу XIII в. Появление редких городов ознаменовало изменение политического статуса региона. Одновременно с этим происходит сложение качественно новой системы сельского расселения, документированной распространением курганных могильников и связанных с ними поселений [Кабатов 2012: 317].

Выделяются два пути освоения Костромского Поволжья русским сельским населением. В первую очередь, это выходцы из «низовских» земель, то есть из земель Ростово-Суздальского (Владимирского) княжества, в состав которого входит и Костромской край. Освоение проходило из бассейна р. Нерли Клязьминской и междуречья Нерли и Уводи. Верховья последней, в свою очередь, близко подходят к истокам р. Солоницы, которая впадает в костромской отрезок р. Волги. Первый путь был восстановлен по компактным группам могильников. Второй путь идет со стороны северо-западных русских земель, с новгородско-псковских территорий. Появление новгородцев отмечено археологическими памятниками X–XIII вв., известными на левых притоках Волги: Медведице, Мологе, Шексне, Колпи, Суде. Лексическая зона, отражающая, кроме археологического материала, появление новгородцев, охватывает течение р. Костромы и бассейны Галичского и Чухломских озер. Некоторые следы новгородского языкового влияния прослеживаются и на остальной части Костромского Поволжья, но лишь в отдельных элементах, при господстве лексики, сложившейся на основе ранних владимирских (ростово-суздальских) говоров [Кабатов 2012: 317–320]. «В X в. выходцы новгородские, следуя по течению р. Волги, впервые явились в устьях р. Костромы и покорили туземное племя, которое с тех пор слилось со славяно-русским и утратило уже навсегда свой самобытный характер» [Рогов: 14]. Среди многих деревень Костромского края с финскими названиями в начале XX в. часто встречались деревни с чисто славянскими названиями: «Русиновка» – недалеко от г. Плесы, в 5 в. от с. Семеновского на Колдоме Кинешемского уезда, в 3 в. от Духа и в других местах, «Русиха» – в 5 в. от с. Ивановского Нерехтского уезда, «Русениха», «Славены» в Кологривском уезде, «Киево», Нерехтский уезд, «Москвиниха» Юрьевецкого уезда и т. п.» [Лебедев: 16].

О проникновении в окрестности г. Костромы выходцев из Новгородской земли свидетельствует вещевая материал погребений. Именно здесь сконцентрирована подавляющая часть ромбоцитковых височных колец «новгородского типа». Еще более отчетливо связи Костромского региона с северо-западом Руси доказывает представительная серия изделий прибалтийско-финского происхождения – вертикальные игольники, фибулы карельского типа и т. д. Судя по распространению курганов с каменными обкладками и характерных украшений, потомки новгородцев могли проникать и ниже по течению р. Волги. Характерные признаки новгородских бытовых предметов, с некоторыми территориальными отличиями, прослеживаются в материалах селища Вёжи, в слоях периода конца XIV–XVII вв. Завидное сходство присутствует в кожевенном и сапожном ремесле при изготовлении поршней, мягких туфель, полусапожек, сапог, кожевенных рукавиц [Кабатов 2006: 70–84]. Сравнительный анализ техники строительства построек, как жилых, так и хозяйственных, дворовая застройка [Кабатов 2004: 67–121] – все это делает возможным констатацию схожести, а возможно, и преемственности с техникой домостроительства новгородских земель [Кабатов 2011: 222–248].

Что касается вопроса о начале строительства Костромы как городского поселения, точных данных мы не имеем, поскольку Кострома – один из тех городов Ростово-Суздальской земли, о начале которых нет прямых известий в летописях. В первый раз о г. Костроме упоминается в списках Воскресенской и Тверской летописей под 1213 г. в повествовании о том, как в усобицу между сыновьями великого князя Всеволода III (Большое Гнездо), Константином Ростовским и Юрием Владимиро-Суздальским, из-за великокняжеского Владимирского стола город Кострома был сожжен Константином как пограничный город, принадлежавший волости его брата Юрия, а жители Костромы отведены в плен в г. Ростов [ПСРЛ 7: 119; ПСРЛ 15: 313]. Следуя данному свидетельству, можно утверждать лишь то, что если Кострома как город существовал в начале XIII в., то основание его следует относить к периоду не позднее XII в.

Некоторые историки-краеведы допускают возможность того, что г. Кострома был основан мерянскими племенами в пору начавшейся славянской колонизации (во второй половине IX в.); по мнению С.М. Соловьева [Соловьев: 149], он появился позднее, «в эпоху стремления северных князей распространить славянскую колонизацию вниз по Волге» (особенно при Юрии Долгоруком, умер в 1157 г.), и имел население, смешанное из мерян и славян. Другое древность происхождения Костромы пытались найти в названии города, причем, по одному мнению, с названием «Кострома», будто бы, неразлучно связано указание на

крепость или понятие о ней. Так, например, граф Уваров в своем исследовании «О быте мерян по курганным раскопкам» [Уваров: 47] название Костромы производит от слова «костр», «кострыга», что значит крепость, укрепленное место. «В таком именно значении, говорит он, Кострома встречается в наших летописях, особенно в Псковских [ПСРЛ 5: 153]. Окончание же «ма» он сближает с мордовским «мае» – красивый; отсюда все название Кострома будет означать «красивую крепость». Причем эта крепость первоначально, по мнению большинства местных историков, будто бы находилась не на настоящем месте, а на правом нагорном берегу р. Волги против теперешних соборных домов и храмов [Миловидов: 6, пр. 2].

Вслед за И. Миловидовым некоторые исследователи на основании подобного объяснения стали приписывать городу уже славянское происхождение, объясняя это следующим. «В старину у наших предков, славян-язычников, словом «Кострома» называлось божество весны, или «Весняк», которое олицетворяло (как и божества Купало и Ярило) живительные силы природы. В частности, «Костромой» называлась девица, избранная для купальского игрища, представляющая собой божество Кострому, а в других местах, например в Муромском уезде, таким олицетворением божества было его чучело, кукла, наряженная в женское платье, приготовленное из соломы и из сорных трав и прутьев (так как в областных говорах слово «Кострома» означает прут, ветвь и растущие во ржи сорные травы). От обрядов похорон божества «Кострома», издревле принадлежавших купальским игрищам и распространенных у славян как на юге, так и на севере Руси, и получили название как город, жителями которого в языческой древности совершались празднества и обряд похорон Костромы в реке, так и самая река, впадающая в Волгу близ этого города» [Лебедев: 15]. Если признать справедливость этого объяснения, то возникновение города Костромы, имевшего первоначально смешанное население из мерян и славян, можно с достоверностью относить ко времени не ранее второй половины IX в., периоду проникновения в Костромское Поволжье славянской колонизации!

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает предположение историка А. Козловского. Он определяет происхождение слова Кострома от г. Остра в 60 в. от Чернигова, вниз по р. Двине, или от литовского г. Костра (недалеко от Юрьева – Дерпта), или, наконец, от Кострума – замка на месте Ревеля, который по топографической характеристики местоположения (морской берег) несколько походит на город Кострому, особенно в весеннее половодье. Он видит в названии Костромы заимствование из названий юго-западных городов. В самом названии всех упомянутых западных и юго-западных городов один корень с латинским или романским

словом «castrum» – укрепленный лагерь, крепость. Кострома в период своей ранней истории была крепостью. Такое наименование городу Козловский приписывает великому князю Долгорукому, и ему же он, вслед за историком Татищевым [Татищев: 76], приписывает и основание самого города (1152) [Козловский: 6–8]. Действительно, сын Владимира Мономаха Юрий (Георгий), прозванный Долгоруким, основал около XII в. Суздальское княжество, где строит города, которым дает названия городов южного края: Юрьев-Польский или «в Поле» в 1150 г. (в отличие от Юрьева Волынского), Переславль-Залесский (схож с Переяславлем Полтавским), Дмитров, 1154 г. (по имени сына Юрия – Дмитрия), Галич Мерский в отличие от Галича на Днестре, и другие [Татищев: 76; Козловский: 6]. Подобно этому, основав г. Кострому, или, скорее, укрепив это ранее основанное поселение, он, естественно, мог спроецировать на него название какого-нибудь уже хорошо известного ему города южной или западной России. В летописях в ряде городов, построенных Юрием Долгоруким, Кострома не упоминается, но это не может исключать возможность строительства или, по крайней мере, наименование г. Костромы именно этим князем [Соловьев: 257; Ключевский: 246–248].

В пользу этой мысли Д.И. Лебедев обращает внимание на следующее обстоятельство. Известия об основании городов сопровождаются в летописях нередко известиями и о построении церковей. Причем заметно, что в наименовании церковей так же, как и в наименовании городов, Юрий Долгорукий выразил тоже любовь к своей родине – юго-западному краю. Так, например, во Владимире, Переяславле, Суздале, Угличе и Галиче он, в память своей родины – Чернигове, строил соборы в память Преображения Господня, соименные Черниговскому Преображенскому собору [Журнал Министерства народного просвещения: 15]. Названия некоторых рек во Владимиро-Суздальском княжестве также указывают на юго-славянское происхождение, например Лыбедь и Почайна в Киеве и во Владимире, Ипрень – приток Днепра в Киевской земле, и Ипренью же называется приток Клязьмы во Владимирском уезде, Сула в г. Костроме и в южной России близ Клязьмы [Козловский: 134, пр. 4]. В частности, название Костромы повторяется в трех различных формах и в соседней Владимирской губернии, которую заселил юго-западными выходцами князь Юрий Долгорукий: Костромино – деревня в Александровском уезде недалеко от р. Дубны, Костромиха Суздальского уезда на р. Нерли и Кострочица в Гороховецком уезде [Уваров: 12], а в летописи по Ипатьевскому списку под 1258 г. упоминается сходное с названием Кострома урочище «Коструга» в Волынской губернии [Миловидов: 16; Баженов: 16]. Очевидно, проецирование южнорусской географической то-

понимки на отдаленный Суздальский север было делом и других переселенцев, мигрировавших сюда с Киевского юга.

Таким образом, Тагищев, Козловский, протоирей М. Диев [Диев 1889: 24; Лебедев: 13–17] полагают, что название Кострома дано городу Юрием Долгоруким, который вместе со многими другими выстроенными им городами если не вновь основал, то по крайней мере укрепил этот город по образцу других древних городов-крепостей и дал ему новое имя «Castrum-a» [Ключевский, 1: 257], имеющее корень в языке романских народов.

Со времени Юрия Долгорукого и до 1207 г. город Кострома принадлежит к великому княжению Владимирскому¹. В этом году великий князь Всеволод Юрьевич (Большое Гнездо) отдает Ростов с другими пятью городами в удел своему старшему сыну Константину (Мудрому) [ПСРЛ 1: 183; Тагищев: 362; ПСРЛ 7: 115]. Летописец не называет этих городов, но из позднейших делений Московского княжества многие историки делают вывод, что эти города были: Ярославль, Белоозеро, Углич-Поле, Устюг Великий (а может быть, и Галич) и Кострома [Корсаков: 150; Диев: 67; Миловидов не признает Кострому в числе 5 городов, данных Всеволодом Константину, а полагает, что Кострому он оставил себе [Миловидов: 24–25]. В 1212 г. «Всеволод Юрьевич наче изнемогати» и послал в Ростов за Константином, чтобы его, как старшего, «благословить» великим княжением Владимирским, Ростов же дать второму сыну Юрию. Но Константин не пожелал расстаться со своей родиной Ростовом; он три раза просил отца: «Даждь ми старый, начальный город Ростов, и к нему Владимир». Но просьба его успеха не имела: «Князь великий Всеволод, вследствие его упорства, не благослови его», а по совету с боярами завещал перед смертью великое княжение второму сыну, Юрию [ПСРЛ 10: 63–64; Иловайский: 233–234], которому, надо полагать, в то же время возвратил от Константина и Кострому как пограничный город Владимирского княжества. В 1213 г. Всеволод умер, не помирившись со старшим сыном, Константином, который, в гневе на предсмертное решение отца, не приехал даже на его погребение [Летописец Переяславско-Суздальский 41: 110]. После этого начались «усобицы» между Константином и Юрием, вылившиеся в открытую междоусобную войну. Костромичи встали на сторону Юрия Всеволодовича и дали ему значительную помощь, за что Константин излил свой гнев на Костроме, отрядив против костромичей большой отряд, пожег город и взял многих жителей в плен [Летописец Переяславско-Суздальский 41: 111; Карамзин: 143; Тагищев: 376; Крживоблоцкий: 2; Миловидов: 26]. В 1222 г. Константин разбил войско своего брата под Юрьевом и, сделавшись великим князем, подчинил Кострому себе. Но это продолжалось недолго.

Перед смертью (2 февраля 1219 г.) он возвратил в 1218 г. Владимирский престол Юрию, приказав детям своим чтить Юрия как второго отца, при этом 18-летнему своему сыну Васильку (Василию) он дал в удел города Ростов и Кострому. Под властью Василька Кострома находилась до нашествия Батгя – 1237 г. Часть исследователей [Тагищев: 415, прим. 600; Крживоблоцкий: 2; Островский 1855: 3; Миловидов: 26–27; Экземплярский 2: 263] утверждают, что Кострома в 1218 г. не была отдана во владение Васильку, а всю первую половину XIII в. не выходила из-под власти великого князя владимирского.

В 1237 г. татары, разорив Владимир, двинулись на север несколькими отрядами, один из которых направился к Городцу, Костроме и Галичу. В течение февраля 1237 г. татары разорили и сожгли 14 городов, в числе которых Ярославль и Кострома². На территории Костромского Поволжья от данных разорительных походов пострадали не только города, но и сельское население. Так, после этих погромов в крае, по археологическим данным, вполовину сокращается количество сельских поселений, а местоположение новых, вновь образующихся поселений, меняется с учетом предъявления к территории новых топографических требований – селища «ушли» к истокам рек, в менее доступные и проходимые территории [Кабатов 1998: 37–43; Кабатов 1998: 62–66; Кабатов 1998: 56; Кабатов 1999: 91–93; Кабатов 2004: 48–74; Кабатов 2005: 5–22]. При р. Сити, в 32 км выше по течению от впадения ее в Мологу, Василько с братом Владимиром стал под знамена великого князя Юрия II Всеволодовича. Русские бились, как львы, но уступили многочисленной войску татар: великий князь Юрий пал в битве, а Василько, взятый татарами в плен, был убит ими в Шеронском лесу [Воскресенская летопись 7: 142]. После этого Кострома снова соединилась с великим княжеством Владимирским, престол которого занял после смерти Юрия (Георгия) Всеволодовича по старшинству следующий брат, Ярослав Всеволодович (1238–1246).

После разорения Владимиро-Суздальского княжества Батгем в 1237 г. владеть княжеством стал великий князь владимирский Ярослав Всеволодович (1191–1246). О его начальной деятельности в этом крае летописец [Воскресенская летопись 7: 143] повествует следующее: «Ярослав, сын великого князя Всеволода Юрьевича, пришел из Киева, седе на столе в Володимере и обнови землю Суздальскую и церкви, очисти от трупия мертвых, и кости их сохранив, и пришельцы утешил, и люди много собрал, и бысть радость велика христианам». В чем именно состояло обновление земли Суздальской, об этом тот же летописец в другом листке пишет: «Ярослав Всеволодович по Батгеев пленении прииде с детьми своими (на Владимирское княже-

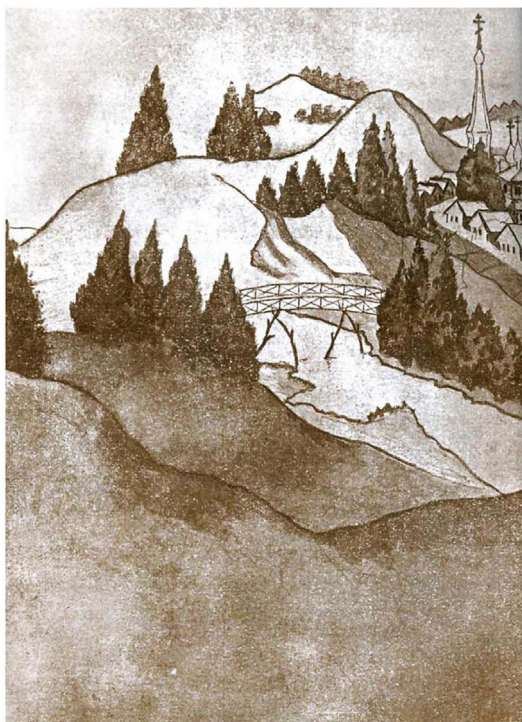


Рис. 1. Кострома (первый кремль) в окрестностях реки Сулы.

Фрагмент старинной иконы [Лебедев: 20]

ние. – С. К.) и нача грады, разоренные от Батыя, ставити по своим местам, и на Волге постави город (перенес с левого, затопленного Волгою и Тверцею берега, на правый, высокий. – С. К.) и наименова его Тверью, по Тверце реке³, а наперед того в том месте град не был» [Воскресенская летопись 7: 245]. В числе многих разоренных татарами и обновленных этим великим князем городов была и Кострома.

Причина особого внимания Ярослава Всеволодовича к Костроме и его мотивация восстановления города заключалась в желании дать приличный город в удел родившемуся у него в 1241 г. девятому сыну, Василию, после того как все другие дети уже получили от него устроенные города. Восстановив город, князь не только обновил фортификационную систему первого костромского кремля (рис. 1), но и построил несколько храмов, посвятив главный из них тому святому, имя которого сам получил в таинстве крещения – Фёдору Стратилату; имя Ярослава он носил как мирское [Воскресенская летопись 7: 101].

В.А. Кучкин относил основание Костромы, Нерехты, Соли Великой и Унжи к годам княжения сына Юрия II, Всеволода (Большое Гнездо), то есть к периоду между 1176 и 1212 г. [Кучкин: 93–94]. После смерти Всеволода Кострома вошла в состав Владимирского княжения Юрия Всеволодовича и оставалась в его составе до 1247 г. когда великий князь Святослав Всеволодович «сыновци свои посади по городом, якоже бе им отец оурядил Ярослав», то есть распорядился по завещанию своего

старшего брата Ярослава наделить уделами его сыновей. Кострома, город слишком значительный (сильно разоренный), досталась самому младшему из детей Ярослава – Василию, которому на тот момент было около пяти лет (он родился в 1241 г.). Кучкин считал, что «фактически Кострома стала центром особого княжества несколько позже, примерно в середине 50-х годов XIII в.», то есть по достижении князем Василием Ярославичем совершеннолетия [Кучкин: 119].

Местные историки-краеведы (Миловидов, Баженов) считали, что г. Кострома до этого времени находился не на левой стороне Волги, а на правой, на месте нынешнего с. Городища, расположенного на противоположном крутом берегу. Основание этому, по их мнению, дает название села – Городище. Кроме того, подтверждением для них их гипотезы явилась работа 1872 г. графа Уварова⁴. Время основания на этом месте Костромы, по их мнению, следует относить к середине IX в., поре начавшегося слияния финских племен со славянскими, а перенесение города на левый берег Волги – ко времени великого князя Ярослава Всеволодовича [Миловидов: 11–35; Баженов: 5–6].

Трудно согласиться с этим мнением. Селений с названием Городище, Городок в XVIII – начале XX в. как в Костромской, так и в соседних губерниях – Ярославской, Нижегородской и Московской – было известно довольно много. По сведениям того же И. Миловидова, на рубеже XIX–XX вв. в Ярославской губернии Городищ насчитывалось более 15 [Миловидов: 12]. Д.И. Лебедев сообщает о наличии «в Костромской губернии... 14 Городищ. Костромского уезда – Городище в приходе с Буракова, в 2 верстах от этого села; Гороженицы в приходе с. Сойкина, в 2 верстах; Городино в приходе с. Буякова; Солигаличского уезда – Городищево в приходе с. Гусева в 69 верстах; Макарьевского уезда – Городище в приходе с. Бовыкина в 5 верстах и Острога (усад.) в ¼ версты; Кологривского уезда – Городище в приходе с. Матвеева в 4 верстах; Шири в 1 версте и Верхнемежского в 5 верстах; Городищево в приходе с. Верхневолостного в 1 версте; Городок в приходе с. Покровского в 2 верстах; Кинешемский уезд – Городище в приходе с. Лезговца в 4 верстах; Гороженица в приходе с. Воздвиженского в 1 версте» [Лебедев: 22].

Кроме того, проведенная за последние десятилетия серия охранно-спасательных археологических работ различными организациями не выявила ни единого свидетельства наличия здесь средневекового города.

В контексте данного вопроса в дореволюционной историографии в понятие термина «городище» вкладывалось следующее: укрепленное поселение с обязательной системой фортификации или крепость (сторонник идеи Уваров), где проживает княжеская знать; место проведения определенных

культовых обрядовых действий; места захоронений. Второго мнения придерживались Анучин, Погодин, Срезневский и Хадаковский⁵, третьего мнения – Котляревский [Вестник Московского археологического общества 1: 66].

Лебедев в 1913 г. подвергнув критическому анализу всю существующую на тот момент источник-историографическую базу по данному вопросу, приходит к следующему. Представители славянской колонизации в Костромское Поволжье, как народ более промышленный и предприимчивый, предпочитали селиться по берегам больших рек, при впадении в них притоков; особенно это можно сказать про новгородских колонизаторов. Владимиро-суздальские князья в период быстрого расцвета славянской колонизации предпочитали основывать города тоже около больших озер и рек, при впадении в них больших притоков. Он обращает внимание на то, что города XII и XIII вв. этого региона основаны по р. Волге: Зубцов в устье Вазузы, Тверь (в начале своего существования) – в устье Тверцы, Молога – реки того же имени, Княгинин – в устье р. Нерли, Ярославль – Которосли, Юрьевец – Унжи, Нижний Новгород – в устье р. Оки и так далее. Расположенные при впадении больших притоков в Волгу, эти города, естественно, делались торговыми пристанями и рынками для соседних областей, а по водным путям могли удобно сообщаться с другими городами внутри страны. То же, по его мнению, можно сказать и про Кострому, начало основания которой исследователь относит к XII в. Расположенный в устье р. Костромы, этот город имел важное значение, контролируя стратегические и торговые пути по р. Вексе (приток Костромы) с Галичем Мерьским, расположенным на озере Чухломском (исток Вексы), а также был хорошо защищен Волгой от нападения врагов с южной стороны [Лебедев: 22–23]. Кроме того, Лебедев считал, что маловероятен тот факт, что Ярослав Всеволодович, начав отстраивать Кострому после разорения ее Батыем в 1237 г., вряд ли оставил бы старое место кремля и отстроил бы ее на прежнем месте. Но поскольку Кострома после разорения воссоздавалась на левом берегу (рис. 2),

на левом берегу при впадении р. Костромы в Волгу она изначально, до 1237 г., и возникла [Лебедев: 23]. Указанное местоположение на левом берегу между реками Сула и Кострома, впадающими в Волгу, являлось наиболее выгодным и в стратегическом, и в торгово-промышленном отношении, нежели участок правого берега – совершенно открытый и удобный для нападения с южной стороны. Участок между Сулой и Костромой с трех сторон был окружен водой: с южной стороны текла р. Волга, с западной – р. Кострома, с восточной – р. Сула, а с северной стороны прилегал непроходимые лесные дебри и болота, где жители могли в особо крайнем случае укрыться от врага (рис. 2)⁶. С самого начала город Кострома, считает исследователь, была основана при впадении реки того же имени в Волгу, причем не город получил свое название от притока Волги, а р. Кострома получила свое наименование от города. Вполне естественно, что соответственно своему названию (*Castrum*) и благодаря своему удачно выбранному топографическому положению Кострома в период своего существования (*как первый кремль, так и второй*) была укрепленным городом; особенно она была усилена фортификационными сооружениями, приняв вид крепости, со времени княжения Ярослава Всеволодовича (умер в 1246 г.) и после него.

Кострома была назначена в удел последнему из девяти сыновей Ярослава Всеволодовича, Василию, так называемому Мизинному, при его рождении в 1241 г. [Островский: 2]. К этому же князю Василию в 1272 г. перешло и звание великого князя, почему в летописных известиях этого времени в первый раз появляется название «великий князь костромской Василий». Желая наградить своего малолетнего сына этим городом, Ярослав Всеволодович не мог дать ему разоренный, в развалинах город и постарался обустроить его по образцу городов, данных другим детям, которые, будучи уже взрослыми, сами могли заняться благоустройством своих городов, данных им во владение отцом.

Возникает естественный вопрос, какой вид имела Кострома того времени? К сожалению, ни письменных, ни археологических⁷ данных об этом



Рис. 2. Первый костромский кремль. XVII в. [Лебедев: 29]

мы пока не имеем и можем судить об этом лишь по аналогии с другими, соседними городами Владимиро-мировского княжества этого времени, например Ростовом, Владимиром, Ярославом. В соответствии с архитектурными нормами того времени, предьявляемыми к строительству городов, г. Ростов, как известно из летописей, состоял из кремля, «рубленого» города (укрепленного бревенчатыми стенами) и города «земляного» (внешнего, обведенного валом с деревянным тыном со стоячими заостренными бревнами) и деревянными боевыми башнями и воротами. К земляному городу примыкали посады и слободы. Внутри «рубленого города» («детинца»), стояли деревянные княжеские и боярские терема и епископские палаты. Тут же находился каменный соборный храм Успения Пресвятой Богородицы и другие большие важные храмы – Михаила Архангела и Иоанна Предтечи [Иловайский: 269]. Подобное устройство имел и стольный город Владимир, который также состоял из внутреннего города/детинца (впоследствии кремля) и внешнего города / острога. Первый назывался «Печерным городом», а второй – «новым». Внутри кремля, почти над самым обрывом Клязьмы, находился соборный храм Успения Богородицы, неподалеку находился княжеский двор; с западной и северной стороны его огибала речка Лыбедь, впадающая в Клязьму [Иловайский: 258–259]. Кремль и детинец в Ярославле располагался на мысу между Волгой, устьем Которосли и ее притоком Медведицей; поселение за Медведицей, обнесенное валом, образовало так называемый Земляной город. В кремле на крутом берегу Волги находились деревянный княжий терем и каменный Успенский собор, построенный известным зодчим Константином Всеволодовичем Ростовским. На территории Земляного города был другой каменный храм, Спасо-Преображенский, с монастырем, заложенным Ярославом Всеволодовичем и оконченный его сыном Всеволодом (Большое гнездо) [Иловайский 2: 270–271].

Логично предположить, что подобное устройство Ярослав Всеволодович придал и восстанавливаемому городу Костроме, а его подростивший сын, первый удельный князь костромской Василий Всеволодович (после смерти своего отца в 1246 г. утвержден по воле отца на Костромском княжестве и преемником Ярослава по великому княжеству Святославом Всеволодовичем) [ПСРЛ 1: 201; ПСРЛ 7: 156; ПСРЛ 10: 134] продолжил градостроительную традицию, характерную для данного территориально-временного континуума.

Под 1241 г.⁸ летописи сообщают о рождении у великого князя Ярослава Всеволодовича сына Василия, а также об утверждении его в 1247 г., после смерти отца (в 1246 г.), на Костромском княжестве [ПСРЛ 10: 134]. Однако затем в продолжение 20 лет летописи почти ничего не говорят о Василии, только под 1266 г. в Никоновской летописи

есть важное для нас сообщение: «в лето 6774/1266 женися князь великий Василей меньшей Ярославич Костромской, внук Всеволож, и венчан бысть в церкви св. Феодора Игнатием, епископом Ростовским, на Костроме» [ПСРЛ 10: 145].

В дальнейшем в летописях и других письменных документах XIII–XIV вв. неоднократно упоминается исключительно только этот храм святого Феодора Стратилата (рис. 1) в различных обстоятельствах исторической жизни Костромы, и выступает он именно как главный соборный храм города. Возникает логичный вопрос о времени строительства этого храма.

В XII и XIII вв. владими́ро-суздальские князья, основывая и укрепляя территорию города своего княжения, обязательно строили соборный храм. Во Владимире, Ростове, Ярославле и других городах в конце XII и начале XIII в. известны не только много деревянных храмов, но даже каменные соборные церкви. Такие соборы и более знаменитые приходские церкви посвящались в большинстве своем памяти Успения Пресвятой Богородицы; например, во Владимире на Клязьме, в Ростове и Ярославле; или Преображения Господня, как, например, в Переславле-Залесском и Нижнем Новгороде, или, наконец, в честь святого, тезоименитого князю-строителю, например во Владимире, в кремле – каменный Дмитровский собор, устроенный Всеволодом III Дмитрием; каменный Георгиевский храм с монастырем, построенный там же Юрием Долгоруким в 1152 г.; соборный храм в честь Георгия Победоносца, устроенный тем же князем в кремле в г. Юрьеве-Польском; Георгиевский храм в г. Юрьевце Поволжском, устроенный в 1225 г. Юрием Всеволодовичем; Михаил Александрович, князь Тверской, строил церкви в честь архангела Михаила. В крепости, заложенной на острове Юсть-Эйланде Петром Великим, в первую очередь была сооружена церковь во имя апостолов Петра и Павла. Согласно данной традиции описываемого времени, костромскому князю Василию Ярославичу было, если можно так выразиться, нелогично строить главный храм в своем городе в честь св. Феодора Стратилата, чтобы затем в нем же венчаться и быть погребенным в нем, как сообщает Воскресенская летопись [Воскресенская летопись 7: 173]. И наоборот, Ярослав Всеволодович (его отец) имеет все основания посвятить главный соборный храм в г. Костроме именно в честь этого святого угодника. Из летописей мы знаем, что князь Ярослав при крещении получил имя Фёдора: «1191 г. родися у великого князя Всеволода сын Феодор, а прозван бысть Ярослав, в Переяславли, февраля 8» [ПСРЛ 7: 101]. Вероятно, Фёдором он был назван в честь св. великомученика Феодора Стратилата, память которого чествуется церковью 8 февраля. Другого князя, который носил бы в период Владимиро-Суздальского княжества имя

Феодора Стратилата, история не знает. Именно это дает основание Д.И. Лебедеву считать, что древнейшая церковь в г. Костроме, находившаяся на месте Богородицкой (разрушена в советское время), или более известной под именем Богоотцовской, построена Ярославом Всеволодовичем в честь святого, имя которого ему было дано при крещении. Как главная городская церковь, она могла быть построена в 1241–1245 гг. [Лебедев: 28].

Топографическая ситуация участка первого костромского кремля (рис. 2), на территории которого был построен храм Святого Феодора Стратилата, между р. Сулой и Кострой, была болотистая и покрыта мхами. Ставить в этом месте кремль и соборный храм было возможным только в случае определенного поднятия уровня дневной поверхности над низменной территорией. По всей видимости, «поднять» землю Ярослав Всеволодович смог насыпной землей из окружающих кремль рвов. Так он возвысил это место и на самом высоком пункте, посреди городской площади, основал храм в честь своего тезоименитого святого. Как правило, в XII и XIII вв. практически отсутствуют свидетельства о строительстве главных соборных храмов в городах не в детинце или кремле города, а за его пределами. Кремлевский собор, окруженный княжескими палатами и воеводскими избами, был всегда главным средоточием церковно-гражданской жизни города. В повести о явлении в Костроме чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери говорится, что икона принесена была в город в соборную церковь во имя великомученика Феодора Стратилата, что на площадке (I и II ред. повести), по прозванию Мшанская улица (I ред. – слово) [Лебедев: 28]. О местоположении храма Святого Феодора Стратилата на городской площади говорят и Писцовые книги (рис. 3) XVII в. [ПКК]⁹. Площадь, где находился храм Святого Феодора Стратилата, даже в условиях совре-

менной топографической характеристики города (северная часть современных кварталов 27, 30, 43 и южная часть современных кварталов 26, 31, 42) имеет некоторое возвышение над прилегающей территорией. А дорегулярное название пролегающей по данному участку города улицы Мшанской¹⁰ свидетельствует, что тут некогда были болота, покрытые мхом. Вплоть до середины XX в. территория, с севера и северо-востока примыкающая к кремлю, была топкая, а в садах частных домов фиксировались остатки прежних больших прудов.

Итак, со времени своего возникновения Кострома входит в состав Великого княжества Владимирского и представляет собой крепость, контролирующую участок волжского пути от Ярославля до Городца Радилова, а также важный путь на север по р. Кострома. Городской детинец, по косвенным данным, находился на высоком, левом берегу р. Волги близ устья р. Сулы, на ее правом берегу (территория современного перекрестка улиц Пятницкой и Островского). В 1966 г. Г.Н. Яблоковой и Т.М. Липсон в строительной траншее близ перекрестка современного проспекта Текстильщиков и улицы Спасокукоцкого были собраны материалы, принадлежавшие разрушенному погребению древнерусского времени. В 1967 г. М.В. Фехнер в том же месте исследовала еще два таких же погребения, что позволяет предполагать здесь наличие курганного могильника XII–XIII вв., насыпи которого давно были спланированы строительными работами. Во 2-й половине 90-х годов С.И. Алексеев проводит серию археологических исследований, которые позволяют констатировать наибольшую мощность культурного слоя на участках, прилегающих к перекрестку современных улиц Островского и Пятницкой, где располагались древнейший детинец города на р. Суле и его посад. Среди находок преобладали обломки глиняных сосудов. Керамика XII–XIII вв. была представлена фрагментами гон-

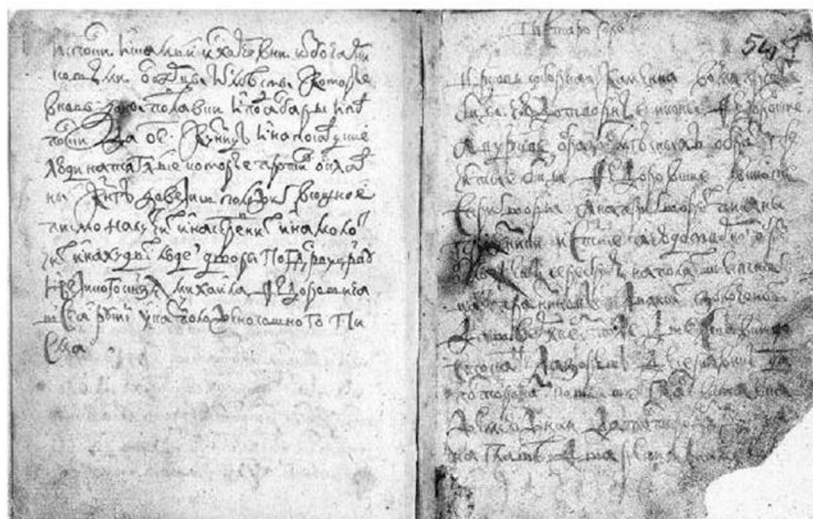


Рис. 3. Список с Писцовой книги¹¹

чарных изделий, преимущественно горшковидных сероглиняных и красноглиняных сосудов с примесями в глиняном тесте дресвы и крупного песка, орнаментированных в верхней части горизонтальными и волнистыми линиями, насечками, оттисками гребенчатого штампа. Шиферные пряслица и четырехконечные кресты-тельники свидетельствовали, по мнению исследователя, о связях Костромы XII–XIII вв. с южными районами Руси, находки янтарных украшений – о связях с Прибалтикой; показательны находки двух железных писал (стилей) в рядовых посадских жилищах. Этим же исследователем на месте современного дома по адресу Пятницкая, 4 при охранно-спасательных работах были выявлены остатки укреплений древнего детинца Костромы на р. Суле и предположительно установлены его размеры. Со стороны покатого склона волжского берега им исследованы остатки рва шириной до 18 м, глубиной до 4 м, шедшего перпендикулярно течению р. Сулы. Поперечное сечение рва имело форму трапеции, внутренняя его сторона была укреплена частоколом. Этот ров, являвшийся частью укреплений западной линии обороны детинца, по размерам и типологически соответствует мощным дерево-земляным крепостям, которые возводились на Руси после сер. XII в. Северо-восточная линия укреплений проходила примерно по современной улице Островского (бывшая Мишанская), северо-западная – по линии бывшей улице Спасской, юго-восточная – вдоль берега р. Сулы. Размеры детинца с северо-запада на юго-восток составляли порядка 160 м, с юго-запада на северо-восток – около 80 м, площадь превышала 1 га. На прилегающей к детинцу территории С.И. Алексеевым были исследованы окруженные заборами в виде частоколов усадьбы городского типа XII–XIV вв., на которых располагались жилые, хозяйственные и производственные постройки, как правило срубной конструкции, а также остатки деревянной мостовой. Среди изученных производственных комплексов – железоплавильные горны и мастерская, в которой изготавливались стеклянные браслеты. В последней обнаружен развал глинобитной печи, где найдены куски белой стеклянной пасты и обломки оплавленных, по-видимому бракованных, стеклянных браслетов, один из железоплавильных горнов, остатки которого имели вид ямы размерами 4,4×3,6 м, глубину 0,6 м., находился внутри сруба. В заполнении ямы найдено большое количество криц, шлака, углей, кусков глиняной обмазки [Алексеев: 12–17].

Примечания

¹ «С 1157 по 1176 г. Кострома находилась во владении великих князей: Андрея, Михаила II, а потом Всеволода III Георгиевичей... Великий князь Всеволод Юрьевич дал в удел Константину Ростов с пятью городами, в числе коих Кострому

и Галич. С того времени города сии присоединились к удельному княжению Ростовскому. По кончине великого князя Всеволода Юрьевича в 1213 г. возникли между сыновьями его, Константином и Юрием, несогласия... отчего и возгорелась между ними война. Константин в 1214 г., собрав войско, послал его по Волге, и Кострому, помогавшую Георгию (Юрию), выжечь... В 1216 г., апреля 25 числа, Константин, победив брата, хотя и восшел на Владимирский престол, но, движимый добротой своего сердца, в сем неприятном положении утешил Георгия, объявив его наследником Великого княжения, и сверх того, дав ему Суздаль, приказал детям своим чтить Георгия как второго отца. При нашествии Батыевым на Россию татары, завоевав Владимир, разделились: одни пошли к Городцу, Галичу и Костроме, другие к Ростову и Ярославлю; сожгли множество городов, в том числе вторично и Кострому» [Козловский: 9–11].

² «В лето 6745/1237 прииде со восточныя страны царь Батый на русскую землю ратью со многими силами без вести месяца февраля в 7 день. И бысть брань велика, разгневание Божие; поплени и высече князей русских и всю землю русскую. Тогда убиша князя Юрия Всеволодовича с детьми и с братаничи, и Владимир сожгли, и много грады плени, Рязань, Коломну, Муром, Суздаль, Юрьев, Ростов, Ярославль, Кострому, Переславль, Москву, Волоколоскую, Дмитров, Тверь, Кашин, и иные множи города; избиха много князей, и княгинь, и мужей, и жен, и детей... не дошед за 100 верст до Новгорода воротитиша у Игнача креста» [ПСРЛ 7: 141; Козловский: 11; Татищев, 1768: 474, прил. 649].

³ Воскресенская летопись относит это к 1238 г. [ПСРЛ 7: 144].

⁴ В исследовании графа Уварова о происхождении и значении городищ между прочим говорится, что городища, находящиеся вблизи мерянских курганов древнейшей эпохи, можно отнести к памятникам того же народа, то есть мерян. Такие курганы находятся большею частью и доселе возле селений или урочищ, носящих названия Городище, Городок и т. п., и само название селений – Городище – показывает связь их с находящейся здесь или бывшей искусственной насыпью. Мы полагаем, говорит далее граф Уваров, что городища, занимая центральное положение и, вероятно, самое лучшее, возвышенное место посредине мерянских поселений, служили укрепленными местами для самих жилищ обитателей. Прямая же связь некоторых городищ с городами как бы подтверждает догадку, что в древнейшие времена городища были населены и составляли первоначальный центр оседлости для будущих городов [Уваров: 94].

⁵ Д.Н. Анучин, описав городища как искусственные земляные сооружения большею частью на берегах рек, на возвышенных местах, окруженные рвами, валами и частоколом, говорит:

«Не всегда городища служили местами поселений; иногда это были места религиозных собраний и жертвоприношений. И теперь еще на многих холмах и возвышенностях стоят церкви, а ранее в дохристианскую эпоху их место занимали языческие мольбища. По-видимому, уже с отдаленной древности с возвышенными пунктами соединялось представление о наибольшей пригодности их для сношения и с духами и богами, может быть, вследствие возвышенного их положения, их большей близости к небу» [Анучин: 24]. Подобный взгляд на значение городищ высказывал Д. Корсаков [Корсаков: 59–60]. Г. Погодин по этому поводу говорит: «Городища – это места богослужения» [Погодин 2: 400] «Городища были святыми оградами или приходскими местами, где свадьбы и другие обряды языческие совершались» [Вестник Европы 20: 280]. «Городища суть памятники древнего богослужения» [Записки Одесского общества 2: 533].

⁶ Название самой р. Костромы было мало известно даже в первой половине XIV в. В рукописи, носящей заглавие «Воскресенская летопись, что у Соли-Галичской», говорится, что галичский князь Феодор Семенович, основатель Солигалича, лета 6843/1335, когда прибыл туда для построения Воскресенского монастыря, то не знал и не мог наведаться, какая река протекает тем местом. Поэтому он послал лодку, чтобы наведаться об имени реки. Посланные плыли до г. Костромы и там узнали, что это р. Кострома. Очевидно, что не р. Кострома была названием городу, а город – реке [Костромские губернские ведомости 37: 460–436].

⁷ Ни научно-исследовательские, ни охранно-спасательные археологические исследования (раскопки) непосредственно внутри первого костромского кремля, то есть на территории, огороженной с северо-запада р. Костромой и с юго-востока – р. Сулой, не проводилось. Подобное невозможно в первую очередь потому, что более половины всей этой территории (западная часть) занято ОАО по производству фанеры и древесно-стружечных плит «Фанплит» (10 апреля 1919 года Костромской фанерный завод братьев Горлиных был национализирован и передан в распоряжение Костромского губернского совнархоза и получило новое название – «Красный фанерщик», в 1939 году – наименование Костромской фанерный завод), остальная часть этой территории занята зданиями частного сектора и государственных учреждений, которые (здания) большей частью построены еще на рубеже XIX–XX вв. По центру всей этой территории, параллельно р. Волге, идет трасса улицы Островского (дорегулярное название – Мшанская).

⁸ Как уже неоднократно сообщалось.

⁹ «На Суле у Мшанские улицы Церковь стоит без пенья Федора Стратилата древяна, клецки. Земли церковные (Л. 595) в длину девятнадцать сажен, поперег тринадцать сажен» [ПКК: 282].

¹⁰ После регулярной планировки полотно новой улицы с тем же названием на данном участке в точности повторило контуры трассы дорегулярной улицы. Современное название улицы – ул. Островского.

¹¹ Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. 558. Оп. 2. Д. 133. Л. 546 об. – 547).

Список литературы

Алексеев С.И. История формирования городских территорий Костромы // Памятники истории и архитектуры Европейской России (исследование, реставрация, охрана). Нижний Новгород, 1995.

Анучин Д.Н. Доисторическая Москва. М., 1909. 45 с.

Баженов И.В. Костромской кремль. Кострома: Изд-во Костромской губернской архивной комиссии, 1905. 27 с., 1 л. пл.

Вестник Европы. 1819. Ч. 107. № 1–20. Октябрь. 160 с.

Вестник Московского археологического общества, 1891. Т. 1.

Диев М.Я. Историческая записка о г. Костроме: черновая рукопись из библиотеки А. Титова. № 4019 // Библиотека Общества любителей древней письменности в Петербурге. 1889.

Диев М.Я. Укрепленные места древней Костромской области (из истории основания города губернии) // Костромские губернские ведомости. 1858. № 35–38.

Журнал Министерства народного просвещения. 1900. С. 15.

Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1848. Т. 2. 840 с.

Иловайский А. История России. М.: Тип. П. Лебедева, 1880. Т. 2. 578 с.

Кабатов С.А. Источнико-историографическая база изучения материальной культуры сельского населения Костромского Поволжья XIII–XVII вв. // Межрегиональная конференция славистов «Российское славяноведение в начале XXI в.: задачи и перспективы развития». М.: Институт славяноведения РАН, 2005. С. 493–504.

Кабатов С.А. Кожевенное ремесло Костромского Поволжья XIII–XVII вв. // Вестник Костромской археологической экспедиции. Кострома, 2006. Вып. 2. С. 70–84.

Кабатов С.А. Отчет об археологических исследованиях в Чухломском районе в 1998 г. / сост. С.А. Кабатов. Йошкар-Ола: МарГУ, 1998. 102 с.

Кабатов С.А. Памятник русского средневековья Костромского Поволжья – селище Вёжи // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. М.: РАН Институт археологии, 2011. Вып. 7. С. 222–248.

Кабатов С.А. Поселения и жилища Костромского Поволжья в XIII–XVII вв. // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск, 1998. Ч. 1. С. 37–43.

- Кабатов С.А.* Сельские поселения и жилища Костромского Поволжья XIII–XV вв. // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. Кострома, 1999. № 3. С. 91–93.
- Кабатов С.А.* Сельские поселения Костромского Поволжья XIII–XVII вв. (по археологическим данным): дис. ... канд. ист. наук. Йошкар-Ола: МарГУ, 2004. 329 с.
- Кабатов С.А.* Типы сельских поселений Костромского Поволжья XIII–XVII вв. // Исследования П.Д. Степанова и этнокультурные процессы древности и современности. Саранск, 1998. С. 62–66.
- Кабатов С.А.* Этнокультурная история сельского населения Костромского края (до золотоордынского времени) // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова, 2012. Т. 18, № 1. С. 317–320.
- Карамзин Н.М.* «История государства российского». СПб.: Военная типография Главного штаба Его Императорского Величества, 1817. Т. 4. 494 с.; Т. 5. 592 с.; Т. 6. 486 с.
- Ключевский В.О.* Курс русской истории. М.: Историческая литература, 2002. Т. 1. 298 с.
- Козловский А.Д.* Взгляд на историю Костромы. М.: Тип. Николая Степанова, 1840. 203, [1] с.
- Корсаков Д.* Меря и Ростовское княжество. Казань, 1872. 266 с.
- Костромские губернские ведомости. 1858. № 37. С. 460–436.
- Крживоблоцкий Я.* Материалы для геогр[афии] и статистики России. Костромская губерния. СПб., 1861. 638 с.
- Кучкин В.А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М.: Наука, 1984. 353 с.
- Лебедев Д.И., прот.* История соборных храмов Феодоровского и Успенского в городе Костроме в связи с повестью о Феодоровской иконе Богоматери, краткой историей и топографией древнего города. Кострома, 2010. 175 с.
- Миловидов И.В.* Очерк истории Костромы с древнейших времен до царствования Михаила Федоровича. Кострома: Тип.-лит. Ф.А. Фальк, 1886. 179 с.
- Островский П.Ф., протоиерей.* Исторические записки о Костроме и ее святыне, благочестивой в императорском доме Романовых. Кострома, 1864. 251 с.
- Островский П.Ф.* Историческое описание Костромского Успенского собора. М., 1855. 256 с.
- Островский П.Ф., прот.* Историческое описание библиотеки костромского Успенского кафедрального собора // Костромские губернские ведомости. 1858 (часть неоф.). № 19. С. 183–186; № 20. С. 191–195; № 22. С. 211–213; № 24. С. 233–235; № 25. С. 245–247; № 26. С. 256–258; № 27. С. 263–265.
- Островский П.Ф., протоиерей.* Историческое описание библиотеки костромского Успенского кафедрального собора // КГВ. Кострома, 1858, часть неоф., № 19. С. 183–186; № 20. С. 191–195; № 22. С. 211–213; № 24. С. 233–235; № 25. С. 245–247; № 26. С. 256–258; № 27. С. 263–265.
- Писцовая книга г. Костромы 1627/28 – 1629/30 гг. (ПКК). Кострома: Костромаиздат, 2004. 438 с.
- Погодин М.П.* Исследовательские заметки и лекции русской истории. СПб., 1846. Т. II. 429 с.
- Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 1. Лаврентьевская и Троицкая летописи. СПб., 1846. 392 с.
- ПСРЛ. Т. 7. Летопись по Воскресенскому списку / подг. к изд. Я.И. Бередниковым, А.Ф. Бычковым, под ред. А.С. Норова. СПб., 1856. 358 с.
- ПСРЛ. Т. 7. Летопись по Воскресенскому списку / подг. к изд. Я.И. Бередниковым, А.Ф. Бычковым, под ред. А.С. Норова. СПб., 1856. 358 с.
- ПСРЛ. Т. 8. Продолжение летописи по Воскресенскому списку / под ред. А.Ф. Бычкова. СПб., 1859. 312 с.
- ПСРЛ. Т. 10. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновской летописью. СПб., 1885. 250 с.
- ПСРЛ. Т. 16. Летописец Переславля Суздальского (Летописец русских царей) / предисл. Б.М. Клосса. М., Археогр. центр. 1995. 164 с.
- ПСРЛ. Т. 15. Тверская летопись. Рогожский летописец. СПб., 1863. 504 с.
- ПСРЛ. Т. 5. Псковская и софийская летописи, 1851. СПб., 1851. 275, [4] с., [2] л.
- Рогов П.И.* Описание Костромской губернии в историческом и географическом отношении. СПб.: Изд-во журнала «Мирской вестник», 1871. 47 с.: ил.
- Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Т. 2. От конца правления Ярослава I до конца правления Мстислава Торопецкого, 1054–1228 гг. М., 2001. 530 с.
- Татищев В.Н.* История Российская. М.: Напечатано при Имп. Московском ун-те, 1768. Т. 2. 224 с.; 1769. Т. 3, 600 с.
- Татищев В.Н.* История Российская. М.: АСТ: Ермак, 2003. Т. 2. 732 с.; М.: АСТ: Ермак, 2005. Т. 3. 860 с.
- Уваров А.С.* Меряни и их быт по курганным раскопкам. М.: Синодальная типография, 1872. 230 с.
- Экземлярский А.В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. Т. 2. Владетельные князья Владимирских и Московских уделов и великие и удельные владетельные князья Суздальско-Нижегородские, Тверские и Рязанские. СПб.: Изд. графа И.И. Толстого: Тип. Имп. Акад. наук, 1891. Т. 1–2. 707 с.

References

Alekseev S.I. Istoriia formirovaniia gorodskikh territorii Kostromy [History of the formation of the city territories of Kostroma]. Pamiatniki istorii i arkhitektury Evropeiskoi Rossii (issledovanie,

restavratsiia, okhrana) [Memorials of the history and architecture of European Russia (research, restoration, protection)]. Nizhny Novgorod, 1995. (In Russ.)

Anuchin D.N. *Doistoricheskaya Moskva* [Prehistoric Moscow]. Moscow, 45 p. (In Russ.)

Bazhenov I.V. *Kostroma Kremlin* [Kostromskoi kremli']. Kostroma, Kostroma provincial archival Commission Publ., 1905, 27 p., 1 PL.

Vestnik Evropy [Bulletin of the Europa]. 1819. Part 107. № 19–20. October, 160 p. (In Russ.)

Vestnik Moskovskogo arkhelogicheskogo obshchestva [Bulletin of the Moscow archaeological society], 1891, vol. 1. (In Russ.)

Diev M.Ya. *Istoricheskaia zapiska o g. Kostrome: chernovaia rukopis' iz biblioteki A. Titova* [Historical note about Kostroma: draft manuscript from the library of A. Titov], № 4019. *Biblioteka Obshchestva liubiteli drevnei pis'mennosti v Peterburge* [Library Of the society of lovers of ancient writing in St. Petersburg], 1889.

Diev M.Ya. *Ukreplennye mesta drevnei Kostromskoi oblasti (iz istorii osnovaniia goroda gubernii)* [Fortified places of the ancient Kostroma region (from the history of the Foundation of the city of the province)]. *Kostromskie gubernskie vedomosti* [Kostroma provincial Vedomosti], 1858, № 35–38.

Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia [Journal of the Ministry of public education], 1900, 15 p. (In Russ.)

Zapiski Odesskogo obchzestva istorii i drevnostey [Notes of the Odessa society of history and antiquities]. Odessa, 1848. Vol. 2, 840 p. (In Russ.)

Ilovaisky A. *Istoriia Rossii* [History of Russia]. Moscow: Printing House of p. Lebedeap, 1880, vol. 2, 578 p. (In Russ.)

Kabatov S.A. *Istochniko-istoriograficheskaia baza izuchenii material'noi kul'tury sel'skogo naseleniia Kostromskogo Povolzh'ia XIII–XVII vv.* [Source-base stroma Volga region XIII–XVII centuries]. *Russian Slavonic in the early twenty-first century: challenges and prospects* [Interregional Conference of Slavists “Russian Slavic Studies at the Beginning of the XXI Century: Tasks and Prospects of Development”]. Moscow: Institute of Slavonic studies of the Russian Academy of Sciences, 2005, pp. 493–504. (In Russ.)

Kabatov S.A. *Kozhevennoe remeslo Kostromskogo Povolzh'ia XIII–XVII vv.* [Leather craft of the Kostroma Volga region of the XIII–XVII centuries]. *Vestnik Kostromskoi arkhelogicheskoi ekspeditsii* [Bulletin of the Kostroma archaeological expedition]. Kostroma, 2006, vol. 2, pp. 70–84.

Kabatov S.A. *Otchet ob archeologicheskikh issledovaniyah v Chuhlomskom rayone v 1998 g.* [Report of the archaeological research in Chuhlomsky area in 1998], comp. S.A. Kabatov. Yoshkar-Ola: MarGU, 1998, 102 p. (In Russ.)

Kabatov S.A. *Pamyatnik russkogo srednevekovyia Kostromskogo Povolzh'ia – selizche Vjyezhy*

[Monument of the Russian middle ages of the Kostroma Volga region – the village of Vezhi]. *Archeology of the Moscow region: Materials of the scientific seminar* [Arheologija Podmoskovjy: materialy nauchnogo seminaru]. Moscow: RAS Institute of archaeology, 2011, issue 7, pp. 222–248. (In Russ.)

Kabatov S.A. *Poseleniia i zhilishcha Kostromskogo Povolzh'ia v XIII–XVII vv.* [Settlements and dwellings of the Kostroma Volga region in the XIII–XVII centuries]. *Integratsiia arkhelogicheskikh i etnograficheskikh issledovaniia* [Integration of archaeological and ethnographic research]. Omsk, 1998, part 1, pp. 37–43. (In Russ.)

Kabatov S.A. *Sel'skie poseleniia i zhilishcha Kostromskogo Povolzh'ia XIII–XV vv.* [Rural settlements and dwellings of the Kostroma Volga region of the XIII–XV centuries]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N.A. Nekrasova* [Vestnik of Nekrasov Kostroma State University], 1999, № 3, pp. 91–93. (In Russ.)

Kabatov S.A. *Sel'skie poseleniia Kostromskogo Povolzh'ia XIII–XVII vv. (po arkhelogicheskim dannym): diss. ... kand. ist. nauk* [Rural settlements of the Kostroma Volga region of the XIII–XVII centuries (according to archaeological data): thesis for the degree of Candidate of Historical Sciences]. Yoshkar-Ola: Margu, 2004, 329 p. (In Russ.)

Kabatov S.A. *Tipy sel'skikh poselenii Kostromskogo Povolzh'ia XIII–XVII vv.* [Types of rural settlements of the Kostroma Volga region of the XIII–XVII centuries]. *Issledovaniia P.D. Stepanova i etnokul'turnye protsessy drevnosti i sovremennosti* [Studies of P.D. Stepanov and ethnocultural processes of antiquity and modernity]. Saransk, 1998, pp. 62–66. (In Russ.)

Kabatov S.A. *Etnokul'turnaia istoriia sel'skogo naseleniia Kostromskogo kraia (do zolotoordynskogo vremeni)* [Ethnocultural history of the rural population of the Kostroma region (before the Golden Horde time)]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N.A. Nekrasova* [Vestnik of the Kostroma state University of N. A. Nekrasov], 2012, vol. 18, pp. 317–320. (In Russ.)

Karamzin N.M. *Istoriia gosudarstva rossiiskogo* [History of the Russian state]. SPb.: Voennaia tipografiia Glavnogo shtaba ego Imperatorskago Velichestva Publ., 1817, vol. 4, 494 p.; vol. 5, 592 p.; vol. 6, 486 p. (In Russ.)

Kliuchevsky V.O. *Kurs russkoi istorii* [A Course in Russian history]. Moscow: Istoricheskaia literature Publ., 2002, vol. 1, 298 p. (In Russ.)

Kozlovsky A.D. *Vzgliad na istoriiu Kostromy* [View on the history of Kostroma]. M.: Tip. Nikolaia Stepanova Publ., 1840, 203 p. [1] (In Russ.)

Korsakov D. *Meria i Rostovskoe kniazhestvo* [Merya and the Rostov Principality]. Kazan, 1872, 266 p. (In Russ.)

Krzywoblocki Ya. *Materialy dlia geogr[afii] i statistiki Rossii. Kostromskaia guberniia* [Materials

for geography[afii] and statistics of Russia. Kostroma province]. SPb., 1861, 638 p. (In Russ.)

Kuchkin V.A. *Formirovanie gosudarstvennoi territorii Severo-Vostochnoi Rusi v X–XIV vv* [Formation of the state territory of North-Eastern Russia in the X–XIV centuries]. Moscow: Nauka Publ., 1984, 353 p. (In Russ.)

Lebedev D.I., prot. *Istoriia sobornykh khramov Feodorovskogo i Uspenskogo v gorode Kostrome v sviazi s povest'iu o Feodorovskoi ikone Bo-gomateri, kratkoi istoriei i topografiei drevnego goroda* [History of the Cathedral churches of Feodorovsky and Uspensky in the city of Kostroma in connection with the story of the Feodorovsky icon of the mother of God, a brief history and topography of the ancient city]. Kostroma, 2010, 175 p. (In Russ.)

Milovidov I.V. *Ocherk istorii Kostromy s drevneishikh vremen do tsar-stvovaniia Mikhaila Fedorovicha* [Essay on the history of Kostroma from ancient times to the reign of Mikhail Fedorovich]. Kostroma, typo-lithography by F.A. Falk, 1886, 179 p. (In Russ.)

Ostrovsky P.F. *Istoricheskoe opisanie Kostromskogo Uspenskogo sobora* [Historical description of the assumption Cathedral in Kostroma]. M., 1855, 256 p. (In Russ.)

Ostrovsky P. F. *Istoricheskoe opisanie biblioteki kostromskogo Uspenskogo kafedral'nogo sobora* [Historical description of the library of the Kostroma assumption Cathedral Kostroma], 1858 (part of neof.), no. 19, pp. 183–186; no. 20, pp. 191–195; no. 22, pp. 211–213; no. 24, pp. 233–235; no. 25, pp. 245–247; no. 26, pp. 256–258; no. 27, pp. 263–265. (In Russ.)

Pistsovaia kniga g. Kostromy 1627/28 – 1629/30 gg [Scribe the book of the city of Kostroma 1627/28 – 1629/30 from Kostroma]: Kostromastat Publ., 2004, 438 p. (In Russ.)

PSRL. Vol. I. *Lavrent'evskaia i Troitskaia letopisi* [Laurentian and Trinity Chronicles]. St. Petersburg, 1846, 392 p. (In Russ.)

PSRL. Vol. VII. *Letopis' po Voskresenskomu spisku. Podg. k izd. Ia.I. Berednikovym i A.F. Bychkovym, pod red. A.S. Norova* [Chronicle of the resurrection list. Prep. for publ. by Ya.I. Berednikov and A.F. Bychkov, ed. by A.S. Norov]. St. Petersburg, 1856, 358 p. (In Russ.)

PSRL. Vol. VII. *Letopis' po Voskresenskomu spisku. Podg. k izd. Ia.I. Berednikovym i A.F. Bychkovym, pod red. A.S. Norova* [Chronicle of the resurrection list. Prep. for publ. by Ya.I. Berednikov and A.F. Bychkov, ed. by A.S. Norov]. St. Petersburg, 1856, 358 p. (In Russ.)

PSRL. Vol. VIII. *Prodolzhenie letopisi po Voskresenskomu spisku. Pod red. A.F. Bychkova*

[Continuation of the chronicle according to the resurrection list. Ed. by A.F. Bychkov]. St. Petersburg, 1859, 312 p. (In Russ.)

PSRL. Vol. X. *Letopisnyi sbornik, imenuemyi Patriarsheiu ili Nikonovskoi letopis'iu* [Chronicle collection, called the Patriarch's or Nikon's Letopis]. Saint-Petersburg, 1885, 250 p. (In Russ.)

PSRL. Vol. XLI. *Letopisets Pereslavlia Suzdal'skogo (Letopisets russkikh tsarei)* [The chronicle of Suzdal Pereslavl (the Chronicle of the Russian tsars)]. M., Areor. center, 1995, 164 p. (In Russ.)

PSRL. Vol. XV. *Tverskaia letopis'. Rogozhskii letopisets* [Tver chronicle. Rogozhsky chronicle]. St. Petersburg, 1863, 504 p. (In Russ.)

PSRL., Vol. V. *Pskovskii i softskii letopisi* [Pskov and Sofia Chronicles], 1851. St. Petersburg, 1851, 275 [4] p., [2] l. (In Russ.)

Rogov P.I. *Opisanie Kostromskoi gubernii v istoricheskom i geogra-ficheskom otnosheniakh* [Description of Kostroma province in historical and geographical terms]. SPb.: Izdatel'stvo zhurnala «Mirskoi vestnik» Publ., 1871, 47 p.: il. (In Russ.)

Solovyov S.M. *Istoriia Rossii s drevneishikh vremen. T. 2. Ot kontsa pravleniia Iaroslava I do kontsa pravleniia Mstislava Toropetskogo, 1054–1228 gg* [History of Russia since ancient times. Vol. 2. From the end of the reign of Yaroslav I to the end of the reign of Mstislav toropetsky. 1054–1228 gg.]. M., 2001, 530 p. (In Russ.)

Tatishchev V.N. *The History of Russia* [Istoriia Rossiiskaia]. Moscow: Printed at the Imperial Moscow University, 1768, vol. 2, 224 p.; 1769, vol. 3, 600 p. (In Russ.)

Tatishchev V.N. *Istoriia Rossiiskaia* [The History of Russia]. Moscow, Ermak Publ., 2003, vol. 2, 732 p.; Moscow: AST, Ermak, 2005, vol. 3, 860 p. (In Russ.)

Uvarov A.S. *Meriani i ikh byt po kurgannym raskopkam* [Merani and their way of life for mound excavation]. Moscow: Sinodal'naia tipografiia Publ., 1872, 230 p. (In Russ.)

Yexemplyarsky A.V. *Velikie i udel'nye kniaz'ia Severnoi Rusi v tatarskii period, s 1238 po 1505 g.* [The Great and appanage princes of Northern Russia in the Tatar period, from 1238 to 1505]. Vol. II. *Vladetel'nye kniaz'ia Vladimirskikh i Moskovskikh udelov i velikie i udel'nye vladetel'nye kniaz'ia Suzdal'sko-Nizhegorodskie, Tverskie i Riazanskie* [Sovereign princes of Vladimir and Moscow appanages and great and specific sovereign princes of Suzdal-Nizhny Novgorod, Tver and Ryazan]. SPb.: Izdanie grafa I.I. Tolstogo, Tip. Imperatorskoi Akademii nauk Publ., 1891, vol. 1–2, 707 p. (In Russ.)

ВЕЩЕВОЕ И ФИНАНСОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЛИЧНОГО СОСТАВА АРТИЛЛЕРИЙСКИХ И ИНЖЕНЕРНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII СТОЛЕТИЯ

С начала XVIII столетия в военной организации России были проведены существенные изменения, после которых она получила, почти во всех отношениях, новое устройство, заимствованное во многих случаях от европейских государств. Для поддержания высокой боевой готовности и боеспособности создаваемой регулярной армии следовало обеспечивать её снабжение всеми необходимыми видами довольствия, в том числе финансовым, обмундированием и другим вещевым имуществом. В статье на основании ранее неизвестных архивных документов, хранящихся в Архиве Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, и других источников рассматриваются отдельные проблемы организации обеспечения личного состава русской армии, в том числе артиллерийского и инженерного корпусов такими видами довольствия, как вещевое и финансовое. Особое внимание уделяется вопросам обеспечения денежным довольствием, необходимым обмундированием и другим вещевым имуществом служащих, рядового, унтер-офицерского и офицерского состава артиллерийских и инженерных подразделений. Делается вывод о том, что существовавший в то время порядок пропорционального формирования годового бюджета Приказа артиллерии за счет той или иной части доходов различных губерний и из других мест приводил к хроническому недофинансированию Приказа артиллерии, что, в свою очередь, затрудняло выделение финансовых средств в полном объеме на содержание и обеспечение повседневной жизнедеятельности артиллерийских и инженерных корпусов. В исследовании впервые в научный оборот вводятся некоторые архивные и другие источники.

Ключевые слова: Петр I, XVIII в., русская армия, артиллерия, инженерные подразделения, личный состав, вещевое и финансовое обеспечение.

Информация об авторе: Бенда Владимир Николаевич, ORCID: 0000-0001-9553-7262, доктор исторических наук, доцент, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, г. Санкт-Петербург, г. Пушкин, Россия.

E-mail: bvn.1962@mail.ru.

Дата поступления статьи: 25.12.2019.

Для цитирования: Бенда В.Н. Вещевое и финансовое обеспечение личного состава артиллерийских и инженерных подразделений в первой четверти XVIII столетия // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 1. С. 21-26. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-1-21-26.

Vladimir N. Benda

Pushkin State University of Leningrad Region

CLOTHING AND FINANCIAL SUPPORT FOR THE PERSONNEL OF ARTILLERY AND ENGINEERING UNITS IN THE FIRST QUARTER OF THE 18TH CENTURY

Since the early 18th century, significant changes had been made in the military organisation of Russia, after which it received, in almost all respects, a new device, borrowed, in many cases, from European states. To maintain high combat readiness and combativity of the regular army being established, it was necessary to provide it with all necessary types of allowances, including finances, uniforms and other belongings. The article considers some problems of organisation of providing the personnel of the Russian army, including the artillery and engineering corps, with such types of allowances as clothing and finances, on the basis of previously unknown archival documents stored in the Archive of the Military-historical Museum of artillery, engineering troops and signal troops and other sources. Special attention is paid to the issues of providing with monetary allowances, necessary uniforms and other belongings of employees, privates, non-commissioned officers and officers of artillery and engineering units. It is concluded that the existing order of proportional formation of the annual budget of the Department of artillery at the expense of one or another part of the income of various provinces and from other places led to chronic underfunding of Artillery Department, which, in turn, made it difficult to allocate funds in full for keeping and maintenance of daily life of the artillery and engineering corps. Some archival and other sources are for the first time introduced in the study into scientific circulation.

Keywords: Peter I, 18th century, Russian army, artillery, engineering units, personnel, clothing and financial support.

Information about the author: Vladimir N. Benda, ORCID: 0000-0001-9553-7262, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Pushkin State University of Leningrad Region, Pushkin, St. Petersburg, Russia.

E-mail: bvn.1962@mail.ru.

Article received: December 25, 2019.

For citation: Benda V.N. Clothing and financial support for the personnel of artillery and engineering units in the first quarter of the 18th century. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 1, pp. 21-26 (In Russ.). DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-1-21-26.

В ранее опубликованных работах с той или иной степенью детализации нами уже анализировались отдельные аспекты финансового и вещевого обеспечения в течение XVIII столетия как личного состава русской армии в целом, так и артиллерийских и инженер-

ных чинов в частности [Бенда 2016, 2018а, 2018б]. Напомним, что при организации вещевого обеспечения личного состава российских армейских, драгунских и солдатских полков образцами для их обмундирования и вооружения с различными изменениями в цветах и украшениях служили

гвардейские полки, для которых, соответственно, в качестве образцов обмундирования и вооружения многое Петром I было заимствовано у шведской армии. Регламентирующим документом, определившим порядок их снабжения вещевым имуществом русской армии, был Сенатский указ от 19 декабря 1712 г.¹ В частности, этим указом предусматривалось, чтобы все денежные средства, собираемые в губерниях на полки, направлялись в Мундирную канцелярию, которая и стала отвечать за изготовление и поставки в войска различного рода мундиров, амуниции и различного рода военного и полкового имущества. Этим же указом было определено, что за изготовление сумок каптенармусских и патронных, портупей, лядунок с ремней и перевязей с крюками отвечала Мундирная канцелярия и все это должно было изготавливаться на деньги, удержанные из денежного жалования драгун и солдат. Размеры жалованья определялись с учетом стоимости обмундирования и обуви. Размеры годового денежного жалования были следующие: пехотный солдат получал 10 р. 98 к., драгун – 12 р. С пехотного солдата и драгуна за мундир ежегодно производили вычет по 5 р. 33 к. Мундирная канцелярия отвечала и за изготовление всех других видов военного имущества и снаряжения, полагавшегося иметь в каждом полку согласно утвержденной организационно-штатной структуры. Указом предписывалось, чтобы начиная с 1713 г. в губерниях было прекращено производство необходимого военного и другого имущества, необходимого для материально-технического обеспечения полков, в связи с тем, что отмечались случаи злоупотреблений со стороны комиссаров, заключавших договора с подрядчиками на изготовление и поставку необходимых припасов по завышенным ценам. Более того, качество изготовленного вещевого, военного и другого имущества не всегда соответствовало требуемому. Мундирной канцелярии также было указано, чтобы полушубки для драгун и солдат больше не изготавливать, а вместо них «... верхние кафтаны» подбивались байкой.

Сначала мундиры полков шились из сукна разного цвета, поскольку в сукнах ощущался недостаток. Однако начиная с 1720 г. цвет одежды был строго регламентирован. Созданием запасов мундирных вещей и обуви ведал комиссариат. На складах хранились только материалы. Пошив вещей осуществлялся непосредственно в частных пошивочных мастерских по договоренности с полковым комиссаром. Выдача материалов войскам со складов производилась на основании распоряжения генерал-кригс-комиссара по установленным нормам отпуска и за деньги. Следует заметить, что в указанный период в снабжении армии вещевым имуществом наблюдались большие перебои.

Какого-либо единого органа или структурного подразделения Приказа артиллерии (главный ор-

ган артиллерийского и инженерного управления), отвечавшего за вопросы обеспечения личного состава артиллерии и инженерных подразделений обмундированием и другим вещевым имуществом, не было. Все эти вопросы находились в ведении руководства и соответствующих должностных лиц Приказа артиллерии. Изученные нами архивные источники изобилуют примерами, дающими представление о том объеме работы, выполненной как самим Приказом артиллерии и Артиллерийской канцелярией, так и подчиненными им структурами по изготовлению и своевременным поставкам в войска необходимого обмундирования и другого вещевого имущества. Отметим, что в первую очередь вещевым имуществом и обмундированием из Приказа артиллерии обеспечивался рядовой, унтер-офицерский и офицерский состав артиллерийских и инженерных подразделений, находившихся в непосредственном подчинении Приказа артиллерии, а также личный состав артиллерийских подразделений, входивших в состав гарнизонных и полевых полков сухопутной армии.

Так, в частности, весной 1710 г. Е.П. Зыбин (подполковник, обер-комиссар Приказа артиллерии) получил от Я.В. Брюса указание об отправке в действующую армию необходимого обмундирования², летом следующего года Е.П. Зыбин исполнял указание Я.В. Брюса о немедленном пошиве обмундирования для канониров и отправке его в действующую армию³. Иногда Приказ артиллерии исполнял указы вышестоящих органов государственного управления, предписывающих ему обеспечить поставку обмундирования и другого вещевого имущества в артиллерийские подразделения, как это было сделано в соответствии с указом Сената Я.В. Брюсу от 27 декабря 1712 г. – 4 января 1713 г.⁴ В других случаях Приказ артиллерии разрешал проблемы вещевого обеспечения личного состава артиллерийских подразделений по соответствующим донесениям или ходатайствам командиров гарнизонных или полевых полков, что явствует из донесения командира Гельсингфорского гарнизонного полка И. Гарбера Я.В. Брюсу от 3 апреля 1716 г., в котором он просит о присылке необходимого обмундирования и другого вещевого имущества для офицеров, канониров и фузилеров артиллерийского подразделения этого полка⁵.

Главный орган артиллерийского и инженерного управления не всегда мог самостоятельно разрешить вопросы вещевого обеспечения личного состава артиллерийских и инженерных подразделений, находящихся в действующей армии. В таких случаях Я.В. Брюс вынужден был обращаться к соответствующим должностным лицам и командному составу действующей армии с просьбами об удовлетворении потребностей личного состава артиллерии в вещевом имуществе и обмундировании. Об этом свидетельствует исследованная

нами переписка Я.В. Брюса в апреле – мае 1717 г. с Б.П. Шереметьевым, Н.И. Репниным, А.А. Вейде, И.Я. Гинтером, М.М. Голицыным и В. Стоксом, в которой велась речь об отправке обмундирования для личного состава артиллерии, находящегося в действующей армии⁶ и о выдаче обмундирования личному составу артиллерии Выборгского, Нарвского и Псковского гарнизонов, находящихся в Финляндии⁷.

Организационно-штатное устройство войск, определенное в 1711 г., было расширено принятием в начале 1712 г. детального штата для артиллерии и входившей в её состав инженерной части⁸. Ранее мы также упоминали о том, что, согласно утвержденному штату, на жалование артиллерийским и инженерным чинам в год полагалось выделять 64 750 р. 40 к., а на содержание артиллерии и прочие нужды – еще 130 228 р.⁹

Обратим внимание на тот факт, что до 1712 г. отсутствовал какой-либо регламентирующий документ, устанавливающий фиксированные оклады денежного содержания военнослужащим артиллерийских и инженерных подразделений. Как правило, этот вопрос регулировался изданием отдельных царских указов или приказов (предписаний, распоряжений) генерал-фельдцейхмейстера и других высших военных должностных лиц. Причем надо заметить, что оклады денежного содержания у военнослужащих, занимавших одинаковые должности, в некоторых случаях существенно различались. Это касалось как отечественных кадров, так и иностранцев, находившихся на русской службе.

Приведем несколько примеров. Согласно ведомости, артиллерийским начальникам, бывшим при взятии г. Нарвы в 1704 г., им были установлены следующие годовые оклады жалования¹⁰: полковник Яган Гошек (Гошка) – 500 р., подполковник Яган Гинтер – 600 р. (!). Поручики Яган Фридрих Менмингер, Отто Фридрих Рихтен, Габриель Царт получали годовой оклад по 216 р., а поручики Яган Зиленбаль, Климент Гимке, Яган Гюрн – по 180 р. Штык-юнкеры Исак Дуган – 108 р., Гендрих Брунс – 72 р., Никола фон де Стан – 96 р., Иван Стражнин – 60 р., Федор Дмитриев – 36 р.¹¹

Неоднократно упомянутому нами выше Е.П. Зыбину были определены следующие окла-

ды денежного содержания: «...в бытность ево при полевой артиллерии обер-комиссаром в 1705 г. по именному указу получал по 200 р. В 1708 г. ко оному окладу прибавлено 100 р., итого получал по 300 р. В 1709 г. августа 1 числа велено ему обер-комиссарский ранг и всякое почтение иметь против подполковника артиллерийского. В 1710 г. марта 24 велено ему быть в Москве в приказе артиллерии для отправления приказных и артиллерийских всяких дел. В 1712 г. того жалования производилось ему из вышеписанного оклада в половину того, что есть, по 150 р. в год» (стиль и орфография документа сохранены)¹². 5 декабря 1707 г. был издан именной указ Петра I, которым устанавливалось вместо прежних окладов жалование генералам и прочим офицерам из «иноземцев» на тот период, когда они находились со своими полками в Москве¹³. Например, генерал-майору устанавливался годовой оклад в 200 р., полковнику – 120 р., подполковнику – 60 р., майору – 50 р., капитану – 30 р., поручику – 20 р., прапорщику – 15 р.

Небезынтересным будет узнать, какой размер денежного жалования полагалось чинам бомбардирской роты Преображенского полка (см. таблицу 1).

В некоторых случаях военнослужащие сами обращались с ходатайствами или рапортами на имя вышестоящих начальников вплоть до царя, прося об увеличении им окладов денежного содержания, как это было с командиром первого артиллерийского полка генерал-майором И.Я. Гинтером, который в декабре 1708 г. обратился с рапортом на имя Петра I об увеличении ему оклада денежного жалования за участие в сражениях во время Северной войны и другие заслуги¹⁴. Или другой пример. Обер-комиссару Приказа артиллерии Алексею Кирилловичу Зыбину в 1710 г. по письму генерал-фельдмаршала графа Шереметьева «...велено быть у дел при артиллерии... и жалование получать по 150 р.»¹⁵.

Как правило, размеры годового денежного содержания определялись от имени самого Петра I, как, например, штык-юнкеру Егану Касперу Пуге, принятому на русскую службу, 11 июля 1710 г. «...по указу великого государя... за рукой генерал-лейтенанта и кавалера Я.В. Брюса велено дать... 72 р. 30 к. на год»¹⁶, или иноземцу инженер-капита-

Таблица 1

Оклады денежного содержания офицерскому, унтер-офицерскому и рядовому составу бомбардирской роты Преображенского полка в 1708 г. [Бобровский: 1]

Чины (воинские звания)	В месяц, руб.	В год, руб.
Капитан-поручик	20	240
Поручик	17	204
Подпоручик	11	132
Сержант	7	84
Капрал от бомбардиров	5	60
Рядовой бомбардир	3	36

ну П. Феллеру, которому 6 августа 1711 г. «...по указу великого государя... за рукой генерал-лейтенанта и кавалера Я.В. Брюса... учинить оклад на месяц по 25 р., а на год по 300 р.»¹⁷. Согласно утвержденному 8 февраля 1712 г. штату артиллерии, оклады артиллерийских чинов были больше, чем в пехоте и кавалерии, что также видно из архивного источника, в котором сказано, что «...служителей артиллерийских и офицеров жалование давать против солдатских полков градусом выше иноземцу против иноземца, а русским против русского»¹⁸. Инженерным служащим, которые не имели в артиллерии должностей (чинов), устанавливался оклад годового жалования, равный офицерскому окладу в других полках, а инженерным кондукторам – по 48 р. на год.

Любопытно будет узнать, какое же жалование получали так называемые «гражданские» служащие. По состоянию на 1715 г. были установлены такие оклады годового денежного жалования следующим категориям гражданских чиновников: «...губернаторам – денег 1200 р., хлеба 600 р. (стоимость годового продовольственного обеспечения), Санкт-Петербургскому губернатору – 2 400 р. и хлеба 1 200 р., вице-губернатору Санкт-Петербургскому – 3 000 р. и 300 р. хлеба, в прочих губерниях – 600 р. денег и 300 р. хлеба. Комиссарам (СПб.) – 120 р. денег и 60 р. хлеба, комиссарам (другие губернии) – 60 р. денег и 30 р. хлеба. Провиант-мейстерам (СПб.) – 180 р. денег и 90 р. хлеба, провиант-мейстер (в других губерниях) – 60 р. денег и 30 р. хлеба. Поьячим (старым) – 60 р. денег и 30 р. хлеба, подьячим (средней статьи) – 40 р. денег и 20 р. хлеба, подьячим (молодым) – 15 р. денег и 10 р. хлеба»¹⁹.

Годовая сумма, выделяемая на содержание артиллерии, начиная с 1712 г. была определена в 209 471 р. 57 к. (по Н.Е. Бранденбургу – 209 927 р. 97 к. [Бранденбург: 286], по П.Н. Милкокову – 209 786 р. [Милкоков: 374], по Д.П. Журавскому – 194 978 р. [Журавский: 7]), из которых примерно 37 % расходов составляли денежное жалование военным служащим артиллерийских и инженерных подразделений и различного рода предназначения гражданским служащим и мастеровым, а 63 % от этой суммы предназначалось на закупку вооружения, амуниции и других артиллерийских припасов для артиллерии. Известно, что в период с 1712 по 1717 г. Приказ артиллерии и эту сумму не получал в полном объеме, так как из первоначального оклада в 209 000 р. были вычтены 85 878 р., которые по ошибке были засчитаны в доходы Московской губернии, часть из которых выделялась на содержание артиллерии. Таким образом, в этот период на содержание артиллерии выделялось чуть более 123 000 р. Уменьшение бюджета Приказа артиллерии сильно ограничило его возможности по заготовлению припасов и материалов для артиллерии, так как за вычетом суммы, причитавшейся на денежное жалование служащим, оставшейся суммы, состав-

ляющей примерно 440 000 р., едва хватало на заготовку пороха [Бранденбург: 293]. И только в 1717 г. в Приказ артиллерии поступило 68 369 р., которые частично компенсировали недополученные Приказом артиллерии средства, выделяемые на обеспечение жалованием артиллерийских служащих и другие нужды артиллерии. Бюджет центрального органа артиллерийского управления в 1717 г. составил более 192 000 р. В период с 1718 г. по 1722 гг. на годовое содержание артиллерии была определена сумма в 234 288 р., а в 1723 г. – 216 180 р. [Милкоков: 492] (Н.Е. Бранденбург указывает сумму в 256 598 р. [Бранденбург: 299], П.Н. Милкоков – в 267 679 р. [Милкоков: 374]).

Годовой бюджет Приказа артиллерии пропорционально формировался из той или иной части доходов различных губерний и других мест. Деньги необходимо было присылать в Приказ артиллерии в первые месяцы каждого квартала с таким условием, что 2/3 необходимой суммы составляли серебряные деньги и 1/3 часть – медью. Разрешалось некоторым губерниям выплачивать артиллерии свою часть оклада на её содержание не только деньгами, но и натурой, то есть артиллерийскими припасами, произведенными в этих губерниях. Например, Казанская и Киевские губернии засчитывали в часть своего оклада, назначенного для них на содержание артиллерии, селитру, а Сибирская – железо, которые поставлялись для нужд артиллерийского ведомства [Бранденбург: 300].

Следует заметить, что подобного рода практика так называемых «взаимозачетов» была едва ли не главным злом в организации обмена финансовыми документами (счетами и другими бухгалтерскими документами) между губерниями и Приказом артиллерии, что, в свою очередь, негативно сказывалось на своевременности присылки из губерний в Приказ артиллерии в полном объеме полагавшихся сумм на содержание артиллерии. Например, губернии по сенатским указам производили, помимо Приказа артиллерии, какие-либо выдачи того или иного имущества на нужды войск (например, пороха) на те или иные суммы, которые впоследствии засчитывались в счет денежных сумм, отправляемых из губерний в Приказ артиллерии. Все это затрудняло сведение счетов между Сенатом, губерниями и Приказом артиллерии.

К хроническому недофинансированию Приказа артиллерии в течение указанного срока добавлялась обычная недосылка губерниями в полном размере установленных для них сумм, выделяемых на содержание артиллерии. Например, начиная с 1710 по 1718 гг. суммы недосланных губерниями взносов на содержание артиллерии составили примерно 268 000 р. В частности, в нижеприведенных таблицах (см. таблицы 2, 3) показано, какую сумму какая губерния в период с 1710 по 1713 г. не дослала на содержание артиллерии.

Таблица 2

**Ведомость денежной казны присланной (и сколько еще не дослано)
в Приказ артиллерии в 1710 и 1711 гг.²⁰
(орфография и стиль документа сохранены)**

Губернии	По определению из губерний велено изымать в год	На 1710 год		На сей 1711 г.		Итого на 1710 и на сей 1711 г.	
		Прислано	Не дослано	Прислано	Не дослано	Прислано	Не дослано
Московская	110 356	97 449	12 907	–	110 356	97 449	123 263
Смоленская	2 808	2 808	–	1 829	979	4 637	979
Санкт-Петербургская	36 106	36 106	–	–	36 106	36 106	36 106
Казанская	43 484	43 484	–	21 397	22 087	64 881	22 087
Сибирская	17 170	3 500	13 670	–	17 170	3 500	30 840
Итого	209 924	183 347	26 577	23 226	186 698	206 573	213 275

Таблица 3

**Сведения, сколько надлежит добрать денег в артиллерию с определенных губерний по положенной сумме на прошлые 1712 и 1713 годы²¹
(орфография и стиль документа сохранены)**

Губернии	На 1712 г.	На 1713 г.	Всего
С Московской	23 302 р. 16 к.	24 340	47 642 р. 16 к.
Смоленской	2227 р. 8 к.	2 808	5 035 р. 8 к.
С Архангелогородской	–	23 672 р. 28 к.	23 672 р. 28 к.
Всего	25 529 р. 24 к.	50 820 р. 28 к.	76 350 р. 52 к.

Общеизвестно, что в соответствии с указами и распоряжениями Петра I, Правительствующего Сената, Военной и других коллегий, а также Артиллерийской канцелярии начиная с 1720 г. в российском государстве был введен коллегиальный порядок управления государственными и военными делами, в том числе и делами артиллерийского ведомства. О введении нового порядка управления в артиллерийском ведомстве 10 декабря 1718 г. генерал-фельдцейхмейстеру, а также президенту Берг- и Мануфактур-коллегии Я.В. Брюсу был послан соответствующий указ Петра I²². В соответствии с другим указом Петра I, от 28 января 1719 г., предписывалось начиная с 1719 г. ввести «...новый “шведский” порядок в приеме и отпуске денег» и ежемесячно отсылать отчеты в штатс-контор-коллегию “по приему, расходу и остаточным суммам и товарам”»²³.

В заключение отметим, что до 1712 г. на законодательном уровне вопрос определения фиксированных окладов денежного содержания военнослужащим артиллерийских и инженерных подразделений не был урегулирован. Издавались отдельные царские указы или приказы (предписания, распоряжения) генерал-фельдцейхмейстера и других высших военных должностных лиц. В рассматриваемый период наблюдалось хроническое недофинансирование Приказа артиллерии, что, в свою очередь, негативно сказывалось на вопросах поддержания высокого уровня боеспособности и боеспособности русской артиллерии. Следствием этого явилось то, что в 1724 году по именному указу Петра Великого было определено,

чтобы начиная с этого года в артиллерийское ведомство, которое помимо всего прочего отвечало за постройку и ремонт крепостей, цейхгаузов, магазинов ежегодно из государственной казны следовало отпускать по 300 000 рублей²⁴.

Вещевое снабжение основывалось на указных (установленных указами) сроках носки вещей. Амуниция и снаряжение для людей выдавались уже готовым к употреблению. Пошив обмундирования, белья и обуви в мирное время производили сами войска. В военное время снабжение и пошив вещевого имущества осуществлялись централизованно. Для этой цели на базах оборудовались основные вещевые склады, а ближе к местам расположения войск – расходные склады. При всех этих складах находились пошивочные мастерские, в которых трудилась прикомандированная из войск рабочая сила. Снабжение вещевым имуществом в мирное и военное время было платным. Вычеты «за мундир» для различных родов войск были различны и составляли от 29 до 49 процентов денежных окладов.

Примечания

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е (ПСЗ). Т. IV. 1700–1712. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. № 2614. С. 878–879.

² Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Архив ВИМАИВ и ВС). Ф. 2. Оп. 1. Д. 47. Л. 617, 627, 630.

³ Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 131. Л. 340, 371, 384, 385, 390.

⁴ Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 133. Л. 88–91.

⁵ Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 196. Л. 195.

⁶ Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 217. Л. 103–105, 108, 114, 161–162.

⁷ Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 217. Л. 113–114, 158–159.

⁸ ПСЗ. Т. IV. 1700–1712... С. 792–801.

⁹ ПСЗ. Т. 43. Книга штатов. Ч. 1. Штаты военно-сухопутные (1711–1800). СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. С. 10.

¹⁰ Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 48. Л. 32.

¹¹ Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 48. Л. 32 об. – 33 об.

¹² Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. Сборная. Д. 3392. Л. 5.

¹³ ПСЗ. Т. IV. 1700–1712... С. 394.

¹⁴ Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 37. Л. 804–807.

¹⁵ Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. Сборная. Д. 3392. Л. 5.

¹⁶ Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 7. Л. 533.

¹⁷ Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 179. Л. 656.

¹⁸ Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 153. Л. 5.

¹⁹ Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 179. Л. 14.

²⁰ Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 7. Л. 679.

²¹ Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 7. Л. 443.

²² Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 241. Л. 2–3.

²³ Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 241. Л. 15–16.

²⁴ Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 1074. Л. 47.

Список литературы

Бенда В.Н. Создание системы материально-технического обеспечения русской армии, артиллерии и инженерных войск, их личного состава в начале XVIII в. // Вестник Брянского государственного университета. Сер.: Исторические науки и археология. Литературоведение. Языкознание. Педагогические науки. Брянск: РИО БГУ, 2016. № 2 (28). С. 16–23.

Бенда В.Н. Особенности продовольственно-го и вещевого обеспечения личного состава русской армии во второй половине XVIII в. // *Juvenis scientia*. 2018a. № 11. С. 46–48.

Бенда В.Н. Общие расходы Российской империи на армию и материально-техническое обеспечение артиллерийского и инженерного корпусов в правление Екатерины II // Проблемы современной науки и образования. 2018b. № 12 (132). С. 61–66.

Бобровский П.О. История лейб-гвардии Преображенского полка: Приложения к II тому. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1904. 244 с.

Бранденбург Н.Е. Материалы для истории артиллерийского управления в России. Приказ ар-

тиллерии (1700–1720 гг.). СПб.: Типография «Артиллерийского журнала», 1876. 556 с.

Журавский Д.П. Статистическое обозрение расходов на военные потребности с 1711 по 1825 год. СПб.: В типографии Карла Вульфа, 1859. 228 с.

Милуков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформы Петра Великого. 2-е изд. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1905. 681 с.

References

Benda V.N. *Sozdanie sistemy material'no-tekhnicheskogo obespecheniya russkoi armii, artillerii i inzhenernykh voisk, ikh lichnogo sostava v nachale XVIII v.* [Creation of the system of material and technical support of the Russian army, artillery and engineering troops, their personnel at the beginning of the XVIII century]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Bryansk state University], 2016, № 2 (28), pp. 16–23. (In Russ.)

Benda V.N. *Osobennosti prodovol'stvennogo i veshchevogo obespecheniya lichnogo sostava russkoi armii vo vtoroi polovine XVIII v.* [Features of food and clothing supply of the personnel of the Russian army in the second half of the XVIII century.]. *Juvenis scientia*, 2018a, № 11, pp. 46–48. (In Russ.)

Benda V.N. *Obshchie raskhody Rossiiskoi imperii na armiyu i material'no-tekhnicheskoe obespechenie artilleriiskogo i inzhenernogo korpusov v pravlenie Ekateriny II* [General expenses of the Russian Empire on the army and material and technical support of the artillery and engineering corps in the reign of Catherine II]. *Problemy sovremennoi nauki i obrazovaniya* [Problems of modern science and education], 2018b, № 12 (132), pp. 61–66. (In Russ.)

Bobrovskii P.O. *Istoriya leib-gvardii Preobrazhenskogo polka: prilozheniya k II tomu* [History of the life guards of the Preobrazhensky regiment: appendices to volume II]. SPb., Ekspeditsiya zagotovleniya gosudarstvennykh bumag Publ., 1904, 244 p. (In Russ.)

Brandenburg N.E. *Materialy dlya istorii artilleriiskogo upravleniya v Rossii. Prikaz artillerii (1700–1720 g.)* [Materials for the history of artillery management in Russia. Order of the artillery (1700–1720)]. SPb., Tipografiya «Artilleriiskogo zhurnala» Publ., 1876, 556 p. (In Russ.)

Zhuravskii D.P. *Statisticheskoe obozrenie raskhodov na voennye potrebnosti s 1711 po 1825 god* [Statistical review of expenditures on military needs from 1711 to 1825]. SPb., V tipografii Karla Vul'fa Publ., 1859, 228 p. (In Russ.)

Milyukov P.N. *Gosudarstvennoe khozyaistvo Rossii v pervoi chetverti XVIII stoletiya i reformy Petra Velikogo. 2-e izd.* [State economy of Russia in the first quarter of the XVIII century and the reforms of Peter the Great. Ed. second]. SPb., Tipografiya M.M. Stasyulevicha, 1905, 681 p. (In Russ.)

ОТРАЖЕНИЕ СОБЫТИЙ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ В ЖЕНСКИХ ПИСЬМАХ (НА ПРИМЕРЕ ДАГЕСТАНА)

Целью настоящей статьи является интерпретация некоторых событий Кавказской войны через анализ женских писем. В письмах нашли отражение ключевые события Кавказской войны, а также характеристики политических фигур. Автором проанализированы письма ханиши Паху-бике, ханиши Нух-бике, Шуанет – жены имама Шамиля – и Каримат – его невестки – к представителям военной администрации на Кавказе, а также к родным. Материалы исследования показали, что в силу разных обстоятельств женщины были вынуждены обращаться с письмами к русским властям. Автором выделяются и описываются характерные особенности женских писем, раскрываются мотивы обращения к адресатам. В качестве основных источников исследования послужили материалы дореволюционных периодических изданий «Исторический вестник», «Кавказский сборник», «Русская старина», где были опубликованы тексты вышеупомянутых писем. В работе применены типичные для гендерной антропологии методы феминистской этнологии, психоанализа и интерпретации. Данный подход дает возможность услышать голос самих участниц описываемых событий, проанализировать мотивы поведения, способы переживания окружающей действительности. Делается вывод, что письма как средство самовыражения женщин являлись своеобразным маркером взаимоотношений женщин с властью и родными. Очевидно, что источниковедческий потенциал имеющихся женских писем по настоящее время не реализован и не востребован исследователями.

Ключевые слова: Кавказская война, женские письма, женская повседневность, эпистолярные источники, аджама, Паху-бике, Нух-бике, Шуанет, Каримат.

Информация об авторе: Мутиева Оксана Саидовна, ORCID: 0000-0002-7669-3558, кандидат исторических наук, доцент, Дагестанский государственный университет народного хозяйства, г. Махачкала, Россия.

E-mail: mutiewa.oksana@yandex.ru.

Дата поступления статьи: 09.11.2019.

Для цитирования: Мутиева О.С. Отражение событий Кавказской войны в женских письмах (на примере Дагестана) // Вестник Костромского государственного университета. 2019. Т. 26, № 1. С. 27-31. DOI 10.34216/1998-0817-2019-26-1-27-31.

Oksana S. Mutiyeva

Dagestan State University of National Economy

REFLECTION OF THE EVENTS OF THE CAUCASIAN WAR IN WOMEN'S LETTERS (IN TERMS OF DAGESTAN)

The purpose of this article is to interpret some of the events of the Caucasian War through the analysis of women's letters. The letters reflected some of the key events of the Caucasian War, as well as the characteristics of political figures. The author analyses letters from Khatun Bahu Bike, Khatun Nukh Bike, Imam Shamil's wife Shuanet and daughter-in-law Karimat to representatives of the military and administration in the Caucasus, as well as to relatives. The research materials showed that due to various circumstances, women were forced to send letters to the Russian authorities. The author identifies and describes the characteristic features of female letters, reveals the motives for contacting recipients. The main sources of research were materials from the pre-revolutionary periodicals «Historical Bulletin», «Caucasian Collection», «Russian Antiquity», where the texts of the above-mentioned letters were published. In the work, methods of feminist ethnology, psychoanalysis and interpretation, typical of gender anthropology, are applied. This approach makes it possible to hear the personal voice of the participants of the described events, to analyse the motives of behaviour, ways of experiencing the surrounding reality. It is concluded that letters as a means of women's self-expression were a kind of marker of the relationship of women with the authorities and relatives. It is obvious that the source study potential of existing female letters has not yet been realised and is not in demand by researchers.

Keywords: Caucasian War; women's letters; women's everyday life; epistolary sources; Ajamiyya, Bahu Bike, Nukh Bike, Shuanet, Karimat.

Information about the author: Oksana S. Mutiyeva, ORCID: 0000-0002-7669-3558, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Dagestan State University of National Economy, Makhachkala, Dagestan, Russia.

E-mail: mutiewa.oksana@yandex.ru.

Article received: November 11, 2019.

For citation: Mutiyeva O.S. Reflection of the events of the Caucasian War in women's letters (in terms of Dagestan). Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 1, pp. 27-31 (In Russ.). DOI 10.34216/1998-0817-2019-26-1-27-31.

В последнее время большой интерес исследователей обращен к источникам личного происхождения, дневникам, мемуарам и письмам. Особенно пристальное внимание уделяется авторским свидетельствам женщин, которые дают возможность интерпретировать события через призму женского восприятия. Анализ эпистоляр-

ных источников по Кавказской войне показывает, что практически не осталось дневников и писем дагестанских женщин как авторских свидетельств той эпохи. В рассматриваемый период, в отличие от русской традиции, где письма «были важным элементом дворянской повседневности» [Белова 2013: 67], в культуре дагестанских народов женское пись-

мо не получило распространения. «Пишущих» женщин было немного, как правило, это были представительницы привилегированных сословий: жены и дочери феодальных владетелей, офицеров, представителей дагестанской интеллигенции.

Так, в разгар военных событий к высшим государственным и военным чинам с прошениями и жалобами были адресованы письма аварской ханши Паху-бике и мехтулинской ханши Нух-бике. Благодаря тому, что письма после окончания Кавказской войны были опубликованы в дореволюционных периодических изданиях, они стали доступны широкой общественности. Наряду с оригиналами писем женщин, которые были написаны на основе арабографического алфавита (аджама), представляющую собой смесь арабского и местных языков, на страницах журналов были представлены их переводы на русский язык. Эти письма позволяют интерпретировать некоторые события Кавказской войны, осветить военную повседневность: жизненные проблемы, специфику взаимоотношений с родными и властью. Обращает на себя внимание характерная особенность этих писем – перегруженность детальными описаниями личных переживаний и настроений. По мнению исследователя А.В. Беловой, такая особенность была в целом характерна для женских писем [Белова 2004: 73], которые отличало большое число, «...нанизанных одна на другую разнообразных подробностей» [Белова 2016: 178].

На такую особенность женских писем обращали внимание некоторые зарубежные исследователи [Lanser; Людтке]. По мнению англо-американской исследовательницы С. Лансер, специфика женских эмоций отражалась и на их письмах с приватными формами повествования [Lanser: 353]. Немецкий исследователь А. Людтке также полагал, что следовало различать мир чувств женщин и мужчин, которые по-разному переживают сложные жизненные ситуации [Людтке: 95].

Сложные события исторической обстановки преломляются в письмах ханши Паху-бике к представителям кавказской военной администрации. После смерти мужа Ахмет-хана Аварского сложившаяся политическая обстановка заставила Паху-бике приложить немало усилий для укрепления своих позиций в ханстве. Учитывая особую лояльность Аварского ханства к России, ханша была вынуждена обращаться за помощью к русским властям на Кавказе. Вместе с тем надо отметить и заслуги самой ханши Паху-бике, благодаря которой Аварское ханство приняло подданство Российской империи. Безусловно, такая политика положительно оценивалась русскими властями: император Николай I даровал Аварскому ханству знамя с гербом России, а ханше Паху-бике – пожизненный пансион.

Учитывая все эти обстоятельства, Паху-бике нередко обращалась с прошениями к знаковым

персонам того времени, желая решить насущные проблемы. Одним из таких адресатов в годы Кавказской войны стал барон Г.В. Розен – начальник Кавказского корпуса с 1831 года. Поводом для написания писем послужило обвинение в предательстве ее сына Нуцал-хана и зятя Абу-Муслим, которые оказались в немилости русских властей и были арестованы [Материалы к истории]. В своем письме от 6 мая 1832 года, пытаясь довести до барона Розена суть происходящего, ханша во всем обвиняла своего противника Гамзат-бека, особо подчеркивая, что ее зять был арестован только через доносы недоброжелателей [Материалы к истории]. Ханша подробно, в повествовательной форме описывала адресату собственные проблемы и взаимоотношения с конкретными людьми. В манере обыкновенного диалога Паху-бике не только ходатайствовала перед Розеном об освобождении зятя Абу-Муселима, «принося в в-ству благодарность», но и просила наказать Гамзат-бека как главного виновника произошедшего [Материалы к истории].

Надеясь на справедливое решение русских властей, Паху-бике в письме выражала надежду, что император и поставленные им начальники справедливо накажут «возмутителя», а «усердных удовлетворят» [Материалы к истории]. Конечно, ханша не упускала возможности напомнить русским властям о своих заслугах перед Россией. Так, в письме к барону Розену Паху-бике не только отмечала верность Аварского ханского дома Российской империи, но и заслуги ее сыновей перед императором. Тем самым ханша Паху-бике не упускала случая оказать определенное влияние на политические события того времени.

Во втором письме к барону Розену, датированном 8 мая 1832 года, ханша Паху-бике сетовала, что ее просьбы так и остались не разрешенными [Материалы к истории]. Затем в доверительной, располагающей к себе манере она просила у Розена «совета как у отца» относительно своей дочери Умсалтанет-Ханумы. Зять ханши Абу-Муселим требовал отправить к нему ее дочь. Учитывая сложную политическую ситуацию, вызванную «возмутителем Кази-Муллой», ханша полагала преждевременным это делать. Объясняя Розену свое нежелание отправлять дочь к Абу-Муселиму, она главной причиной этого называла долг зятя перед Великим Государем, который требовал – «действовать против возмутителя (Кази-Муллы. – О. М.), чтобы истребить его» [Материалы к истории]. Мало того, понимая, что зять может и не прислушаться к ее доводам, Паху-бике просила барона приказать чиновникам, находящимся близ Абу-Муселима, чтобы те внушили ему отложить требование насчет дочери, Умсалтанет-Ханумы, на какое-то время [Материалы к истории].

Не вызывает сомнения, что с помощью такого женского приема ханша хотела добиться от Розе-

на лишь удовлетворения своих прошений об освобождении зятя Абу-Муселима. Не теряя надежды на положительное разрешение своего вопроса, ханша оставляла за бароном Розеном окончательное принятие решения [Материалы к истории].

Безусловно, ханша Паху-бике использовала переписку с бароном Розеном для оказания психологического давления на своих политических противников. При поддержке барона она выстраивала взаимоотношения с окружением и членами семьи.

В свете исследуемой темы представляет интерес письмо Мехтулинской ханши Нух-бике к генералу М.З. Аргутинскому-Долгорукову, датированное 5 апреля 1850 года. Это был период завершающего этапа Кавказской войны, который ознаменовался интеграцией кавказских народов в российское общество. Важную роль в этом процессе должна была сыграть местная интеллигенция как проводник российской культуры на Кавказе. Решающая роль отводилась детям «почетных мусульман», которые отличились своей преданностью Российской империи. Русские власти, продвигая детей высокопоставленных дагестанских владетелей на русской службе, давали им возможность сделать успешную карьеру. К таковым относились и дети покойного хана Мехтулинского и ханши Нух-бике, судьба которых решалась на самом высоком уровне.

Так, М.З. Аргутинский-Долгоруков в своем письме сообщал вдове о намерении русского правительства и Военного министра отправить ее сыновей в Петербург для учебы в Пажеском корпусе. На момент написания письма генерал находился в чине командующего войсками и управляющим гражданской частью в Прикаспийском крае. В его ведении находились многие вопросы, связанные с судьбами высокопоставленных дагестанских правителей, лояльных к Российской империи, а также их семей.

Содержание ответного письма ханши Нух-бике к генералу отражало ее отношение к предполагаемому отъезду малолетних сыновей. Нух-бике благодарил генерала за участие в судьбе ее сыновей, за «благие намерения», которые содержались в его «благородном письме» [Письмо мехтулинской ханши]. Понимая, что такое решение в отношении своих сыновей – «обучение наукам и надлежащее их воспитание» исходило от высочайшего указа императора, ханша благодарил за милость, оказанную ее семье [Письмо мехтулинской ханши]. Несмотря на это, ханша Нух-бике разъясняла в письме М.З. Аргутинскому-Долгорукову, что «пока она жива», не в силах разлучиться с двумя малолетними сыновьями. Убитая горем от предстоящей разлуки, ханша особенно переживала за судьбу младшего из сыновей – Рашид-хана, что нашло отражение в письме. В надежде на милость и сострадание со стороны властей она ходатайствовала в письме к генералу, чтобы ее пожелания

непрерывно были доведены до императора [Письмо мехтулинской ханши].

К сожалению, все пожелания ханши, озвученные ею в письме, не были учтены. Оба ее сына были отправлены в Пажеский корпус Петербурга. Из содержания письма очевидно, что в отношениях с семьей высокопоставленных владетелей Дагестана в силу конкретных исторических событий русские власти исходили из собственных соображений.

В свете исследуемой темы представляют интерес письма невестки имама Шамиля Каримат, адресованные её родным. После пленения Шамиля Каримат вместе с мужем и остальными членами большого семейства Шамиля оказалась в Калуге. Ее жизнь вдали от родины была наполнена моральными и физическими страданиями: тоска по родным и долгая болезнь, связанная с акклиматизацией, сказались на ее здоровье. Усугубляли ее моральное и физическое состояние, по сведениям П.Г. Пржецлавского, имеющиеся в семье Шамиля «сплетни и интриги» [Шамиль: 64].

Единственным человеком, который старался понять ее и как-то облегчить ее душевные муки, оказался пристав А.И. Руновский. Через него Каримат вела переписку со своими родными, проживающими в г. Нуха Бакинской губернии. Письма скрашивали ее повседневную жизнь в Калуге, исцеляя ее больную душу. Учитывая, что молодая женщина не владела достаточно навыками русской письменности, она диктовала А. Руновскому текст писем. Будучи в курсе ее сложных взаимоотношений с членами семейства Шамиля, А. Руновский старался завуалированно передать в письмах их специфику. Так, в письме отцу Даниель-беку, датированном 1860 годом, Каримат подчеркивала, что в письме ничего не может написать. Надеясь на встречу с отцом в Петербурге, она писала ему, что только при встрече сможет рассказать о том, что у нее на «на сердце» [Керимет].

Кроме того, Каримат подчеркивала в письме особую расположенность к ней поручика А. Руновского, а также свое безмерное доверие к нему. Она также просила отца, чтобы тот в письме к Руновскому непременно написал о ее благодарности поручику [Керимет].

Надо отметить, что такие доверительные отношения с А. Руновским давали ей возможность вести переписку с родными, не боясь огласки. Учитывая обстоятельства нахождения семейства Шамиля в Калуге, письма могли и не дойти до своих адресатов, попав в руки чиновников.

Второе письмо Каримат к отцу отражало усугубившееся негативное моральное состояние женщины. Она писала в письме, что все неприятности исходили от «старших» членов семейства Шамиля, с которыми в Калуге у нее не сложились отношения [Керимет]. Безусловно, Каримат не могла написать в письме всего того, что ее волно-

вало и огорчало, но все ею недосказанное можно было прочитать между строк. Смирясь со своей участью, тоскуя по своим родным, Каримат могла лишь этими письмами облегчить хоть на время свое физическое и моральное состояние.

Как уже отмечалось выше, некоторые письма в силу цензуры до адресата могли не дойти. К сожалению, такая участь постигла и письма Каримат к родным. Лишь спустя много лет, в 1910 году, эти письма были опубликованы в «Историческом вестнике» под названием «Каримет, невестка Шамиля, жертва азиатской, а затем русской политики». Они стали доступны широкой общественности, были предметом пристального интереса и обсуждения.

Среди немногочисленных свидетельств женского эпистолярного жанра следует отметить письма жены имама Шамиля – Шуанет, в девичестве Анны Улухановой. Также как и Каримат, судьба забросила Шуанет в далекую Калугу, где в ссылке проходили ее повседневные будни. Пристав А. Руновский в «Записках о Шамиле» приводит письмо Шуанет, адресованное брату Якову Улуханову в Моздок. Легко адаптировавшись к калужской жизни, Шуанет буднично писала брату о том, что жизнь ее «продолжается по-прежнему в совершенном довольствии и спокойствии», и она счастлива [Руновский: 94–95]. По сведениям А. Руновского, дом помещика Сухотина, в котором проживало семейство Шамиля в Калуге, напоминал ей моздокский родительский дом, что, очевидно, скрашивало повседневность калужской ссылки [Руновский: 94].

Из строк письма видно, что Шуанет счастлива рядом с мужем, несмотря на то, что она скучает по родным и ждет от них долгожданной весточки. Безусловно, письма являлись для молодой женщины возможностью поддерживать эмоциональную связь с родными людьми, через переписку «концентрировались коммуникативные связи семьи» [Белова 2004: 79].

Среди переписки Шуанет представляют интерес ее письма к князю А.И. Барятинскому, с которым члены семейства Шамиля на протяжении долгого периода поддерживали дружеские отношения. В 1880 году на страницах издания «Русская старина» была опубликована переписка князя А.И. Барятинского с Шамилем и его женами Шуанет и Заидат.

Так, в письме к князю Барятинскому, датированном июнем 1871 года, Шуанет писала, что решила остаться на некоторое время в Мекке, где провел последние дни жизни ее покойный муж. На любезное приглашение князя погостить ей с дочерью в Петербурге она благодарила его за внимание и заботу и просила уделить ей место в его «благоденствиях» [Кн. Александр]. Строки этого короткого письма, а также манера обращения Шуанет к князю являются свидетельством близких, почти родственных отношений с Барятинским.

Очевидно, что эта переписка являлась для Шуанет нитью, которая связывала ее с далекой родиной, где прошла ее молодость, овеянная бурными событиями Кавказской войны.

Таким образом, женские письма как документальный источник эпохи Кавказской войны раскрывают нам некоторые аспекты повседневной жизни. Письма дают возможность услышать голос самих участниц описываемых событий, проанализировать способы переживания ими тягот повседневной жизни, мотивы их поведения.

При отсутствии других авторских свидетельств дагестанских женщин (дневников, мемуаров), эти письма дают нам возможность реконструировать военную повседневность через личные переживания и настроения. Вместе с тем ограниченное количество таких писем, по справедливому замечанию П.П. Щербинина, «неизбежно требует придирчивого и внимательного изучения максимально широкого круга источников» [Щербинин: 16].

Список литературы

Белова А.В. Дискурсы «женского письма» в русской дворянской повседневности конца XVIII – первой половины XIX в. // Патриотизм и гражданственность в повседневной жизни российского общества (XVIII–XXI вв.). Изд-во Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, 2013. С. 64–70.

Белова А.В. Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки конца XVIII – первой половины XIX века как проблема исследования // Женщина в российском обществе. 2004. № 1–2 (30–31). С. 72–82.

Белова А.В. Женская эпистолярная культура в России на рубеже XVIII–XXI веков // Культура и текст. 2016. № 2 (25). С. 167–185.

Каримет, невестка Шамиля, жертва азиатской, а затем русской политики // Исторический вестник. 1910. № 9. URL: <http://drevlit.ru/docs/kavkaz/XIX/1860-1880/Kerimet/text.php> (дата обращения: 13.12.2018).

Кн. Александр Иванович Барятинский, 1859–1862 гг. // Русская старина. 1880. № 4. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1840-1860/Barjatinskij_A_I/text2.htm (дата обращения: 08.02.2019).

Людтке А. Что такое история повседневности? Её достижения и перспективы в Германии // Социальная история: Ежегодник 1998/99. Москва, 1999. С. 77–100.

Материалы к истории покорения Восточного Кавказа и борьбы с мюридизмом // Кавказский сборник. 1912. Т. 32. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1820-840/Mat_ist_pok_vost_kavk/index.htm (дата обращения: 18.02.2019).

Письмо мехтулинской ханши Нох-бийке генералу М.З. Аргутинскому-Долгорукову (1850 г.).

URL: <http://kumukia.ru/?id=1094> (дата обращения: 18.02.2019).

Руновский А. И. Записки о Шамиле. Москва: Внешторгиздат, 1989. 178 с.

Шамиль и его семья в Калуге в 1862–1865 гг: Записки П.Г. Пржецлавского // Русская старина. 1878. Т. 21. Вып. 1–4. С. 41–64.

Щербинин П.П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII начале XX в. Тамбов: Юлис, 2004. 508 с.

Lanser S.S. *Toward a Feminist Narratology*. Style, 1986, vol. 20, № 3, pp. 341–363.

References

Belova A.V. *Diskursy «zhenskogo pis'ma» v russkoj dvoryanskoy povsednevnoy konca XVIII – pervoj poloviny XIX v.* [Discourses of "female writing" in the Russian noble everyday life of the late 18th - first half of the 19th centuries]. *Patriotizm i grazhdanstvennost' v povsednevnoj zhizni rossijskogo obshchestva (XVIII–XXI vv)* [Patriotism and citizenship in the daily life of Russian society (XVIII – XXI centuries)], ed. by V.N. Skvorcova, 2013, pp. 64–70. (In Russ.)

Belova A.V. *Povsednevnyaya zhizn' russkoj provincial'noj dvoryanki konca XVIII – pervoj poloviny XIX veka kak problema issledovaniya* [The daily life of a Russian provincial noblewoman of the end of the XVIII – the first half of the XIX century as a research problem]. *Zhenshchina v rossijskom obshchestve* [Woman in Russian society], 2004, № 1–2 (30–31), pp. 72–82. (In Russ.)

Belova A.V. *Zhenskaya epistolyarnaya kul'tura v Rossii na rubezhe XVIII–XXI vekov* [Women's epistolary culture in Russia at the turn of the XVIII–XXI centuries], *Kul'tura i tekst* [Culture and text], 2016, № 2 (25), pp. 167–185. (In Russ.)

Kerimet, nevestka SHamilya, zhertva aziatskoj, a zatem russkoj politik [Carimet, daughter-in-law of Shamil, victim of Asian and then Russian politics].

Istoricheskij vestnik [Historical Bulletin], 1910, № 9. URL: <http://drevlit.ru/docs/kavkaz/XIX/1860-1880/Kerimet/text.php> (accessed: 13. 12. 2018).

Kn. Aleksandr Ivanovich Baryatinskij, 1859–1862 gg. [The Pr. Alexander Ivanovich Baryatinsky, 1859–1862]. *Russkaya starina* [Russian antiquity], 1880, № 4. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1840-1860/Barjatinskij_A_I/text2.htm (access date: 08. 02. 2019).

Ludtke A. *Chto takoe istoriya povsednevnosti? Eyo dostizheniya i perspektivy v Germanii* [What is daily history? Her achievements and prospects in Germany]. *Social'naya istoriya* [Social History: Yearbook]: ezhegodnik. Moscow, 1999, pp. 77–100.

Materialy k istorii pokoreniya Vostochnogo Kavkaza i bor'by s myuridizmom [Materials on the history of the conquest of the East Caucasus and the fight against muridism]. *Kavkazskij sbornik* [Caucasian collection.], 1912, vol. 32. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1820–840/Mat_ist_pok_vost_kavk/index.htm (access date: 18.02. 2019). (In Russ.)

Pis'mo mekhtulinskoj hanshi Noh-bijke generalu M.Z. Argutinskomu-Dolgorukovu (1850 g.) [Letter from Mehtulinsky Hanshi Nokh-biyka to General M.Z. Argutinsky-Dolgorukov (1850)]. URL: <http://kumukia.ru/?id=1094> (access date: 18.02. 2019).

Runovsky A.I. *Zapiski o Shamile* [Notes on Shamil]. Moscow, Vneshtorgizdat, 1989, 178 p. (In Russ.)

Shamil and his family in Kaluga in 1862-1865. Notes by P.G. Przetlavsky [Shamil and his family in Kaluga in 1862–1865: Notes by P.G. Przetlavsky]. *Russian antiquity* [Russian antiquity], 1878, vol. 21, № 1–4, pp. 41–64. (In Russ.)

Shcherbinin P.P. *Voennyj faktor v povsednevnoj zhizni russkoj zhenshchiny v XVIII nachale XX v.: monografiya* [The military factor in the everyday life of a Russian woman in the 18th and early 20th centuries]. Tambov, Publishing, 2004, 508 p. (In Russ.)

**ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЖЕНЦЕВ
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(в рамках провинциального города)**

*Работа выполнена при совместной финансовой поддержке РФФИ
и Правительства Вологодской области, № гранта 18-49-350002 p_a*

В данной статье автор анализирует процесс становления организационно-правовой структуры в годы Первой мировой войны на примере конкретно взятого уездного города Новгородской губернии (г. Череповец). Роль органов местного самоуправления, включая земства, городские общественные управления и созданные ими структуры, охватывая волостной и даже поселенческий уровень, в реализации помощи беженцам была велика. Изучение проблемы беженцев на материалах г. Череповца позволяет утверждать, что здесь была поставлена довольно широко деятельность Татьянинского комитета и Губернского комитета Всероссийского союза городов. Все мероприятия, которые проводились на местах, изначально не были системны и не имели общего направления, они полностью зависели от местной инициативы, что во многом объясняется отсутствием законодательной базы помощи беженцам в Российской империи в первые годы войны. Создаваемые несколько позже правительственные беженские структуры (лето 1915 г. – весна 1916 г.) повторяли устройство «обычных» государственных управленческих органов и существовали главным образом на средства казны.

Ключевые слова: Первая мировая война, Российская империя, Новгородская губерния, город Череповец, беженцы, общественность, государство, законодательство, организационные структуры.

Информация об авторе: Фролова Ирина Викторовна, кандидат исторических наук, ФГБОУ ВО «Череповецкий государственный университет», г. Череповец, Россия.

E-mail: ivfrolova160381@yandex.ru.

Дата поступления статьи: 18.11.2019.

Для цитирования: Фролова И.В. Организационно-правовое обеспечение беженцев в годы Первой мировой войны (в рамках провинциального города) // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 1. С. 32-37. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-1-32-37.

Irina V. Frolova
Cherepovets State University

**ORGANISATIONAL AND LEGAL SUPPORT FOR REFUGEES DURING WORLD WAR I
(IN A PROVINCIAL TOWN)**

*The research was carried out with the joint financial support of Russian Federal Property Fund
and the Government of Vologda Region, Grant No.18-49-350002 p_a*

The author in the article analyses the process of formation of organisational and legal institutions during World War I on a specific example of a district town of Novgorod Province (Cherepovets). Local governments, including district councils (zemstvo), municipal governments and the institutions they created, played a great role in providing assistance to refugees on the level of districts (volost) and settlements. The study of Cherepovets archival documents on the refugees allows to suggest that the activities of the Committee named after Grand Duchess Tatiana Nikolaevna of Russia and the activities of the Provincial Committee of the All-Russian Urban Union were widespread here. All the events that were held at the local level initially were neither systematic nor co-ordinated, they completely depended on the local initiative because of the lack of a legislative framework for assistance to refugees in the Russian Empire during the first years of the war.

The government refugee institutions were created later (summer 1915 to spring 1916), and they had the structure similar to the existing state administrative bodies, and they were funded by the State Treasury.

Keywords: World War I, Russian Empire, Novgorod Province, town of Cherepovets, refugees, public, state, legislation, organisational institutions.

Information about the author: Irina V. Frolova, Candidate of Historical Sciences, Cherepovets State University, Cherepovets, Vologda Region, Russia.

E-mail: ivfrolova160381@yandex.ru.

Article received: November 19, 2019.

For citation: Frolova I.V. Organisational and legal support for refugees during World War I (in a provincial town). Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 1, pp. 32-37 (In Russ.). DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-1-32-37.

Начало изучению вопроса беженско-го движения в годы Первой мировой войны было положено еще в ходе этой войны¹, однако последующие исследования были прерваны революционными событиями. Советская историография не рассматривала беженство в качестве возможного объекта научного интереса,

так как это могло повести за собой сравнительные характеристики в вопросе о решении проблемы беженства царскими властями и советскими. Только в 90-е гг. XX г. стали появляться специальные работы, в том числе и регионального характера, в которых был представлен критический анализ беженского движения [Курцев А.Н. 1999; Тума-

нова А.С. 2014; Цовян Д.Г. 2005; Суржикова Н.В. 2016; Белова И.Б. 2014], что стало возможным благодаря наличию достаточного количества архивных источников. В данной статье мы использовали материалы, которые находятся в Государственном архиве Вологодской области, а именно: Ф. 1212 (Фонд учреждений и организаций государственной и общественной социальной помощи. Череповецкое уездное отделение новгородского центрального бюро по оказанию помощи беженцам). В данном фонде представлены журналы заседаний Череповецкого бюро по оказанию помощи беженцам; инструкции, указания, циркуляры Новгородского центрального бюро, присланные Череповецкому уездному бюро помощи беженцам; циркуляры Комитета Е. И. В. великой княжны Татьяны Николаевны для оказания помощи беженцам, Министерства внутренних дел, новгородского губернатора, Новгородского центрального бюро для содействия беженцам из района военных действий и Новгородского отделения Комитета Е. И. В. великой княжны Татьяны Николаевны; «Руководящие положения по устройству беженцев»; переписка с Новгородским центральным бюро; финансовые ведомости; различные прошения беженцев.

Первая мировая война породила серию социальных проблем. Одной из наиболее острых среди них было беженство. С лета 1914 г. до весны 1915 г. в Российской империи преобладало стихийное беженство (добровольный характер), а с весны 1915 г., когда началось наступление немцев на Западе России и в Галиции, добавилось принудительное выселение.

Июль – август 1915 г. – ноябрь – декабрь 1915 г. – время массового прибытия беженцев во внутренние губернии империи. При этом еще даже «не прибытие, а только ожидание прибытия беженцев» вызывало серьезную обеспокоенность общественности, «озабоченную возможным ростом в этой связи социальной напряженности» [Суржикова: 122].

Летом 1914 г. были созданы Всероссийский земский (30 июля 1914 г.) и Всероссийский городской (8–9 августа 1914 г.) союзы [Беженцы и организация помощи: 3, 13]. Сложилось определенное противоречие между законом (Городовое и Земское положения), который не предоставлял городам и земствам права объединяться в союзы, и административной практикой, позволившей союзам легализоваться [Шевырин: 44–45; Берар: 373–389], что, с одной стороны, давало Союзам определенные преимущества, а с другой – делало их уязвимыми в правовом отношении [Туманова: 95]. 25 ноября 1914 г. Совет министров подготовил акты, на основании которых должны были действовать Союзы. Согласно этим актам Союзы получали лишь те права, которые правительство считало возможным им предоставить [Туманова: 96]. Так правительство пыталось обезопасить себя от форми-

рования вокруг Союзов оппозиционных течений. Первоначально исполнительная власть относилась к Союзам достаточно благосклонно, о чем свидетельствуют факты предоставления Союзам солидных субсидий, включения их в Красный Крест (август 1914 г.), а также в состав правительственных органов: Особых совещаний по обороне, топливу, продовольствию, перевозке и устройству беженцев (август 1915 г.) [Туманова: 97].

В сентябре 1915 г. Союзы объединились в Особый отдел по устройству беженцев, что было вызвано возникшими конфликтами между Союзам, Татьянинским комитетом и Министерством внутренних дел. Тогда же Особый отдел открыл Всероссийское бюро труда и статистическое бюро.

14 сентября 1914 г. был учрежден Комитет Его Императорского Величества великой княжны Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных бедствий [Курцев: 98], который до принятия закона от 30 августа 1915 г. «Об обеспечении нужд беженцев» был главным органом по оказанию помощи беженцам в России. Деятельность Комитета регулировалась специальным Положением, которое являлось первым основным нормативно-правовым актом беженского дела в России. Председателем Татьянинского комитета являлся член Государственного совета А.Б. Нейдгардт, а великая княжна Татьяна была его почетной председательницей [Комитет: 8–9]. Финансирование Комитета осуществлялось из казенных средств², одновременно привлекались и значительные пожертвования от населения [Матвеева]. Первоначально Комитет был ориентирован на призрение раненых солдат, а вскоре стал помогать и беженцам. Положение наделяло Комитет правом открывать местные отделения³, и начиная с 25 сентября 1914 г. в стране начали создаваться местные отделения Татьянинского комитета [Павлова: 27].

24 июля 1915 г. Совет Министров издал приказ о создании института Главноуполномоченных по устройству беженцев Северо-западного и Юго-западного фронтов. Согласно этому приказу были введены должности главноуполномоченных на Северо-Западном фронте (главноуполномоченный «Северопомощи» С.И. Зубчанинов) и на Юго-Западном (главноуполномоченный «Югобеженец» кн. Н.П. Урусов). Если первоначально деятельность Главноуполномоченных охватывала только прифронтовую территорию, то с октября 1915 г. стали назначаться Главноуполномоченные по устройству беженцев и в глубине империи.

В губерниях беженским делом руководили губернаторы, но непосредственное попечение о беженцах предоставлялось органам местного самоуправления (земским и городским думами). Деятельность последних в сфере помощи беженцам в первые годы войны также не была законодательно регламентирована⁴.

Территория Европейской России была поделена на 12 районов. Новгородская губерния, наряду с Олонецкой и Тверской, была включена во II район (пограничный) под руководством президента Варшавы А.А. Миллера [Белова: 404], откуда следовало в первую очередь проводить расселение скопившихся беженцев. Для более ровного размещения беженцев по губерниям, включая и Новгородскую, были созданы распределительные пункты (организованы по инициативе Татьянинского комитета). Такими распределительными пунктами в Новгородской губернии являлись Старая Русса, Бологое, Чудово и Тихвин⁵. В обход постановлений военных властей на местах отмечались попытки принять меньшее количество беженцев.

Согласно данным, предоставленным новгородским губернатором, в пределах губернии предполагалось разместить до 100 тысяч беженцев, а в Череповецкий и прилегающие к нему уезды Белозерский, Кирилловский и Устюженский планировалось отправить около 40 000 человек⁶.

Наибольшая ответственность по перемещению эвакуированных из южных уездов губернии на север ложилась на г. Череповец, являвшийся хотя и промежуточной, но важной стратегической станцией Северной магистрали. По данной ветке шел значительный поток грузов, эшелонов с войсками. Планировалось, что в Череповец будут прибывать поезда беженцев партиями по 300, 500 и более человек⁷.

На совещании местных общественных деятелей 4 августа 1915 г. городской голова Череповца А.В. Черняев предложил обсудить вопрос о формировании при Череповецком комитете Всероссийского городского союза помощи больным и раненым воинам Особого отдела по призрению беженцев из местностей, застигнутых военными действиями⁸. Тогда же был утвержден его состав: член череповецкого окружного суда А.Н. Чубинов, член череповецкой городской управы Ив.Н. Соколов, директор череповецкого городского банка И. Волков, член череповецкой городской управы П.Н. Петров, председатель череповецкой земской управы И.В. Якимов, лесничий М.А. Титтенбрун, заведующий первым череповецким высшим начальным училищем И.М. Михайлов и начальник участка пути Северной железной дороги А.А. Третьяков. Председателем Отдела единогласно был избран гласный череповецкой думы Н.И. Цветков, а его заместителем стал акцизный надзиратель И.Е. Лебедев⁹.

А.В. Черняев зачитал воззвание Всероссийского городского союза помощи больным и раненым воинам с просьбой помочь Союзу городов «своими пожертвованиями как денежными, так и вещами»¹⁰.

В начале августа в город прибыло 50 человек¹¹. В связи с этим на совещании, кроме вопроса об организации Отдела по призрению беженцев, были

подняты следующие: «а) медицинский осмотр беженцев тотчас же по их прибытии; б) приискание квартир; в) снабжение беженцев пищею; г) приискание заработка для беженцев; д) призрение и обучение детей беженцев; е) приискание средств и привлечение живых сил для помощи беженцами»¹².

На совещании разработали алгоритм приема беженцев и последующего обустройства их жизни и быта. Финансирование данных мероприятий предполагалось осуществлять за счет Всероссийского городского союза, Комитета Е. И. В. великой княжны Татьяны Николаевны и местного населения. По предложению С.В. Мицеловского (прокурор череповецкого окружного суда) во время совещания провели сбор среди присутствующих в пользу беженцев. По подписному листу было собрано сто семьдесят шесть рублей¹³.

Во время четвертого заседания Отдела по призрению беженцев при Череповецком комитете ВГС 8 августа 1915 г. его председателем Н.И. Цветковым было сделано обращение к приглашенным на заседание дамам подключиться к работе Отдела, «который не может обойтись в своей деятельности без женской помощи». В результате обсуждения были образованы следующие направления деятельности, возглавляемые женщинами: 1. Хозяйственное (решение вопросов ведения хозяйства и питания). Ответственные – г-жи А.И. Цветкова, А.В. Судакова (до начала занятий в школе), А.В. Подгорная, Е.Г. Львова и А.И. Мальшева. 2. Квартирное (поиск квартир и устройство беженцев на квартирах), заботы «по приисканию квартир и водворению в них беженцев взяли вместе со всеми членами Отдела г-жи А.И. Титтенбрун, А.К. Вьюнова, А.В. Михайлова и Б.О. Шиманская». 3. По приему пожертвований деньгами и вещами. Ответственные – г-жи К.В. Петрова, Е.Н. Ладвинская, А.К. Вьюнова, П.И. и Н.И. Замаараевы, «которые и распределили между собою дежурства»; 4. По наблюдению за общежитием и квартирами. Ответственные – г-жи А.К. Вьюнова, Е.Н. Ладвинская, А.И. Титтенбрун, А.В. Михайлова, К.В. Петрова и Б.О. Шиманская. 5. По встречам беженцев на вокзале. Встречать беженцев взялись все члены Отдела и г-жи А.В. Подгорная и Б.О. Шиманская¹⁴.

17 августа 1915 г. было образовано Череповецкое уездное бюро по оказанию помощи беженцам Комитета Ее Императорского Высочества великой княжны Татьяны Николаевны¹⁵, которое подчинялось Новгородскому центральному бюро Комитета Ее Императорского Высочества великой княжны Татьяны Николаевны¹⁶.

Функции уездного бюро были прописаны в «Краткой инструкции, определяющей существо и порядок деятельности Бюро, организованных для помощи беженцам из районов военных действий, прибывающих в пределы Новгородской губернии». Инструкция была утверждена Постановле-

нием общего собрания членов Центрального бюро под председательством новгородского губернатора еще 14 августа 1915 г.¹⁷. Согласно Инструкции, Центральное бюро состояло из лиц, особо уполномоченных губернатором, – представителей от Новгородского дворянства, от Комитета Ее Императорского Высочества великой княжны Татьяны Николаевны, от Новгородских губернской и уездной управ и от Новгородской городской управы; Уездное бюро – из лиц, приглашенных от дворянства, от земской и городской управ и других лиц, уполномоченных губернатором; состав волостных комитетов определялся земскими начальниками из числа местного духовенства, учителей, помещиков и крестьян, но «в случае отсутствия указанных лиц или пожелания их войти в состав Комитета поручить заботы о беженцах по волости одному лицу, известному своей энергией и более свободному от других обязанностей»¹⁸.

У каждого из Бюро имелась печать Отделения комитета. Почтовая корреспонденция производилась Бюро бесплатно на правах казенного учреждения (условный адрес – «БЕЖБЮРО»¹⁹).

Бюро получало деньги в виде авансов на имя казначея от губернатора. Новый аванс выдавался по результатам отчета за предшествующий. Отчеты по израсходованию сумм с «оправдательными документами» препровождались «в Центральное бюро, которое как свои отчеты, так и отчеты уездных бюро передает для обревизования Особой комиссии при Новгородском отделении комитета Ее Императорского Высочества великой княжны Татьяны Николаевны». В течение августа 1915 г. данная Инструкция дополнялась и уточнялась²⁰.

2 октября 1915 г. на заседании губернского отделения Комитета Ее Высочества обсудили и приняли к исполнению постановление от 11 сентября 1915 г. о переименовании «Бюро для оказания помощи беженцам в уездные отделения Комитета Ее Императорского Высочества великой княжны Татьяны Николаевны»²¹.

С 30 августа 1915 г. содержание политики государственного попечения о беженцах стало определять утвержденное императором «Положение об обеспечении нужд беженцев». «Беженский вопрос» стал вопросом «государственной важности». Данным Положением законодательно была легализована деятельность органов местного управления и самоуправления, а также общественных благотворительных организаций по оказанию помощи беженцам, выстроена иерархия их взаимоотношений. На министра внутренних дел были возложены обязанности по обеспечению материальных и духовных нужд беженцев. Участие в работе могли принять все желающие лица, общественные и частные учреждения, работавшие в этом направлении²². В сентябре 1915 г. для координации действий при МВД было открыто Особое совеща-

ние по устройству беженцев²³, а также Отдел по устройству беженцев.

В статье 1 закона впервые юридически было обозначено само понятие «беженец»: «беженцами признаются лица, оставившие местности, угрожаемые неприятелем или им уже занятые, либо выселенные распоряжением военных или гражданских властей из района военных действий, а также выходцы из враждебных России государств». Но затем уточнялось, что помощь государства распространялась на всех нуждавшихся, за исключением немецких и венгерских подданных. Все расходы по обеспечению нужд беженцев были отнесены на счет казны. Особое совещание по устройству беженцев, как с «высшего государственного установления», никому не было подотчетно²⁴.

В губерниях главное положение в деле руководства беженством продолжали занимать губернаторы, которые являлись главными координаторами оказания помощи беженцам, а на местах – земства и органы городского самоуправления²⁵.

Положение 30 августа очень скоро получило критическую оценку части широких слоев общественности, так как, с одной стороны, серьезно ограничивало рычаги влияния на распоряжения Министерства внутренних дел в отношении беженцев, а с другой – предоставляло правительству широкие возможности для использования резервов органов самоуправления и национальных обществ [Цювян: 39–40].

В марте 1916 г. были изданы «Руководящие положения по устройству беженцев», согласно которым общее руководство беженским делом возлагалось на губернаторов и градоначальников, непосредственное попечение о беженцах – на местное самоуправление, включая распределение казенных пособий, а национальным и благотворительным организациям отводилась вспомогательная роль. При этом отмечалась, что «правительственная помощь отнюдь не исключает деятельность Комитета Ее Высочества, его Отделений и других общественных и благотворительных организаций, а лишь может дополнять таковую»²⁶. Земские и городские управы уездного уровня получили право создавать беженские комитеты или беженские отделы.

Несмотря на условия военного времени, с целью сохранения народной памяти 26 сентября 1916 г. Комитет Ее Императорского Высочества великой княжны Татьяны Николаевны вынес постановление об образовании Особого отдела по собиранию материалов по беженскому движению²⁷.

Таким образом, в годы Первой мировой войны в Российской империи сложилась государственно-общественная организация беженского дела. В стране сложились два конфликтующих лагеря органов помощи беженцам [Туманова: 118; Суржикова: 123]: правительственный (Татьянинский

комитет, Министерство внутренних дел, Особое совещание по устройству беженцев, институт главноуполномоченных) и публичный (Всероссийский земский союз, Всероссийский городской союз и разнообразные общества). Конфликт отразил неготовность российского государства к диалогу с обществом. Во многом это объясняется тем, что правительство, пользуясь «патриотической мобилизацией» [Туманова: 23], в первый год войны заняло пассивную позицию в «беженском вопросе», поэтому общественные органы по оказанию помощи беженцам сложились раньше государственных. Последние были вынуждены осуществлять свою деятельность в условиях правового вакуума.

Примечания

¹ Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 1212. Оп. 1. Д. 4. Л. 196–196 об.

² Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. Пг.: Тип. Правительствующего Сената, 1914. № 262. Ст. 2403.

³ Там же.

⁴ Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Его Импер. Величества Канц., 1837. Собр. 2. Т. 12. Отд. 1. С. 439–463; Свод законов Российской империи. Пг.: Б. и., 1915. Т. 2. Ч. 2. С. 1–2.

⁵ ГАВО. Ф. 1212. Оп. 1. Д. 4. Л. 13–14.

⁶ ГАВО. Ф. 1212. Оп. 1. Д. 2. Л. 19.

⁷ Там же.

⁸ ГАВО. Ф. 1212. Оп. 1. Д. 2. Л. 2.

⁹ ГАВО. Ф. 1212. Оп. 1. Д. 2. Л. 3 об.

¹⁰ ГАВО. Ф. 1212. Оп. 1. Д. 2–2 об.

¹¹ Там же.

¹² ГАВО. Ф. 1212. Оп. 1. Д. 2. Л. 3.

¹³ ГАВО. Ф. 1212. Оп. 1. Д. 2. Л. 3–3 об.

¹⁴ ГАВО. Ф. 1212. Оп. 1. Д. 2. Л. 12.

¹⁵ Ликвидировано на основании декрета СНК от 27 июля 1918 г. «Об уравнивании беженцев, остающихся в Российском государстве в отношении подведомственности с остальными гражданами Российской республики».

¹⁶ С октября 1915 г. стало именоваться Новгородское отделение Комитета Е. И. В. великой княжны Татьяны Николаевны.

¹⁷ ГАВО. Ф. 1212. Оп. 1. Д. 4. Л. 6–8.

¹⁸ ГАВО. Ф. 1212. Оп. 1. Д. 2. Л. 3.

¹⁹ ГАВО. Ф. 1212. Оп. 1. Д. 7. Л. 4–5.

²⁰ ГАВО. Ф. 1212. Оп. 1. Д. 4. Л. 3–6 об.

²¹ ГАВО. Ф. 1212. Оп. 1. Д. 4. Л. 28.

²² Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. Пг.: Тип. Правительствующего Сената, 1915. Отд. 1. 2-е полугодие. С. 2424.

²³ Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. Пг.: Тип. Правительствующего Сената, 1915.

№ 242. 1 сент. Ст. 1842; ГАВО. Ф. 1212. Оп. 1. Д. 4. Л. 131–139.

²⁴ Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. Пг.: Тип. Правительствующего Сената, 1915. Отд. 1. 2-е п/г. С. 2423–2424.

²⁵ Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. Пг.: Тип. Правительствующего Сената, 1914. № 242. Ст. 226.

²⁶ ГАВО. Ф. 1212. Оп. 1. Д. 4. Л. 38 об.

²⁷ ГАВО. Ф. 1212. Оп. 1. Д. 4. Л. 182 об.

Список литературы

Беженцы и организация помощи им в связи с работами Особого совещания: Доклад Глав. ком. уполномоч., председателя отдела М.М. Щепкина, март, 1916 г. / Всероссийские земский и городской союзы, Отд. по устройству беженцев. М.: Московская гор. тип., 1916. 98 с.

Белова И.Б. Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России, 1914–1925 гг.: (По материалам центральных губерний Европейской России): дис. ... докт. ист. наук. Брянск, 2014. 461 с.

Белова И.Б. Первая мировая война и российская провинция. 1914 – февраль 1917 г. М.: АИРО-XXI, 2011. 288 с.

Берар Ева. Всероссийский союз городов в Первой мировой войне: государственные задачи и общественное движение // Историк. Время. Общество: сб. трудов / отв. ред. М.А. Воскресенская, А.С. Крымская, Е.В. Петрова. М.: Новый хронограф, 2017. С. 373–389.

Комитет Татьяны Николаевны, 14 сентября 1914 г. – январь 1916 г. Пг.: Сенатская типография, 1916. 402 с. Т. 1.

Курцев А.Н. Беженцы Первой мировой войны в России (1914–1917) // Вопросы истории. 1999. № 8. С. 98–113.

Матвеева Н.Л. Благотворительность и императорская семья в годы первой мировой войны: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2000. 20 с.

Павлова И.П. Социальное попечение в России в конце XIX – начале XX вв.: дис. ... докт. ист. наук. СПб., 2004. 40 с.

Суржикова Н.В. Проблемы беженцев в конфликтах и компромиссах властей и общественности России в годы Первой мировой войны (по материалам периодической печати) // Вестник Пермского университета. 2016. № 1 (32). С. 122–133.

Туманова А.С. Общественные организации России в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.). М.: Политическая энциклопедия, 2014. 327 с.

Цовян Д.Г. Деятельность государственных органов и общественных организаций по оказанию помощи беженцам в России в годы Первой миро-

вой войны. 1914–1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. 216 с.

Шевырин В.М. Власть и общественные организации в России (1914–1917): Аналитический обзор. М.: РАН; ИНИОН, 2003. 152 с.

References

Bezhtentsy i organizatsiia pomoshchi im v sviazi s rabotami Osobogo soveshchaniia [Refugees and organization of assistance to them in the context of the Special Council activities]: Doklad Glav. kom. upolnomoch., predsedatelia otdela M.M. Shchepkina, mart, 1916 g. Vserossiiskie zemskii i gorodskoi soiuzy, Otd. po ustroistvu bezhtentsev. Moscow, Moskovskaia gor. tip. Publ., 1916, 98 p. (In Russ.)

Belova I.B. *Vynuzhdennye migranty: bezhtentsy i voennoplennye Pervoi mirovoi voiny v Rossii, 1914–1925 gg.: (Po materialam tsentral'nykh gubernii Evropeiskoi Rossii)* [Forced migrants: refugees and World War I prisoners of war in Russia, 1914–1925 (Based on the materials of central provinces of European Russia)]: dis. ... dokt. ist. nauk. Bryansk, 2014, 461 p. (In Russ.)

Belova I.B. *Pervaia mirovaia voina i rossiiskaia provintsiia. 1914 – fevral' 1917 g.* [World War I and Russian province. 1914 – February 1917]. Moscow, AIRO-XXI Publ., 2011, 288 p. (In Russ.)

Berar Eva. *Vserossiiskii soiuz gorodov v Pervoi mirovoi voine: gosudarstvennye zadachi i obshchestvennoe dvizhenie* [All-Russian Union of Cities during World War I: State Tasks and Social Movement]. Istorik. Vremia. Obshchestvo: sb. trudov, otv. red. M.A. Voskresenskaia, A.S. Krymskaia, E.V. Petrova. Moscow, Novykhronograf Publ., 2017, pp. 373–389. (In Russ.)

Komitet Tat'iany Nikolaevny, 14 sentiabria 1914 g. – ianvar' 1916 g. [Committee of Tatiana Nikolayevna, September 14, 1914 – January 1916]. Saint-Petersburg, Senatskaia tipografia Publ., 1916. 402 p. Vol. 1. (In Russ.)

Kurtsev A.N. *Bezhtentsy Pervoi mirovoi voiny v Rossii (1914–1917)* [World War I refugees in Russia (1914–1917)]. *Voprosy istorii* [History issues], 1999, № 8, pp. 98–113. (In Russ.)

Matveeva N.L. *Blagotvoritel'nost' i imperatorskaia sem'ia v gody pervoi mirovoi voiny* [Charity and the Imperial Family during World War I]: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Saint-Petersburg, 2000, 20 p. (In Russ.)

Pavlova I.P. *Sotsial'noe popechenie v Rossii v kontse XIX – nachale XX veka* [Social care in Russia in the late 19th and early 20th century]: dis. ... dok. ist. nauk. Saint-Petersburg, 2004, 40 p. (In Russ.)

Surzhiikova N.V. *Problemy bezhtentsev v konfliktakh i kompromissakh vlastei i obshchestvennosti Rossii v gody Pervoi mirovoi voiny (po materialam periodicheskoi pechati)* [Problems of refugees in the context of conflicts and compromises of Russian authorities and the public during World War I (based on periodical press)]. *Vestnik Permskogo universiteta* [Bulletin of Perm University], 2016, № 1 (32), pp. 122–133. (In Russ.)

Tumanova A.S. *Obshchestvennye organizatsii Rossii v gody Pervoi mirovoi voiny (1914 – fevral' 1917 g.)* [Public organizations in Russia during World War I (1914–February 1917)]. Moscow, Politicheskaiia entsiklopediia Publ., 2014, 327 p. (In Russ.)

Tsovian D.G. *Deiatel'nost' gosudarstvennykh organov i obshchestvennykh organizatsii po okazaniiu pomoshchi bezhtentsam v Rossii v gody Pervoi mirovoi voiny, 1914–1917 gg.* [Activities of the government and public organizations to provide assistance to refugees in Russia during First World I, 1914–1917]: dis. ... kand. ist. nauk. Moscow, 2005, 216 p. (In Russ.)

Shevyrin V.M. *Vlast' i obshchestvennye organizatsii v Rossii (1914–1917): Analiticheskii obzor* [Power and public organizations in Russia (1914–1917): Analytical review]. Moscow, RAN, INION Publ., 2003, 152 p. (In Russ.)

**ТЕХНИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА РАБОЧИХ КАДРОВ ТУЛЬСКОГО ОРУЖЕЙНОГО ЗАВОДА
БЕЗ ОТРЫВА ОТ ПРОИЗВОДСТВА В 20-Е ГГ. XX В.**

В статье на примере исторического опыта Тульского оружейного завода рассматривается недостаточно освещенная в исторической науке проблема подготовки рабочих кадров без отрыва от производства в 20-е гг. XX в. На основе обзора значительного объема архивных источников дается подробная характеристика различных форм технической учебы на предприятии, подкрепленная статистическими данными. Отмечается зависимость мероприятий руководства завода по обучению рабочих от конкретных производственных потребностей. Автор также уделяет внимание проблемам материально-технического, кадрового и организационного порядка, снижавшим качество подготовки. Отмечено, что в связи с текучестью кадров в первые годы своего существования техническая учеба и повышение квалификации были неразрывно связаны с подготовкой новых работников. В результате делается вывод об успешном создании сети технического просвещения на Тульском оружейном заводе к концу указанного периода, основными каналами которой являлись кружки повышения квалификации, профессионально-технические курсы, индивидуальное и бригадное ученичество. Данное положение подтверждается рассмотрением частных аспектов процесса обучения, выявлением роли выпускников в комплектовании штата Тульского оружейного завода квалифицированными рабочими. Материалы настоящего исследования призваны дополнить картину положительного опыта подготовки кадров для оружейных заводов России.

Ключевые слова: техническая учеба, повышение квалификации, Тульский оружейный завод, профессионально-технические курсы, рабочее образование.

Информация об авторе: Крапивенцева Мария Борисовна, хранитель музейных предметов, Тульский государственный музей оружия, аспирант кафедры истории государства и права Тульского государственного университета, г. Тула, Россия.

E-mail: orticatula@gmail.com.

Дата поступления статьи: 28.01.2020.

Для цитирования: Крапивенцева М.Б. Техническая подготовка рабочих кадров Тульского оружейного завода без отрыва от производства в 20-е гг. XX в. // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 1. С. 38-42. DOI 10.34216/1998-0817-2019-26-1-38-42.

Mariya B. Krapiventseva
Tula State Museum of Arms

**TULA ARMS FACTORY WORKERS TECHNICAL TRAINING ON A PART-TIME BASIS
IN THE 1920S**

The article, using the historical experience of Tula Arms Factory as an example, examines the problem of training workers on the job in the 1920s, insufficiently covered in historical science. Based on a review of a significant amount of archival sources, a detailed description of various forms of technical training at the enterprise is given, supported by statistical data. The dependence of the activities of the plant management on training workers on specific production needs is noted. The author also pays attention to the problems of material, technical, personnel and organisational order, which reduced the quality of training. It was noted that due to staff turnover in the first years of its existence, technical studies and advanced training were inextricably linked with the training of new employees. As a result, it is concluded that the technical education network at Tula Arms Factory had been successfully established by the end of the specified period, the main channels of which included advanced training circles, vocational courses, individual and brigade apprenticeships. This provision is confirmed by consideration of the private aspects of the training process, by identifying the role of graduates in the recruitment of the Tula Arms Factory by skilled workers. The materials of this study are intended to supplement the picture of the positive experience of training personnel for the Russian arms factories.

Keywords: technical studies, advanced training, Tula arms factory, vocational courses, working education.

Information about the author: Mariya B. Krapiventseva, curator of museum objects, Tula State Museum of Arms, graduate student of the Department of History of State and Law of Tula State University, Tula, Russia.

E-mail: orticatula@gmail.com.

Article received: August 8, 2019.

For citation: Krapiventseva M.B. Tula arms factory workers technical training on a part-time basis in the 1920s. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 1, pp. 38-42 (In Russ.). DOI 10.34216/1998-0817-2019-26-1-38-42.

Ускорение темпов восстановления отечественной промышленности в 1921–1928 гг. и перспективы дальнейшей индустриализации настоятельно требовали планомерной и массовой подготовки квалифицированных рабочих и специалистов, что привело к значительным изменениям в сфере профессионально-технического образования. Подготовка ра-

бочих кадров осуществлялась в данный период по двум основным направлениям: профессиональная подготовка новых работников и повышение квалификации уже имеющихся, что осуществлялось в учебных заведениях и без отрыва от производства на предприятиях. В условиях, когда школы фабрично-заводского ученичества находились только в процессе становления, возросла значи-

мость обучения непосредственно на производстве, основными формами которого были различные технические курсы и индивидуально-бригадное ученичество.

В связи с этим актуальным представляется рассмотрение мер, предпринятых Тульским оружейным заводом (далее – ТОЗ) в сфере организации технической учебы рабочих в 20-е гг. XX в.

Квалификационная структура коллектива во многом определяла производственную сторону жизни предприятия, что порождало заинтересованность администрации в сохранении в первую очередь квалифицированного костяка завода, сконцентрированного в мастерских заводской инфраструктуры: инструментальной, механической, литейной, мастерских, электростанции и др. [Володин: 118]. Важнейшим фактором была текучесть кадров, вызванная ухудшением их материального положения: так, в 1921 г. в результате увольнений с завода высококвалифицированных рабочих осталось не более 20 % [Володин: 107].

Именно необходимость подготовки вновь поступивших на завод рабочих положила начало технической учебе на ТОЗ еще в 1918 г., когда при мастерских было организовано обучение слесарей по выработке кузнечных форм. В течение 1919–1920 гг. было обучено 16 слесарей¹. К 1921 г. такие кружки с шестимесячным обучением имелись при механической № 1 (3 курса слесарей и токарей по 30 человек.), инструментальной (24 человека), охотничьей (30 человек) мастерских². Всего до взятия на учет в 1920 г. Тульским отделением Всероссийского союза металлистов было выпущено до 200 учеников, но без теоретической подготовки³. Заведующим «школами» механической мастерской С.С. Черниковым были разработаны проекты программ, согласно которым ученики должны были обучаться не только практическим навыкам, но и имели 6–12 ч. теоретических занятий в неделю. Инициатива и практическая работа относительно образования кадров зачастую велась на уровне мастерских, в которых инженерно-технический персонал и высококвалифицированные рабочие готовили предложения, выносившиеся на производственные совещания. Во всех подразделениях были организованы школы «ликбеза», которые успешно работали по ликвидации неграмотности среди оружейников [Мы – с Тульского оружейного: 148].

В 1922 г. в мастерских стали появляться кружки поднятия квалификации, ставившие целью дать слушателям основы технических знаний и повысить их производственную квалификацию. Изначально в них занимались рабочие какой-либо одной профессии, но постепенно вливались чернорабочие и полуквалифицированные рабочие, которые желали получить дополнительную квалификацию, преимущественно по токарному или слесарному

делу, и перевестись на новую должность [Техническая учеба: 4]. По состоянию на 1926 г. кружки насчитывали 341 ученика различных специальностей – токари, слесари, чертежники, кузнецы, кабанщики, сборщики⁴. Организовывались они исходя из нужных заводу специальностей, поэтому из 22 кружков было 8 слесарных и 5 токарных, которые работали в пулеметных № 1 и 2, ствольной, инструментальной, механической, литейной, штыковой, полировочной, замочной, охотничьей мастерских, электростанции. Осуществлялись только практические работы – 6 ч. в неделю⁵. Учитывался и курс на привлечение женщин к участию в производительном труде: в 1928 г. в 27 кружках в 17 мастерских занималось 557 человек, из них 100 женщин⁶. Большинство обучающихся были старше 23 лет.

Контингент обученных в кружках учащихся в первые годы их деятельности являлся основным резервом для пополнения кадров квалифицированных рабочих. Но с созданием и развитием других форм обучения (школа фабрично-заводского ученичества, вечерне-технические курсы) данный вид подготовки постепенно начал терять свое значение. В последние годы своего существования (1930–1931 гг.) они преимущественно занимались переквалификацией рабочих дефицитных профессий и не представляли значительной производственной ценности. Так, в деревообделочном и полировочном цехах были токарные кружки по металлу или кружки слесарей. С организацией общезаводского контроля над подготовкой кадров деятельность кружков окончательно прекратилась в 1932 г. [Техническая учеба: 5].

Следующей формой технической учебы стали профессионально-технические курсы, получившие широкое распространение в стране после подписания в 1920 г. декрета «Об учебно-профессиональной технической повинности», предусматривающего организацию при каждом заводе краткосрочных вечерних курсов с продолжительностью занятий не менее 18 ч. в неделю для ликвидации массовой технической неграмотности рабочих [Очерки истории: 161]. В 1920–21 гг. на предприятиях в РСФСР различных курсов было около 3 тыс. с общим числом обучающихся 156 тыс. человек [История: 169].

На ТОЗ вечерне-технические курсы были открыты 2 мая 1922 г. на базе Профессионально-технической школы с целью «доведения имеющейся квалификации до возможной высоты, с приданием этому развитию общетехнической широкой основы»⁷. Трехгодичное обучение предусматривало теоретические занятия и практические работы (слесарно-кузнечное, токарно-фрезерное ремесло, жестяные работы, паяние, лужение). В первом наборе был 21 человек (слесари, токари, фрезеровщики, контролеры, электромонтеры, чертежники,

станочники, техники 4–11 разрядов), все после выпуска были распределены на работу на ТОЗ с квалификацией «младший техник»; 8 человек продолжили образование в Вечернем рабочем механическом техникуме⁸. Число учащихся непрерывно росло: в 1926 г. их было уже 94, в 1927 г. – 145⁹.

В 1927 г. курсы были присоединены к Тульскому вечернему рабочему механическому техникуму и стали иметь общую с ним администрацию, помещение, библиотеку, преподавателей. Имелись и органы самоуправления: общее собрание слушателей, комитет слушателей, академическая комиссия, участвующая в программно-методической и учебно-организационной работе¹⁰. С 1927/28 уч. г. в связи с индустриализацией и потребностью в более массовой подготовке квалифицированной рабочей силы по распоряжению Оружейно-пулеметного треста курсы были реорганизованы в двухгодичные¹¹. Изменилась и их целевая установка: вместо подготовки мастеров и младших техников стали готовить квалифицированных рабочих не ниже 6–7 разряда. Прием сохранялся из числа рабочих, которые нуждались лишь в подкреплении теоретических знаний по специальности.

Курсы содержались Тульским оружейным заводом по коллективному договору с Оружейно-пулеметным трестом, который также контролировал деятельность учебных звеньев в методическом отношении, в частности, учебный план во многом определялся распоряжениями и сметами Треста. Так, с февраля 1927 г. на теорию выделялось 12 часов в неделю: на 1-м году обучения изучались математика, техническая физика, технология, черчение, русский; на 2-м году – математика, черчение, технология, русский, обществоведение¹². Практические занятия велись по субботам по 3 часа: на 1-м году обучения – слесарное дело, на 2-м году – токарное дело и станки¹³. Но практическая подготовка в значительной степени была формальной, так как 90 % практикантов не хватало материала и инструмента.

С 1927/28 уч. г. появилась квалификационная комиссия, которая на основе испытаний присваивала разряд и категорию. По мнению главного инженера завода, данные курсы были наиболее ценной с точки зрения повышения квалификации работающих на заводе формой подготовки¹⁴. Они выпускали около трети квалифицированных рабочих завода: так, если в марте 1930 г. было 452 ученика школы ФЗУ, то учащихся курсов – 131; всего по заводам Оружейно-пулеметного треста – 1 127 курсантов¹⁵. Вечерне-технические курсы просуществовали до 1930 г., и их опыт положил начало деятельности Высших технических курсов, открытых впоследствии при Механическом институте [Техническая учеба: 6].

В 1923 г. на ТОЗ были организованы годовичные вечерние курсы по поднятию квалификации¹⁶, которые базировались при школе фабрично-завод-

ского ученичества. Пополнялись они за счет рабочих низшей квалификации (не ниже 3 разряда), которые по окончании получали среднюю. За это время курсы знакомили с основными общеобразовательными предметами и техническими знаниями (математика, алгебра, черчение, специальные предметы), и в то же время выпускали способного работать на производстве рабочего с квалификацией токаря или слесаря. По состоянию на 1.09.1925 г. числилось 30 курсантов, из них выпущено 26 по специальности слесарного и токарного мастерства; на 1.04.1926 г. – 85 учеников, все слесари¹⁷. По итогам первого года работа курсов была признана удовлетворительной, но решено сделать их двухгодичными, поскольку отвлеченный материал воспринимался слушателями взрослого возраста тяжело из-за низкого уровня общего развития и неоднородной подготовки.

Обучение рабочих, подготовку которых нельзя было организовать на специальных курсах, осуществлялось посредством бригадного или индивидуального ученичества. Статья 121 главы XII «Об ученичестве» Кодекса законов о труде РСФСР 1922 г. определяла учеников как лиц, состоящих в школах ученичества, учебных бригадах и мастерских, а также проходящих индивидуальное обучение в процессе производства под руководством квалифицированных рабочих [Кодекс: 21]. При данной форме техучебы специальность приобреталась не в строго установленном порядке, а в зависимости от условий конкретной мастерской. При индивидуальном ученичестве каждый ученик закреплялся за рабочим, в бригадном имелся мастер, руководящий работой бригады.

На ТОЗ бригадное ученичество охватывало прежде всего специалистов по формовке и литью, по отделке изделий металлургического производства, по горячей (кузнецы) и холодной обработке металла (слесаря и токаря, долбежники, револьверщики, сверловщики, лудильщики, воронильщики). Срок обучения составлял 2 года. Большую часть времени занимали практические работы на производстве – около 6 часов в день. Учебный план ученичества предусматривал и теоретические занятия на базе школы ФЗУ: обществоведческий (русский, политграмота), общетехнический (технические математика и физика), специальный (общая и специальная технология) циклы¹⁸. Однако еще долгое время ученичество выпускало квалифицированных рабочих, но без теоретической подготовки¹⁹. В 1926 г. бригадники при обучении в классах были разбиты на три группы родственных специальностей (древообделочники, специалисты по холодной и по горячей обработке металла), для каждой из которых были некоторые отличия в содержании учебных планов²⁰.

В 1924–25 уч. г. в бригадном ученичестве было 147 человек, непосредственно работающих на про-

изводстве²¹. На 01.04.1926 г. – 279 подростков из кузнечной, литейной, котельной мастерских, типографии, в том числе 22 женщины²²; всего на тот момент на заводе было охвачено разными видами учебы 11 308 человек. При исчислении потребности в рабочей силе естественная убыль в бригадном ученичестве оценивалась как одна из средних – 10 %.

Успеваемость и дисциплина бригадников разнилась в зависимости от условий каждой мастерской. Руководители работ отмечали, что причинами падения дисциплины были наличие переростков, которых некуда было определить на производство, разбросанность учеников, редкое инспектирование учителями из школы ФЗУ, невозможность охватить всех теоретическим обучением²³. Случались и правонарушения: так, в 1926 г. ученик бригадного ученичества при литейной мастерской Неклюдов А. был задержан при попытке хищения путем подкопа через забор на берег р. Упы двух кусков бронзы на сумму 82 р. 77 к., вследствие чего уволен с заводов как нежелательный элемент²⁴.

Индивидуальное ученичество было основным способом подготовки рабочей силы редких профессий. Так, в 1929 г., согласно предписанию Главного управления военной промышленности, обучать следовало в первую очередь взрослых рабочих средней квалификации в возрасте от 25 до 35 лет, грамотных, не военнообязанных, а по окончании подготовки брать их на особый учет²⁵.

Одним из недостатков ученичества была возможность сокрытия цехами излишней рабочей силы (так как содержание учеников относилось к фонду подготовки кадров) и искусственного увеличения производственных показателей цеха, а также покрытия за счет учеников недовыработок.

Как форма массовой подготовки кадров ученичество было ликвидировано в 1932 г., когда через него было разрешено готовить только рабочих тех профессий, которых действительно нельзя было обучить ни в школе ФЗУ, ни на курсах. Также подготовка была регламентирована договорами, предусматривающими срок, квалификацию и условия обучения [Техническая учеба: 7].

Наряду с большими достижениями в поиске наиболее рациональных форм обучения непосредственно на производстве организации профессионально-технического обучения, в этой области были и недостатки, снижающие качество технической учебы. Причиной тому являлось отсутствие необходимого количества преподавателей, учебных пособий и литературы, невысокий уровень организации учебно-производственной работы, проблемы материально-технического, кадрового и организационного порядка.

Вследствие того, что данные формы обучения отрабатывались на практике впервые, имела место недостаточно рациональная постановка про-

изводственного обучения: разнорядностью в программах и сроках обучения, отсутствие преемственности между образовательными звеньями. Низкий уровень общеобразовательной подготовки учащихся был существенным фактором, тормозящим качественный рост квалификации рабочего. Проблемы с посещаемостью во многом были связаны с производственными условиями: прогулы учеников из-за работы во вторую смену, прогулы преподавателей-работников ТОЗ из-за занятости на основной работе²⁶. Несмотря на рост различных технических курсов и кружков на производстве, приток новой, необученной рабочей силы резко опережал ее профессиональную подготовку, что порождало неразрывную связь технической учебы с подготовкой кадров. Тем не менее следует отметить стабильное и последовательное совершенствование форм обучения на предприятии в процессе поиска наиболее оптимального для того времени содержания рабочего образования.

Таким образом, под руководством инженерно-технических работников в 20-е гг. XX в. на Тульском оружейном заводе была создана широкая сеть технического просвещения. Ее основные каналы – курсовое обучение, кружки, индивидуальное и бригадное ученичество – способствовали повышению уровня технической грамотности, углублению специальных профессиональных знаний и навыков, освоению технологии, приобретению квалификации подавляющего большинства взрослых рабочих завода без отрыва от производства.

Примечания

- ¹ Государственный архив Тульской области (ГАТО). ГАТО. Ф. Р-220. Оп. 3. Д. 10. Л. 188.
- ² ГАТО. Ф. Р-220. Оп. 3. Д. 10. Л. 189.
- ³ ГАТО. Ф. Р-1012. Оп. 1. Д. 2140. Л. 153.
- ⁴ ГАТО. Ф. Р-1012. Оп. 1. Д. 727. Л. 29 об.
- ⁵ ГАТО. Ф. Р-326. Оп. 3. Д. 3581. Л. 9.
- ⁶ ГАТО. Ф. Р-1012. Оп. 2. Д. 222. Л. 5.
- ⁷ ГАТО. Ф. Р-326. Оп. 3. Д. 3581. Л. 8.
- ⁸ ГАТО. Ф. Р-326. Оп. 3. Д. 3579. Л. 130.
- ⁹ ГАТО. Ф. Р-326. Оп. 3. Д. 3783. Л. 14.
- ¹⁰ ГАТО. Ф. Р-326. Оп. 3. Д. 3648. Л. 27.
- ¹¹ ГАТО. Ф. Р-326. Оп. 3. Д. 3648. Л. 67.
- ¹² ГАТО. Ф. Р-1012. Оп. 1. Д. 2308. Л. 22.
- ¹³ ГАТО. Ф. Р-326. Оп. 3. Д. 3649. Л. 18.
- ¹⁴ ГАТО. Ф. Р-249. Оп. 1. Д. 667. Л. 3.
- ¹⁵ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 2097. Оп. 1. Д. 653. Л. 50.
- ¹⁶ ГАТО. Ф. Р-326. Оп. 3. Д. 3674. Л. 8.
- ¹⁷ ГАТО. Ф. Р-1012. Оп. 1. Д. 727. Л. 39.
- ¹⁸ ГАТО. Ф. Р-326. Оп. 3. Д. 3701. Л. 13.
- ¹⁹ ГАТО. Ф. Р-249. Оп. 1. Д. 667. Л. 3.
- ²⁰ ГАТО. Ф. Р-1012. Оп. 2. Д. 214. Л. 8.
- ²¹ ГАТО. Ф. Р-249. Оп. 1. Д. 667. Л. 3.
- ²² ГАТО. Ф. Р-1012. Оп. 1. Д. 727. Л. 38 об.
- ²³ ГАТО. Ф. Р-1012. Оп. 1. Д. 2377. Л. 29.

²⁴ ГАТО. Ф. Р-1012. Оп. 2. Д. 214. Л. 2.

²⁵ РГАЭ. Ф. 2097. Оп. 1. Д. 1134. Л. 11.

²⁶ ГАТО. Ф. Р-1012. Оп. 1. Д. 2308. Л. 9.

Список литературы

Володин С.Ф. Социальная история тульской промышленности между мировыми войнами: от Первой мировой до Великой Отечественной (1918–1941 гг.). Тула: Изд-во ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2016. 313 с.

История социалистической экономики СССР: в 7 т. / отв. ред. И.А. Гладков. М.: Наука. Т. 2: Переход к нэпу. Восстановление народного хозяйства СССР, 1921–1925, 1976. 480 с.

Кодекс законов о труде РСФСР изд. 1922 г. М.: Юридическое изд-во Наркомюста РСФСР, 1925. 33 с.

Мы – с Тульского оружейного. Тульскому оружейному заводу – 275 лет. Тула: Приокское кн. изд-во, 1987. 295 с.

Очерки истории профессионально-технического образования в СССР. М.: Педагогика, 1981. 380 с.

Техническая учеба на Госсюзном первом оружейном заводе: Материалы отд. подготовки кадров к Отраслевой конференции по машиностроению, апрель 1936 г. Тула, 1936. 23 с.

References

Volodin S.F. *Social'naja istorija tul'skoj promyshlennosti mezhdru mirovymi vojnamy: ot Pervoj mirovoj do Velikoj Otechestvennoj (1918–1941 gg.)*

[The social history of Tula industry between the world wars: from the First World War to the Great Patriotic War (1918–1941)]. Tula, TGPU im. L.N. Tolstogo Publ., 2016, 313 p. (In Russ).

Istorija socialisticheskoj jekonomiki SSSR: v 7 t., otv. red. I.A. Gladkov [The history of the socialist economy of the USSR: in 7 vol., rev. ed. I.A. Gladkov]. Moscow, Science Publ. T. 2: Perekhod k njevu. Vosstanovlenie narodnogo hozjajstva SSSR, 1921–1925 [Vol. 2: The transition to NEP. Restoration of the national economy of the USSR, 1921–1925], 1976, 480 p. (In Russ).

Kodeks zakonov o trude RSFSR izd. 1922 g. [Code of Labor Laws 1922 Editions]. Moscow, People's Commissariat of Justice of the RSFSR Publ., 1925, 33 p. (In Russ).

My – s Tul'skogo oruzhejnogo. Tul'skomu oruzhejnomu zavodu – 275 let [We are from the Tula arms. Tula arms factory – 275 years]. Tula, Prioksky book Publ., 1987, 295 p. (In Russ).

Oчерки istorii professional'no-tehnicheskogo obrazovanija v SSSR [Essays on the history of vocational education in the USSR]. Moscow, Pedagogy Publ., 1981, 380 p. (In Russ).

Tehnicheskaja ucheba na Gossojuznom pervom oruzhejnom zavode: Materialy otд. podgotovki kadrov k Otrасlevoj konferencii po mashinostroeniju, april' 1936 g. [Technical studies at the State First Arms Plant: Materials Dep. training for the Industry Conference on Mechanical Engineering, April 1936]. Tula, 1936, 23 p. (In Russ).

О ПРОТИВОРЕЧИЯХ В ПРОЛЕТКУЛЬТЕ

Статья посвящена проблеме пролетарской культуры, истории создания и функционирования организации Пролеткульт. Автор рассматривает ее теоретическую основу, реализация которой на практике оказалась проблематичной. В работе показывается общий для всех марксистских интеллектуалов взгляд на пролетарскую культуру как не имеющую ничего общего с буржуазной. А. Богданов, самый влиятельный идеолог Пролеткульта, считал, что пролетарскую культуру вырабатывает новейший пролетариат, который он именовал индустриальным. Анализ большинства его высказываний свидетельствует, что интеллигенцию и крестьянство Богданов не считал даже причастными к созданию новой культуры. Однако во время своего расцвета Пролеткульт являлся убежищем для интеллигентов, которые имели горячее желание послужить Революции и партии. Также в статье обращается внимание на проблему взаимоотношений создателей и организаторов Пролеткульта с Советским государством и большевистской партией. Пролеткульт претендовал на автономию в сфере культуры, полностью отвергая идею подчинения какому-либо государственному учреждению. Ленин, в свою очередь, оценивал Пролеткульт отрицательно, считая его не просто бесполезной, но и вредной организацией. Отчасти это было связано с личностью А. Богданова – прошлого и, возможно, будущего политического конкурента, который мог бы использовать Пролеткульт в качестве организационной базы.

Ключевые слова: пролетарская культура, Пролеткульт, «впередовцы», А. Богданов, В. Ленин, большевики, пролетариат, пролетарское сознание, интеллигенция.

Информация об авторе: Абехтиков Евгений Евгеньевич, Костромской государственной университет, г. Кострома, Россия.

E-mail: zhzh@yandex.ru.

Дата поступления статьи: 13.12.2019.

Для цитирования: Абехтиков Е.Е. О противоречиях в Пролеткульте // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 1. С. 43-46. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-1-43-46.

Yevgeniy Ye. Abekhtikov
Kostroma State University

ON THE CONTRADICTIONS IN THE PROLETKULT

The article is devoted to the problem of proletarian culture, the history of the creation and functioning of the Proletkult organisation. The author considers its theoretical basis, the practical implementation of which proved to be problematic. The work shows that all Marxist intellectuals believed that proletarian culture has nothing to do with the bourgeois one. Alexander Bogdanov, the most influential ideologist of the Proletkult, believed that the proletarian culture is developed by the newest proletariat, which he called «industrial». An analysis of the majority of his statements shows that the intelligentsia and peasantry was not even considered to be involved in the creation of the new culture by Alexander Bogdanov. However, during its heyday, the Proletkult was a refuge for intellectuals who devoted themselves to the service of Revolution and the Communist Party. The article also draws attention to the problem of the relationship of the creators and organisers of the Proletkult with the Soviet state and the Bolshevik Party. The Proletkult claimed autonomy in the sphere of culture, completely rejecting the idea of submission to any state institution. However, Lenin evaluated the Proletkult negatively, considering it to be not only useless, but also harmful. Part of Lenin's problem with the Proletkult was Alexander Bogdanov personally, as he would be the rival of the former at one time and, possibly, could be the political rival in future, using the Proletkult as an organisational base.

Keywords: proletarian culture, Proletkult, «Vpered» (Forward), Alexander Bogdanov, Lenin, Bolsheviks, proletariat, proletarian consciousness, intelligentsia.

Information about the author: Yevgeniy Ye. Abekhtikov, Kostroma State University, Kostroma, Russia.

E-mail: zhzh@yandex.ru.

Article received: December 13, 2019.

For citation: Abekhtikov Ye. Ye. On the contradictions in the «Proletkult». Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 1, pp. 43-46 (In Russ.). DOI 10.34216/1998-0817-2019-26-1-43-46.

Современная ситуация культурной обездоленности широких социальных слоев заставляет историков обращаться к прошлому и оценивать определенные ситуации нового и новейшего времени, когда проблема культуры по-разному понималась массами и связывалась с жизнью. Данная статья посвящена проблеме пролетарской культуры, которая, с одной стороны, была связана со всем предшествующим развитием страны, с другой стороны, мыслилась идеологами Пролеткульта как исключительно свой, новая культура.

В целом в культурных вопросах историческое отношение интеллигенции к рабочим в большевистской партии было кураторски-заботливым. Старые большевистские активисты старались установить личный контакт с трудящимися из рабочей среды. Встречи, как правило, происходили в фабричных районах в пунктах ликбеза (ликвидации безграмотности населения) и школах грамоты для обучения взрослых, сами большевики считали себя в душе не просто революционерами, а просветителями «несознательных трудящихся масс».

Во взаимоотношениях наставников и учеников предполагается, что наставники обладают более высокой культурой, которую учащиеся хотят приобрести. Это положение было твёрдым убеждением марксистских интеллектуалов, необходимым им для проведения в жизнь всех практических целей.

Такая практика просвещения горячо одобрялась сверху и имела свои последствия: особо просвещенным, отличившимся в учёбе и в понимании пролетарской культуры присваивалось звание «интеллигент-рабочий». Однако осложнение возникло из марксистской теории. В марксистском понимании культура – это не бесклассовое явление: каждый класс порождает свою собственную культуру, а культура правящего класса имеет гегемонию в обществе в целом. Таким образом, русская марксистская интеллигенция, как бы она того хотела или не хотела, являлась прямой наследницей, доминировавшей в обществе аристократически-буржуазной культуры, которая, впрочем, её и воспитала. Предполагалось, что пролетариат развивает собственную классовую культуру, которая однажды вытеснит культуру буржуазии.

Одно из досадных столкновений большевистской дореволюционной эмиграции произошло в 1907 году из-за разногласий с Лениным, должна ли фракция большевиков принимать участие в III Государственной думе или нет. Организатор большевистского органа «Вперед» (в который также входили Богданов, Троцкий, Горький, Луначарский и Коллонтай), А. Богданов настаивал на более радикальной позиции – выходе из Думы. Последовавшая в 1909 году ссора спровоцировала разрыв между Лениным и Богдановым. Речь шла о школе на Капри, организованной для русских студентов-революционеров Богдановым и Луначарским и противостоящей Ленину (жившему тогда в эмиграции в Париже) из-за его философских разногласий с Богдановым.

В середине 1917 года ряд бывших «впередовцев» создали организацию для дальнейшего развития пролетарской культуры Пролеткульт. Примерно в то же время некоторые из них, в том числе Луначарский (но не Богданов и не Горький), присоединились к большевистской партии.

Как справедливо отмечают П.М. Колычев и А.А. Хахалова, термин Пролеткульт и понятие «пролетарская культура» надо различать. «Это различие обусловлено следующими обстоятельствами: 1 – разницей во времени их возникновения: концепция пролетарской культуры рождается в 1909 году, а движение “Пролеткульт” – в 1917 году, 2 – в период с 1909–1917 годов концепция пролетарской культуры развивалась лишь теоретически и педагогически, практически эти идеи начинают воплощаться только после Февральской революции 1917 года, 3 – различные социальные обстоятельства на момент возникновения обоих явлений» [Колычев, Хахалова: 207].

Основная теоретическая предпосылка Пролеткульта состояла в том, что рабочий класс должен спонтанно развивать свою собственную культуру, отличную от культуры бывшей, буржуазной. Эта простая концепция оказалась чрезвычайно проблематичной. Неясно, с какой целью интеллигентно-марксисты вздумали создать эту организацию, если целью было спонтанное развитие пролетарской культуры. Вызывает вопросы само определение истинной «пролетарской культуры». Наконец, вопрос в том, какие именно общественные отношения должны быть между Пролеткультом (стремящимся быть суверенным институтом и одновременно представлять собой культурную сердцевину всей страны), пролетариатом, большевистской партией и Советским государством.

На вопрос, какова роль интеллигентов-марксистов в Пролеткульте, по существу внятного ответа не было. Пролеткультовец В. Кунавин писал, что Пролеткульт, как и большевистская партия, в сущности, базируется на фундаменте пролетарского авангарда, «более культурном и более развитом слое» рабочего класса. Он добавляет, что, к сожалению, «наш пролетариат находится на довольно низком уровне развития в культурном смысле»¹. С логической точки зрения, был выдвинут аргумент, что интеллигенция по своей природе любит вообще учить всех, а социалистические интеллигенты любят учить исключительно рабочих. Кроме того, Пролеткульт (который хорошо финансировался различными советскими властями и другими институциональными источниками) являлся убежищем для интеллигентов, которые имели горячее желание послужить Революции и партии.

В определении характеристики и сути пролетарской культуры все марксистские интеллектуалы соглашались, даже не задумываясь, с тем, что пролетарская культура не имеет ничего общего с наблюдаемыми известными дурными привычками низшего класса и их «культурными пристрастиями». «Вульгарная», «безвкусная» или «тривиальная» культура явно не была пролетарской, и если рабочим это нравилось, очевидно, они были заражены мелкобуржуазными настроениями. Точно так же и религия по определению не была частью пролетарской культуры, и, если рабочие ставили иконы в доме, это было не частью их настоящей культуры, а проявлением крестьянских суеверий, которые еще не были изжиты.

А. Богданов, вероятно самый влиятельный теоретик Пролеткульта, считал, что пролетарскую культуру вырабатывает новейший пролетариат, который он именовал индустриальным. Анализ большинства его высказываний показывает, что интеллигенцию и крестьянство Богданов не считал даже причастными к созданию новой культуры. «Утверждение индустриального пролетариата в качестве доминирующего автора новой культуры

было вызвано в некотором смысле политическим недоверием Богданова к другим социальным силам и его определенной боязнью возможного и нежелательного их влияния на сознание пролетариата» [Булавка-Бузгалина: 83].

Для всех большевиков, а не только для пролеткультовцев, пролетарское сознание – источник пролетарской культуры – было предметом особого благоговения. «Пролетарское сознание» раскрывалось двояко. Практически, с точки зрения большевиков, наиболее «сознательными» рабочими в 1917 г. были те, кто был революционером, – они были носителями пролетарского сознания. После Октябрьского переворота 1917 г. этот вопрос стал более сложным. Фактически, большевики связывали «пролетарское сознание» с твердостью воли, которая часто благоприятно контрастировала с мягкотелостью интеллигенции.

Богданов определил доминирующие характеристики пролетарской культуры как коллективизм и единство «физических» и «духовных» элементов [Богданов: 50]. Общечеловеческая культура, по убеждению Богданова, воплотится лишь в будущем бесклассовом обществе [Богданов, Малиновский: 74]. Он принял широко распространенную в Пролеткульте идею о том, что цель Пролеткульта – являться «лабораторией» для развития «пролетарской культуры». Противники такого умозаключения возражали против лабораторной концепции и утверждали, что пролетарская культура «есть то зерно, что даст победный всход в борьбе с буржуазной культурой» в условиях «революционной, политической и экономической борьбы и организации нового общества». На Первом Всероссийском съезде Пролеткультов (3–12 октября 1920 г.) эта точка зрения была отвергнута как политически вредное инакомыслие. Акценты действий были расставлены на классовой борьбе и враждебности к буржуазным специалистам в области культуры (такие же действия впоследствии были характерны для Российской ассоциации пролетарских писателей – РАПП).

По Богданову, создание пролетарской культуры было первой ступенью на пути ко всеобщей культурной революции. Работа над проблемами создания социалистической культуры, по мнению Богданова и его сторонников, преображала пролетариат: «Программа пролетарской культуры давала коллективистический ответ на вызов, брошенный Ф. Ницше. Формирование нового человека – человека с волей к жизни, к организации, к преобразующему труду и научному знанию – вот центральная идея этой программы. Идеологические факторы в этой концепции приобретали особую роль» [Лапина: 205].

По сути дела, Богданов заложил в теорию пролетарской культуры принцип эволюционного развития общества, который просматривался в его

идее постепенных изменений, которые должны происходить сначала в культурной жизни, а потом уже в экономической и политической.

На вопрос, какая пролетарская культура за период с 1917 по 1922 год была получена, ответить затруднительно. Подвести итоги самим пролеткультовцам было нелегко, даже беря в расчет расцвет (пока продолжалась государственная субсидия) театральных мастерских, студий, литературных кружков и классов обучения взрослых под эгидой Пролеткульта. Потому как печальная правда заключалась в том, что те, кто организовывал культурную работу «в массах», не были носителями редкого «пролетарского сознания», и во многих случаях таковыми также не были и их ученики. Оправдывая эту неприятную реальность, один из пролеткультовцев в 1920 г. прокомментировал это так: «Пролеткульту пришлось привлекать различных служащих в городе и малограмотных крестьян на селе, потому что настоящие пролетарии исчезли – одни ушли на ответственные кадровые должности, другие на фронт в Красную Армию, а третьи попрятались по деревням»².

Еще одна сложная проблема Пролеткульта заключалась в его неясных отношениях с Советским государством и большевистской партией. Пролеткульт претендовал на автономию в сфере культуры, полностью отвергая идею подчинения какому-либо государственному учреждению. Более осторожно отстаивали автономию в вопросах культуры большевики, непосредственно работающие в Пролеткульте. Эти, образно говоря, подпольные манипуляции и своеволие создали проблемы с Советским комиссариатом просвещения во главе с Луначарским и еще большие проблемы с Лениным и большевистским ЦК.

Ленин считал пролетарскую культуру «выдумками» буржуазной интеллигенции, а Пролеткульт – организацией, в которой футуристы, идеалисты и другие нежелательные буржуазные художники и интеллектуалы смешивали умы рабочих, нуждающихся в базовом образовании и культуре. «Культура» для Ленина являлась противоположностью «бескультурию» (отсутствию культуры).

Ленин рассматривал всю «возню» в Пролеткульте с презрением и раздражением. Частью проблемы Ленина с Пролеткультом был А. Богданов, прошлый и, возможно, будущий политический конкурент, который мог бы использовать Пролеткульт в качестве организационной базы. Другой политической проблемой была связь Пролеткульта с левым коммунизмом и его возможная связь с рабочими оппозиционными движениями внутри большевистской партии.

На I Всероссийском съезде по внешкольному образованию, на котором присутствовали многие пролеткультовцы, вождем пролетариата решительно утверждал, что «основная задача» пролетарской

культуры – это: 1) пролетарская ассоциация по спасению Революции, 2) приобретение знания и опыта, необходимых для управления страной.

В декабре 1920 г. в газетах «Правда» и «Вестник работников искусств» было опубликовано письмо ЦК РКП(б) «О Пролеткультах», которое сообщало пролеткультовцам об окончании независимого положения их организации. Позже руководящие органы Пролеткульта были упразднены. Всё среднее звено было призвано строго руководствоваться в работе указаниями и предписаниями Наркомпроса и РКП(б). В 1920–1924 гг. число ячеек Пролеткульта по причине экономической необходимости было сокращено почти в четыре раза. В дальнейшее время этот процесс продолжался. В 1925 г. Пролеткульт вступил в профсоюзы. На местах некоторыми ревнивыми борцами с Пролеткультами была снесена сформировавшаяся система пролетарских самодетельных культурно-просветительских учреждений. В 1927 г. уцелело всего лишь шесть Пролеткультов. В целом исследователи считают, что нижней хронологической границей в исследовании Пролеткульта должен быть февраль 1918 г., когда в Москве была создана сама организация. А верхней границей можно определить 1925 г., когда начался процесс спада пролеткультовской активности.

Таким образом, мы постарались показать, что Пролеткульт был той организацией, которая позволила ряду революционеров продвинуть свои идеи и вовлечь рабочих в свою активную деятельность, создав себе своеобразный трамплин для дальнейшего продвижения. Власть стремилась подчинить себе Пролеткульт. На положение Пролеткульта и его работу повлияло противоречие, которое появилось между теорией и реальной жизнью. Основной целью стало создание новой пролетарской культуры, но в самом Пролеткульте для достижения этой цели не было условий. Данное противоречие объясняет и проблему взаимоотношений с властью, и кадровый состав Пролеткульта.

Примечания

¹ Пролетарская культура. 1919. № 7–8.

² Пролетарская культура. 1920. № 17–19.

Список литературы

Богданов А.А., Малиновский А.А. Наука об общественном сознании: Краткий курс идеологиче-

ской науки в вопросах и ответах. Петроград; Москва: Книгоизд. тов-во «Книга», 1923. 194 с.

Богданов А.А. Пути пролетарского творчества // Пролетарская культура. 1920. № 15–16.

Булавка-Бузгалина Л.А. Пролетарские массы и культура: преодоление отчуждения // Философские науки. 2013. № 12. С. 74–88.

Колычев П.М., Хахалова А.А. Социально-философское осмысление политических истоков пролетарской культуры // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Философия. 2018. № 2. С. 206–216.

Лапина И. Бер Борохов и Александр Богданов: пролетарский сионизм и программа пролетарской культуры // Материалы международной конференции по иудайке. Тула.: Гриф и К, 2008. С. 194–211.

References

Bogdanov A.A., Malinovskii A.A. *Nauka ob obshchestvennom soznanii: Kratkii kurs ideologicheskoi nauki v voprosakh i otvetakh* [The Science of Social Consciousness: A Short Course in Ideological Science in Questions and Answers.]. Petrograd, Moskva, Knigoizdatel'skoe tovarishchestvo Kniga Publ., 1923, 194 p. (In Russ).

Bogdanov A.A. *Puti proletarskogo tvorchestva* [Ways of proletarian creativity]. *Proletarskaia kul'tura* [Proletarian culture], 1920, № 15–16. (In Russ).

Bulavka-Buzgalina L.A. *Proletarskie massy i kul'tura: preodolenie otchuzhdeniia* [The «Proletarian Masses» and Culture: Overcoming Alienation] *Filosofskie nauki* [Philosophical Sciences], 2013, № 12, pp. 74–88. (In Russ).

Kolychev P.M., Khakhalova A.A. *Sotsial'no-filosofskoe osmyslenie politicheskikh istokov proletarskoi kul'tury* [Socio-philosophical grounding of the conception of proletarian culture]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Ser.: Filosofia* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Ser.: Philosophy], 2018, № 2, pp. 206–216. (In Russ).

Lapina I. *Ber Borokhov i Aleksandr Bogdanov: proletarskii sionizm i programma proletarskoi kul'tury* [Ber Borokhov and Alexander Bogdanov: the Proletarian Zionism and the Program of Proletarian Culture]. *Materialy mezhdunarodnoi konferentsii po iudaike* [Proceedings of the International Conference on Jewish Studies]. Tula: Grif i K Publ., 2008, pp. 194–211. (In Russ).

DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-1-47-52
УДК 94(470.6)“1924/1930”

Аверьянов Антон Викторович
Южный федеральный университет

К ВОПРОСУ ОБ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОМ УСТРОЙСТВЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ В ТЕРСКОМ ОКРУГЕ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО КРАЯ

Статья посвящена процессу и результатам территориального самоопределения национальных меньшинств в Терском округе в 1924–1930 гг. в рамках советского национального строительства. Эта проблема до сих пор не находила специального освещения в научной литературе. В ходе исследования были определены характер и степень влияния географического расположения Терского округа и его этносоциальной структуры на процессы административно-территориального обустройства национальных меньшинств. Определены особенности расселения, социальной и религиозной структуры крупнейших этнических групп. Указаны основные приоритеты в рамках реализации политики территориального обособления этнических групп, проживавших в регионе. Выделены основные критерии создания национальных территориальных образований, в том числе национальных сельских и станичных советов. Проанализированы проекты по выделению национальных районов и округов. Выявлены объективные и субъективные факторы, препятствовавшие реализации указанных проектов. Было доказано, что национальная политика в Терском округе подвергалась значительной корректировке в силу местной этнической, социальной, культурной, экономической и политической специфики. Отмечается, что этносоциальная структура национальных меньшинств в регионе была крайне неоднородна. Выявлено, что в Терском округе в процессе территориального самоопределения национальных меньшинств важнейшую роль продолжал играть казачий фактор.

Ключевые слова: Северо-Кавказский край, Терский округ, национальная политика, национальные меньшинства, национальный сельсовет, национальный станичный совет, национальный район.

Информация об авторе: Аверьянов Антон Викторович, ORCID: 0000-0001-7140-5601, кандидат исторических наук, доцент, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия.

E-mail: avaveryanov@sfedu.ru.

Дата поступления статьи: 27.12.2019.

Для цитирования: Аверьянов А.В. К вопросу об административно-территориальном устройстве национальных меньшинств в Терском округе Северо-Кавказского края // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 1. С. 47-52. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-1-47-52.

Anton V. Aver'yanov
Southern Federal University

ON THE ISSUE OF THE ADMINISTRATIVE-TERRITORIAL STRUCTURE OF NATIONAL MINORITIES IN THE TEREK DISTRICT OF THE NORTH CAUCASUS REGION

The article is devoted to the process and results of territorial self-determination of national minorities in the Terek district in 1924-1930 within the framework of the Soviet national construction. This problem has not yet found special coverage in the scientific literature. The study determined the nature and degree of influence of the geographical location of the Terek district and its ethno-social structure on the processes of administrative and territorial arrangement of national minorities. The features of settlement, social and religious structure of the largest ethnic groups are determined. The main priorities in the implementation of the policy of territorial separation of ethnic groups living in the region are indicated. The main criteria for creating national territorial entities, including Soviets of villages of the hill people and Soviets of villages of the Russian Cossacks, are highlighted. Projects on allocation of national districts and areas are analysed. Objective and subjective factors that hindered the implementation of these projects were identified. It was proved that the national policy in the Terek district was subject to significant adjustments due to local ethnic, social, cultural, economic and political specifics. It is noted that the ethnosocial structure of national minorities in the region was extremely heterogeneous. It was revealed that the Cossack factor continued to play an important role in the process of territorial self-determination of national minorities in the Terek district.

Keywords: North Caucasus region, Terek district, national politics, national minorities, Soviet of village of hill people, Soviet of village of Terek Cossacks, national district.

Information about the author: Anton V. Aver'yanov, ORCID: 0000-0001-7140-560, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia.

E-mail: avaveryanov@sfedu.ru.

Article received: December 28, 2019.

For citation: Aver'yanov A.V. On the issue of the administrative-territorial structure of national minorities in the Terek district of the North Caucasus region. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 1, pp. 47-52 (In Russ.). DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-1-47-52.

Изучение исторического опыта взаимоотношений различных этносов на юге России и их интеграции в единое социально-политическое пространство не утратило своей актуальности на современном этапе. Особый интерес представляет анализ государственной по-

литики в области национальных отношений в зоне наиболее интенсивного этносоциального взаимодействия – на Тереке, который длительное время был своеобразным барьером, разделявшим восточнославянское и кавказское население Северного Кавказа. В 1920-е гг. были предприняты попытки

слова этой разделительной линии и интеграции всех населявших регион народов с одновременным сохранением их этнокультурной идентичности.

Важнейшей задачей советской национальной политики в 1920-е гг. было национальное строительство. Процесс нациестроительства включал в себя такие неотъемлемые атрибуты, как предоставление народам областной автономии, коренизация советского и партийного аппарата, развитие национальной культуры. Наличие областной автономии было ключевым признаком национально-государственной состоятельности того или иного этноса. После установления советской власти на Северном Кавказе первыми были оформлены автономии горских народов, образовавших в ноябре 1920 г. Горскую АССР, где компактно проживало «титальное» население автономий. В 1921–1922 гг. из её состава были выделены Кабардинский, Карачаевский, Чеченский и Балкарский автономные округа, преобразованные в автономные области. После упразднения Горской АССР в 1924 г. и на её территории были созданы Северо-Осетинская, Чеченская и Ингушская автономные области, а также Сунженский казачий округ [Щуцьев: 66].

По иному сценарию процессы национального строительства развивались в округах Северо-Кавказского края, где преобладало русское (шире – восточнославянское) население, а национальные меньшинства проживали дисперсно и не представляли собой гомогенных этнических сообществ. Одним из них был Терский округ, созданный в 1924 г. и вошедший наряду с горскими автономиями в состав Северо-Кавказского края. Он занимал как бы промежуточное положение между «русскими» округами и горскими автономиями и представлял собой вдвое сократившуюся территорию бывшей Терской области, вытянутую от Кубани до Дагестана вдоль северокавказских автономий¹.

Терский округ был одним из самых многонациональных округов Северо-Кавказского края. Национальные меньшинства составляли в нём более 40 % населения, в том числе украинцы – 30,3 %, армяне – 3,3 %, немцы – 2,8 %, осетины – 1,1 %². Несмотря на то, что вопрос об их административно-территориальном устройстве носил довольно острый и полемичный характер, эта проблема не нашла широкого освещения в научной литературе. В большинстве исследований, посвящённых советской национальной политике на Северном Кавказе, основное внимание уделяется горским автономиям [Бугаев; Бугай; Карпов; Хлынина, Кринко]. Целью настоящей статьи является выявление и анализ возможных альтернатив национально-территориального устройства крупнейших этносов Терского округа на основе соответствующих проектов, разработанных в 1920-е гг., а также реконструкция конечного результата их административно-территориального обособления.

Известно, что в «русских» округах Северо-Кавказского края основными формами национально-самоопределения стали национальные районы и национальные сельсоветы, которые в современной научной литературе квалифицируются как «малые автономии» [Акопян]. Они представляли собой локальный вариант территориального самоопределения дисперсных этносов, проживавших среди иноэтничного, главным образом русского, населения. В них осуществлялся «периферийный» вариант национального строительства. В 1920-х гг. в Северо-Кавказском крае было создано большинство национальных сельсоветов и все национальные районы³.

В Терском округе процесс национального административно-территориального обособления имел свою специфику. Она обуславливалась комплексом факторов. Помимо многочисленности и дисперсного характера расселения национальных меньшинств большое внимание уделялось социально-политическим и экономическим факторам их развития. Учитывался казачий характер региона: нелояльность значительной части казачества советской власти, а также сохранявшийся антагонизм терских казаков с горцами и крестьянством, среди которого значительную долю составляли украинцы (малороссы)⁴. Помимо прочего, в Терском округе оставалось значительное количество сторонников различных антисоветских движений. Поэтому к проблеме национально-территориального обособления в Терском округе краевое и окружное руководство подходило очень осторожно, чтобы не нарушить хрупкий межэтнический баланс.

Украинцы составляли самую большую долю в структуре национальных меньшинств в регионе. Вразрез с имперской традицией большевики квалифицировали проживавшее на Северном Кавказе малороссийское население в качестве самостоятельного украинского народа, лишённого в Российской империи возможности развивать своё национальное самосознание, культуру и язык. Поэтому украинцам (малороссам) наряду с другими национальными меньшинствами предоставлялись гарантированные возможности удовлетворения своих национальных потребностей. В рамках политики украинизации в местах, компактно заселённых украинским населением, в Терском округе осуществлялся перевод на украинский язык делопроизводства и образования. Из 16 районов Терского округа украинцы доминировали в Арзгирском (86,6 %), Ессентукском (88,6 %), Степновском (55,6 %), Суворовском (54,2 %), Левокумском (51,5 %) районах [Поселенные итоги: 299–327]. В них политика украинизации проходила наиболее интенсивно. Однако в отличие от Кубани – центра украинизации в Северо-Кавказском крае – украинизация на Тереке и Ставрополье сталкивалась с целым рядом объективных трудностей.

Прежде всего, значительной степенью ассимиляции переселенцев из Малороссии и их потомков, которые вдали от исторической родины в значительной степени утратили свой родной язык и культуру и не проявляли стремления к украинизации.

Несмотря на то, что украинское население считалось наиболее лояльным советской власти, демонстрировавшим высокую степень готовности к советскому и партийному строительству, в украинской среде ощущался большой недостаток в кадрах, имевших соответствующую квалификацию и владевших украинским языком. Окружные власти констатировали, что «...большой процент вовлечения нацмен (в советское строительство. – А. А.) падает на украинцев, в большинстве своём уже обрусевших и состоящих на общей государственной работе...»⁵. Окружные и районные власти, зная реальную ситуацию на местах, пытались объяснить сложности в деле украинизации вышестоящим инстанциям. В 1924 г. письме в Народный комиссариат просвещения, исходившего от соседнего с Терским округом Ставропольского округа, где ситуация была очень схожей, отмечалось, что «украинское население не выражает желания иметь просвещение на украинском языке, так как украинский язык ему в большинстве случаев ещё более чужд, чем русский, что более или менее чистого украинского населения в “украинских” сёлах Ставропольского округа весьма мало и большинство населения является этнографической помесью... что украинское население вполне удовлетворяется русскими школами, русскими избами-читальнями...»⁶. Несмотря на это, в силу необходимости выполнения директив сверху политика украинизации в регионе с разной степенью интенсивности реализовывалась вплоть до её сворачивания в 1932 г.

В рамках политики украинизации в Терском округе выделялись украинские сельсоветы. На 1 октября 1927 г. в Терском округе насчитывалось 42 украинских сельсовета⁷. В местах смешанного проживания украинского и иноэтничного (но не русского) населения создавались смешанные сельсоветы. Так, в Минераловодском районе функционировали Левокумский и Прикумский украинско-немецкие сельсоветы; в Георгиевском районе – Колтуновский украинско-немецкий сельсовет; в Прикумском районе – Величаевский украинско-калмыцкий сельсовет⁸. В целом политика украинизации в Терском округе носила поверхностный и непоследовательный характер. Гораздо большее внимание уделялось коренизации и административному обособлению других национальных меньшинств.

Особое внимание уделялось работе среди немецкого населения Терского округа. Немцы сосредоточены проживали по всей территории Северо-Кавказского края, прежде всего в русских округах. Наибольшее количество немцев проживало в Армавирском и Терском округе – 21,8 тыс.

и 18,1 тыс. соответственно⁹. Краевые власти разделяли немецкое население в Терском округе на три категории: переселенцев в Россию, в том числе на Северный Кавказ, «ещё при царе из-за границы»; беженцев с Поволжья в 1919–1922 гг.; эмигрантов, приехавших в Россию при советской власти. Подавляющая часть немцев в Северо-Кавказском крае проживали в сельской местности, занимаясь сельским хозяйством. Немецкие хозяйства считались самыми передовыми и показательными в регионе. Они использовали передовые системы хозяйствования, многополье, занимали лидирующие позиции по урожайности и сборам единого сельхозналога. В целом по Терскому округу отмечалось, что «...немцы уделяют внимание своему экономико-культурному развитию более, чем русские и остальное нацменовское население округа». Основная часть немецкого населения была обеспечена землёй. Отмечалось, что в Терском округе «за исключением малого процента землёю немцы наделены полностью... на едока – 4,41 десятины»¹⁰.

Отличительной особенностью немецкого населения Терского округа был их крайне пёстрый религиозный состав, что оказывало негативное воздействие на их консолидационный потенциал. Окружными властями отмечалось, что религиозно-сектантским движением было охвачено 33 % немецкого населения. Кроме лютеран (1 893 человека) в Терском округе преобладали меннониты, которые насчитывали 7 общин, или 1 252 человека. Кроме них, функционировали по одной общине баптистов, немецких «евангело-баптистов», Евангельского церковного братства, Евангельского сепаратства и евангелистов-лютеран¹¹. Наибольший процент сектантов, особенно меннонитов, был сосредоточен в Степновском, Минераловодском и Горячеключском районах. Зачастую межрелигиозные противоречия приводили к конфликтам между немецкими общинами и «вражде между собой»¹².

На протяжении длительного времени открытым оставался вопрос о создании Соломенского немецкого национального района Терского округа. В Постановлении Президиума КИКа от 29 апреля 1927 г. «О возможности образования на территории Терского округа национально-административной единицы, объединяющей немецкое население» предписывалось «...проработать вопрос о возможном объединении немецкого населения в Степновском районе, включая... соседние немецкие поселения Прохладненского и Архангельского района и соответственно с этим изменить районные границы... усилив район и территориально и экономически» как «отличающийся наиболее интенсивными формами направления хозяйства». В планируемом немецком районе, который должен был быть смешанным по своему составу, могло проживать 10,9 тыс. человек, в том числе 5,9 тыс. немцев (54%)¹³. Национальный район мог быть

создан, если в его составе числилось более половины населения национальных меньшинств.

Однако этот проект не был реализован по ряду причин. В числе основных недостатков отмечалась «его искусственность», неудачные «очертания границ». В указанном постановлении отмечалось, что «существование немецкого района в составе мелких поселений, из которых 46 % русские, не оправдано никакими данными. Перспектив к своему развитию район не имеет; экономику района растворяют соседние крупные торгово-базарные центры (г. Моздок)». Не удалось преодолеть и «своеобразность немецких поселений в Терском округе», «разбросанность их на территории округа в нескольких районах... в виде мелких поселений (колоний), ничем не связанных между собой», что не давало «возможности установить территориальные границы административной единицы (больше совета), где было бы... преобладающее немецкое население и центр (с немецким населением), отвечающий культурно-хозяйственным и национальным запросам населения». В качестве одного из аргументов против создания немецкого района в Терском округе было то, что «проект составлен без учёта интересов русского населения...»¹⁴. Судя по всему, в расчёт брался в целом беспокойный в силу ряда причин характер округа, межэтнический баланс которого мог быть нарушен вследствие выделения немецкого национального района. В результате на заседании Административной комиссии при Президиуме Северо-Кавказского крайисполкома от 29 августа 1927 г. было принято решение о выделении Ванновского немецкого национального района в Армавирском округе¹⁵.

Неудачная попытка создания немецкого национального района в Терском округе компенсировалась массовым выделением немецких сельсоветов. К 1929 г. было создано одиннадцать сельсоветов, включавших в себя 55 населённых пунктов, в том числе 43 немецких и 12 смешанных. На один немецкий сельсовет в среднем приходилось 1 665 человек, в то время как на один русский – 5 474 человек, что, по мнению окружных властей, делало немецкое население в административном отношении более благоустроенным¹⁶.

Отличительной особенностью армянского населения Терского округа было то, что его основная масса проживала в городах – 16,5 тыс. из 21,5 тыс. человек¹⁷. Это затрудняло процесс выделения армянских сельсоветов. Сельское армянское население проживало компактно в трёх населённых пунктах, крупнейшим из которых было село Эдисия, основанное выходцами из Дагестана в конце XVIII в. На его территории был создан одноимённый армянский национальный сельсовет в количестве 825 дворов и 3,7 тыс. человек населения, по данным на 1927 г.¹⁸ Остальное немногочисленное сельское армянское население было включено

в состав смешанных сельсоветов, например Гражданского русско-армянского сельсовета Ессентукского района¹⁹.

Помимо этнического разнообразия в Терском округе сохранялись прежние сословные и культурные особенности, которые учитывались при выделении национальных сельсоветов, в том числе в рамках одной национальной общности. Характерным примером является осетинское население округа, проживавшее за рамками собственной национальной автономии – Северо-Осетинской автономной области. Осетинское население Терского округа разделялось на казачье и крестьянское, проживавшее, соответственно, в Прохладненском и Моздокском районах (всего – 29 осетинских населённых пунктов). Если первые в массе своей во время гражданской войны поддерживали белое движение, то осетины-крестьяне – советскую власть²⁰. Важной задачей была ликвидация прежних сословных перегородок и формирование единой осетинской нации.

Наличие компактно проживавшего осетинского населения в Терском округе в рамках политики выделения национальных административно-территориальных образований обуславливало разработку планов по созданию осетинского национального округа. Однако на заседании оргколлегии Президиума Терского окрисполкома об административном устройстве осетинского населения 2 ноября 1926 г. было решено «считать выделение осетин в самостоятельный округ из частей Моздокского и Прохладненского районов, безусловно, нецелесообразным, абсолютно не выдерживавшим критики и противоречащим основным принципам административного устройства и не отвечающим экономическим интересам населения Моздокского и Прохладненского районов, являющихся в массе своей казачьими районами (осетин в этом районе 9 %...)»²¹.

В итоге в Терском округе было сформировано три осетинских сельсовета (Агабатырский, Веселовский, Пиевский) и два осетинских станичных совета (Черноярский и Новоосетинский), в которых проживало 6,5 тыс. человек²². Применительно к осетинскому населению подчёркивалось, что «в административном отношении осетинское население, в противовес русскому населению, более обустроено, нежели русские... на 1 205 человек осетин приходится один сельсовет, между тем как на 5 474 русских приходится тоже один сельсовет»²³.

Результатом политики административно-территориального обособления стало выделение значительного количества сельских и станичных национальных советов в Терском округе. Если в 1924 г. 11,8 % из имевшихся сельсоветов и стансоветов приходились на национальные, то в 1927 г. эти показатели достигали 17,9 %²⁴. В 1929 г. в Терском округе функционировало 23 национальных, не считая украинских, станичных и сельских советов, в том числе 11 немецких, 5 осетинских,

2 кабардинских, 1 армянский, 1 греческий, 1 туркменский, 1 ногайский и 1 горско-еврейский²⁵. Примечательно, но в число указанных сельсоветов не вошли украинские сельсоветы. Это указывает на то, что украинизация в Терском округе проходила исключительно в административном порядке. Украинское население и представители других этнических групп в рамках проводимой политики коренизации намеренно разводились. Ключевое внимание уделялось так называемым нацменовским сельсоветам, которые стали основным форматом административно-территориального обособления населявших регион этнических групп. Они позволяли объединять малочисленные и дисперсно проживавшие в Терском округе национальные меньшинства в рамках одного или нескольких населённых пунктов, развивать внутреннее самоуправление, хозяйство, культуру.

Несмотря на то, что Терский округ наряду с Черноморским округом считался наиболее многонациональным в Северо-Кавказском крае, национальные районы или округа при всех имевшихся предпосылках в нём так и не были созданы. Это стало следствием комплекса объективных и субъективных факторов. К первым следует отнести высокий уровень дисперсности национальных меньшинств в регионе, отсутствие экономических условий для выделения национальных административных единиц районного и окружного уровня. Ко вторым – наличие сохранившегося казачьего населения, чьи экономические интересы шли вразрез с задачами национального администрирования округа. Кроме того, Терский округ воспринимался как временное административное образование, утратившее политическое и экономическое значение после упразднения терского казачьего войска. Ликвидация окружного деления Северо-Кавказского края в 1930 г. способствовала окончательному упразднению Терского региона как самостоятельной административной единицы, утратившей роль фронта на русско-кавказском пограничье, чья территория впоследствии будет передана в состав Ставропольского края и ряда горских автономий.

Примечания

¹ Площадь Терской области составляла 60,9 тыс. кв. км. Площадь Терского округа – 28,5 тыс. кв. км.

² Украинцы – 194,1 тыс., армяне – 21,4 тыс., немцы – 18 тыс., осетины – 7,4 тыс.

³ Греческий национальный район Северо-Кавказского края был создан в 1930 г.

⁴ Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (ГАНИСК). Ф. 5938. Оп. 1. Д. 22. Л. 183.

⁵ Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. Р-1161. Оп. 1. Д. 262. Л. 27.

⁶ ГАСК. Ф. Р-300. Оп. 1. Д. 139. Л. 217.

⁷ ГАСК. Ф. Р-1161. Оп. 1. Д. 1007. Л. 11 об.

⁸ ГАСК. Ф. Р-1161. Оп. 1. Д. 956. Л. 36.

⁹ Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по регионам РСФСР. Северо-Кавказский край // Демоскоп: сайт. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php?reg=807 (дата обращения: 25.12.2019).

¹⁰ ГАСК. Ф. Р-1161. Оп. 1. Д. 956. Л. 14–15.

¹¹ Там же. Л. 17.

¹² Там же. Л. 17 об.

¹³ ГАСК. Ф. Р-1161. Оп. 1. Д. 1040. Л. 27.

¹⁴ Там же. Л. 28–29.

¹⁵ Там же. Л. 34.

¹⁶ ГАСК. Ф. Р-1161. Оп. 1. Д. 956. Л. 17 об.

¹⁷ Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по регионам РСФСР. Северо-Кавказский край. Терский округ // Демоскоп: сайт. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php?reg=940 (дата обращения: 25.12.2019).

¹⁸ ГАСК. Ф. Р-1161. Оп. 1. Д. 956. Л. 123.

¹⁹ Там же. Л. 36.

²⁰ Там же. Л. 6 об.

²¹ ГАСК. Ф. Р-1161. Оп. 1. Д. 673. Л. 7 об. – 8.

²² ГАСК. Ф. Р-1161. Оп. 1. Д. 956. Л. 10–10 об.

²³ Там же. Л. 5.

²⁴ Там же. Л. 35.

²⁵ Там же. Л. 5.

Список литературы

Акопян В.З. Образование национальных сельских поселений дисперсных этносов на Юге России в 20–30-е годы XX века. Пятигорск: ФГБОУ ВПО «ПГЛУ», 2015. 202 с.

Бугаев А.М. Советская автономия Чечни – Чечено-Ингушетии: очерки истории становления и развития. Грозный: ИЦ ЧР, 2012. 89 с.

Бугай Н.Ф. Кавказ. Этнические меньшинства: прошлое и настоящее. М.: «Гриф» и К, 2014. 420 с.

Карпов Ю.Ю. Национальная политика советского государства на северокавказской периферии в 20–30-е гг. XX в.: эволюция проблем и решений. СПб.: Петербургское востоковедение, 2017. 397 с.

Поселенные итоги переписи 1926 г. по Северо-Кавказскому краю. Ростов н/Д: Гостип. им. Коминтерна Севкавказполиграфтреста, 1929. II, 468, 83 с.

Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф. История, политика и нацистроительство на Северном Кавказе. Ростов н/Д.: ЮНЦ РАН, 2014. 433 с.

Цуциев А.А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). М.: Европа, 2006. 128 с.

References

Akopian V.Z. Obrazovanie natsional'nykh sel'skikh poselenii dispersnykh etnosov na Iuge Rossii v 20–30-e gody XX veka [Formation of national rural settlements of dispersed ethnic groups in the South of Russia in the 20–30s of the XX century]. Piatigorsk, FGBOU VPO «PGLU» Publ., 2015, 202 p. (In Russ).

Bugaev A.M. *Sovetskaia avtonomiia Chechni – Checheno-Ingushetii: ocherki istorii stanovleniia i razvitiia* [Soviet autonomy of Chechnya-Chechen-Ingushetia: essays on the history of formation and development]. Groznyi, ITsChR Publ., 2012, 89 p. (In Russ).

Bugai N.F. *Kavkaz. Etnicheskie men'shinstva: proshloe i nastoiashchee* [Caucasus. Ethnic minorities: past and present]. Moscow, «Grif» i K Publ., 2014, 420 p. (In Russ).

Karpov Iu.Iu. *Natsional'naiia politika sovetskogo gosudarstva na severokavkazskoi periferii v 20–30-e gg. XX v.: evoliutsiia problem ireshenii* [National policy of the Soviet state in the North Caucasus periphery in the 20–30s of the twentieth century: the evolution of

problems and solutions]. Saint Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 2017, 397 p. (In Russ).

Poselennye itogi perepisi 1926 g. po Severo-Kavkazskomu kraiu [Settlement results of the 1926 census in the North Caucasus region]. Rostov on Don, Gostip. im. Kominternna Sevkavpoligrafrestra Publ., 1929, II, 468, 83 p. (In Russ).

Khlynina T.P., Krinko E.F. *Istoriia, politika i natsiistroitel'stvo na Severnom Kavkaze* [History, politics and nation-building in the North Caucasus]. Rostov on Don, IuNTs RAN Publ., 2014, 433 p. (In Russ).

Tsutsiev A.A. *Atlas etnopoliticheskoi istorii Kavkaza (1774–2004)* [Atlas of the ethnopolitical history of the Caucasus (1774–2004)]. Moscow, Evropa Publ., 2006, 128 p. (In Russ).

DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-1-53-57
УДК 356

Димитренко Никита Владимирович
Воронежский государственный технический университет

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВЕТСКОЙ РАЗВЕДКИ ПО ПОЛУЧЕНИЮ СВЕДЕНИЙ В ОБЛАСТИ ВОЕННОЙ БАКТЕРИОЛОГИИ В 1936–1937 ГГ.

Статья посвящена некоторым аспектам подготовки СССР к бактериологической войне во второй половине 1930-х годов, а также деятельности разведывательных органов и Военно-технического бюро по получению сведений в области военной бактериологии с учетом реалий состояния международных отношений. Особое внимание уделяется вопросу разработки наступательного бактериологического оружия за рубежом, а также оценке полученных материалов экспертами в СССР. В работе использованы ранее не опубликованные архивные источники, освещающие успехи советской разведки, а также проливающие свет на состояние развития рассматриваемой сферы в некоторых иностранных государствах. Автором описан механизм межведомственного взаимодействия, реализуемый в целях усиления оборонного потенциала СССР в военно-бактериологической сфере и внедрения полученных сведений в промышленность.

Ключевые слова: Военно-техническое бюро, военная бактериология, разведка, бактериологическая война, Биотехнический институт, сушка бактерий, чума.

Информация об авторе: Димитренко Никита Владимирович, ORCID: 0000-0003-0600-1875, аспирант, Воронежский государственный технический университет, Воронеж, Россия
E-mail: basilevslev@yandex.ru

Дата поступления статьи: 13.11.2019.

Для цитирования: Димитренко Н.В. Деятельность советской разведки по получению сведений в области военной бактериологии в 1936-1937 гг. // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 1. С. 53-57. DOI 10.34216/1998-0817-2019-26-1-53-57.

Nikita V. Dimitrenko
Voronezh State Technical University

ACTIVITIES OF SOVIET INTELLIGENCE TO OBTAIN INFORMATION IN THE FIELD OF MILITARY BACTERIOLOGY IN 1936-1937

The article is devoted to some aspects of the preparation of the USSR for bacteriological war in the second half of the 1930s, as well as the activities of intelligence agencies and the Military-technical Bureau to obtain information in the field of military bacteriology, taking into account the realities of the state of international relations. Special attention is paid to the development of offensive bacteriological weapons abroad, as well as the evaluation of the materials obtained by experts in the USSR. The paper uses previously unpublished archival sources covering the successes of Soviet intelligence, as well as shedding light on the state of development of the sphere in question in some foreign countries. The author describes the mechanism of interdepartmental cooperation implemented in order to strengthen the defence potential of the USSR in the military-bacteriological sphere and the introduction of the information obtained in the industry.

Keywords: Military-technical Bureau, military bacteriology, intelligence, bacteriological warfare, Biotechnical Institute, drying of bacteria, plague.

Information about the author: Nikita V. Dimitrenko, ORCID: 0000-0003-0600-1875, Voronezh State Technical University Voronezh, Russia.

E-mail: basilevslev@yandex.ru.

Article received: November 13, 2019.

For citation: Dimitrenko N.V. Activities of Soviet intelligence to obtain information in the field of military bacteriology in 1936-1937. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 1, pp. 53-57 (In Russ.). DOI 10.34216/1998-0817-2019-26-1-53-57.

Рассматриваемая в данной статье проблема относится к малоизученным, что обусловлено целым рядом факторов: традиционная засекреченность вопросов, связанных с военной бактериологией, скудность источниковой базы исследования, необходимость в ряде случаев специальных познаний хотя бы в основах бактериологии для более качественного анализа. Если говорить об историографии вопроса, то она также представлена довольно ограниченным числом публикаций, среди которых стоит выделить работы таких авторов, как М.В. Супотницкий и Л.А. Федоров, которые представляют собой довольно обширные монографические исследования. Настоящая статья рассматривает малоизвестные

аспекты развития военной бактериологии в 1936–1937 гг. В этот период времени советской разведке удалось получить иностранные материалы, посвященные этой проблеме, а после представилась возможность использовать их для нужд развития отечественной обороны и науки. Во многом статья опирается на архивные источники из числа фонда ГАРФ 8433, который посвящен деятельности Военно-технического бюро при Комиссии (Комитете) обороны при СНК СССР.

Первая мировая война коренным образом изменила традиционные представления о тактике и стратегии ведения боевых действий. Это связано в первую очередь с тем, что в связи с внедрением ряда военно-технических новшеств полностью по-

менялась сама концепция ведения войны. Интербеллум, то есть межвоенный период, стал временем теоретических и практических поисков выхода из институционального кризиса, порожденного необходимостью подготовки к ведению боевых действий принципиально новыми средствами. Стало очевидным, что первичным фактором успеха в военном деле становятся уровень научно-технического развития конкретного государства, под который приспосабливается тактика и другие прикладные аспекты ведения боевых действий. Технологический прогресс позволял вывести старые методы и способы ведения боевых действий на принципиально иной уровень.

Бактериологическое и токсинное оружие еще с начала XX века относилось к запрещенным средствам ведения войны [Кутепов: 20]. Одним из итогов Первой мировой войны стало дальнейшее законодательное закрепление недопустимости использования бактериологического оружия в нормах международного гуманитарного права. Если говорить о конкретике, то Женевский протокол 1925 года и некоторые нормы, установленные Версальским договором, запрещали применение биологического оружия [Кутепов: 22]. Данный документ был ратифицирован многими странами, в том числе и СССР, а вот такая страна, как Япония, его подписала, но не ратифицировала [Романова, Шулатов: 316].

Несмотря на существующие законодательные запреты, касающиеся использования бактериологического оружия, ведущие мировые державы так или иначе занимались теоретической и практической разработкой вопросов ведения бактериологической войны, ведь международное право формально этого не запрещало. Не являлся исключением и СССР, в котором еще в 1920-е годы начинается процесс становления военно-химической и военно-биологической сфер. Стоит отметить, что некоторые исследователи, в частности профессор Л.А. Федоров, настаивают на тезисе о том, что в межвоенный период СССР был государством, активно готовившимся к наступательной биологической войне, и биологическое оружие в его современном понимании появилось именно в нашей стране [Федоров: 65].

Если говорить о содержательной стороне этого процесса, то существовал ряд организаций, которые могли заниматься проблемами биологической войны: Военно-химическое управление РККА (ВО-ХИМУ), образованное приказом РВС № 0861 от 22 августа 1925 года, Военно-санитарное управление РККА (ВСУ РККА), Военно-медицинская академия в Ленинграде, противочумный институт в Иркутске. В 1934 году было принято решение объединить все учреждения, занимающиеся проблемами биологической защиты, в один институт, который получил название Биотехнического (БИТИ).

Им руководил дивизионный врач II ранга профессор И.М. Великанов [Борисевич: 81–86]. Именно этот человек играл наиболее важную роль при формировании заданий для ВТБ и многие из полученных материалов, как мы увидим дальше, были в сфере его научных интересов. Таким образом, в рассматриваемый период времени военная химия и военная бактериология развивались как смежные военно-прикладные дисциплины.

Эти факты, безусловно, говорят об определенной работе, проделанной в СССР по подготовке к возможной биологической войне, к ее наступательному и оборонительному сценарию. Несмотря на это, СССР в годы Великой Отечественной войны не применял такого типа оружия. Единственный на сегодняшний день доказанный случай его применения в годы Второй мировой войны – атака японцами Китая бактериями чумы. Данные действия были осуждены как преступные на знаменитом Хабаровском процессе [Тупицын: 185]. Однако, как уже было сказано выше, некоторые исследователи настаивают на том, что в 1930-е годы у СССР не было оснований опасаться сценария агрессии с применением бактериологического оружия. В частности, в американской историографической традиции утвердилось мнение, что в этой стране реализация программы разработки бактериологического оружия начала реализовываться не ранее чем с 1941 года [Кошечев 2013: 88]. Веским аргументом против подобной позиции служит полученная советской разведкой по заданию Военно-технического бюро в 1936–1937 гг. информация о подготовке к бактериологической войне и ведущихся изысканиях в этой области в США, Турции и ряде других стран.

Международные запреты на ведение подобных изысканий стимулировали дополнительные меры по недопущению любой утечки информации по вопросам военной бактериологии. С другой стороны, любые сведения по аналогичным работам, полученные разведкой за рубежом, могли дать колоссальный практический эффект и уберечь от лишних трат на разработку бесперспективных образцов вооружения либо продвинуть собственные наработки.

Решение этой комплексной задачи было поручено разведывательным органам СССР, которые занимались добычей информации для соответствующих инстанций. С 1936 года курировать внедрение полученных образцов, а также формировать планы заданий для разведки стал вновь созданный специальный орган – Военно-техническое бюро при Комиссии (Комитете) обороны при СНК СССР (далее ВТБ) [Васильев: 44].

Для решения ряда задач, связанных с военной бактериологией, была создана система межведомственных взаимодействий, представленная следующими субъектами: органы разведки – Военно-техническое бюро – Биотехнический институт РККА (БИТИ).

Номенклатура полученных по военной бактериологии материалов содержится в документе под названием «Перечень наиболее ценных технических материалов, переданных VII отделом ГУГБ в ВТБ при КО СССР за период времени с 1 апреля 1936 г. по 1 апреля 1937 г.»¹. Данное структурное подразделение НКВД в рассматриваемый период времени занималось внешней разведкой.

В общей сложности по данной проблеме разведкой было передано 10 материалов. Один из них – сушка бактерий и сывороток «методом Лайофил» (речь идет о процессе лиофилизации), полученный ВТБ 29 июня 1936 года. По этому материалу было дано следующее заключение: «...добыта лабораторная установка и ее описание для сушки бактерий и сывороток путем замораживания и применения высокого вакуума. По указанию т. Тухачевского установка передана Биотехническому институту РККА (БИТИ). Испытание установки в БИТИ дало исключительно хорошие результаты. Удалось произвести сушку микробов чумы, сапы и получить в одной пробирке до 3000 миллиардов живых микробов. По отзыву профессора И.М. Великанова, этот материал имел исключительно важное оборонное значение»². Добытая информация подтвердила свое исключительное значение во время соответствующих лабораторных испытаний. Однако для полноценной реализации полученного метода не хватало промышленной установки. Народным комиссариатом обороны было санкционировано задание для реализации запроса БИТИ по данной установке. В феврале 1937 года разведывательными органами была передана ВТБ установка полужавовского типа с подробным описанием и работающая по ранее полученному методу. По заключению специалистов, она представляла оборонный интерес, однако результаты ее испытаний остались неизвестными³. Вместе с тем известно, что сотрудники БИТИ уже в 1940-е годы разработали чумную живую сухую вакцину, создание которой решало важную проблему – жидкие вакцины не хранились при положительных температурах, что делало их неприменимыми в полевых условиях [Дармов, Туманов: 87–89]. Вполне можно предположить, что полученные разведкой данные помогли в решении этой проблемы.

Другим материалом по военной бактериологии оказалась культура индийской чумы. Ее образец был также добыт по заданию БИТИ и направлен в ВТБ в феврале 1937 года. По предварительной оценке этот материал представлял большое оборонное значение, так как такой сильной культуры СССР до этого не имел. Он был передан начальнику БИТИ И.М. Великанову. К сожалению, сведения о стране происхождения этой культуры в архивных источниках отсутствуют, но совершенно очевидно, что речь идет о наступательном бактериологическом оружии.

Важную информацию удалось получить и по средствам защиты от биологического оружия. Один из таких материалов, переданный разведкой в феврале 1937 года в ВТБ, – чумной бактериофаг – средство, убивающее бактерии⁴. Сам материал, представляющий собой подробную инструкцию по его изготовлению, по предварительной оценке являлся весьма ценным и имел оборонное значение. Дело в том, что фаготерапия как лечебная стратегия набирала силу в СССР в 1930-е годы, когда в Тбилиси был даже открыт Институт по изучению бактериофагов, что говорит об особом интересе к данной проблеме [Акимкин, Дарбева, Колков: 49].

Разведке также удалось добыть рецептуру сыворотки против столбняка и дифтерии, которые поступили в ВТБ в июле 1936 года. Добываемыми органами были переданы описание производства и способов концентрации указанных сывороток, а также два их образца. По предварительной оценке материал представлял значительную оборонную ценность⁵. Хорошо известно, что профессор И.М. Великанов разработал множество вакцин, в том числе и против столбняка [Константинова: 22]. Полученные от разведки сведения могли помочь ему в решении этой задачи.

Весьма интересные материалы под названием «Военная бактериология в США» (информация о работах по военной бактериологии в США) также оказались в распоряжении ВТБ в феврале и марте 1936 года. Они содержали описание производимых работ одной из американских военных лабораторий. Кроме сугубо практического значения, такие сведения могли говорить о степени и характере подготовки США к возможной биологической войне.

В феврале 1937 года разведка передала в распоряжение ВТБ материал под названием «Доклады по бактериологическим вопросам». В числе прочего в полученных документах описывались:

1) промышленный метод изготовления антигонококкового серума;

2) промышленный метод изготовления поливалентного антистрептококкового серума⁶. По предварительной оценке, данные доклады представляли интерес для БИТИ.

В марте 1937 года разведкой был передан ВТБ материал под названием «Препарат для лечения люэса» (сифилиса). В нем подробно описывалось получение нового препарата для лечения люэса⁷.

Добывающим органам разведки удалось получить материал под названием «бактериологические лаборатории Турции», который попал в распоряжение ВТБ в феврале 1937 года⁸. Данные сведения описывали принятое Турцией направление в биохимии. По предварительному заключению, материал представлял собой интересную информацию. Вероятно, и по той причине, что в возможном конфликте эта страна могла занять недружественную позицию.

Материал под названием «Йодин и иодофил» содержал описание производства новых сильнодействующих бактерицидных (противобактериальных) средств – иодофила и йодина. Он был передан ВТБ в январе 1937 года. К материалу было приложено 4 препарата иодофила. По предварительному заключению, «материал может представлять значительную оборонную ценность при условии подтверждения бактерицидных свойств препаратов»⁹.

Таким образом, военная бактериология как прикладная наука и как перспективная система вооружений во второй половине 1930-х годов вызвала особый интерес в военных и научных кругах СССР. Полноценную реализацию этого нового направления могло продвинуть использование актуальной иностранной научной информации. Исходя из этой потребности, разведка получала соответствующие задания, которые и были реализованы и успешно переданы в распоряжение ВТБ. Анализ полученных материалов позволяет нам говорить о том, что СССР был далеко не единственным государством мира, готовящимся к «биологическому» сценарию ведения возможной будущей войны. В результате совместной деятельности ВТБ и разведки в распоряжении БИТИ оказались как оборонительные средства (йодин и иодофил, рецепты сывороток против разных заболеваний и другие), так и сугубо наступательные, например, культура бактерий индийской чумы, имеющие иностранное происхождение. Кроме этого, были получены сведения по некоторым промышленным установкам, которые в совокупности с другими иностранными материалами позволили вести разработки по принципиально важным вопросам, например по созданию сухой вакцины. Эти факты подтверждают правильность выбранной высшим советским руководством стратегии подготовки к возможной бактериологической войне, сочетавшей в себе развитие собственной научно-производственной базы (БИТИ) с возможностью анализа зарубежного опыта в этой сфере и его последующего внедрения, что обеспечивалось за счет взаимодействия ВТБ и внешней разведки.

Примечание

- ¹ ГАРФ. Ф. 8433. О. 5. Д. 195. Л. 4.
- ² ГАРФ. Ф. 8433. О. 5. Д. 195. Л. 91.
- ³ Там же.
- ⁴ ГАРФ. Ф. 8433. О. 5. Д. 195. Л. 93.
- ⁵ См. там же
- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же.
- ⁹ ГАРФ. Ф. 8433. О. 5. Д. 195. Л. 93.

Список литературы

Акимкин В.Г., Дарбеева О.С., Колков В.Ф. Бактериофаги: исторические и современные аспекты

их применения: опыт и перспективы // Клиническая практика. 2010. № 4. С. 49–54.

Борисевич С.В. 48 Центральный научно-исследовательский институт Министерства обороны Российской Федерации. История и современность // Войска радиационной, химической и биологической защиты Вооруженных Сил Российской Федерации 100 лет в строю: юбилейный сборник. М.: Информационный мост, 2018. С. 81–86.

Васильев В.В. Создание и работа Военно-технического бюро при Комитете обороны СНК СССР в предвоенные годы // Военно-исторический журнал. 2013. № 8. С. 44–48.

Дармов И.В., Туманов А.С. Научно-исследовательский центр (г. Киров) 48 Центрального научно-исследовательского института Министерства обороны Российской Федерации. История и современность // Войска радиационной, химической и биологической защиты Вооруженных Сил Российской Федерации. 100 лет в строю: юбилейный сборник. М.: Информационный мост, 2018. С. 87–89.

Константинова С.А. Охотники за вакцинами // Изобретатель и рационализатор. 2008. № 3. С. 20–22.

Коцеев С.Ф. История образования войск РХБЗ в России // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2013. Т. 7, № 4–1. С. 87–93.

Кутенов В.А. Химическое оружие и военно-исторические аспекты международного права // Вестник Омской юридической академии. 2014. № 1. С. 20–23.

Романова В.В., Шулатов Я.А. После Хабаровского процесса 1949 г.: СССР, США и попытка организации нового трибунала на Дальнем Востоке в условиях «холодной войны» // История медицины. 2017. Т. 4, № 3. С. 301–316.

Тулицын А.В. Хабаровский процесс 1949 г. // Научный альманах. Сер.: Исторические науки и археология. 2018, № 11–3(49). С. 183–186.

Федоров Л.А. Советское биологическое оружие: история, экология, политика. М., 2006. 309 с.

References

Akimkin V.G., Darbeeva O.S., Kolkov V.F. *Bakteriophage: istoricheskie i sovremennye aspekty ikh primeneniia: opyt i perspektivy* [Bacteriophages: historical and modern aspects of their application: experience and prospects]. *Klinicheskaiia praktika* [Clinical practice], 2010, № 4, pp. 49–54. (In Russ.)

Borisevich S.V. 48 *Tsentral'nyi nauchno-issledovatel'skii institut Ministerstva oborony Rossiiskoi Federatsii. Istoriia i sovremennost'* [48 Central research Institute of the Ministry of defence of the Russian Federation. History and modernity]. *Voiska radiatsionnoi, khimicheskoi i biologicheskoi zashchity Vooruzhennykh Sil Rossiiskoi Federatsii. 100 let v stroiu: iubileinyi sbornik* [Troops of radiation, chemical and biological protection of the Armed

Forces of the Russian Federation 100 years in service: anniversary collection]. Moscow, Information bridge, 2018, pp. 81–86. (In Russ.)

Vasil'ev V.V. *Sozdanie i rabota Voennotekhnicheskogo biuro pri Komitete oborony SNK SSSR v predvoennye gody* [Creation and work of the Military-technical Bureau under the defense Committee of the SNK of the USSR in the prewar years]. *Voennistoricheskii zhurnal* [Military History Journal], 2013, № 8, pp. 44–48. (In Russ.)

Darmov I.V., Tumanov A.S. *Nauchno-issledovatel'skii tsentr (g. Kirov) 48 Tsentral'nogo nauchno-issledovatel'skogo instituta Ministerstva oborony Rossiiskoi Federatsii. Istorii i sovremennost'* [Research center (Kirov) 48 Central research Institute of the Ministry of defense of the Russian Federation. History and modernity]. *Voiska radiatsionnoi, khimicheskoi i biologicheskoi zashchity Vooruzhennykh Sil Rossiiskoi Federatsii. 100 let v stroiu: iubileinyi sbornik* [Troops of radiation, chemical and biological protection of the Armed Forces of the Russian Federation. 100 years in service: anniversary collection]. Moscow, 2018, pp. 87–89. (In Russ.)

Konstantinova S. *Okhotniki za vaktsinami* [Vaccine hunters]. *Izobretatel' i ratsionalizator* [Inventor and Rationalizer], 2008, № 3, pp. 20–22. (In Russ.)

Koshcheev S.F. *Istoriia obrazovaniia voisk RKhBZ v Rossii* [History of the formation of the rkbz troops

in Russia]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i sotsial'no-ekonomicheskikh nauk* [Actual problems of the humanities and socio-economic sciences], vol. 7, № 4–1, 2013, pp. 87–93. (In Russ.)

Kutepov V.A. *Khimicheskoe oruzhie i voenno-istoricheskie aspekty mezhdunarodnogo prava* [Chemical weapons and military-historical aspects of international law]. *Vestnik Omskoi iuridicheskoi akademii* [Actual problems of the humanities and socio-economic sciences], 2014, № 1, pp. 20–23. (In Russ.)

Romanova V.V., Shulatov Ia.A. *Posle Khabarovskogo protsessa 1949 g.: SSSR, SShA i popytka organizatsii novogo tribunala na Dal'nem Vostoke v usloviakh "kholodnoi voiny"* [After the Khabarovsk trial of 1949: the USSR, the United States and the attempt to organize a new Tribunal in the far East in the " cold war»]. *Istoriia meditsiny* [History of medicine], 2017, vol. 4, № 3, pp. 301–316. (In Russ.)

Tupitsyn A.V. *Khabarovskii protsess 1949 g.* [Khabarovsk process 1949]. *Nauchnyi al'manakh* [Scientific almanac], 2018, № 11–3 (49), pp. 183–186. (In Russ.)

Fedorov L.A. *Sovetskoe biologicheskoe oruzhie: istoriia, ekologiia, politika* [Soviet biological weapons: history, ecology, politics]. Moscow, 2006, 309 p. (In Russ.)

ПРОИЗВОДСТВО ВОЕННОЙ ПРОДУКЦИИ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ КООПЕРАТИВНОЙ И МЕСТНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1941–1942 ГГ.

Статья посвящена исследованию деятельности предприятий кооперативной и местной промышленности Ивановской области в 1941–1942 гг. по производству военной продукции и товаров народного потребления. В ней отражены проблемы производства продукции для оснащения действующей армии, а также удовлетворения потребностей гражданского населения области. Важное внимание уделено специфике поиска решений для их разрешения. Эти действия предусматривали не только максимальную мобилизацию местных ресурсов, но и развитие различных форм социалистического соревнования. В статье исследуется роль предприятий и населения области в сезонной стирке и починке обмундирования военнослужащих Красной армии, обуви, валенок и т. д. Приводятся сведения о производстве в области взрывчатых веществ и декстрина, а также о насущной необходимости производства товаров народного потребления. В конечном итоге все это работало на оборону страны и приближало разгром врага. Статья подготовлена по материалам Государственного архива Ивановской области, Российского государственного архива социально-политической истории, а также местной периодической печати. В ней обобщены новые сведения по исследуемой теме, большинство архивных документов впервые вводятся в научный оборот, что позволяет расширить представление исследователей и общественности о вкладе жителей области в достижение победы над нацистской Германией и ее союзниками. Результаты данного исследования могут представлять интерес для специалистов в области региональной экономики и истории Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: постановление, Государственный комитет обороны СССР, обком ВКП(б), предприятия, специальные задания, оборудование, производственная программа, военная продукция, действующая армия, гражданское население, товары народного потребления, меры воздействия.

Информация об авторе: Околотин Владимир Сергеевич, доктор исторических наук, доцент кафедры истории России Ивановского государственного университета, г. Иваново, Россия.

E-mail: okolotin.vladimir@yandex.ru

Дата поступления статьи: 13.01.2020.

Для цитирования: Околотин В.С. Производство военной продукции на предприятиях кооперативной и местной промышленности Ивановской области в 1941–1942 гг. // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 1. С. 58–63. DOI 10.34216/1998-0817-2019-26-1-58-63.

Vladimir S. Okolotin
Ivanovo State University

PRODUCTION OF MILITARY PRODUCTS AT ENTERPRISES COOPERATIVE AND LOCAL INDUSTRY OF IVANOV REGION IN 1941-1942

The article is devoted to the study of the activities of enterprises of cooperative and local industry of Ivanovo Region in 1941-1942, for the production of military products and consumer goods. It reflects the problems of production of products to equip the acting army, as well as meet the needs of the civilian population of the region. Significant attention is paid to the specifics of finding solutions to solve them. These actions provided not only for the maximum mobilisation of local resources, but also for the development of various forms of socialist competition. The article examines the role of enterprises and the population of the region in the seasonal washing and repair of the Red Army uniforms, shoes, boots, etc. It is noted about the production of explosives and dextrin, as well as the urgent need for the production of consumer goods. In the end, all this worked for the defence of the country and brought closer the defeat of the enemy. The article is based on the materials of the state archive of Ivanovo Region, the Russian state archive of socio-political history, as well as the local periodical press. It summarises new material on the subject of most archival documents are introduced into scientific circulation, which allows to expand the knowledge of researchers and the public about the contribution of area residents to the victory over Nazi Germany and its allies. The results of this study may be of interest to specialists in the field of regional economy and the history of War.

Keywords: resolutions, state defence Committee of USSR, regional Committee of Communist Party of Bolsheviks), enterprises, special tasks, equipment, production programme, military products, acting army, civilians, consumer goods, measures of influence.

Information about the author: Vladimir S. Okolotin, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Russian History, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia.

E-mail: okolotin.vladimir@yandex.ru

Article received: January 13, 2020.

For citation: Okolotin V.S. Production of military products at enterprises cooperative and local industry of Ivanovo Region in 1941-1942. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 1, pp. 58-63 (In Russ.). DOI 10.34216/1998-0817-2019-26-1-58-63.

Накануне Великой Отечественной войны Ивановская область была крупным административно-территориальным образованием, включала в себя часть территорий со-

временных Владимирской и Костромской областей и обладала мощным промышленным потенциалом. Его составной частью являлась местная и кооперативная промышленность, ресурсы которой были

полностью задействованы для производства продукции для Красной армии и гражданского населения. Их ассортимент и объем устанавливались постановлениями СНК, ГКО и Наркомата обороны СССР, которые дублировались решениями местных советских и партийных органов. Одним из них в самом начале войны стало совершенно секретное постановление бюро Ивановского обкома ВКП(б) «О работе местной и кооперативной промышленности в военное время» от 5 июля 1941 г., которое определило первоочередные меры для таких предприятий. В частности, предлагалось в 3-дневный срок путем совмещения профессий, многостаночного обслуживания, организации бригадного и индивидуального обучения рабочих заменить всех работников, мобилизованных в Красную армию и т. д. Особое внимание обращалось на изготовление сельхозинвентаря, необходимого для уборочной кампании, как то: колес, телег, колесной мази, мешкотары, тарных бочек, а также на производство строительных материалов и добычу торфа. Горкомам и райкомам ВКП(б) было предложено взять под усиленный контроль выполнение спецзаказов и т. д.¹

В результате во втором полугодии 1941 г. система промкооперации Ивановской области освоила целый ряд изделий оборонного назначения. Однако выпуск товаров широкого потребления и бытовое обслуживание населения резко сократились. Если в первом полугодии было произведено товарной продукции, выполнено различных видов ремонтов и оказано бытовых услуг на 114 482 тыс. руб., то уже во втором военном полугодии ее объем снизился до 74 654 тыс. руб. Более того, под воздействием военной обстановки изменилась организационно-хозяйственная система промкооперации. В целях экономии расходов и концентрации руководства ряд отраслевых союзов подвергся слиянию. Из 430 артелей, существовавших в области на 1 января 1942 г., осталось только 324. Произошло значительное сокращение числа ремонтно-починочных мастерских по бытовому обслуживанию населения. Отсутствие сырья и рабочей силы послужили причинами для закрытия 224 мастерских, из которых 142 – ремонтировали обувь².

О специфике работы артелей и мастерских свидетельствуют архивные документы. Так, в 1 квартале 1942 г. облеспромсоюзу было дано задание произвести 15 тыс. штук спецукупорки для 45-миллиметровых снарядов, производившихся на различных заводах области. Однако при выполнении заданий артели испытывали острый недостаток пиломатериалов и арматуры³. Материалов не хватало и для выполнения других спецзаказов, причем очень часто по вине железной дороги, не предоставлявшей подвижной состав для их перевозки. В частности, из обращения секретаря обкома ВКП(б) А.П. Терентьева к начальнику Горьковской

железной дороги Я.И. Соколинскому от 9 апреля 1942 года следует, что по этой причине артелями «Красный строитель» (г. Владимир) и «Красный Профинтерн» (ст. Ундола) сорвано выполнение большого заказа по изготовлению «эвакуационных шин» (возможно, речь идет о производстве санитарных носилок)⁴. По этой же причине сдерживалась отгрузка фронту лыж с палками, изготовленных артелями Владимирского леспромсоюза⁵.

Однако спецзаказы зачастую не выполнялись и по другим причинам. В частности, из приказа уполномоченного управления промкооперации при СНК РСФСР по Ивановской области Павлова от 20 апреля 1942 года следует, что артель «Промкооператор» не выполнила задание по производству противоголозов как по вине руководства ее правления, так и «по вине руководства Многопромсоюза». В результате «за срыв выполнения важного правительственного задания» председатель Многопромсоюза Гуржидис был освобожден от занимаемой должности, а председатель правления артели «Промкооператор» Мичурин отдан под суд⁶.

Наличие указанных и других обстоятельств послужило основанием для принятия бюро обкома ВКП(б) 23 апреля 1942 г. постановления «О выполнении спецзаданий легкой, местной и кооперативной промышленностью за 1 квартал 1942 г.»⁷. В констатирующей части постановления отмечалось: «...обллегпром (начальник Обуваев), облместпром (начальник Скопинов) и управление промкооперации (уполномоченный Павлов) план 1 квартала 1942 г. по специальным заданиям не выполнили. Из 43 видов изделий план выполнен только по пяти, а к изготовлению противоголозов ГП-1, пароконных повозок, медицинской посуды, ружейных и поясных ремней и ряда других видов изделий еще не приступили. Особенно плохо трудилось областное управление легкой промышленности, предприятия которого план ни по одному из видов изделий не выполнили. Задания по пошивке белья выполнено на 22,8 %, по обмоткам – на 19,3 %, по стеклянной фляжке всего лишь на 2,5 %»⁸.

Среди причин срыва выполнения плановых заданий были названы: неудовлетворительная работа руководителей легкой, местной и кооперативной промышленности подведомственными предприятиями, отсутствие у них инициативы в изыскании местных возможностей и т. д. Исполком облсовета, говорилось в постановлении, также ослабил руководство местной и кооперативной промышленностью, не оказал содействие обллегпрому в получении оборотных средств, из-за чего его предприятия не могли длительное время приобрести сырье, и вынуждены были простаивать длительное время.

Для исправления сложившейся ситуации бюро обкома ВКП(б) обязало указанных лиц «обеспечить безусловное выполнение специальных заданий 2 квартала по всем видам изделий, обратив

особое внимание на изготовление летнего обмундирования, противогозов ГП-1, пароконных повозок, полусапог и плащ-палаток». Контроль за выполнением спецзаказов каждым предприятием, мастерской и артелью с оказанием им практической помощи был возложен на райкомы и горкомы ВКП(б). Кроме того, директору выходной базы Мальцеву было предложено «без задержек отпускать легкой и кооперативной промышленности необходимые материалы, а также вату и нитки, идущие на выполнение специальных заказов». Тогда же решено просить СНК РСФСР «обязать управление промкооперации при СНК РСФСР своевременно выделять фонды на сырье, необходимое для изготовления специальных заданий, и обеспечить дефицитными материалами (металл, резиновый клей, фильтр, коробка, олово и др.)»⁹.

Меры, принятые в соответствии с постановлением от 23 апреля 1942 г., не позволили достичь желаемого результата. Об этом свидетельствует содержание постановления бюро обкома ВКП(б) от 10 июля 1942 г. «О выполнении спецзаданий местной, легкой и кооперативной промышленностью за 2 квартал 1942 г.». В частности, в нем отмечалось, что план выполнен только по 12 видам изделий из 49 и ни одна организация области (управление промкооперации, облместпром, облкопинсоюз и обллегпром) не выполнила плановые задания по установленным для них видам продукции. Так, задания не были выполнены по санитарным носилкам и ящикам, телефонным катушкам, шинам «Дихтериса», котелкам, армейским поясным и брючным ремням и главным образом по металлоарматуре. Слабо шла реставрация валяной обуви в системе Кинешемского валпромсоюза, артелями которого было реставрировано в июне всего лишь 21 434 пары, или 53,5 %. Начальник обллегпрома Обуваев, как и в 1 квартале, не обеспечил выполнение спецзаданий, особенно по пошиву плащ-палаток и т. д.

По мнению членов бюро обкома ВКП(б), общая причина невыполнения заданий среди названных организаций заключалась в недостаточном развертывании социалистического соревнования среди трудовых коллективов. На этом и был построен перечень первоочередных мер, направленных на выполнение плановых заданий местной, легкой и кооперативной промышленностью. И все же признавалось, что такая работа должна сопровождаться обеспечением организаций всем необходимым сырьем и условиями для выполнения каждым рабочим ежедневных норм выработки. Постановлением решено шире привлекать к выполнению заданий надомников, а для рабочих, занятых в производстве, улучшить общественное питание. Одновременно исполкомам горрайсоветов запрещалось снимать и перебрасывать рабочих, занятых на выполнении спецзаданий, на другие работы.

Однако и здесь не все зависело от возможностей на местах. Не хватало запасных частей к швейным машинам, швейных иглоков, красителей и т. д. Для решения этих вопросов бюро обкома ВКП(б) приняло решение «довести до сведения СНК РСФСР о том, что Наркомлегпром, Наркомместпром, Всесоюзинсоюз и управление промкооперации не обеспечивают своевременного выделения фондов для выполнения спецзаданий на особо дефицитное сырье и материалы, не имеющиеся в пределах области». Контроль за выполнением спецзаданий местной и кооперативной промышленностью постановлением был возложен на промышленный отдел обкома ВКП(б)¹⁰. Тем не менее организационные усилия руководства области по активизации деятельности местной, легкой и кооперативной промышленности по выполнению спецзаданий во втором квартале достигли поставленной цели. Несмотря на общее невыполнение плана и отдельных спецзаданий системой промкооперации Ивановской области, по многим показателям все же удалось достигнуть их значительного увеличения.

1 августа 1942 г. бюро обкома приняло постановление «Об организации ремонта зимнего обмундирования и обуви Красной Армии» [11]. Его реализация была возложена на предприятия промкооперации области. Кроме того, секретарям Ивановского, Шуйского и Кинешемского горкомов ВКП(б) и Тейковского и Шуйского райкомов ВКП(б) для выполнения работ по стирке обмундирования и его ремонту было предложено привлечь «в порядке общественности» местное население. Срок окончания работ был установлен 15 сентября. Контроль за исполнением работ был возложен на промотдел обкома ВКП(б) и зампредисполкома облсовета Скопинова. Химчистке также подлежали полусубки и шапки-ушанки, стирке – шаровары ватные и фуфайки, а ремонту – валяная обувь, меховые рукавицы, перчатки хлопчатобумажные, шаровары ватные и суконные, гимнастерки, телогрейки, подшлемники, шапки-ушанки, куртки ватные, комбинезоны, шинели, костюмы маскировочные, кальсоны бумазейные, рубахи и 2 092 мундира¹². Одновременно для реставрации 150 тыс. пар валяной обуви было решено использовать производственные помещения бывшего крахмального завода в г. Кинешме.

В целом местная и кооперативная отрасли промышленности области наращивали производственные темпы. Об этом свидетельствует содержание постановления бюро обкома ВКП(б) и облисполкома от 12 сентября 1942 г. «О передаче переходящего Красного знамени обкома ВКП(б) и исполкома облсовета облшвейсоюзу». Согласно содержанию постановления, облшвейсоюз (председатель Митропольский) был признан победителем в социалистическом соревновании по итогам работы в августе 1942 г. Он выполнил план на 137,5 %, в том

числе по товарам народного потребления – на 103,5 %¹³. Всего же за 9 месяцев 1942 г. облшвейсоюз сшил 587 тыс. комплектов гимнастерок (по штатам военного времени этим количеством можно было обмундировать более 53 стрелковых дивизий), перевыполнил задание по поставке обмоток, сумок и т. д.¹⁴ Обращаясь к руководителям других отраслей местной промышленности, бюро обкома ВКП(б) и исполком облсовета призвали их не сваливать свое неумение организовать работу на трудности военного времени, а перенимать опыт передовиков и добиться выполнения сентябрьского плана¹⁵.

Ассортимент плановой продукции на 4 квартал 1942 г. для системы промкооперации составил 54 наименования, которые в ряде случаев измерялись в сотнях тысяч штук. В частности, для НКО, НКВД, НКВМФ и НКХМ требовалось пошить 260 тыс. нательных бязевых рубах и столько же кальсон, 400 тыс. простыней, 130 тыс. маскировочных костюмов, 150 тыс. вещевых мешков, 100 тыс. бюстгалтеров, 90 тыс. комплектов гимнастерок и т. д.¹⁶ То есть армии требовалось то, без чего военнотруженики в повседневной жизни, в том числе и женщины, обойтись не могли. При этом было важным не только выполнить план, но и сдать готовую продукцию на интендантские склады. Здесь же, согласно архивным документам, нередко возникали непредвиденные трудности. Так, в конце ноября 1942 г. обком ВКП(б) информировал ЦК ВКП(б) и Управление вещевого снабжения НКО о том, что по ряду причин до 55 вагонов с разным обмундированием не приняты и не оприходованы на складе НКО № 2145¹⁷.

10 декабря 1942 г. бюро обкома ВКП(б) и исполком облсовета приняли совместное постановление «Об итогах соцсоревнования местной и кооперативной промышленности облсовета». Согласно его содержанию, переходящее Красное знамя обкома ВКП(б) и исполкома облсовета было присуждено Валпромсоюзу (председатель т. Баякин), который выполнил план на 143,8 %, в том числе по ширпотребу – на 151,4 %. За достигнутые результаты председатель союза был поощрен премией в размере месячного оклада, а его трудовому коллективу для премирования отличившихся выделена премия в размере 10 тыс. руб. В постановлении также была отмечена хорошая работа областного управления стройматериалов (начальник Лагодович), выполнившего план на 124 %, в том числе по ширпотребу – на 102 %, и швейпромсоюза (председатель Митропольский) – 127,2 %¹⁸.

В 1942 году система промкооперации области получила задание на производство декстрина. В мирное время он служил основой для приготовления клеящих веществ, предназначенных для пищевой и легкой промышленности, литейного производства и изготовления стеклянных воло-

кон. Однако в условиях войны он приобрел важное значение для авиационной, танковой, минометной и других отраслей оборонной промышленности. На территории Ивановской области декстрин производился на Лучковском декстриновом заводе, расположенном в м. Лучки Юрьев-Польского района. О внимании к его выпуску свидетельствует совсекретное постановление бюро обкома ВКП(б) «О выпуске декстрина в 4 квартале 1942 г.». Оно обязало начальника обллицедрома Буренкина и директора Лучковского декстринового завода Базлова организовать работу предприятия строго по графику с учетом безусловного выполнения им плана выпуска декстрина в 4 квартале 1942 г. в объеме 850 тонн¹⁹. Кроме декстрина предприятия промкооперации области производили компоненты взрывчатых веществ. Так, постановлением ГКО СССР от 7 марта 1942 г. «О производстве гексогена в марте – апреле 1942 г.» на них была возложена задача произвести 50 тонн метилового спирта-сырца из общего плана, установленного для промкооперации в 500 тонн. Постановление обязало председателя исполкома Ивановского облсовета В.М. Пелевина «обеспечить предприятия промкооперации рабочей силой и транспортом в количестве по 3 чел. и одной лошади на реторту в порядке трудгужповинности»²⁰.

Несмотря на мобилизацию всех ресурсов области на выпуск продукции для нужд действующей армии, мирные потребности у населения продолжали существовать. Жители остро нуждались в одежде, обуви, необходимых для жизни промышленных товарах, в строительных материалах для ремонта жилищ и т. д. Разумеется, этот перечень в военных условиях был ограничен, но все же он был, и без его удовлетворения работать на оборону страны было невозможно. Однако если на первых порах население области пользовалось промышленными товарами, приобретенными еще в мирное время, то по мере их износа и быстрого исчезновения товарных запасов на складах и базах острота в удовлетворении первоочередных жизненных потребностей стала нарастать. Обращать внимание на выпуск мирной продукции важно было и потому, что для увеличения производительности труда рабочих, занятых на производстве, на строительстве оборонительных сооружений, дорог, мостов, лесо- и торфозаготовках, требовалось не только повышенное денежное вознаграждение, но и возможность покупки на него промышленных товаров. Промтовары, пусть и в ограниченном количестве, также нужны были действующей армии, где действовала система военторга. То есть и тылу, и фронту нужны были как военная, так и мирная продукция.

Осознание их взаимосвязи, судя по архивным документам, стало проявляться лишь во второй половине 1942 г. При обсуждении на заседании бюро

обкома ВКП(б) 10 ноября 1942 г. вопроса «О работе местной промышленности и кооперации» секретарь обкома ВКП(б) Г.Н. Пальцев обратил внимание его участников на то, что прибывшие в районные центры руководители хозяйств «кроме выговора» и «нахлобучки» получить или купить там ничего не могут. В прениях по его докладу прозвучали различные примеры такого бедственного положения. В частности, секретарь обкома Терентьев привел пример в отношении работников Афанасьевской шубной артели, которая vyrabatyvala продукцию для Красной армии. По его словам, «там работают рабочие-старички по 60–70 лет... в калишках, как пастухи пропившиеся, а спецобуви для них не находят, нужно помочь им, чтобы они план выполняли. Если мы разрушим такой завод, как овчинно-шубный, мы такой завод не построим». Сообщил он также о фактах неполучения работниками отдельных артелей заработной платы по 2–3 месяца. Или, например, Пестяковской швейной артели в течение третьего квартала было сшито 20 тыс. пар армейского белья, которое «так и не взято»²¹.

По словам другого секретаря обкома ВКП(б), А.Г. Шейна, работа местной промышленности должна быть направлена на улучшение бытового обслуживания трудящихся: «Вот в Иванове – кто может сказать, где можно будет починить сапоги или пришить пуговицу или купить пуговицу или расческу – ничего этого буквально нет. Иголки нет, а купить негде. Поэтому вопрос работы местной промышленности и промкооперации приобретает огромное значение». Далее он привел показатели их работы. В частности, из 12 союзов выполнил план только 1, по трикотажу выполнение плана составило 46 %, швейсоюз освоил план по ширпотребу на 77 %. По спичкам план выполнен на 4 %, мылу – 30 % и т. д. «Казалось бы, – продолжал А.Г. Шейн, – и соревнование как будто бы развернуто, и дело как будто бы налажено, а за 9 месяцев из 539 артелей план выполнили только 59 артелей, по сапого-валяльному производству из 24 артелей ни одна не выполнила план... Из 170 изделий ширпотреба выполнено только 16 изделий, из 55 важнейших изделий ширпотреба нет выполнения ни по одной отрасли, а по замкам, стеклу, щеткам зубным к исполнению не приступали»²².

15 ноября 1942 г. на страницах «Рабочего края» была опубликована статья секретаря обкома ВКП(б) Терентьева под заголовком «Первоочередные задачи местной промышленности и промкооперации». В целом в ней были названы цифры и факты, прозвучавшие в выступлениях на заседании бюро обкома ВКП(б) 10 ноября 1942 г. Вместе с тем сказано об организационных мерах по активизации деятельности местной промышленности и промкооперации. В частности, в публикации говорилось о необходимости восстановления

исстари сложившихся промыслов, прекративших свое существование с началом войны, и в первую очередь строчегового союза, артели которого до войны выпускали продукции на десятки миллионов рублей в год. Решено не только его восстановить, но и поставить перед ним задачу к концу года изготовить изделий на сотни тысяч рублей. Киржачскому райкому ВКП(б) и исполкому райсовета, допустившему свертывание деятельности ряда артелей по выработке мебели и снижению производства шелковых изделий, крепдешина, плюша, галстучных тканей, также было предложено восстановить их и нарастить выпуск указанной продукции.

В статье говорилось и о необходимости восстановления производства детских игрушек, для чего решено вновь организовать культпромсоюз и открыть его подразделения в каждом районе области. Но в первую очередь восстановлению подлежали Воскресенская и Объедовская артели в Савинском районе, а также Ивановская и Александровская артели. Кохомской артели «Металлист», выпускавшей эмалированную посуду и также прекратившей производственную деятельность, было поручено восстановить производство и после обработки полуфабрикатов поставить в торговлю сотни штук разной посуды. Кроме того, в каждой артели, и в первую очередь в промышленных городах области – Иванове, Кинешме, Владимире, Александрове, Коврове, решено организовать цехи по изготовлению взрослой и детской обуви и пошивке одежды.

Однако кроме острого недостатка в торговле товаров первой необходимости в артелях области имело место затоваривание готовой продукцией. Так, в артелях текстильтрикотажсоюза скопилось более 30 тыс. полотенец, более 1 000 одеял, на 120 тыс. рублей шелковых тканей и плюша. В Собинском промкомбинате хранилось трикотажа на 40 тыс. руб., бочкотары на 5 тыс. руб., повозок на 5 тыс. руб. и швейных изделий на 125 тыс. руб. Это приводило к замораживанию оборотных средств, к напряженному финансовому состоянию союзов, несвоевременной выдаче зарплаты и расчетов за сырье и материалы.

Для организации работы по выпуску промышленных товаров в 36 исполкомах городских и районных Советов области была введена должность заместителя председателя по местной промышленности. Отмечалось также, что план производства товаров для населения и Красной армии на 4 квартал был установлен в размере 109 756 тыс. руб. (товаров широкого потребления на 65 370 тыс. руб.). То есть почти 50 % запланированного для местной промышленности выпуска продукции выпадало на товары для гражданского населения. Для выполнения этой задачи было решено привлечь к работе предприятий 5 500 новых работников за счет женщин, подростков и инвалидов войны, а также

улучшить политико-воспитательную работу с молодыми рабочими. В результате принятых мер, говорилось в статье, местная промышленность и промкооперация в 1943 г. должны были выйти в передовые отрасли народного хозяйства Ивановской области.

Таким образом, в суровых условиях военного времени предприятия кооперативной и местной промышленности области смогли перестроиться на выпуск военной продукции. Для ее производства в ущерб выпуску товаров народного потребления использовались все имевшиеся в распоряжении материальные, людские и финансовые ресурсы. Такой перекокс стал очень заметным уже к лету 1942 г. и привел к резкому снижению удовлетворения насущных потребностей гражданского населения. В этой связи с сохранением первоочередного внимания предприятий к выпуску военной продукции они были ориентированы на производство товаров народного потребления, что в конечном итоге также работало на оборону страны и приближало разгром врага.

Примечания

- ¹ Государственный архив Ивановской области (ГАИО). ФП-327. Оп. 7. Д. 20. Л. 92–95.
- ² ГАИО. ФП-327. Оп. 7. Д. 520. Л. 6.
- ³ ГАИО. ФП-327. Оп. 7. Д. 520. Л. 50.
- ⁴ ГАИО. ФП-327. Оп. 7. Д. 520. Л. 74.
- ⁵ ГАИО. ФП-327. Оп. 7. Д. 520. Л. 71.
- ⁶ ГАИО. ФП-327. Оп. 7. Д. 520. Л. 76.

- ⁷ ГАИО. ФП-327. Оп. 7. Д. 374. Л. 25–27.
- ⁸ ГАИО. ФП-327. Оп. 7. Д. 374. Л. 25.
- ⁹ ГАИО. ФП-327. Оп. 7. Д. 374. Л. 27.
- ¹⁰ ГАИО. ФП-327. Оп. 7. Д. 379. Л. 88–91.
- ¹¹ ГАИО. ФП-327. Оп. 7. Д. 380. Л. 75.
- ¹² ГАИО. ФП-327. Оп. 7. Д. 521. Л. 5–6.
- ¹³ ГАИО. ФП-327. Оп. 7. Д. 381. Л. 73.
- ¹⁴ ГАИО. ФП-327. Оп. 7. Д. 408. Л. 53.
- ¹⁵ ГАИО. ФП-327. Оп. 7. Д. 381. Л. 73.
- ¹⁶ ГАИО. ФП-327. Оп. 7. Д. 521. Л. 7–8.
- ¹⁷ ГАИО. ФП-327. Оп. 7. Д. 478. Л. 131.
- ¹⁸ ГАИО. ФП-327. Оп. 7. Д. 410. Л. 16.
- ¹⁹ ГАИО. ФП-327. Оп. 7. Д. 382. Л. 69.
- ²⁰ Российский Государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф-644. Оп. 2. Д. 41. Л. 40–41.
- ²¹ ГАИО. ФП-327. Оп. 7. Д. 408. Л. 54–55.
- ²² ГАИО. ФП-327. Оп. 7. Д. 408. Л. 56.

Список литературы

Терентьев А.П. Первоочередные задачи местной промышленности и промкооперации // Рабочий край. 1942. 15 ноября.

References

Terent'ev A.P. *Pervoocherednye zadachi mestnoj promyshlennosti i promkooperatsii* [Priority tasks of local industry and industrial cooperation]. *Working edge* [Working edge], 1942, November 15. (In Russ.)

**ОХРАНА ТРУДА НА ГОРЬКОВСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД**

Статья раскрывает условия и особенности развития системы охраны труда на Горьковской железной дороге в годы Великой Отечественной войны, а также в процессе перехода страны к реалиям мирного времени. Актуальность исследования обусловлена недостаточной разработанностью данной темы в историографии, а также реформированием сферы здравоохранения в настоящее время. Рассматривается деятельность отдела охраны труда и техники безопасности управления Горьковской железной дороги в аспектах организации нормальных условий труда, санитарного просвещения и реорганизации управления данной сферой. Источниковой базой являются материалы Центрального архива Нижегородской области, нормативные документы исследуемого периода. Автором определены основные проблемы повышения уровня техники безопасности работ на железнодорожном транспорте и способы их решения в экстремальных условиях военного времени. Вводятся в научный оборот данные о проектах реформирования системы здравоохранения на железнодорожном транспорте и практики их применения.

Ключевые слова: охрана труда, техника безопасности, травматизм, социальные болезни, Горьковская железная дорога, транспорт, Великая Отечественная война.

Информация об авторе: Кежутин Андрей Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Приволжский исследовательский медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации, г. Нижний Новгород, Россия.

E-mail: kezhutin@rambler.ru.

Дата поступления статьи: 15.01.2020.

Для цитирования: Кежутин А.Н. Охрана труда на Горьковской железной дороге в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 1. С. 64-67. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-1-64-67.

Andrei N. Kezhutin
Privolzhsky Research Medical University

**LABOUR PROTECTION ON GORKY RAILWAY DURING
THE WORLD WAR II AND IN THE POSTWAR PERIOD**

The article reveals the conditions and features of the development of the labour protection system on Gorky railway during the World War II, as well as in the process of transition of the country to the realities of peacetime. Topicality of the study is due to the lack of development of this topic in historiography, as well as the reform of the health sector at the present time. The article considers the activities of the Department of labour protection and safety management of Gorky railway in the aspects of the organisation of normal working conditions, health education and reorganisation of management in this area. The source base is the materials of the Central archive of Nizhny Novgorod Region, normative documents of the studied period. The author defines the main problems of improving the level of safety in railway transport and ways to solve them in extreme wartime conditions. Information about projects of reforming the health care system in rail transport and their application is introduced into the scientific circulation.

Keywords: labour protection, safety, injuries, social diseases, Gorky railway, transport, USSR Involvement in World War II.

Information about the author: Andrei Nikolayevich Kezhutin, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department for the Humanities and Social Sciences, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Privolzhsky Research Medical University» of the Ministry of Health of the Russian Federation, Nizhny Novgorod, Russia.

E-mail: kezhutin@rambler.ru

Article received: January 15, 2020.

For citation: Kezhutin A.N. Labour protection on Gorky railway during the World War II and in the postwar period. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 1, pp. 64-67 (In Russ.). DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-1-64-67.

В настоящее время проблемы истории охраны труда и техники безопасности на транспорте, как находящиеся на стыке технической и медицинской отраслей знания, являются одними из наименее исследованных аспектов в отечественной историографии. Несмотря на некоторый интерес к истории и источниковедению российской транспортной медицины [Атьков, Кежутин], а также к проблеме состояния транспорта в кризисные периоды отечественной истории [Ascher: 170–171], вопросы охраны труда и техники безопасности на железной дороге пока не привлекли должного внимания исследователей,

в отличие от речного транспорта [Огурцов, Шаламов]. Практически не затронутой остается проблема охраны труда на Горьковской железной дороге (ГЖД) в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период, о чем говорят данные обращений к соответствующим фондам в Центральном архиве Нижегородской области.

Начало Великой Отечественной войны поставило работу железнодорожного транспорта страны в крайне тяжелые условия: эвакуация промышленных предприятий, беженцев, раненых с фронта и обратный поток военных грузов и эшелонов с личным составом. Горьковская область стала одним из реги-

онов эвакуации, и работа ГЖД носила достаточно напряженный характер. Необходимо отметить, что именно благодаря слаженной и правильно организованной, с точки зрения медико-санитарных правил, работе железнодорожного транспорта удалось избежать массового распространения эпидемических и социальных болезней, особенно малярии, туберкулеза и венерических заболеваний, в отличие от периода Первой мировой войны [см.: Берлин].

В довоенный период уровень охраны труда на железнодорожном транспорте постепенно повышался, но по некоторым показателям оставался достаточно низким, особенно в аспектах улучшения условий работы в цехах, снижения производственного травматизма, нормирования времени труда и отдыха работников подвижного состава и т. д. События первого периода войны по объективным причинам отодвинули решение проблем улучшения условий труда и снижения травматизма на второй план.

Реальное улучшение ситуации в данной сфере стало возможным только после коренного перелома в войне, перехода к наступательным операциям на фронте с 1943 г. и некоторого снижения нагрузки на железнодорожный транспорт. Однако на местах ситуация оставалась тяжелой. На постоянном совещании работников служб и отделов Управления ГЖД 6 августа 1943 г. председатель собрания, старший инженер по охране труда и техники безопасности отдела кадров Артемьев отметил: «Снижения травматизма не только не наблюдается, но и по отдельным службам он продолжает расти, выводя большое количество работников из строя»¹. Поскольку причинами являлись невнимание к данной сфере и запущенность ситуации, руководителям всех подразделений предписывалось: взять проблему под личный контроль, провести анализ несчастных случаев, привести цеха в надлежащее состояние, ликвидировать загромождения на производственных площадках, навести порядок в обеспечении инструментом, в случае необходимости поставить ограждения, увеличить освещение, произвести ремонт отопительной системы, окон, дверей, организовать систематические инструктажи среди рабочих, обеспечить последних топливом, спецодеждой, молоком².

Поскольку незамедлительной реакции не последовало, на очередном совещании 5 октября 1943 г. было вновь констатировано, что рабочие места находились в запущенном и захлапленном состоянии, новых инструментов не поступало годами, а качество старых не проверялось, плохо было поставлено дело наглядной агитации и пропаганды в сфере охраны труда³. Вновь последовали требования к усилению ответственности за обеспечение безопасных условий труда.

На совещаниях руководящего состава ГЖД 1944–1945 гг. отмечалось постепенное снижение

остроты проблемы травматизма как результата улучшения работы в сфере охраны труда. В связи с этим на первый план вышли вопросы вентиляции, которой долгое время не придавалось должного значения. Проверки на предприятиях ГЖД показали, что почти во всех цехах она была только естественная, а почти все моторы для нее были сняты и использованы по другому назначению. Неоднократные требования со стороны работников службы охраны труда, поддержанных руководством дороги, стали давать положительный результат еще с 1943 г. Количество несчастных случаев на ГЖД при незначительных колебаниях демонстрировало тенденцию к постепенному снижению: в 1942 г. – 1 235, в 1943 г. – 1 077, в 1944 г. – 862, в 1945 г. – 1 026, в 1946 г. – 925⁴.

Важной проблемой стал переход на нормальный режим работы послевоенного времени. Война нанесла тяжелый урон железнодорожной инфраструктуре страны. По данным Чрезвычайной государственной комиссии «О материальном ущербе, причиненном немецко-фашистскими захватчиками», было разрушено 65 тыс. км железнодорожной колеи, 4100 железнодорожных станций⁵. Восстановление потребовало колоссального напряжения всех работников транспортной сферы.

Одновременно с этим пятилетний план восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг. предписывал одним из первых положений обеспечить первоочередное восстановление и развитие железнодорожного транспорта, без которого было бы невозможно быстрое и успешное восстановление и развитие народного хозяйства СССР⁶. План предусматривал не только количественный, но и качественный рост выпуска железнодорожной продукции, особенно подвижного состава, а также увеличение среднесуточной погрузки в размере 115 тыс. вагонов и грузооборота в объеме 532 млрд т/км, превышение довоенного уровня пропускной способности на различных направлениях, в том числе «Донбасс – Поволжье»⁷.

Все это тяжелым бременем ложилось на ослабленную в ходе войны транспортную сеть внутренних регионов страны. Поэтому процессы перехода на мирные рельсы и восстановления нормального режима работы происходили постепенно. На ГЖД на нормы работы мирного времени к 20 декабря 1946 г. полностью перешли только работники службы связи, а среди службы движения – 25,2 % личного состава, паровозной службы – 20,4 %, грузовой – 7,6 %, вагонной – 6,9 %, пути – 0,6 %, пассажирской – 0,1 %, всего – 10,8 %⁸. Причинами невыполнения приказа № 385/Ц – 1946 г. о переводе работников ГЖД на нормальный режим работы являлись: большое число случаев сверхурочных работ; неорганизованность в расстановке рабочих кадров одновременно с внедрением новых элементов технологического процесса; отсутствие должного

внимания руководителей подразделений к фактам простоев; низкая требовательность со стороны руководства дороги, что объяснялось недостаточной информированностью о ходе введения нормального режима рабочего времени в службах. Объективные трудности послевоенного периода и условия восстановления народного хозяйства также замедляли переход железнодорожников на работу по нормативам мирного времени.

Нормализации работы железнодорожного транспорта на рубеже 1940–1950-х гг. способствовало совершенствование нормативно-правовой базы в сфере охраны труда, в том числе на особенно опасных участках при ведении строительных и монтажных работ, а также при безопасной эксплуатации машин. К ним относились: «Правила устройства, содержания и освидетельствования баллонов для сжатых, сжиженных и растворенных газов» (1949 г.), «Правила устройства, установки, содержания и освидетельствования паровых котлов, пароперегревателей и водяных экономайзеров» (1950 г.), «Правила устройства, установки и освидетельствования сосудов, работающих под давлением» (1951 г.) и др. [Справочник: 720–721].

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны служба охраны труда на Горьковской железной дороге столкнулась с многочисленными трудностями, что привело к снижению уровня безопасности труда и росту производственного травматизма. Благодаря слаженной работе транспортников уже с 1943 г. начался процесс общего улучшения условий труда и заметного снижения травматизма. Переход к нормальным условиям работы мирного времени в послевоенный период не во всех службах железной дороги происходил своевременно в связи с общим тяжелым положением в хозяйственной сфере страны, но совершенствование нормативно-правовой базы способствовало его успешному завершению и дальнейшему развитию охраны труда.

Примечания

¹ Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. Р-6281. Оп. 18. Д. 13. Л. 2.

² Там же.

³ Там же. Л. 12.

⁴ Там же. Л. 14.

⁵ О материальном ущербе, причиненном немецко-фашистскими захватчиками государственным предприятиям и учреждениям, колхозам, общественным организациям и гражданам СССР: Из сообщения Чрезвычайной государственной комиссии // Борьба КПСС за восстановление и развитие народного хозяйства в послевоенный период (1945–1953 гг.): Документы и материалы / Л.Б. Габриэлов, В.В. Пентковская. М.: Госполитиздат, 1961. С. 45.

⁶ Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг. //

Борьба КПСС за восстановление и развитие народного хозяйства в послевоенный период (1945–1953 гг.): Документы и материалы / Л.Б. Габриэлов, В.В. Пентковская. М.: Госполитиздат, 1961. С. 51.

⁷ Там же. С. 80.

⁸ ЦАНО. Ф. Р-6281. Оп. 18. Д. 13. Л. 73.

Список литературы

Атьков О.Ю. История железнодорожной медицины. М.: Медицина, 2004. 416 с.

Берлин Г.А. Сифилис как медико-санитарное последствие войны в Горьковской области: дис. ... канд. мед. наук. Горький, 1948. 185 с.

Кежутин А.Н. Материалы транспортного делопроизводства как источник изучения трудовых отношений // Документ, источник, текст: горизонты современных исследований: сборник научных трудов. Нижний Новгород: НГТУ, 2015. С. 123–126.

Огурцов П.Е. Социальные проблемы судоремонтных и судостроительных заводов Горьковской области в период Великой Отечественной войны (на примере охраны труда) // Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе: сборник материалов X регионал. науч.-практ. конф. (13 декабря 2012 г.) / под общ. ред. В.И. Грубова; АГПИ им. А.П. Гайдара, ГАНУ, г. Арзамас. Арзамас: АГПИ, 2012. Вып. 9. С. 206–212.

Справочник по железнодорожному строительству / под общ. ред. Б.И. Левина. М.: Гос. транспортное железнодорожное изд-во, 1958. 735 с.

Шаламов В.А. Зарождение и развитие медицинских учреждений водотранса на территории Восточной Сибири в 1918–1920-х гг. // Вестник Омского университета. Сер.: Исторические науки. 2018. № 3 (19). С. 197–204.

Ascher Abraham. Russia: a short history. Oxford, Oneworld, 2017. 320 p.

References

At'kov O.Ju. *Istorija zheleznodorozhnoj mediciny* [History of railway medicine]. Moscow, Medicina Publ., 2004. 416 p. (In Russ.)

Berlin G.A. *Sifilis kak mediko-sanitarnoe posledствие vojny v Gor'kovskoj oblasti: dis. ... kand. med. nauk* [Syphilis as health consequences of the war in the Gorky regions: DSc thesis, summary]. Gorkij, 1948, 185 p. (In Russ.)

Kezhutin A.N. *Materialy transportnogo deloproizvodstva kak istochnik izuchenija trudovyh otnoshenij* [Materials of transport records management as a source for studying labor relations]. *Dokument, istochnik, tekst: gorizonty sovremennyh issledovanij: sbornik nauchnyh trudov* [Document, source, text: horizons of modern research: collection of scientific papers]. Nizhnij Novgorod, NGTU Publ., 2015, pp. 123–126. (In Russ.)

Ogurcov P.E. *Social'nye problemy sudoremontnyh i sudostroitel'nyh zavodov Gor'kovskoj oblasti*

v period Velikoj Otechestvennoj vojny (na primere ohrany truda) [Social problems of ship repair and shipbuilding plants in the Gorky region during the great Patriotic war (on the example of labor protection)]. *Voprosy arhivovedenija i istochnikovedenija v vysshej shkole: sbornik materialov X Regional'noj nauchno-prakticheskoj konferencii (13 dekabnja 2012 g.)* [Issues of archival and source studies in higher education: collection of materials of the X Regional scientific and practical conference (December 13, 2012)], ed. by V.I. Grubova, Arzamas, AGPI Publ., 2012, vol. IX, pp. 206–212. (In Russ.)

Spravochnik po zheleznodorozhnomu stroitel'stvu [Handbook of railway construction], ed. by B.I. Levina. Moscow, Gosudarstvennoe transportnoe zheleznodorozhnoe izdatel'stvo Publ., 1958, 735 p. (In Russ.).

Shalamov V.A. *Zarozhdenie i razvitie medicinskih uchrezhdenij vodotransa na territorii Vostochnoj Sibiri v 1918–1920-h gg.* [Origin and development of water transport medical institutions in Eastern Siberia in the 1918-1920s.]. *Vestnik Omskogo universiteta. Ser.: Istoricheskie nauki* [Bulletin of Omsk University. A series of «Historical science»]. 2018, № 3 (19), pp. 197–204. (In Russ.)

Кищенко Михаил Сергеевич

Ярославская государственная сельскохозяйственная академия

Никифоров Юрий Сергеевич

Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского

Тумаков Денис Васильевич

Ярославский государственный медицинский университет

**ВЕРХНЕВОЛЖСКИЕ РЕГИОНЫ В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕСОЮЗНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ:
ДИХОТОМИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕСТНЫХ ЭЛИТ И ЦЕНТРА В СССР
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1960-Х – 1980-Е ГГ.)**

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-39-00068 «Советские региональные элиты и их взаимодействие с центром в 1950–1980-е гг.: в архивных документах и исторической памяти»

Статья является продолжением исследования, посвященного взаимоотношению регионов и центра в период Н.С. Хрущёва. На материалах Верхневолжских регионов исследуется исторический контекст взаимодействия региональной и центральной власти в СССР в эру Л.И. Брежнева (вторая половина 1960-х – 1980-е гг.). На основании архивных материалов, мемуаров, данных устной истории и историографических трудов характеризуется региональная и центральная власть, политическая ситуация в СССР эпохи «развитого социализма». Отмечается усиление внимания со стороны руководства СССР и региональных элит к вопросам снабжения населения товарами народного потребления. Констатируется тенденция медленного роста уровня жизни в столицах и на региональном уровне. Анализируются причины длительного пребывания у власти представителей региональной номенклатуры. В статье делается вывод, что на внутривластном уровне взаимодействие властных элит Верхневолжских регионов и союзно-республиканского центра в 1970–1980-х гг. отражало общесоюзные тенденции региональной политики Брежнева: доверие к кадрам, компромиссы и коллегиальность. Утверждается, что на социально-экономическом уровне наблюдалось нарастание негативных для Нечерноземной зоны РСФСР тенденций: чрезмерная бюрократизация, зависимость провинции от непродуманных проектов центра, оскудение людского потенциала, медленное внедрение достижений научно-технической революции.

Ключевые слова: «развитой социализм», региональная номенклатура, элита, центр, Брежнев, Горбачёв, Верхневолжские регионы.

Информация об авторах:

Кищенко Михаил Сергеевич, ORCID: 0000-0002-5466-3913, кандидат исторических наук, Ярославская государственная сельскохозяйственная академия, г. Ярославль, Россия.

E-mail: mkishhenkov@yandex.ru.

Никифоров Юрий Сергеевич, ORCID: 0000-0002-4253-4532, кандидат исторических наук, доцент, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, г. Ярославль, Россия.

E-mail: Nikifor2108@yandex.ru.

Тумаков Денис Васильевич, ORCID: 0000-0001-8569-7246, кандидат исторических наук, Ярославский государственный медицинский университет, г. Ярославль, Россия.

E-mail: denistumakov@yandex.ru.

Дата поступления статьи: 02.12.2019.

Для цитирования: Кищенко М.С., Никифоров Ю.С., Тумаков Д.В. Верхневолжские регионы в контексте общесоюзных тенденций: дихотомия взаимодействия местных элит и центра в СССР (вторая половина 1960-х – 1980-е гг.) // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 1. С. 68-76. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-1-68-76.

Mikhail S. Kishchenkov

Yaroslavl State Agricultural Academy

Yuriy S. Nikiforov

Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University

Denis V. Tumakov

Yaroslavl State Medical University

**THE REGIONS OF THE UPPER VOLGA IN THE CONTEXT OF ALL-UNION TRENDS:
CONTRADICTION OF INTERACTION BETWEEN LOCAL ELITES AND THE CENTRE
IN THE USSR (SECOND HALF OF THE 1960S TO THE 1980S)**

The reported study was funded by RFBR according to the research project #18-39-00068 «The Soviet regional elites and their interaction with the centre in the 1950-1980s: in archival documents and in historical memory»

The article is a continuation of a study on the relationship between regions and the centre during the period of Nikita Khrushchev. Based on materials from the Upper Volga regions, the historical context of the interaction of regional and central authorities in the USSR in the era of Leonid Brezhnev (second half of the 1960s to 1980s). On the basis of archival materials, memoirs, oral history data, historiography, the regional and central authorities and the political situation in the USSR of the era of «developed socialism» are characterised. There is an increase in attention from the leadership of the USSR and regional

elites to the issues of supplying the population with consumer goods. The tendency of a slow increase in living standards in the capitals and at the regional level is noted. The reasons for the long stay in power of representatives of the regional nomenclature are analysed. The article concludes that at the domestic political level, the interaction of the power elites of the Upper Volga regions and the Union-Republican centre in the 1970s-1980s reflected the all-Union trends in regional policy of Leonid Brezhnev – trust in personnel, compromises and collegiality. It is argued that at the socioeconomic level, there was an increase in negative trends for the non-Chernozemic RSFSR – excessive bureaucratisation, dependence of the province on ill-conceived projects of the centre, impoverishment of human potential, slow implementation of the achievements of the scientific and technological revolution.

Keywords: «developed socialism», regional nomenclature, elite, centre, Brezhnev, Mikhail Gorbachev, Upper Volga regions.

Information about the authors:

Mikhail S. Kishchenkov, ORCID: 0000-0002-5466-3913, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Yaroslavl State Agricultural Academy, Yaroslavl, Russia.

E-mail: mkishhenkov@yandex.ru

Yuriy S. Nikiforov, ORCID: 0000-0002-4253-4532, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, scientific secretary of Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University, Yaroslavl, Russia.

E-mail: nikifor2108@yandex.ru.

Denis V. Tumakov, ORCID: 0000-0001-8569-7246, Candidate of Historical Sciences, senior lecturer of Yaroslavl State Medical University, Yaroslavl, Russia.

E-mail: denistumakov@yandex.ru.

Article received: December 2, 2019.

For citation: Kishchenkov M.S., Nikiforov Yu.S., Tumakov D.V. The regions of the Upper Volga in the context of all-Union trends: contradiction of interaction between local elites and the centre in the USSR (second half of the 1960s to the 1980s). *Vestnik of Kostroma State University*, 2020, vol. 26, № 1, pp. 68-76 (In Russ.). DOI 10.34216/1998-0817-2019-26-1-68-76.

Период новейшей отечественной истории 1964–1985 гг., традиционно воспринимаемый как один из наиболее стабильных в истории нашего государства, официально определялся в СССР как эпоха «развитого социализма» [Бурлацкий]. С подачи М.С. Горбачева к эпохе был прикреплен спорный и критикуемый в современной историографии термин-ярлык «застой», который на долгие годы стал традиционным маркером этого времени. Это негативное определение эпохи «развитого социализма» получило распространение, служило конъюнктурным целям Горбачёва и оправдывало необходимость перемен во второй половине 1980-х гг. С одной стороны, понятие «застой», неся в себе негативное звучание, в значительной степени связано с конструированием в общественном сознании негативного, гиперболлизированного образа Л.И. Брежнева – физически и интеллектуально дряхлеющего правителя, навязываемого некоторыми публицистами и мемуаристами [Млечин; Чазов]. С другой стороны, в научной литературе подчеркивается постепенное отставание СССР от стран Запада в наукоемких технологиях и периодически возникавший дефицит товаров народного потребления, которые также ассоциировались в научном и публичном дискурсе с эпохой «застоя». Так, исследователь Ю.П. Бокарев проанализировал неудачные попытки модернизации экономики СССР в 1970–80-е гг. в сравнении с процессами постиндустриального развития западных стран. Он подверг критике советскую концепцию научно-технической революции, которая не предполагала серьезных социальных изменений [Бокарев].

В историографии существуют и иные *альтернативные дефиниции периода 1970–80-х гг. в исто-*

рии СССР. Некоторые исследователи предлагают использовать для обозначения рассматриваемой эпохи понятие «централизованное индустриальное общество» [Ващук, Булдыгерова: 105–118]. Весьма продуктивным представляется термин позднесоветский, или поздний, социализм, включающий эпоху Брежнева, – «период примерно 30 лет советской истории с конца сталинского периода до начала перестройки (начало 1950-х – середина 1980-х), когда советская система воспринималась большинством советских граждан и большинством зарубежных наблюдателей как система мощная и незыблемая» [Юрчак: 36]. Интересно также привести *данные устной истории*. Интервью представителя региональной элиты свидетельствует о крайне негативном отношении к понятию «застой». Профессор Н.П. Воронин, занимавший в 1989–1990 гг. должность секретаря Ярославского обкома КПСС по идеологии, подчеркивал, что «ни о каком застое речи не идет. Этот термин выдуман нашими “друзьями”. И мы его повторяем как попугаи. Это глупость» [Никифоров: 323].

В *исторической памяти населения*, которое жило в 1970-е – начале 1980-х гг., так называемый «застой» – это время вполне комфортное, не связанное ни с какими политическими и социально-экономическими кризисами. Относительная стабильность и комфортность жизни осталась в сознании целого поколения граждан СССР [Грушин].

Период 1970–80-х гг. постепенно становится полем для исторических исследований. Расширяется вводимая в научный оборот архивная база, публикуются документы [Л.И. Брежнев 2016; Л.И. Брежнев 2006], выходят в свет мемуары очевидцев эпохи [Соломенцев; Черняев]. Одной из центральных фигур для изучения является, конечно, сам Бреж-

нев. О деятельности этого государственного деятеля есть ряд изданий как научного, так и популярного характера [Семанов; Чураков]. В основном авторы акцентируют внимание на личности самого генерального секретаря, его карьерном росте и основных событиях эпохи. Следует сказать, что в последнее время появилось много интересных работ, вскрывающих ранее неизвестные аспекты в жизни и деятельности Брежнева. Новейшая монография профессора Бременского университета С. Шаттенберг, которую сама автор позиционирует в качестве первой научной биографии Брежнева, интересна анализом коммуникативных практик эпохи позднего социализма, прежде всего сценариев власти [Шаттенберг]. Часть исследователей относится к Брежневу с симпатией, называя его правление «золотым веком», подчеркивая положительные моменты эпохи «развитого социализма» [Семанов]. Другие историки отмечают отсутствие сменяемости в органах власти: многолетнее пребывание на высоких должностях одних и тех же лиц, в силу своего возраста не способных на активную деятельность, стало «прямо отражаться на качестве принимаемых стратегических решений» [Устинкин, Шунина, Гинзбург: 28]. Ряд авторов посвятили работы отдельным социально-экономическим и иным аспектам этого времени. Так, В.А. Козлов исследовал массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе [Козлов]. Исследование Козлова убедительно доказывает, что правление Брежнева было гораздо более спокойным и стабильным, но при этом многие причины массового недовольства граждан были решены не полностью, а лишь заретушированы, создавалось поле для будущих волнений. Советская номенклатура 1970–80-х гг. также была предметом исследований. В частности, работа В.П. Мохова посвящена политическому развитию правящей номенклатуры на региональном уровне. Основной акцент в ней сделан на процессах принятия решений и деятельности регионального эшелона власти [Мохов]. Часть трудов касается развития социальной сферы в позднем СССР: Н.Б. Лебина исследует процессы формирования советского общества потребления [Лебина]; Г.М. Иванова изучает специфику формирования в СССР элементов «государства всеобщего благосостояния» [Иванова]; в работах Е.Ю. Зубковой отражены социальные проблемы СССР [Зубкова].

Следовательно, правление Брежнева нашло широкое отражение в историографии и представляется весьма актуальным для исследований. При этом на региональном уровне еще только появляются первые работы о жизни советской провинции во время «развитого социализма». Отметим, что особенно много лагун в историографии связано именно с заявленным взаимодействием регионов и центра в 1960–80-е гг. Между тем этот хронологический отрезок времени весьма перспекти-

вен для исследования и определяется иногда как период «экономики согласований». Исследования прибалтийских ученых, посвященные позднесоветскому периоду, являются тому ярким подтверждением. Так, очень интересной представляется работа литовского исследователя о взаимодействии регионов и центра [Ivanauskas], в которой анализируются столкновение, согласование и реализация плановых задач, контроль капитальных вложений. Интересны наблюдения автора относительно непосредственной коммуникации региональной элиты и центра: «Общение (в зависимости от интенсивности) находилось под контролем секретарей ЦК, курировавших отдельные области. При этом у технократов в общении с Москвой подчас было больше возможностей маневрирования, что объяснялось усилением позиций республиканских министерств в планировании народного хозяйства и сложностью производственной деятельности [Ivanauskas].

По истории Верхневолжского региона можно назвать только самые общие труды, посвященные истории края, что в целом способствовало более пристальному вниманию к процессам, происходившим на региональном уровне [Балдин, Семенов; Белов; Рутковский, Воскресенский].

Важно заметить, что в СССР 1970–80-х гг. нарастали двойные дихотомии, отражавшие парадоксальные противоречия социально-экономического развития СССР как по вектору «регионы – центр», так и в направлении «регион – регион». С одной стороны, наблюдалась классическая диспропорция «столица – провинция». Исследователь Бокарев отмечал, что «Москва установила абсолютное господство в СССР. На столицу приходилось до 75 % всех банковских операций в стране. Через нее проходили все перемещения грузов с юга на север, с запада на восток и наоборот. Здесь принимались все решения о начале крупных экономических проектов. В Москву «на ковер» вызывались нерадивые руководители регионов. Здесь награждались передовики производства из всех республик и областей. В Москве осуществлялись все крупные назначения и перемещения хозяйственников. Без ее участия нельзя было решить ни один серьезный хозяйственный конфликт» [Бокарев: 260]. Приведенные в этой цитате данные и факты наглядно демонстрируют нарастающие диспропорции между столицей и провинцией в позднем СССР, проявившиеся в гипертрофированном росте бюрократического, финансового и логистического влияния Москвы на общесоюзные процессы в ущерб оскудению провинции, ее человеческого потенциала, прежде всего нечерноземного центра РСФСР [Денисова].

С другой стороны, можно констатировать усиление *неравномерности в развитии отдельных регионов СССР, которое также нарастало*. По мнению авторитетного исследователя, за пери-

од 1970–80-х гг. произошло «значительное обособление регионов, их развитие все больше становилось на путь самодостаточности». С точки зрения Бокарева, такой диспропорции способствовали программы регионального развития. Ученый делает парадоксальное наблюдение, что «Программа развития сельского хозяйства Нечерноземной зоны» изначально была нацелена на самодостаточность. В результате все больше проявлялось недовольство центром» [Бокарев: 309].

Тем не менее отставка Хрущева и наступление эпохи Брежнева были встречены положительно не только центральной элитой, но и региональной номенклатурой и рядовыми гражданами [Кищенко, Никифоров, Таточенко: 65–70]. При этом в СССР ситуация к 1964 г. была далеко не благополучной, и новому руководству требовалось решить ряд накопившихся проблем [Нездоровые и антисоветские: 248–258].

Во-первых, был подтвержден курс на коллективное руководство, осужден единоличный стиль принятия решений, ставший обычным для последних лет правления Хрущёва. Произошло разграничение полномочий между партийным аппаратом и правительством. Брежнев, возглавив партию, демонстративно советовался с остальными представителями правящей команды, а решения принимались коллегиально. Немецкий историк Шаттенберг, анализируя брежневский стиль управления, остроумно замечала, что Брежнев «избрал двойной сценарий власти: “доверие и попечительство” как официальный девиз и “быстрые автомобили и красивые женщины” в ситуациях, когда на первый план выходили мужские сообщества [Шаттенберг: 323].

Во-вторых, было принято решение о ликвидации деления на сельскохозяйственные и промышленные партийные органы: КПСС вновь вернулась к единой системе управления. Одновременно было восстановлено централизованное управление промышленностью [Лощенков: 44–45]. Это решение нашло полное единодушие среди региональной номенклатуры. Вот как описывал Ф.И. Лощенков, первый секретарь Ярославского обкома КПСС, свое восприятие исходных шагов Брежнева: «Став во главе партии, первым делом занялся устранением ошибок, допущенных Хрущевым. Он снова сделал КПСС единой партией, упразднив промышленные и сельские обкомы, горкомы и райкомы партии, прекратив, таким образом, междоусобицу между ними, принявшую в отдельных местах острые формы» [Лощенков: 44].

В-третьих, нужно было исправлять ошибки, допущенные Хрущевым в области сельского хозяйства. В марте 1965 г. пленум ЦК КПСС был посвящен этому острому вопросу. Председатель ярославского облисполкома В.Ф. Торопов вспоминал: «...хорошо помню, все мы, коммунисты, были довольны решением пленума ЦК» [Торопов: 103].

Итогом стало рассмотрение вопроса о «неотложных мерах по развитию сельского хозяйства», одобренных затем на стандартном собрании партийного актива Ярославской области после проведения пленума¹. Основными путями решения трудностей стали: повышение закупочных цен, сохранение личного приусадебного хозяйства колхозников, расширение материальной базы совхозов и колхозов, внедрение достижений науки и техники и прекращение рискованных экспериментов. Эти решения получили свое развитие и на региональном уровне. Так, в Ярославской области к середине 1960-х гг. отмечалось падение урожайности и сокращение поголовья скота². За это область критиковали центральные власти. На собрании партийного актива области в 1965 г. по итогам мартовского пленума много говорилось об имевшихся недостатках и путях решения, принятых на пленуме ЦК. Конечно, о серьезных переменах речь не шла, но и принятые меры позволили преодолеть трудности в сельском хозяйстве и наладить снабжение населения³.

Впрочем, недостатки в области сельского хозяйства отмечались и позднее. Как говорил на пленуме ЦК в 1969 г. сам Брежнев, «если производство яиц и росло в целом по стране, то только за счет деятельности птицефабрик. Многие колхозы и совхозы перестали сдавать яйца и птицу. Например, на Тамбовщине 212 колхозов и 85 совхозов птицей не занимаются вовсе. Еще хуже положение дел в Ярославской области. В 1965 г. в этой области основным поставщиком яиц государству были колхозы и совхозы, которые продали государству примерно 36 млн штук яиц. В 1968 г. за счет птицефабрик продажа яиц увеличилась до 54 млн штук, но колхозы и совхозы уменьшили продажу до 15,2 млн штук» [Наши недостатки]. За недостатки в этой области Ярославский регион критиковали и в начале 1980-х гг. [Никифоров: 53].

В плане сельскохозяйственного производства Брежнева отличал более гибкий подход, чем у Хрущева. Как вспоминал первый секретарь Башкирского обкома КПСС, в будущем заместитель Председателя Совета Министров СССР, председатель Комиссии Президиума Совета Министров СССР по вопросам агропромышленного комплекса З.Н. Нуриев, «Башкирия план сдачи хлеба выполняла, и потому Брежнев начал настаивать на сверхплановой продаже зерна государству. Я объяснял, что в этом случае животноводство останется без кормов, начнется падеж скота. Но в решение все равно записали, что Башкирия поставит сверх плана 10 млн пудов зерна. А вечером Брежнев позвонил мне в гостиницу и сказал, что решение решением, но, если излишков не будет, скот без фуража оставлять нельзя. Это пример характерного для Брежнева гибкого подхода. Хрущев дал ему задание давить, но, подумав над моей аргументацией, он понял, что я прав» [Нуриев].

Вопросы снабжения населения были для генерального секретаря ЦК КПСС первостепенными: «Мы сделали расчеты, пытаюсь изменить соотношение цен по зарубежной модели “дешевые промтовары – дорогое продовольствие”. И с этими предложениями я пошел к Брежневу. Он выслушал меня и говорит: “Зия, человек покупает машину один, от силы два раза в жизни, а хлеб, мясо и молоко – каждый день. Ты что, хочешь повторения новочеркасских событий? Я на это не пойду”» [Нурiev]. Можно сделать вывод, что обеспечение населения минимальным уровнем жизни было первоочередной задачей для Брежнева. В подтверждение можно привести мнение современного немецкого исследователя Шаттенберг. Она отмечала: «Не похоже, что обращение к идее государства всеобщего благосостояния была для Брежнева пустым обещанием» [Шаттенберг: 331].

Как считают А.И. Савин и В. Деннингхаус, «не будет преувеличением утверждать, что уникальность Брежнева как лидера партии и государства в первую очередь заключалась в том, что он «заглянул в тарелку», стоявшую на столе у советских людей, причем не с привычной целью ополовинить ее содержимое, а с искренним желанием наполнить ее. Выступая в 1971 г. на XXIV съезде КПСС, Брежнев заявил: «Лук нельзя заменить картошкой, а подсолнечное масло – томатным соком: на столе советского человека должно быть всё» [Савин, Деннингхаус: 286.]. В то же время искусственное занижение цен при хроническом дефиците товаров народного потребления во многом способствовало нарастанию проблем в экономике и формированию черного рынка.

Тем не менее трудности в сельском хозяйстве сохранялись и в дальнейшем. Несмотря на многочисленные меры, колхозы оставались убыточными, а население переезжало жить в города. Отчасти решением продовольственных трудностей стало активное развитие приусадебного хозяйства городских жителей и создание подсобных хозяйств промышленных предприятий на селе. Активно использовали труд горожан, оказывалась шефская помощь селу [Никифоров: 43].

Продолжились активные финансовые вложения в развитие социальной сферы. На областной партийной конференции 1966 г. председатель Ярославского облисполкома Торопов отмечал: «Аварийного жилья... очень много ещё в городах»⁴. Эти слова оказались вычеркнутыми из итогового текста стенограммы. Тем не менее в брежневский период шло массовое жилищное строительство, создание объектов городской и социальной инфраструктуры, расширялись возможности активного отдыха для жителей городов, постепенно рос уровень жизни. Согласно официальным данным, за 1963–1973 гг. объём бытовых услуг на одного жителя Ярославской области

возрос в 4 раза, а в сельской местности – в 13⁵. На встрече с избирателями Бурмакинского избирательного округа в 1969 г. тот же Торопов вёл речь о постройке жилых домов площадью 965 тыс. кв. метров в колхозных и совхозных посёлках, газо- и водоснабжении, центральном отоплении, канализационных системах... В сельской местности увеличилось количество телезрителей, радиослушателей, подписчиков газет⁶.

Наряду с личной квартирой, бытовой техникой, мебелью в жизнь советских людей постепенно входили предметы роскоши, автомобили, загородные дачи, привычка отдыхать на отечественных и восточноевропейских курортах: «Население стало значительно лучше питаться, одеваться, иметь гораздо больше возможностей для хорошего отдыха и более полного удовлетворения своих материальных и культурных запросов. У многих людей появилось желание и, главное, возможность следовать моде, иметь современную бытовую технику, обставлять и украшать жилища» [Иванова: 170].

Постепенно формировалась *досуговая культура отдыха, сходная с западными странами*. Бывший первый секретарь Ярославского обкома И.А. Толстоухов вспоминал: «На встречах с избирателями депутатам Верховного Совета СССР ярославские мужчины очень часто задавали вопрос: “Почему пивом не можете обеспечить?”... Министерство поддержало областное руководство в вопросе строительства пивзавода... пивная проблема в области была решена» [Никифоров: 61]. При этом возникало противоречие между советской идеологией, осуждавшей стремление к материальному достатку и благополучию, и реальными запросами граждан. На это указывал и сам генеральный секретарь: «А стремления, просьбы, желания все время возрастают. Мы должны подумать... можем оказаться, если не обсудим, не найдем правильного решения этого вопроса, в затруднительном положении, тем паче что рост заработной платы в стране опережает рост производительности труда» [Наши недостатки, трудности и проблемы: 3].

Важным направлением политики Брежнева было *сохранение стабильности кадров и постоянства кадровой политики*. Это было заметно и на региональном уровне. Британский исследователь Й. Горлицкий указывал на общее смягчение авторитарных практик взаимодействия союзного центра с регионами в брежневскую эпоху, которое может быть атрибутировано понятием «доверие к кадрам» («trust in cadres») [Gorlizki: 676].

Сменяемость руководящих номенклатурных кадров была минимальной и, как правило, являлась следствием естественного ухода из жизни региональных руководителей. Так, первый секретарь Ярославского обкома Лощенков поставил своеобразный рекорд, руководя Ярославской областью на протяжении 25 лет (1961–1986 гг.). Его влади-

мирский коллега М.А. Пономарев руководил областью с 1961 по 1983 гг. Местная номенклатура была благодарна Брежневу за сохранение своего правящего статуса и не участвовала в каких-либо интригах, способных ослабить положение генерального секретаря. Наоборот, местные власти способствовали укреплению власти Брежнева и его политики. Так, Лощенков вспоминал генерального секретаря преимущественно в положительном ракурсе [Лощенков: 49].

Большую часть аппарата, управлявшего в 1960–80-х гг. страной, составляли люди, начавшие карьеру после репрессий 1930-х гг. В отличие от руководителей довоенной поры, они были лишены страха перед репрессиями и одновременно верили в социальную справедливость. Основу «новой элиты» составлял высший слой партийных функционеров. Ряды «элиты» при Брежневе пополнялись за счет верхушки: профсоюзов, комсомола, научной и творческой интеллигенции. Новая номенклатура принесла с собой иные взгляды, настроения, ценности. Большинство из них имели высшее образование, преимущественно техническое или сельскохозяйственное, а некоторые – ученые степени. Работники аппарата неоднократно бывали в заграничных командировках, имели более широкие знания об окружающем мире, познакомились со стандартами «потребительского общества» [Устинкин, Шунина, Гинзбург: 31].

Местная номенклатура активно отстаивала интересы регионов перед центральными властями, выбивала фонды, средства, ресурсы, поскольку пользовалась серьезным влиянием в ЦК и правительстве. Так, первый секретарь Калининского обкома в 1978–1985 гг. П.А. Леонов пользовался покровительством министра обороны СССР Д.Ф. Устинова, имел связи в военно-промышленном комплексе, превратившись в удельного князя образца развитого социализма [Липин: 121]. Лощенков «по телефону спецсвязи мог легко связаться... с любым руководителем страны» [Никифоров: 12]. Не случайно Торопов в изданных в конце жизни воспоминаниях критично назвал брежневскую эпоху «порой льгот и поблажек аппаратчикам» [Торопов: 159].

Обратной стороной такого положения вещей, как и в любых других авторитарных политических системах, стало участие региональных элит в формировании культа Брежнева и правящей партии: восхваления и славословия в адрес руководства партии и государства возрастали. Так, на сессии Верховного Совета РСФСР в 1967 г. председатель ярославского облисполкома Торопов объяснял успехи региона «неодолимой силой социалистического строя, утвержденного Октябрьской революцией». Следствием этого, как полагал он, является «чувство высокой гордости за КПСС у каждого гражданина СССР»⁷. В 1973 г. Торопов

выразил «искренние слова благодарности Политбюро ЦК КПСС, генеральному секретарю Брежневу за создание «хорошей, деловой, творческой обстановки» в стране и партии⁸, а также за «обеспечение мира и безопасности нашей Родины... мирного труда на строительстве светлого будущего – коммунизма»⁹. Такие формулировки звучали во многих речах региональных руководителей.

Таким образом, правление Брежнева было расцветом региональной правящей элиты, которая, с одной стороны, избавилась от страха репрессий и перемен, а с другой – стремилась развивать вверенные ей территории, обретая поддержку со стороны центральных властей и местного населения. Можно предположить, что такая политика послужила залогом столь долгого пребывания у власти региональных руководителей. На внутривластном уровне взаимодействие властных элит Верхневолжских регионов и союзно-республиканского центра в 1970–1980-х гг. отражало общесоюзные тенденции региональной политики Брежнева: доверие к кадрам, компромиссы и коллегиальность. Однако на социально-экономическом уровне наблюдалось нарастание крайне негативных для верхневолжских регионов (и всего нечерноземного РСФСР) тенденций: чрезмерная забюрократизированность в принятии экономических решений, зависимость провинции от непродуманных проектов центра, часто не учитывавших местную специфику, оскудение людского потенциала, медленное внедрение достижений научно-технической революции.

Примечания

¹ Центр документации новейшей истории Ярославской области (ЦДНИ ЯО). Ф. 272. Оп. 229. Д. 42. Л. 5–10.

² ЦДНИ ЯО. Ф. 272. Оп. 229. Д. 42. Л. 5–10.

³ ЦДНИ ЯО. Ф. 272. Оп. 229. Д. 42. Л. 5–10.

⁴ Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. Р-1054. Оп. 1. Д. 18. Л. 5.

⁵ ГАЯО. Ф. Р-1054. Оп. 1. Д. 20. Л. 17.

⁶ ГАЯО. Ф. Р-1054. Оп. 1. Д. 35. Л. 7–8.

⁷ ГАЯО. Ф. Р-1054. Оп. 1. Д. 20. Л. 2.

⁸ ГАЯО. Ф. Р-1054. Оп. 1. Д. 20. Л. 19.

⁹ ГАЯО. Ф. Р-1054. Оп. 1. Д. 20. Л. 20.

Список литературы

Балдин К.Е., Семенов А.М. Иваново: Из прошлого в будущее. Иваново, 2011. 247 с.

Белов А.М. Руководители Костромской губернии и области 1778–2009 гг. Кострома, 2009. 296 с.

Бокарев Ю.П. СССР и становление постиндустриального общества на Западе. 1970–1980-е годы. М.: Наука, 2007. 381 с.

Бурацкий Ф.М. Вожди и советники: о Хрущёве, Андропове и не только о них. М.: Политиздат, 1990. 384 с.

Ващук А.С., Булдыгерова Л.Н. Политическая элита СССР во второй половине 1960-х – 1970-х гг. и ее влияние на социально-экономическое развитие // Основные тенденции государственного и общественного развития России: история и современность. 2015. № 1. С. 105–118.

Грушин Б.А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина: в 4 кн. Кн. 2. Жизнь 2-я. Эпоха Брежнева. М., 2003. 624 с.

Денисова Л.Н. Исчезающая деревня России: Нечерноземье в 1960–1980-е гг. М.: Наука, 1996. 215 с.

Зубкова Е.Ю. Принудительная «трудотерапия» в СССР: между ГУЛАГом и «большой химией» // Вестник российского фонда фундаментальных исследований. 2018. № 3. С. 26–35.

Иванова Г.М. На пороге государства всеобщего благосостояния. Социальная политика СССР (середина 1950-х – начало 1970-х годов). М.: Наука, 2011. 284 с.

Киценков М.С., Никифоров Ю.С., Таточенко В.В. Контекст взаимодействия регионов Верхнего Поволжья и центра в эпоху оттепели через призму историографии, архивных документов и исторической памяти // Вестник Костромского государственного университета. 2018. № 3. С. 65–70.

Козлов В.А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе (1953 – начало 1980-х гг.). М.: РОССПЭН, 2009. 463 с.

Лебина Н.М. Пассажиры колбасного поезда. М., 2019. 584 с.

Липин В.П. Без прикрас о себе и других. Тверь, 2016. 160 с.

Лоценков Ф.И. От Сталина до Горбачева. Ярославль, 2001. 79 с.

Л.И. Брежнев. Рабочие и дневниковые записи: в 3 томах. Т. 1. Леонид Брежнев. Рабочие и дневниковые записи. 1964–1982 гг. М., 2016. 1264 с.

Л.И. Брежнев. 1964–1982 // Вестник Архива Президента: спец. изд. М.: Наука, 2006. 240 с.

Млечин Л. Брежнев. Разочарование России. СПб.: Питер, 2012. 432 с.

Мохов В.П. Региональная политическая элита России (1945–1991). Пермь, 2003. 240 с.

«Наши недостатки, трудности и проблемы не такие мелкие, чтобы можно было себе позволить закрывать на них глаза»: Засекреченное выступление Л.И. Брежнева на Пленуме ЦК КПСС 15 декабря 1969. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/in-side/almanah-intro/1014759> (дата обращения: 07. 07. 2019).

«Нездоровые и антисоветские проявления...»: справка Управления КГБ при Совете Министров СССР по Ленинградской области от 27 июля 1964 г. // Новейшая история России. 2012. № 1. С. 248–258.

Никифоров Ю.С. Новейшая отечественная история в зеркале интервью региональной элиты: от СССР к России через призму культурной памяти. Ярославль, 2018. 79 с.

Нуриев З.Н. Брежнев предлагал ввести в стране два постных дня в неделю. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/323921> (дата обращения: 01.07.2019.)

Рутковский М.А., Воскресенский С.Г. Страницы современной истории Ярославской области (1985–2010). Ярославль, 2010. 207 с.

Савин А.И., Деннингхаус В. На встречах курсах: политическая коадаптация власти и общества в брежневскую эру // Диалог со временем. 2015. № 53. С. 279–293.

Семанов С. Брежнев: Правитель «золотого века». М.: Вече, 2006. 320 с.

Соломенцев М.С. Верю в Россию. М.: Наука, 2003. 624 с.

Торопов В.Ф. Незабываемое. Записки председателя облисполкома. Ярославль, 2001. 173 с.

Устинкин С.В., Шулгина А.А., Гинзбург Б.Л. Партийно-советская номенклатура в условиях брежневской «кадровой стабильности» // Власть. 2012. № 7. С. 27–32.

Чазов Е.И. Хоровод смертей. Брежнев, Андропов, Черненко... М.: Алгоритм, 2014. 256 с.

Черняев А. Совместный исход. Дневник двух эпох, 1972–1991. М., РОССПЭН, 2008. 1047 с.

Чураков Д.О. СССР при Брежневе. Правда о великой эпохе. М.: Наука, 2014. 338 с.

Шаттенберг С. Леонид Брежнев. Величие и трагедия человека и страны. М.: РОССПЭН, 2018. 623 с.

Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось: последнее советское поколение. М.: НЛО, 2014. 664 с.

Gorlizki Y. Too much trust: Regional party leaders and local political networks under Brezhnev // Slavic Review. 2010. No. 69 (3). P. 676–700.

Ivanauskas V. Lietuviškoji nomenklatūra biurokratinėje sistemoje: Tarpstagnacijos sirdinamikos (1968–1988). Vilnius, 2011. URL: <http://www.historians.in.ua/index.php/en/doslidzhennya/1094-vylius-yvanauskas-lytovskaia-sovetskaia-nomenklatūra-v-biurokratycheskoi-sisteme-mezhdustahnatsyei-y-dynamykoi-19681988-hh> (дата обращения 07. 07. 2019).

References

Baldin K.E., Semenenko A.M. *Ivanovo: Iz proshlogo v budushhee* [Ivanovo: From the past to the future]. Ivanovo, 2011, 247 p. (In Russ.)

Belov A.M. *Rukovoditeli Kostromskoj gubernii i oblasti 1778–2009* [The leaders of the Kostroma province and the region 1778–2009]. Kostroma, 2009, 296 p. (In Russ.)

Bokarev Ju.P. *SSSR i stanovlenie postindustrial'nogo obshchestva na Zapade. 1970–*

1980-e gody [USSR and the formation of post-industrial society in the West. 1970–1980]. Moscow, 2007, 381 p. (In Russ.)

Burlackij F.M. *Vozhdi i sovetniki: o Hrushhjove, Andropove i ne tol'ko o nih* [Leaders and advisers: about Khrushchev, Andropov and not only about them]. M., Politizdat Publ., 1990, 384 p. (In Russ.)

Vashhuk A. S., Buldygerova L.N. *Politicheskaja jelita SSSR vo vtoroj polovine 1960-h–1970-e gg. i ee vlijanie na social'no-jekonomicheskoe razvitie* [The political elite of the USSR in the second half of the 1960s–1970s and its impact on socio-economic development]. *Osnovnye tendencii gosudarstvennogo i obshhestvennogo razvitiya Rossii: istorija i sovremennost'* [The main trends in state and public development of Russia: history and modernity], 2015, № 1, pp. 105–118 (In Russ.)

Grushin B.A. *Chetyre zhizni Rossii v zerkale oprosov obshhestvennogo mnenija. Oчерки massovogo soznaniya rossijan vremen Hrushheva, Brezhneva, Gorbacheva i El'cina: v 4 kn. Kn. 2. Zhizn' 2-ja. Jepoha Brezhnev»* [Four lives of Russia in the mirror of opinion polls. Essays on the mass consciousness of Russians of the times of Khrushchev, Brezhnev, Gorbachev and Yeltsin: in 4 books. Book 2. Life 2nd «The era of Brezhnev»]. Moscow, 2003. 624 p (In Russ.)

Denisova L.N. *Ischezajushhaja derevnya Rossii: Nechernozem'e v 1960–1980-e gg.* [The Disappearing Village of Russia: Non-Black Earth Region in the 1960–1980]. Moscow, 1996. 215 p. (In Russ.)

Zubkova E.Ju. *Prinuditel'naja «trudoterapija» v SSSR: mezhdugULAGom i «bol'shoj himiej»* [Forced “occupational therapy” in the USSR: between the Gulag and the “big chemistry”]. *Vestnik rossijskogo fonda fundamental'nyh issledovanij* [Bulletin of the Russian Foundation for Basic Research], 2018, № 3, pp. 26–35. (In Russ.)

Ivanova G.M. *Na poroge gosudarstva vseobshhego blagosostojaniya. Social'naja politika SSSR (seredina 1950-h nachalo 1970-h godov)* [On the verge of a welfare state. Social policy of the USSR (mid-1950s and early 1970)]. Moscow, 2011, 284 p. (In Russ.)

Kishhenkov M.S., Nikiforov Yu.S., Tatochenko V.V. *Kontekst vzaimodejstvija regionov Verhnego Povolzh'ja i centra v jepohu ottepeli cherez prizmu istoriografii, arhivnyh dokumentov i istoricheskoy pamjati* [The context of interaction between the regions of the Upper Volga region and the center during the thaw through the prism of historiography, archival documents and historical memory]. *Vestnik Kostromskogo Gosudarstvennogo Universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2018, № 3, pp. 65–70. (In Russ.)

Kozlov V.A. *Massovye besporjadki v SSSR pri Hrushheve i Brezhneve (1953 – nachalo 1980)* [Mass riots in the USSR under Khrushchev and Brezhnev (1953-early 1980)]. Moscow, ROSSPJEN Publ., 2009, 463 p. (In Russ.)

Lebina N.M. *Passazhiry kolbasnogo poezda* [Passengers sausage train]. Moscow, 2019, 584 p. (In Russ.)

Lipin V.P. *Bez prikras o sebe i drugih* [Without embellishment about yourself and others]. Tver', 2016, 160 p. (In Russ.)

Loshhenkov F.I. *Ot Stalina do Gorbacheva* [From Stalin to Gorbachev]. Jaroslavl', 2001. 79 p. (In Russ.)

L.I. Brezhnev. *Rabochie i dnevnikovye zapisi. T. 1. Leonid Brezhnev. Rabochie i dnevnikovye zapisi, 1964–1982* [L.I. Brezhnev. Work and diary entries: in 3 vol. Vol. 1. Leonid Brezhnev. Work and diary entries, 1964–1982]. Moscow, 2016, 1264 p. (In Russ.)

L.I. Brezhnev, 1964–1982 [L.I. Brezhnev, 1964–1982]. *Vestnik Arhiva Prezidenta. Special'noe izdanie* [Bulletin of the Presidential Archive. Special edition]. Moscow, 2006, 240 p. (In Russ.)

Mlechin L. *Brezhnev. Razocharovanie Rossii* [Brezhnev. The disappointment of Russia]. SPb., Piter Publ., 2012, 432 p. (In Russ.)

Mohov. V.P. *Regional'naja politicheskaja jelita Rossii (1945–1991)* [The regional political elite of Russia (1945–1991)]. Perm', 2003, 240 p. (In Russ.)

«Nashi nedostatki, trudnosti i problemy ne takie melkie, chtoby možno bylo sebe pozvolit' zakryvat' na nih glaza»: Zasekrechennoe vystuplenie L.I. Brezhneva na Plenumе CK KPSS 15 dekabrja 1969 [“Our shortcomings, difficulties and problems are not so small that we could afford to turn a blind eye to them”: Secret presentation by L.I. Brezhnev at the Plenum of the Central Committee of the CPSU on December 15, 1969]. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/in-side/almanah-intro/1014759> (access date: 01.07.2019) (In Russ.)

«Nezdorovyе i antisovetskie projavlenija...»: spravka Upravlenija KGB pri Sovete Ministrov SSSR po Leningradskoj oblasti ot 27 ijulja 1964 [“Unhealthy and anti-Soviet manifestations...”: certificate of the KGB Directorate under the Council of Ministers of the USSR for the Leningrad Region of July 27, 1964]. *Novejshaja istorija Rossii* [The latest history of Russia], 2012, № 1, pp. 248–258 (In Russ.)

Nikiforov Yu.S. *Novejshaja otechestvennaja istorija v zerkale interv'ju regional'noj jelity: ot SSSR k Rossii cherez prizmu kul'turnoj pamjati* [The latest Russian history is in the mirror of an interview with the regional elite: from the USSR to Russia through the prism of cultural memory. Jaroslavl]. Jaroslavl, 2018, 79 p. (In Russ.)

Nuriev Z.N. *Brezhnev predlagal vvesti v strane dva postnyh dnja v nedelju* [Brezhnev proposed introducing two fasting days per week in the country]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/323921> (access date: 01.07.2019.). (In Russ.)

Rutkovskij M.A., Voskresenskij S.G. *Stranicy sovremennoj istorii Jaroslavskoj oblasti (1985–2010)* [Pages of the modern history of the Jaroslavl region (1985 - 2010)]. Jaroslavl', 2010, 207 p. (In Russ.)

- Savin A.I., Denninghaus V. *Na vstrechnyh kursah: politicheskaja koadaptacija vlasti i obshhestva v brezhnevskuju jeru* [On the opposite courses: political co-adaptation of power and society in the Brezhnev era]. *Dialog so vremenem*, 2015, № 53, pp. 279–293. (In Russ.)
- Semanov S. *Brezhnev: Pravitel' «zolotogo veka»* [Brezhnev: Ruler of the “Golden Age”]. M., Veche Publ., 2006, 320 p. (In Russ.)
- Solomencev M.S. *Verju v Rossiju* [I believe in Russia]. Moscow, 2003, 624 p. (In Russ.)
- Toropov V.F. *Nezabyvaemoe. Zapiski predsedatelja oblispolkoma* [Unforgettable. Notes by the chairman of the regional executive committee]. Jaroslavl', 2001, 173 p. (In Russ.)
- Ustinkin S.V., Shunina A.A., Ginzburg B.L. *Partijno-sovetskaja nomenklatura v uslovijah brezhnevskoj «kadrovoy stabil'nosti»* [Party-Soviet nomenclature in the conditions of Brezhnev's "personnel stability"] *.Vlast'* [Power], 2012, № 7, pp. 27–32. (In Russ)
- Chazov E.I. *Horovod smertej. Brezhnev, Andropov, Chernenko...* [Round dance of deaths. Brezhnev, Andropov, Chernenko]. Moscow, Algoritm Publ., 2014, 256 p. (In Russ.)
- Chernjaev A. *Sovmestnyj ishod. Dnevnik dvuh jepoh 1972–1991* [Joint outcome. Diary of two eras, 1972–1991]. Moscow, ROSSPJeN Publ., 2008, 1047 p. (In Russ.)
- Churakov D.O. *SSSR pri Brezhneve. Pravda o velikoj jepohe* [USSR under Brezhnev. The truth about the great era]. Moscow, 2014., 338 p. (In Russ)
- Shattenberg S. *Leonid Brezhnev. Velichie i tragedija cheloveka i strany* [Leonid Brezhnev. The greatness and tragedy of man and country]. Moscow, 2018, 623 p. (In Russ.)
- Jurchak A. *Jeto bylo navsegda, poka ne konchilos': poslednee sovetskoe pokolenie* [It was forever until it ended: the last Soviet generation]. Moscow, NLO Publ., 2014, 664 p. (In Russ.).

Безнин Михаил Алексеевич
Вологодский государственный университет
Димони Татьяна Михайловна
Вологодский государственный университет
Столетова Анна Сергеевна
Вологодский государственный университет

БУРЖУАЗНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В СОЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ И МЕНТАЛИТЕТЕ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА 1950–1980-Х ГГ.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФ «Трансформация российского общества 1950–1990-х гг.: классовый генезис и эволюция экономического устройства», проект № 19-18-00269

В статье ставится вопрос о значимом тренде в социально-экономическом развитии послевоенного советского общества. В качестве изучения формирования буржуазных тенденций авторы отмечают классовое реструктурирование, изменение форм организации труда, формирование предпринимательских навыков, в том числе в секторах «серой» и «теневой» экономики, стремления к высокому уровню потребления. Среди механизмов формирования буржуазных тенденций значимую роль играла позиция государства, которое, с одной стороны, предпринимало шаги по стимулированию интереса к материальной обеспеченности (в том числе через поощрение передовиков производства, формирование новой потребительской культуры), с другой стороны – сдерживало процессы материальной дифференциации, согласно идеологическим представлениям о социальной справедливости. Статья подготовлена на базе материалов Российского государственного архива новейшей истории, Российского государственного архива экономики: документов, исходящих от партийных органов, обзоров правоохранительных органов, писем граждан, а также изучения итогов социологических опросов 1960–1980-х гг. (часть из них извлечена из бывшего спецхрана РГБ). Авторы приходят к выводу, что к концу советского периода в результате происходящих процессов идеологические клише о социально-однородном обществе были значительно потеснены.

Ключевые слова: Россия, советский период, буржуазные тенденции, социальная эволюция.

Информация об авторах: Безнин Михаил Алексеевич, ORCID: 0000-0001-5152-796x, доктор исторических наук, профессор, Вологодский государственный университет, г. Вологда, Россия.

E-mail: beznin@uni-vologda.ac.ru.

Димони Татьяна Михайловна, ORCID: 0000-0002-9049-1469, доктор исторических наук, профессор, Вологодский государственный университет, г. Вологда, Россия.

E-mail: dimonitm@yandex.ru.

Столетова Анна Сергеевна, ORCID: 0000-0002-2167-072X, кандидат исторических наук, доцент, Вологодский государственный университет, г. Вологда, Россия.

E-mail: Stoletowa-A-S@yandex.ru.

Дата поступления статьи: 04.12.2019.

Для цитирования: Безнин М.А., Димони Т.М., Столетова А.С. Буржуазные тенденции в социальной жизни и менталитете советского общества 1950–1980-х гг. // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 1. С. 77-86. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-1-77-86.

Mikhail A. Beznin
Vologda State University
Tatyana M. Dimoni
Vologda State University
Anna S. Stoletova
Vologda State University

BOURGEOIS TENDENCIES IN THE SOCIAL LIFE AND MENTALITY OF THE SOVIET SOCIETY OF THE 1950S TO 80S.

The article was prepared with the financial support of the RSF «Transformation of Russian society in the 1950s-1990s: class Genesis and evolution of the economic system», project No. 19-18-00269

The article raises the question of a significant trend in the socio-economic development of post-war Soviet society. As a study of the formation of bourgeois trends, the authors note class restructuring, a change in the organisation of labour, the formation of entrepreneurial skills, including in the sectors of the «ghost» and «shadow» economies, and the desire for a high level of consumption. Among the mechanisms of the formation of bourgeois trends, a significant role was played by the position of the state, which, on the one hand, made efforts to stimulate interest in material security (including through the promotion of advanced workers, the formation of a new consumer culture), and on the other hand, restrained the processes of material differentiation according to ideological concepts of social justice. The article was prepared on the basis of materials from the Russian State Archive of Recent History, the Russian State Archive of Economics: documents from the Communist Party bodies, reviews of law enforcement agencies, letters from citizens, as well as basing on study of the results of sociological surveys of the 1960s and the 1980s. (Some of those were recovered from the former special security service of the Russian State Library). The authors come to the conclusion that by the end of the Soviet period as a result of ongoing processes, ideological clichés about a socially homogeneous society had significantly outlived their usefulness.

Keywords: *Russia, Soviet period, bourgeois trends, social evolution.*

Information about the authors: Mikhail A. Beznin, ORCID: 0000-0001-5152-796x, Doctor of Historical Sciences, Professor, Vologda State University, Vologda, Russia.

E-mail: beznin@uni-vologda.ac.ru.

Tat'yana M. Dimoni, ORCID: 0000-0002-9049-1469, Doctor of Historical Sciences, Professor, Vologda State University, Vologda, Russia.

E-mail: dimonitm@yandex.ru

Anna S. Stoletova, ORCID: 0000-0002-2167-072X, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Vologda State University, Vologda, Russia.

E-mail: Stoletowa-A-S@yandex.ru.

Article received: December 04, 2019.

For citation: Beznin M.A., Dimoni T.M., Stoletova A.S. Bourgeois tendencies in social life and mentality of the Soviet society of the 1950s to 80s. *Vestnik of Kostroma State University*, 2020, vol. 26, № 1, pp. 77-86 (In Russ.). DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-1-77-86.

С самого начала советской эпохи одной из наивысших общественных опасностей новая власть считала существование буржуазных и мелкобуржуазных тенденций в социальной и экономической сферах. Поэтому данному сюжету уделяли внимание и политические деятели, и историки, исследующие советскую эпоху. Пожалуй, первым, кто определенно высказался о складывании буржуазного фона в советском социуме, был Л.Д. Троцкий [Троцкий]. По его мнению, к началу 1930-х гг. в СССР образовался слой людей, выделяющихся по своему материальному статусу. В него входили, прежде всего, представители власти, которых Л.Д. Троцкий и сравнивал с новыми буржуа. Обзор опасений буржуазного перерождения для послереволюционного двадцатилетия довольно подробно приводит Ш. Фицпатрик [Фицпатрик]. Она обратила внимание на многочисленные высказывания представителей власти об опасности буржуазного влияния как в жизненных проявлениях (например, ведении частного хозяйства), так и в семейных, личностных (слишком закрытая для других частная жизнь). Однако основное внимание исторической науки при характеристике формирования новых условий функционирования советского общества сосредоточено на 1950–1960-х гг. Действительно, в этот период произошли большие перемены. Послевоенная политика, особенно с середины 1950-х гг., прямо ставила в качестве основной социальной задачи подъем уровня жизни в СССР. По мнению Ю.В. Аксютин, социальная политика в этот период носила эгалитарную, уравнительную ориентацию с повышением доступности материальных благ для широких слоев населения [Аксютин]. Т.А. Мищенко прямо характеризует политику «оттепели» как потребительскую [Мищенко]. На повышение уровня потребления и обеспечения бытовыми вещами обращали внимание историки, изучавшие крестьянское сообщество России [Безнин]. Нарастание интереса к индивидуальному уровню жизни в 1950–1960-е и последующие годы, приобретению повседневных и статусных вещей зафиксировано в социологических рефлексиях [Грушин]. Ярko отражена эта тенденция в мемуарной и художественной литера-

туре. Например, Г.И. Мирский в воспоминаниях «Жизнь в трех эпохах» прямо пишет о процессах обуржуазивания советского общества, явно замечавшихся современниками в 1950–1970-е гг. [Мирский].

Такие важные черты общества, как рост уровня потребления, интерес к приобретению вещей, стремление следовать моде являются важнейшими характеристиками изменений. Хотя, конечно, основные элементы социальных изменений связаны с такими фундаментальными процессами, как трансформация классовой структуры и генезис новых классовых групп, соответствующий новому состоянию общества.

Социальное расслоение в Советской России было зафиксировано уже на этапе создания Конституции 1936 г., где провозглашалось существование в СССР двух дружественных классов – рабочего класса и колхозного крестьянства – и прослойки – рабоче-крестьянской интеллигенции. Базой для разделения общества на классы в советском обществе считались экономическая однородность, базировавшаяся на особенностях форм собственности (государственная или колхозно-кооперативная) и преобладающий характер труда, сложившийся в процессе разделения труда (немеханизированный, связанный с машинами и механизмами или умственный). Авторы данной статьи предложили свой подход к представлению о социально-классовой структуре российского общества советского времени, рассмотрев складывание 5-членной его структуры (классы протобуржуазии, менеджеров, интеллектуалов, рабочей аристократии, пролетариата) [Безнин, Димони 2011; Безнин, Димони 2019a]. Изменение классовой структуры, по мнению авторов статьи, было отражением глобальных изменений в обществе, связанных с переходом от аграрного к капитализированному состоянию [Безнин, Димони 2019a]. Этот переход сопровождался сменой соотношения факторов производства, форм эксплуатации, становлением специфических механизмов товарности, монетаризацией экономических проявлений и т. д. По нашему мнению, основой разделения общества на классы являлось место в реализации права собственности, которое

в советском обществе осуществлялось с большой спецификой (функционирование разделенного права собственности) [Безнин, Димони 2019b]. Кроме того, важную роль в классовой градации общества играли: объемно-правовое положение, роли в организации труда, уровень участия в управлении, доли и способы получения распределяемой для потребления части национального продукта, черты повседневного образа жизни, социально-психологические особенности.

Закономерным продолжением изучения социальных изменений является выявление и ряда других тенденций в социальной жизни и менталитете советского общества, которые были предопределены капитализацией экономической жизни.

Рассмотрим некоторые из этих проявлений социальных тенденций, которые нам представляются значимыми с точки зрения изучения обуржуазивания советского общества. В первую очередь это относится к той части социальной жизни, которая связана с производственной деятельностью, в том числе переформатированием трудовых коллективов, реализацией прав собственности разными категориями участников производственной деятельности, классовым расслоением и межклассовой динамикой.

Уход от преобладавшей индивидуализации трудовой деятельности, характерной для крестьянского мира, становится ярко заметен в России с конца 1920-х – начала 1930-х гг. В первые годы индустриализации началось массовое создание производственных коллективов – бригад. Это движение началось с Москвы, Ленинграда, Донбасса и быстро распространилось по всей стране. Начавшись с промышленности, бригадный метод организации труда охватил и другие отрасли. В начале 1930-х гг. в важнейших отраслях промышленности СССР удельный вес рабочих, охваченных бригадами, в процентах к общей численности рабочих составлял в угледобыче – 40, в черной металлургии – 34, в химии и нефтепереработке – 18, в машиностроении – 25, в деревообработке – 53, в легкой промышленности (без текстильной) – 21, в пищевой – 37 [Шкурко 10: 26]. В колхозах России в 1937 г. имелось в среднем по 2 полеводческие бригады, которые состояли из 58 человек, и по одной животноводческой бригаде (в том числе 847 бригад по уходу за КРС, 365 свиноводческих бригад, 373 оленеводческих бригады) [Колхозы: 49, 51]. Бригады, как правило, были формой постоянной организации труда и рассматривались как трудовой и воспитательный коллектив. Значение их советская власть видела еще и в том, что бригада приучала к коллективным формам работы, а также коллективным нормам начисления и распределения заработной платы. Таким образом, бригада, по мнению власти, боролась с проявлениями мелкобуржуазного индивидуализма. К концу советской эпохи большинство рабочих промышлен-

ности работали в бригадах: в 1980 г. удельный вес численности рабочих в бригадах от общей численности рабочих в 1980 г. составлял по СССР 43 %, в 1985 г. – 74 %, в 1986 г. – 77 % [Народное хозяйство: 108]. В СССР бригадная форма организации труда была основной в большинстве отраслей. Развитие методов управления на крупных предприятиях привело в 1970–1980-х годах к укрупнению бригад, созданию комплексных и сквозных бригад, бригад конечной продукции, бригадного и коллективного подряда.

Насколько бригады способствовали формированию социально-однородных трудовых коллективов – вопрос, который историками пока не изучен. Однако социологические обследования, проводимые после 1950-х гг., позволяют говорить о довольно больших «проблемах» в классово-бригадном сознании. Так, в 1969 г. был проведен социологический опрос об участии членов коллектива в работе собраний и производственных объединений [Волков: 26–31]. Этот опрос поддерживал дух косыгинской реформы, которой давались довольно большие права коллективу предприятия в управлении производством. Обследованием были охвачены 5 предприятий Свердловской области (Уралмаш, Механический завод № 2, завод гидрометприборов, Уралэлектротяжмаш, Государственный подшипниковый завод № 6) и Челябинский инструментальный завод. Согласно этому опросу, члены бригад, которые никогда не присутствовали на собраниях бригады, составляли около 1/3 (34 %), ни разу не выступали на собрании бригад 46 % рабочих. Если же выступления были, то они касались в основном текущих вопросов деятельности. О состоянии трудовой дисциплины были 17 % выступлений, о неудовлетворительном материально-техническом снабжении – 16, о качестве оборудования и инструментов – 16, о наличии брака и плохом качестве продукции – 11 %. Участие коллектива бригады в распределении фонда производства также выглядело малозначимым. Не принимали участие в распределении фонда материального поощрения – 77 % рабочих, в распределении фонда развития производства – 82 %, в распределении фонда социально-культурного и жилищного строительства – 88 % [Волков: 59]. Таким образом, жизнь в производственной бригаде позволяла экономической элите общества формировать классово-однородную рабочую пирамиду, удаленную от серьезных рычагов управления собственностью. В этой же «бригадной» политике сдерживались тенденции выделяющегося материального статуса и культивировались идеалы своеобразной уравнительности.

Нельзя не заметить, что в отличие от аграрного общества, общество капитализированное, тяготеющее к поляризации, давало довольно большую легкость в социальных перемещениях. Социаль-

ная мобильность также является одной из важных характеристик протобуржуазного социума. В крестьянском обществе каждое последующее поколение, как правило, повторяло жизнь предыдущего, самовоспроизводя и ценности, и образ жизни. Однако уже в довоенном советском обществе «классовая» наследственность постепенно перестала играть определяющую роль в классовой градации. В послевоенный же период межклассовые перемещения становятся особенно активными (особенно из сельского хозяйства в городскую среду) и фактор социального происхождения теряет определяющее значение. Проведенный в Казани (этот город был избран как наиболее типичный) в 1967 г. выборочный опрос (опрошено 4 231 человек, что составляло около 1 % работавших) показал, что прямая детерминация социальных перемещений социальным положением отца респондента отсутствует. Наиболее же значимым фактором оказалось собственное «стартовое» образование, эта модель объясняла 52 % вариаций социального положения респондента в момент опроса и 38 % вариаций его социального положения к началу трудовой деятельности [Шкаратан, Рукавишников: 13, 16, 19]. Социологические исследования, проведенные в Ленинграде в 1965–1970 гг., показали, что в среде высококвалифицированных рабочих доля выходцев из интеллигенции выросла с 16 до 29 %, в среде квалифицированных рабочих ручного труда – с 19 до 24 % [Шкаратан, Рукавишников: 10].

Особое проявление социальной эволюции в направлении обуржуазивания – формирование делового, предпринимательского социально-психологического настроения у разных категорий населения. Культивирование этого явления государством началось еще в 1930-е гг.: стимулировалась соревновательность, выделялись передовики производства, было введено звание Герой Социалистического Труда, разработан и применялся целый спектр поощрений – от награждения орденами и медалями (орден Ленина, медали «За трудовую доблесть», «За трудовое отличие» и др.) до нагрудных значков («Победитель соцсоревнования», «Ударник коммунистического труда» и др.), почетных грамот, денежных и натуральных премий. Звание Герой Социалистического Труда с 1950 по 1988 г. получили в СССР более 15 тыс. человек [Герои: 5–200]. Примеров предпринимательской хватки довольно много в литературе советского времени. Так, вязальщица фабрики «Путь октября» А.П. Морозова вместо типовой нормы в 4 машины смогла обслуживать 8–10 кругловязальных машин, за 8-ю пятилетку она сэкономила 422 кг пряжи [Морозова Анна: 17]. Свиноарии подмосковного колхоза «Новый путь» А. Салихов и Н. Демин в послевоенный период предложили развивать свиноводство на базе высоких урожаев картофеля и достигли серьезного пополнения доходов предприятия [Салихов, Демин]. Высокую сте-

пень предприимчивости демонстрировали руководители сельскохозяйственных и промышленных предприятий. Председатель гусь-хрустальненского колхоза А. Горшков в 1950-е гг. подрядился поставлять в Москву пятилетние саженцы деревьев [Ланщиков, Салуцкий: 20], председатель балашихинского колхоза И. Снимщиков брал заказы на пошив матрасов, изготовление джемов и соков, изготовление пластмассовой тары [Овечкин: 521–522] и т. д. Серьезными навыками предпринимательства отличались руководители крупных советских строек. Например, Д.Н. Мамлеев, под руководством которого в послевоенный период в СССР было построено 28 крупных объектов, только во время руководства трестом «Череповецметаллургстрой» были введены в эксплуатацию четыре доменные печи, шесть коксовых батарей, двенадцать мартеновских печей, три аглофабрики, две углефабрики, девять прокатных станов, сталепрокатный и азотноуглеродный заводы, линия электропередачи Рыбинск-Череповец, восемь цехов фанерно-мебельного комбината и др. [Мамлеев Динихмед].

В советском обществе были и ниши открытой предпринимательской инициативы. Например, именно такой представляется деятельность «шабашников» – сезонных бригад по производству строительных работ в колхозах. Деятельность их широко развернулась с середины 1960-х гг., когда были резко увеличены капиталовложения в сельское хозяйство. Шабашники самостоятельно искали подряды, заключали договоры с руководителями колхозов. Зарботки их были чрезвычайно высокими, но и работали они почти в два раза интенсивнее, чем на государственном производстве [Дятлов: 227-232]. Схожие механизмы работы действовали в золотодобыче. Элементы легального предпринимательства граждане активно проявляли при работе на личных огородах и дачах.

В послевоенный период предпринимательские навыки все активнее формировались и в сфере частного производства, а также теневой экономики. В отношении сферы частного (кооперативного) предпринимательства государство испытывало определенные колебания: по мнению хрущевского политического руководства, например, оно должно быть свернуто по мере продвижения к коммунизму. В связи с этим существовавшие в СССР в 1955 г. в кооперативной промышленности свыше 107 тыс. предприятий и мастерских с 2,1 млн работающих в 1956–1960 гг. были упразднены¹. А они получали по разным каналам значительную прибыль. ЦСУ СССР подсчитало, что даже в 1959 г. «спекулянтами», «перекупщиками», «частниками» было получено с населения «барыша» около 330 млн руб. Особенно часто население обращалось к услугам «частника» для пошива и ремонта одежды и обуви (от примерно 40 % случаев в городах до 80 % в сельской местности)².

Эту нишу довольно быстро освоили представители нарождавшегося в СССР теневого бизнеса. Если в 1960–1961 гг. объем теневой экономики в народном хозяйстве СССР оценивался 5 млрд руб. в год, то в 1989–1990 гг. – 90 млрд руб. в год [Тенденции: 316].

Ощущая нарастающее давление «второй» экономики, государство до определенного времени пыталось бороться с ее становлением. Так, в 1961 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении борьбы с особо опасными преступлениями» допускалось применение расстрела: за хищение государственного или общественного имущества в особо крупных размерах [ВВС СССР 1961]. В том же году Указом Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении уголовной ответственности за нарушения правил о валютных операциях» была установлена смертная казнь за спекуляцию валютными ценностями, совершенную в виде промысла или в крупном размере, а также неоднократно [ВВС СССР 1961a]. В 1962 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР смертная казнь была введена за квалифицированное получение взятки [ВВС СССР 1962]. По неполным подсчетам адвоката Е. Эвельсон, за 1961–1967 гг. в России было в судебном порядке расследовано 204 «дела» о взятках, 112 – о валюте, 329 – о хищениях. По данным уголовным делам было приговорено только к расстрелу 39 человек [Эвельсон: 308]. Как правило, предпринимательская (в уголовном кодексе она называлась частнопредпринимательская) деятельность в теневой экономике осуществлялась крупными группами (от 25 до 50 человек), в них входили директора предприятий, снабженцы, представители планирующих органов, партийных и советских органов, сотрудники торговых предприятий, милиции и т. д. Таким, например, было «дело трикотажников», «разоблачившее» в 1962–1963 гг. крупно-предпринимательскую деятельность по производству нижнего белья [ВВС СССР 1962: 69–104].

Наряду с организацией теневых производств дефицитной продукции в промышленности, большие ресурсы для извлечения индивидуальных прибылей давали торговые предприятия. Несмотря на жесткое законодательство, такая деятельность не только не сбавляла обороты, но наращивалась. Так, универсам «Москва» с конца 1950-х гг. организовал «овощной» бизнес по продаже фруктов и овощей помимо централизованных поставок. Продавались овощи и фрукты с черного хода по ценам выше государственных, а прибыль делилась участниками бизнеса. Кроме того, при универсаме «Москва» был организован трикотажный цех, который за 4–5 лет своего существования выпустил неучтенной продукции и продал через торговые сети Москвы изделий на 2,5 млн рублей [ВВС СССР 1962: 110]. Органами внутренних дел в ходе

контроля систематически вскрывались злоупотребления в торговле, иногда в сверхкрупных объемах. В частности, по сообщению министра внутренних дел СССР Н. Щелокова в ЦК КПСС от 6 декабря 1973 г., в трех магазинах объединения «Союзрыбпромбыт» Министерства рыбного хозяйства СССР при проверке было обнаружено укрытых от переоценки 1,5 тыс. банок икры лососевых и осетровых рыб, более 3,5 тыс. банок сайры и лосося. Только у директора Кемеровского производственно-торгового объединения «Союзрыбпромбыт» при обыске в квартире было обнаружено около 400 банок икры лососевых и осетровых рыб, 400 банок сайры и рагу лосося, было изъято 33 тыс. рублей³.

Население довольно пристально следило за возможностью извлечения выгоды из незаконных торговых операций, о неодобрительном восприятии данного бизнеса сохранилось огромное количество писем в газеты, властные и правоохранительные структуры. Вот несколько типичных выдержек из писем в газету «Советская торговля». Оргинструктор рабкоопы Н. Бурова из Пермской области в 1969 г. писала о председателе райпотребсоюза: «Он проявил себя как человек, ищущий только своей личной выгоды и наживы. Дефицитные товары: ковры, холодильники – получает сам и сбывает неизвестно где... Кур, яйца, мясо, все самое лучшее председатель отправляет в город, картофель по закупочным ценам отпускает неизвестным горожанам прямо с машиной»⁴. Тогда же работница фабрики из деревни Глушково Курской области Л. Салькова сообщала в газету: «Дефицитные товары у нас в магазины не попадают, а продаются прямо с базы. Шелк, ворсалан, махер, туфли, сапожки, плащи, мужские костюмы, кофты, тюль, мужские шапки – все продается по блату. Все забирал начальство, райком партии, райисполком. Работники РПС на базаре продают если не сами, так через старух. А люди стоят у магазинов в очереди. Выкинут метра 3, а остальное по запискам»⁵.

В конце концов давление теневого бизнеса на государство привело к легализации частного бизнеса. С принятием закона «О кооперации» (1986 г.) и закона «Об индивидуальной трудовой деятельности» (1988 г.) началось узаконенное развитие частной предпринимательской деятельности. Число граждан, занимающихся индивидуальной трудовой деятельностью, быстро росло: в 1988 г. их было зарегистрировано в СССР 429 тыс., а в 1989 г. – 723 тыс. человек [Остапкович: 156].

Одним из значимых аспектов формирования буржуазных тенденций было расслоение общества. В период 1950–1980-х гг. в размежевании по шкале доходов действовали довольно разнонаправленные тенденции. С одной стороны, с середины 1950-х гг. наблюдалась линия на формирование средней прослойки населения. Жители страны активно поддерживали это движение, протестуя про-

тив выделения «сверхбогатой» верхушки общества и «бедных» низов. Это видно, в частности, по материалам писем во властные органы, прессу. Например, в письмах в газету «Правда» периода 1954–1955 гг. массово выражалась обеспокоенность граждан классовым расслоением, которое видно по «разнице в заработной плате между рабочими и руководящими работниками». По мнению автора одного из писем, Г.Н. Нежданова, разница в оплате труда в стране «выражается соотношением 1:72, 1:48». Среди представителей наиболее обеспеченных групп он называет «административно-управленческие кадры, профессуру, писателей, крупных актеров, конструкторов, военных высших званий». Среди наименее обеспеченных названы профессиональные группы работников простого физического труда: «уборщицы – “технички”, няни в детских яслях и садиках, трамвайные кондукторы, перронные контролеры, прачки, сторожа». Среди признаков высокого материального статуса в письмах фигурируют «квартиры по 100–200 кв. м», возможность поездки в «дома отдыха, санатории и курорты», особенности гардероба, ношение «дорогих меховых дох, каракулевых и котиковых саков, <...> шелка, атласа, панбархата, коверкота, бостона», «кутежи в ресторанах», приобретение «автомобилей, мотоциклов, радиол». Немаловажной чертой выделяющегося материального статуса в письмах называется наличие в семье домработницы, которая нанимается «мыть полы, стирать белье, пилить дрова», тогда как «жены ответственных работников нигде не работают и в то же время сами не ведут свое хозяйство». Основное требование авторов писем – возврат к социальной справедливости в «ленинской» ее трактовке. Как написал москвич Сосновский, «народ хочет, чтобы новые “миллионщики” были превращены в советских людей, чтобы не было перерождения». Ряд авторов требовали возврата к партмаксимуму, сокращению разрыва в уровне зарплат между «верхами» и «низями», уменьшения размера персональных пенсий и т.д.⁶ Таким образом, мероприятия «хрущевского» периода по сдерживанию обуржуазивания в советском обществе встречали довольно горячий отклик у населения, живущего в идеологической нише «социалистического устройства общества».

В целом советское общество с 1960-х гг. демонстрировало довольно низкую степень расслоения по уровню доходов. Яркой чертой материального статуса являлся постепенный уход бедности. По материалам бюджетных обследований видно, что с 1953 по 1960 г. доля семей рабочих промышленности СССР с наиболее низкими среднедушевыми доходами (до 400 руб. на человека в год) сократилась с 27 % до 8 %, со средними доходами (420–600 руб. на человека в год) уменьшилась с 37 % до 29 %, а группа с высокими доходами (600 руб. и выше на человека в год) увеличилась

с 36 % до 63 %. У семей колхозников присутствовала та же тенденция, хотя она была гораздо менее выражена. Группа малообеспеченных семей с 1953 по 1960 г. сократилась с 80 % до 47 %, доля семей со средним обеспечением увеличилась с 14 % до 29 %, доля семей с высокими уровнями доходов – возросла с 6 % до 24 %⁷. В советском обществе с 1960-х гг. фиксировался стабильный децильный коэффициент дифференциации доходов. В 1965 г. он равнялся 3,9, в 1975 г. – 3,0, в 1980 г. – 4,1, в 1989 г. – 4,2 [Тенденции: 312]. Любопытный выход за эти рамки тяжело воспринимался обществом – об этом свидетельствует многочисленная корреспонденция граждан последней трети советского времени в СМИ. Так, в письме анонимного автора в ЦК КПСС за 1963 г. читаем: «Среднее чиновничество живет надеждами на выдвижение и отдельными разовыми доплатами, иногда взятки берут, мошенничают для своих выгод, а мелкое чиновничество занято поисками дополнительных статей доходов в виде приработка, индивидуального нелегального сада, огорода, ремесла. У нас проявляется буржуазное неравенство и это создает противоречие. Высокооплачиваемое чиновничество всеми силами будет держаться за свое положение, за свою долю благ»⁸. В том же году другой анонимный автор, обращаясь к Н.С. Хрущеву, рассуждал: «Посмотрите, мы идем к коммунизму, а смотришь – чуть ли не каждый имеющий личную автомашину («Волгу» или «Зил», в худшем случае «Москвич») – это руководитель-коммунист, а особняки какие выстроили – по 5–6 комнат до 100 кв. м жилой площади и на семью в 3–4 человека. Торговые организации – это сплошное воровство, мошенничество, обман. Как же можно проводить линию партии, проповедовать идеи коммунизма, когда тот, кто говорит, – имеет особняк, машину, живет в свое удовольствие. И вот такой «горе-руководитель – делец», выступая на собраниях, говорит, что нужно бороться с пережитками капитализма в сознании людей. А как же понимать его действия, его жизнь? Мне кажется, надо начинать, прежде всего, с “голов”. Только личным примером можно показать силу идей коммунизма. Частнособственническая тенденция коммуниста – это шаг назад»⁹. В обществе присутствовало недовольство и рядовыми гражданами, выделяющимися по «жизненным благам». В начале 1980-х гг. в «Литературную газету», например, поступило письмо читательницы, которая вместе с мужем и шестилетним ребенком жили в однокомнатной кооперативной квартире площадью 16,3 кв. м. «Мне очень больно и обидно, – писала она, – что в нашем городе очень много людей (в основном пожилых), которые владеют излишней жилплощадью. Я предлагаю просто забирать у них эти квартиры и давать другие, соответственно количеству квадратных метров на человека»¹⁰.

Таблица 1

Среднегодовые темпы роста потребления на душу населения СССР (в %)¹¹

	1951–1975 гг.	1951–1955 гг.	1956–1960 гг.	1961–1965 гг.	1966–1970 гг.	1971–1975 гг.
Общий уровень потребления	4,0	5,3	4,2	2,5	4,7	3,2
Личное потребление	4,1	5,4	4,4	2,4	4,9	3,2
В т. ч. товары	4,0	5,6	4,5	2,1	4,8	3,0
Из них: Продовольствие	3,0	4,7	2,6	2,0	3,5	2,1
«Мягкие» товары (одежда, ткани, обувь)	5,3	7,4	8,3	1,8	6,6	2,7
Товары длительного пользования	10,4	17,4	11,4	4,4	9,7	9,7
Услуги	4,5	4,0	4,0	4,9	5,4	4,3
Общественное потребление	3,4	4,4	2,8	3,6	3,1	2,9
В т. ч. Образование	3,2	2,9	1,6	5,1	3,2	3,4
Здравоохранение	3,6	6,9	4,6	1,3	3,0	2,2

Другой тенденцией, наравне с желанием равного и среднего для всех достатка, сдерживанием формирования высокого материального статуса, в обществе формировался явный интерес к высокому уровню жизни. Он включал в себя необходимость полноценного питания, интересного отдыха (туризма, отдыха в специальных учреждениях – домах отдыха, санаториях и др.). О том, что уровень жизни рос, свидетельствовали многочисленные статистические показатели. Приведем некоторые данные, кажущиеся наиболее беспристрастными, так как были подготовлены американскими экономистами 1970-х гг.

Как видно из таблицы 1, среднегодовые темпы роста общего уровня потребления в СССР были довольно высокими: в 1951–1975 гг. – 4 %. При этом наиболее быстро шел прирост личного потребления, а особенно товаров длительного пользования (более 10 % среднегодовые темпы прироста за период) и «мягких» товаров (более 5 % среднегодовые темпы прироста в 1951–1975 гг.). Самые стремительные темпы прироста уровня потребления падали на промежутки 1951–1955 гг. (период характеризовался смягчением жесткой налоговой политики, свертыванием системы повинностей [Безнин, Димони, Изюмова: 7–32]) и 1966–1970 гг. (период активного проведения косыгинской реформы с увеличением упора на материальное стимулирование и рост производства товаров группы Б).

Социологические опросы фиксировали стремление населения СССР к обеспечению бытовыми вещами, не связанными с первоочередными жизненными потребностями. По данным социологического обследования, проведенного на нескольких предприятиях (московский станкостроительный завод «Красный пролетарий», три сельхозпредприятия Ставропольского края), в 1983–1984 гг. наблюдался «активный рост положительного отношения к материальному достатку, созданному вещами комфорта, хорошо обеспеченному быту»: 67 % опрошенных были склонны рассматривать

вещи, достаток фактором «исключительно положительного значения». Только четверть опрошенных в ходе обследования придерживались мнения, что вещи, хотя и нужны, но полный достаток в них «снижает активность личности, рождает самодовольство и отчуждение от людей» [Жилина: 13]. Более 70 % опрошенных готовы были переплачивать продавцу или перекупщику за вещи [Жилина: 16]. В другом социологическом опросе 1984 г. (в нем приняли участие более 9 тыс. респондентов) самое большое количество ответов на вопрос о жизненных устремлениях набрал вариант «быть материально обеспеченным». Так ответили 38 % от всех опрошенных [Советский образ: 52].

Таким образом, буржуазные тенденции в советском обществе формировались по мере его экономической эволюции и устойчивого выхода капитала на первый план среди других факторов производства. Кроме общих для капитализованных обществ тенденций к сложной поликлассовой структуре, формирования новой организации труда, ранее неизвестные тенденции пробивали себе дорогу в представлениях общества. Это давалось непросто, так как вступало в противоречие с господствующим представлением о социализме как об обществе с отсутствием богатых и бедных. Однако выявлялись группы людей с предпринимательской жилкой, причем отнюдь не только в теневом или «сером» секторах экономики. Все больший интерес приобретали вещи как предмет, обеспечивающий жизненный комфорт и статус. В конце советского времени эти тенденции стали преобладающими и в целом потеснили идеологические клише о социально однородном обществе.

Примечания

¹ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 60. Д. 226. Л. 62.

² Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 41. Д. 381. Л. 12 об.

³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 66. Д. 411. Л. 195.

⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д. 266. Л. 178–179.

⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 68. Д. 1030. Л. 61.

⁶ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 59. Л. 111–124.

⁷ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 41. Д. 381. Л. 9 об.

⁸ РГАНИ. Ф. 100. Оп. 5. Д. 1. Л. 22, 22 об.

⁹ РГАНИ. Ф. 100. Оп. 5. Д. 1. Л. 41–41 об.

¹⁰ РГАНИ. Ф. 100. Оп. 5. Д. 918. Л. 53–54.

¹¹ Составлено по: Советская экономика в новой перспективе: Материалы по докладу экспертов объединенной экономической комиссии Конгресса США (октябрь, 1976). М., 1977. Табл. 11.

Список литературы

Аксютин Ю.В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. 2-е изд. Москва: РОССПЭН, 2010. 624 с.

Безнин М.А., Димони Т.М. Советская протобуржуазия: генезис высшего класса российского общества // Новейшая история России. 2019. Т. 9. № 2. С. 437–453. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2019.209

Безнин М.А. Хозяйство крестьянского двора в Российском Нечерноземье, 1950–1965 гг. Вологда: Институт истории СССР АН СССР, ВГПИ, 1989. 89 с.

Безнин М.А., Димони Т.М. Аграрный строй России 1930–1980-х годов. Москва, 2019а. 608 с.

Безнин М.А., Димони Т.М. Институциональные особенности российского госкапитализма от Сталина до Брежнева // Вопросы теоретической экономики. 2019b. № 2. С. 118–135. DOI: 10.24411/2587-7666-2019-10209

Безнин М.А., Димони Т.М. Социальные классы в российской колхозно-совхозной деревне 1930–1980-х годов // Социс. 2011. № 11. С. 90–102.

Безнин М.А., Димони Т.М., Изюмова Л.В. Повинности российского крестьянства в 1930–1960-х годах / Вологод. науч.-координац. центр ЦЭМИ РАН, Вологод. гос. пед. ун-т. Вологда, 2001. 138 с.

Ведомости Верховного Совета СССР (ВВС СССР). 1961. № 19. Ст. 207.

ВВС СССР. 1961а. № 27. Ст. 291.

ВВС СССР. 1962. № 8.

Волков Ю.Е. Экономическая реформа и участие рабочих в управлении производством. Москва [б. и.], 1969. 62 с.

Герои Социалистического Труда / авт.-сост.: Б.Н. Голосной, И.В. Гранкин, Р.Б. Эльдаров. М.: Известия советов народных депутатов, 1988. 215 с.

Грушин Б.А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения: в 2 кн. Кн. 2, ч. 1. Эпоха Брежнева. Москва: Прогресс-Традиция, 2003. 442 с.

Гулин К.А., Димони Т.М., Карпов С.Г. Бюджет и имущество крестьян Европейского Севера России второй половины XX века. Вологда: Русь, 2003. 201 с.

Дятлов В.И. Трудовые миграции и процесс формирования диаспор в современной России // Трудовая миграция в СНГ: социальные и экономические эффекты. Москва, 2003. С. 227–232.

Жилина Л.Н. Некоторые проблемы формирования разумных потребностей личности (отчет о социологическом исследовании). Москва, 1985. 60 с.

Колхозы во второй сталинской пятилетке. Москва: Госпланиздат, 1937. 145 с.

Ланициков А.П., Салуцкий А.С. Крестьянский вопрос вчера и сегодня. Москва: Современник, 1990. 396 с.

Мамлеев Диниахмед Набиулович // Коммунист. 1967. 5 декабря. С. 2.

Мирский Г.И. Жизнь в трех эпохах. Москва: Летний сад, 2001. 366 с.

Мищенко Т.А. Советское потребительство в эпоху оттепели: гендерный аспект // Вестник Брянского государственного университета. 2012. № 2–2. С. 63–69.

Морозова Анна Петровна // Герои социалистического труда. Передовики производства Министерства легкой промышленности СССР. Москва, 1972. С. 17.

Народное хозяйство СССР за 70 лет: юбилейный статистический ежегодник / Гос. ком. СССР по статистике. Москва: Финансы и статистика, 1987. 765 с.

Овечкин В.В. Гости в Стукачах: Рассказы и очерки; Районные будни. Москва: Сов. Россия, 1978. 638 с.

Остаткович Г. О социально-экономическом развитии СССР на рубеже 1980–1990-х гг. // Вопросы экономики. 1998. № 7. С. 153–159.

Салихов А., Демин Н. За высокую товарность свинофермы. Москва: Московский рабочий, 1949. 60 с.

Советский образ жизни. Состояние, мнение и оценки советских людей: [сб. ст.] / АН СССР, Ин-т социол. исслед., Сов. социол. ассоц.; [отв. ред. И.Т. Левыкин, А.А. Возьмитель]. Москва: ИСИ, 1984. 163 с.

Тенденции социокультурного развития России, 1960–1990-е гг.: [сборник] / Рос. ин-т культурологии; отв. ред. И.А. Бутенко, К.Э. Разлогов. Москва: ПАИМС, 1996. 507 с.

Троцкий Л.Д. Преданная революция. Москва: НИИ культуры, 1991. 254 с.

Фицпатрик Ш. Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века; [пер. с англ. Л.Ю. Пантиной]; Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации [и др.]. Москва: Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина»: РОССПЭН, 2011. 373 с.

Шкаратан О.И., Рукавишников В.О. Влияние научно-технической революции на процессы социальной дифференциации и интеграции в советском городе. [Б. м.], [б. и.], 1974. 21 с.

Шкурко С. Новые формы бригадной организации и стимулирования труда // Вопросы экономики. 1980. № 10. С. 26–36.

Эвельсон Е. Судебные процессы по экономическим делам в СССР (шестидесятые годы). – Лон-

дон: Overseas Publication Interchange Ltd, 1986. 371 с.

References

Aksiutin Iu.V. *Khrushchevskaya «otpepel'» i obshchestvennye nastroyeniia v SSSR v 1953–1964 gg.* [Khrushchev's "thaw" and public sentiment in the USSR]. 2-e izd. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010, 624 p. (In Russ.)

Beznin M.A., Dimoni T.M. *Sovetskaia protoburzhuaizii: genezis vysshego klassa rossiiskogo obshchestva* [Soviet proto-bourgeoisie: the genesis of the upper class of Russian society]. *Noveishaia istoriia Rossii*, 2019, vol. 9, № 2, pp. 437–453. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2019.209 (In Russ.)

Beznin M.A. *Khoziaistvo krest'ianskogo dvora v Rossiiskom Nechernozem'e, 1950–1965 gg.* [The economy of the peasant's yard in the Russian Non-Black Earth Region, 1950–1965s]. Vologda, Institut istorii SSSR AN SSSR, VGPI Publ., 1989, 89 p. (In Russ.)

Beznin M.A., Dimoni T.M. *Agrarnyi stroi Rossii 1930–1980-kh godov* [The agrarian system of Russia in the 1930–1980s]. Moscow, 2019a, 608 p. (In Russ.)

Beznin M.A., Dimoni T.M. *Institutsional'nye osobennosti rossiiskogo goskapitalizma ot Stalina do Brezhneva* [Institutional features of Russian state capitalism from Stalin to Brezhnev]. *Voprosy teoreticheskoi ekonomiki*, 2019b, № 2, pp. 118–135. DOI: 10.24411/2587-7666-2019-10209 (In Russ.)

Beznin M.A., Dimoni T.M. *Sotsial'nye klassy v rossiiskoi kolkhozno-sovkhoznoi derevne 1930–1980-kh godov. Sotsis* [Social classes in the Russian collective-farm state farm of the 1930–1980s], 2011, № 11, pp. 90–102. (In Russ.)

Beznin M.A., Dimoni T.M., L.V. Iziumova *Povinnosti rossiiskogo krest'ianstva v 1930–1960-kh godakh* [Obligations of the Russian peasantry in the 1930–1960s]. Vologod. nauch.-koordinats. tsentr TsEMI RAN. Vologda, Vologod. gos. ped. un-t Publ., 2001, 138 p. (In Russ.)

Volkov Iu.E. *Ekonomicheskaya reforma i uchastie rabochikh v upravlenii proizvodstvom* [Economic reform and worker participation in production management]. Moscow, 1969, 62 p. (In Russ.)

Geroi Sotsialisticheskogo Truda [Heroes of Socialist Labor]. Avt.-sost.: B.N. Golosnoi, I.V. Grankin, R.B. El'darov. Moscow, Izvestiia soveto narodnykh deputatov Publ., 1988, 215 p. (In Russ.)

Grushin B.A. *Chetyre zhizni Rossii v zerkale oprosov obshchestvennogo mneniia: v 2 kn. Kn. 2, ch. 1. Epokha Brezhneva* [Four lives of Russia in the mirror of opinion polls. In 2 books. Book 2, part 1. The era of Brezhnev]. Moscow, Progress-Traditsiia Publ., 2003, 442 p. (In Russ.)

Gulin K.A., Dimoni T.M., Karpov S.G. *Biudzhet i imushchestvo krest'ian Evropeiskogo Severa Rossii vtoroi poloviny XX veka* [Budget and property of

peasants in the European North of Russia in the second half of the 20th century]. Vologda, Rus' Publ., 2003, 201 p. (In Russ.)

Diatlov V.I. *Trudovye migratsii i protsess formirovaniia diaspor v sovremennoi Rossii* [Labor migrations and the process of formation of diasporas in modern Russia]. *Trudovaia migratsiia v SNG: sotsial'nye i ekonomicheskie efekty* [Labor migration in the CIS: social and economic effects]. Moscow, 2003, pp. 227–232. (In Russ.)

Zhilina L.N. *Nekotorye problemy formirovaniia razumnykh potrebnostei lichnosti (otchet o sotsiologicheskoi issledovanii)* [Some problems of the formation of the rational needs of the individual (report on a sociological study)]. Moscow, 1985, p. 13. (In Russ.)

Kolkhozy vo vtoroi stalinskoi piatiletke [Collective farms in the second Stalin five-year plan]. Moscow, Gosplanizdat Publ., 1937, 145 p. (In Russ.)

Lanshchikov A.P., Salutskii A.S. *Krest'ianskii vopros vchera i segodnia* [Peasant question yesterday and today]. Moscow, Sovremennik Publ., 1990, 396 p. (In Russ.)

Mamleev Diniakhmed Nabiulevich. *Kommunist* [Communist]. 1967, 5 dec., p. 2. (In Russ.)

Mirskii G.I. *Zhizn' v trekh epokhakh* [Life in three eras]. Moscow, Letnii sad Publ., 2001, 366 p. (In Russ.)

Mishchenko T.A. *Sovetskoe potrebitel'stvo v epokhu otpepeli: gendernyi aspekt. Vestnik Brianskogo gosudarstvennogo universiteta* [Soviet Consumerism in the Thaw: A Gender Aspect], 2012, № 2–2, pp. 63–69. (In Russ.)

Morozova Anna Petrovna. *Geroi sotsialisticheskogo truda. Peredoviki proizvodstva Ministerstva legkoi promyshlennosti SSSR* [Heroes of socialist labor. Advanced workers of the Ministry of Light Industry of the USSR]. Moscow, 1972, p. 17. (In Russ.)

Narodnoe khoziaistvo SSSR za 70 let: iubileinyi statisticheskii ezhegodnik, Gos. kom. SSSR po statistike [The national economy of the USSR for 70 years: the anniversary statistical yearbook, State. com USSR statistics]. Moscow, Finansy i statistika Publ., 1987, 765 p. (In Russ.)

Ovechkin V.V. *Gosti v Stukachakh: Rasskazy i ocherki; Raionnye budni.* [Guests in the Snitches: Stories and Essays; District weekdays]. Moscow, Sov. Rossiia Publ., 1978, 638 p. (In Russ.)

Ostapkovich G. *O sotsial'no-ekonomicheskom razvitiu SSSR na rubezhe 1980–1990-kh gg.* [On the socio-economic development of the USSR at the turn of the 1980–1990s.]. *Voprosy ekonomiki* [Question of economy]. 1998, № 7, pp. 153–159. (In Russ.)

Salikhov A., Demin N. *Za vysokuiu tovarnost' svinofermy* [For the high marketability of the pig farm]. Moscow, Moskovskii rabochii Publ., 1949, 60 p. (In Russ.)

Sovetskii obraz zhizni. Sostoianie, mnenie i otsenki sovetskikh liudei: sb. st. [Soviet way of life. State, opinion and ratings of Soviet people]. AN SSSR,

In-t sotsiol. issled., Sov. sotsiol. assots; otv. red. I.T. Levykin, A.A. Voz'mitel'. Moscow, ISI Publ., 1984, 163 p. (In Russ.)

Tendentsii sotsiokul'turnogo razvitiia Rossii, 1960–1990-e gg.: sbornik [Trends in the socio-cultural development of Russia, 1960–1990s]. Ros. in-t kul'turologii; otv. red. I.A. Butenko, K.E. Razlogov. Moscow, PAIMS Publ., 1996, 507 p. (In Russ.)

Trotskii L.D. *Predannaia revoliutsiia* [Dedicated revolution]. Moscow, NII kul'tury Publ., 1991, 254 p. (In Russ.)

Fitspatrik Sh. *Sryvaite maski! Identichnost' i samozvanstvo v Rossii XX veka* [Tear off the masks! Identity and imposture in Russia of the XX century]. Per. s angl. L.Iu. Pantinoi; Upolnomochennyi po pravam cheloveka v Rossiiskoi Federatsii [i dr.]. Moscow, Fond «Prezidentskii tsentr B. N. El'tsina»: ROSSPEN Publ., 2011, 373 p. (In Russ.)

Shkaratan O.I., Rukavishnikov V. O. *Vlianie nauchno-tekhnikheskoi revoliutsii na protsessy sotsial'noi differentsiatsii i integratsii v sovetskom gorode* [The influence of the scientific and technological revolution on the processes of social differentiation and integration in the Soviet city]. [B. m.], 1974, 21 p. (In Russ.)

Shkurko S. *Novye formy brigadnoi organizatsii i stimulirovaniia truda* [New forms of brigade organization and labor stimulation]. *Voprosy ekonomiki* [Question of economy], 1980, № 10, pp. 26–36. (In Russ.)

Evel'son E. *Sudebnye protsessy po ekonomicheskim delam v SSSR (shestidesiatye gody)* [Litigation on economic cases in the USSR (sixties)]. London, Overseas Publication Interchange Ltd Publ., 1986, 371 p. (In Russ.)

ОСОБЕННОСТИ ХРОНОТОПА В НОВОАНГЛИЙСКОЙ ГОТИКЕ:

«ДОМ О СЕМИ ФРОНТОНАХ» Н. ГОТОРНА И «ПРИЗРАК ДОМА НА ХОЛМЕ» Ш. ДЖЕКСОН

Статья раскрывает содержание введенного М.М. Бахтиным понятия «хронотоп замка» на материале двух произведений новоанглийской готики – романов Н. Готорна «Дом о семи фронтонах» и Ш. Джексон «Призрак дома на холме». Автор приходит к выводу, что хронотоп – это не только пространственно-временная характеристика действия, но и сложный мотивный комплекс. Обосновывается идея о том, что основными составляющими этого комплекса для хронотопа замка являются мотив темного прошлого, мотив пространственной и временной изоляции, а также мотив «живого дома». Все эти мотивы использовались в классических английских готических романах 1760-х – 1830-х гг., а также в более поздних квазиготических текстах. На рубеже XVIII–XIX вв. готический роман начинает параллельно развиваться в американской литературе, превращаясь в один из национальных жанров. Американские писатели адаптировали готическую поэтику к особенностям американского культурного контекста. Так, в новоанглийской готике хронотоп замка был переработан в хронотоп «нехорошего дома», однако сам мотивный комплекс не претерпел изменений: и Готорн, и Джексон последовательно использовали пришедшие из британской литературы мотивы, предлагая их собственные прочтения.

Ключевые слова: хронотоп замка, Бахтин, мотивный анализ, готический роман, новоанглийская готика, Готорн, Джексон.

Информация об авторе: Васильева Эльмира Викторовна, ORCID: 0000-0003-4195-5658, кандидат филологических наук, г. Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: elmvasilyeva@hotmail.com

Дата поступления статьи: 08.11.2019.

Для цитирования: Васильева Э.В. Особенности хронотопа в новоанглийской готике: «Дом о семи фронтонах» Н. Готорна и «Призрак дома на холме» Ш. Джексон // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 1. С. 87-92. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-1-87-92.

El'mira V. Vasil'yeva
independent researcher, St. Petersburg

ON THE PECULIARITIES OF CHRONOTOPE IN NEW ENGLAND GOTHIC: THE HOUSE OF THE SEVEN GABLES BY NATHANIEL HAWTHORNE AND THE HAUNTING OF HILL HOUSE BY SHIRLEY HARDIE JACKSON

The article deals with Mikhail Bakhtin's term «the chronotope of the castle» analysed on the material of two New England Gothic novels – «The House of the Seven Gables» by Nathaniel Hawthorne and «The Haunting of Hill House» by Shirley Hardie Jackson. The author assumes that chronotope is not just a spacetime characteristic, but a set of motifs – the motive of dark past, the motif of spatial and temporal isolation, and the motif of «sentient» house. All of these motifs were used by classic Gothic novel writers of the 1760s to 1830s, and were as well employed in later quasi-Gothic texts. At the turn of the 19th century, Gothic novel commenced its parallel development in American literature, where it subsequently became one of the national genres. American writers aspired to adapt Gothic poetics to the cultural context of the country. For instance, in New England Gothic fiction, the chronotope of the castle was transformed into the chronotope of the «bad» house. However, the set of motifs has remained the same: both Hawthorne and Jackson consistently used the motifs, provided by British Gothic fiction, yet they further explored them and came up with their own interpretations.

Keywords: castle chronotope, Mikhail Bakhtin, motif analysis, Gothic novel, New England Gothic, Nathaniel Hawthorne, Shirley Hardie Jackson.

Information about the author: El'mira V. Vasil'yeva, ORCID: 0000-0003-4195-5658, Candidate of Philology, St. Petersburg, Russia.

E-mail: elmvasilyeva@hotmail.com.

Article received: November 8, 2019.

For citation: Vasil'yeva E.V. On the peculiarities of chronotope in New England Gothic: The House of the Seven Gables by Nathaniel Hawthorne and The Haunting of Hill House by Shirley Hardie Jackson. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 1, pp. 87-92 (In Russ.). DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-1-87-92.

Готический роман, поэтику которого разработал автор «Замка Отранто» (1764) Х. Уолпол, традиционно причисляют к так называемой формульной литературе. В современном литературоведении отношение к «готике» как к исключительно рецептурному жанру было заложено Дж. Кавелти, писавшим в книге «Приключе-

ние, тайна, любовный роман»: «В отличие от детектива с его прямолинейной формулой, в которой разгадка тайны является двигателем сюжета, в готическом романе тайна существует для того, чтобы могла состояться встреча двух одиноких сердец, которые, преодолев все препятствия, обретут счастье друг в друге» (перевод мой. – Э. В.) [Cawelti: 41].

В отличие от Кавелти, исходившего из представления о том, что тексты популярной литературы выстроены из кирпичиков-формулы, русская исследовательница Г.В. Заломкина выводит свой тезис о формульности готического романа из более широкого понятия «готического мифа»: «Формульность готики – еще один фактор, сближающий ее с мифом, поскольку для мифа формула – одна из базовых структур» [Заломкина: 23].

Несмотря на то, что представление о формульности некоторых жанров и, в частности, готического романа появилось всего несколько десятилетий назад, сами авторы «черных» романов всегда осознавали этот скрытый недостаток «готики», успешно обращая его в достоинство. В 1798 г. в журнале *Weekly Magazine* американский писатель Ч. Брокден Браун опубликовал заметку «Рецепт современного романа», в которой написал следующее: «Возьмите старинный замок, снесите его часть и пусть руины порастут мхом и дикой травой; позаботьтесь о том, чтобы совы и летучие мыши обитали в развалинах. Петли и засовы ворот полейте достаточным количеством дождя, чтобы при попытке открыть их они издавали самый унылый скрип. Затем поселите в замке пару стариков и убедитесь в том, что они знают множество страшных историй... Поручите заботам стариков молодую леди, и пусть они расскажут ей все, что знают, а лучше – все, о чем только догадываются. Пусть рассказ их напугает ее, но вместе с тем разожжет в ней любопытство...» (перевод мой. – Э. В.) [Brockden Brown: 993].

Ирония Брокдена Брауна оправдана: написанные в период с 1764 по 1840 гг. сотни готических романов были весьма однотипным (и чаще сомнительного художественного качества) материалом, в связи с чем подавляющее большинство этих текстов выдержали лишь одно издание. Их сюжеты выстраивались вокруг следующих элементов: мрачное пророчество / древнее проклятие; готический злодей / inferнальный монах; юная дева в беде и ее храбрый защитник; сообразительный слуга, чей образ был призван внести комические нотки в повествование; мелодраматические повороты сюжета; мотивы потери, преследования, обретения; эффекты, необходимые для создания и поддержания мрачной и загадочной атмосферы; образ средневекового замка, буквально опутанного сетью подземных коридоров, тайных проходов, скрытых комнат, хранящих ужасные секреты. В то время как большая часть перечисленных выше структурных элементов могла варьироваться от текста к тексту, средневековый замок как место действия оставался неотъемлемой частью любого готического нарратива.

М.М. Бахтин, разрабатывая представление о хронотопе, первым заговорил о центральном для исторического и готического романов «хронотопе

замка». Сам термин «хронотоп» с тех пор прочно закрепился в академическом дискурсе, однако толкуют его по-разному. Сам Бахтин остроумно определил хронотоп как «местность, чреватую временем» [Бахтин, 3: 268]. В зарубежном литературоведении термин «хронотоп» используется часто, но почти всегда в значении «время и место действия». Так, например, Оксфордский словарь литературных терминов определяет хронотоп как «время и место действия, рассмотренные как единое целое» (перевод мой. – Э. В.) [Oxford Dictionary: 40]. Между тем справедливее было бы трактовать хронотоп как устойчивое сочетание определенных мотивов, связанных в том числе пространственно-временными отношениями.

Вернемся к хронотопу замка и попробуем выделить те характерные приметы, которые превращают замок *per se* в хронотоп готического романа. Некоторые из этих мотивов были введены еще Уолполом и впоследствии лишь повторялись его литературными учениками: замок должен быть старинным, и с ним непременно должна быть связана таинственная или мрачная история; замок должен быть максимально изолирован; замок должен быть представлен на страницах романа как полноценный участник описываемых событий, возможно наделенный способностью к мышлению и собственной волей.

Замок Отранто, описанный Уолполом, отвечал всем этим требованиям. Принадлежавший некогда Альфонсо Доброму, он впоследствии перешел к узурпатору, но, как следует из романа, сам замок желал восстановить историческую справедливость и перейти в распоряжение законного наследника Альфонсо. Мистические события, происходившие в замке, были своего рода подсказками, призванными помочь обитателям замка узнать правду о совершенном преступлении. Что касается изолированности замка Отранто, то Уолполу пришлось пойти против правды факта: настоящий замок Отранто расположен практически в центре города Отранто в итальянской Апулии, в то время как в романе ни разу не упоминается развитая инфраструктура и вообще – жизнь за пределами крепостных стен. Весь созданный воображением Уолпола художественный мир помещен в жесткие рамки, точно совпадающие с очертаниями таинственного строения.

Другой известный готический замок – замок inferнального графа Дракулы из культового романа Б. Стокера – был описан спустя 133 года после публикации «Замка Отранто», однако, несмотря на дистанцию, разделяющую два произведения, и на особенности развития готического нарратива во второй половине XIX в., хронотоп замка воспроизводится Стокером в неизменном виде. Замок графа Дракулы изолирован от внешнего мира как географически (многие недели уходят у Джонатана

Харкера на то, чтобы добраться до него), так и социально: местные жители знают о «нехорошем месте» и обходят его стороной. Что же касается «одушевленности» строения, то в первой части романа оно выступает сообщником своего демонического хозяина, подпитывая его силой родной земли, надежно оберегая его тайны, а также удерживая в ложниках Джонатана Харкера.

Между «Замком Отранто» и «Дракулой» можно поместить сотни произведений готического плана, написанных авторами-британцами и выстроенных вокруг хронотопа замка, который, впрочем, может обретать и менее привычные черты: так, в различных произведениях в роли замка оказываются родовое поместье («Нортенгерское аббатство» Дж. Остин, «Джейн Эйр» Ш. Бронте), монастырь («Монах» М.Г. Льюиса, т. н. *convent novels*), тюрьма (ньюгейтские романы Э. Бульвера-Литтона). В более поздних вариациях на тему готики местом действия, сохраняющим все присущие хронотопу замка черты, оказывались школа («Городок» Ш. Бронте), поезд («Убийство в Восточном Экспрессе» А. Кристи), необитаемый остров («Повелитель мух» У. Голдинга) и т. д. Принципиальными особенностями остаются темное историческое прошлое, изолированность и как минимум иллюзия одушевленности заявленного места действия.

Уже в 1790-х гг. готический роман стал активно распространяться за пределами Великобритании – в Германии, Франции и в Америке. В Новом Свете, особенно на Северо-Востоке США, литературная готика хорошо прижилась в силу специфики исторического и культурного контекста.

Регион Новая Англия был заселен практически исключительно выходцами из Англии и Шотландии, бежавшими от религиозных преследований в XVI–XVII вв. Оказавшись в Новом Свете, переселенцы-пуритане не порвали с традициями старой родины; напротив, Новая Англия всегда была культурно близка Великобритании. Британцы шотландского происхождения привезли с собой богатейший – и довольно жуткий – фольклор своей страны, который в чужой земле воспринимался гораздо живее, чем дома.

С другой стороны, мрачная история региона – долгий период религиозного фанатизма, вылившегося в конце XVII в. в печально известный Салемский эпизод «охоты на ведьм», – создавала культурную почву, идеально подходившую для прививания европейской готической традиции. Неудивительно, что к середине XIX в., когда «проект» по поиску национальных литературных форм стал активно реализовываться писателями из разных регионов Америки, в Новой Англии в течение нескольких лет оформился собственный вариант готического нарратива.

Стремясь подчеркнуть национальное американское своеобразие новоанглийских «черных»

романов, американские исследователи-теоретики направления не так часто упоминали об их колоссальном сходстве с «классической» английской готикой. Действительно, в то время как в Великобритании к 1850-м гг. готика в чистом виде практически перестала существовать¹, американский вариант готического романа в поэтологическом отношении мало чем отличался от канонических текстов английских писателей 1760-х – 1830-х гг. Безусловно, потребовалась небольшая адаптация традиционных элементов готического нарратива к культурным особенностям американской истории и быта (инфернального злодея пришлось заменить на пуританского патриарха-фанатика, а местом действия сделать не средневековый замок, а колониальную усадьбу), но в целом это был все тот же готический роман.

Одним из самых ярких представителей ранней новоанглийской готики был Н. Готорн (1804–1864), чьи романы «Алая буква» (1850) и «Дом о семи фронтонах» (1851) являются сумрачным размышлением писателя о судьбе родного региона, выполненным в готической манере. В то время как в «Алой букве» местом действия является Салем середины XVII в., и именно город в целом описан в открывающем роман очерке «Таможня» в соответствии с требованиями направления, то в романе «Дом о семи фронтонах» мы имеем дело с более традиционным для готики хронотопом.

Тема времени является одной из центральных для романа, и она трактуется Готорном весьма радикально. В романе можно найти множество различных образов времени: сам Готорн называет время «огромными часами мира» [Готорн: 276]; о времени много рассуждают Клиффорд Пинчен и фотограф Холгрейв; маленький покупатель мелочной лавки Гефсибы Пинчен, проворно уничтожающий пряничных людей и животных, пряничные дома и корабли, напоминает все пожирающего Кроноса. Наконец, цикличность времени обыгрывается в истории Дома о семи фронтонах, составляющей основу сюжета романа.

Мрачный, уродливый, похожий на гроб дом – не только центральный образ романа, но и начало условной системы координат той художественной реальности, которую создает писатель. Дом стоит в центре Салема, а также в центре готорновской вселенной, однако это центральное положение не мешает ему оставаться порталом в иное измерение, существующее по своим собственным законам, в том числе пространственно-временным. С тех пор, как в конце XVII в. его первый владелец полковник Пинчен умер при загадочных обстоятельствах в день новоселья, раз в несколько десятилетий история повторяется в мельчайших деталях: один из потомков полковника, как правило до удивительного похожий на своего предка, умирает в той же комнате от того же наследственного за-

болевания. Несмотря на то, что Готорн стремится рационально истолковать происходящие в романе события, мистическое ощущение некой «петли времени» сохраняется на протяжении всего повествования; именно оно помогает читателю предугадать дальнейшее развитие действия и смерть антагониста – судьи Пинчена.

«Век расшатался» в романе Готорна, и временные искривления, если следовать логике романа, вызваны проклятием, которое за минуту до гибели произносит Мэтью Мол, отправленный полковником Пинченом на казнь по ложному обвинению. Связь семьи Пинченых с историей Салема и, в частности, с ведовскими процессами 1692–1693 гг. – еще один квазидокументальный эпизод: предок Готорна был самым суровым судьей во время салемакской «охоты на ведьм», так и не признавшим, что все обвинения были сфабрикованы [Ringel: 140]. Готорн остро переживал ответственность своей семьи за кровавую расправу над десятками ни в чем не повинных людей, и именно это чувство вины подталкивает его к написанию романа и созданию центрального образа особняка, окутанного мрачной историей пуританского прошлого страны, которая должна была стать Новым Ханааном. Дом о семи фронтонах вынужден год за годом проживать свое прошлое, искупая вину своего первого хозяина.

Представление о жизни дома, который выведен на страницах романа как вполне самостоятельное действующее лицо, актуализируется Готорном за счет особой образности. Уже в первой главе писатель делает акцент на том, что его Дом о семи фронтонах – практически живое существо: «бревна... кровоточили», «сам дом напоминал огромное человеческое сердце, которое жило самостоятельной жизнью и обладало памятью», «выступ третьего этажа сообщал дому какую-то многозначительную задумчивость», «сколько тайн он мог бы поведать, сколько необыкновенных и в то же время поучительных историй» [Готорн: 55]. Впоследствии образность «живого дома» не только сохраняется, но и становится более интенсивной. Так, в главе «Букет Алисы» дом словно оживает и пытается передать салемацам важную новость о смерти судьи Пинчена: старый ильм «ожил, дыша утренним светом и легким ветерком» [Готорн: 278], цветы, названные в народе «букетом Алисы», «щедро распустились во всей своей свежей красоте и как бы мистически воплощали в себе некое важное событие, произошедшее в доме» [Готорн: 280], из пустого дома раздаются странные звуки, наконец, внутренняя дверь раскрывается словно сама собой, частично открывая случайным прохожим вид мертвого тела в гостиной.

Таким образом, следуя традиции британского готического повествования, американец Готорн создает образ Дома о семи фронтонах как нацио-

нальный вариант средневекового замка. Историческое поместье, выстроенное в темные времена и в страшных обстоятельствах, словно несет на себе печать грехов своего первого хозяина. Существующий на границе двух миров, Дом о семи фронтонах вследствие происходящих в нем аномалий обретает собственную душу и собственную волю. При этом, отметим в скобках, воля дома не зла: старинный особняк явно проявляет доброту и сострадание к Гефсиге, Клиффорду, Фиби и особенно Холгрейву, которых, очевидно, считает своими законными хозяевами, но отказывается признавать судьбу Пинчена, как и тех его предков, от которых тот унаследовал свой жестокий нрав и гордыню.

В творчестве литературных последователей и учеников Готорна образ «живого дома» нередко толковался более однозначно, и наделенное подобием души и мышления здание объявлялось враждебным и опасным для людей. Так прочитывает образ «живого дома» и еще одна знаменитая представительница американской новоанглийской готики – Ш. Джексон (1916–1965).

Один из самых известных романов Джексон «Призрак дома на холме» (1959) был написан спустя сто с лишним лет после публикации «Дома о семи фронтонах», однако сходство между двумя произведениями значительное. Уже в первом предложении романа Джексон называет Хилл-хаус «живым организмом», к тому же организмом, страдающим от психического расстройства: «Ни один живой организм не может долго существовать в условиях абсолютной реальности и не сойти с ума... Хилл-хаус, недремлющий, безумный, стоял на отшибе среди холмов, заключая в себе тьму...» [Джексон: 9]. В начале второй главы, описывая дом в подробностях, автор романа снова акцентирует наше внимание на том, что перед нами – не просто уродливое строение: «Фасад как будто жил своей жизнью: пустые глаза окон пристально смотрели из-под злорадно изогнутых карнизов-бровей. <...> Дом, который всегда начеку, всегда высокомерно враждебен, может быть только злым. Хилл-хаус, казалось, возник под руками строителей помимо их воли, самолично, по собственному мощному замыслу определяя будущие линии и углы...» [Джексон: 37].

В отличие от избирательного в своем отношении к людям Дома о семи фронтонах, Дом на холме, описанный Джексон, – безусловное зло. Его фасад описывается как суровое лицо, расположение комнат и подсобных помещений уподобляется монструозному организму. Хилл-хаус не только активно ненавидит даже случайных посетителей, но и общается с ними посредством выполненных мелом или кровью надписей на стенах, резких звуков, полтергейста и даже хрономиражей. Резиденты дома оказываются свидетелями разговоров, которые велись в нем десятилетия назад. Во время

прогулки по окрестным территориям одна из героинь Элеанор Венс словно «выпадает» из своего времени и оказывается на пикнике, который проходил здесь когда-то в прошлом либо же только случится в будущем.

Внутри Хилл-хауса и в его окрестностях время течет «неправильно»: участники эксперимента, проживающие в доме, быстро теряют счет проведенным в Хилл-хаусе дням, поскольку они мало чем отличаются друг от друга. Нелюбезная домоправительница миссис Дадли повторяет одни и те же фразы в общении с каждым из жильцов день за днем, тем самым усиливая ощущение того, что герои попали в заколдованный круг и вынуждены проживать одни и те же события снова и снова. В дополнение к подобной изоляции во времени представление о географической изоляции Дома на холме вводится также миссис Дадли, которая несколько раз повторяет свою «коронную» фразу: «...если вам потребуется помощь, тут никого не будет. Ночью мы вас даже не услышим. Никто не услышит. Ближе поселка никто тут не живет. Даже и не подходит. По ночам. В темноте» [Джексон: 41]. В статье о Джексон Д. Дауни высказывает предположение о том, что миссис Дадли является «сообщницей» Хилл-хауса, помогающей ему воздействовать на участников эксперимента, дезориентируя их и лишая мужества [Downey: 296].

Описывая дом во второй главе, Джексон уточняет: «Если не считать электрических проводов, идущих к дому из-за деревьев, Хилл-хаус казался ничем не связанным с остальным миром» [Джексон: 51]. Впрочем, пространственная изолированность Дома на холме обыгрывается в романе на нескольких уровнях. «Нехороший» дом не только расположен на некотором расстоянии от города, жители которого стараются не только не подходить к зданию близко, но даже не упоминать о нем в беседах. Хилл-хаус окружен холмами, которые, формируя естественную изгородь, вводят в роман клаустрофобный мотив: «[Холмы] будут сползать, незримо и беззвучно, пока не накроют нас с головой. И никуда мы от них не убежим» [Джексон: 52].

Помимо этого, в отличие от Дома о семи фронтонах, который словно стремился побороть свое «изолированное» состояние, Хилл-хаус противится любой энтропии. Каждая комната в этом доме – отдельный маленький мирок, о чем говорят повторяющиеся эпизоды, в которых сами собой закрываются двери, предварительно распахнутые и даже закрепленные обитателями дома. Это стремление к абсолютной замкнутости каждого пространства, привносящее сильный хоррор-эффект в повествование, – художественное открытие Джексона и существенный шаг вперед по сравнению с романом Готорна.

Подытоживая, выделим следующие положения проведенного исследования:

1) хронотоп замка предполагает совокупность устойчивых и повторяющихся мотивов, центральными из которых являются мотив темного прошлого, мотив пространственной и временной изоляции, а также мотив «живого дома»;

2) в новоанглийской готике хронотоп замка был переработан в хронотоп «нехорошего» дома при сохранении изначального мотивного комплекса;

3) в романе Готорна «Дом о семи фронтонах», являющемся ярчайшим образцом ранней новоанглийской готики, мотив темного прошлого салема-ского особняка реализован в упоминании связи между постройкой дома и «охотой на ведьм» 1692–1693 гг.; образность пространственно-временной изоляции дома вписана в центральную для романа тему времени и истории, возвращающейся на круги своя; наконец, Готорн последовательно сообщает Дому о семи фронтонах черты, свойственные живым существам, в последних главах романа даже наделяя дом волей и симпатиями;

4) в романе «Призрак дома на холме» писательница XX в. Ш. Джексон развивает созданный Готорном образ «нехорошего» дома, однако вносит и новаторские черты в свой готический нарратив. Так, мотив пространственной изоляции Хилл-хауса развивается ею на нескольких уровнях, что значительно усиливает пугающий эффект от чтения романа. Помимо этого, Джексон последовательно проводит мысль о том, что ее дом не просто наделяется волей и способностью к мышлению, но отравлен злым присутствием, которое способно оказывать активное влияние на жизнь и психическое состояние оказавшихся в доме людей.

Примечания

¹ О.В. Разумовская в своих «Лекциях по литературе ужасов» объясняет увядание готических форм в литературе сменой культурной парадигмы: «В XIX веке готическая литературная традиция – оппозиционная по отношению к идеологии Просвещения и одновременно неразрывно, симбиотически с ней связанная – уже не могла существовать в ее изначальной форме, хотя бы по той причине, что французская революция не оставила камня на камне от основ просветительского мировоззрения» [Разумовская: 87]. При этом более распространена точка зрения, согласно которой вырождение готического романа было связано исключительно с исчерпанностью художественного потенциала жанра, во всяком случае в его британском варианте.

Список литературы

Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 3 т. М.: Языки славянских культур, 2012. Т. 3. 880 с.

Готорн Н. Дом о семи фронтонах / Готорн Н. Дом о семи фронтонах. Новеллы. Л.: Художественная литература, 1975. С. 31–313.

Джексон Ш. Призрак дома на холме / Джек-сон Ш. Призрак дома на холме. Мы живем в замке. М.: Изд-во АСТ, 2019. С. 5–234.

Заломкина Г.В. Готический миф как литературный феномен: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Самара, 2011. 44 с.

Разумовская О.В. По. Лавкрафт. Кинг: Четыре лекции по литературе ужасов. М.: РИПОЛ классик: Панглосс, 2019. 222 с.

Brockden Brown Ch. A Receipt for a Modern Romance // The English Literatures of America, 1500–1800. New York; London: Routledge, 1997. Pp. 993–994.

Cawelti J.G. Adventure, Mystery, and Romance. Chicago; London: The University of Chicago Press, 2014. 344 p.

Downey D. Not a Refuge Yet: Shirley Jackson's Domestic Hauntings // A Companion to American Gothic / ed. by C. Crow. Malden (MA): Wiley Blackwell, 2014. Pp. 290–302.

Ringel F. New England Gothic // A Companion to American Gothic / ed. by Ch. Crow. Malden (MA): Wiley Blackwell, 2014. Pp. 139–150.

The Concise Oxford Dictionary of Literary Terms / ed. by Ch. Baldick. New York: Oxford University Press, 2001. 280 p.

References

Bakhtin M.M. *Sobranie sochinenii: v 3 t.* [Collected works: in 3 vols.]. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2012, vol. 3, 880 p. (In Russ.)

Gotorn N. *Dom o semi frontonakh* [The House of the Seven Gables]. Gotorn N. Dom o semi frontonakh. Novelly [The House of the Seven Gables. Short Stories and Novellas]. Leningrad, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1975, pp. 31–313. (In Russ.)

Dzhekson Sh. *Prizrak doma na kholme* [The Haunting of Hill House]. Dzhekson Sh. Prizrak doma na kholme. My zhivem v zamke [The Haunting of Hill House. We Have Always Lived in the Castle]. Moscow, AST Publ., 2019, pp. 5–234. (In Russ.)

Zalomkina G.V. *Goticheskii mif kak literaturnyi fenomen: avtoreferat dis. ... doct. filol. nauk* [Gothic Myth as a Literary Phenomenon: PhD thesis]. Samara, 2011, 44 p. (In Russ.)

Razumovskaia O.V. *Po. Lavkraft. King. Chetyre lektsii po literature uzhasov* [Poe. Lovecraft. King. Four Lectures on Horror Fiction]. Moscow, RIPOL klassik, Pangloss Publ., 2019, 222 p. (In Russ.)

ЭЛЬ ГРЕКО В РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Имя Эль Греко (Доменикоса Теотокопулоса) редко встречается в русской поэзии, хотя еще французский романтизм включил его в канон мировых классиков. В данной статье предполагается, что рецепция Эль Греко в русской поэзии обязана не столько влиянию французского романтизма или испанского сюрреализма, сколько стилистическим особенностям творчества самого художника, который наследовал критской иконописи, при этом в свой зрелый период следовал ренессансным принципам жизнеподобия и соперничества. В результате Эль Греко воспринимается в русской культуре не как странный и причудливый художник, но как классик, подражающий природе, а стилистические особенности тогда трактуются как экзистенциально значимые. Эль Греко сопоставляется тогда с персонажами своих картин, такими как апостолы и евангелисты, и понимается как художник, сообщающий что-то экзистенциально значимое о судьбе. Его пейзажная манера тогда трактуется как превращение художественных условностей в онтологически значимые построения. Близкое чтение поэтических текстов, посвященных Эль Греко (Бальмонт, Ахматова, Евтушенко, Кривулин, Ахмадулина, Кекова), и учет теоретических высказываний об Эль Греко (Бенуа, Лихачев) позволяет показать, что Эль Греко был воспринят не в рамках экспрессионизма или сюрреализма, но в ключе иконописного онтологизма. Технические приемы Эль Греко тогда были поняты в русской поэзии как сюжетно значимые: светотени и колорит оказались символами жизненных перипетий, а миссия апостола и Орфея тогда были отождествлены как образцы для поэтического отношения к повседневности.

Ключевые слова: Эль Греко (Доменикос Теотокопулос), живописный прием, экфрасис, лирическая поэзия, сложный экфрасис, испанская живопись, лирический сюжет, маньеризм, прием.

Информация об авторе: Марков Александр Викторович, ORCID: 0000-0001-6874-1073, доктор филологический наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия.
E-mail: markovius@gmail.com.

Дата поступления статьи: 21.12.2019.

Для цитирования: Марков А.В. Эль Греко в русской поэзии // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 1. С. 93-101. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-1-93-101.

Aleksandr V. Markov

Russian State University for the Humanities

EL GRECO IN RUSSIAN POETRY

The name El Greco (Doménikos Theotokópoulos) is rarely found in Russian poetry, although French romanticism included him in the canon of world classics. This article assumes that El Greco's reception in Russian poetry is due not so much to the influence of French romanticism or Spanish surrealism as to the stylistic features of the artist himself, who inherited Cretan icon painting, while in his mature period he followed the Renaissance principles of life-like and rivalry. As a result, El Greco is perceived in Russian culture as a classic imitating nature, and stylistic features are then interpreted as existentially significant rather than a strange and bizarre artist. El Greco is then compared with the characters of his paintings, such as the apostles and evangelists, and is considered to be an artist, communicating something existentially significant about fate. His landscape style was then interpreted as the transformation of artistic conventions into ontologically significant constructions. A close reading of poetic texts dedicated to El Greco (Konstantin Balmont, Anna Akhmatova, Yevgeny Yevtushenko, Viktor Krivulin, Bella Akhmadulina, Svetlana Kekova), and taking into account the theoretical statements about El Greco (Alexandre Benois, Dmitry Likhachov) allows us to show that El Greco was not perceived within the framework of expressionism or surrealism, but in the key of icon-painting ontologism. The techniques of El Greco were then understood in Russian poetry as plot-significant: chiaroscuro and colour turned out to be symbols of life's upheavals, and the mission of the apostle and Orpheus was then identified as a model for a poetic attitude to everyday life.

Keywords: El Greco (Doménikos Theotokópoulos), pictorial technique, ekphrasis, lyric poetry, complex ekphrasis, Spanish painting, lyrical plot, mannerism, technique (device).

Information about the author: Aleksandr V. Markov, ORCID: 0000-0001-6874-1073, Doctor of Philological Science, Professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.
E-mail: markovius@gmail.com.

Article received: December 21, 2019.

For citation: Markov V.A. El Greco in Russian poetry. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 1, pp. 93-101 (In Russ.). DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-1-93-101.

Доменикос Теотокопулос не входил в России в канон мировых классиков живописи до конца XIX века, когда новая волна интереса к испанскому искусству, вместе со стремлением расширить понятие европейского искусства символическим продвижением на как Запад, так и на Восток, потребовало создать список значимых испанских художников.

При этом из списка классиков западной живописи выпали некоторые художники, которые входили в «аристократический» канон, такие как голландец Паулюс Поттер (его называли Поль Поттер) с его анималистикой – в «Петербургских трущобах» Крестовского или «Губернских очерках» Щедрина он стоял в одном ряду с Тицианом, Тинторетто и Ван Дейком.

Русская рецепция Эль Греко наследует французскому романтизму Мериме, Готье и Гюго, создавшим культ идеализированной Испании, противопоставлявшейся слишком буржуазной, холодной и расчетливой, на их взгляд, тогдашней Франции. Для романтиков Испания была местом сильных страстей, доводящих до безумия, немотивированных поступков и при этом артистизма, всегда приводящего к пластической завершенности сцен. Разумеется, испанские живописцы стали символическими проводниками в этот мир: необычный в сравнении с французским неоклассицизмом и ампиром колорит, странные, не вполне распознаваемые привычной характерологией выражения лиц у всех персонажей, а не только у отдельных, самых загадочных, наконец, повышенная экспрессия – всё это казалось особо испанским, особо экзотичным и привлекательным.

Французские романтики во многом определили восприятие художественной жизни Испании и испанского характера и в некоторых других странах, в том числе в России. Только вторая волна испанского влияния, связанная с именами Пикассо и Дали, позволила по-новому, уже изнутри взглянуть на испанский характер. Если говорить кратко, то французские романтики подчеркивали темный иррационализм испанской живописи, но не видели в ней ни особой легкости, ни особой фантазии, приписывая эти качества только своей галантной культуре. Тогда как испанские сюрреалисты XX века, напротив, показали, что с испанской живописью связан не отказ от рациональности, но, наоборот, повышенная рациональность, доходящая до небывалой интеллектуальной причудливости, фантазии и изобретательности. Тогда испанское искусство, которое до этого понималось как несоизмеримое с человеком, дружащее скорее со стихиями и метафизическими сущностями, стало восприниматься как антропоцентричное в квадрате (что стало важно и для шестидесятилетней его рецепции [3]), что выразилось больше всего в известном рассуждении Мишеля Фуко о «Менинах» Веласкеса [Фуко: 46–52]

Второе влияние как раз поставило с наибольшей остротой вопрос об отношении между Пикассо и Эль Греко: ориентация советской шестидесятилетней культуры на Пикассо как на один из образцов интернационального гуманистического искусства [Зайцев] вызывала недоумение интеллектуалов, насколько такое равнение на деструкцию формы не препятствует восприятию конструктивной роли прежнего искусства. Наиболее характерным оказалось замечание Д.С. Лихачева, отразившее ключевые дискуссии о Пикассо и Эль Греко, в котором он противопоставил провокационную хаотичность Пикассо нетрадиционной, неканоничной, но завершенной пластичности Эль Греко: «Эль Греко искал “своих” линий, отбекаю-

щих объекты изображений. Все у него как бы плавало в гармоническом движении неподвижного. <...> В композициях, цветовых сочетаниях и текущих, текучих линиях Эль Греко есть и одухотворение мира, мировоззрение, зовущее к действию, к согласию и любви...» [Лихачев: 19]. Так была обозначена уже существовавшая рамка разговора об Эль Греко, и теоретизирование Д.С. Лихачева просто окончательно оформило то, что уже чувствовали все знатоки испанской живописи: перед нами не просто изобретательный художник со своей пластикой, но перед нами сама пластика, действующая особым образом. Если эта пластика причудлива, то не в силу излишнего рационализма, а в силу непосредственного соперничества с природой, стремления превзойти природную пластику. И как мы увидим, такое понимание пластики привело в русской поэзии конца XX – начала XXI века и к новому пониманию пластических приемов в живописи. На основе корпусного анализа русских поэтических текстов мы исследуем специфику того, как именно пластика Эль Греко трансформируется в художественные приемы в поэзии и как стремление найти подлинный исток живописного искусства становится обоснованием автономии фантазии в изображении житейских бытовых ситуаций, а значит, и автономии лирического высказывания.

Таким образом, получается, что позиция французских романтиков продолжала усваиваться в русской литературе и в эпоху модернизма, тогда как вторая мода на испанскую живопись оказалась в русской литературе необычной: не Пикассо оказался ключом к Эль Греко, но, наоборот, Эль Греко на фоне Пикассо превратился из изобретательного и эксцентричного художника, почти в классика. При этом, как мы увидим, понимание испанской живописи как антропоцентричной до капризности было удержано и трансформировано внутри действия механизмов лирического сюжета.

Такой интересный ход, понимание Эль Греко не в рамках эстетики испанского барокко, которую критики XX века часто подверстывают к современному экспрессионизму, но, наоборот, в ключе классической эстетики соперничества с природой и превосходения природы, по нашему предположению, обязано тому, что Доменикос Теотокопулос был по происхождению весьма успешным иконописцем критской школы. Иконопись критской школы соединяла в целом византийский способ композиционного построения и все иконописные условности с тем декорированием пространства и переполнением его фигурами, которые мы связываем с венецианской живописью – Эль Греко поэтому без особых трудов перешел с равнения на Византию на подражание Тициану и Тинторетто, даже болезненное соперничество с ними, но уже то, как он страстно хотел быть живописцем ренес-

санского типа, показывало, что его сознание было в целом сознанием иконописца, а не живописца, в нем не было ничего театрального, а только стремление достичь сущности, стремление всю жизнь положить на ревностное и ревнивое достижение этой сущности. Он был иконописцем, для которого его действие онтологично, который вдруг попал в мир ренессансного притворства, соперничества художественных стилей и условных ролей художников. Отчасти этим можно объяснить столь позднее появление Эль Греко в русской поэзии: требовалось, чтобы сами привычки культурного зрения изменились и в канон тех образов из истории живописи, которые должен знать поэт, вошли близкие иконописи итальянские примитивы или, позднее, старообрядческая икона. Бальмонт, написавший первое стихотворение на русском языке о живописи Эль Греко, в это же время воспевал и творчество Фра Беато Анджелико. Пока для культурных русских людей икона ассоциировалась по преимуществу с официальным неоклассицизмом, а древние иконы были предметом археологического интереса, но не созерцательного взглядывания, русская поэзия могла воспринимать испанский танец, но не испанскую живопись.

Итак, наша исходная гипотеза состоит в том, что интерес к испанской живописи в поэзии не мог ограничиваться только ее экзотизацией или прямой имитацией ее приемов для построения лирического сюжета. Напротив, это всегда были попытки поиска истоков, того ядра, которое только и обосновывает эти приемы как часть одновременно эксцентричного, но и необходимого высказывания. Близкое чтение текстов, которое предлагается в этой статье, может установить ту равнодействующую, которая и объясняет, как Эль Греко начинает работать внутри лирического высказывания, наделяя лирическое повествование новыми свойствами, что отвечает его обращению иконописных приемов в метафизический эксперимент над различными формами высказывания о происходящем [Бычков]. Таким новым свойством оказывается экзотизация быта, что соответствовало и общему мифу об Испании, как романтическому, так и модернистскому, но при этом не как эстетическая, а, наоборот, как ответственная, связанная с пониманием ограничений каждого изобразительного приема и ответственности поэта, как и художника, за эти приемы. Если говорить о первой волне испанизма, романтической и неоромантической, то, несмотря на усиленное внимание некоторых представителей русского модерна к испанизму французского романтизма (достаточно указать на Н. Гумилева, переведившего Теофила Готье), Эль Греко встречается как предмет специального внимания считанные разы. Первое поэтическое размышление о греко-испанском художнике – стихотворение Бальмонта «Перед картиной Греко», с подзаголов-

ком «В музее Прадо, в Мадриде». Это стихотворение передает общее впечатление от живописной манеры художника, прежде всего от искусных светотеней, которые делают изображение как бы рельефным. В стихотворении эти тени оказываются конструктивным элементом, предельно раздвигающим перспективу, так что неба уже не видно, «неба не достать»:

На картине Греко вытянулись тени.
Длинные, восходят. Неба не достать.
«Где же нам найти воздушные ступени?
Как же нам пути небесные создать?»

Сумрачный художник, ангел возмущенный.
Неба захотел ты, в небо ты вступил, –
И, с высот низвергнут, Богом побежденный,
Ужасом безумья дерзость искупил.

Описание художнического безумия во второй строфе, хотя полностью соответствует поэтике и образности тогдашнего Бальмонта, на самом деле вполне передает его «Благовещение» и «Крещение», алтарные образы, делящиеся на небесный и земной план. Особенностью обоих полотен является то, что и архангел Гавриил, и Иоанн Креститель, ангел пустыни, стоят справа, а не слева, как это было принято в прежней живописи. Такая перестановка места фигуры, с сохранением правил чтения картины слева направо, создает необычный эффект: мы не восходим к раю, получив сначала благовест Евангелия, а сталкиваемся с посланцем рая, как бы уже оказываемся в раю, вступившими в небо, но при этом возвращаемся на землю, потому что благовещение и крещение еще должны состояться. Общая топика видения Бальмонтом художника как демонического и проклятого существа оказывается здесь частью такого столкновения с ангелом. Тем самым мир Эль Греко понимается как мир бытования, а не сценического изображения, хотя каждый светотеневой прием привносит в это бытование сильнейшее демоническое или эксцентрическое переживание. Не смотреть на приемы художника, а вынужденно отвечать за приемы Эль Греко – вот что станет главным мотивом и стихов, посвященных этому художнику, спустя век.

Такой опыт тогда остался одиноким, потому что поэтическое осмысление Эль Греко в этот период первого, неоромантического внимания к Испании было заменено прозаическим, с амбициями искусствоведения на тотальный охват эстетических впечатлений, превосходящий как бы дилетантские и летучие заметки в лирике. Так, Бенуа в «Истории живописи всех времен и народов» создает репутацию Эль Греко как «припадочного мастера, в котором столько юродства, столько выверта и надрыва» [Бенуа: 24]. Маньеристская техника и соперничество с Тицианом воспринимались тогда серьезно, как соперничество с Богом. Бенуа видит в картинах Эль Греко перенапряжение, «жуткую, точно про-

низанную электричеством серебристость» и отсутствие прототипов для сюжетов священной истории, например для Рождества Христова из Метрополитен-музея. Бенуа явно не знал истории критской иконы, но важным оказывается каламбурное употребление слова «напряжение» и в значении как бы грозовой обстановки, вспышки на лицах, причудливости поз, и в значении нервной перенапряженности, из которой и делается вывод о безумии художника. Но такая перенапряженность (которую современники совсем не видели [Шалудько]) и позволяет потом решить вопрос о статусе этого художника в рамках сконцентрированного биографического мифа как источника не только отдельных решений, но и самой миссии поэта, что мы потом видим у поздней Ахматовой.

Ахматова в строках «Поэмы без героя», обращенных к Исае Берлину [Рубинчик: 60], называет его «посланец давнего века / Из заветного сна Эль Греко». Эти строки уже становились предметом особого внимания исследователей. Понять этот намек можно, только если мы будем понимать, что имелось в виду под «посланием» и «сном». В свете позиции Бенуа, сон оказывается как раз снятием напряжения, заветный сон – это возможность общения, по телефону или личного, тогда как посланец означает здесь просто «апостол», иначе говоря, новый проповедник христианства, один из апостолов Эль Греко. У Ахматовой, в отличие от Бальмонта, отсылка идет к эрмитажной коллекции, к апостолам, автопортретность которых доказана [Каганэ], и тем самым биографический миф оказывается частью бытового мифа, который и определяет то самое производство бытовых ситуаций с помощью новых приемов, каждый из которых грозит какими-то бедами и воспринимается как сновидческий или пророческий. Это вполне соответствует и тому, как сам Эль Греко трансформировал приемы иконы на переходе от иконы к портрету, превращая ренессансную плотность изображений иконы в угрожающее исполнение какой-то одной пророческой миссии, пророчества как приема, находящего себе инструменты [Марков]. Далее в поэзии инструментализация Эль Греко продолжается, но по-разному в официальной и неофициальной поэзии.

Так, Евг.А. Евтушенко в стихотворении «Монолог испанского гида» (1968) изображает советского туриста, желающего попасть не в галерею, где Эль Греко и Гойя, но в музей пыток. Гиду стыдно выполнить эту просьбу, он стыдится за прошлое, но, как выясняется, стыдится и за настоящее франкистской Испании, переживая отсутствие свободы слова как пытку. Тем самым в публицистическом стихотворении прием оказывается самообосновывающим, тень становится главным инструментом действия, как и у Бальмонта, где тени и создали небо: следы памяти являются и режимом производства лжи, в том числе лживых «слащавых

открыток» с изображениями произведений искусства, так что в конце концов вопросы туриста оказываются тем единственным медиумом, который разоблачает лживость других медиа.

В другом стихотворении того же года, «Живопись на ишаках», поэт изображает одно из занятий пастухов (вероятно, на самом деле погонщиков) от скуки фигурно выстригать шерсть на своих животных

Берёт, к ишачьим диким стомам глух,
машинку парикмахера пастух
и выстригает – шерсти не в позор –
ну, предположим – шахматный узор.

Затем, свой холст живой ввергая в шок,
опасной бритвой он кладёт штришок,
и, отряхнув счастливо шерсть с колен,
он, как Эль Греко, горд собой: «Муй бьен!»

Для Евтушенко это развернутая метафора того, что искусство не способно изменить социально-политическую реальность тогдашней Испании. Но замечательно, что здесь картина на ишаке понимается как регулярный узор, не допускающий никакой импровизации, но при этом требующий какого-то дополнительного виртуозного жеста, превращающего простую игру в настоящую картину, та самая внутренняя разделяемая ответственность за жест Эль Греко как основа личного отношения к происходящему в быту, о чем мы говорили и в нашей рабочей гипотезе, и в связи с Ахматовой. Далее Евтушенко упоминает Эль Греко в «Голубе в Сантьяго» (1978) как символ классики вообще, как раз как символ классицистского, антиавангардного вкуса, что отвечает и приведенной ремарке Лихачева, явно знавшего и Бальмонта, и Гумилева, и Евтушенко.

В неофициальной поэзии эта конструктивность тени и одновременно трагичность быта, невозможность отвечать за быт даже при полной ответственности за приём раскрыта в поэзии В. Кривулина. Стихотворение В. Кривулина «Еще Орфей» (1975), наполненное почти сюрреалистической образностью, образует вполне завершенный сюжет, в котором действуют уже не персонажи, а жанры: мелодраматическая история Эвридики и Орфея поглощается самим мифом, который при своей тотальности и масштабности образов, подчиняющих себе любую судьбу, понят структуралистски как система знаков, оставляющих только следы и тени, что отвечает и общей концепции Кривулина об отношении поэзии и художественной критики [Хайрулин]. В начале стихотворения Эвридика («прямая идет», в благоговейной тишине, как «оскудевающий случай») оказывается уникалом настоящего подлинного достижения искусства, тогда как Орфей («механизму родная пружина») оказывается принципом изобретательства, чтобы всё «в многосложные строфы слагалось», неким информационным механизмом, черным ящиком,

который и производит всё семиотическое многообразие окружающей реальности:

Орфей – состоянье числа,
неделимого на два: на Космос и Хаос.

Далее соединение Греции и Испании происходит благодаря строго условной культурной семиотизации – маркам вин: «Хиосское» и «Малага». Тема вина позволяет связать шаг Орфея – как шаг в темноте, как пьяную походку, и винные пары – как оболочку «для облака мысли огромной», иначе говоря, как пьяный бред. Тогда любовь Орфея к Эвридике – это уже не любовь сумасбродного художника-изобретателя к счастливому случаю, а, наоборот, разрыв внутри этой случайности, когда «собирается случай у каждого шага». Так предвосхищается ключевая строфа о живописной манере Эль Греко:

Двое к берегу вышли
из-под кисти Эль Греко.
Завихряясь к высокому центру вселенной
в искаженной пропорции – два человека.
Кто же смертный из них? Кто же ближний?
Больше неба они и разорванной пены.

Искаженные фигуры, разрывающие вспененное, грозное пространство – прямое наследование той учрежденной в русском модернизме оптики, которая и позволяет размышлять о центре вселенной. Скорее всего, речь об эрмитажных Петре и Павле, но может быть Иоанн и Франциск, тогда «смертный» Иоанн, испивший чашу с ядом, но и опровергший свою смертность, вознесшийся на небо, а ближний – Франциск. Неоднозначность прообразов вполне отвечает дальнейшему сюжету: далее оказывается, что «солнце мифа» как «белила» поглощает «обесцвеченные светила», ставя под вопрос систему светотеней:

Боги сходят на землю – на землю иную:
берега и языка, светотени и края.

После мы выясняем техническую сторону такого трагизма, что это «солнце мифа» – фотовспышка, и далее проводится параллель, как обернувшийся Орфей остался без Эвридики, ему остались только одежды, так и в мире «семейных альбомов» «мало / фотография помнит о лике», сохраняя только яркие цвета одежды, «одеянье прямое», но не индивидуальные черты лица:

Все живое похоже и пристально снято,
столь отчетливо складками разделено,
что песок под ступней бестелесной
и волнение простыни смятой –
две космических силы, сведенных в одно
эле слышное: тесно!

Иначе говоря, фотография подразумевает иной след, чем живопись, что не здесь человек прошел, в каком-то ритме поэтического слова, а что здесь человек побывал, обжил эту переданную на фотографии квартиру. Так Орфей возвращается в мир литературы, «в освещении словесности нищем», а Эвридика оказывается совокупностью зрительных образов:

проплывает рука – Эвридика, страна,
столь чужая Эллада, с каким-то больным
отношением источника с тенью.

Тем самым Кривулин допускает, в отличие от Евтушенко, ответственность человека-поэта, отождествляющегося с Эль Греко, не только за свои приемы, но и за свою трагедию. Но для этого сами эти приемы должны превратиться в некоторую «фотовспышку», некоторое зияние, которое и вернет настоящие тени в быт, вернет отношение источника с тенью и тем самым превратит трагедию из предмета надрывной стилизации, о которой писал Бенуа, в предмет катартической причастности. Это сложное переплетение подлинности переживания, предсмертного и миновавшего смерть, и приемов, необходимых для артикуляции этого переживания, мы находим у Ахмадулиной.

Белла Ахмадулина обратилась к наследию греко-испанского живописца в стихотворении «Светает» (1996) из цикла «Наслаждения в Куоккале». Всё стихотворение изображает переживание расцвета как процесс не восприятия, но творческого созидания. В конце концов рассвет исчезает, потому что наступает новый день, и от него остаются только тени, которые и сравниваются с «Пейзажем в Толедо» Эль Греко. Как и у Бальмонта, Эль Греко здесь – художник продуктивных теней, достигающих до неба и даже заслоняющих собой небо. Только если Бальмонт решает эту тему живописного впечатления, обратившись к культурному мифу о демоническом художнике, в котором и находит разрешение противоречий, то Ахмадулина говорит исключительно о себе и о своём эксперименте примирения со своей душой при таком созерцании, что обычно для ее эффарисов как механики примирения [Мних].

В первой строфе сразу вводится тема, которая для символистов была итогом интеллектуальных усилий, а не предпосылкой, а именно, способность природы подражать искусству. Синий том Блока, вероятно, часть обычного советского собрания, и оказывается тем искусством, которое рассказало о таком итоге и поэтому может быть предпосылкой, образцом для рассвета быть таким, как Блок:

Седьмой в исходе час, и можно обозреть
согласье меж окном и синим томом Блока.
Извне глядит рассвет на милый образец:
не слишком ли сине? а так – не слишком блекло?

Слово «образец» сразу отсылает и к образцам моды, которым надо точно следовать, и к иконописным образцам, которые вовсе не исключают индивидуальной манеры иконописца, в том числе колористической. Как часто у Ахмадулиной, семантическое смещение происходит внутри звучащего слова, и мы переходим от моды – к иконе и от просопопеи, стремления рассвета понравиться Блоку – к феноменологии творчества, где нельзя допускать излишеств и где творческая задача требует и аскетической умеренности. Это соединение иконописного и аскетического намеков уже

невольно обращает нас, хотя мы того не сознаем, к истокам, к ранней карьере Доменикоса Теотокопулоса как иконописца.

Во второй строфе мы встречаем цветковые и оптические образы русского символизма: лиловый цвет, сирень, полумесяц, которые воспринимались современниками и позднейшими читателями как свидетельство претенциозности и сомнабуличности символистской эстетики, предпочтения достигнутых легкими усилиями гипнотических техник созданию ясных образов:

Лилового чуть-чуть добавить ли? Скорей!
Срок малый отведен для сотворенья месив.
Вот для чего со мной пришелица – сирень
персидская, и с ней помолвлен полумесяц.

Очевидные отсылки к Брюсову («Творчество»), Блоку, Бальмонту, а также к Тютчеву («Тени сизые смешались...») соединяются с важным индивидуальным мифом Ахмадулиной об устойчивых социальных практиках, таких как странствие и брак, как проявляющихся в природе. Но здесь замечательно то, что уже для этой картины нужна творческая воля: воспринять сирень на рассвете не как серую, как обычно кажется при слабом освещении, а как лиловую, равно как и месяц не как бледный на рассвете, а как золотой, подобный обручальному кольцу, можно только проявив художническую волю, и прежде всего дополнительно оттенив цвета так, чтобы они казались ярче. Сходное отношение к «декадентскому» цвету художника, но уже понятие не конструктивно, а упрощенно-алхимически мы находим в стихотворении Ю. Кублановского «Месяц бледен и Врубель ревнив...» (1978):

И сирень на ветру закипит,
как глазурь в декадентском горниле...

В третьей строфе сама природа вступает в соревнование с художником, создавая ту систему образов, в которой и простое оттенение красок кажется махрово-густым, любая насыщенность выглядит как отсрочка восхода, и поэтому творческая воля художника, создающая не репрезентации, а тени, и создаёт грозу. Природа растворяется в собственной незримости, но это и означает, что она создала грозу, в которой ничего не видно:

Махровой гушины высокородна спесь,
и солнце, припоздав, ее не одолело.
Дом с башней за окном еще не зрим, но есть:
шпиль разрывает мрак, как при грозе в Толедо.

Наконец, в последней строфе выясняется, что и природа, и искусство не разрывают мрак, но создают избыток цвета, и любой разрыв может быть понят не как провал, не как пораженность, но как положительная насыщенность. В таком только случае из тьмы и появляется настоящее имя Эль Греко, и настоящая позиция лирического повествователя, усталость от бессонницы и от перемен погоды, которая может быть превращена в задумчивость и аскетическую умеренность только при медитации над всей судьбой художника:

Луч желтый привнесен в угрюмую зарю.
В избытке цвета нет излишка и огреха.
На сбывшийся рассвет устало я смотрю –
как бы на свой шедевр задумчивый Эль Греко.

Так, начав с аскетизма Доменикоса Теотокопулоса как иконописца, Ахмадулина переходит к позднему Эль Греко, который оказывается аскетом в другом смысле: не умеренности колорита, но задумчивости опытного человека, который не может допускать уже не только «излишка», но и «огреха», тогда как в молодости можно быть сколь угодно аскетичным, но от огрехов застраховаться невозможно. Почему огрехи невозможны? Потому что цвет начинает восприниматься как цвет не живописца, следующего образцам и играющего разными возможностями палитры, но иконописца, для которого цветовые решения относятся к решению онтологической задачи, прямо связанной и с его экзистенциальным самоопределением. Вновь за мнимой эксцентрикой живописи открывается иконописец, или носитель, по Лихачеву, зовущего к действию мировоззрения.

Далее образность «Грозы в Толедо» была ещё подробнее раскрыта в ее же стихотворении «Спит дармод, спят чашка и тарелка...» из цикла «Пациент» (2002). Общая идея стихотворения, творческая активность природы и интерпретативная мощь личной памяти, выходящей за пределы субъективной интерпретации, остаётся той же, но разгрыбается иначе, в другом порядке:

Спит дармод, спят чашка и тарелка,
а в небе схватка туч и мглы со мглой
величественна, как ГРОЗА В ТОЛЕДО.
Страшись, Эль-Греко, поспешай домой.

Начинается стихотворение резким исключением наблюдателя, который спит, и самого художника из творческого процесса, который буквализуется: написанная на холсте гроза оказывается страшной, даже невыносимой. Как дальше будет вести себя «дармод» (изображаемый пациент стационара, вероятно, глазами обслуживающего персонала), лирический повествователь и воображаемый собеседник, отождествленный с Эль Греко, никак не показано, но далее о пейзаже говорится как о соединении жизни и смерти: «дома стоят, как призраки домов», мертвый остов цветов – «памятник цветов», смог обозначен также как «ультрамарин дымов». Такое превращение природы в набор разрозненных искусственных объектов отождествляется с болезнью, тогда как выздоровление отождествляется с отказом от прежней образности в пользу равновесия, умеренности, своеобразного аскетизма, который отождествляется со святостью:

Отринув образ, пациент проснётся,
уже бледнеет сумрачный восток.
Ну, что ж, посмотрим на того при солнце,
кто счёл своей добычей восход.

Да он резв! Возмыл из недр спросонья,
как будто младость – содержанье мышц.

Благодарзможно и благопристойно
он входит в душ, как в море сквозь самшит.

При чём самшит – останется загадкой,
иль просто хвоей пахнет мыльный нимб.

Правей окна явился огонь заглавный –
всеземный грех потутился пред ним.

Такое утро в больнице оказывается далее вполне сюрреалистическим: «зданий многостенность» оказывается единственным, что видно при дневном свете, тогда как прежняя вдохновенная «сокрытая необозримость звезд» сменяется рутинной больничного обслуживания. При явных отсылках к Пастернаку, к переживанию больничного покоя как места предельной открытости Богу и людям, здесь оказывается, что гроза над Толедо прошла:

В окне, быть может, всё-таки Толедо
в его погожий лучезарный час?

Многочисленные вариации стихотворения «В больнице» Пастернака, которые опознает любой читатель, складываются в общий сюжет майской грозы как майской пасхальной полноты:

Заботливых вмешательств получатель
приемлет их как ласки благодать.

В Крещение – в май он вторгнуться не чаял,
пустившись воском по воде гадать.

Иначе говоря, майская гроза оказывается новым крещением, а свеча, прежде означавшая у Пастернака духовное горение, противостоящее тьме социальности, оказывается гадательным прибором, и дальнейшая анекдотическая фабула, пациент, перепутавший кнопку лифта и спустившийся не в магазин на первом этаже, а в подвальную операционную, оказывается поводом для уже осмысления всего духа западной живописи:

Он вспомнил ирис, сохнувший в тенётах
его измыслий, свежих лилий средь.

Ошибок нет в голландских натюрмортах:
цветок увядший означает смерть.

Ирисы Ван Гога и «суета сует» голландских натюрмортотв увидены из загробья, но не из загробья свершившейся Божьей воли, как у Пастернака, а из операционной: «Была б нема загробная картина, / где прозябал заблудший пациент, / но пряткая его тахикардия / озвучивала кафель и цемент». Иначе говоря, нахождение в загробьи и является настоящим разыгрыванием живой картины, как до этого простое исчезновение прежних звезд и прежних оттенков неба и было грозой. Отсюда и мораль всего большого анекдота: «закат – отверст, а магазин – закрыт», иначе говоря, счастливым делает само состояние неба, та трагическая ответственность за небо, а не только за образующие его тени, принятая новым Эль Греко.

Евтушенко обращает рассмотренное выше стихотворение к князю Мышкину, очарованному кротостью ишаков, доказывая, что ничего артистического в этих животных самих по себе нет, необходимо не просто прикосновение художника, а реализация определенной пространственной про-

граммы. Бахыт Кенжеев в стихотворении «Засыпая в гостинице, где вечерет рано...» (2004?), отождествляя кровать в номере со смертным одром, а закат – со свернутым в трубочку днем, говорит о подземном царстве возвращения к истокам русской поэзии, к Кантемиру как создателю басенных фабул. Звезды уже бледнеют, а не просто исчезают, тогда как живопись Эль Греко отождествляется как раз с неисчезающим следом, с неизбывной чернотой отпечатка:

Льется, льется безмолвных звезд молодое млеко
а вокруг него – черный и долгий, как холст Эль Греко,
на котором сереют рубахи, доспехи, губы,
и воркует голубь, и ангелы дуют в трубы,
и надежде еще блеснуть в человеке детском
позолотой тесной на тонком клинке толедском...

Долгой оказывается живопись, потому что слишком быстрая смена впечатлений в той Одиссее, которой посвящено стихотворение, оказывается вновь возвращающей нас к приемам. Ответственность здесь образуется не созерцанием анекдотической ситуации в качестве трагической, как у Ахмадулиной, а, наоборот, принятием трагических или апокалиптических образов как единственного способа повествовать историю. Этот вопрос о повествовании позволяет обратиться к Эль Греко и с необычной стороны, что сделала С. Кекова.

В 2001 году в сборнике С. Кековой «Восточный калейдоскоп» появилось стихотворение «Чуть помедлив, вздохнешь, уходя...», не называющее Эль Греко, но явно имеющее в виду его «Поклонение волхвов» из Прадо. Начинается стихотворение почти соц-артовским изображением советского быта как пародии евангельской истории: «расколотый череп трамвая», «распятое тело дождя», как указание на Голгофу и Распятие, но в низких образах быта. Предлагается видеть «закрытый газетный киоск / и звезду над Российской державой» – единственный способ помыслить вифлеемскую звезду, когда нет никаких новостей, как бы нет еще благой вести, и только звезда указывает волхвам путь. Неоромантические образы мертвой и покинутой природы благодаря душевному перечислению («в человеке, в душе и природе») переходят в общий образ родины уже не как заброшенного места, а как отражения подлинного: подлинное даже в отражении лучше заброшенного самого по себе:

Ты покинул родные места,
но в глуши, над больницей земской,
словно призрак, блуждает звезда
отраженьем звезды Вифлеемской.

Так решается тема искусства в природе, творческого усилия природы как способности природы на то духовное созерцание, которое отличается от романтического. Но именно такое созерцание подводит к дальнейшему развитию сюжета, «несчастная», отождествляемая с русской судьбой, скоро заснет от тяжелой горечи:

и приснится тебе вся небесная рать
и какого-то грека картина:

В бывшей церкви стоят пастухи,
бродит скот в алтаре за крещальной,
среди соломенной светлой трухи
спит дитя все светлей и печальней.

Возле яслей четыре вола
наклонили могучие выи...

Да, у времени есть зеркала
и огромные рамы кривые.

Хотя Эль Греко не назван по имени, явно дана точка зрения видящей сон, членораздельность этой точки зрения, что это не просто видение, а картина, причем имеющая автора, придается тоже извне, в ходе диалогического пожелания. Мир оказывается уже и вывернут, и заброшен, как предмет сожаления и ностальгии. Канонические вол и осёл заменены четырьмя волами: как бы зеркала, так что подражание природе оказалось заменено подражанием самой искусственной репрезентации. «Кривые рамы» наследуют выработанному в художественной критике XX века пониманию новаторства Эль Греко как якобы предвестия экспрессионизма, но оказываются лишь частью большого сна с его механизмами расставания с привычным временем. Если у Ахматовой зеркало связывается с апостольством, то у Кековой – наоборот, с невозможностью проповеди, хотя понимание экспрессии Эль Греко остается тем же, как часть сверхтекста [Шурупова] Эль Греко как иконописца-живописца-драматурга, трагической личности и мифотворца одновременно.

Итак, проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. В отличие от других художников, которые были поняты как репрезентирующие те или иные сцены, в Эль Греко за “классичностью” для испанской традиции и за радикальным маньеризмом приемов – метафизическая иконописная основа. Она позволила разыграть и тему приемов как конструирования реальности, что потом, при новом взгляде на Эль Греко, привело к эмпатическому пониманию анекдотических ситуаций как конструируемых прямо на глазах и потому не оставляющих равнодушными. Иконописные истоки творчества Эль Греко оказываются ключевыми для классицизирующего его понимания, которое видит в его творчестве не эксцентрику и экспрессию, а соперничество с природой и с другими художниками, соперничающими с природой. Здесь иконопись с ее онтологизмом и ренессансная живопись с ее подражанием природе и соперничеством живописцев оказываются на одной стороне, в отличие от интеллектуальной капризности экспрессионизма и модернизма. При этом поэты находят различные образы, такие как Орфей, больной, очевидец, которые связывают эту экзистенциальную фатальность, вызванную онтологической

серьезностью творческого акта, свойственную иконописи, с попыткой обыграть природу, переиграть природу в миметическом соперничестве с ней, как в ренессансной живописи. Относительная редкость имени Эль Греко в русской поэзии только усиливает этот метафизический интерес поэтов к “теням” событий как условию событий. Раскрытие иконы, стоящей за картиной, создает ту особую перспективу, в которой след может предшествовать реальности, катаргическое может опередить трагическое, а анекдотическое окажется уже инкорпорированным в индивидуальный миф. Этот жест перехода испанского классика живописи от иконы к картине, от медитативности к эмпатии не может быть просто воспроизведен в отсылках к живописи Эль Греко, но только в тех переменах статусов мифологического, автобиографического и анекдотического, которые знаменуют, что художник не просто вдохновил поэтов, а заставил еще раз вспомнить его во время создания поэтического произведения и многое переосветить в нем, переставить жизнестроительные и мифотворческие акценты прямо в ходе его (произведения) развития.

Список литературы

- Бенуа А.Н. История живописи всех времен и народов. СПб.: Шиповник, 1912. Т. 2.
- Бычков В.В. Метафизический смысл искусства Эль Греко // Вестник славянских культур. 2014. № 2 (32). С. 158–170.
- Зайцев В.А. О художественно-стилевых течениях в русской поэзии XXI века // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2009. № 4. С. 16–38.
- Каганэ Л.Л. Автопортрет Эль Греко в картине «Апостолы Петр и Павел» из Государственного Эрмитажа // Памятники культуры. Новые открытия: ежегодник. 1975. С. 370–383.
- Лихачев Д.С. Заметки об истоках искусства // Контекст – 1985: Литературно-теоретические исследования. М.: Наука, 1986. С. 15–20.
- Мних Л. Символические пространства экфрасиса в поэзии Беллы Ахмадулиной // Теория и история экфрасиса: итоги и перспективы изучения. Седльце, 2018. С. 663–673.
- Марков А.В. Изобразимое в сновидении // Русская антропологическая школа РГГУ: сайт. (Препринт). URL: <http://kogni.narod.ru/markov1.htm> (дата обращения: 20.12.2019).
- Рубинчик О. Об испанской составляющей в «Поэме без героя» // Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество: Крымский Ахматовский научный сборник. Симферополь, 2006. Вып. 4. С. 56–85.
- Фуко М. Слова и вещи: археология гуманитарных наук: пер. с фр. М.: Прогресс, 1977. 487 с.
- Хайрулин Т.П. Литературно-критические стратегии В. Кривулина в 1970–1980-х гг. СПб., 2018. 73 с.

Шалудько И.А. Виртуозным пером о легчайшей кисти: об эпитафии Эль Греко, сочиненной Гонгорой // Новое искусствознание. 2018. № 1. С. 56–58.

Шурупова О.С. К вопросу о сверхтексте // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 7. Ч. 1. С. 225–227.

References

Benois A.N. *Istoriia zhivopisi vsekh vremen i narodov* [The history of painting of all time.]. SPb.: Shipovnik Publ., 1912. Vol. 2. (In Russ.)

Bychkov V.V. *Metafizicheskiy smysl iskusstva El' Greko* [The metaphysical meaning of El Greco art]. *Vestnik slavianskikh kul'tur* [Bulletin of Slavic cultures], 2014, № 2 (32), pp. 158–170. (In Russ.)

Zaitsev V.A. *O khudozhestvenno-stilevykh techeniyakh v russkoi poezii XXI veka* [On the style of art in Russian poetry of the XXI century]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya* [Bulletin of Moscow University. Ser. 9. Philology], 2009, № 4, pp. 16–38. (In Russ.)

Kagane L.L. *Avtoportret El' Greko v kartine «Apostoly Petr i Pavel» iz Gosudarstvennogo Ermitazha* [Self-portrait of El Greco in the painting “The Apostles Peter and Paul” from the State Hermitage Museum]. *Pamiatniki kul'tury. Novye otkrytiia. Ezhegodnik* [Monuments of culture. New Discoveries: Yearbook], 1975, pp. 370–383. (In Russ.)

Likhachev D.S. *Zametki ob istokakh iskusstva* [Notes on the origins of art] *Kontekst – 1985: Literaturno-teoreticheskie issledovaniia* [Context – 1985: Literary and Theoretical Studies]. Moscow, Nauka Publ., 1986, pp. 15–20. (In Russ.)

Mnikh L. *Simvolicheskie prostranstva ekfrasisa v poezii Belly Akhmadulinoi* [Symbolic spaces of ecfrasis in the poetry of Bella Akhmadulina]. *Teoriia i istoriia ekfrasisa: itogi i perspektivy izucheniia* [Theory and history of ecfrasis: results and prospects of study], Sedl'tse, 2018, pp. 663–673. (In Russ.)

Markov A.V. *Izobrazimoe v snovidenii. Preprint (Russkaia antropologicheskaia shkola RGGU)* [Pictured in a dream]. URL: <http://kogni.narod.ru/markov1.htm> (20.12.2019). (In Russ.)

Rubinchik O. *Ob ispanskoi sostavliushchei v «Poeme bez gerioi»* [About the Spanish component in “A Poem Without a Hero”]. *Anna Akhmatova: epokha, sud'ba, tvorchestvo: Krymskii Akhmatovskii nauchnyi sbornik* [Anna Akhmatova: era, destiny, creativity: Crimean Akhmatovsky scientific collection], Simferopol', 2006, vol. 4, pp. 56–85. (In Russ.)

Fuko M. *Slova i veshchi: arkheologiya gumanitarnykh nauk: per. s fr.* [Words and things: archeology of the humanities]. Moscow, Progress Publ., 1977, 487 p. (In Russ.)

Khairulin T.P. *Literaturno-kriticheskie strategii V. Krivulina v 1970–1980-kh g* [Literary and critical strategies of V. Krivulin in the 1970–1980s.]. SPb., 201, 73 p. (In Russ.)

Shalud'ko I.A. *Virtuoznym perom o legchaishei kisti: ob epitafii El' Greko, sochinennoi Gongoroi* [A virtuoso pen about the lightest brush: about the epitaph of El Greco composed by Gongora]. *Novoe iskusstvoznanie* [New Art Studies], 2018, № 1, pp. 56–58. (In Russ.)

Shurupova O.S. *K voprosu o sverhtekste* [To the question of supertext]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of theory and practice], 2012, № 7, part 1, pp. 225–227. (In Russ.)

ПОДМЕТНОЕ ПИСЬМО XVIII В. КАК ФАКТ ЛИТЕРАТУРЫ

Статья посвящена анализу особого жанра «народной публицистики» XVIII в. – жанра так называемых подметных писем, получивших широкое распространение в России в первой половине XVIII в. и никогда ранее не становившихся предметом особого исследования. Эти редкие, анонимные, сохранившиеся преимущественно в рукописном виде памятники словесности, по мнению автора, с полным правом могут быть отнесены к жанру художественной литературы. В статье выделяются характерные жанровые признаки подметного письма, перечисляются различные тематические группы подобных писем. В качестве наиболее яркого примера сочинений этого жанра анализируется содержание выдающегося памятника публицистики эпохи Анны Иоанновны, известного подметного письма 1732 г., посвященного критике церковных еретиков и бироновицины, следствие по которому велось в Тайной канцелярии на протяжении лет и закончилось ничем. В тексте письма, неоднородного по своему содержанию, прослеживаются черты различных литературных традиций: высокой книжно-библейской лексики и мотивы, идущие от традиций старообрядческой обличительно-агитационной литературы. Наиболее вероятной кандидатурой на авторство письма является, по нашей гипотезе, бывший директор первой Санкт-Петербургской типографии Михаил Аврамов (1681–1752), одаренный писатель и публицист, соратник и единомышленник лидера консервативно-церковной оппозиции первой трети XVIII в. архимандрита Маркелла Радышевского (ум. 1742).

Ключевые слова: подметное письмо, публицистика XVIII в., политический донос, письма корпоративные, разоблачительные, агитационные, Маркелл Радышевский, Михаил Аврамов.

Информация об авторе: Крашенинникова Ольга Александровна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник ФГБУН Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, г. Москва, Россия. E-mail: info@imli.

Дата поступления статьи: 16.01.20.

Для цитирования: Крашенинникова О.А. Подметное письмо XVIII в. как факт литературы // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 1. С. 102-108. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-1-102-108.

Ol'ga A. Krasheninnikova
A.M. Gorky Institute of World Literature

ANONYMOUS LETTERS OF THE 18TH CENTURY AS A FACT OF LITERATURE

The article is devoted to the analysis of a special genre of «people's journalism» of the 18th century – a genre of so-called letters placed stealthily that were widely spread in Russia in the first half of the 18th century and have never become the subject of special research. These rare, anonymous, preserved mainly in manuscript form monuments of literature, according to the author, can be rightfully attributed to the genre of fiction. The article highlights the characteristic genre features of the swept letter, lists various thematic groups of such letters. As the most striking example of works in this genre the author analyses the content of the famous anonymous letter as of 1732, an outstanding work of journalism of the era of Anna Ioannovna, devoted to criticism of the Church heretics and Ernst Johann von Biron. Investigation of the 1732 letter had been conducted in the Secret Chancellery for years and came to nothing. In the text of the letter, heterogeneous in its content, the features of various literary traditions are traced – high book-biblical vocabulary and motifs coming from the traditions of the old believers accusatory and agitation literature. The most likely candidate for authorship of the letter is, according to our hypothesis, the former Director of the first St. Petersburg printing house Mikhail Avramov (1681-1752), a gifted writer and publicist, associate and adherent of Archimandrite Markell Radyshevskiy (†1742), the leader of the conservative Church opposition of the first third of the 18th century.

Keywords: anonymous letter, 18th century journalism, political denunciation, corporate letters, accusatory, agitation letters, Markell Radyshevskiy, Mikhail Avramov.

Information about the author: Ol'ga A. Krasheninnikova, Candidate of Philological Sciences, senior staff scientist of A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

E-mail: info@imli.

Article received: January 16, 2020.

For citation: Krasheninnikova O.A. Anonymous letters of the 18th century as a fact of literature. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 1, pp. 102-108 (in Russ.). DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-1-102-108.

Первая треть XVIII в. – эпоха правления Петра I и Екатерины, а затем и Анны Иоанновны – была ознаменована широким распространением анонимных подметных писем¹. Подметные письма подкидывались всюду: в дворцовых покоях и вестибюлях, в храмах, на улицах, во дворах домов, прибывались на заборах... Раскольник и книгописец Григорий Талицкий около 1700 г. резал особые деревянные доски, с которых собирался печатать «воровские»

письма о последних временах, о пришествии царя-антихриста (Петра I), чтобы раздавать эти письма в народ [Есипов: 59–61]. В наиболее острых по содержанию листовках народ извещался об опасности, грозившей российскому государству вследствие воцарения антихриста (в старообрядческих документах), или готовящегося политического заговора, или измены. Так, около 1725 г. получило хождение письмо, в котором князь А.Д. Меншиков сравнивался с царем Борисом Годуновым и обви-

нялся в замысле погубить «истинного наследника, внука Петра Великого» (Петра II, сына царевича Алексея): «Известие детям российским о приближающейся гибели росийскому государству, как при Годунове над царевичем учинено: понеже кнѣзь Меншиков истиннаго наследника, внука Петра Великаго, престола уже лишил, а восставляют на царство росийское кнѣзь голштинскаго²: о горе, Росия, смотри на поступки их, что мы давно проданы»³.

В июле 1732 г. в вестибюле царского дворца в Петербурге было подброшено письмо, обличавшее императрицу Анну Иоанновну и ее правительство в национальной измене, передаче страны на разграбление немцам-еретикам [Известное подметное письмо: 448–460]. Беспрецедентный размах следствия по поискам сочинителя этого последнего подметного письма свидетельствовал о том, что его автор затронул наиболее острые проблемы русского общества начала 30-х годов XVIII в., самые болевые его точки.

Правительство всеми силами боролось с подметными письмами. Так, в петровском указе 1715 г. «О нечинении доносов, о подметных письмах и о сожигании оных при свидетелях на месте» говорилось, что «понеже многия являются подметные письма, в которых большая часть воровских и раскольничьих вымышлений, которыми под видом добродетели яд свой изливают; того ради повелевается всем: кто какое письмо поднимет, тот бы отнюдь не доносил об нем, ниже чел, ни распечатывал, но, объявляя посторонним свидетелям, жгли на том месте, где подымет»⁴. Публичное сожжение на площади одного из подобных анонимных писем, в котором разоблачались члены Высшего суда, было совершено самим Петром I в 1724 г. [Курукин, Никулина: 242–243].

Позднее, после смерти Петра I, в 1726 г., указом Верховного тайного совета человеку, нашедшему письмо, предписывалось немедленно сообщить о нем властям, за что ему полагалась награда до 1000 рублей, повышение чина, а крестьянам и слугам за это была обещана воля [Курукин, Никулина: 245]. Борьба с подметными письмами продолжалась и в правление императрицы Анны Иоанновны. Напуганная появлением летом 1732 г. подметного письма, угрожавшего ей бедствиями и карой Божией, императрица 11 августа 1732 г. подписала указ «О сожигании подметных писем, не распечатывая и не прочтя, на том же месте, где оныя подняты, при свидетелях»⁵.

В то же время, начиная уже с петровской эпохи, борьба с подметными письмами сочеталась с активным поощрением доносов, причем правительством всячески приветствовались не анонимные, а явные доносы. Петр I неоднократно призывал своих подданных доносить «явно» обо всех непорядках и преступлениях, обещая доносчикам богатое вознаграждение, повышение в чинах и различные

льготы. В 1714 г. им был учрежден специальный институт фискалов, чьей прямой служебной обязанностью было доносить о всех злоупотреблениях на местах, мятежах, бунтах, не говоря уже о злоупотреблениях против жизни и здоровья царствующих особ. Так, в том же петровском указе 1715 г. разъяснялась необходимость и большое значение доносов: «Нет в доношениях никакой опасности <...>. Кто истинный Христианин и верный слуга своему Государю и отечеству, то без всякаго сумнения может явно доносить словесно и письменно о нужных и важных делах Самому Государю»⁶.

Несмотря на принимавшиеся правительством меры, подметные письма продолжали появляться. Широкое распространение подметных писем в начале XVIII в. объяснялось тем, что журналистика в России в то время только еще зарождалась и подметные письма как форма прямого выражения народного мнения выполняли функцию, аналогичную функции публицистики в более позднюю эпоху.

Попытаемся определить те признаки, которые сближают жанр подметного письма с публицистикой, и те черты, которые отличают подметное письмо от явлений документальных жанров (например, от доносов). К постоянным жанровым признакам подметных писем следует отнести:

1. Анонимность. Подметные письма никогда не подписывались, и их авторы чаще всего оставались неизвестными.

2. Опора на факты и установка на их достоверность. Функцией подметного письма было обнаружение ранее неизвестных фактов и событий с уверением читательской аудитории в их достоверности.

3. Выражение не личного, а коллективного народного мнения. Автор письма выступал от лица некоей социальной или конфессиональной группы.

4. Адресатом подметного письма являлось не конкретное должностное лицо, а широкая народная аудитория: письма могли быть обращены к «православным читателям», «святым отцам и братьям», «правоверным христианским родам», «рачителям благочестия», «христоролюбцам» и т. д. Если адресатом письма выступал царь или царица, эти последние рассматривались в подметных письмах как символы государственной власти и им задавались общезначимые для всего народа и нации вопросы. Характерно, что подметные письма не посылались конкретному адресату, а разбрасывались в публичных местах, чтобы вызвать общественный резонанс, привлечь к себе внимание как можно большего числа людей.

5. В подметных письмах часто поднимались значимые проблемы российской жизни. Подметное письмо являлось барометром общественного мнения, указывало на социальные пороки и злоупотребления власти и в этом плане представляло собой уникальный исторический источник.

6. Авторы подметного письма пользовались широкой палитрой эмоционально-выразительных средств литературного языка, нередко прибегали к высокому стилю, употребляя церковнославянскую лексику и цитаты из Священного Писания, – в отличие от деловых документов, в которых использовались обороты и клише делового стиля, характерные для официальных прошений и челобитных.

Четыре последних из перечисленных жанровых признаков подметного письма позволяют с большой долей уверенности отнести его к художественной словесности, близкой к публицистике, а не к явлениям документально-деловой письменности.

По содержанию подметные письма можно разделить на несколько тематических категорий: корпоративные, разоблачительные, агитационные.

Корпоративные – письма, написанные от лица какой-то социальной или профессиональной группы и выражавшие интересы этой группы лиц. Так, например, известно анонимное подметное письмо Петру I, написанное кем-то из солдат петровской армии, в котором он жаловался царю на тяготы Северной войны: «Уже де тому 15 лет, как началась война с Шведом, нигде мы худо не зделали, и кровь свою не жалеючи проливали, а и поныне себе не видим покою, чтоб отдохнуть год или другой, жон и детей не видим, нас де как нарочно мучат...» [Подметное письмо государю императору: 27].

Разоблачительные письма могли быть близки к доносам – в этих письмах обличались обычно злоупотребления каких-то конкретных лиц. Например, в 1725 г. было много подметных писем против Меншикова, который сравнивался с Борисом Годуновым, а внук Петра Петр Алексеевич – с царевичем Димитрием. Известно также письмо, адресованное Анне Иоанновне и разоблачавшее откупщиков, расхищавших казну и спаивающих народ [Донос на откупщиков и компанейщиков: 8–13]. В наиболее значительных по содержанию письмах подвергались критике серьезные явления общественной жизни. К разоблачительным письмам можно отнести и старообрядческие писания, направленные против церковной реформы и царя Петра-антихриста. Старообрядец Ларион Докукин⁷ около 1715 г. распространял «возмутительные» письма, обличавшие Петра I и вводимые им новые порядки. В одном из писем Докукин признавался, что «велми сердце ми болит, видя опустошения Новаго Иеросалима»: «Слова и звании нашего слованскаго языка и платья переменили, главы и брады обрили и персоны свои ругательски обезчестили; несть в нас вида и доброты и разнствия с иноверными языки, купно с ними пиришествуем, ядим, пием, веселимся, живем <...> и с ними иноверными языки и с иными бесурманы последствуем их нравом и законом, забыв страх Божий и христианския законы уничтожили...» [Есипов: 183–184]. Сходной тематики

было и более позднее по происхождению подметное письмо 1732 г., написанное не старообрядцем, но также посвященное межконфессиональной полемике: в нем разоблачались церковные еретики во главе с Феофаном Прокоповичем, готовившие, по мнению автора, унию с лютеранами, а также обличалась верховная власть, отдавшая страну на разграбление немцам.

Отдельные письма обличительного характера можно отнести еще и к разряду **агитационных** – это те документы, которые не просто разоблачали недопустимые явления общественной жизни, но содержали призыв к народу не повиноваться неправедной власти, пострадать за веру и чистоту православия. Так, старообрядец Ларион Докукин в одном из своих писем писал: «Молю вас, христороубцы, не убойтеся сего, станем, бодрствуим, изтрезвимся и на супостатов своих врагов крестом Христовым вооружимся сим, победим немощную их злокозненную силу» [Есипов: 181]. Анонимный автор подметного письма 1732 г. также призывал своих читателей: «О возлюбленнии, потщимся за веру святую и за отеческия законы пострадати мужески и внити в славу вечную!» [Известное подметное письмо: 456].

Рассмотрим подробнее некоторые отличительные особенности подметного письма 1732 г. – выдающегося памятника русской публицистики эпохи Анны Иоанновны, посвященного критике церковных еретиков и бироновщины. Появление этого письма дало толчок длительному судебному расследованию по поискам его автора, получившему в истории название «Решиловского дела» [Чистович]. Анонимный автор письма принадлежал к наиболее образованной части русского общества, был близок к церковным кругам и глубоко переживал наиболее болезненные проблемы современного ему общества. Подметное письмо 1732 г. состоит из двух больших частей (фактически это два разных письма близкой тематики), первая из которых неоднородна по своему составу и включает многочисленные вставные элементы, усиливающие основной разоблачительный эффект сочинения. К этим элементам относятся: силлабические вирши, служащие эпиграфом к письму:

О, мно(го)бедная Росия, плачися, рыдай горко,

Царя и патриарха не имеешь времени колко,

Церковь твоя матка обладаема еретиками,

Велящих входить в ню с табаком, покрывся паруками

[Известное подметное письмо: 448],

тексты 10 пародийных анти-заповедей Священного синода, вымышленное письмо папы Бенедикта XIII к своему «наимилшему сыну» – архиепископу Феофану Прокоповичу, а также эпизоды из житийной литературы. 10 пародийных заповедей еретиков составлены, как и вирши, по модели народного рифмованного рашного стиха:

...С еретики в брак по всему вступить допустили,

И входом оных святилище Божие осквернили,

Самоизвольно ся обнажили, мантии сложили,
Посты разрешили, на иконы книги положили...

[Известное подметное письмо: 452].

Помимо этих десяти лжезаповедей, утвержденных Святейшим синодом, упоминаются и другие: «Кто табаку не пьет, расколщик, кто посты, хранимые церкви, держит, и то расколщик, церковники, которые ходят з бородами и не в немецком платье, не достойны быть в церковном служении. Таковы синодалные уставы...» [Известное подметное письмо: 453].

В процитированном нами отрывке прослеживается явное влияние подметных писем начала 1700-х гг., фигурировавших в следственном деле раскольника Григория Талицкого. В его листках также звучала тема десяти антизаповедей. Согласно материалам следствия, книгописец Талицкий резал доски, с которых печатал листы с изображениями этих 10 заповедей, которые затем разбрасывались в народе. Заглавие их было: «Десять заповедей, противных Богу: 1) должно стричь бороды; 2) должно носить немецкую одежду; 3) носить на голове паруки; 4) безнаказанно даже нюхать табак» [Письма и донесения иезуитов: 89]. Подчеркнем: следствие над Талицким имело место на заре правления Петра, в 1701 г. Автор же письма 1732 г. художественно обыграл старообрядческий мотив 10 антизаповедей и использовал его уже не для обличения царя-антихриста, а для критики политики Священного синода в эпоху аннинского правления. Так, в числе еретических нововведений Синода последних лет (1720-х гг.) в письме упоминались недавние указы, касавшиеся непоминовения восточных патриархов, крещения через римское обливание, разрешения вступать в браки с иноверными, запрета на монашеские постриги, разрешения постов, борьбы с иконопочитанием, строительства церквей со шпильями и др.

Еще один вставной эпизод в подметном письме 1732 г. – это разоблачительное письмо папы римского Бенедикта III к Феофану Прокоповичу. Феофан действительно учился в молодости в коллегии иезуитов св. Афанасия в Риме и был настолько успешен в учебе, что, согласно легенде, получил от папы Климента XI приглашение остаться в Риме. Из подложного письма папы Бенедикта III (1724–1730) следует, что Феофан был якобы «наимилшим сыном» папы – тайным агентом папского престола. Феофан, войдя в доверие к Петру I, который «отеческие законы поломал» и «кулюбил лютерскую веру», якобы много лет работал над подготовкой церковной унии, чему способствовали развод Петра с царицей Евдокией и его брак с лютеранкой, казнь царевича Алексея и отмена патриаршества на Руси. Подложное письмо папы Бенедикта к Феофану в архиве Тайной канцелярии сохранилось еще в одном списке – в виде отдельного самостоятельного документа. Не исключено, что оно являлось более ранним по происхождению

текстом: речь в нем шла о событиях 1718–1721 гг. и о Петре I в нем говорилось как о еще здравствующем царе. Если это так, то автор подметного письма и в этом случае включил в состав своего сочинения написанные ранее «заготовки». Художественный прием «письма в письме» позволил автору избежать прямого монологизма и создать иллюзию объективного свидетельства-разоблачения главного героя (Феофана).

Римско-латинская тема широко освещалась в XVIII–XIX вв. и в анонимных сочинениях старообрядцев – но не в связи с Феофаном Прокоповичем, а в связи с фигурой Петра I-антихриста. Согласно старообрядческой версии, Петр «помазася на престол Всероссийский от Рима, Жидовски, по закону Римскому» и, подобно римскому папе, «восхити на ся не тоию Царскую власть, но и Святительскую и Божию, якоже и Папа в Риме». По мнению раскольников, еще во времена правления царя Алексея Михайловича и патриарха Никона вера святая в России была истреблена, а «Римская и Латынская возобновлена», а Петр, который объявил себя по-римски «императором», был настоящим еретиком и раскольником, «приемником и узаконителем ересей Римских, Латинских, и Жидовских» [История печатная о Петре Великом: 58, 61, 68–69]. В подметном письме 1732 г. обвинения в связях с Римским папой были направлены уже против Феофана Прокоповича, а Петр обвинялся в симпатиях к «лютерской» вере. Однако общий обличительный пафос, характерный для старообрядческих писаний об «истреблении истинной веры» на Руси, в письме был сохранен.

Таким образом, текст первой части подметного письма 1732 г. представляет собой не однородное повествование, а сложный комплекс идей и мотивов, ведущих свое происхождение из старообрядческих «антизаповедей» начала 1700-х гг., с характерным апокалиптическим представлением об эпохе Петра I, царя-антихриста, как эпохе истребления православной веры, дополненных «антилатинским» разоблачительным письмом против Феофана, датируемым приблизительно 1718–1721 гг., и «еретическими» указами Священного синода 1721–1724 гг. Основной повествовательный слой второй части подметного письма 1732 г., относящегося к началу правления Анны Иоанновны, отмечен характерным представлением о социальном упадке общества, вызванном также апокалиптическим предчувствием близкой унии с «немцами»-лютеранами («напоследок со всеми немцами на унею соединитися вразумили, нарицая все их ереси от нашей веры яко не в далном разнствии...» [Известное подметное письмо: 452]).

Вторая часть письма⁸, описывающая реалии начала 1730-х гг., была адресована непосредственно императрице и была написана в форме прямого диалога с Анной Иоанновной. «Вам же, госуда-

рыня, откуда привиде Богом данные в России отеческие уставы разоряти, а немецкая предания утверждати?» – вопрошал императрицу автор письма [Известное подметное письмо: 457]. Помимо проблем конфессионального характера, характерных для первой части, в послании к императрице автор поднимал вопрос о бедственном состоянии наиболее обездоленных слоев населения, доведенных до нищеты в эпоху бироновщины: «Кресьянство бедное не знают праздника, ни дня воскресного, ниже прибегают к церкви Божией (выделено нами. – О. К.), всегда в работах, в наймах, в казаках, на правеже бесконечных фараонических тягостей <...>. Все питаемся травой и соль купим ис казны государевой. Не знаем, когда будет конец правежам нашим, з голоду и с холоду з женами и з детьми помираем» [Известное подметное письмо: 458].

Письмо наполнено поучительными примерами из церковной истории, из житий святых, целью которых было преподать своей собеседнице нравственный урок, обратиться к императрице к благочестивому образу жизни. В конце письма автор обращается к ней с прямым призывом утвердить на Руси святую веру, вернуть патриаршество, «еретиков же немец, разоряющих не токмо государство, но и веру православную гонящих, из державы вашей изгнати...» [Известное подметное письмо: 460]. В противном случае автор предрекает скорый гнев Божий, междоусобные брани, глады и пагубы. На этой ноте грядущего возмездия и заканчивается послание к императрице.

Отметим, что автор мастерски владеет богатыми выразительными возможностями церковнославянского языка, придающего его речи местами характер грозной, обличительной проповеди, а местами – патетического агитационного призыва. Множество скрытых и явных цитат из Священного Писания, примеры из церковной истории выдают в авторе письма богословски образованного писателя, а высказанные в нем оппозиционные взгляды характеризуют его как человека, близкого к церковно-консервативному кружку, сложившемуся в конце 1720-х – начале 1730-х гг. вокруг узника московского Симонова монастыря архимандрита Маркелла Радышевского (подробнее о нем см.: [Крашенинникова 2019]). Если Маркелл на следствии категорически отрицал обвинение в составлении каких бы то ни было подметных писем (хотя не скрывал своего авторства в отношении других полемических трудов), то его единомышленник и соратник Михаил Аврамов (1681–1752), бывший директор первой Санкт-Петербургской типографии, был человеком, который в разные периоды своей жизни множество раз прибегал к прямым обращениям к властям с изложением своих проектов, мнений, предложений и т. д. Аврамов был одним из наиболее образованных людей своего времени и находился в начале 1730-х гг. в оппозиции к вла-

стям и Священному синоду. По нашему мнению, именно он и мог являться настоящим автором письма 1732 г. (подробнее о нем см.: [Крашенинникова 2017]).

По своему яркому социальному пафосу, стремлению возвысить голос в защиту наиболее обездоленных слоев населения подметное письмо 1732 г. перекликается с другим похожим документом аннинского времени – так называемым «Доносом на откупщиков и компанейщиков, расхищающих казну и спаивающих народ, императрице Анне Ивановне» [Донос на откупщиков и компанейщиков]. В этом послании к императрице Анне Иоанновне автор, также неравнодушный к общественным бедам и горячо переживающий за гибнущий от пьянства народ, указывает еще на одну социальную язву своего времени: повсеместное спаивание народа откупщиками, получившими полную свободу в петровское время: «И оные откупщики и компанейщики <...> вникнули в народ, яко ядовитые змеи, пресыщающе лесть, гоняще народ к великой нищете и вечной погибели такими видами: как в Москве, так и во многих городех, расширяют и умножают множество кабаков, так и в селех и в деревнях для своих плутовских и великих прибытков. Первая язва от того пьянства: обленились множество народу, вступили в блуд, во всякую нечистоту, в тадбы, в убивство, в великие разбои <...> не знающе ни воскресного дня, ни Господских праздников (выделено нами. – О. К.) <...>. От того многия тысячи дельных и годных людей во всякой службе смертию казнены, а других множество народа бьют кнутом и посылают на вечную работу, иных множество народу по важностям ошельмовано, а других множество во пьянстве простаго народа умирает безвременно и предают души своя дияволу, другие впадают в напрасныя беды...» [Донос на откупщиков и компанейщиков: 11]. Этот документ – так же, как и подметное письмо 1732 г., – изобилует высокой библейской лексикой, церковнославянизмами, в нем встречаются ссылки на Священное Писание. Близость этих двух документов эпохи по содержанию и стилю, некоторые дословные текстовые совпадения между ними позволяют предположить, что они могли быть написаны одним и тем же автором...

Данный обзор наиболее известных к настоящему времени текстов первой трети XVIII в., которые могут быть отнесены к жанру «подметных писем», не претендует на полноту. Дальнейшие архивные разыскания, возможно, подарят нам еще некоторое количество этих уникальных документов эпохи, которые в свое время, едва появившись, подвергались немедленному уничтожению. Тем ценнее для нас те немногие памятники «народной публицистики», которые чудом сохранились и донесли до нас подлинную сердечную «скорбь и тугу» человека петровской и аннинской эпохи.

Примечания

¹ Подметное письмо (устар.) – письмо, подкинутое, подброшенное тайно (ср. «подмет» – ложный донос).

² Речь идет о герцоге Карле Фридрихе Гольштейн-Готторпском (1700–1739), племяннике шведского короля Карла XII и отце будущего российского императора Петра III, который в 1721 г. женился на дочери Петра I Анне Петровне и остался жить в России в надежде наследовать российский престол. В первые годы после смерти Петра состоял членом Верховного тайного совета.

³ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. VII. Оп. I. № 199. Л. 8.

⁴ Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. СПб., [1830]. Т. 5 (1713–1719). № 2877. С. 137–138.

⁵ Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. СПб., [1830]. Т. 8. № 6159. С. 900.

⁶ Полное собрание законов Российской империи. Т. 5. С. 138.

⁷ Это был один из немногих случаев, когда автор подметного письма сам впоследствии признался в составлении текста письма.

⁸ Вернее было бы назвать эту часть отдельным, самостоятельным посланием более позднего происхождения, чем предыдущий текст.

Список литературы

Донос на откупщиков и компанейщиков, расхищающих казну и спаивающих народ, императрице Анне Ивановне // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М.: В Университет. тип., 1866. Кн. 1. Смес. С. 8–13.

Есипов Г. Раскольничьи дела XVIII столетия, извлеченные из дел Преображенского приказа и Тайной розыскных дел канцелярии. СПб.: Тип. тов-ва «Общественная польза», 1861. Т. 1. 654 с.

Известное подметное письмо 1732 года // Очерки истории русской публицистики XVIII века. М.: ИМЛИ РАН, 2017. С. 448–470.

История печатная о Петре Великом. Собрание от Святаго Писания о Антихристе // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М.: В Университет. тип., 1863. Кн. 1 (январь – март). Смес. С. 52–71.

Крашенинникова О.А. Подметное письмо 1732 года и его предполагаемый автор // Очерки истории русской публицистики XVIII века. М.: ИМЛИ РАН, 2017. С. 409–447.

Крашенинникова О.А. «Индекс отреченных книг» архимандрита Маркелла Радышевского // Два века русской классики. 2019. Т. 1. № 1–2. С. 8–33.

Курукин И.В., Никулина Е.А. Повседневная жизнь тайной канцелярии. М.: Молодая гвардия, 2008. 638 с.

Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII вв. // Иржи Давид. Современное состояние Великой России, или Московии / подгот. А.И. Цепков. Рязань: Александрия, 2010. 333 с.

Подметное письмо государю императору Петру Первому // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М.: В Университет. тип., 1860. Кн. 2. Смес. С. 27–30.

Чистович И.А. Решиловское дело: Феофан Прокопович и Феофилакт Лопатинский: материалы для истории первой половины XVIII столетия. СПб.: Тип. духов. журн. «Странник», 1861. 64, 31 с.

References

Donos na otкупshchikov i kompaneyshchikov, raskhishchayushich khkaznu i spaivaiushichkh narod, imperatritse Anne Ivanovne [A denunciation of tax-farmers and company managers, plundering the Treasury and soldering the people, addressed to the Empress Anna Ivanovna]. *Chteniia v imperatorskom obshchestve istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom Universitete* [Readings at the Imperial society of Russian history and antiquities at Moscow University]. Moscow, V Universitet. Tipografii Publ., 1866, vol. 1, Smes', pp. 8–13. (In Russ.)

Esipov G. *Raskol'nich'i dela XVIII stoletia, izvlechennye iz del Preobrazhenskogo prikaza i Tainoi rozysknykh del kantseliarii* [Schismatic cases of the XVIII century, extracted from the cases of the Preobrazhensky order and Secret search cases of the office]. Saint-Petersburg, Tip. Tov-va «Obshchestvennaia pol'za» Publ., 1861, vol. 1, 654 p. (In Russ.)

Izvestnoe podmetnoe pis'mo 1732 goda [Famous anonymous letter of 1732]. *Ocherki istorii russkoi publitsistiki XVIII veka* [Essays on the history of Russian journalism of the XVIII century]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2017, pp. 448–470. (In Russ.)

Istoriia pechatnaia o Petre Velikom. Sbranie ot Sviatogo Pisanii o Antikhriste [Printed history of Peter the Great. Collection from the Holy Scripture about the Antichrist]. *Chteniia v Imperatorskom obshchestve istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom Universitete* [Readings at the Imperial society of Russian history and antiquities at Moscow University]. Moscow, V Universitet. Tipografii Publ., 1863, vol. 1, Smes', pp. 52–71. (In Russ.)

Krasheninnikova O.A. *Podmetnoe pis'mo 1732 goda i ego predpolagaemyi avtor* [An anonymous letter from 1732 and its intended author]. *Ocherki istorii russkoi publitsistiki XVIII veka* [Essays on the history of Russian journalism of the XVIII century]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2017, pp. 409–447. (In Russ.)

Krasheninnikova O.A. «*Indeks otrечennykh knig*» *arkhimandrita Markella Radyshevskogo* [«Index of renounced books» of Archimandrite

MarcellRadyshevskii]. *Dva veka russkoi klassiki* [Two Centuries of the Russian Classics], 2019, vol. 1, № 1–2, pp. 8–33. (In Russ.)

Kuruikin I.V., Nikulina E.A. *Povsednevnaia zhizn' tainoi kantseliarii* [Daily life of the secret office]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2008, 638 p. (In Russ.).

Pis'ma i doneseniiia iezuitov o Rossii kontsa XVII i nachala XVIII vv. [Letters and reports of the Jesuits about Russia of the late XVII and early XVIII centuries]. *Irzhi David. Sovremennoe sostoianie Velikoi Rossii, ili Moskovii*, podgot. A.I. Tsepkov [Irzhi David. The current state of great Russia, or Muscovy, ed. by A.I. Tsepkov]. Riazan', Aleksandriia Publ., 2010, 333 p. (In Russ.)

Podmetnoe pis'mo gosudariu imperatoru Petru Pervomu [Anonymous letters to the Emperor Peter the Great]. *Chteniia v imperatorskom obshchestve istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom Universitete* [Readings at the Imperial society of Russian history and antiquities at Moscow University]. Moscow, V Universitet. Tipografii Publ., 1860, vol. 2, Smes', pp. 27–30. (In Russ.)

Chistovich I.A. *Reshilovskoe delo: Feofan Prokopovich i Feofilakt Lopatinskii: Materialy dlia istorii pervoi poloviny XVIII stoletiiia* [Reshilov case: Feofan Prokopovich and Feofilakt Lopatinsky: Materials for the history of the first half of the XVIII century]. Saint-Petersburg, Tip. dukhov. zhurn. «Strannik» Publ., 1861, 64, 31 p. (In Russ.).

DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-1-109-117
УДК 821.161.1.09"19"

Осипова Елена Аркадьевна
Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН

«МЫСЛИ ПО ВОПРОСАМ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ» А.С. ХОМЯКОВА В ДУХОВНО-КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ СЕРБСКОЙ ТРАДИЦИИ

В статье рассматривается труд отечественного мыслителя-славянофила А.С. Хомякова (1804–1860) «Семирамида, или “Мысли по вопросам всеобщей истории”». Несмотря на то, что в последние годы появилось немало работ в области литературоведения, посвященных этому сочинению философа, оно по-прежнему остается не разгаданным в полной мере. Однако многое в миропонимании и творчестве А.С. Хомякова и философов-славянофилов открывается в новом свете в результате идейно-тематической соотношенности «Семирамиды» с широким историческим и духовно-культурным контекстом сербской национальной традиции (на примере философских трудов епископа Николая (Велимировича), архимандрита Иустина (Поповича), поэта Йована Дучича и других авторов).

Основным предметом исследования Хомякова в «Семирамиде» является история и пути развития всего человеческого рода. На этом фоне прослеживается вектор основных размышлений философа, сосредоточившего свое внимание на судьбе Европы и славянства как ее неотъемлемой и важнейшей составляющей. Созвучность и «пересечение» рассуждений мыслителя с сербской культурной и литературной традицией позволяет сделать вывод о единстве православного славянского самосознания русских и сербов – при всех неповторимых культурных и исторических особенностях наших народов. Осознание этого факта становится возможным благодаря масштабности тем, затрагиваемых Хомяковым в произведении, а также вследствие органичного соединения глубокого исторического знания и художественного видения автора.

Ключевые слова: славянофилы, историософия, А.С. Хомяков, «Семирамида», сербская национальная традиция, соборность, славянство.

Информация об авторе: Осипова Елена Аркадьевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, ФГБУН Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, г. Москва, Россия.

E-mail: osipovv@rambler.ru.

Дата поступления статьи в редакцию: 14.01.2020.

Для цитирования: Осипова Е.А. «Мысли по вопросам всеобщей истории» А.С. Хомякова в духовно-культурном контексте сербской традиции // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 1. С. 109–117. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-1-109-117.

Yelena A. Osipova

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences

«THOUGHTS ON UNIVERSAL HISTORY» BY ALEKSEY KHOMYAKOV IN THE SPIRITUAL AND CULTURAL CONTEXT OF THE SERBIAN TRADITION

The article considers the work of the Russian Slavophil thinker Aleksey Khomyakov (1804–1860) «Semiramis, or Thoughts on Universal History». Despite the fact that in recent years there have been many works in the field of literary criticism devoted to this work of the philosopher, it still remains unraveled in full. However, much in the worldview and creative work of Aleksey Khomyakov and Slavophil philosophers are revealed in a new light as a result of the ideological and thematic correlation of «Semiramis» with the broad historical and spiritual and cultural context of the Serbian national tradition (on the example of the philosophical works of Bishop Nikolaj Velimirović, Archimandrite Justin (Popović), poet Jovan Dučić and other authors).

What is the main subject of Aleksey Khomyakov's study in «Semiramis», is history and ways of development of the whole human race. The vector of basic reflections of the philosopher, who focused his attention on the fate of Europe and Slavics as its integral and essential constituent, can be seen against this background. The consonance and «intersection» of the thinker's reasoning with the Serbian cultural and literary tradition makes it possible to draw a conclusion about the unity of the Orthodox Slavic identity of Russians and Serbs - despite all the unique cultural and historical features of the nations. Realisation of this fact becomes possible due to the scale of themes stated by Aleksey Khomyakov in his work, as well as due to the organic connection of the author's deep historical knowledge and artistic vision.

Keywords: Slavophiles, historiosophy, Aleksey Khomyakov, «Semiramis», Serbian national tradition, collegiality, Slavic world.

Information about the author: Yelena A. Osipova, Candidate of Philological Sciences, Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

E-mail: osipovv@rambler.ru.

Article received: January 14, 2020.

For citation: Osipova Ye.A. «Thoughts on Universal History» by Aleksey Khomyakov in the spiritual and cultural context of the Serbian tradition. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 1, pp. 109–117 (In Russ.). DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-1-109-117.

Фундаментальный труд выдающегося русского мыслителя Алексея Степановича Хомякова (1804–1860) «Семирамида, или “Мысли по вопросам всеобщей истории”» остался незавершенным при его жизни и вышел в свет уже после смерти автора¹. Данное

сочинение справедливо называют одним из главных творений знаменитого философа-славянофила. А.С. Хомяков работал над ним на протяжении нескольких десятилетий. В «Семирамиде» отобразились основные положения его идейной программы, а также глубокие историософские обобщения.

Источником их стало, прежде всего, всестороннее, энциклопедическое образование Хомякова, органично сочетавшееся с глубокой религиозностью, верностью старине и прекрасным знанием современной ему русской жизни. Одновременно данный труд воплотил в себе многие мысли и наблюдения других видных представителей славянофильского направления (И.В. Киреевского, И.С. Аксакова, Ю.Ф. Самарина), а также ярких культурных и литературных деятелей эпохи, близких им по духу и образу мыслей (Н.В. Гоголя, М.П. Погодина, Ф.М. Достоевского, К.Н. Леонтьева и др.).

В научно-исследовательской литературе, посвященной этой работе мыслителя, распространено справедливое мнение о том, что она является «одной из самых непростых для осмысления произведений А.С. Хомякова» [Непоклонова: 215] и по-прежнему остается неразгаданной в полной мере. Несмотря на известную «публицистичность» сочинения [Серебренников], значимость его несомненна, поскольку выявляет не только широту интересов автора, но и ценностные установки философов-славянофилов вообще. Учитывая масштабность произведения и самого авторского замысла, можно вполне определенно утверждать, что оно и по сей день не изучено в полной мере. Различные идейно-тематические особенности «Семирамиды» ранее рассматривались в работах В.А. Кошелева [Кошелев 1992: 89–116], М.Ю. Досталь [Досталь: 105–122], Н.Н. Михайлюковой [Михайлюкова: 71–75], Е.О. Непоклоновой [Непоклонова: 213–217], Р.С. Гранина [Гранин: 142–162], Н.В. Серебренникова [Серебренников: 213–217] и др. Между тем общее направление мыслей автора, развиваемых им в своем труде, открывается, по нашему мнению, с достаточно интересной и, на первый взгляд, неожиданной стороны в результате сопоставления его с широким историческим и духовно-культурным контекстом сербской национальной традиции. Наиболее яркие и самобытные черты данной традиции обусловлены, в первую очередь, присущим ей принципом органичного двуединства «веры и крови» – религиозного и национального начал [Осипова 2016: 8], нашедшим отражение в традиционной сербской символике, творчестве крупнейшего сербского поэта Петра II Петровича Негоша и богословских трудах святителя Николая (Велимировича), в поэзии и публицистике Йована Дучича, а также в работах современного философа и политолога Драгоша Калаича и других известных сербских авторов.

В этой связи весьма показательно, что в самой Сербии А.С. Хомяков пользовался немалой популярностью еще при жизни. Там его произведения, равно как и сочинения других славянофилов, нередко были даже более известны и популярны, чем у себя на родине. Так, например, сохранилось свидетельство русского ученого П.И. Прейса (1810–

1846), относящееся ко времени его научного путешествия по славянским землям, о том, что архимандрит Кувежинского монастыря и исследователь славянских древностей о. Никанор (Груич), переводивший на сербский язык некоторые труды Хомякова, называл его даже «великим учителем Церкви» [Остатки работ: 37].

Большое внимание теме восприятия и изучения наследия русского философа-славянофила в сербской научной и культурной среде уделил Р.А. Джорджевич в своей обзорной статье «А.С. Хомяков в сербской литературе и публицистике» [Джорджевич: 496–499]. Из нее следует, что поэтические и богословские сочинения мыслителя имели у сербов огромный успех (его стихи переводили крупнейшие сербские поэты – Йован Дучич, Алекса Шантич, Йован Йованович Змай и др.). Кроме того, произведения Хомякова, наряду с сочинениями Жуковского, Пушкина, Крылова и других русских классиков, изучались в сербских духовных семинариях [Джорджевич: 496].

Не менее важно отметить, что серьезные сербские исследователи, обращаясь сегодня к наследию мыслителя, подчеркивают важность и актуальность его идей для славянства в XXI веке [Меденица: 19]. При этом, наряду с прочими крайне значимыми, с их точки зрения, мыслями Хомякова, они неоднократно упоминают о вводимом им в ряде богословских работ понятии «соборность» как органичном следствии православного мировоззрения и традиционного, общинного уклада русской жизни. Последнее, безусловно, очень созвучно сербскому восприятию действительности, воплощаясь в национальных особенностях исторически сложившегося социального устройства в сербских землях, с присущими ему ярко выраженными патриархальными чертами (особенно в Черногории), что проявилось в существовании такого явления, как *зэдруга*. Авторитетный сербский этнограф Йован Цвиич в своем фундаментальном труде «Балканский полуостров» именно *зэдруга* (наряду с крестной славой) называет наиболее характерными южнославянскими чертами, сохранившимися именно у сербов. Интересно, кстати, что в одном из номеров журнала славянофилов «Русская беседа» была статья как раз о сербской *зэдруге* [Миличевич: 98–112].

Современный сербский автор Владимир Меденица, рассуждая о значении принципа соборности, пишет о необходимости укрепления братства и активной, деятельной любви друг к другу как о «нашем славянском задании» [Меденица: 28] и необходимом условии сохранения собственной национальной и христианской идентичности: «Для начала всем нам, сербам и русским, надо хотя бы понять, что сегодня горят не какие-то *сербские* святыни, от Хиландара до Косова, а горят православные храмы и монастыри, *именно православные,*

что горит основа не только сербской, но и русской самобытности. Когда русский народ поймет, что на Косове горят православные храмы, святыни одной Церкви, апостольской, святой и соборной, когда поймет, что на этих просторах страдает и гибнет не какой-то *другой*, сербский народ, а народ *братский* кровью и духом, что гибнет свой, собственный народ, когда кое-что из этого поймут греки, румыны, болгары и все крещенные в одну веру, тогда это будет началом новой любви, активной и деятельной, такой, какой ее нам всем завещал Христос (тогда и славянофильство будет не только учением между другими учениями в истории общественной мысли – зачем оно вообще нужно в *таком* виде? – но живым заветом всем нам, живой основой активного действия и сотрудничества, в котором мы так нуждаемся)» [Меденица: 28].

«Семирамиду» нельзя назвать научным исследованием по истории в классическом понимании этого слова. Однако важно принять во внимание, что при ее написании Хомяков, по выражению одного из авторитетных исследователей его наследия Вячеслава Кошелева, стремился постичь «самый дух жизни семьи человеческой» [Кошелев 2000: 195]. Начиная свое повествование с глубокой древности, философ определяет роль отдельных государств и народов во всемирном историческом процессе, сугубое внимание уделяя значению мира славянского и тесно с ним связанного «племени Иафетова», чьи достоинства он ставил весьма высоко. В частности, он отмечает следующее: «Между тем как Европа уступает всем частям света, кроме Австралии, во всех физических отношениях, в пространстве, в огромности рек, озер и горных хребтов, в богатстве ископаемых, в роскоши растений, в силе и разнообразии животных, – племя, которое ей соответствует, и в ней получило свое величайшее развитие, племя белое превосходит все другие во всех отношениях» [Хомяков 1871: 10]. Причина тому, считал мыслитель, не только в его широком распространении, а именно: на юге и юго-западе Азии, на севере и частично на востоке Африки, практически во всей Европе и в большей части Америки – но, прежде всего, в том, что «в его руках судьба человечества; в его мыслях вся прелесть искусства, все богатство науки» [Хомяков 1871: 11].

В составе индоевропейской языковой семьи А.С. Хомяков особо выделяет группу германских народов, всячески подчеркивая ее деятельное участие в судьбах отдельных стран и континентов, а также присущий ей решительный, волевой характер, оказавший влияние на формирование ее государственного и общественно-политического устройства. Так, говоря об Англии и обширных английских колониях, он называет Британскую империю «могучим телом, движимым железной волей и великим разумом» [Хомяков 1871: 17]. Интересно, что данная мысль Хомякова находит

свое подтверждение в работах сербского Златоуста и величайшего серба XX века (по признанию самих сербов), святителя Николая (Велимировича), полагавшего, что «воля – это тот талант, которым Господь наделил в первую очередь европейцев» [Николай (Велимирович): 11]. В этой связи было бы уместно вспомнить и другое произведение А.С. Хомякова – «Письмо о Англии» (1849), где он отдает должное достоинствам этой страны – искренности, аристократизму, религиозности. Любопытно также, что и строка Хомякова из его знаменитого стихотворения «Мечта», посвященного западной Европе, бывшей некогда «страной святых чудес» [Хомяков 1900: 215], относится как раз к Англии [Сомин].

Наряду с германскими народами Хомяков выделяет славян, «сходных с ними по всем наружным признакам, почти равных силами и важностью» [Хомяков 1871: 13], распространившихся «от Одера до Тихого океана» [Хомяков 1871: 13]. При этом главное достоинство славянского племени, считает Хомяков, в том, что оно как никто другой сохранило свои неповторимые древние черты: «Отдавая полную справедливость обоим великим представителям племени белолицего, наука должна заметить в пользу семьи славянской то, что она сохранила в гораздо большей чистоте родовые свои признаки, чем германцы» [Хомяков 1871: 13].

Очевидно, что эта особенность в глазах Хомякова явилась причиной некоторого преимущества славянства по сравнению с германским миром, о чем он также упоминает в своем труде. Оно состоит в том, что в отличие от германских народов, практически утративших былое сходство, славяне по-прежнему сохраняют общность своего менталитета: «русский, чех, далматинец и болгар[ин] узнают друг в друге братьев при первом взгляде, при первом слове» [Хомяков 1871: 13], тем самым являя собой «зрелище величественное и единственное» [Хомяков 1871: 13]. По всей видимости, данное обстоятельство действительно крайне волновало Хомякова. Он высказывался об этом неоднократно: например, в своей работе «О возможности русской художественной школы», где признавался, что с готовностью принимает название «славянофил» по причине своей особой любви к славянам. Русский мыслитель писал в связи с этим: «Я их люблю потому, что нет русского человека, который бы их не любил; нет такого, который не сознавал бы своего братства с славянином и особенно с православным славянином» [Хомяков 1900а: 97]. Именно поэтому, полагал он, представители западноевропейских народов воспринимаются в русской среде как иностранцы, в то время как «серб, далматинец и болгарин – как свои братья» [Хомяков 1900а: 97]. О том же по прошествии более ста лет писал и Драгош Калаич и, как бы развивая мысль Хомякова, отмечал, что данная неотъемлемая черта славянского миро-

воззрения является главным источником «славянской готовности к самопожертвованию и соответствующего героического реализма, основанного на презрении к смерти, и проистекает из врожденной веры в вечность, в бессмертие светоносной или метафизической сущности человека» [Калаич: 120]. «Истинный славянин, – пишет он, – ощущает себя звеном в цепи традиции, носителем совокупного наследия мыслей и дел, долга и ответственности всех поколений предков» [Калаич: 120].

На основании своих размышлений, высказываемых им в «Семирамиде», Хомяков заключал, что славянство, с его точки зрения, сберегло в себе мощный потенциал, способный принести пользу другим европейским народам, и поэтому оно призвано «к плодотворному подвигу и великому служению» [Хомяков 1871: 107]. Подобные воззрения, конечно же, разделяли и другие славянофилы. Так, Ю.Ф. Самарин в своем предисловии к «Семирамиде» писал о славянстве следующее: «К чему предназначено это долго не признанное племя, по видимому осужденное на какую-то страдательную роль в истории? <...> Тому ли, что в нем хранятся зачатки нового просвещения, которого пора наступит не прежде, как по истощении начал, ныне изживаемых человечеством?» [Хомяков 1994: 535]. Схожую мысль встречаем и у Н.В. Гоголя, которого многие авторитетные исследователи в известном смысле считают предтечей наших славянофилов [Виноградов: 145–146].

Мнение философов-славянофилов о мощном духовном потенциале славянских народов получило свое развитие и в трудах святителя Николая Сербского. Владыка Николай неоднократно писал о неколебимом мужестве и глубоком смирении славян, на протяжении столетий ограждавших Европу от азиатских орд и ею же высокомерно не замечаемых. На заре XX в., с началом Первой мировой войны, святитель пророчески предрекал неизбежное наступление новой славянской эпохи — «прекрасного, солнечного дня, приходящего в мир вместе со славянами» [Николай (Велимирович): 138]. А.С. Хомяков немало печалился об известной предвзятости европейских ученых и, в частности, немецких критиков по отношению к славянству, отмечая: «...не знаешь, чему приписать это странное явление, совершенному ли развитию духа ветвей германской и славянской, которое делает факты славянского мира непонятными для немца, или скрытой зависти, пробужденной самим же соседством» [Хомяков 1871: 52].

Согласно Хомякову, движущей силой истории является Божественный Промысел, или, как он сам пишет, «направляющая непобедимая десница Божия» [Хомяков 1869: 85]. Рассуждая о преимуществах того или иного деления стран и народов, русский философ пишет и о перспективном, по его мнению, описании народонаселения Земли

с точки зрения вероисповедания. Собственные наблюдения приводят мыслителя к умозаключению, что «формы религии до некоторой степени соответствуют разделению племен» [Хомяков 1871: 19]. При этом о распространении христианства, волновавшем его в наибольшей степени, он пишет следующее: «Христианство озаряет только народы индогерманские и весьма слабо проникло в отрасль семитическую. Распространение его в племенах черном, оливковом, красном и желтом так незначительно, что об нем еще нечего упоминать» [Хомяков 1871: 19]. Удивительным образом мысль русского философа вновь соотносится с мнением святителя Николая Сербского о том, что «исторически христианство было и до сих пор остается религией, главным образом, европейской расы...» [Николай (Велимирович) 2006: 13].

В продолжение темы о единстве происхождения и общности судьбы славянства и остальной Европы особый интерес в труде А.С. Хомякова вызывает у нас одно его очень важное наблюдение, полностью созвучное среднедунайской теории прародины славян академика О.Н. Трубачева. Так, отмечая единое славянское происхождение названий основных рек, а именно Дона, Днепра, Днестра, Двины, Дуная, протекающих по территории Восточно-Европейской равнины и самому центру Европы, Хомяков говорит: «Во-первых, замечу, что в самой внутренности России, именно в Рязанской губернии, несколько Дунаев; во-вторых, что Дон сам был, вероятно, в старину Дунаем (иначе форма Танаис непонятна); в-третьих, что форма Дунай есть, вероятно, уже несколько измененная, а первоначальная была Донай (с о кратким)» [Хомяков 1871: 56]. В данном случае важно, что и академик Трубачев пишет о частом упоминании оренима Дунай в русских песнях, что, по его мнению, никак не могло быть заимствованием, но являлось живым свидетельством этнической памяти о единой общей родине всех индоевропейских народов. В своей работе «Продолжение разысканий о древних славянах на Дунае» О.Н. Трубачев, в частности, отмечал: «Достаточно полистать собрание народных песен П.В. Киреевского, где на Дунай ходят по воду, в нем мочат холсты, почтительно величают его на чисто русский манер “по батюшке” Дунай, сын Иванович, более того – смешивают его в своих представлениях с Доном (“За Доном, за Доном, за тихим Дунаем”, “С Дону, с Дону... с за Дунаю!”)» [Трубачев: 15].

Одно из главных и постоянных размышлений А.С. Хомякова заключается в том, что даже внешнее устройство государственных институтов и тех или иных форм общественной жизни соответствует степени развития в народе духовной жизни. Склад ума, особенности коллективного национального бессознательного Хомяков связывает с особенностями «народной веры» [Хомя-

ков 1871: 130]: «Выньте христианство из истории Европы и буддаизм в Азии, и вы уже не поймете ничего ни в Европе, ни в Азии» [Хомяков 1871: 130]. Действительно, существенные отличия религиозных и морально-нравственных норм, исторически сложившиеся в разных культурных типах, определили и различное понимание личностного начала. В христианской культуре человек несет, прежде всего, личную ответственность, а не коллективную, что проявляется, в частности, и в сфере общественно-политической жизни (ср. девиз Виленского военного училища Российской Императорской армии «Один в поле и тот воин»). В свете размышлений Хомякова (и других славянофилов) церковный организм есть не что иное, как союз свободных личностей во Христе. По его убеждению, «сила Церкви – не во внешнем устройстве, не в иерархичности ее, а в соборности, в единении любви всего церковного народа, в неодолимости ее как Тела Христова» [Лобанов: 146]. Тот же принцип провозглашал и святитель Николай Сербский, окармливающий в межвоенные годы популярное в сербском народе богомольческое движение. «Народ Божий есть живая Церковь», – учил святитель.

Созвучие многих идей и размышлений А.С. Хомякова и святителя Николая (Велимировича) в целом ряде работ и объемных трудов может навести на мысль об определенном влиянии творчества Хомякова или славянофилов в целом на будущего святителя еще в молодые годы. Безусловно, сербский Златоуст, будучи энциклопедически образованной личностью, был хорошо осведомлен об их творческой и широкой общественной деятельности. Однако гораздо более сильное влияние на формирование его личности оказал все-таки Ф.М. Достоевский – полноправный наследник славянофильской мысли. Достаточно упомянуть, что святитель Николай – автор блестящей работы «Ницше и Достоевский», где он сравнивает два противоположных антропологических подхода в философии, сложившихся в русской и западноевропейской философской мысли.

Особенно высоко ценил творчество Достоевского ученик и младший современник владыки Николая (Велимировича), преподобный Иустин (Попович), непревзойденный исследователь наследия великого русского писателя, называвший его даже «пятым евангелистом». К слову сказать, архимандрит Иустин является автором сербского перевода сочинения Хомякова «Церковь одна» (опубликован на сербском языке в 1927 г.) [Меденица: 18]. Отец Иустин, наряду с Душаном Стояновичем, профессором Духовной академии в г. Сремские Карловцы, был одним из основателей Сербского философского общества в Белграде. Перу Д. Стояновича принадлежит серьезный труд «Русские проблемы философии и религии XIX века» (Белград, 1932), где наиболее объемное исследование

посвящено именно Хомякову [Джорджевич: 498]. Таким образом, можно предположить, что творчество крупнейшего русского мыслителя-славянофила повлияло в некоторой степени и на становление богословской и религиозно-философской мысли в Сербии, а затем уже и в королевской Югославии.

Завершая свой труд, Хомяков пишет о «целости рода человеческого» [Хомяков 1871: 519], очевидно, разумея под этим некий идеал, воплощенный в стремлении каждого народа осуществить свою миссию на земле и тем самым облагодетельствовать все человечество. Подобное направление мыслей было присуще и Ф.М. Достоевскому, который писал о «всемирности и всечеловечности» русской культуры. Несомненно и другое: у Хомякова, равно как и у Достоевского, это предполагает сохранение неповторимых национальных особенностей каждого народа, вопреки бездумному слепому подражанию чуждым формам жизни ценой отвержения своего. В статье «Два лагеря теоретиков» (1862) писатель подчеркивал, что «тогда только человечество и будет жить полной жизнью, когда всякий народ разовьется на своих началах и принесет от себя в общую сумму жизни какую-нибудь особенно развитую сторону» [Достоевский: 170].

Из всех славянских народов именно сербы, наряду с русскими, осуществляют (в том числе и по сей день) данную идею в жизни, сообразуясь с присутствующим сербской традиции принципом двуединства религиозного и национального начал. В этой связи определенного рода аллюзией к приведенным выше словам Достоевского является высказывание уже упомянутого современного сербского автора и исследователя Владимира Меденицы: «...Только тогда, когда человечество будет прославлено через национальное существо, через личностный культурный организм каждой нации, только тогда будет возможен и истинный универсализм, начнется и акт истинного братотворения, соборности, истинного всеединства, и одно будет все, и все будет в одном – Бог будет во всем. Путь к этому всеединству лучше всего начинать с сотрудничества с тем, кто духовно и культурно тебе самый близкий» [Меденица: 41].

Изучая труд Хомякова, следует также принять во внимание тот факт, что некоторые суждения мыслителя отражают понимание тех или иных исторических процессов, актуальное для научной мысли середины XIX века (и даже более раннего времени), иногда в сочетании с их несколько вольным истолкованием (ср. гипотезы Е.И. Классена о древнейшей истории славян). С другой стороны, фундаментальный труд А.С. Хомякова, представляющий собой в то время «единственный в русской историографии опыт всемирной истории» [Остатки работ: 213], в известном смысле послужил образцом для других сочинений подобного рода. В качестве примера достаточно привести не

менее масштабное по своему содержанию и охвату материала сочинение Л.А. Тихомирова «Религиозно-философские основы истории».

Таким образом, предмет исследования Хомякова в «Семирамиде» – история и пути развития всего человеческого рода, начиная с эпохи первых древних цивилизаций вплоть до современных ему событий. На этом фоне прослеживается вектор основных размышлений философа, сосредоточившего свое сугубое внимание на судьбе Европы и славянства как ее неотъемлемой и важнейшей составляющей, что вполне соотносится с идеологией почвенничества и славянофильства в целом [Осипова: 161–171]. В сочинении Хомякова это выразилось в оценке внутренних процессов в разных странах через призму двух противоборствующих начал: иранства-арийства и кушитства.

Уже с ранней молодости и на протяжении всей последующей жизни выдающегося отечественного мыслителя судьба зарубежных славян вызывала у А.С. Хомякова самый горячий отклик. Причем важное и почетное место в этих его раздумьях, способствовавших формированию общественных и историософских воззрений будущего славянофила, занимали сербы. Как следует из «Воспоминаний...» П.И. Бартенева, огромное впечатление на юного Алексея Хомякова произвел героический образ Карагеоргия, предводителя Первого сербского восстания (1803–1814) [Биографические воспоминания: 31]. Как известно, свои взгляды на судьбу и задачи славянского мира А.С. Хомяков выразил в стихотворениях «Не гордись перед Белградом» (1847), «Сербская песня» (1849) и др. Последнее явилось поэтическим откликом на суровую борьбу сербов за независимость и избавление от турецкого ига, а также реакцией на их ожесточенное противостояние «венгерской революции» в 1848 г. В этом же ряду стоит и знаменитое сочинение «К сербам. Послание из Москвы» (1860), ставшее предсмертным завещанием философа славянскому миру.

В русской литературе XIX века исторические темы и сюжеты нередко подпитывали собой многие яркие произведения известных писателей (Н.М. Карамзин, А.С. Пушкин, М.П. Погодин, Н.В. Гоголь). Эта линия органично продолжилась в работах философов-славянофилов в их рассуждениях о судьбах России и Европы, тяготевших к историософским наблюдениям и обобщениям. Наиболее полное выражение этой тенденции обнаружилось в творчестве А.С. Хомякова и, прежде всего, в его знаменитой «Семирамиде», при написании которой в методологическом отношении он руководствовался убеждением о глубокой внутренней взаимосвязи художественной литературы и истории, пронизывающей современную жизнь человеческого общества, – предмет постоянных наблюдений и творческих озарений писателя и поэта.

Особенность литераторов славянофильского направления состоит еще и в том, что они стремились воплотить эти принципы и в жизни, ведя активную общественную и просветительскую деятельность (создание Славянских благотворительных комитетов, открытие и поддержка общеобразовательных учреждений на Балканах и т. п.). Между тем славянофилы не были до конца поняты и верно восприняты тогдашним русским обществом. Более чем справедливо мнение С.С. Хоружего, утверждавшего, что «в XIX веке русская богословская мысль была еще плохо подготовлена к восприятию идей Хомякова» [Хоружий 2002: 172]. Однако основные идеи выдающегося отечественного мыслителя, обретая со временем все большую и большую значимость, неизменно актуальны сегодня. Свидетельство тому – их звучность и «пересечение» с сербской традицией. Подчеркнем, что в данном случае речь идет не о каком-либо заимствовании, но именно о единстве православного славянского самосознания русских и сербов – при всех неповторимых культурных и исторических особенностях наших народов. Осознанию этого факта в немалой степени способствует рассматриваемая работа А.С. Хомякова благодаря своей масштабности и естественному соединению глубокого исторического знания и художественного видения.

Примечания

¹ <Сам Хомяков обозначил рукопись сокращением: «И. и. и. и.». Предложены две расшифровки криптограммы — «И<роническое> и<следование> и<стинной> и<стории>» (Цимбаев Н.И. Сергей Соловьев. М., 1990. С. 230; см. также: Цимбаев Н.И. «Иное дело – мы». Историософия позднего А.С. Хомякова // А.С. Хомяков – мыслитель, поэт, публицист / отв. ред. Б.Н. Тарасов. М., 2007. Т. 2. С. 119) и «И<следование> и<стины> и<исторических> и<дей>» (Хомяков А.С. Соч.: в 2 т. / вступ. ст., сост. и подгот. текста В.А. Кошелева; примеч. В.А. Кошелева, Н.В. Серебренникова, А.В. Чернова. М., 1994. Т. 1. С. 539–540; Серебренников Н.В. Датировка «И. и. и. и.» и опыт раскрытия аббревиатуры // Хомяковский сборник. Томск, 1998. Т. 1. С. 274–282). Название «Семирамида», принятое Хомяковым, было дано труду в 1849 – первой половине 1850 г. Гоголем (Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852): науч. изд.: в 7 т. М.: ИМЛИ РАН, 2018. Т. 6. С. 500–503).

Список литературы

Биографические воспоминания об А.С. Хомякове П.И. Бартенева // Русская беседа. М., 1860. Кн. 20. С. 29–38.

Виноградов И.А. «История государства Российского» в творческом наследии Гоголя // А.П. Сумароков и Н.М. Карамзин в литературном процессе

России XVIII – первой трети XIX в. М.: ИМЛИ РАН, 2016. С. 141–183.

Гранин Р.С. Символика «Семирамиды» А.С. Хомякова // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. М.: ИНИОН РАН, 2018. № 4 (35). С. 142–162.

Джорджевич Р. А.С. Хомяков в сербской литературе и публицистике // Тарасов Б.Н. А.С. Хомяков – мыслитель, поэт, публицист: сб. статей по материалам междунар. науч. конф. (14–17 апреля 2004 г.). М.: Языки славянских культур, 2007. Т. 2. С. 496–499.

Досталь М.Ю. Славянство в историософии и политических воззрениях А.С. Хомякова // Тарасов Б.Н. А.С. Хомяков – мыслитель, поэт, публицист: сб. статей по материалам междунар. науч. конф. (14–17 апреля 2004 г.). М.: Языки славянских культур, 2007. Т. 2. С. 136–146.

Достоевский Ф.М. Дневник. Статьи. Записные книжки: в 3 т. Т. 1. 1845–1875. М.: Захаров, 2005. 477 с.

Иоанн (Снычѣв), митр. Самодержавие духа. Очерки русского самосознания. М.: Институт русской цивилизации, 2017. 528 с.

Калаич Драгош. Американское зло. М.: Межрегиональная общественная организация «Святая Русь», 2000. 255 с.

Кошелев В.А. Алексей Степанович Хомяков: жизнеописание в документах, рассуждениях, разысканиях. М.: Новое литературное обозрение, 2000. 504 с.

Кошелев В.А. История и современность в «Семирамиде» А.С. Хомякова // Литература и история: исторический процесс в творческом сознании русских писателей XVIII–XX вв. СПб., 1992. С. 89–116.

Лавеле Э. Балканский полуостров: [Путевые заметки] / пер. с фр. с примеч. и доп. Н.В. Васильева. М.: К.Т. Солдатенков, 1889. 1122 с.

Лобанов М.П. Оболганная империя. М.: Алгоритм, 2008. 364 с.

Меденица В. Логос, слово и соборность // Тарасов Б.Н. А.С. Хомяков – мыслитель, поэт, публицист: сб. статей по материалам междунар. науч. конф. (14–17 апреля 2004 г.). Т. 2. М.: Языки славянских культур, 2007. С. 26–41.

Миличевич М. Семейная община по селам сербским, известная под именем задруги (задруга) / пер. с серб. П.И. Бартенева // Русская беседа. М., 1858, III, кн. II. С. 98–112.

Михайлюкова Н.Н. Особенности интерпретации восточных религий в ирано-кушитской концепции А.С. Хомякова // Религиоведение и востоковедение: Третьи Торчиновские чтения: материалы науч. конф. (СПб., 15–18 февраля 2006 г.). СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2006. С. 71–74.

Непоклонова Е.О. «Семирамида» А.С. Хомякова в контексте его религиозно-философских и ху-

дожественных исканий // Христианское чтение. СПб., 2018. № 1. С. 182–190.

Николай (Велимирович), еп. Духовное возрождение Европы. М.: Паломник, 2006. 446 с.

Осипова Е.А. Европейский вектор славянства (по материалам публицистики И.В. Киреевского) // Актуальные вопросы изучения светской и духовной словесности. Вып. 1. М.: У Никитских ворот, 2017. С. 161–171.

Осипова Е.А. Русская литература 1800–1860-х гг. и сербская эпическая традиция: дис. ... канд. филол. наук. М., 2016. 263 с.

Остатки работ П.И. Прейса: (К истории Славяноведения). СПб.: Тип. князя В.П. Мещерского, 1898. 54 с.

Серебряников Н.В. Современность в исторических записках А.С. Хомякова // Литературный факт. М., 2018. № 8, С. 213–218.

Сомин Н. Загадка Хомякова [Электронный ресурс: https://ruskline.ru/analitika/2013/05/07/zagadka_homyakova/].

Трубачев О.Н. Slavica Danubiana Continuata. Продолжение разысканий о древних славянах на Дунае. Сербский лексикограф. Белград, 1996. 38 с.

Ф<адеева> Н.А. Воспоминания о Ростилаве Фадееве // Фадеев Р.А. Собр. соч.: в 3 т. СПб.: Тип. В.В. Комарова, 1889. Т. 1. С. 1–68.

Хомяков А.С. Записки о всемирной истории. Ч. 1 / изд. под ред. А.Ф. Гильфердинга // Полное собрание сочинений. М.: В тип. П. Бахметева, 1871. Т. 3. 522 с.

Хомяков А.С. Мечта // Полное собрание сочинений. М.: Университетская типография, 1900. Т. 4. 420 с.

Хомяков А.С. Несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях по поводу одного послания парижского архиепископа, 1855 г.: пер. с фр. // Полное собрание сочинений / под ред. Ю.Ф. Самарина. Прага: В тип. Д.Ф. Скрейшовского. Прага, 1867. Т. 2. 410 с.

Хомяков А.С. О возможности русской художественной школы // Полное собрание сочинений. М.: Университетская типография, 1900. Т. 1. 420 с.

Хомяков А.С. Соч.: в 2 т. М.: Медиум, 1994. Т. 1. 589 с.

Хоружий С.С. Алексей Хомяков: учение о соборности и Церкви. М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2002. С. 153–179.

References

Biograficheskie vospominaniia ob A.S. Khomiakove P.I. Barteneva [Biographical memoirs of A.S. Khomyakov by P.I. Bartenev]. *Russkaia beseda* [Russian conversation], Moscow, 1860, Kniga XX [Book XX], pp. 29–38. (In Russ.)

Vinogradov I.A. «Istoriia gosudarstva Rossiiskogo» v tvorcheskoi nasledii Gogolia [«History of the Russian state» in Gogol's creative

heritage]. *A.P. Sumarokov i N.M. Karamzin v literaturnom protsesse Rossii XVIII – pervoi treti XIX v.* [A.P. Sumarokov and N.M. Karamzin in the literary process of Russia in the XVIII – first third of the XIX century]. Moscow, IMLI RAN, 2016, pp. 141–183. (In Russ.)

Granin R.S. *Simvolika «Semiramidy» A.S. Khomiakova* [Symbolism Of «Semiramis» By A.S. Khomyakov]. *Chelovek: obraz i sushchnost'. Gumanitarnye aspekty* [Man: image and essence. Humanitarian aspect]. Moscow, INION RAN, 2018, № 4 (35), pp. 142–162. (In Russ.)

Dzhordzhevich R.A. *S. Khomiakov v serbskoi literature i publitsistike* [A.S. Khomyakov in Serbian literature and journalism]. *Tarasov B.N. A.S. Khomiakov – myslitel', poet, publitsist: sbornik statei po materialam mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (14–17 apreliia 2004 g.)* [Tarasov B.N. A.S. Khomyakov – thinker, poet, publicist: collection of articles based on the materials of the international scientific conference (April 14–17, 2004)]. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2007, vol. 2, pp. 496–499. (In Russ.)

Dostal' M.Iu. *Slavianstvo v istoriosofii i politicheskikh vozzreniiakh A.S. Khomiakova* [The Slavs in the philosophy of history and political views of A.S. Khomyakov]. *Tarasov B.N. A.S. Khomiakov – myslitel', poet, publitsist: sbornik statei po materialam mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (14–17 apreliia 2004 g.)* [Tarasov B.N. A.S. Khomyakov – thinker, poet, publicist: collection of articles based on the materials of the international scientific conference (April 14–17, 2004)]. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2007, vol. 2, pp. 136–146. (In Russ.)

Dostoevskii F.M. *Dnevnik. Stat'I* [Diary. Articles.]. *Zapisnye knizhki: v 3 t.* [Notebooks: in 3 vol.], vol. 1: 1845–1875. Moscow, Zakharov Publ., 2005, 477 p. (In Russ.)

Ioann (Snychev), mitr. *Samoderzhavie dukha. Ocherki russkogo samosoznaniia* [Autocracy of the spirit. Essays on Russian self-consciousness.]. Moscow, Institut russkoi tsivilizatsii Publ., 2017, 528 p. (In Russ.)

Kalaich Dragosh. *Amerikanskoe zlo* [American evil]. Moscow: Mezhtseleobshchestvennaia organizatsiia «Sviataia Rus», 2000, 255 p. (In Russ.)

Koshelev V.A. *Aleksei Stepanovich Khomiakov: zhizneopisanie v dokumentakh, rassuzhdeniiakh, razyskaniakh* [Alexey Stepanovich Khomyakov: biography in documents, arguments, research]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2000, 504 p. (In Russ.)

Koshelev V.A. *Istoriia i sovremennost' v "Semiramide" A.S. Khomiakova* [History and modernity in "Semiramide" by A.S. Khomyakov]. *Literatura i istoriia: istoricheskii protsess v tvorcheskoi soznanii russkikh pisatelei XVIII–XX vv.* [Literature and history: the historical process in the creative consciousness of

Russian writers of the XVIII–XX centuries]. Saint-Petersburg, 1992, pp. 89–116. (In Russ.)

Lavele E. *Balkanskii poluostrov (Putevye zametki). Ch. 1. Per. s fr. s primech. i dop. N.V. Vasil'eva* [The Balkan Peninsula (Travel notes). P. 1. Translated from the French With notes. And additional N.V. Vasiliev]. Moscow, K.T. Soldatenkov Publ., 1889, 1122 p., (In Russ.)

Lobanov M.P. *Obolgannaia imperiia* [Slandered Empire]. Moscow, Algoritm Publ., 2008, 364 p. (In Russ.)

Medenitsa Vladimir. *Logos, slovo i sobornost'* [The logos, the word, and collegiality]. *Tarasov B.N. A.S. Khomiakov – myslitel', poet, publitsist: Sbornik statei po materialam mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (14–17 apreliia 2004 g.)* [Tarasov B.N. A.S. Khomyakov-thinker, poet, publicist: Collection of articles based on the materials of the international scientific conference (April 14–17, 2004)]. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur, 2007, vol. 2, pp. 26–41. (In Russ.)

Milichevich M. *Semeinaia obshchina po selam serbskim, izvestnaia pod imenom zadrugi (zadruga) (per. s serb. P.I. Barteneva)* [A family community in the villages of the Serbian, known under the name of zadruga (zadruga) (per. s Serb. P.I. Barteneva)]. *Russkaia beseda* Publ. Moscow, 1858, III, b. II, pp. 98–112. (In Russ.)

Mikhailiukova N.N. *Osobennosti interpretatsii vostochnykh religii v irano-kushitskoi kontseptsii A.S. Khomiakova* [Features of interpretation of Eastern religions in the Iranian-Kushite concept of A.S. Khomyakov]. *Religiovedenie i vostokovedenie. Tret'i Torchinovskie chteniia: materialy nauchnoi konferentsii (Saint-Petersburg., 15–18 fevralia 2006 g.)* [Religious studies and Oriental studies. Third Torchin readings: proceedings of the scientific conference (St. Petersburg., February 15–18, 2006)]. Saint-Petersburg, Publ. izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2006, pp. 71–74. (In Russ.)

Nepoklonova E.O. *«Semiramida» A.S. Khomiakova v kontekste ego religiozno-filosofskikh i khudozhestvennykh iskanii* [«Semiramis» by A.S. Khomyakov in the context of his religious, philosophical and artistic quest]. *Khristianskoe chtenie*, № 1, 2018, Saint-Petersburg, 2018, pp. 182–190. (In Russ.)

Nikolai (Velimirovich), ep. *Dukhovnoe vrozhdzenie Evropy* [Spiritual revival of Europe]. Moscow, Palomnik Publ., 2006, 446 p. (In Russ.)

Osipova E.A. *Evropeiskii vektor slavianstva (po materialam publitsistiki I.V. Kireevskogo)* [The European vector of Slavs (based on the materials of publicism by I.V. Kireevsky)]. *Aktual'nye voprosy izucheniia svetskoi i dukhovnoi slovesnosti. Vyp. 1* [Topical issues of studying secular and spiritual literature. Issue 1]. Moscow, U Nikitskikh vorot Publ., 2017, pp. 161–171. (In Russ.)

Osipova E.A. *Russkaia literatura 1800–1860-kh gg. i serbskaia epicheskaia traditsiia* [Russian literature of the 1800s and 1860s and the Serbian epic tradition]. *Dissertatsiia na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filologicheskikh nauk* [The dissertation on competition of a scientific degree of candidate of philological Sciences]. Moscow, 2016, 263 p. (In Russ.)

Ostatki rabot P.I. Preisa (K istorii Slavianovedeniia) [Remains of works by P. I. Preis (On the history of Slavic Studies)]. Saint-Petersburg: Tipografiia kniazia V.P. Meshcherskogo, 1898, 54 p. (In Russ.)

Serebrenikov N.V. *Sovremennost' v istoricheskikh zapiskakh A.S. Khomiakova* [Modernity in the historical notes of A.S. Khomyakov]. *Literaturnyi fakt* [Literary fact]. Moscow, 2018, № 8, pp. 213–218 (In Russ.).

Somin Nikolai. *Zagadka Khomiakova* [The Mystery Of Khomyakov]. URL: https://ruskline.ru/analitika/2013/05/07/zagadka_homyakova/ (access date: 06.02.2020). (In Russ.)

Trubachev O.N. *Slavica Danubiana Continuata. Prodolzhenie razyskanii o drevnikh slavianakh na Dunae* [*Slavica Danubiana Continuata*. Continuation of the search for the ancient Slavs on the Danube]. Belgrad, 1996, Serbskii leksikograf Publ., 38 p. (In Russ.)

Fadeeva N.A. *Vospominaniia o Rostilave Fadeeve* [Memories of Rostislav Fadeev]. *Fadeev R.A. Sobr. soch.: v 3 t.* [Fadeev R.A. Collected works.: in 3 vol.]. Saint-Petersburg, Tip. V.V. Komarova Publ., 1889, vol. 1, pp. 1–68. (In Russ.)

Khomiakov A.S. *Zapiski o vseirnoi istorii. Ch. 1. Izd. pod red. A.F. Gil'ferdinga* [Notes on world history. Part one. Published under the editorship of A.F. Hilferding]. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete works], V tipografii P. Bakhmeteva Publ., 1871, T. 3, 522 p. (In Russ.)

Khomiakov A.S. *Mechta* [Dream]. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete works]. Moscow, Universitetskaia tipografiia, 1900, vol. 4, 420 p. (In Russ.)

Khomiakov A.S. *Neskol'ko slov pravoslavnogo khristianina o zapadnykh veroispovedaniakh po povodu odnogo poslaniia parizhskogo arkhiepiskopa, 1855 g. (perevod s frantsuzskogo)* [A few words from an Orthodox Christian about Western faiths about a message from the Archbishop of Paris. 1855 (translated from French)]. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete works]. Izd. Pod. red. Iu. F Samarina [Under the editorship of Yu.f. Samarina]. Praga: v tipografii D.F. Skreishovskogo Publ. Praga, 1867, vol. 2, 410 p. (In Russ.)

Khomiakov A.S. *O vozmozhnosti russkoi khudozhestvennoi shkoly* [About the possibility of a Russian art school]. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete works]. Moscow, Universitetskaia tipografiia Publ., 1900a, vol. 1, 420 p. (In Russ.)

Khomiakov A.S. *Soch.: v 2 t.* [Works: in 2 vols.]. Moscow, Medium Publ., 1994, vol. 1, 589 p. (In Russ.)

Khoruzhii S.S. *Aleksei Khomiakov: uchenie o sobornosti i Tserkvi* [Alexey Khomyakov: the doctrine of conciliarity and the Church]. Moscow, Izdatel'skii Sovet Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi Publ., 2002, pp. 153–179. (In Russ.)

**ЧЕЛОВЕК И МИР В РУССКОМ РОМАНЕ:
МЕТАМОРФОЗЫ ГЕРОЕВ «ОБЫКНОВЕННОЙ ИСТОРИИ» И.А. ГОНЧАРОВА***Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 20-012-00102*

В статье предлагается новая интерпретация финала «Обыкновенной истории» И.А. Гончарова. На основании анализа многих неявных деталей высказывается гипотеза, что в эпилоге романа происходит не перерождение героев («чувствительного» племянника и «холодного» дяди), а их возвращение к собственному «я», скрытому как от них самих, так и от читателя. Этот вывод меняет ракурс рассмотрения «Обыкновенной истории» в контексте европейской литературы и полагает необходимость уточнения существующих типологических характеристик «Обыкновенной истории» (роман воспитания, роман «утраты иллюзий»). Характерный для европейской романной традиции конфликт «человек и общество» у Гончарова получает более оптимистичную трактовку: из текста уходит идея трагического, безысходного противостояния личности и социума. Конфликт с внешним миром рассматривается в соотношении с внутренними противоречиями героев и преодолевается на пути познания самого себя: Адуев-младший концентрируется на «карьере и фортуна», Адуев-старший отказывается от службы и дела ради здоровья жены и надежды на запоздалое обретение семейного счастья.

Ключевые слова: И.А. Гончаров, «Обыкновенная история», русский роман, теория романа, демотический роман, эпический роман, сравнительная поэтика, онтологический оптимизм, нарративная ирония.

Информация об авторе: Казакова Светлана Константиновна, кандидат искусствоведения, научный сотрудник Ассоциации искусствоведов, г. Москва, Россия.

E-mail: svka@inbox.ru.

Дата поступления статьи: 11.01.2020.

Для цитирования: Казакова С.К. Человек и мир в русском романе: метаморфозы героев «Обыкновенной истории» И.А. Гончарова // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 1. С. 118-124. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-1-118-124.

Svetlana K. Kazakova
Association of Art Critics of Russia**MAN AND THE WORLD IN THE RUSSIAN NOVEL – METAMORPHOSES OF HEROES
OF «A COMMON STORY» BY IVAN GONCHAROV***The reported study was funded by RFBR, project number 20-012-00102*

The article proposes a new interpretation of the denouement of «A Common Story» by Ivan Goncharov. Based on the analysis of many implicit details, it is hypothesised that the heroes' return to their own «I», hidden both from themselves and from the reader in the epilogue of the novel rather than the rebirth of heroes (the «sensitive» nephew and the «cold» uncle). This conclusion changes the perspective of the consideration of «A Common Story» in the context of European literature and considers it necessary to clarify the existing typological characteristics of «A Common Story» (a novel of upbringing, a novel of «loss of illusions»). Ivan Goncharov's conflict between people and society, which is characteristic of the European romance tradition, gets a more optimistic interpretation: the idea of a tragic, hopeless confrontation between the individual and society leaves the text. The conflict with the outside world is considered in relation to the internal contradictions of the heroes and is overcome on the path to knowing oneself: Aduev Jr. concentrates on «career and fortune», Aduev-uncle refuses service and work for the sake of his wife's health and hope for a belated gaining family happiness.

Keywords: Ivan Goncharov, «A Common Story», Russian novel, novel theory, demotic novel, epic novel, comparative poetics, ontological optimism, narrative irony.

Information about the author: Svetlana K. Kazakova, Candidate of Art History, Researcher, Association of Art Critics of Russia, Moscow.

E-mail: svka@inbox.ru.

Article received: January 11, 2020.

For citation: Kazakova S.K. Man and the world in the Russian novel – metamorphoses of heroes of «A Common Story» by Ivan Goncharov // Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 1, pp. 118-124 (In Russ.). DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-1-118-124.

Внаследии И.А. Гончарова есть камни преткновения, которые требуют от ученых особых усилий по интерпретации. К таким многозначным вопросам относится трактовка Эпилога «Обыкновенной истории», где фиксируются неожиданные метаморфозы действующих лиц романа.

Повествование, как мы помним, строится вокруг двух героев – дяди и племянника Адуевых.

Младший, Александр Федорович, полный восторженных юношеских мечтаний, приезжает в Петербург и останавливается в доме у своего родственника, Петра Ивановича Адуева, успешного чиновника и заводчика. В основе дальнейшего повествования лежит столкновение двух мировоззрений: мечтательного юноши и умудренного практически опытом человека дела. Постепенно

Александр избавляется от иллюзий, разочаровывается, уезжает в деревню, но затем все же возвращается в Петербург. В Эпиллоге читатель узнает, что Адуев-младший добился необыкновенного успеха – сделал, по выражению дяди, и карьеру, и фортуна. Сам же Петр Иванович собирается подать в отставку, продать дело и отбыть в Италию ради поправки здоровья жены.

Принятая интерпретация Эпилога помещает «Обыкновенную историю» в ряд текстов, сосредоточенных на теме изменения человека под воздействием *внешних обстоятельств*. Вокруг этой проблематики так или иначе строятся оценки финала и всего произведения в целом.

Бахтин относил «Обыкновенную историю» к роману воспитания, считая существенным моментом этой разновидности романного жанра «образ становящегося человека», «сюжетное значение» изменений характера героя [Бахтин 1979: 200]. Самого Гончарова М.М. Бахтин называл «крупнейшим представителем романа воспитания в России» [Бахтин 2012: 216]. Вослед Бахтину в русле концепции романа воспитания проводит свой анализ Е. Краснощекова – американский славист рассматривает параллель между «Обыкновенной историей» и эталонным образцом жанра – «Годами ученья Вильгельма Мейстера» И.-В. Гете. На этом фоне финал «Обыкновенной истории» выглядит несколько инородно. Классическая линия Bildungsroman(a) предполагает, что «уроки образования ума и “воспитания чувств” приносят, в основном, позитивные плоды, а отрезвление больше проходит под знаком приобретений, чем потерь» [Краснощекова 2012: 121]. В «Обыкновенной истории», напротив, речь идет не о развитии, а разрушении личности героя – Краснощекова говорит об «эмоциональном обесцвечивании» Адуева-младшего [Краснощекова 2012: 121]. Исследователю приходится делать оговорку: «Эпилог романа Гончарова напоминает не столько конец романа Гете, сколько финалы романов воспитания, созданных до него» [Краснощекова 2012: 121]. При этом славист ссылается на формулировку Бахтина, относящуюся к критическому и абстрактному реализму эпохи Просвещения: «процесс становления героя приводит в результате не к обогащению, а некоторому обеднению мира и человека»¹.

«Bildungsroman... всегда моноцентричен: рядом с главным героем другие выступают как персонажи второго ряда» [Краснощекова 2003: 10]. Типологическое определение «Обыкновенной истории» как романа воспитания исходит из признания неравноценности образов племянника и дяди Адуевых. В утвердившейся гончароведческой традиции нарративная функция истории Петра Ивановича сводится, с более или менее существенными оговорками, «к схеме повторяемости – совпадения возрастов» [Краснощекова 2003: 12].

«Большинство исследователей согласно в том, что Александр и Петр Адуевы тождественны и обыкновенны, только представляют разные периоды жизни», – формулирует господствующую точку зрения венгерский исследователь Ангелика Молнар [Молнар: 40]. Актуальность трактовки подтверждают А. Фаустов и С. Савинков: «...Неоднократно говорилось о том, что “Обыкновенная история”... – роман о “двух возрастах” жизни. И в этом смысле Адуев-старший и Адуев-младший представляют собой различные возрастные “аватары” одного и того же лица, причем подобный принцип соотношения героев нужно распространить и на эпилог романа (столь озадачивший многих читателей), где Александр Федорыч повзрослеет, а вот Петр Иванович уже – постареет, переступит порог следующего возраста, снова очутившись на шаг впереди своего племянника» [Фаустов, Савинков: 157].

В литературе о Гончарове утвердилась еще одна линия сравнительного анализа – «Обыкновенная история» рассматривается в контексте европейского реалистического романа XIX века, прежде всего французского, с его характерной темой поэтапного разочарования². Неоднократно исследователи обращались к «Утраченным иллюзиям» Бальзака, основываясь на сходстве мотивов двух произведений: приезд молодого провинциала, мечтающего покорить столицу; артистические претензии при недостатке таланта; цепь разочарований, компромисс³.

Специфику «Обыкновенной истории» выявляют несовпадения с бальзаковским решением темы. Американский исследователь Милтон Эре обращает внимание на различия сфер, где происходят столкновения с действительностью: для Александра источником разочарований становятся любовь и искусство, для Люсьена, героя Бальзака, – борьба за место в жизни и власть. Самым очевидным расхождением Эре называет финалы романов: «Александр в Эпиллоге примыкает к тому миру, чьи ценности он ранее отвергал; Люсьен остается вне общества» [Ehre: 134]. Авторитетный исследователь М.В. Отрадин добавляет к этим наблюдениям еще одно: «...в “Утраченных иллюзиях” подробно рассказывается о том, как Париж “ломает” героя», а в «Обыкновенной истории» «давление Петербурга, “века” ощущается, но оно в развитии Адуева-младшего отнюдь не воспринимается как определяющее...» [Отрадин: 35]. Иными словами, в рамки европейского реалистического романа «утраты иллюзий» «Обыкновенная история» «втискивается» с не меньшим трудом, чем в схему романа воспитания XVIII века. И корень затруднений – «нестандартный» финал повествования, который со времен Белинского принято считать неподготовленным (или, по крайней мере, создающим впечатление неподготовленности).

Внимательное прочтение «Обыкновенной истории» позволяет заметить подробности, кото-

рые выводят на иной уровень восприятия текста. Сама идея скрупулезного анализа романа Гончарова в поисках некоего потаенного смысла может показаться надуманной, однако она полностью соответствует интенции автора. В статье «Лучше поздно, чем никогда» Гончаров указывал на существование скрытых «ключей», незамеченных, как кажется, даже самым чутким читателем. Из слов автора очевидно, что существенная информация не лежит на поверхности – не разъясняется и не преподносится «на блюдечке», ее надо искать и расшифровывать. Обдумывание авторских подсказок, прежде всего, уточняет характеры героев, при этом традиционная схема «чувствительный племянник, холодный дядя» начинает «рассыпаться».

С самого начала романа Александр Адуев проявляет себя не как истинно тонкая натура, а как обыкновенный эгоист с банальной претензией на возвышенность и исключительность. В первой же главе читатель может заметить как минимум одно явное противоречие между тем, что герой сам мнит о себе – и тем, как его характеризует нарратор (в чьей осведомленности и объективности сомнений не возникает). Собираясь в Петербург, Александр прощается со своей подругой Софьей:

«– Саша! Милый Саша!.. – Соничка!.. – шептали они, и слова замерли в поцелуе.

– Вы забудете меня там? – сказала она слезливо.

– О, как вы меня мало знаете! я ворочусь, поверьте, и никогда другая...

– Вот возьмите скорей: это мои волосы и колечко.

Он проворно спрятал и то и другое в карман» [Гончаров: 190].

Относительно «никакая другая...» и проч. нарратор не оставляет читателю никаких сомнений: «Он [Александр] любил Софью пока маленькой любовью, в ожидании большой» [Гончаров: 179]. В поле интерпретации остается вопрос, лжет юноша или заблуждается на свой счет (скорее всего, второе), но эта загадка едва ли займет читателя: все дело в том, что мнение нарратора вообще теряется на фоне патетических сцен с объятиями, слезами и паданьем лицом в подушку, которые – по ироничному замыслу автора – покоряют сердца публики.

В характеристику Адуева-старшего Гончаров также внедряет противоречие – между словами персонажа и его поступками. «Знаков терпеть не мог», – уверяет Петр Иванович, выбросив памятные мелочи, «вещественные знаки невещественных отношений» (те самые локон и колечко, которые Александр привез из деревни) [Гончаров: 214]. Петр Иванович точно лжет: в молодые годы он вытаскивал ленточку из комода Марьи Горбатовой. Не помнить об этом он не может, поскольку о славном эпизоде напомнила в письме сама героиня его юношеского «романа», равно как и о мальчишеском подвиге доставания желтого цветка «с опасностью

жизни и здоровья» по колено в воде. «По гроб жизни» девушка запомнила не только то, как Петр влез в озеро, но и его искреннюю заботу: «...Из стелька... тек какой-то сок и перемарал нам руки, а вы почерпнули картузом воды, дабы мы могли их вымыть; мы очень много тогда этому смеялись. Как я была тогда счастлива!» [Гончаров: 196–197]. Суть авторской игры в том, что к моменту выяснения позиций дяди и племянника по вопросу «знаков» читатель, скорее всего, забыл о ленточке из комода Марьи Горбатовой (если вообще обратил на нее внимание).

Гончаров как будто предлагает фон для оценки образа Александра, нравственный камертон определения чистоты его помыслов и поступков. Неявное «приглашение к сопоставлению» – еще один прием внедрения зашифрованной информации о героях, помогающий познать истину в сравнении.

В поведении Александра, всегда напыщенном и мелодраматичном, не обнаруживается ничего похожего на трогательный жест Петра. И пусть читателя не вводит в заблуждение деликатное «мы» в письме Горбатовой («дабы мы могли их [руки] вымыть»). Петр черпал воду картузом исключительно для Марии, сам он и так стоял по колено в озере. Нюансы есть и в ситуации с памятным знаком, на первый взгляд абсолютно зеркальной: ленточку юный Петр вытаскивал сам (и кстати, «не смотря на... крики и моления»); локон и колечко подарила Софья; она же вышила метки на белье. Прибавим, что в день отъезда друг Александра «нарочно скакал целые сутки, чтоб проститься». А что сделал сам герой для других? Даже сопровождающий барина в столицу слуга Евсей хотел было оставить подарок даме сердца, но передумал по причине ревности. Этот мимолетный каприз он искупит в конце повествования – из Петербурга Евсей привезет подарки и своей Аграфене, и всей дворне. А Александр? Ничего. Никому. Мог хотя бы посвятить барышне элегию на прощание или экспромт мчавшемуся за тридевять земель другу (не зря же Гончаров уведомил публику о способностях юноши: «Стихи его удивляли товарищей»).

Столичные любовные приключения Адуева-младшего также предоставляют материал для сравнения. Однажды, собираясь в гости к Надиньке, Александр задержался на службе: «поздно: к обеду не поспеет. Он бросился к ресторатору». Юноша был так взволнован предстоящим свиданием, что перепутал у ресторатора все блюда: «суп à la provençale, соус julienne и жаркое суфле, только поскорее!». Слуга подал, «что ему вздумалось. Адуев остался очень доволен. Он не дождался четвертого блюда и побежал на набережную Невы» [Гончаров: 251–252]. Казалось бы, вот оно, свидетельство подлинных чувств. Но авторская ремарка двусмысленна: «не дождался четвертого» означает также, что, несмотря на возбуждение, он

съел аж три блюда с удовольствием. А между тем в ожидании Александра Надинька задержала обед долее чем на час (он бы успел, если бы не пошел к ресторатору), но в конце концов так и не села за стол – не отобедав, вышла встречать Александра на набережную с чашкой молока и сухариком.

Второй петербургский роман Александра, со вдовой Юлией Тафаевой, предоставил еще менее свидетельств душевности героя. История чуть не закончилась свадьбой – влюбленные уже «начали толковать» о переустройстве дома Юлии, «о распределении комнат и проч. <...> Александр предложил обратить ее уборную в свой кабинет» [Гончаров: 369]. Даже в мечтах (т. е. хотя бы на словах, не на деле) Адуев-младший не проникается заботой о любимой женщине – планирует отобрать у нее комнату в ее же собственном доме. И будто случайно, мимоходом Гончаров упоминает «роскошную мебель», «игрушки и дорогие безделки» будуара жены Петра Иваныча [Гончаров: 315].

Жилище выявляет подлинные душевные склонности персонажа. Некоторые исследователи считают, что Гончаров не уделяет внимание интерьерам. Формально это так – в «Обыкновенной истории» мы не увидим пространственных описаний комнат с авторской ремаркой, как в их убранстве отразилась личность персонажа⁴. Но это также часть игры с читателем. Если собрать отрывочные описания жилых помещений дяди и племянника, разбросанные по роману, то получится неожиданная картина. Комнату Александра характеризует множество листков в ящиках, бумажек и клочков, не снятый нагар на свечах. Кабинет Петра Иваныча полон ненужных (с практической точки зрения) вещей: мы найдем там бюстики, вазочки, бисерную корзинку для бумаг. Адуев-старший придает значение красивому виду из окна – предлагая племяннику снять «превеселенькую» и недорогую комнату, он отмечает единственный недостаток: «...окнами немного в стену приходится». Артистизм, любовь к художественным мелочам – против прозаичности, сухости, невнимания к деталям. Так кто есть кто?

Петр Иваныч не был лишен чувствительности в юности (это мы уже видели), но он не утратил способности любить и в зрелости. Вопреки своим рассудочным теориям, Петр Иваныч женился вовсе не по расчету – об этом проговорился он сам в ходе очередного обсуждения литературного опуса Александра:

«– А биение сердца, трепет, сладостная нега и прочее такое – с кем не бывает?

– Да с тобой, я думаю, первым! – заметила жена.

– Ну, вот! А помнишь, я бывало, восхищался...

– Чем это? не помню.

– Все испытывают эти вещи, – продолжал Петр Иваныч...» [Гончаров: 334].

Это ли не признание? А сдержанность в выражении чувств Адуева-старшего объясняется очень

просто – он сам формулирует причину в ответ на очередные изливания племянника. Александр говорит о силе любви. «Сила любви! – повторил Петр Иваныч, – все равно, если б ты сказал – сила слабости» [Гончаров: 325]. Вот корень проблемы – Адуев-старший считает любовь слабостью. Позволительно ли выказывать слабость настоящему мужчине? Очевидно, он убежден, что – нет. Эта позиция может быть следствием заблуждения, но никак не душевной черствости.

С одной стороны, Гончаров буквально вынуждает аудиторию поверить в то, что дядя действительно суров и расчетлив, а племянник – чувствителен и артистичен. Эта информация обрушивается на читателя со многих сторон. Одновременно автор дает подсказки к распознаванию литературной игры, иронии и раскрывает глубинное содержание: во все периоды своей жизни дядя проявлял больше доброты, заботы, восприимчивости к красоте и искусству, чем эгоист-племянник⁵.

Обнаруженные проявления скрытой сущности главных персонажей меняют восприятие эпилога. Сопоставление деталей и романских фактов приводит к выводу, что в финале произведения герои не преобразились, а вернулись к собственному «я», которое по разным причинам долгое время находилось под спудом. Структура «Обыкновенной истории» могла быть подсказана античной метаморфозой: подобно персонажу «Золотого осла» Апулея герои Гончарова ходят «в чужой шкуре» и лишь в Эпилоге предстают в подлинном обличье.

Вместо драмы о личности, раздавленной духом времени, перед нами предстает искрометная история со счастливым концом, где в Эпилоге каждый герой получает то, к чему в глубине души стремился. По сути, «Обыкновенная история» разворачивается как классическая комедийная интрига *qui pro quo* («кто за кого») с традиционным узнаванием в финале⁶. Эта схема была хорошо отработана Эженом Скрибом, и, видимо, произвела впечатление на русского романиста. Гончаров взял у французской пьесы не только название («Simple histoire», т. е. почти буквально «Обыкновенная история», – популярный водевиль Э. Скриба и Ф. де Курси⁷), но также имя персонажа (в русском адаптированном переводе пьесы главного героя, племянника, которого поучает суровая тетушка, звали Александром Федоровичем)⁸.

Почти в пародийном ключе Гончаров «пересказывает» руссоистско-романтический мотив – «неудовлетворенность окружающим миром, невозможность найти в нем место» (формулировка Э. Ауэрбаха). Надуманные, несущественные горести Александра с изрядным юмором разоблачает Петр Иваныч:

«– Что же с тобой? Не проигрался ли ты или не потерял ли деньги? – с живостью спросил Петр Иваныч.

– Вы никак не можете представить себе безденежного горя! – отвечал Александр, стараясь улыбнуться.

– Что ж за горе, если оно медного гроша не стоит, как иногда твое?..

– Да, вот как, например, теперь. Вы знаете ли мое настоящее горе?

– Какое горе? Дома у тебя всё обстоит благополучно: это я знаю из писем, которыми матушка твоя угощает меня ежемесячно; на службе уж ничего не может быть хуже того, что было; подчиненного на шею посадили: это последнее дело. Ты говоришь, что ты здоров, денег не потерял, не проиграл... вот что важно, а с прочим со всем легко справиться; там следует вздор, любовь, я думаю...

– Да, любовь; но знаете ли, что случилось? когда узнаете, так, может быть, перестанете так легко рассуждать, а ужаснетесь...

– Расскажи-ка; давно я не ужасался...» [Гончаров: 293]

Кульминация конфликта Александра с миром представлена автором с нескрываемой иронией: желая покончить с собой, молодой человек пугается за свою жизнь из-за поплывшего разводного моста:

«Он мысленно прощался с жизнью, посылал вздохи к матери, благословлял тетку, даже простил Надиньку. Слезы умиления текли у него по щекам... Он закрыл лицо руками... Неизвестно, что бы он сделал, как вдруг мост заколебался у него под ногами; он оглянулся: Боже мой! он на краю пропасти: перед ним зияет могила: половина моста отделилась и отплывает прочь... проходят барки; еще минута – и прощай! Он собрал все силы и сделал отчаянный прыжок... на ту сторону. Там он остановился, перевел дух и схватился за сердце.

– Что, барин, испугался? – спросил его сторож.

– Чего, братец, чуть было в середину не попал, – отвечал дрожащим голосом Александр» [Гончаров: 408].

Беды Александра порождены не реальным конфликтом с внешним миром (что отражал европейский роман XIX века), а неразберихой в голове, т. е. в мире *внутреннем*. Незнание себя, ложная, завышенная самооценка, непомерные требования к другим, недостаток честной рефлексии – вот истинные причины «ударов судьбы» Адуева-младшего. Как только Александру покоряется искусство самоанализа (под влиянием уроков жизни), мир открывает перед ним блестящие возможности – успехи по службе, удачная женитьба, т. е. то, к чему его готовил дядя («карьера и фортуна»). Этот вектор внутреннего развития Адуева-младшего уже отмечался в литературе: «...до эпилога он показан как личность, которая, при всех кризисах и разочарованиях, не просто меняется, набирается жизненного опыта, но явно “идет вверх”. Александр постепенно обретает способность более глубоко и объективно судить о людях и о себе, он мудреет...»⁹ [От-

радин: 35]. Краснощекова обращает внимание на авторскую ремарку в первой главе о прямом пути, который не заметил Александр. В рамках ее концепции фраза объясняется как трудности самообретения: «В ситуации Петербурга дорога к себе оказалась для Адуева куда более тяжелой, чем могла бы быть в усадьбе» [Краснощекова 2003: 10].

Новый взгляд на финал романа меняет нарративный статус образа Адуева-старшего – он выходит за узкие рамки предлагаемых амплуа (ментор, двойник, фон или «зеркало» для героя). Судьба Петра Иваныча перестает казаться трагедией – его не ломала жизнь, в финале нет безысходного экзистенциального конфликта; все проблемы, как и в случае с племянником, «сидят» в голове. Петр Иваныч сотворил себя сам, так, как хотел, и так, как понимал «дух времени».

Эпилог романа предлагает оптимистическое решение конфликта «человек и общество»¹⁰ – Адуев старший «выходит из игры». В критический момент он оказался способным положить предел влиянию «духа века» на собственную жизнь¹¹. Залог успеха его усилий по спасению брака – в открытом самоанализе, признании ошибок, которые он допустил в обращении с женой. Представив образцовый пример саморефлексии в Эпилоге, едва ли Гончаров подразумевал трагический финал своего произведения.

Таким образом, предлагаемая трактовка романа «Обыкновенная история» выявляет онтологический оптимизм Гончарова в решении темы «человек и общество» на фоне европейской романной традиции XVII–XIX веков. Из текста Гончарова уходит идея трагического, безысходного противостояния личности и социума. Художественная разработка конфликта человека с обществом обогащается темой познания самого себя. Возможным источником противостояния признается внутренний мир героя, при этом внешние противоречия получают принципиальную возможность разрешения на пути самоанализа и работы над ошибками.

Из сказанного также вытекает, что вопрос о месте «Обыкновенной истории» в типологии мировой литературы до конца не решен и требует дальнейшей разработки и уточнений.

Примечания

¹ Краснощекова все же относит «Обыкновенную историю» к жанру романа воспитания, выходя из затруднений с помощью оксюморонного (по ее же признанию) термина «открытый эпилог» [Краснощекова 2012: 125].

² «A Common Story has been compared to Balzac's *Illusions perdues* and included in the tradition of the novel of systematic disillusionment, which is perhaps the characteristic form of the nineteenth century realistic novel, especially in France» [Ehre: 134].

³ См., например: [Ehre: 134], [Отрадин: 34].

⁴ Именно так Гончаров поступил в одном из своих ранних произведений – «Счастливого ошибки». Описывая комнату героини, он подчеркнул, что на всех вещах «лежит печать ее присутствия».

⁵ Такой способ повествования мы обозначаем термином нарративная ирония. Определение «нарративная» подразумевает, что, в отличие от вербальной иронии, прямой смысл нигде не сформулирован автором, он существует как вывод, который читатель делает сам, но под воздействием, казалось бы, очевидных аргументов. Второй смысл в обоих случаях (вербальной и нарративной иронии) скрыт.

⁶ Идея соотнести «Обыкновенную историю» с комедией не нова – она разрабатывалась в прошлом веке как отечественными, так и зарубежными исследователями (однако, насколько нам известно, трактовка эпилога как разрешения цепи ошибок и недоразумений из-за незнания себя в литературе не встречалась). Американский исследователь Милтон Эре увидел в романе Гончарова черты комедии нравов (comedy of manners) – о взрослении человека, утрате иллюзий, компромиссах зрелости. Традиции русской комедии первой половины XIX века в «Обыкновенной истории» рассматривал С.М. Шаврыгин. Сопоставляя роман с комедией А.А. Шаховского «Новый Стерн», исследователь обратил внимание на изначальные проявления эгоизма Александра (в первой главе романа), (однако к выводу о раскрытии в Эпилоге подлинной натуры Александра не пришел): «Молодой герой, стремящийся к изменению привычного образа жизни, в эгоистическом желании не замечает родительского горя <...> невольно отступает от обязанностей сыновних, забывает о сыновней благодарности» [Шаврыгин: 199].

⁷ Обыкновенный случай, комедия-водевиль в одном действии (Э. Скриб, Ф. де Курси, Харьков, 1838. «Печать позволяет: <...> М., 1838 г. Февраля 12 дня. Цензор Василий Булыгин»).

⁸ Подробнее об этом см.: С. Казакова. Обыкновенный случай: диалог Гончарова со Скрибом // Вопросы литературы. 2018. № 4.

⁹ Видимо, формулировку «идет вверх» следует понимать именно в контексте роста самосознания Адуева-младшего. Что касается других аспектов, в частности отношений с женщинами, с матерью, то нравственный прогресс героя вызывает сомнения.

¹⁰ Литературоведы давно стремятся осмыслить в научных категориях особое сопряжение личного и общественного в русском романе второй половины XIX века. Вяч. Иванов в свое время предложил термин «демотический роман» (от слова «демос» – народ), метафорически уподобляя его «оку народа, загоревшемуся в одиноличной душе, но наведенному на весь народ, чтобы последний мог обозреть себя самого и себя осознать». Такой роман большого сти-

ля, по мнению Иванова, «возвышается... до высот мирового, вселенского эпоса и пророчесственного самоопределения народной души». Похожую мысль пытается закрепить термином «эпический роман» В. Андреева, подразумевая под ним сохранение соборного начала в иерархии ценностей, построенной вокруг «главенствующей мысли о человеке».

¹¹ В литературе иногда слишком драматизируют ситуацию с болезнью Лизаветы Александровны, пророча ей чуть ли не смерть от чахотки. Сошлемся на мнение ее лечащего врача: «А может быть, и ничего нет. Подозрительных симптомов решительно никаких! Это так... вы засиделись слишком долго здесь, в этом болотистом климате. Ступайте на юг: освежитесь, наберитесь новых впечатлений и посмотрите, что будет. <...> Я повторяю вам, что сказал в первый раз, то есть что организм ее не тронут: разрушительных симптомов нет. Малоокровие, некоторый упадок сил... – вот и всё!» [Гончаров: 455].

Список литературы

Ауэрбах Эрих. Мимесис / пер. с нем. Ал. Михайлова. М.: Прогресс, 1976. 556 с.

Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 3. Теория романа (1930–1961 гг.). М.: Языки славянских культур, 2012. 880 с.

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.

Гончаров И.А. Обыкновенная история // Гончаров И.А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. СПб.: Наука, 1997. Т. 1. 829 с.

Краснощечкова Е.А. И.А. Гончаров: Bildungsroman на русской почве // И.А. Гончаров: материалы Междунар. конф. Ульяновск: Изд. Корпорация технологий продвижения, 2003. С. 7–19.

Краснощечкова Е.А. И.А. Гончаров: Мир творчества. СПб., Изд. Пушкинского фонда, 2012. 528 с.

Молнар Ангелика. Поэзия прозы в творчестве Гончарова. Ульяновск: Изд. Корпорация технологий продвижения, 2012. 448 с.

Отрадин М.В. Проза И.А. Гончарова в литературном контексте. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994. 168 с.

Фаустов А.А., Савинков С.В. Универсальные характеры русской литературы. Воронеж: ВГПУ, 2015. 312 с.

Шаврыгин С.М. Традиции русской комедии первой половины XIX века в «Обыкновенной истории» И.А. Гончарова (И.А. Гончаров и А.А. Шаховской) // И.А. Гончаров: материалы междунар. конф. Ульяновск: Стержень, 1994. С. 196–203.

Ehre Milton. Oblomov and his Creator: Life and Art of Ivan Goncharov. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1974. 309 p.

References

Auerbakh Erikh. *Mimesis. Per. s nem. Al. Mikhailova* [Mimesis. Per. from German Al. Mikhailova]. Moscow, Progress Publ., 1976, 556 p. (In Russ.)

Bakhtin M.M. *Sobranie sochinenii. T. 3. Teoriia romana (1930–1961 gg.)* [Collected works. Vol. 3: Theory of the novel (1930–1961)]. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2012, 880 p. (In Russ.)

Bakhtin M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1979, 424 p. (In Russ.)

Goncharov I.A. *Obyknovennaia istoriia* [Ordinary story]. Goncharov I.A. *Poln. sobr. soch. i pisem: v 20 t.* [Complete works and letters: in 20 vols]. SPb.: Nauka Publ., 1997, vol. 1, 829 p. (In Russ.)

Krasnoshchekova E.A. *I.A. Goncharov: Bildungsroman na russkoi pochve* [I.A. Goncharov: Bildungsroman on Russian soil]. *I.A. Goncharov: Materialy Mezhdunarodnoi konferentsii* [I.A. Goncharov: materials of the International Conference]. Ul'ianovsk, Korporatsiia tekhnologii prodvizheniia Publ., 2003, pp. 7–19. (In Russ.)

Krasnoshchekova E.A. *I.A. Goncharov: Mir tvorchestva* [I.A. Goncharov: The World of Creativity]. SPb., Pushkinskiy fond Publ., 2012, 528 p. (In Russ.)

Molnar Angelika. *Poeziia prozy v tvorchestve Goncharova* [Poetry of prose in the works of Goncharov]. Ul'ianovsk: Korporatsiia tekhnologii prodvizheniia Publ., 2012, 448 p. (In Russ.)

Otradin M.V. *Proza I.A. Goncharova v literaturnom kontekste* [Prose I.A. Goncharova in the literary context]. St. Petersburg, SPbGU Publ., 1994, 168 p.

Faustov A.A., Savinkov S.V. *Universal'nye kharaktery russkoi literatury* [Universal characters of Russian literature]. Voronezh, VGPU Publ., 2015, 312 p. (In Russ.)

Shavrygin S.M. *Traditsii russkoi komedii pervoi poloviny XIX veka v «Obykvennoi istorii» I.A. Goncharova (I.A. Goncharov i A.A. Shakhovskoi)* [Traditions of Russian comedy of the first half of the 19th century in Ordinary History I.A. Goncharova (I.A. Goncharov and A.A. Shakhovskaya)]. *I.A. Goncharov. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii* [I.A. Goncharov. Materials of the international conference]. Ul'ianovsk, Sterzhen' Publ., 1994, pp. 196–203. (In Russ.)

DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-1-125-131
УДК 821.161.1.09"19"

Зубков Кирилл Юрьевич

Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Институт русской литературы Российской академии наук (Пушкинский дом)

Тихомиров Владимир Васильевич
Костромской государственной университет

НЕИЗВЕСТНЫЙ ОТЗЫВ А.В. НИКИТЕНКО О КОМЕДИИ А.Н. ОСТРОВСКОГО «ЛЕС» В ИСТОРИИ РЕЦЕПЦИИ ПЬЕСЫ

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ
исследовательского проекта 19-012-00070 А

В статье впервые вводится в научный оборот неизвестный отзыв академика А.В. Никитенко на комедию А.Н. Островского «Лес». Отзыв этот был составлен по поручению комиссии, распределявшей Уваровские награды для драматургов, после того как писатель подал свою пьесу на конкурс. Рецензия Никитенко была прочитана на заседании комиссии; ее копия сохранилась в личном архиве академика. Островский участвовал в конкурсе на распределение Уваровских премий в течение более чем 15 лет, однако успеха добился лишь дважды: с «Грозой» в 1860 г. и с драмой «Грех да беда на кого не живет» в 1863 г. Никитенко, сам входивший в академическую комиссию, в течение нескольких лет рецензировал все претендовавшие на премию произведения и практически неизменно давал о них отрицательные заключения. Резко негативно он отнесся и к «Лесу» Островского. В статье отзыв Никитенко рассматривается в контексте литературно-критических и театральных рецензий на комедию Островского, вышедших вскоре после ее публикации и постановки. Публикация подготовлена на основании архивных документов, обнаруженных в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук и Рукописном отделе Института русской литературы Российской академии наук (Пушкинского дома).

Ключевые слова: А.Н. Островский, А.В. Никитенко, литературные премии, текстология, литературная критика, театральная критика, спектакль.

Информация об авторах: Зубков Кирилл Юрьевич, ORCID: 0000-0003-3591-8252, кандидат филологических наук, Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва; Институт русской литературы Российской академии наук (Пушкинский дом), г. Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: k_zubkov@inbox.ru.

Тихомиров Владимир Васильевич, доктор филологических наук, профессор, Костромской государственной университет, г. Кострома, Россия.

E-mail: nov6409@kmtm.ru.

Дата поступления статьи в редакцию: 15.11.2019.

Для цитирования: Зубков К.Ю., Тихомиров В.В. Неизвестный отзыв А.В. Никитенко о комедии А.Н. Островского «Лес» в истории рецепции пьесы // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 1. С. 125-131. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-1-125-131.

Kirill Yu. Zubkov

National Research University Higher School of Economics,
the Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences

Vladimir V. Tikhomirov
Kostroma State University

UNKNOWN REVIEW BY ALEKSANDR NIKITENKO OF THE COMEDY *THE FOREST* BY ALEXANDER OSTROVSKY IN THE RECEPTIVE HISTORY OF THE PLAY

The reported study was funded by RFBR according to the research project No. 19-012-00070 А

For the first time, we publish an unknown review written by Aleksandr Nikitenko, a member of Imperial Academy of Sciences, of the comedy by Alexander Ostrovsky «The Forest». This review was compiled on behalf of the commission that distributed Aleksey Uvarov's awards for the playwrights after Alexander Ostrovsky submitted his play to the competition. Review by Aleksandr Nikitenko was read at a meeting of the commission; its copy has been discovered in his personal archive. Alexander Ostrovsky participated in the competition for Aleksey Uvarov's award for more than 15 years, but he achieved success only twice: with his «The Storm» in 1860 and with the drama «Sin and Sorrow Are Common to All» in 1863. Aleksandr Nikitenko, himself a member of the academic commission, for several years was reviewing all the works that competed for the prize, and almost always gave negative conclusions about them. He reacted sharply negatively to «The Forest» as well. In the article, Aleksandr Nikitenko's review is considered in the context of literary, critical and theatrical criticism of the comedy by Alexander Ostrovsky, which were released shortly after its publication and production. The publication was prepared on the basis of archival documents found in St. Petersburg department of the Archive of the Russian Academy of Sciences and the Manuscript Department of the Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences.

Keywords: Alexander Ostrovsky, Aleksandr Nikitenko, literary prizes, textual criticism, literary criticism, theatrical criticism, drama performance.

Information about the author: Kirill Yur'yevich Zubkov, ORCID: 0000-0003-3591-8252, Candidate of Philology, National Research University Higher School of Economics; Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia.

E-mail: k_zubkov@inbox.ru.

Vladimir Vasil'yevich Tikhomirov, Doctor of Philology, Professor, Kostroma State University, Kostroma, Russia.

E-mail: nov6409@kmtu.ru.

Article received: November 15, 2019.

For citation: Tikhomirov V. V., Zubkov K. Yu. Unknown review by Aleksandr Nikitenko of the comedy *The Forest* by Alexander Ostrovsky in the receptive history of the play. *Vestnik of Kostroma State University*, 2020, vol. 26, № 1, pp. 125-131 (In Russ.). DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-1-125-131.

За время своей творческой деятельности А.Н. Островский был удостоен литературных премий четыре раза. Дважды драматург получал премии графа Уварова: за драмы «Гроза» в 1860 г. (в том же году премию получил и А.Ф. Писемский, автор пьесы «Горькая судьбина») и «Грех да беда на кого не живёт» в 1863 г. Награда графа Уварова, бывшего министра просвещения в царствование Николая I, автора известной идеологической формулы «православие, самодержавие, народность», была учреждена в 1856 г. по инициативе его сына А.С. Уварова, известного учёного-археолога, будущего основателя Исторического музея в Москве и первого его директора. Гораздо позже Общество русских драматических писателей, возглавляемое, кстати, самим Островским, присудило премию, которая стала называться Грибоедовской, двум его пьесам: «Красавец-мужчина» (1884 г.) и «Не от мира сего» (1885 г.). Несколько раз Островский представлял и другие свои пьесы в комиссию Академии наук, которой было поручено рассматривать предложенные произведения и решать вопрос о присуждении Уваровской премии, однако решение оказывалось неизменно отрицательным. Обычно Островскому предъявлялись претензии в недостаточной сценичности или художественном несовершенстве [Тихомиров 2004]. Среди представленных к награде, но не получивших её, оказались хроники «Козьма Захарьич Минин-Сухорук» (1861 г.), и «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский» (1866 г.), комедии «Горячее сердце» (1869 г.), «Лес» (1870 г.), «Не было ни гроша, да вдруг алтын», «Не всё коту масленица» (1872 г.), «Волки и овцы» и «Богатые невесты» (1875 г.), пьеса-сказка «Снегурочка» (1873 г.).

Показательна история с представлением на Уваровскую премию комедии А.Н. Островского «Лес», написанной в конце 1870 года, опубликованной в январе 1871 г. в «Отечественных записках» и поставленной в театрах Петербурга и Москвы в ноябре того же года. До недавнего времени подробности этой истории были почти неизвестны, кроме упоминания о ней в письме П.В. Анненкова брату драматурга М.Н. Островскому от 28 сентября 1871 года: «...Я.К. Грот известил меня, что в премии Александру Николаевичу отказано. Это порешили те чемоданы, набитые quasi-научной трухой, которые заседают в Отделении российской словесности. Ни крошечки вкуса, ни искорки поэ-

тического чувства, ни признака понимания мастерских построек в литературе не обнаруживается давно у товарищей Безобразова, Никитенки, Б. Фёдорова...» [Неизданные письма: 683]. Анненков явно иронизировал, называя «товарищами» членов комиссии действительно состоявших в Академии литератора Б.М. Федорова, которого современники воспринимали как совершенно не актуальную для текущей литературы фигуру, и экономиста В.П. Безобразова, не имевшего вообще никакого отношения к литературе. Из названных им лиц лишь академик А.В. Никитенко действительно был членом этой комиссии и к тому же постоянным докладчиком, после 1867 года представлявшим выдвинутые на премию произведения и дававшим им соответствующую характеристику.

В «Дневнике» А.В. Никитенко, который чаще всего упоминал об обсуждении в комиссии номинированных на премию произведений, о комедии «Лес» нет информации. Однако в Санкт-Петербургском филиале архива РАН и Рукописном отделе Пушкинского дома нам удалось обнаружить материалы, раскрывающие общую картину с представлением комедии Островского «Лес» на соискание Уваровской премии.

Драматург представил пьесу в комиссию 30 декабря 1870 г. в рукописной копии, которую передал титулярный советник В. Бруевич¹. За день до этого была проведена баллотировка: в состав комиссии, оценивавшей драматические произведения, вошли И.И. Срезневский, А.В. Никитенко, Я.К. Грот, П.И. Пекарский, А.Ф. Бычков и В.В. Вельяминов-Зернов, председателем был непрменный секретарь Академии К.С. Веселовский². 21 января состоялось первое заседание в котором Никитенко было поручено к 15 мая подготовить отзыв³. 3 и 9 сентября 1871 г. комиссия собралась на заседания, в которых отзывы Никитенко были заслушаны, а члены комиссии пришли к следующим выводам: «...Комиссия нашла, что хотя и на нынешнем конкурсе, как и на предшествовавших, находятся пьесы, представляющие собою несомненные достоинства, но ни одна из них не соответствует тем высоким требованиям, которые, по Положению об Уваровских наградах, необходимы для присуждения большой премии за драматическое произведение. Поэтому Комиссия признала, что в настоящем году не может быть присуждена кому-либо Уваровская премия за драматическую пьесу, но вместе с тем Ака-

демия весьма сожалеет, что в ее распоряжении не имеется каких-нибудь других средств для публичного признания, с ее стороны, достоинств некоторых конкурсных пьес»⁴.

Известно, что представить комедию «Лес» на соискание Уваровской премии автору предложил его брат М.Н. Островский, высоко ценивший творчество драматурга и постоянно его поддерживавший. При этом М.Н. Островский ссылаясь на мнение некоторых знакомых, в том числе и П.В. Анненкова, в присутствии которых он устроил читку пьесы [Островский, 3: 533–534], присланной ему братом из Москвы. Судя по его письму от 20 декабря 1870 г., комедия была прочитана в разных местах до этого числа.

Отзыв на пьесу в делах комиссии не сохранился: по всей видимости, Никитенко представил его только устно. Однако в фонде Никитенко в Рукописном отделе Института русской литературы РАН (Пушкинского дома) находится черновой автограф этого отзыва, а также копия писарским почерком, соответствующая последнему слою этого автографа⁵. Далее мы публикуем этот отзыв по белой копии, исправляя по черновому автографу отдельные неточности переписчика. Наиболее значительные варианты чернового автографа приводятся в примечаниях. В квадратные скобки заключены вычеркнутые в черновом автографе фрагменты.

Лес. Комедия в 5-ти действиях г. Островского

Плодовитость автора поистине изумительна. Едва только одна пьеса его появилась на сцене, и зрители не успели еще дать себе отчета в возбужденных ею впечатлениях, как уже готова другая⁶. Нельзя сказать, чтобы плодовитость эта обращалась в пользу автору не в отношении денежного сбора за представления, а в отношении к литературному достоинству его произведений; вероятно, она мешает ему, между прочим, глубже вдумываться в избираемые им сюжеты, мешает, так сказать, отстаиваться и дозревать в его уме развиваемым им характерам и избегать повторений в изображении одних и тех же нравов и положений. Его новая комедия «Лес» в целом есть произведение⁷ неудачное, за исключением изображения одной личности, на которую мы укажем ниже; она не выходит из разряда тех обыденных пьес, которые поддерживают на театре цепь сценических представлений, чтобы она не прерывалась⁸, но лишены художественного значения, придающего национальному театру блеск, литературное достоинство, и в зрительях или читателях возбуждавшее (так!) равное эстетическое чувство даже тогда, когда перед ними выставляется зрелище человеческих несовершенств и пороков. В нашей современной литературе драматической и недраматической принято за правило почерпать из русской жизни и нравов то, что выражает их как можно грязнее. Мы знаем, что грязи так довольно у нас накопилось в течение веков, однако в этой грязи есть крупинцы и даже куски самородного золота; но наши писатели ищут не его; они как будто и не надеются его найти там. Под предлогом естественности и реальности они попадают на одни реальные стороны отрицаний и забывают, что реальное

также заключается и в отличительных свойствах добра, без которого ни народ, ни каждый человек в отдельности не бывают и не могут быть людьми. А лесу г. Островского этой грязи тоже очень довольно⁹. В деревне живет богатая помещица Гржемыцкая (так!)¹⁰, пошлейшая лицемерка, одержимая духом¹¹ корысти и похоти. Она выдает себя за покровительницу всех бедствующих и страждущих, за образец беспорочности и чистоты, а между тем только о том и думает, как бы никому ничего не дать, ничего ни для кого не делать полезного и, несмотря на свои довольно преклонные лета, как бы позабавиться в¹² смешную игру плоти (так!). Для этого она призрела молодого человека, какого-то бедняка и идиота, не кончившего курса в гимназии, под предлогом выдать за него свою бедную сироту-родственницу, находящуюся у нее под гнетом и ненавидимую за ее молодость и привлекательную наружность, а между тем старается уловить его в свои любовные сети и уловляет. У нее есть также племянник, воспитывающийся где-то в Петербурге¹³ и находящийся под мнимым ее покровительством; она бросает его на произвол судьбы совершенно без всякой помощи, разглашая между тем везде, что он составляет предмет ее материнских попечений и забот. Этот-то племянник и есть та замечательная личность, о которой мы упомянули выше¹⁴. Автор дает ему справедливо характеристическое имя Несчастливцева. И вот в изображении этого лица блеснул луч истинного таланта автора. Несчастливцев по имени и по судьбе, тщетно ожидая помощи от своей тетки для довершения своего воспитания и приобретения какого-нибудь положения в жизни, делается наконец бродягой и попадает в труппу странствующих актеров, где занимает роли трагических героев. В этом лице автор умел соединить вместе с дурными навыками, происшедшими от недостатка образования, доброту и благородство сердца; несмотря на его жалкую фигуру, на бродяжническую жизнь, на замашки высокопарного чудака, почерпнутые им из игранных им трагических пьес, он не ропщет ни на свою судьбу, ни на тетку, терпеливо сносит нищету и свою незавидную долю, готов промотать последнюю копейку и поделиться ею с подобным себе горемыкою, и действительно он отдает все, что у него было, своей сестре (так!), когда ей понадобились деньги для вступления в брак с любимым человеком, и расстается навсегда с своею гадкою теткою без всякой злобы¹⁵. Он смешит читателя претензиями своими на артистическую славу, верует в свой талант, которого в сущности нет, или он не развился, а между тем привлекает к себе своими добрыми качествами, беззаботностью, естественностью и простотою своей натуры¹⁶ в порядочной общественной грязи, и хотя ее довольно-таки на его наружности, но нравственно он неизмеримо чище многих вымытых и вычищенных личностей, словом, это одно из удачнейших лиц, выведенных на сцену г. Островским. Зато все прочие лица обыкновенного пошлого разбора, какими помещены (так!) пьесы как самого г. Островского, так и других наших драматургов. Таков купец Восьмибратов, покупающий лес у Гржемыцкой, о котором только и можно сказать, что это плут-мужик, думающий единственно о том, как бы заплатить за вещи в десять раз дешевле, чем они стоят, и продать их <же> во сто раз дороже, да если можно еще при том, хорошенько подгноить их. Сын его Петр, влюбленный в родственницу Гржемыцкой, живущую у ней в доме, пустой бездарный парень, вроде сидельца Щукина двора, самая эта родственница, бедная девушка

Аксюта (*так!*), существо доброе, но не имеющее в себе ничего привлекательного ни для кого, кроме разве купеческого сына. Буланов, тот самый недоучившийся гимназист, о котором упомянуто выше, нечто вроде идиота, глупейшим образом приволакивающийся за Аксютой и осмысливающего (*так!*) только тогда, когда помещица Гржемыцкая предлагает ему себя и свое состояние. Тут только блеснуло в нем почти похожее на мозговой скотский ум – т. е. он понял, что может есть и одеваться несравненно лучше, чем прежде, даже распоряжаться вещами и людьми, да вдобавок заниматься животной любовью с женщиною хотя и немолодою, но еще удобною для этого рода упражнений. Милонов, нечто вроде глупого придворного льстеца при г-же Гржимайловой (*так!*), кажется, имеющий виды на ее особу и имение. Таков персонал, из которого состоит «Лес». Что касается до содержания пьесы, то оно отличается тем, что в нем нет завязки и нет единства идеи и художественной задачи. Г-жа Гржемыцкая, как мы сказали уже, занимающаяся восхвалением своих добродетелей и любовными помыслами, хочет продать лес купцу Восьмибратову; ей на что-то понадобились деньги, которые она, впрочем, больше любит, чем умеет ими распоряжаться. Между тем она хочет сбыть с рук, т. е. выдать замуж свою родственницу Аксюту, которая жила у ней в доме, может, по ее мнению, похитить у ней ее сокровище Буланова. Она поскорее и выходит замуж за этого шалуна, а Аксюта, получив от своего родственника Несчастливцева деньги, которые требовал отец ее жениха Семибратов (*так!*), выходит замуж за его сына – чем и оканчивается пьеса.

Таким образом, пьеса г. Островского и со стороны содержания своего, и со стороны действующих в ней лиц, кроме одного лица Несчастливцева, оказывается совершенно неудачною, и следовательно, по моему мнению, вовсе не подходящую под условия, дающие драматическому произведению право на Уваровскую премию.

Судя по тексту отзыва, маститый академик не удостоил пьесу внимательного и объективного анализа. Скорее всего, у него уже имело место известное предубеждение по отношению к творчеству Островского, поскольку он и до обсуждения комедии «Лес», и после неоднократно давал отрицательную оценку его пьесам, преимущественно, как он утверждал, по причине недостаточной художественности, несценичности либо неоригинальности (повторяемости) сюжетных ситуаций, конфликтов и характеров персонажей.

Все названные драматургические недочёты находит Никитенко и в комедии «Лес». Он подозревает, что Островский торопится с написанием своих пьес из меркантильных соображений, поэтому недостаточно их отделяет. Не устраивает рецензента и сосредоточенность драматурга, как и других русских писателей, на изображении низменных сторон русской жизни: писатели, утверждает Никитенко, не учитывают, что «в этой грязи есть крупички и даже куски самородного золота...». Далее, по существу противореча себе, рецензент выделяет из всех персонажей комедии характер Несчастливцева, в изображении которого «блеснул луч истинного таланта автора». «В этом лице автор умел соеди-

нить вместе с дурными навыками, происшедшими от недостатка образования, доброту и благородство сердца...», – признаёт Никитенко, утверждая, что Несчастливцев – «одно из удачнейших лиц, выведенных на сцену г. Островским». Все остальные персонажи комедии, по мнению рецензента, «пустые» и «пошлые» лица, не исключая Аксюши и её возлюбленного Петра. При этом Аркадий Счастливцев, играющий в комедии немаловажную роль, особенно в паре с Несчастливцевым, вовсе не упомянут, за исключением одного раза в черновике, но и там он спутан с Несчастливцевым. Фамилии и имена других героев нередко оказываются искажёнными: Восьмибратов назван Семибратовым, Аксюша – Аксютой. Больше всех «не повезло» госпоже Гурмыжской, её фамилия получила ряд просто неудобочитаемых вариантов: Гржемыцкая, Гржимайлова, Громьдская. Автор рецензии, видимо, отнёсся к своей задаче недостаточно добросовестно.

Не случайно в самой комедии Никитенко, руководствуясь не её оригинальными особенностями, а формальными принципами, констатирует отсутствие «завязки», а также «единства идеи и художественной задачи». Подобные претензии демонстрируют, как отметил в упомянутом выше письме М.Н. Островскому П.В. Анненков, отсутствие у автора отзыва «художественного вкуса» и «поэтического чувства». Суждения Никитенко о комедии «Лес» не были чем-то исключительным для того времени. После публикации пьесы в № 1 «Отечественных записок» за 1871 г. в печати появилось несколько рецензий на неё очень сдержанного и противоречивого характера, в большинстве анонимных, но были среди них статьи таких известных критиков, как В.П. Буренин, Н.И. Соловьёв, Н.Н. Страхов и другие [Тихомиров 2019].

Имели место и попытки достаточно объективно оценить пьесу, понять её проблематику. Анонимный автор «Петербургской летописи» («Биржевые ведомости», 1871, № 26) обратил внимание на нравственное противостояние служителя искусства, актёра, и пошлого меркантильного общества, состоящего из представителей дворянства и купечества: «В противоположность этой мрачной среде выставлен в комедии провинциальный трагик, бесшабашная голова с тёплым сердцем, так называемая широкая натура, для которой не существует мелочных расчётов... Личность, выведенная автором, несколько исключительна и образцом для подражания считаться, конечно, не может, хотя наряду с беспутностью представляет некоторое величие и возбуждает к себе сочувствие. <...> Несчастливцев гаерствует в пьесе до последней минуты и злобу свою против бессердечной среды, в которой он очутился, выражает монологом из “Разбойников” Шиллера» [Без подписи 1871a].

В отличие от сотрудника «Биржевых ведомостей», Н.Н. Страхов в рецензии на комедию «Лес»

(«Заря», 1871, № 2) обратил преимущественное внимание на художественное мастерство автора пьесы. Он отметил, что пьеса «произвела приятное впечатление на всех почитателей таланта» драматурга. Островский, по мнению критика, – преимущественно «бытописатель-этнограф», он не столько создаёт «личные характеры», сколько «варирует весьма искусно и удачно» уже найденные, «как бытовые, так и психические типы», которые при этом «целиком взяты из жизни» [Зелинский, 4: 33]. В то же время Страхов находит одинаковым «дикий и дремучий мир» в изображении и хозяев жизни, и провинциальных актёров, не видит пусть парадоксального, но противостояния людей искусства и бездуховной среды, которая их окружает.

Ещё более категоричным в отрицании какого-либо осмысленного значения новой пьесы Островского был В.П. Буренин, признавший несомненный талант драматурга, но одновременно категорически заявивший о «пустышности содержания комедии», хотя она, по мнению критика, «написана превосходно, переполнена живыми лицами и сценами». Буренин даже сожалеет, что Островский потратил своё мастерство на столь «несерьёзное содержание», однако признаёт, что «талант Островского не угас нимало», но при этом, по его мнению, «сокрушение возбуждается сознанием, что этот талант способен пробуждаться в полной силе в произведениях, почти не имеющих значения по мысли...», в то время как «в первых его произведениях» «серьёзность замысла соответствует исполнению» [Буренин].

Большинство отзывов о комедии как после её публикации, так и по поводу премьерных спектаклей были преимущественно отрицательными. Театральный нигилист (А.А. Соколов), автор статьи «В лесу» в газете «Петербургский листок» (1871, № 219, 6 ноября и № 220, 11 ноября) даже попытался сделать общий вывод из отзывов о пьесе: «Общий голос, что произведение это слабое, в чём мы и соглашаемся со всеми» [Театральный нигилист]. Часто звучали упреки в недостаточной сценичности комедии и её несоответствии жанровым принципам. П.Д. Боборыкин назвал пьесы Островского «драматизированными повестями» [Боборыкин: 33]. Н.И. Соловьёв заявил, что «Лес» – «роман или повесть в сценах» [Соловьёв]. Анонимный сотрудник «Голоса» упрекнул автора пьесы в «многоглаголии», то есть в преобладании в комедии диалогов над действием [Без подписи 1871б]. Всё это свидетельствовало о неприятии многими критиками новаторского, эпического характера драматургии А.Н. Островского.

По сравнению со значительным количеством преимущественно негативных оценок «Леса», появившихся после премьерного спектакля, выделяется своей обстоятельностью и доброжелательным отношением к новой комедии Островского статья

М. Р. (М.Я. Раппопорта) «Театральные и музыкальные заметки» («Русский мир», 1871, № 63, 4 ноября, с. 1–3). Рецензент утверждает, что эта пьеса – «явление весьма крупное в нашей литературе», что Островский выступил в ней как «строгий сатирик», показывающий «общественные недуги в целом и в частности», обращающий внимание на «больные места известной среды», протестующий против грубого невежества – «наподобие диких обитателей бесконечного дремучего леса, исключительно озабоченных своим материальным благосостоянием». Комедия представляет собой, по мнению Раппопорта, «глубокий, верный психический этюд изображаемых типов – выше всяких форм и рутинных сценических условий, и поэтому, несмотря на несколько утомляющую разговорную форму и, вследствие этого, на отсутствие, в известной степени, сценического движения, нельзя не причислить и новую комедию А.Н. Островского “Лес” к более удавшимся произведениям его» [Зелинский, 4: 50]. О недостатках сценичности в этой и в других пьесах Островского и о преобладании в них диалогов, как уже было отмечено, писали и другие рецензенты, но Раппопорт сосредоточился преимущественно не на недочётах, а на достоинствах комедии «Лес». Он высоко оценил характер Несчастливцева: по его словам, это «бедный горемыка-труженик, с горячим сердцем, с отчаянною головою... на нём сосредоточен главный интерес комедии. Он оживляет действие, парализуемое... повторяющимися в однообразной форме разговорными сценами... Это в полном смысле широкая русская натура, способная на всё доброе и вместе с тем увлекающаяся до крайности. Это драгоценный алмаз в первобытной своей неотделанной форме, это артистическая душа, навевающая на зрителя грустные и вместе отрадные думы» [Зелинский, 4: 51].

М.Я. Раппопорт одним из первых, откликнувшись на комедию «Лес», указал на противостояние провинциальных актёров, обладающих, хотя и в разной мере, не столько меркантильными, сколько артистическими интересами, окружающему их миру хозяев и прожигателей жизни. Он заметил «горькую иронию» автора по отношению ко всему происходящему в пьесе. В то же время критик утверждает, что «как замечательное литературное произведение, новая комедия более выигрывает в чтении». В целом же, по его мнению, «фабула комедии, не запутанной мудрёными интригами, простой, незатейливой по содержанию, но прекрасно задуманной и глубокой по мысли и морали», такова, что «нельзя не симпатизировать от всей души комедиям с таким честным направлением» [Зелинский, 4: 54, 55].

Известно, что новую комедию Островского высоко оценили П.В. Анненков, Н.А. Некрасов, И.С. Тургенев и другие литераторы [Островский, 3: 534].

По сравнению с перечисленными отзывами на комедию «Лес» официальная её оценка, сформулированная академиком Никитенко, представляется неубедительной и необъективной: рецензент, характеризуя комедию, руководствовался сугубо формальными принципами, не учитывал своеобразия художественных и социально-нравственных поисков её автора. В этом Никитенко оказался по существу единомышленником тех литературных и театральных критиков, которые с заведомым предубеждением и категорично относились к новаторскому творчеству Островского. Видимо, прав был Г.В. Краснов, следующим образом охарактеризовавший своеобразие критического метода Никитенко: «Позиция Никитенко-критика была эклектичной, “уравновешивающей”, в его критических разборах, содержавших верные наблюдения, большею частью фиксировался набор отрицательных и положительных свойств писателя, без попытки раскрыть единство его творческого мира» [Краснов 300]. Впрочем, это было характерно вообще для русской так называемой «академической» критики.

Примечания

¹ Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). Ф. 2. Оп. 1-1871. № 2. Л. 19.

² Там же. Л. 22.

³ Там же. Л. 24.

⁴ Там же. Л. 74–74 об.

⁵ Рукописный отдел Института русской литературы Российской академии наук РО (ИРЛИ РАН). № 18239. Л. 1–8 об.

⁶ [Надобно полагать, что плодovitость эта мешает автору]

⁷ [так сказать, чрезвычайно плоское, обыденное: не выходящее вовсе из круга тех [сценических произведений], <на полях: пьес>, которые, конечно, могут поддерживать цепь]

⁸ [но не в состоянии [дать зрит] возбудить в зрителях ни] [но не предоставляют ни] [не заключают в себе никакого художественного]

⁹ [Содержание этой комедии таково]

¹⁰ В черновом автографе: Гремыжская.

¹¹ [плоти]

¹² [привлекательную]

¹³ 1) [о воспитании и благе которого она радеет, не посылая ему по]; 2) [будто бы радеет]

¹⁴ [В самом де] [Автор неизвестно почему [называет [е] [его] его Счастл] дает ему имя [Сча] Счастливец]

¹⁵ [И все [это он дела], что делает он, делается у него [просто] так просто, естественно, без малейшего тщеславия]

¹⁶ В рукописи оставлен пропуск. В черновом автографе: Хотя он вращался.

Список литературы

<Без подписи>. Петербургская летопись // Биржевые ведомости. 1871. № 26. 27 янв.

<Без подписи>. Внутренние новости (Петербургская хроника) // Голос. 1871. № 304. 3 нояб.

Буренин В.П. Журналистика (Кой-что об Островском и его последней комедии) // Санкт-Петербургские ведомости. 1871. № 76. 17 марта.

Боборыкин П.Д. Русский театр // Дело. 1871. № 11. Современное обозрение. С. 33.

Зелинский В.А. Критические комментарии к сочинениям А.Н. Островского. М., 1896. Ч. 4. 239 с.

Краснов Г.В. Никитенко Александр Васильевич // Русские писатели, 1800–1917: Биографический словарь. М.: БРЭ, 1999. Т. 4. С. 297–302.

Неизданные письма к А.Н. Островскому. М.; Л.: Academia, 1932. 741 с.

Островский А.Н. Полн. собр. соч.: в 12 т. М.: Искусство, 1974. Т. 3.

Театральный нигилист <А.А. Соколов>. В лесу // Петербургский листок. 1871. № 219. 6 нояб.

Соловьёв Н.И. Русская журналистика в 1871 году // Русский мир. 1871. № 17. 18 сент.

Тихомиров В.В. А.Н. Островский – лауреат литературных премий // Щельковские чтения – 2003. А.Н. Островский в современном мире: сб. статей. Кострома, 2004. С. 18–28.

Тихомиров В.В. Комедия А.Н. Островского «Лес»: в поисках героя: Опыт комментария // Вестник Костромского госуниверситета. 2019. Т. 25. № 3. С. 84–88.

References

<Bez podpis'i>. *Peterburgskaia letopis'* [Petersburg annals]. *Birzhevye vedomosti* [Exchange statements], 1871, № 26, 27 January. (In Russ.)

<Bez podpis'i> *Vnutrennie novosti (Peterburgskaia khronika)* [Internal News (Petersburg Chronicle)]. *Golos* [Vote], 1871, № 304, 3, November. (In Russ.)

Burenin V.P. *Zhurnalistika (Koi-chto ob Ostrovskom i ego poslednei komedii)* [Journalism (Something about Ostrovsky and his latest comedy)]. *Sankt-Peterburgskie vedomosti* [Petersburg statements], 1871, № 76, 17 March (In Russ.)

Boborykin P.D. *Russkii teatr* [Russian theater]. *Delo*, 1871, № 11, *Sovremennoe obozrenie*, pp. 33. (In Russ.)

Zelinskii V.A. *Kriticheskie kommentarii k sochineniiam A.N. Ostrovskogo*. [Critical comments on the works of A.N. Ostrovsky]. M., 1896, Part. 4, 239 p. (In Russ.)

Krasnov G.V. *Nikitenko Aleksandr Vasil'evich* [Nikitenko Alexander Vasilievich]. *Russkie pisateli, 1800–1917, Biograficheskii slovar'* [Biographical Dictionary]. M., BRE, 1999, Vol. 4, pp. 297–302. (In Russ.)

Neizdannye pis'ma k A.N. Ostrovskomu [Unpublished letters to A.N. Ostrovsky]. M., L., Academia, 1932, 741 p. (In Russ.)

Ostrovskii A.N. *Poln. sobr. soch.: v 12 t.* [Full Sobr. Op.: in 12 vol.]. M., Iskusstvo, 1974, Vol. 3. (In Russ.)

Teatral'nyi nigilist <A.A. Sokolov>. *V lesu* [In the woods]. *Peterburgskii listok* [Petersburg leaf], 1871, № 219, 6 November. (In Russ.)

Solov'ev N.I. *Russkaia zhurnalistika v 1871 godu* [Russian journalism in 1871]. *Russkii mir* [Russian world], 1871, № 17, 18 September. (In Russ.)

Tikhomirov V.V. *A.N. Ostrovskii – laureat literaturnykh premii* [A.N. Ostrovsky – winner of

literary prizes]. *Shchelykovskie chteniia – 2003. A.N. Ostrovskii v sovremennoe mire* [Shchelykovsky readings – 2003. A.N. Ostrovsky in the modern world]. Kostroma, 2004, pp. 18–28. (In Russ.)

Tikhomirov V.V. *Komediia A.N. Ostrovskogo «Les»: v poiskakh geroia. Opyt kommentariia* [Comedy A.N. Ostrovsky “Forest”: in search of a hero. Comment Experience]. *Vestnik Kostromskogo gosuniversiteta* [Vestnik of Kostroma State University], Kostroma, 2019, Vol. 25, № 3, pp. 84–88. (In Russ.)

**ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА КАВКАЗА
В ТВОРЧЕСКОМ СОЗНАНИИ ДОСТОЕВСКОГО***Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 18-012-90020/19*

Статья посвящена кавказской теме в художественном и публицистическом творчестве Ф.М. Достоевского, сопровождается сведениями о ее биографических, историко-культурных и историко-литературных источниках. Писатель несколько раз упоминает в своих художественных произведениях факт службы того или иного героя на Кавказе, однако подобная подробность не имела характерологическую функцию. В романах Достоевского Кавказ присутствует в качестве устойчивого топоса романтической литературы в сниженном, а иногда и в пародийном варианте. В исследовании, выявившем парадоксальное несоответствие между объемом знаний писателя о Кавказе и степенью вхождения кавказской темы в его произведения, утверждается, что для осмысления этой темы нужен новый подход: назрела необходимость ее рассмотрения в контексте геополитических представлений писателя. У Достоевского не было интереса к этнокультурным особенностям того или иного окраинного региона Российской империи, в его картине мира они не имели собственного символического капитала и потому представляли в свете одной ведущей черты.

Ключевые слова: Достоевский, Российская империя, Кавказ, Кавказская война, петрашевы, романтизм, картина мира, геополитика, окраины.

Информация об авторе: Михновец Мария Владимировна, ORCID: 0000-0002-7818-2321, магистр филологического образования, научный сотрудник СПбГБУК «Литературно-мемориальный музей Ф.М. Достоевского», г. Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: mikhnovets@dostoevsky.spb.ru.

Дата поступления статьи: 24.12.2019.

Для цитирования: Михновец М.В. Особенности формирования образа Кавказа в творческом сознании Достоевского // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 1. С. 132-137. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-1-132-137.

Mariia V. Mikhnovets
Dostoevsky Museum, St. Petersburg

**FORMATION OF THE IMAGE OF THE CAUCASUS
IN FYODOR DOSTOEVSKY'S CREATIVE PERSONALITY***The research was made with the financial support of the RFBR
as a part of the project No. 18-012-90020/19*

The article explores the Caucasian theme in Fyodor Dostoevsky's fiction and non-fiction writings. The paper is based on a set of biographical, historical-cultural and historical-literary sources of the writer's knowledge of the Caucasus. The article shows Fyodor Dostoevsky's works were marginally affected by the information on the Caucasus and on the Caucasian wars the writer has at his disposal. The writer referred to characters' military service in the Caucasus several times in his fiction works, however, such detail never had influence on their development. In Fyodor Dostoevsky's novels, the Caucasus is a stable topos of romantic literature but it often has pejorative overtones. The present study shows a paradoxical discrepancy between the volume of the writer's knowledge about the Caucasus and the prominence of the Caucasian theme in his works. To further understand this discrepancy, it is important to consider the theme of the Caucasus in the context of the writer's geopolitical views. Fyodor Dostoevsky appears to have little interest in the ethnocultural features of what he saw as a peripheral region of the Russian Empire. In Fyodor Dostoevsky's world-view, the Caucasus had no symbolic capital and therefore was only represented using one simplified feature.

Keywords: Fyodor Dostoevsky, Russian Empire, Caucasus, Caucasian War, Mikhail Petrashevsky Circle, Romanticism, world-view, geopolitics, periphery.

Information about the author: Mariia V. Mikhnovets, ORCID: 0000-0002-7818-2321, Master of Philological Education, Research department, Dostoevsky Museum, Saint-Petersburg, Russia.

E-mail: mikhnovets@dostoevsky.spb.ru.

Article received: December 24, 2019.

For citation: Mikhnovets M.V. Formation of the image of the Caucasus in Fyodor Dostoevsky's creative personality. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 1, pp. 132-137 (In Russ.). DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-1-132-137.

В современном литературоведении сформировался корпус исследований, которые можно объединить общей широкой темой «Русская литература и Кавказ»¹. При этом специально вопрос о месте кавказской темы в художественном и публицистическом творчестве

Ф.М. Достоевского до сих пор не рассматривался. Безусловно, у этого есть объяснение: Кавказ не сыграл столько же значимой роли в жизни и творчестве писателя, как это было у А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Л.Н. Толстого². Тем не менее представляется важным очертить сложившийся

у Достоевского круг сведений о Кавказе и установить его биографическую, литературную и публицистическую основу: это позволит проследить историю формирования представлений писателя об этом регионе, а в дальнейшем выявить специфику интерпретации кавказской темы Достоевским в срезе его геополитических взглядов.

При всей обширности географии перемещений и путешествий Достоевский на Кавказе не был, и уроженцы Кавказа не входили в круг его друзей. При этом многие его знакомые посещали этот южный край Российской империи и были так или иначе связаны с событиями Кавказской войны в 1850–1870-х гг.

Кавказ был местом ссылки нескольких товарищей Достоевского по кружку М.В. Петрашевского. В «Дневнике писателя» за январь 1877 год в главе «Старина о “петрашевцах”» Достоевский писал: «Впоследствии, после помилования их, многие из них заявили себя весьма заметно, и если брать всех петрашевцев, то есть не одних сосланных в Сибирь, а и наказанных в России ссылкой по крепостям и на Кавказе, или удалением на службу в отдаленные города, или, наконец, просто оставшихся под надзором, то весьма и весьма многие из них заявили себя потом с большою честью» [Достоевский 25: 25]. Укажем, кого конкретно имел в виду писатель.

В первую очередь назовем В.А. Головинского. Его ввел в кружок петрашевцев Достоевский. Вместе молодые люди обсуждали вопросы чаемой правительственной реформы освобождения крестьян от крепостной зависимости, затем последовал их арест, и во время допросов Достоевский пытался защитить своего товарища. После гражданской казни Головинский сначала был определен в солдаты в Оренбургский линейный батальон, а с 1851 г. переведен на Кавказ, о чем Достоевский сообщил брату в письме от 22 февраля 1854 г. [Достоевский 28-1: 174]. В 1859 г. Достоевский и Головинский встретились в Твери и не могли не обсуждать свой многолетний каторжный и ссыльный опыт, хотя письменных свидетельств об этом не сохранилось.

После манифеста 1856 г. на солдатское поселение на Кавказ был отправлен Н.А. Момбелли, с которым Достоевский был также знаком по кружку петрашевцев, а позднее, в 1860-х – начале 70-х гг., встречался в Петербурге. П.Н. Филиппов – вероятно, именно Достоевским введенный в тайный заговор семи петрашевцев, – был определен в Кавказский отдельный корпус в 1851 г. и затем погиб во время штурма г. Карса, находившегося за Кавказским хребтом. А.И. Пальм после гражданской казни был определен в солдаты, служил в Крыму и на Кавказе³. С Достоевским после всех этих драматических событий он встретился только в декабре 1879 г. в Петербурге на литературном утреннике. Достоевский в разговоре с ним обращался

к прошлому, однако, судя по воспоминаниям Пальма, о подробностях кавказской ссылки речь не заходила.

Несколько знакомых петрашевцев были сосланы на Кавказ, и в этом контексте не случайным представляется стремление Достоевского получить по окончании срока каторги распределение в солдаты именно на Кавказ, который в отличие от Сибири представлялся ему уже освоенной Россией территориями. Об этом он пишет брату в письме от 30 января – 22 февраля 1854 г.: «Не знаю, что ждет меня в Семипалатинске. Я довольно равнодушен к этой судьбе. Но вот к чему не равнодушен: хлопчи за меня, проси кого-нибудь. Нельзя ли мне через год, через 2 на Кавказ, – все-таки Россия! Это мое пламенное желание, проси ради Христа!» [Достоевский 28-1: 172]. И далее: «Я постараюсь тебе найти другой адрес из Семипалатинска, куда я отправлюсь через неделю. <...> Но, ради Бога, старайся и проси об моем переводе на Кавказ» [Достоевский 28-1: 173].

Спустя два года в письме близкому другу А.Е. Врангелю от 13 апреля 1856 г. Достоевский размышляет о месте своей настоящей ссылки и сообщает, что «о Кавказе теперь уже и не думает» [Достоевский 28-1: 229]. Следовательно, на протяжении долгого времени писатель не переставал вспоминать о Кавказе как о возможном месте пребывания и после отправки в Семипалатинск.

Таким образом, в биографическом аспекте Кавказ для Достоевского существует как благоприятное место ссылки, что вполне отвечало русской социокультурной и историко-литературной ситуации середины XIX в.

Биографические источники знаний Достоевского о Кавказе органически связаны с историческими. На протяжении всей жизни писателя не прекращалась Кавказская война, которая переживала то свою активную стадию, то пассивную. Напомним: в 1859 г. был пленен Шамиль, затем он был доставлен в центральную Россию, представлен при дворе императора Александра Второго и императрицы Марии Александровны в Москве и в Царском Селе, кроме того, состоялась его московская встреча с генералом А.П. Ермоловым. Кавказская война в то время широко освещалась на страницах газет. Тем не менее военные события на Кавказе не стали предметом рефлексии Достоевского, хотя писатель в 1860 г. уже возвратился из сибирской ссылки в европейскую часть России. Лишь однажды в записной книжке от 1864 г. он отметил: «У нас Кавказ покорен» [Достоевский 20: 203]. Появление этой записи было обусловлено тем, что 12 июля в России было официально объявлено об окончании Кавказской войны, а в августе и сентябре последовал ряд публикаций в прессе на эту тему⁴.

Сам факт некоего отстраненного отношения Достоевского к теме завоевания Кавказа Россией

примечателен: характер этой позиции не вполне согласуется с тем, что писатель был хорошо осведомлен о происходящем. Достоевский опосредованно был связан с кавказскими событиями тех лет: его товарищи, преподаватели, с которыми он был в юности знаком по Инженерному училищу, были участниками Кавказской войны. К.П. Кауфман, закончивший Инженерное училище вместе с Достоевским, служил на Кавказе с 1844 г. [Почекаев]. О.П. Патгон, с которым Достоевский думал вместе переводить роман «Матильда» Эжена Сю, также отправился в 1844 г. служить на Кавказ. К.И. Иванов – выпускник Инженерного училища, помогавший Достоевскому в Сибири, а спустя годы, в конце 1870-х гг., живший в Петербурге неподалеку от дома писателя на Кузнечном переулке, – в 1860-е гг. отбывал службу на Кавказе. В письме от 1880 г. писатель вспоминает и своего преподавателя фортификации Г.И. Кори, раненного на Кавказе (в письме Достоевский ошибочно сообщает, что тот был «убит»: Кори умер в 1880 г. в Минской губернии, будучи в отставке) [Достоевский 30-1: 321]. О многих участниках Кавказской войны Достоевский вспоминает во второй половине 1870-х гг. в связи с событиями идущей Балканской войны, поскольку многие герои Кавказа сражались затем против Османской империи. Например, о Ф.Ф. Радецком, выпускнике Михайловского замка, герое Кавказской и Балканской войн, атаковавшем позиции турок на Шипке, Достоевский упоминает в связи с фактом увеличения роли инженерных войск во время современных военных действий 1877–1878 гг. [Достоевский 14: 302].

Налицо множественные связи Достоевского с людьми, служившими на Кавказе, однако этот жизненный материал всего лишь отдаленно отозвался в его публицистическом и художественном творчестве. Мельком упоминается герой-кавказец в «Дневнике писателя» за сентябрь 1876 года в главе «Piccola bestia» в связи с размышлениями о социалистах. В том же выпуске «Дневника писателя» появляется и краткое замечание о ветеранах Кавказской войны 1864 г. как о добровольцах Балканской войны [Достоевский 16: 111].

Многие герои художественных произведений Достоевского служили на Кавказе, но, как правило, они находятся на периферии системы персонажей. В романе «Идиот» на вечере у Настасьи Филипповны герой рассказа Афанасия Ивановича отправляется на Кавказ, потом попадает в Крым, где и погибает [Достоевский 8: 129]. В «Бесах» дед Марии Лебядкиной, штаб-офицер, «был убит на Кавказе на глазах у самого Ермолова» [Достоевский 10: 139]. Митя Карамазов «попал в одну военную школу, потом очутился на Кавказе, выслужился, дрался на дуэли, был разжалован...» [Достоевский 14: 11]. Старец Зосима, герой романа «Братья Карамазовы», «когда-то в самой ранней юности был во-

енным и служил на Кавказе обер-офицером» [Достоевский 14: 28].

Нельзя не заметить: «кавказская» подробность ни в одном из указанных случаев не играет сюжетно-фабульной роли, не имеет она и характерологической функции. Для героев Достоевского факт пребывания на Кавказе не является определяющим в процессе формирования характера, оказывается проходным событием в их жизни, своеобразным «общим местом», фактом, который обесценен в смысловом отношении.

Любопытным для нашего исследования представляется только сцена в главе «Черт. Кошмар Ивана Карамазова» (роман «Братья Карамазовы»). Черт предполагает: Иван может злиться из-за того, что тот явился ему не «в красном сиянии, “тремя и блистая”, с опаленными крыльями» [Достоевский 14: 82], а в непритязательном виде, напоминающем образ обедневшего помещика-приживальщика. Черт укоряет Ивана в литературности мышления, в следовании образам литературы романтизма («Нет, в тебе-таки есть эта романтическая струйка, столь осмеянная еще Белинским»). Он иронизирует над тем, что не явился Ивану ни в виде серафима, ни в виде романтического бунтующего героя⁵, ни, наконец, в образе «отставного действительного статского советника, служившего на Кавказе, со звездой Льва и Солнца на фраке». Остановимся на последнем образе. В данном случае статский чиновник, получивший персидский орден, которым иногда награждались русские чиновники на Кавказе, оказывается вариацией вполне традиционного образа отечественной романтической литературы. Однако это не герой-солдат, сражавшийся на Кавказе, подобно героям Лермонтова и Бесстужева-Марлинского, а всего лишь гражданский чиновник, который получает экзотическую в восприятии русского гражданского человека награду и благодаря этому начинает воспринимать самого себя как исключительную личность.

Эта деталь, введенная Достоевским, имеет немаловажное значение в контексте историко-литературных представлений самого романиста. Вспомним: после упоминания «действительного статского советника, служившего на Кавказе», черт сразу переходит к рассуждениям о Мефистофиле и Фаусте. Достоевский еще в 1861 г. в «Ряде статей о русской литературе» отмечал наличие «лермонтовского комплекса» у «образованного сословия» последних десятилетий. Писатель рассуждал о петербургских чиновниках, которые по окончании службы выходят из департаментов и мнят себя Мефистофилями. «Лермонтов, – пишет Достоевский, – рассказывал нам свою жизнь, свои любовные проделки: вообще он нас как будто мистифицировал; не то говорит серьезно, не то смеется над нами. Наши чиновники знали его наизусть, и вдруг все начали корчить Мефистофелей, только что

выйдут, бывало, из департамента» [Достоевский 18: 59]. С учетом этих рассуждений Достоевского эпизод из «Братьев Карамазовых приобретает следующий смысл: если в 1840-е годы с подачи Лермонтова местом мефистофелевских мечтаний был Петербург, то теперь им оказывается Кавказ, причем в парадигме художественно-эстетической мысли романтизма, ушедшего с актуального поля литературы. Кавказ в рассматриваемом нами эпизоде – своеобразный литературный топос, где «мефистофилят» петербургские чиновники, это отнюдь не реальное место боевых действий или же имперских преобразований.

Безусловно, Достоевский был знаком с произведениями, составляющими кавказский текст русской литературы: в круг его чтения входили произведения А.С. Пушкина (лирика, поэма «Кавказского пленник»), М.Ю. Лермонтова (лирика, поэмы «Демон» и «Мцыри», роман «Герой нашего времени»), кавказские повести А.А. Бесстужева-Марлинского («Вечер на Кавказских водах в 1824 году», «Аммалат-бек», «Письма из Дагестана» [Достоевский 24: 308]) и т. д. Известно, в творчестве авторов-романтиков Кавказ подается как исключительное место, зона экзотической «дикости», где герой может столкнуться с первозданностью мира и природы. Достоевский, в отличие от них, не только в своей прозе, но и в публицистическом творчестве 1870-х гг. подает Кавказ в ироническом ключе. Так, в «Дневнике писателя» за июль и август 1876 г. в статье «Что на водах помогает: воды или хороший тон?» он упоминает Печорина и героя «Кавказского пленника» в обобщенно-ироническом ключе. Для писателя эти герои уже не отличаются самобытностью и представляют собой всего лишь определенные психологические типы, к которым Достоевский относится достаточно скептически. Подобными «Печоринскими» для писателя опять-таки оказываются мелкие петербургские чиновники, «одну минуту имевшие успех» [Достоевский 23: 86] и ухаживающие за дамами на водах.

Заметим, что Достоевский был знаком и с кавказскими повестями Льва Толстого 1853–1856 гг., которые печатались в «Современнике» («Рубка леса», «Набег»), однако предметом его осмысления они не стали. Из всего многообразия сюжетов и тем кавказского текста русской литературы важным для Достоевского стало только представление о Кавказе как о возможности для заурядного человека показаться чем-то большим, чем он является на самом деле, уверовать в свою исключительность.

Выделим еще один историко-культурный аспект присутствия Кавказа в системе представлений писателя. Кавказ с конца первой трети XIX в. является одним из наиболее известных и популярных водолечебных курортов. «На водах» были и участники Кавказской войны, и дворяне, и чи-

новничество разных классов. Так, в 1879 г. на кавказские курорты отправилась подруга Достоевского А.П. Философова, в связи с чем он выразил свою радость: «Такое характерное место, как Кавказ, сильно отвлечет и развлечет Вас от утомительно однообразной (хотя и чрезмерно характерной с виду) нашей Санкт-Петербургской дребедени и пошлости» [Достоевский 30-1: 78].

Возможно, этот биографический эпизод стал основой для упоминания курортов Кавказа в романе «Братья Карамазовы», работа над которым приходилась на это же время. Речь идет о сцене, в которой доктор предлагает семье штабс-капитана Снегирева отправиться в Сиракузы, а также ради смены климата поехать на Кавказ: «Н-нет, семейство не в Сицилию, а семейство ваше на Кавказ, раннею весной... дочь вашу на Кавказ, а супругу... продержав курс вод тоже на Кавказе в виду ее ревматизмов... немедленно после того направить в Париж, в лечебницу доктора психиатра Лепельлетье, я бы мог вам дать к нему записку, и тогда... могло бы может быть произойти...» [Достоевский 14: 505]. Однако представляется, что в данном случае оказывается более важным не Кавказ как таковой, а сам факт абсурдности подобного предложения для семьи, ведущей полунищее существование.

На кавказских водах Достоевский ни разу не был, что однажды было даже поставлено писателю в вину. Некая москвичка, Е.М. Драшусова, в письме от 1877 г. писала Достоевскому о том, что ему лучше было бы поехать на Южный берег или на Кавказ, а не в Эмс, «который своей антипатриотичностью может навредить здоровью» [Достоевский 30-2: 116]. Однако едва ли выбор немецкого Эмса был определен личными пристрастиями писателя. В письме от 9 апреля 1876 г. Х.Д. Алчевской Достоевский пишет: «Не знаю, куда меня пошлют на лето доктора: думаю, что в Эмс, куда я езжу уже два года, но, может быть, и в Эссентуки, на Кавказ. <...> Я давно уже собирался побывать на нашем юге, где никогда не был» [Достоевский 29-2: 77].

Встает вопрос о том, почему такое количественное и качественное разнообразие биографического, исторического и историко-литературного материала о Кавказе представлено в художественном творчестве Достоевского всего лишь как проекция псевдоромантического топоса. Попробуем ответить на этот вопрос, у которого в намеченном контексте появляется проблемный характер.

Объяснение можно дать с учетом одной из важнейших особенностей творческого метода Достоевского. Речь идет о предельной сосредоточенности Достоевского на магистральных для него темах. По мнению В.В. Зеньковского, коренной для всего творчества писателя была тема «взаимоотношения и связи Бога и мира» [Зеньковский: 226]. Принимая во внимание эту особенность, можно заключить, что самобытность того или иного кон-

кретного региона Российской империи не могла стать для писателя предметом особого внимания.

В поисках ответа на поставленный вопрос можно взглянуть на материал и в другом аспекте. Если размышлять в рамках методологии современных постколониальных исследований, то можно предположить, что Достоевскому были свойственны черты типично имперского, колонизаторского сознания. В его представлениях периферия Российской империи имела гомогенный характер. Именно поэтому, с нашей точки зрения, в своих художественных и публицистических произведениях писатель ограничивался выделением только одной ведущей особенности, характеризуя любой отдельно взятый регион. Это наблюдение не касается тех редких случаев, когда упоминание региона включалось в контекст другой проблематики – вне геополитики.

Подводя итоги, скажем, что в биографическом и историко-культурном аспектах Кавказ предстает в письмах и публицистических произведениях Достоевского как место ссылки его друзей и знакомых, как место военных действий, в художественном же творчестве писателя с Кавказом соотносится псевдоромантический топос. Парадокс состоит в том, что при всем обилии материала Кавказ не явлен у Достоевского во всей своей гетерогенности и многоплановости, его образ свернут до своеобразного монознака. Для осмысления кавказской темы и других подобных тем в творчестве Достоевского нужен, кроме имеющихся (биографического, историко-культурного и историко-литературного), новый подход: назрела необходимость ее рассмотрения в контексте геополитических воззрений писателя. С одной стороны, такой подход позволит углубить представления не только о кавказской теме, но и о других «региональных» темах, присутствующих в художественных и публицистических произведениях Достоевского. С другой стороны, он даст возможность полнее раскрыть специфику геополитических взглядов самого писателя. Проведенный в статье анализ позволяет заключить: для Достоевского не был характерен интерес к этнокультурным особенностям того или иного окраинного региона Российской империи, в его картине мира они не имели собственного символического капитала.

Примечания

¹ Подробнее см.: [Layton; Россия – Грузия; Чхаидзе; Шадури].

² Подробнее см.: [Багратион-Мухранели; Иванеско; Эйдельман].

³ Любопытно, что в 1877 г. он по личным обстоятельствам приехал в Тифлис, где сотрудничал с Н.Я. Николадзе – выдающимся грузинским публицистом, публиковался в его газете «Обзор» и принимал деятельное участие в работе русского

драматического театра, став его антрепренером. В 1877 г. в петербургской газете «Новое время», с которой был знаком Достоевский, публиковались «Кавказские письма» Пальма – его заметки о поездке в Тифлис и пребывании в городе (подробнее об этом см.: [Чхаидзе]).

⁴ Подробнее см.: [Косвен].

⁵ По мнению авторов академического комментария к Полному собранию сочинений в 30-ти томах, об этом свидетельствует упоминание «Полярной звезды» и «Сириуса»: с одной стороны, реально существовавших орденов, с другой стороны, отсылающих к изданию А.И. Герцена и А.А. Бестужева и герою повести Вольтера «Микромегас».

Список литературы

Багратион-Мухранели И.Л. Кавказ как утопия русской классической литературы // Вестник Томского государственного педагогического университета. 1994. № 9. С. 83–88.

Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

Зеньковский В.В. История русской философии: в 2 т. Л.: Эго, 1991. Т. 1. Ч. 2. 280 с.

Иванеско А.Е. Кавказские пленники на имперском фронте // Новое прошлое. 2018. № 3. С. 8–18.

Косвен М.О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке // Кавказский этнографический сборник. М., 1955. Т. 1. С. 265–374.

Почекаев Р.Ю. Из саперов в дипломаты: К. П. фон Кауфман на Кавказе (по воспоминаниям современников) // Новое прошлое. 2018. № 3. С. 50–67.

Россия – Грузия после империи: сборник статей / сост. М. Лекке, Е. Чхаидзе. М.: НЛЮ, 2018. 400 с.

Чхаидзе Е. Политика и исследование русско-грузинских литературных связей в Грузии: с советского периода по постсоветский // Toronto Slavic Quarterly. 2015. № 53. С. 92–112.

Шадури В. Писатель-петрашевец А.И. Пальм в Грузии // От «Слова о полку Игореве» до «Тихого Дона»: сборник статей к 90-летию Н.К. Пиксанова. Л.: Наука, 1969. С. 343–352.

Шадури В. Русские писатели о Грузии. Тбилиси: Заря Востока, 1948. 531 с.

Эйдельман Н. Быть может за хребтом Кавказа (Русская литература и общественная мысль первой половины XIX в. Кавказский контекст). М.: Наука, 1990. 316 с.

Layton S. Russian Literature and Empire: Conquest of the Caucasus from Pushkin to Tolstoy. Cambridge, Cambridge University Press, 2005, 354 с.

References

Bagration-Mukhraneli I. L. Kavkaz kak utopiia russkoi klassicheskoi literatury [The Caucasus as an

utopia of Russian literature]. *Vestnik TGPU* [Letters of TGPU], 1994, № 9, pp. 83–88. (In Russ.)

Dostoevskii F.M. *Poln. sobr. soch.: v 3 t.* [Complete works: In 30 vol.]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)

Zen'kovskii V.V. *Istoriia russkoi filosofii: v 2 t.* [History of Russian philosophy: in 2 vol.]. Leningrad, Ego Publ., 1991, vol. 2, ch. 2, 280 p. (In Russ.)

Ivanenko A.E. *Kavkazskie plenniki na imperskom frontire* [Caucasian prisoners on the Imperial frontier]. *Novoe proshloe* [New past], 2018, № 3, pp. 8–18. (In Russ.)

Kosven M.O. *Materialy po istorii etnograficheskogo izucheniia Kavkaza v russkoi nauke* [Materials on the history of ethnographic study of the Caucasus in Russian science]. *Kavkazskii etnograficheskii sbornik* [Caucasian ethnographic collection.]. Moscow, 1955, vol. 1, pp. 265–374. (In Russ.)

Pochekaev R.Iu. *Iz saperov v diplomaty: K.P. fon Kaufman na Kavkaze (po vospominaniiam sovremennikov)* [From sappers to diplomats: K. P. fon Kaufman in the Caucasus (according to the memoirs of contemporaries)]. *Novoe proshloe* [New past], 2018, № 3, pp. 50–67. (In Russ.)

Rossiiia – Gruziiia posle imperii: sbornik statei [Russia-Georgia after the Empire: collected papers],

ed. by M. Lekke, E. Chkhaidze. Moscow, NLO Publ., 2018, 400 p. (In Russ.)

Chkhaidze E. *Politika i issledovanie russko-gruzinskikh literaturnykh sviazei v Gruzii: s sovetskogo perioda po postsovetskii* [Politics and research of Russian-Georgian literary relations in Georgia: from the Soviet period to the post-Soviet period]. *Toronto Slavic Quartaly*, 2015, № 53, pp. 92–112. (In Russ.)

Shaduri V. *Pisatel'-petrashevets A.I. Pal'm v Gruzii* [Writer and the member of Petrashevsky society A. Palm in Georgia]. *Ot «Slova o polku Igoreve» do «Tikhogo Dona»: sbornik statei k 90-letiiu N.K. Piksanova*. [From «The Tale of Igor's Campaign» to «And Quiet Flows the Don»: collected papers for the ninetieth anniversary of Тю Лю Piksarov]. Leningrad, Nauka Publ., 1969, pp. 343–352. (In Russ.)

Shaduri V. *Russkie pisateli o Gruzii* [Russian writers about Georgia]. Tbilisi, Zaria Vostoka Publ., 1948, 531 p. (In Russ.)

Eidel'man N. *Byt' mozhet za khrebtom Kavkaza (Russkaia literatura i obshchestvennaia mysl' pervoi poloviny XIX v. Kavkazskii kontekst)* [Perhaps beyond the Caucasus ridge (Russian literature and social thought of the first half of the XIX century. Caucasian context)]. Moscow, Nauka Publ., 1990, 316 p. (In Russ.)

Л.Н. ТОЛСТОЙ О ЛИТЕРАТУРЕ: ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

В статье рассматриваются высказывания Л. Толстого о художественной форме. Признавая тесную связь этих представлений с этическими, религиозно-философскими основами эстетики Толстого, изложенными писателем в статьях и трактатах, автор статьи обращается преимущественно к литературно-критическим работам и разрозненным суждениям, высказанным писателем в письмах, дневниках, в беседах с современниками. Обозначены этапы отбора и систематизации высказываний Толстого о формальных аспектах литературного произведения. Суждения Толстого о композиции и художественной речи привлекались исследователями в ходе анализа его произведений. Наиболее проблемным и актуальным в настоящее время представляется вопрос об особенностях художественного мира, понимаемого современными исследователями как сложная внесловесная сфера произведения. Толстой неоднократно высказывался об основных компонентах этого мира: о сюжете и персонажах, а также о тех элементах, из которых складывается изображение людей и событий. В изображении героев – это портрет, жест, речевая характеристика, связь с местом развития действия. Много внимания уделяет писатель содержательной функции «лиц», характеров, типов. Констатируя, что ряд суждений Толстого предшествует идеям формалистов, автор статьи делает вывод о перспективности изучения суждений Толстого о формальных аспектах и литературной технике. Представленные и осмысленные как единая система, они могли бы быть включены в решение задач современной теоретической поэтики.

Ключевые слова: Л.Н. Толстой, эстетика, поэтика, художественный мир, формализм, персонаж, сюжет.

Информация об авторе: Романова Галина Ивановна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской литературы, ГБОУ ВО МГПУ «Московский городской педагогический университет», г. Москва, Россия.

E-mail: galinroma@mail.ru.

Дата поступления статьи: 12.01.2020.

Для цитирования: Романова Г.И. Л.Н. Толстой о литературе: история и перспективы изучения // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 1. С. 138-143. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-1-138-143.

Galina I. Romanova
Moscow City pedagogical University

L.N. TOLSTOY ABOUT LITERATURE: HISTORY AND PROSPECTS OF STUDY

The article deals with Tolstoy's statements about art form. Recognizing the close connection of these ideas with the ethical, religious and philosophical foundations of Tolstoy's aesthetics, set forth by the writer in articles and treatises, the author of the article refers mainly to literary and critical works and scattered opinions expressed by him in letters, diaries, and conversations with contemporaries. The stages of selection and systematization of Tolstoy's statements about the formal aspects of a literary work are outlined. Tolstoy's judgments about composition and artistic speech were attracted by researchers in the course of analyzing his works. The most problematic and topical issue at the present time is the question of the features of the world of the literary work, which is understood by modern researchers as a complex non-verbal sphere of the literary work. Tolstoy repeatedly spoke about the main components of the world: the plot and characters, as well as those elements that make up the image of people and events. In the image of the characters – a portrait, gesture, speech characteristics, connection with the place of development of the action. The writer pays much attention to the content function of «faces», characters, and types. Stating that a number of Tolstoy's judgments precede the ideas of formalists, the author of the article concludes that it is promising to study Tolstoy's judgments about formal aspects and literary technique. Presented and understood as a single system, they could be included in the solution of the problems of modern theoretical poetics.

Keywords: L.N. Tolstoy, aesthetics, poetics, the world of the literary work, formalism, character, plot.

Information about the author: Galina I. Romanova, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Russian Literature department, Moscow City pedagogical University, Moscow, Russia.

E-mail: galinroma@mail.ru.

Article received: January 12, 2020.

For citation: Romanova G.I. Tolstoy about literature: history and prospects of study. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 1, pp. 138-143 (In Russ.). DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-1-138-143.

Идейно-эстетическая система Л.Н. Толстого изучалась на протяжении XX века в следующих направлениях: в ходе анализа его художественных произведений, в истолковании литературно-критических выступлений по поводу творчества русских и зарубежных писателей, в описании и характеристике философско-эстетических работ. Соответственно методологическому контексту эпохи приоритет отдавался общеэстетическим представлениям Толстого, а также размышлениям о содержательных аспек-

тах литературы, о ее значении и функциях. Именно этот пласт суждений писателя оказался наиболее изученным к рубежу веков.

В начале XXI столетия при том, что интерес литературоведов к этическим, религиозно-философским основам эстетики Толстого сохраняется, появились исследования, в которых на первый план выдвигаются более специальные вопросы теоретической поэтики, связанные с высказываниями писателя об особенностях строения литературного произведения, о средствах художествен-

ной выразительности. В частности, это статьи, посвященные мыслям Толстого о специфике художественной речи, композиции [Бурнашева; Николаева; Петровская; Суровцева]. Представления Толстого о таком аспекте формы, как *мир произведения* (в иных наименованиях – внутренний, предметный, художественный мир), еще не были рассмотрены. Обосновать перспективность этого направления является задачей данной статьи. Материалом исследования в данном случае становятся не столько эстетические трактаты писателя (корпус работ Толстого, посвященных философско-эстетической проблематике, составляют около двадцати статей 1850-х и 1860-х гг., работы 1880-х и 1890-х гг. двадцать глав трактата «Так что же нам делать?», ряд высказываний в «Исповеди» (1882) и в других публицистических работах позднего периода), сколько разрозненные суждения, высказанные в критике, письмах, дневниках, в беседах с современниками.

Особую значимость при этом приобретает история сбора и систематизации высказываний писателя о формальных аспектах литературного произведения. Одна из первых публикаций – раздел «Толстой о литературе» в Яснополянском сборнике, вышедшем под редакцией В. Бонч-Бруевича в 1937 г. с комментариями С.А. Есениной. В предисловии было сказано: «Мало материалов опубликовано. Критическая обработка и дальнейшая публикация должны осуществляться в ближайшее время» [Толстой о литературе: 62]. Здесь же обосновывалась необходимость учета дневниковых записей. Так был обозначен переход от многочисленных критических отзывов на трактаты и статьи Толстого об искусстве к последовательному сбору и классификации разрозненных суждений писателя. Вопрос о том, что именно целесообразно включать в такие подборки, оставался актуальным и в 1950-е гг. В рецензии на издание «Л.Н. Толстой о литературе» Б. Эйхенбаум отметил, что «в книгу вошло существенное, что сказано в дневниках и письмах Толстого о литературе... без пропусков и купюр, сглаживающих остроту и парадоксальность выражений и тем самым фальсифицирующих авторскую мысль» [Эйхенбаум 1957: 218]. Ученый предположил, что было бы уместно «добавить раздел, в котором поместились бы устные высказывания писателя, записанные в таких достоверных источниках, как дневники В. Лазурского, А. Гольденвейзера, Д. Маковицкого, Н. Гусева» [Эйхенбаум 1957: 218]. Уже в 1958 г. этот недостаток был восполнен в двухтомнике «Лев Толстой об искусстве и литературе» со вступительной статьей и примечаниями К.Н. Ломунова. В свете заявленной темы (аспекты формы в представлениях Толстого) важно, что в первом томе наряду с суждениями о сущности искусства, народности литературы, ее реализме и идейности выделен раздел

«Художественная форма. Талант и мастерство». Но текстологическая и составительская работа на этом не была завершена: в 1983 г. в пятнадцатом томе «Статьи о литературе и искусстве» в двадцатидвухтомном собрании сочинений Толстого тот же исследователь утверждал: «до недавнего времени специалисты по эстетике судили о Толстом как теоретике и критике искусства и литературы лишь по его трактату “Что такое искусство?” и находили эстетику великого писателя “недостаточно всеобъемлющей”» [Ломунов: 375]. Таким образом, только в 1980-е годы теоретическое наследие писателя было представлено в более полном объеме, к этому времени высказывания писателя о литературе были выявлены и собраны, текстологически подготовлены и прокомментированы. Значение таких публикаций в том, что взгляды Толстого на литературу предстают перед читателями как единое завершённое целое, а хронологический принцип расположения материала позволяет проследить эволюцию его идей.

Изучение конкретного вопроса о суждениях Толстого, относящихся к воссозданию в литературе образной картины мира, тесно связано с общим осмыслением эстетики писателя, которая начинается с откликов современников (Н.К. Михайловский и другие критики), включает работы 1920–1930-х гг., среди которых отметим сборник статей «Эстетика Льва Толстого» под редакцией П.Н. Сакулина (1929). В работе Б. Энгельгардта (1939), предпосланной публикации ранее не изданной публицистики Толстого, прослежена история создания статей об искусстве, изложена подробно и убедительно эволюция взглядов писателя на сущность искусства и литературы [Энгельгардт].

Теоретические, литературно-критические выводы связаны с идеологическим контекстом времени, который ощущается во вступительной статье Л.Д. Опульской «Литературно-эстетические взгляды Л.Н. Толстого» [Опульская], в монографиях Е.Н. Куприяновой (1966) и К.Н. Ломунова (1972). Приоритет в этих и многих других работах (например, Г.Н. Ищука (1975, 1984), использовавшего историко-функциональный подход) отдавался представлениям о содержательных аспектах литературы. Эта традиция продолжена в ряде современных исследований [Лученецкая-Бурдина; Рождественская и др.].

Однако уже в 1930-е годы наметился и иной подход к воззрениям Толстого на литературу. Выделим важную в методологическом отношении статью Б. Эйхенбаума «Пушкин и Толстой» (1937), в которой указано противоречие «прямолинейности» суждений писателя сложности и «утонченности» его художественной манеры, характерной «для эпохи приближающегося декаданса» [Эйхенбаум 1969: 170]. Эта мысль актуализирована в работах самого последнего времени, в которых утвержда-

ется, что Толстой является «переходной фигурой к раннему русскому модернизму» [Суровцева: 79–80]. Из этого следует, что писатель реагировал на изменения в общественной жизни, морали, искусстве, отражая эти изменения и в художественном творчестве, и в литературно-критических выступлениях.

Мнение писателя об аспектах формы произведения, в частности о художественном мире и его основных компонентах (о «лицах», портрете, пейзаже, сюжете), могут быть представлены как единая поэтика. В высказываниях раннего Толстого (1850–1860-х гг.) ощущается влияние правил риторики, предполагающей, в частности, изобретение темы (предмета), воплощение ее в соответствующую речь, расположение (композиция). Так, например, Толстой пишет в статье «Кому у кого учиться писать...»: «...во-первых, из большого числа представляющихся мыслей и образов выбрать одну; во-вторых, выбрать для нее слова и облечь ее; в-третьих, запомнить ее и отыскать для нее место...» [Л.Н. Толстой о литературе: 93]. Хотя в 1862 г. он критически отзывался о «ставшей невозможной манере описаний, логично расположенных: сначала описание действующих лиц... потом описание местности и среды, и потом уже начинается действие» [Л.Н. Толстой о литературе: 82], все-таки нашлось достаточно оснований и для вывода, сделанного Эйхенбаумом: «Толстой – воинствующий архаист, отстаивающий в середине XIX в. принципы и традиции уходящей и частью ушедшей культуры XVIII века. Это – глубоко историческое знаменательное явление» [Эйхенбаум 1928: 11]. Однако и в художественной практике, и в ряде теоретических рассуждений писатель пересмысливал традиционные положения, что наиболее ярко проявилось в высказываниях об «изобретении», создании художественного мира. Об этом аспекте формы Д.С. Лихачев писал: «Отдельные элементы отраженной действительности соединяются в этом внутреннем мире в некоей определенной системе, художественном единстве» [Лихачев: 74]. Художественный мир – сложная система. Как основные его компоненты рассматривают сюжет и персонажей [Чернец, Романова], которые, в свою очередь, в современной поэтике описываются как подсистемы, делимые на элементы. Субъектов действия в произведении Толстой обозначал как *лица, герои, характеры, типы*, тонко проводя различия между обозначаемыми явлениями: «Цельность характера персонажа заключается не в единстве замысла, не в обработке действующих лиц, а в ясности и в определенности отношения самого автора к жизни» (курсив мой. – Г. Р.) [Л.Н. Толстой: 525]. Как комплекс психологических черт, внутренних свойств героев понимается писателем «характер», который проявляется во внешнем облике. Писатель отдавал предпочтение портрету-впечат-

лению. В дневнике (4 июля 1851 г.) он отмечает: «Попробую набросать портрет Кноринга. Мне кажется, что *описать* человека собственно нельзя; но можно описать, как он на меня подействовал» [Л.Н. Толстой о литературе: 5]. Толстой в своих теоретических размышлениях был склонен отказаться от словесного портретирования «с натуры», от использования прототипов, о чем писал Л.Н. Волконской в 1865 г.: «Я бы стыдился печататься, ежели бы весь труд мой состоял в том, чтобы списать портрет, разузнать, запомнить» [Л.Н. Толстой о литературе: 99], что подчеркивает роль воображения, а также условность, вымышленность его героев.

«Средством выражения характеров могут быть и жесты» [Л.Н. Толстой о литературе: 535], – писал Толстой, размышляя о драме Шекспира, указывая, что «это только побочное средство» [Л.Н. Толстой о литературе: 535]. Более действенный прием – речевая характеристика. При этом герои не обязательно должны быть «красноречивы и глубокомысленны», так как наиболее значительные речи – те, в которых ярче проявляется характер. Основная форма проявления психологии героя – это действия, поступки. Так, объясняя, «кто такой Болконский» (письмо Л.Н. Волконской от 3 мая 1865 г.), он пересказывает сюжет и очерчивает систему персонажей. «Мне нужно было, чтобы был убит блестящий молодой человек... для него представлялась роль в дальнейшем ходе романа, и я его помиловал, только сильно ранив его вместо смерти» [Л.Н. Толстой о литературе: 99].

Содержательную функцию персонажей Толстой называл «фокусом», который представляет более четко, резко, определенно то, что в обычной жизни предстает размытым и неопределенным, неясным. «Дело искусства – отыскивать фокусы и выставлять их в очевидность. Фокусы эти, по старому разделению, – характеры людей; но фокусы эти могут быть характеры сцен, народов, природы» [Л.Н. Толстой о литературе: 42]. Под «старым разделением» имеются в виду поэтики и риторики прошлого. Смысл сфокусированного изображения мира заключается не только в выборе точки зрения на отдельные явления, но и способом создания особой атмосферы художественного мира в целом.

Проявление особенностей характера Толстой связывал с определенным пространством, которое призвано вызвать у читателей исторические ассоциации. В дневнике 1865 г. отмечено: «Александр... Аустерлиц, слезы, раненые... Тильзит – одурманение величием. Эрфурт...» [Л.Н. Толстой о литературе: 103] и т. д. Соответственно, повышается роль пейзажа. В начале творческого пути (1851 г.) описание пространства обдумывается как задание по риторике: «...пойду, опишу я, что вижу» [Л.Н. Толстой о литературе: 4], и это оказывается сложно, только со временем приобретает психологический смысл. Эйхенбаум еще в 1922 г.

в работе «Молодой Толстой» отметил новую технику пейзажа и портрета у Толстого, отказавшегося от метафорического стиля.

Для обозначения событий, связи между ними писатель использует термины *сюжет*, *канва*. Обобщая ряд высказываний, можно заключить, что, по мнению Толстого, сюжет должен быть «приличным» и «своевременным» [Л.Н. Толстой о литературе: 59], а также жизнеподобным [Л.Н. Толстой о литературе: 19]; «*сочетание событий*» – особое искусство, приравненное к «поэзии романиста» [Л.Н. Толстой о литературе: 104]. В сюжете Толстой выделяет завязку («узел») и «развязку», при этом пытается переосмыслить их значение, определенное еще в «Поэтике» Аристотеля. М.Н. Каткову в 1865 г. о «Войне и мире» Толстой писал: «...сочинение это... не имеет такой завязки, что с развязкой у нее уничтожается интерес» [Л.Н. Толстой о литературе: 98].

Признавая самоценность сюжета, Толстой раздумывал в 1861 г. о том, «можно ли целью одной иметь положенья, а не характеры?» [Л.Н. Толстой о литературе: 60], пытался выявить движущую силу поступков, установить связь между сюжетным событием и психологией героев. Связь должна проявляться динамично, иначе впечатление разрушается, как, например, в начале работы над «Отрочеством»: «*Характер* вял, действие растянута и слишком последовательно во времени, а непоследовательно в мысли» [Л.Н. Толстой о литературе: 17]. Толстой стремился понять «главный интерес», основную «пружину жизни», раскрывающую характер человека, и показать ее в литературе [Л.Н. Толстой о литературе: 18].

Особый вопрос в толстовской поэтике – проблема «сцеплений», «невидимого замка». Думается, речь идет о внутренних законах художественного мира, структурирующих все элементы этой внесловесной сферы литературного произведения. Наиболее определено мысль сформулирована в «Предисловии к роману В. фон Поленца «Крестьянин» (1901): «Автор говорит... изображением самых обыкновенных, простых *лиц и событий, связанных между собою внутренней художественной необходимостью*» (курсив мой. – Г. Р.) [Л.Н. Толстой о литературе: 496].

Формальные аспекты Толстой относил к «технике», т. е. умению, достигнутому путем упорной работы, называл «внешней красотой». Традиционно признавая ведущую роль содержания («...чем содержание значительнее, то есть важнее для жизни людской, тем произведение выше» [Л.Н. Толстой о литературе: 552]), он высоко ценил форму, что сказало в ряде его литературно-критических суждений и оценок, особенно в поздний период творчества. «Странное дело эта забота о совершенстве формы. Недаром она. Но недаром тогда, когда содержание доброе...», – отметил он в январе

1890 г. в дневнике. В 1894 г. о романе Г. де Мопассана Толстой писал: «Форма, прекрасная и в первых рассказах, здесь доведена до такой высокой степени совершенства, до которой не доходил, по моему мнению, ни один французский писатель-прозаик» [Л.Н. Толстой о литературе: 275] («Предисловие к сочинениям Гюи де Мопассана», 1894).

Ряд суждений Толстого предшествует идеям формалистов: в искусстве, как и в жизни, «сущность дела остается та же, только формы меняются» [Л.Н. Толстой о литературе: 391], – писал Толстой, предвывая мысль В. Шкловского о том, что темы постоянны, изменяется только форма. Это и важность новизны в литературе, и высокая оценка дара Г. де Мопассана, который может видеть «в тех предметах, на которые он направляет свое внимание, нечто новое, такое, чего не видят другие» [Л.Н. Толстой о литературе: 272]. Несколько позже ту же особенность подметил В. Шкловский у самого Толстого, который «не называет вещь ее именем, а описывает ее, как в первый раз виденную...» [Шкловский: 15]. Томашевский в 1925 г. в «Поэтике» также писал о приеме остранения у Толстого и приводил как пример описание в «Войне и мире» совета в Филах, увиденного крестьянской девочкой.

Термин «вещь» в значении «литературное произведение» раньше появился у Толстого, в частности, в дневниковых записях 1865 г., в размышлениях о «предстоящих сильных вещах», о «возможности *сделать* великую вещь» [Л.Н. Толстой о литературе: 102]. Возможно, яркий заголовок статьи Эйхенбаума («Как сделана “Шинель” Гоголя», 1919) возник не без влияния теоретических рассуждений Толстого. В современных условиях повышенного интереса к работам русских формалистов начала XX в. представляется логичным более подробно изучить вопрос о соотношении их идей с теоретическими взглядами писателя.

Вопреки высказыванию писателя о том, что «идеал наш сзади, а не впереди» [Л.Н. Толстой о литературе: 92], и опоре на поэтические аксиомы, его размышления о «технике» соответствовали основной тенденции времени. Поэтому перспективным представляется дальнейшее изучение суждений Толстого о формальных аспектах, о литературной технике. Представленные и осмысленные как единая система, они могли бы быть включены в решение задач современной теоретической поэтики, а в дальнейшем стать основанием для современного истолкования эстетических взглядов писателя.

Список литературы

Бурнашева Н.И. Прелесть запечатления словом художественной подробности: в творческой лаборатории Л.Н. Толстого // Верхневолжский филологический вестник. Ярославль. 2016. № 1. С. 126–131.

Л.Н. Толстой / отв. ред. П.И. Лебедев-Полянский; зам. отв. ред. М.Б. Храпченко; зам. ред. И.С. Зильберштейн. М.: Изд-во АН СССР, 1939. Т. 37/38. 775 с. (Лит. наследство)

Л.Н. Толстой о литературе: Статьи. Письма. Дневники. М.: Гослитиздат, 1955. 763 с.

Лев Толстой об искусстве и литературе: в 2 т. / подгот. текстов, вступ. статья и примеч. К.Н. Ломунова. М.: Сов. писатель, 1958. Т. 1. 607 с.

Лихачев Д.С. Внутренний мир художественного произведения // Вопросы литературы. 1968. № 8. С. 74–87.

Ломунов К.Н. Взгляды Л.Н. Толстого на искусство и литературу // Толстой Л.Н. Собр. соч.: в 22 т. М.: Худож. лит., 1983. Т. 15. С. 374–400.

Лухенецкая-Бурдина И.Ю. Теория искусства Л.Н. Толстого и литературные опыты писателя // Ярославский педагогический вестник. Ярославль, 2015. № 5. С. 214–218.

Николаева Т.М. Виктор Шкловский – Лев Толстой – Марсель Пруст // Эпоха «остранения». Русский формализм и современное гуманитарное знание. М.: Новое лит. обозрение, 2017. С. 543–561.

Опульская Л.Д. Литературно-эстетические взгляды Л.Н. Толстого // Л.Н. Толстой о литературе. М.: Гослитиздат, 1955. С. 5–40.

Петровская Е.В. Романы Льва Толстого: поэтика и поэзия зримого. СПб.: Свое издательство, 2015. 202 с.

Рождественская И.В. Философия культуры Л.Н. Толстого: автореф. дис. ... канд. философских наук. Тула, 2009. 26 с.

Романова Г.И. Мир литературного произведения как теоретико-литературная проблема. М.: НТЦ «Университетский», 2008. 220 с.

Суровцева М.Е. Эстетика Льва Толстого с современной точки зрения // Мир с точки зрения Льва Толстого. [Б.м.]: Издательские решения, 2019. С. 77–92.

Толстой о литературе // Сборник государственного Толстовского музея / сост. Г. Волков [и др.]; под ред. В. Бонч-Бруевича. М.: Худож. лит., 1937. С. 61–88.

Чернец Л.В. Мир произведения // Введение в литературоведение / под ред. Л.В. Чернец. М.: Юрайт, 2020. С. 213–226.

Шкловский В.Б. Искусство как прием // Шкловский В.Б. Теория прозы. М.: Советский писатель, 1983. С. 9–25.

Эйхенбаум Б.М. Мысли Л. Толстого о литературе // Вопросы литературы. 1957. № 1. С. 217–221.

Эйхенбаум Б.М. Пушкин и Толстой // Эйхенбаум Б. О прозе: сб. ст. Л.: Худож. лит., 1969. С. 167–184.

Эйхенбаум Б.М. Лев Толстой: в 2 кн. Л.: Прибой, 1928. Кн. 1. 50-е годы. 416 с.

Энгельгардт Б. Статьи Толстого об искусстве // Л.Н. Толстой. М.: Изд-во АН СССР, 1939. Т. 37–38. С. 3–84.

References

Burnasheva N.I. *Prelest' zapechatleniya slovom khudozhestvennoj podrobnosti: v tvorcheskoj laboratorii L.N. Tolstogo* [The beauty of capturing artistic detail with a word: in the creative laboratory of L. N. Tolstoy]. *Verkhnevolzhskij filologicheskij vestnik* [Verkhnevolzhsky philological Bulletin]. Yaroslavl, 2016, № 1, pp. 126–131. (In Russ.)

L.N. Tolstoj [L.N. Tolstoy], отв. ред. P.I. Lebedev-Poljanskij, zam. отв. ред. M.B. Hrapchenko, zav. ред. I.S. Zil'bershtejn. Moscow, Izd-vo AN SSSR Publ., 1939, vol. 37/38, 775 p. (Lit. nasledstvo). (In Russ.)

L.N. Tolstoj o literature: Stat'i. Pis'ma. Dnevniki [L.N. Tolstoy about literature: Articles. Letters. Diaries]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1955, 763 p. (In Russ.)

Lev Tolstoj ob iskusstve i literature [Leo Tolstoy about art and literature]: v 2 t., podgot. tekstov, vstup. stat'ja i primech. K. N. Lomunova. Moscow, Sov. pisatel' Publ., 1958, vol. 1, 607 p. (In Russ.)

Lihachev D.S. *Vnutrennij mir hudozhestvennogo proizvedenija* [The inner world of the literary work]. *Voprosy literatury* [Literature Questions], 1968, № 8, pp. 74–87. (In Russ.)

Lomunov K.N. *Vzglyady L.N. Tolstogo na iskusstvo i literature* [Tolstoy's views on art and literature]. Tolstoj L.N. *Sobr. soch.* [Collected works]: v 22 t. Moscow, Hudozh. lit. Publ., 1983, vol. 15, pp. 374–400. (In Russ.)

Lucheneckaja-Burdina I.Ju. *Teorija iskusstva L.N. Tolstogo i literaturnye opyty pisatelja* [Tolstoy's theory of art and literary experiences of the writer]. *Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik* [Yaroslavl pedagogical Bulletin]. Jaroslavl', 2015, № 5, pp. 214–218. (In Russ.)

Nikolaeva T.M. *Viktor SHklovskij – Lev Tolstoj – Marsel' Prust* [Viktor Shklovsky – Lev Tolstoy – Marcel Proust]. *EHpokha «ostraneniya». Russkij formalizm i sovremennoe gumanitarnoe znanie* [The era of “ostraneniya”. Russian formalism and modern humanitarian knowledge]. Moscow, *Novoe lit. obozrenie* [New literary review], 2017, pp. 543–561. (In Russ.)

Opul'skaja L.D. *Literaturno-jesteticheskie vzglyady L.N. Tolstogo. L.N. Tolstoj o literature* [Literary and aesthetic views of L.N. Tolstoy. L.N. Tolstoy about literature]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1955, pp. 5–40. (In Russ.)

Petrovskaya E.V. *Romany L'va Tolstogo: poehtika i poehziya zrimogo* [Leo Tolstoy's novels: poetics and poetry of the visible]. Saint-Petersburg, *Svoe izdatel'stvo* Publ., 2015, 202 p. (In Russ.)

Rozhdestvenskaja I.V. *Filosofija kul'tury L.N. Tolstogo* [Philosophy of culture by L.N. Tolstoy]: avtoref. dis. ... kand. filosofskih nauk. Tula, 2009, 26 p. (In Russ.)

Romanova G.I. *Mir literaturnogo proizvedenija kak teoretiko-literaturnaja problema* [The world of

the literary work as a theoretical and literary problem]. Moscow, NTC «Universitetskij» Publ., 2008, 220 p. (In Russ.)

Surovtseva M.E. *Esthetika L'va Tolstogo s sovremennoj točki zreniya* [The aesthetics by Leo Tolstoy from a modern point of view]. *Mir s točki zreniya L'va Tolstogo* [The World from the point of view of Leo Tolstoy]. [B.m.], Izdatel'skie resheniya Publ., 2019, pp. 77–92. (In Russ.)

Tolstoj o literature. Sbornik gosudarstvennogo Tolstovskogo muzeja [Tolstoy about literature. Collection of the state Tolstoy Museum], sost. G. Volkov [i dr.], pod red. V. Bonch-Bruevicha. Moscow, Hudozh. lit. Publ., 1937, pp. 61–88. (In Russ.)

Chernec L.V. *Mir proizvedenija* [The world of the literary work]. *Vvedenie v literaturovedenie* [Introduction to literary studies], pod red. L.V. Chernec. Moscow, Jurajt Publ., 2020, pp. 213–226. (In Russ.)

Shklovskij V.B. *Iskusstvo kak priem* [Art as Technique]. Shklovskij V.B. *Teorija prozy* [Theory of Prose]. Moscow, Sovetskij pisatel' Publ., 1983, pp. 9–25. (In Russ.)

Jejhenbaum B.M. *Mysli L. Tolstogo o literature* [L. Tolstoy's thoughts about literature]. *Voprosy literatury* [Literature Questions], 1957, № 1, pp. 217–221. (In Russ.)

Jejhenbaum B.M. *Pushkin i Tolstoj* [Pushkin and Tolstoy]. Jejhenbaum B. *O proze* [About prose]: sb. st. Leningrad, Hudozh. lit. Publ., 1969, pp. 167–184. (In Russ.)

Jejhenbaum B.M. *Lev Tolstoj* [Leo Tolstoy]: v 2 kn. Kn. 1: *50-e gody* [50s years]. Leningrad, Priboj Publ., 1928, 416 p. (In Russ.)

Jengel'gardt B. *Stat'i Tolstogo ob iskusstve* [Tolstoy's articles about art]. *L.N. Tolstoj* [L.N. Tolstoy]. Moscow, Izd-vo AN SSSR Publ., 1939, vol. 37–38, pp. 3–84. (In Russ.)

ТЕМА БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА В ПИСЬМАХ О.М. ФРЕЙДЕНБЕРГ Б.Л. ПАСТЕРНАКУ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1940-Х ГОДОВ

В работе анализируется тема блокадного Ленинграда в письмах ученого-филолога, культуролога О.М. Фрейденберг двоюродному брату Б.Л. Пастернаку. Поскольку переписка была опубликована сравнительно недавно, то введение ее в научный оборот, обозначение ее ключевых тем и интенций корреспондентов представляется важным и актуальным. Статья предназначена для специалистов-филологов и всех, кто интересуется эпистолярным наследием XX века. Переписка Фрейденберг и Пастернака периода блокады рассматривается автором как особый тип комбинированного дискурса, соединяющий социально-коммуникативные, бытовые, знаково-символические функции. Она является частью единого художественно-смыслового полотна – всего творческого и научного наследия брата и сестры, всей их переписки, длившейся более полувека и базировавшейся на «вечных» темах: творчества, смысла бытия, любви, веры, гуманизма. Образ блокадного города в письмах представлен как отправная точка для философских рассуждений корреспондентов о категориях бытия, времени и пространства, о смысле жизни. Вместе с тем письма демонстрируют художественный талант и виртуозное владение словом их авторов, способность сказать важное между строк. В работе анализируется стилистика эпистолярия Фрейденберг, когда синтаксис наряду с лексической образностью рождает яркие, трагические картины описываемого.

Ключевые слова: Пастернак, Фрейденберг, эпистолярный, переписка, дискурс, «вечные» темы, Ленинград, блокада.
Информация об авторе: Микурова Полина Леонидовна, ORCID: 0000-0003-2542-2130, аспирант кафедры русской литературы Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета, г. Москва, Россия.

E-mail: p.mikurova@yandex.ru.

Дата поступления статьи: 12.12.2019.

Для цитирования: Микурова П.Л. Тема блокадного Ленинграда в письмах О.М. Фрейденберг Б.Л. Пастернаку первой половины 1940-х годов // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 1. С. 144-148. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-1-144-148.

Polina L. Mikurova
Moscow City Pedagogic University

THE THEME OF BESIEGED LENINGRAD IN THE LETTERS OF OLGA FREINDENBERG
TO BORIS PASTERNAK IN THE FIRST HALF OF THE 1940S

The theme of besieged Leningrad contained in the letters of scholar-philologist, culture scientist Olga Freindenberg to her cousin Boris Pasternak is analysed in the paper. Since the correspondence was published relatively recently, its introduction to scientific circulation, determination of the subject and intentions of the correspondents seem to be important and topical. The article is intended for specialists-philologists, for all those interested in epistolary heritage of the 20th century.

The correspondence between Boris Pasternak and Olga Freindenberg referring to the period of the siege is represented by the author as a specific type of combined discourse which unite social and communicative, everyday, significant and symbolic functions. It is a part of the single artistic and semantic canvas, the whole creative heritage of the cousins, the whole of their correspondence which lasted for more than half a century and was based on «everlasting» themes like creative work, meaning of existence, love, faith, humanism. The image of besieged Leningrad is represented in the letters as a starting point for correspondents' philosophic considerations about such categories as existence, time and space, about meaning of existence. At the same time, the letters demonstrate their authors' artistic talent and virtuous possession of the word, the ability to say important between the lines. The stylistics of Olga Freindenberg's epistolary heritage, when syntax, along with lexical figurative, gives rise to vivid, tragic paintings of what is described, is analysed in the work.

Keywords: Boris Pasternak, Olga Freindenberg, epistolary, correspondence, discourse, «everlasting» themes, Leningrad, siege.

Information about the author: Polina L. Mikurova, ORCID: 0000-0003-2542-2130, postgraduate student of the Department of Russian literature of Moscow City Pedagogic University, Moscow.

E-mail: p.mikurova@yandex.ru.

The article received: December 12, 2019.

For citation: Mikurova P.L. The theme of besieged Leningrad in the letters of Olga Freindenberg to Boris Pasternak in the first half of the 1940s. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 1, pp. 144-148. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-1-144-148.

Переписка Бориса Пастернака и его двоюродной сестры, ученого-филолога, антиковеда Ольги Фрейденберг, обнаруженная Н.В. Брагинской в начале 1970-х гг. и впервые опубликованная в 1982 г. в США, длилась с 1910 по 1954 год. Эпистолярное общение кузенов выступает как исторический, биографический

и литературоведческий артефакты. Письма поэта и ученого являют их как участников и свидетелей знаковых для судьбы страны событий, повествуют о личных трагедиях и творческих достижениях корреспондентов. В связи с этим утверждение о том, что «в письмах... проявился особый тип общения, соединивший бытовое и профессиональ-

ное, частное и общественное» не вызывает сомнений [Матвеева, Микурова: 51].

Цель статьи – рассмотрение писем Фрейденберг Пастернаку в качестве целостного дискурса. В связи с тем, что в последние годы «множится» описание «конкретных дискурсов и дискурсивных разновидностей» [Мальшева: 37], в настоящем исследовании мы суживаем значение данного термина и опираемся на понимание дискурса как соединения «субъекта, истории, идеологии, бессознательного и власти» [Веллого: 9], а в качестве единицы дискурса вслед за М. Фуко рассматриваем высказывания участников переписки, в которых открывается «остаточное существование в поле памяти» [Фуко: 93], личный опыт и чувства целого поколения уходящей эпохи Серебряного века. Для целостного понимания ленинградского дискурса в переписке кузенов важно рассмотреть не только сами письма в их событийном контексте, бытовые и философские рассуждения участников переписки, но и представить их как особую форму человеческого сознания, обусловленного общей для обоих социокультурной традицией. Такое рассмотрение писем Фрейденберг и Пастернака позволит, на наш взгляд, «выявить смысловые пласты текста», рассмотреть их «в динамике: письмо как язык, письмо как слово, письмо как знак, письмо как символ <...> письмо как культурное наследие...» [Фесенко: 140].

Творческая судьба Б. Пастернака складывалась трудно, особенно в последние годы жизни. Лишь в 1988 г. на родине писателя был напечатан роман «Доктор Живаго», что пробудило новую волну интереса читателей и ученых к творчеству его автора, а старшему сыну писателя, Е.Б. Пастернаку, в 1989 г. дало возможность получить Нобелевский диплом и медаль отца.

Научный и творческий путь Ольги Фрейденберг также был труден и тернист. В юности из-за национальности было сложно получить высшее образование, затем – работу. В 1930-е годы началась травля в русле борьбы с формализмом и в связи с ее поддержкой научных взглядов Н.Я. Марра¹. В эти же годы Фрейденберг поставили в вину «близость» к «свободолюбивому» Б. Пастернаку. Все это не позволило выдающемуся филологу продолжать исследования на созданной ей кафедре в ЛГУ. Она ушла из профессии, предпочтя писать «в стол», но оставаться верной собственным моральным принципам. Значительная часть ее научных гипотез, исторических оценок, литературных изысканий с тех пор фиксировалась в эпистолярии, а главным корреспондентом оставался Б. Пастернак. Судьба архива ученого, куда, кроме эпистолярия, входили автобиографические наброски, дневники и материалы об изобретательской деятельности ее отца, долгое время была неизвестна. Имя самой Ольги Фрейденберг было фактически стерто из истории науки.

Одна из центральных тем переписки Бориса Пастернака и Ольги Фрейденберг в первой половине 1940-х гг. была тема войны. Ее ключевой ракурс – блокадный Ленинград. До недавних пор эта тема занимала место на периферии исторической и литературоведческой наук. Причина замалчивания – конъюнктурная составляющая при оценке многих фактов, связанных с блокадной жизнью города на Неве. Так, до середины прошлого века выходили только те работы, которые соответствовали коммунистической идеологии. С наступлением «оттепели» стали появляться материалы, связанные с переосмыслением, казалось бы, незыблемой фактуры об истории осады Ленинграда.

Авторы, страницы творчества и эпистолярное наследие которых были посвящены теме осажденного Ленинграда, общеизвестны: О. Берггольц, А. Чаковский, В. Инбер, Л. Гинзбург, А. Ахматова, Вс. Вишневский и ряд других. В этом ряду О.М. Фрейденберг с ее письмами Пастернаку занимает особое место, ибо это послания мужественного человека, который каждый день видит смерть и мысленно готов принять свою долю. При этом Ольгу Михайловну тревожит не собственная жизнь, а судьбы близких людей, всех голодающих и замерзающих ленинградцев и главное – судьба города.

Образ непокоренного Ленинграда в переписке ученого и знаменитого поэта является значительным штрихом к истории страны периода Великой Отечественной войны, важным для понимания общественной, политической, психологической, нравственной, литературной составляющих жизни ленинградцев и не только их. Ключевые эпизоды, касающиеся Ленинграда, в переписке Фрейденберг и Пастернака являются стартом для рассуждений категориального характера: о жизни и смерти, войне и мире, исходе и безысходности, добре и зле, творчестве истинном и конъюнктурном.

Письма Фрейденберг периода начала блокады прочно связаны с семейными событиями. В этом отношении эпистолярий ученого имеет тот же вектор, что и у многих других авторов-блокадников (А. Ахматовой, О. Берггольц, Д. Гранина). Так, О.М. Фрейденберг беспокоится за судьбу отправленного на фронт племянника и надеется на скорое воссоединение с братом. «Я позвала бы тебя к нам, если б верила, что с московским паспортом это возможно» [Переписка: 185]. Разумеется, Фрейденберг в июле 1941 года еще не могла представить грядущие ужасы блокадного Ленинграда, поэтому она даже пыталась поддержать упавшего духом брата, позвать в гости, как в мирное довоенное время. Тем не менее она понимала, что стремительное наступление немцев принесет ленинградцам страдания и смерть. Когда началась эвакуация жителей Ленинграда и ученых академии наук, она сомневалась и мучилась, размышляя о том, покидать ли ей город на фоне подступающих к нему бедствий, но

в итоге приняла решение остаться, проявив душевную стойкость и моральную силу. Показательны ее рассуждения в письме к брату о верности сделанного выбора и о цене этого выбора – о смерти: «Мы остаемся. Я не в силах покинуть любимый город, мама не в силах доехать. Решение, предусматривающее смерть, легкое всегда решение. Оно не требует ни условий, ни программного образа действий. <...> А душа цела и живет. Она контрабандой протаскивает созидание» [Переписка: 185]. Именно ценой смерти покупается, по ее мнению, душевное возрождение. Стоит отметить, что эта черта характера Фрейденберг во многом определила ее научную и человеческую судьбу. Бескомпромиссная и верная себе даже в самые трудные времена (в периоды травли в университете, предательства коллег и учеников), Фрейденберг никогда не жалела о выбранном пути. Несомненно, ее стойкость послужила примером для Пастернака, которому еще предстоял трудный выбор сохранения себя как личности в период травли после заграничной публикации романа «Доктор Живаго».

Казалось бы, патовое положение Ленинграда должно было рождать исключительно негативные умонастроения. Однако Фрейденберг именно в эти дни пишет брату: «Придет обетованный час мирового обновления, кровавых зверей задушат. Я верю в уничтожение гитлеризма» [Переписка: 185–186]. Сдержанность и одновременно глубокий пафос говорят об искренней убежденности Ольги Фрейденберг в своих словах, о четко осознаваемой позиции. Через много лет такой же градус уверенности в победе и ненависти к гитлеровцам озвучит словами героя Виктора Штрума на страницах романа «Жизнь и судьба» В.С. Гроссмана: «Фашизм и человек не могут сосуществовать. Когда побеждает фашизм, перестает существовать человек, остаются лишь внутренне преображенные, человекообразные существа. Но когда побеждает человек, наделенный свободой, разумом и добротой, – фашизм погибает» [Гроссман: 83].

С началом осени в Ленинграде стало трудно с продуктами питания. Жалоб Ольги Михайловны в письмах брату на это не звучит, она упоминает только факты, однако чем скупее лексические средства, тем чудовищнее нарисованная ею картина: коммерческие лавки с продуктами закрылись, к жителям начал подступать голод. Прием, при котором минимальными лексическими средствами выражаются сильнейшие эмоции, использовали многие ленинградцы. Это говорит не только о колоссальной силе их переживаний, но и о некоем едином «векторе» описываемого. «Осенью еще были открыты общественные столовые, где можно было получить питание по карточкам. Но уже тогда в них “дежурили” приличные, интеллигентные люди, которые немедленно доедали в тарелках, если кто-то оставлял ложку-две супа или второго» [Галкин: 15].

Это начало конца, как многим казалось, града Петрова резко контрастирует с ситуацией в Москве и Подмоскovie. Пастернак еще не познал голода, он спасался огородом, к ведению которого его приучила вторая жена Зинаида Михайловна, жил на два дома (дача в подмосковном поселке Переделкино и квартира в Лаврушинском переулке в Москве). Уже зная о начавшейся блокаде, он еще не верил в ее длительность, надеялся, что сестра и тетка смогут покинуть осажденный город. Он даже звал сестру и тетку к себе. «Если бы случилось такое чудо, и вы проездом ли или в виде окончательной цели оказались в Москве как раз в мое временное отсутствие, тут будут всякие возможности, начиная с квартиры, некоторого топлива, некоторого количества картошки и капусты...» [Переписка: 189], – писал он, словно забыв о желании сестры остаться в Ленинграде несмотря ни на какие обстоятельства.

С началом войны, как ни парадоксально, у ленинградской части семьи Пастернаков-Фрейденберг установилась связь с отцом, матерью и сестрами Б.Л. Пастернака, проживавшими в Англии. В это время власть стала обращать значительно меньшее внимание на контакты с иностранцами по сравнению с довоенным периодом.

С осени первого военного года переписка кузенов прервалась на восемь месяцев. Молчал Пастернак и в ответ на письма заграничных родственников, чем вызывал недоумение сестры. После получения Фрейденберг телеграммы от родной сестры поэта, Лидии Леонидовны, появилась определенность: все члены семьи были живы и относительно здоровы.

«Блокадный» аспект переписки кузенов в это время неотрывно связан с биографическим, семейным. О том, как прошла первая блокадная зима для Фрейденберг и ее матери, можно догадаться по скупым замечаниям: «трудно писать», сравнение себя с Данте Алигьери, присевшем «черкнуть пером», сомнение в том, что переживет вместе с матерью блокаду. Картины нечеловеческих страданий, поистине дантовского ада приоткрывают воспоминания Фрейденберг о ледяной квартире, в которой приходилось спать при минусовой температуре, о дикой боли в отмороженных пальцах рук, о постоянной уличной канонаде, о всеобщем разобщении, когда никто не мог «ни подать руку, ни крикнуть “спасите”» [Переписка: 191].

Война для Фрейденберг была частью большого исторического хаоса, без которого, по мнению ученого, невозможно рождение и перерождение народов, обновление истории и культуры. Блокада Ленинграда заставила ее многое передумать и переосмыслить. Она не смирилась с положением города и его жителей, со своим собственным, но приняла все как данность и даже отчасти вписалась в чудовищный быт страшных 872 дней: «Наш город чист, как никогда ни один в истории. Он аб-

солютно свят. Он пастеризован. <...> Завтра нет для нас» [Переписка: 196–197].

Источник морального спасения в суровые дни осады Ольга Фрейденберг видела в науке и творчестве. «Одна страница настоящего искусства, две-три строчки большой научной мысли: и жив курилка!», – писала она брату, пытаясь своим примером излечить его от творческой и жизненной депрессии [Переписка: 196].

Лаконичный, но метафоричный и образный стиль Фрейденберг, свойственный всему ее наследию, потрясает. Говоря о тяжелейшем быте ленинградцев, вынужденных стоять в очередях за водой, она пишет как ученый-литературовед: «Это <...> футуристическая композиция, которая для обывательского глаза представляется грудой падающих и пересекающихся нелепостей в квадрате и квадратов в нелепости: это новое воспроизведение пространства и невиданных аспектов времени, с каузальностью, которая не снилась ни Гегелю, ни твоему доброму, старому марбуржцу» [Переписка: 197]. Так вполне конкретные, фактически точные картины жизни в осажденном Ленинграде выводят Фрейденберг к обобщениям категориального свойства. Подобное философское осмысление явлений блокадной жизни – неотъемлемая часть писем ученого.

Образцовая душевная стойкость вкупе с умением раскрыть философскую подоплеку настоящего, прошедшего и будущего – отличительная особенность мировоззрения, а, соответственно, и стилистики писем Ольги Фрейденберг. Конечно, картины блокадного Ленинграда можно найти и у других корреспондентов. Так, в статье Ю.А. Мазинга, собравшей воспоминания блокадников, представлена жизнь ленинградских детей: «С началом войны все радиоприемники были изъяты (“сданы на хранение”). Большие черные тарелки громкоговорителей <...> стали единственным источником оперативной информации. Первыми от фашистских бомб и пуль погибли ленинградские дети» [Мазинг: 20]. Однако, пожалуй, никто не поднялся на столь высокую ступень обобщения блокадной жизни, как Ольга Фрейденберг.

Освобождение Ленинграда навсегда связалось у Ольги Михайловны с освобождением ее матери от мучений: тетка Пастернака Анна Осиповна скончалась 9 апреля предпобедного года после тяжелой болезни. Приближение финала войны, снятие блокады с любимого города – ничто уже не радовало Фрейденберг. Как и для всех блокадников, руины выжившего года навсегда стали для нее символом не только беспримерного мужества, но также безысходности и смерти. «Пережито ужасное. Мама нечеловечески страдала четыре с половиной месяца» [Переписка: 209].

В письмах О. Фрейденберг Б. Пастернаку блокада Ленинграда, как и война в целом, предстает как чудовищное преступление и колоссальная

трагедия. В то же время, по Фрейденберг, это вероятное начало духовного обновления мировой цивилизации и в перспективе – отказ от любых тоталитарных проявлений. Трудности блокадных лет духовно сблизили членов семьи, особенно кузенов Бориса и Ольгу, что очевидно в рассматриваемой нами переписке. Не последнюю роль в этом сближении сыграло видение обоими науки и творчества как единственного пути к духовному спасению.

В письмах О. Фрейденберг к Б. Пастернаку блокадный Ленинград показан на первый взгляд схематично: констатация факта – его оценка – вывод. Однако подобная стилистика только усиливает глубину содержания посланий ученого. Они не просто фиксируют те или иные события, но суммируют и обобщают глубокие мысли автора исторического, религиозного, научного, творческого характера, возводя их в философскую степень. Благодаря такой манере письма образ блокадного Ленинграда предстает в письмах Фрейденберг с нетривиальной, откровенно-пугающей, документальной прямолинейностью, а собирательный образ ленинградца становится выражением духовного совершенства и стойкости. Блокадный Ленинград в письмах Фрейденберг Пастернаку становится, с одной стороны, символом ужасающей псевдорéalности, с другой – снежным покровом, под которым вызревал новый человеческий тип, лишенный животного страха смерти, живущий ради торжества высших духовных ценностей.

Таким образом, переписка О.М. Фрейденберг и Б.Л. Пастернака периода блокады Ленинграда представляет собой целостный дискурс, предполагающий единство взглядов участников переписки и ведущую роль в ней мужественной женщины-ученого. Именно ее видение страшных блокадных дней, скупые, но емкие описания быта ее маленькой семьи и быта ленинградцев, ее рассуждения о литературе, музыке, о жизни и смерти, об экзистенциальном одиночестве страдающего человека, ее высокохудожественные сравнения и обобщения имеют большое историко-культурное значение, дают понимание той удивительной духовной высоты, которая была фоном, питательной средой, породившей гениальную литературу и выдающееся литературоведение XX века.

Примечания

¹ Марр Николай Яковлевич (1864–1934) – ученый-востоковед, филолог, академик АН СССР. Н.Я. Марр изучал генетические связи языков, разработал теорию классовой природы языка, которая была осуждена советской наукой.

² Коген Герман (1842–1918) – немецкий философ-идеалист, глава Марбургской школы неокантианства. Борис Пастернак был увлечен работами философа; живя в Марбурге, поэт был слушателем курса Когена.

Список литературы

Переписка Бориса Пастернака / сост. Е.Б. Пастернак, Е.В. Пастернак. М.: Худ. литература, 1990. 576 с.

Вельуго О.А. Дискурс о дискурсе, дискурс в дискурсе, или что такое дискурс с точки зрения литературоведа // В мире научных открытий. 2010. № 4. С. 9–11.

Галкин Г.Ф. Ток. Екатеринбург, 2001. 38 с.

Гроссман В.С. Жизнь и судьба. М.: Изд-во АСТ, 2002. 877 с.

Мазинг Ю.А. Ленинградская квартира // Актуальные номера. 2014. Т. 5, вып. 1. Ч. 1. URL: http://www.j-spacetime.com/actual%20content/t5v1p1/2227-9490e-aprov_r_e-ast5-1-1.2014.41.php (дата обращения: 03.10.2019).

Мальшиева Е.Г. Русский спортивный дискурс: лингвокогнитивное исследование. Омск: Изд-во ОГУ, 2011. 323 с.

Матвеева И.И., Микурова П.Л. Тема творчества в переписке Б. Пастернака и О. Фрейденберг 1930–1940-х гг. // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2019. № 2. С. 50–56.

Фесенко О.П. Эпистолярный жанр, стиль, дискурс // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 23. С. 132–143.

Фуко М. Археология знания / пер. с фр. М.Б. Раковой, А.Ю. Серебрянниковой. СПб.: Гуманитарная академия; Университетская книга, 2004. 326 с.

References

Perpiska Borisa Pasternaka [The Boris Pasternak's correspondence]. Moscow, Hud. literatura Publ., 1990, 576 p. (In Russ.)

Velyugo O.A. *Diskurs o diskurse, diskurs v diskurse, ili chto takoe diskurs s tochki zreniya*

literaturoveda [Discourse about discourse, discourse in discourse, discourse is from the point of view of the literary theorist]. *V mire nauchnyh otkrytij* [In the world of scientific discoveries], 2010, № 4, pp. 9–11. (In Russ.)

Galkin G.F. *Tok* [Current]. Ekaterinburg, 2001, 38 p. (In Russ.)

Grossman V.S. *ZHizn' i sud'ba* [Life and fate]. Moscow, Izd-vo AST Publ., 2002, 877 p. (In Russ.)

Mazing Yu.A. *Leningradskaya kvartira* [The Leningrad flat]. URL: http://www.j-spacetime.com/actual%20content/t5v1p1/2227-9490e-aprov_r_e-ast5-1-1.2014.41.php (access date: 03.10.2019). (In Russ.)

Malysheva E.G. *Russkij sportivnyj diskurs: lingvokognitivnoe issledovanie* [Russian sports discourse: linguo-cognitive research]. Omsk: OGU Publ., 2011, 323 p. (In Russ.)

Matveeva I.I., Mikurova P.L. *Tema tvorchestva v perepiske B. Pasternakai i O. Frejdenberg 1930–1940-h gg.* [Theme of creativity in B. Pasternak's correspondence with O. Freidenberg]. *Vestnik MGPU. Ser.: Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazykovo obrazovanie* [Bulletin of Moscow City Pedagogical University. Ser.: Philology. Theory of language. Language education], 2019, № 2, pp. 50–56. (In Russ.)

Fesenko O.P. *Epistolarij: zhanr, stil', diskurs* [Epistolary: genre, style, discourse]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2008, № 23, pp. 132–143. (In Russ.)

Fuko M. *Arheologiya znaniya* [Archaeology of knowledge], per. s fr. M.B. Rakovoj, A.YU. Serebryannikovoj. SPb., Gumanitarnaya akademiya, Universitetskaya kniga, 2004, 326 p. (In Russ.)

DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-1-149-153
УДК 821.161.1.09"20"

Никитина Татьяна Юрьевна
Тюменский государственный университет

ЭВОЛЮЦИЯ СЮЖЕТА В ЛИРИКЕ АРСЕНИЯ ТАРКОВСКОГО 1930–60-Х ГОДОВ: «ГОСТЬЯ-ЗВЕЗДА», «ПЕРЕД СНЕГОМ»

В статье рассматривается развитие типологического сюжетного события лирики А. Тарковского от его ранних произведений, представленных в книге «Гостья-звезда», до стихотворений 1950–60-х годов, составивших сборник «Перед снегом». Особое внимание уделено соотношению сюжетного события и пространственной модели мира, в которой отражается обретенный эмоциональный и духовный опыт, а также реализуются представления о сущности взаимодействия мира и человека.

В стихотворениях Тарковского 1930–40-х годов пространственная модель представляет собой соотношение «центра» и «периферии» («дома» и внешнего мира), в котором реализуется противопоставление жизни как таковой и рефлексирующего сознания Поэта, отчужденного от внешнего бытия. В лирике 1950–60-х годов происходит изменение пространственной модели, связанное с отказом от истин высшего порядка и попыткой обоснования ценности земного мира. Изначально у Тарковского воплощением такой модели становится растительная вертикаль, которая обретает антропоморфные черты – Мировое древо. Сюжетным событием становится осмысление сущности этой пространственной модели и осознание ее ущербности: она обнаруживает свою амбивалентность, соединяя в себе высокий и низкий мирообразы, а при наделинии сознанием – отчуждается от живой жизни с ее «тлетворностью».

Итогом эволюции сюжетного события лирики Арсения Тарковского 1930–60-х годов становится утверждение неопостижимости и загадочности жизни, а также отказ от абсолютного знания и перенесение смысловой значимости творчества на сохранение «корневого родства» между человеком и земным миром.

Ключевые слова: лирический сюжет, событие, пространственная модель мира, Арсений Тарковский.

Информация об авторе: Никитина Татьяна Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент, ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет», Тобольский педагогический институт им. Д.И. Менделеева (филиал) ТюмГУ, г. Тобольск, Россия.

E-mail: t.y.nikitina@utmn.ru.

Дата поступления статьи: 28.01.2020.

Для цитирования: Никитина Т.Ю. Эволюция сюжета в лирике Арсения Тарковского 1930–60-х годов: «Гостья-звезда», «Перед снегом» // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 1. С. 149–153. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-1-149-153.

Tat'yana Yu. Nikitina
Tyumen State University

THE EVOLUTION OF PLOT IN ARSENY TARKOVSKY'S LYRICAL POETRY OF 1930-60S: «GUEST-STAR», «BEFORE SNOWING»

The article considers the development of typological plot event in Arseny Tarkovsky's lyrical poetry from his early works presented in the book «Guest-Star», to poems written in 1950-60s, making the collection «Before Snowing». Particular attention is paid to the correlation of plot event and spatial model of the world which reflects the acquired emotional and mental experience and actualises ideas about the essence of interaction of the world and man.

In Arseny Tarkovsky's poems of 1930-40s, the spatial model of the world is presented as a correlation of «centre» and «periphery» («home» and outside world) which actualises the opposition of life as such and reflective consciousness of the poet alienated from external existence. In lyrical poetry of 1950-60s, the development of the spatial model takes place which is connected with refusal from truths of the highest order and an attempt of justification of the value of the world of men. At first Arseny Tarkovsky represented such model as a floral vertical which has anthropomorphic features – Tree of World. The plot event is the reflection on the essence of this spatial model and awareness of its deficiencies – it reveals its ambivalence combining elevated and low images of the world and in consciousness it alienates from living life with its «noxiousness».

The result of the evolution of the plot event in Arseny Tarkovsky's lyrical poetry of 1930-60s is confirmation of incomprehensibility and mystique of life and also refusal from absolute knowledge and transfer of meaningfulness of creativity to preservation of "root relationship" between man and world of men.

Keywords: lyrical plot, plot event, world spatial model, Arseny Tarkovsky.

Information about the author: Tat'yana Yu. Nikitina, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Tyumen State University; Mendeleev Tobolsk Pedagogic Institute (branch of Tyumen State University), Tobolsk, Russia.

E-mail: t.y.nikitina@utmn.ru.

Article received: January 28, 2020.

For citation: Nikitina T.Yu. The evolution of plot in Arseny Tarkovsky's lyrical poetry of 1930-60s: «Guest-Star», «Before Snowing». Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 1, pp. 149-153 (In Russ.). DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-1-149-153.

Лирический род литературы предполагает особый тип сюжета, реализующегося в разворачивании единственного сюжетного события, которое представляет собой процесс

и мгновение «обнаружения подлинной сути» переживаемого в субъективной рефлексии «лирического я» [Сильман: 27–28]. Методология подобного исследования лирического сюжета представлена

в работах Ю.М. Лотмана и Т.И. Сильман. По выражению Ю.М. Лотмана, «поэтический сюжет претендует быть... рассказом о Событии – главном и единственном, о сущности лирического мира» [Лотман: 107], таким образом, описание сути данного События и исследование его развития в творчестве поэта позволяет судить о главных тенденциях становления художественного мира поэта, о нравственных и идейных константах его творчества, о его развитии.

Цель данной статьи – рассмотреть развитие типологического сюжетного события лирики А. Тарковского от его ранних произведений, представленных в книге «Гостья-звезда», до стихотворений 1950–60-х годов, составивших сборник «Перед снегом». В лирике Арсения Тарковского такое сюжетное событие тесно связано с образом пространственного осмысления мира и человека, разворачиваясь в миф, что, по замечанию Ю.М. Лотмана, в принципе свойственно Событию лирического сюжета [Лотман: 107]. Лирическое событие разворачивается одновременно в пространствах внешнем и внутреннем, часто они совмещаются, что является попыткой самоопределения «лирического я». Границы личности «я», статус поэта – эти темы являются главным предметом рефлексии Тарковского. Момент «лирической концентрации» [Сильман: 30–31] у Тарковского связан с осознанием лирического «я» как против- и сопоставления некоего эйдоса Поэта и собственно человека, как сознания, воспринимающего биение жизни и как собственно воплощенную жизнь.

В «Гостье-звезде» это прежде всего противопоставление, в котором реализуются отношения поэта (человека) и мира. Оно проявлено в противопоставлении пространства внутреннего и внешнего: «дома» и «законного тревожного покоя» как некоего соотношения неподвижного, статичного «центра» и движущейся, изменяющейся «периферии» – соотношения также вполне мифологического по сути. «Гостья-звезда» позиционируется Тарковским как некое начало пути (впервые опубликована в качестве первого раздела в сборниках «Стихотворения» (1974) и «Избранное» (1982) и включает в себя стихотворения 1929–1940 годов, но в действительности хронологическое правило в ряде случаев нарушается поэтом, в раздел включаются более поздние стихотворения в соответствии с замыслом, что диктовалось восприятием и осознанием книги стихов как некоего единства.

«Лирическое я» в «Гостье-звезде» – это прежде всего рефлексующее сознание, своего рода инструментальный познания мира, лирическая рефлексия для него – высшая, священная миссия, осуществление которой требует позиции созерцателя и устранения от собственно жизни в неповторимом мгновении. Такое положение «лирического я» реализуется в пространстве «дома»: помимо метафо-

ры дома как вместилища души в этом реализуется идея ограниченности участия поэта во всеобщем «празднике бытия», это самоограничение зачастую носит характер аскезы и воспринимается как жертвенное самоотречение.

Пространство дома мыслится как, с одной стороны, милое, родное, заполненное « пленительной шушерой » бытового и бытийного существования человека. Окно, подоконник – это излюбленные места в обжитом доме, гостиничном номере, они всегда характеризуются обилием деталей, предметов, наиболее часто соотносятся с психологическим состоянием героя («25 июня 1935 года», «25 июня 1939 года»). Если «дом» – это воплощение «центра», внутреннее и символическое пространство ограниченной личности «я», то «окно» – это воплощенная «граница» между внешним миром и личным пространством лирического героя, ограниченным либо стенами дома, либо физическим существованием (телом).

Интересно, что в ценностном отношении «центра» и «периферии» можно наблюдать некую амбивалентность: в «Гостье-звезде» присутствует мотив раздвоения «лирического я», который реализуется в мотиве встречи рефлексующего «я» поэта, находящегося в «доме», и того же «я», принадлежащего внешнему миру: «Под сердцем травы тяжелеют росинки, / Ребенок идет босиком по тропинке, / Несет землянику в открытой корзинке, / А я на него из окошка смотрю, / Как будто в корзинке несет он зарю. // Когда бы ко мне побежала тропинка, / Когда бы в руке закачалась корзинка, / Не стал бы глядеть я на дом под горой, / Не стал бы завидовать доле другой, / Не стал бы совсем возвращаться домой» [Тарковский: 34] («Под сердцем травы тяжелеют росинки...», 1933). При этом сохраняется противопоставление дома и открытого пространства и в первой, и во второй строфах: всегда есть идущий по тропинке ребенок и созерцатель, глядящий на него из окна дома. В стихотворении 1955 года «Позднее наследство...» эта ситуация снова повторяется, но теперь трактуется противоположным образом: «Резко, слишком резко, / Издали видна, / Рдеет занавеска / В прорези окна, // И, не уставая, / Смотрит мне вослед / Маска восковая / Стародавних лет» [Тарковский: 291]. Таким образом, пространство «дома» в контексте встречи с живой жизнью понимается как пространство смерти, небытия, а «центральное» положение «дома» оказывается иллюзией – он отодвигается на периферию жизни, движения, развития.

В «Гостье-звезде» присутствует и другой образ внешнего – «периферического» пространства: «законный тревожный покой», который в первых стихотворениях книги представляет собой все тот же природный мир, но далее все более обретает таинственные потусторонние очертания. Проводником в этот мир для «лирического я» Тарковского

становится женщина – собственно «Гостья-звезда». Если в первом стихотворении книги («Перед листопадом», 1929) женщина, возлюбленная, хотя и принадлежит миру «законного тревожного покоя», вполне реальна и даже несколько суетна, то в последующих стихотворениях «Гостьи-звезды» возлюбленная – существо из иного мира («Я боюсь, что слишком поздно...» (1947), «Отнятая у меня, ночами...» (1963–1966), ее явление всегда связано с жизнью стихий – со струящимся светом, отражающемся в каплях воды – слезах, дожде («Если б, как прежде, я был горделив...» (1934), «Ночной дождь» (1943), «Записал я длинный адрес на бумажном лоскутке...» (1935), «Я так давно родился...» (1938), «Дождь в Тбилиси» (1945), «С утра я тебя дождался вчера...» (1941), ослепительной вспышкой света – «чернотой, окрыленной светом» («Ты, что бабочкой черной и белой...», 1946).

Сохраняется устойчивое положение «лирического я» в пространстве «дома», заявленное уже в первом стихотворении «Перед листопадом», сюжет которого разворачивается в противопоставлении пространства лирического героя («дома») и пространства Гостьи-звезды («законного тревожного покоя»): «Вот и осталась мне самая малость / Шороха осени в доме моем. // Выпало лето холодной иглой / Из онемелой руки тишины / И запропало в потемках за полкой, / За штукатуркой мышины стены. // Если считатьсся начнем, я не вправе / Даже на этот пожар за окном. / Верно, еще рассыпается гравий / Под осторожным ее каблуком. // Там, в законном тревожном покое, / Вне моего бытия и жилья, / В желтом, и синем, и красном – на что ей / Память моя? Что ей память моя?» [Тарковский: 27]. Важно подчеркнуть, что в этом стихотворении уравниены «бытие» и «жилье», и ценностным содержанием «центра» становится память – она утверждается в качестве основы мира. Иронический вопрос «На что ей память моя?» несет в себе насмешку над меркантильностью и суетностью женщины, неспособной оценить духовный подвиг Поэта, но интересно его продолжение: «Что ей память моя?» Подобная формулировка практически повторяет знаменитые слова шекспировского Гамлета: «Что он Гекубе? Что ему Гекуба?» [Шекспир: 192], вводя в контекст стихотворения Тарковского тему искусства, соотношенного с памятью.

Женщина непосредственно погружена в жизнь, она и есть жизнь. В «бытии и жилье» «лирического я» она кратковременная гостья, ее непостижимость порождает ревность. Родной, естественной для героини названа «беззвездная и чужая» страна, а в ней самой подчеркнуто нечеловеческое, стихийное начало: «Я-то знаю, как другие, / В поздний час моей тоски, / Я-то знаю, как другие / Смотрят в эти роковые, / Слишком темные зрачки. // <...> ...Мне понятен душный холод, / Вешний лед

в крови твоей» [Тарковский: 38–39] («Я боюсь, что слишком поздно...», 1947). В то же время это – мандельштамовская цитата («И родные темные зрачки» («В Петербурге мы сойдемся снова...», 1920) [Мандельштам: 153]), в которой реализуется мотив спасительного в разрушающемся мире «черного-ночного солнца». Таким образом, первоначальное противопоставление лирического героя и Гостьи-звезды перестает быть однозначным и в итоге воспринимается как единство и одновременно трагическое несовпадение, когда женщина становится частью бытия лирического «я» и разделяет его страдание и его память.

Таким образом, в лирике 40-х годов формируется показательная для Тарковского пространственная модель, главным в которой становится центростремительное движение к некоей неподвижной точке, в которой это движение прекращается и замирает, этот «центр бытия» неизменен по сравнению с внешним изменчивым пространством, и достижение его «лирическим я» связано с откровением и с кульминацией лирического переживания, лирической концентрацией. По сути, именно перемещение на некую высшую, нечеловеческую точку зрения становится главным лирическим событием в лирике Тарковского этого периода.

В сборнике стихов «Перед снегом», включающем в себя стихотворения 1941–1962 годов, формируется иная разновидность лирического события, которое разворачивается в пространственной модели растительной вертикали, Мирового древа. Сборник состоит из пяти разделов, которые сформированы поэтом с нарушением хронологического принципа ради выражения идеи развития лирического переживания, поэтому далее обратимся к исследованию формирующейся новой пространственной модели в соответствии с композицией сборника «Перед снегом».

В первом разделе сборника декларируется позиция лирического героя, который отказывается от высшего знания и откровения ради человеческой, земной правды и человеческой этики. Его выбор – земной мир, земное существование, в последнем стихотворении раздела говорится: «Спасибо, что губ не свела мне улыбка / Над солью и желчью земной. / Ну что же, прощай, олимпийская скрипка, / Не смейся, не пой надо мной» [Тарковский: 99] («Земное», 1960). Новая пространственная модель формируется в стихотворении «Дерево Жанны» (1959), где, на наш взгляд, происходит поэтическое осмысление трагической противопоставленности смертного человеческого удела и высшей истины, которая по сути своей бесчеловечна, так как в сравнении с ней человеческая жизнь и человеческая судьба ничего не значат. Душа поэта понимается Тарковским как сущность, несводимая к частному бытию (именно эта межсубъектность души названа важнейшей ее особен-

ностью в лирическом цикле Тарковского «Пушкинские эпитафии» (1976–1977) [Тарковский: 327–331], она всегда устремлена к высшему миру, и поэт считает своим назначением декларацию неких высших истин, не основанных на эмпирическом существовании. Более того, именно соотношение с высшим миром является своего рода критерием подлинности искусства. Но ради этого предназначения поэт отдает свою собственно человеческую суть, жертвует реальной связью с миром и перестает быть самим собой.

В стихотворении «Дерево Жанны», где важную роль играет мотив прислушивания к себе – к своей бессмертной душе, к голосам, которые звучат в ней и соотносятся у Тарковского прежде всего с поэзией, – появляется образ «таинственного дерева», величественного и непостижимого. При этом образ дерева, который у Тарковского ранее всегда соотносился с включенностью человека в мир природы, в общее мироздание, переосмысливается: «Привет тебе, высокий ствол и ветви / Упругие, с листвою зелено-ржавой, / Таинственное дерево, откуда / Ко мне слетает птица первой ноты» [Тарковский: 78]. Дерево обретает антропоморфные черты – это дерево Жанны д'Арк, которая также слышала некие голоса, призывавшие к подвигу и самопожертвованию. Откровением становится осознание связи творчества с отстраненностью от земного, человеческого мира, с отказом от самого себя – здесь снова реализуется пространственная модель, характерная для лирики 1930–40-х годов, но она осознается как губительная для поэта, так как обретение «прозрачного, очевидного, как стекло» смысла связано с утратой собственной личности: «Душа к губам прикладывает палец – / Молчи! Молчи! И все, чем смерть жива / И жизнь сложна, приобретает новый, / Прозрачный, очевидный, как стекло, / Внезапный смысл. И я молчу, но я / Весь без остатка, весь как есть – в раструбе / Воронки, полной утреннего шума. / Вот почему, когда мы умираем, / Оказывается, что ни полслова / Не написали о себе самих, // И то, что прежде нам казалось нами, / Идет по кругу / Спокойно, отчужденно, вне сравнений / И нас уже в себе не заключает» [Тарковский: 78–79]. Такой путь осознается в стихотворении как путь Жанны – самопожертвование и гибель, а «таинственное дерево» в последней строфе стихотворения предстает как образ амбивалентный: с одной стороны, это лермонтовский «волшебный дуб» («Чтоб всю ночь, весь день мой слух лелея / Про любовь мне сладкий голос пел, / Надо мной чтоб, вечно зеленея, / Темный дуб склонялся и шумел» [Лермонтов: 109] («Выхожу один я на дорогу...»)), с другой – образ казни, сожжение на костре: «Ах, Жанна, Жанна, маленькая Жанна! / Пусть коронован твой король, – какая / Заслуга в том? Шумит волшебный дуб, / И что-то голос говорит, а ты / Огнем горишь в рубахе не по

росту» [Тарковский: 79]. Главным откровением лирического субъекта здесь становится трагическое осмысление человеческого удела как неизбежной казни во имя нечеловеческих истин. Интересно, что и вращающаяся воронка, и таинственное дерево представлены как существующие объективно, вне человека, который представляется игрушкой высших сил, рока.

Пространственная модель, связанная с образом Мирового древа, далее осмысливается во втором разделе сборника, и в этом плане важную роль играет цикл стихотворений «После войны» (1960–1969). Основу лирического сюжета цикла составляет осознание собственной сущности «лирическим я», которое оказывается неким целокупным существом, в котором соединяются человек и дерево. Именно данная сущность воплощает собой бессмертие и вечное возрождение жизни и является альтернативой противопоставлению земного и небесного, так как и является собственно антропоморфной моделью мира: «Как дерево поверх лесной травы / Распластывает листьев пятерню / И, опираясь на кустарник, вкось, / И вширь, и вверх распространяет ветви, / Я вытянулся понемногу. Мышцы / Набухли у меня, и раздалась / Грудная клетка. Легкие мои / Наполнил до мельчайших альвеол / Колючий спирт из голубого кубка, / И сердце взяло кровь из жил, и жилам / Вернуло кровь, и снова взяло кровь, / И было это как преображенье / Простого счастья и простого горя / В прелюдию и фугу для органа» [Тарковский: 140]. В цикле происходит обретение нового смысла творчества и осмысление нового статуса «я». Попытка восстановления справедливости, искупления страданий, принесенных катастрофическими событиями, не может осуществиться вполне – новая сущность, призванная к жизни, подчиняется законам земного мира – она страдает подобно Марсию, страшится холода неземных пространств и испытывает ужас смерти. Результатом этого становится разрыв «я» с умирающими двойниками – «я» становится «наместником дерева и неба».

Своего рода итог развития данной пространственной модели в лирике Тарковского 1950–60-х годов представлен в последнем, пятом разделе сборника, в который входят такие стихотворения, как «Посредине мира» (1958), «Малютка-жизнь» (1958), «Деревья» (1954), «Рукопись» (1960) и другие. Здесь воплощением «лирического я» остается, с одной стороны, та же сверхчеловеческая сущность, антропоморфная мировая модель, осознаваемая в ее величии и в ее недостаточности – Мировое древо, мост, посредник между всем живым: «Я человек, я посредине мира, / За мною мириады инфузорий, / Передо мною мириады звезд. / Я между ними лег во весь свой рост – / Два берега связующее море, / Два космоса соединивший мост» [Тарковский: 172] («Посредине мира», 1958). С другой стороны,

«я» – обычный человек, который страшится смерти и враждебного человеку «мирового шарового пространства» и готов принимать любые страдания, только бы не оставила его «малютка-жизнь».

Эти два образа «лирического я» несовершенны и дополняют друг друга, становясь своего рода полюсами, между которыми разворачивается лирический сюжет, суть которого – в осмыслении сущности бытия и сущности собственно лирического субъекта. Невозможность обретения окончательной истины и абсолютного знания приводит к замене цели: лирический герой Тарковского более не претендует на обретение абсолютного знания или абсолютного смысла – это невозможно, так как «малютка-жизнь» остается непостижимой и загадочной. Лирическое событие связано с осознанием этой непостижимости и с введением бытия героя в мир земной жизни, с которой он связан «корневым родством», – это тот итог, к которому приходит лирический герой Тарковского.

Таким образом, в лирике Тарковского 1930–60-х годов наблюдается эволюция основного сюжетного события и лирического сюжета. Если первоначальная пространственная модель у Тарковского является воплощением противопоставленности «центра» и «периферии» («дома» и внешнего мира), в которой реализуется противопоставление вечно изменяющегося мира, собственно жизни и отчужденной от внешнего бытия позиции Поэта, которому открываются истины о мире и человеке, то дальнейшее развитие пространственной модели представляет собой попытку отказа от мира высшего и обретения ценности земного мира. Изначально у Тарковского воплощением такой модели становится растительная вертикаль, которая в ряде случаев обретает явственные человеческие очертания, но и она оказывается ущербной: соединяет в себе высокий и низкий мирообразы, а при наделении сознанием – отчуждается

от живой жизни с ее «тлетворностью». Пожалуй, единственное существенное отличие «наместника дерева и неба» от абсолютного воплощения надчеловеческой точки зрения – сострадание и любовь к земному бытию, а также тоска по абсолютной гармонии, которая недостижима.

Список литературы

Лермонтов М.Ю. Сочинения: в 4 т. М.: Правда, 1986. Т. 1. 384 с.

Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста // Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии. СПб.: Искусство – СПб, 1996. С. 18–132.

Мандельштам О. Полное собрание стихотворений. СПб.: Академический проект, 1997. 720 с.

Сильман Т.И. Заметки о лирике. Л.: Советский писатель, Ленинградское отделение, 1977. 224 с.

Тарковский А. Собрание сочинений: в 3 т. М.: Художественная литература, 1991. Т. 1. Стихотворения. 462 с.

Шекспир У. Ромео и Джульетта. Гамлет. Трагедии. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. С. 129–285.

References

Lermontov M.Yu. *Sochineniya: v 4 t.* [Works: in 4 vol.]. Moscow, Pravda Publ., 1986, vol. 1, 384 p. (In Russ.)

Lotman Yu.M. *Analiz poeticheskogo teksta* [Poetic text analysis]. Lotman Yu.M. *O poetakh i poezii* [About poets and poetry]. SPb.: Iskustvo – SPB Publ., 1996, pp. 18–132. (In Russ.)

Mandel'shtam O. *Polnoe sobranie stikhotvoreniy* [Complete collection of poems]. SPb.: Akademicheskii proekt Publ., 1997, 720 p. (In Russ.)

Sil'man T.I. *Zametki o lirike* [Lyrics Notes]. L.: Sovetskiy pisatel' Publ., 1977, 224 p. (In Russ.)

Tarkovskiy A. *Sobranie sochineniy: v 3 t.* [Works: in 3 vol. Vol. 1]. Moscow, Khudozhestvennaya literature Publ., 1991, vol. 1, 462 p. (In Russ.)

СТИХОТВОРЕНИЕ «ПАМЯТИ...» КАК САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ ЖАНРОВАЯ ФОРМА
В ЛИРИКЕ И. БРОДСКОГО

В статье рассматривается поэтика стихотворения «Памяти...» в творчестве И. Бродского на примере одноименных произведений. Устанавливается, что жанрообразующим фактором в нем выступают элементы композиционно-содержательного единства, такие как заголовок, тематическая рефлексия, статус авторского «я», архетипичные образы воды и связанные с ней коннотативы, составляющие внутренний хронотоп и локусные индексы, которые в свернутом виде ассоциируются с метафорой «всплывать в памяти» и которые у Бродского имеют форму мифопоэзиса, определяемого автобиографическими и семиотическими смыслами. Выявляется, что произведения типа «Памяти...», хотя и имеют генеалогические связи, но отличны от эпитафии, стихотворений «На смерть...», что типологическая связь сближает их в большей мере с посвяжительной традицией. В связи с этим делается вывод о том, что в отношении искомого жанра, объединяющего стихотворения «Памяти...», можно использовать исходное наименование, обособляющее его, либо считать стихотворным мнемоническим посвящением.

Ключевые слова: бессубъектность авторского «я», жанр, хронотоп, локус, развернутая метафора, архетипический образ, коннотатив, композиционно-содержательное единство.

Информация об авторе: Жиляков Сергей Викторович, ORCID: 0000-0002-5875-4134, кандидат филологических наук, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Старооскольский филиал), г. Старый Оскол, Россия.

E-mail: szhil@list.ru.

Дата поступления статьи: 23.01.2020.

Для цитирования: Жиляков С.В. Стихотворение «Памяти...» как самостоятельная жанровая форма в творчестве И. Бродского // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 1. С. 154-159. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-1-154-159.

Sergey V. Zhilyakov
Belgorod National Research University

THE POEM «IN MEMORIAM...» AS AN INDEPENDENT GENRE FORM
IN THE POETRY OF JOSEPH BRODSKY

The article deals with the poetics of the poem «In Memoriam...» in the works of Joseph Brodsky in terms of works of the same name. It is established that the genre-forming factor in it are elements of compositional and content unity, such as the title, thematic reflection, the status of the author's «I», archetypal images of water and related connotatives that make up the internal chronotope and locus indices, which are associated with the metaphor «to recur to memory» and which in Brodsky have the form of mythopoiesis, defined by autobiographical and semiotic meanings. It is revealed that works of the type «In Memoriam...», although they have genealogical connections, are different from the epitaph, poems to commemorate death of certain persons, that the typological connection brings them closer to the dedicatory tradition. In this connection, it is concluded that in relation to the desired genre that combines the poems «In Memoriam...», one can use the original name that separates it, or consider it a poetic mnemonic dedication.

Keywords: non-subjectivity of author's «I», genre, chronotope, locus, expanded metaphor, archetypal image, connotative, compositional and content unity.

Information about the author: Sergey V. Zhilyakov, ORCID: 0000-0002-5875-4134, Candidate of Philological Science, Belgorod National Research University, branch in the City of Stary Oskol, Stary Oskol, Russia.

E-mail: szhil@list.ru.

Article received: January 23, 2020.

For citation: Zhilyakov S.V. The poem «In Memoriam...» as an independent genre form in the poetry of Joseph Brodsky. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 1, pp. 154-159 (In Russ.). DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-1-154-159.

В творческом наследии И. Бродского есть несколько одноименных стихотворений, объединенных темой памяти: «Памяти Т.Б.» (1968), «Памяти отца: Австралия» (1989), «Памяти Геннадия Шмакова» (1989) и «Памяти Клиффорда Брауна» (1993).

Уже в заголовке стихотворений заложено изначальное жанровое предпонимание. В этом, вероятно, сконцентрирована жанровая коммуникативная особенность, определяемая, согласно Е.Л. Конявской, «особенностями адресата» [Конявская: 255]

или, шире, конвенциональной функцией, соотносенной с третьим аспектом в жанровой концепции Ю.В. Шатина, в силу которой между реципиентом и автором литературного текста всегда существует некоторое неписанное соглашение о тождественной рецепции произведения в рамках их совместного жанрового видения/прочтения [Шатин: 6], заключенного и репрезентированного в первую очередь в номинации. Потому для жанровой дефиниции заглавие есть «очень ответственный, если вообще не главный компонент художественного

текста» [Бабичева: 64]; в связи с чем «жанровое заглавие, необязательное в каноническую эпоху, становится если и не неизменным, то важным жанровым маркером, ибо только оно позволяет связать неканонический текст с предшествующей жанровой традицией, активировать жанровую память читателя» [Атремова: 50], стать своего рода гарантом и ориентиром верного жанрового ожидания.

Несмотря на это, «Памяти Геннадия Шмакова» (1989) и «Памяти Т.Б.», отличаясь пространством объемом, представляют собой, по определению А.А. Азаренкова, «большое стихотворение» – жанровую форму, созданную и культивируемую И. Бродским, имеющую в своем арсенале повторяющуюся и вариативную композиционную основу со связанными с ней построенными на основе ассоциации образами и мотивами [Азаренков: 212]. Хочется, однако, заметить, что данная жанровая форма универсальна именно как форма, объединенная «основой «негомогенного» лирического материала» [Калашников: 6], в частном же порядке она, вероятно, применима ко многим жанрам, в том числе и стихотворению «Памяти...».

Нельзя не согласиться с У.Ю. Вериной, которая пишет, что стихотворение Т. Венцловы с однотипным наименованием «Памяти поэта. Вариант», посвященное О. Манделштаму, «продолжает традицию эпитафий на смерть поэта и генетически связано с элегией И. Бродского “На смерть Т.С. Элиота”» [Верина: 13]. Действительно (и это можно перенести на исследуемые стихотворения), с традицией эпитафии их роднит упоминание о смерти некогда близкого человека, описание биографических локусов, сожаление о смерти, вечности слова. В то же время есть и отличия жанров. Так, эпитафия – это краткая стихотворная надгробная надпись, поэтика которой определяется обращением (прямой речью) к достаточно узкому кругу адресатов повествования, величественным (по преимуществу) отношением к умершему путем краткого перечисления заслуг в рамках достаточно сложного политемпорального хронотопа [Ложкова: 59, 63], определяемого локусом могилы. Кроме того, элегия, генетически восходящая к ритуальной заплачке и сохранившая поэтому печально-скорбные размышления о проблемах жизни, смерти и памяти, также оказывается на поверку близкой по жанровой модальности исследуемым произведениям.

Все же стихотворения типа «Памяти...» обладают своей жанровой спецификой. Так, обращает на себя внимание языковая формула номинации, в которой главное слово «памяти», к которому обращено поэтическое послание, управляет в родительном падеже субъектом (например, Геннадия Шмакова). Итак, присутствует конкретность адресата, в отличие от эпитафии. Все это говорит о тематическом превосходстве памяти над объектом ее

рефлексии. В подтверждение находим у Бродского следующие строки:

Пока не увяли цветы и лента
еще не прошла через известь лета,
покуда черна и вольна цыганить,
ибо настолько длинна, что память
моя, как бы внемля ее призыву,
потянет ее, вероятно, в зиму...

[Бродский, 2018: 137]

И кульминацией в том же стихотворении «Памяти Т.Б.» (1968) звучит мотив, дискредитирующий память как таковую, называя местоименно при этом субъекта, от которого остается лишь «пыль бытия»:

Будем помнить тебя. Не будем
помнить тебя...
...Ты останешься мазком, наброском,
именем, чуждым своим же тезкам
и не бросающим смертной тени
даже на них.

[Бродский, 2018: 145]

И эта существенная деталь в последнюю очередь является свидетельством размежевания стихотворения «Памяти...» с эпитафией. Также весьма циничную оценку памяти встречаем в концовке «Памяти отца: Австралия» (1989):

Все-таки это лучше, чем мягкий пепел
крематория в банке...

....в первый раз с той поры, как ты обернулся дымом.

[Бродский, 2018: 504]

Напротив, память живых является утешительным мотивом и гарантией посмертного метафизического существования в строках «Памяти Геннадия Шмакова»:

Знать, ничто уже, цепью гремя
как причины и следствия звенья,
не грозит тебе там, окромя
знаменитого нами забвенья.

[Бродский, 2018: 515]

Звукоповтор «з», прочитываемый как каламбур с предустановкой на заведомо двоякую семантику (знаменитый – узнаваемый, забвенья – забываемый), утверждает, что именно забвенья как необходимый элемент всеобщего оборотничества бытия-небытия, дает гарантию долгожительства памяти.

Другой немаловажной чертой, конституирующей жанровую интенцию поэтического произведения, является принцип внутритекстового проявления авторского «я». Доведенная до предела «бессубъектность» поэтической речи, «субъективная неопределенность» сказывается на том, что в результате этого «отстраненный “взгляд” на окружающую действительность продуцирует ментальное “оживление” лирического субъекта в пространственную упорядоченность мира» [Чевтаев: 391], которая эксплицирует и обращает к читателю динамику «взгляда и отношений», действующую «вопреки динамике движения и деятельности» [Лещева: 94], отчего возникает ощущение текучести художественной ассоциации и образов не в ре-

альном мире, а будто в памяти человека, в которой во многом отсутствует логика или присутствует «своя» логика сна/памяти; а само человеческое существование становится растворенным в бытии, приобретая эффект «панантропизма» (человек во всем): «Став ничем, человек – вопреки // пенью хора – во всем остается» («Памяти Геннадия Шмакова»). Скажем, в эпитафии автор и объект слиты в формуле «Здесь захоронен тот-то», «Прохожий, взгляни...», где автор вещает как бы от умершего лица либо указывает на него как на живого участника диалога. Поэтому такая субъектная неустойчивость и неопределенность в стихотворениях типа «Памяти...» возносит автора (лирического героя) к метафизическим высотам, заставляя его быть «subspecie aeternitatis».

Лейтмотивы ухода (смерти) и жизни, интегрированные в памяти, эксплицированные в своих инвариантах и архетипах, стилистически заменяющие развертывание лирического сюжета, – еще одна существенная деталь, объединяющая стихотворения «Памяти...» в один жанр. Они, лейтмотивы, обусловлены биографией Бродского, в которой после 1972 года, времени отъезда из СССР, преобладают мотивы разрыва, утраты, смерти, вызывая к жизни стихотворения «Памяти...». Вследствие этого память как творческое требование времени остается для поэта единственной связующей нитью с прошлым.

В «Памяти отца: Австралия», вошедшим позднее в сборник «Пейзаж с наводнением» (1996) [Буслакова: 311], читаем:

Ты ожил, приснилось мне, и уехал
в Австралию. Голос с трехкратным эхом
окликал и жаловался на климат
и насчет квартиры, никак не снимут,
жаль не в центре, но около океана,
третий этаж без лифта, зато есть ванна...

[Бродский, 2018: 504]

Образ голоса отсылает к предпоследнему стихотворению цикла «Я слышу не то, что ты мне говоришь, а голос...», намекает на зов первотворения. Хронотоп берега океана представляет границу земного бытия, семантизируемую образом полюса, аналогичному в «Памяти Клиффорда Брауна», и нагружен также витально-мортальным смыслом:

Я слышу не то, что ты мне говоришь, а голос.
Я вижу не то, во что ты одета, а ровный снег.
И это не комната, где мы сидим, но полюс;
Плюс наши следы ведут от него, а не к.

[Бродский, 2018: 518]

Фраза «с трехкратным эхом», «третий этаж без лифта» – тройственная фольклорная модель мира, входящая в универсальный знаковый комплекс (по В.Н. Топорову), прочитываемая по ассоциации как тридевять земель – дальнейшее расположение Австралии, намекающее на потусторонний мир.

Мифологема воды, выраженная образами океана, ванной, здесь так же, как во многих мифах, символизирует начало происхождения мира, а так-

же его конец в циклической завершенности, ставя между ними знак равенства. В этом смысле происходит тождество семантики памяти и ухода как метонимии прошлого; в ней одновременно находятся и мертвые, и живые, она есть вместилище актуальности и прошлого. Недаром еще Августин в концепте памяти поместил прошлое время, комбинированное из настоящего и прошедшего, названное им «настоящее прошедшего» [Аврелий: 170].

Интересно, что принцип сочленения/соположения двух временных пластов – прошлого и настоящего, применим также и для сна. Показательно, что Бродский именно во сне вспоминает образ отца, точно так же память сопряжена со сном в стихотворении «Памяти Т.Б.»: «Как ты качалась на волнах рядом / с лодкой, не внемля их резким крикам, / лежа в столь малом и в столь великом // от челнока расстоянья. Точно / так и бывает во сне...» [Бродский, 2018: 140].

Таким образом, в «Памяти отца: Австралия», как и во всем сборнике «Пейзаж с наводнением», происходит “дозированное” строительство мифа, мифа творчества, мифа памяти. Недаром стихотворения в нем названы: «Рождественская звезда», «Новая жизнь», Бегство в Египет» с намеком, содержащим архетип начала нового этапа жизни, уже сакрализованной поэтическим творчеством, а номинация же самого сборника семантически указывает на образ потопа как символа обновления мира.

«Мифомотив» взаимосвязанности жизни и смерти продолжен в стихотворении «Памяти Клиффорда Брауна», строки которого выстроены по типу антитетического противопоставления, имеющего аналогию магического заклинания-оберега:

Это не синий цвет, это – холодный цвет...
Это – не просто льдина, одна из льдин...

[Бродский, 2018: 571]

Г.В. Стручалина замечает: «Если принять во внимание, что текст посвящен памяти исполнителя, то есть имплицитно уже в название включен смысл ‘смерть’, то можно предположить, что члены оппозиции противопоставлены как жизнь (левая, известная часть – тема) и смерть (новая, неизвестная часть – рема)» [Стручалина: 303]. Впрочем, здесь происходит то, что было в «Памяти отца: Австралия»: идея того, что память уравнивает оба онтологических пункта – жизнь и смерть, включая их в диалектические отношения. Эпилог стихотворения разворачивает тему смерти и жизни в круговороте неоконченного становления («дрейфуя»), случающегося сквозь призму локуса памяти («пятно луча»):

Льдина не тает, словно пятно луча,
дрейфуя к черной кулисе, где спрятан полюс.

В «Памяти Т.Б.» заключительная строфа сорокатрехстрочного стихотворения изобличает взаимосвязь жизни и смерти (Рай, Ад) в контексте памяти, обнаруживающую единство этих онтологических контрапунктов:

Впрочем, долой ходули –
до несвиданья в Раю, в Аду ли.

[Бродский, 2018: 147]

Итак, повторим, что в данных произведениях внутренний хронотоп коннотирован и детализирован образами воды (с мифологических времен вода в основе своей считалась «первоэлементом Вселенной и потому была священной» [Маковский: 76] с присущими ей охранительными, но в то же время в силу синкретического мышления первобытных – губительными функциями, в связи с чем она часто символизирует границу миров) либо ее состояния: «Памяти Клиффорда Брауна» (океан, льдина), «Памяти Т.Б.» (река, утопленница), «Памяти отца...» (океан), «Памяти Геннадия Шмакова» (дождь, пар, волна). Топонимы, связанные с водой, сигнифицирующие рубежность бытия (переходность жизни-смерти), – все это мифостроительные конструктивы, целокупно образующие мифопоэзис Бродского, одним из вариантов которого является жанр «Памяти...». Ведь известно, что Бродский, ревностно и щепетильно относящийся к языку («Язык не средство поэзии; наоборот, поэт – средство или инструмент языка...») – говорил поэт [Бродский, 2000: 143]), с помощью данного гидрофона репрезентирует жанр «Памяти...», будто воспроизводя в нем развернутую метафору “образ всплывает в памяти”. Вдобавок сюда же введен им и биографический мотив разлуки автора с Родиной, разделенной океаном, ассоциируемым с открытым и безбрежным вместилищем памяти, оживающей во сне, в голосе, слове и знакомых, окружающих лирического героя вещных образах.

К данным конструктивно-мифологическим образам воды, пограничья присовокупляются сон, который представляется через «информационно свободный “текст ради текста”» [Лотман: 222], и смерть как взаимобратимые семиотические феномены («Памяти отца: Австралия», «Памяти Т.Б.»). В связи с этим формула дани памяти адресатов поэта реконструируется как то, что разделено между участниками стихотворного послания не только временем почтения, но и метафизикой первоначала – водной стихии, символизирующей утрату и находку, забвение и память.

Но такой набор пространственных и временных деталей, типических для этого вида произведений, не является в строгом смысле жанрового определяющим как его временное, так и пространственное функционирование, в отличие от хронотопа и локуса как маркеров внелитературной ситуации, детерминирующих бытие жанра и являющихся объективно-внешним показателем жанрового статуса произведения [Щукин, 1997; Щукин, 2004]. В этом аспекте о стихотворениях «Памяти...», например, нельзя сказать, как об оде, которая подлинно осуществляет свое функциональное предназначение лишь в рамках ситуации посвящения торжествен-

ной песни высокому вельможе во дворце. Впрочем, в стихотворении «Памяти...» при отсутствии четких координат «действия» лежит внутриформленная общая конституция доминирующей изоморфно-типологической образной системы, определяющая его самодостаточность. Так, образы-аллюзии («пепел крематория в банке» («Памяти отца...»), «могильная черная лента» («Памяти Т.Б.»), «черная кулиса» («Памяти Клиффорда Брауна»), «там» в смысле потустороннего пространства («Памяти Геннадия Шмакова») есть своего рода локальные рудименты мортально-мнемонических жанров (стихотворный «Памятник», эпитафия, эпитахий, плач), с которыми у стихотворения «Памяти...» имеется устойчивая генетическая связь.

Мифопоэтика да и собственно поэтика стихотворения «Памяти...» в творчестве Бродского при всей ее универсальности приобретает индивидуализирующие жанровые черты, а перекличка со стихотворением «Памяти поэта. Вариант» Т. Венцловы обнаруживает в обоих случаях конструктивное сходство, обязанное такому явлению, как «память жанра», определяющему жанр как относительно устойчивый тип языкового высказывания [Бахтин 5: 159].

Таким образом, на основе анализа можно выделить основные черты, присущие стихотворению типа «Памяти...», которые характеризуют его как самостоятельную «гоможанровую» организацию: 1) тождество номинации (заголовок); 2) бессубъектность авторского «я» (автор в статусе метафизического наблюдателя); 3) тематическая интенция, направленная в первую очередь на память человека, и лишь во вторую – на человека как носителя памяти; 4) взаимосвязанные лейтмотивы ухода и памяти, жизни и смерти, сна; 5) выстраивание стихотворного мифа памяти; 6) хронотопные внутритекстуальные образы-индексы водной стихии и географического рубежа, метафоризирующие память как течение, отделяющее близких от лирического героя; 7) локальные мортально-мнемонические образы, строго не связанные с местом функционирования жанра, однако обусловленные генетическим единством жанров, обслуживающих память (эпитафия, плач, реквием, эпитахий). В связи с этим, осознавая близость исследуемых произведений посвячительной традиции, имеющей в русской литературе глубокие корни, в качестве претендента жанрового номинатива стихотворению «Памяти...» подошло бы как одноименное название, так и посвячительное послание, которое можно более точно назвать стихотворным мнемоническим посвящением.

Список литературы

1. *Августин Аврелий. Исповедь* // Августин Аврелий. Исповедь: Абеляр П. История моих бедствий / пер. с лат. М.: Республика, 1992. 335 с.

2. *Азаренков А.А.* Композиция «больших стихотворений» Иосифа Бродского: принцип лейтмотивности // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История. Филология. 2016. Т. 15. № 9. С. 208–214.

3. *Артемюва С.Ю.* Заглавие элегии: атавизм или жанровый маркер // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2018. № 2–1 (35). С. 43–50. URL: <https://liber.rsuh.ru/elib/000012212> (дата обращения: 02.01.2019).

4. *Бабичева Ю.В.* Поэтика заглавия // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2000. Вып. 6. С. 61–64.

5. *Бахтин М.М.* Собрание сочинений: в 7 т. / под ред. С.Г. Бочарова, В.В. Кожина. М.: Русские словари, 1997. Т. 5. 731 с.

6. *Бродский И.* Большая книга интервью. М.: Захаров, 2000. 703 с.

7. *Бродский И.* Малое собрание сочинений. СПб.: Азбука-Аттикус, 2018. 880 с.

8. *Буслакова Т.П.* Литература русского зарубежья: Курс лекций. М.: Высшая школа, 2003. 365 с.

9. *Верина У.Ю.* Следы оригинальных идиостилей в поэтических переводах (стихотворение Т. Венцловы «Памяти поэта. Вариант» в интерпретации И. Бродского и А. Герасимовой) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. Т. 10. Вып. 4. С. 13–19. DOI 10.17072/2037-6681-2018-4-13-19

10. *Калашиников С.Б.* Поэтическая интонация И.А. Бродского: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2001. 235 с.

11. *Конявская Е.Л.* «Границы» древнерусской литературы и проблема жанров // Жанры и формы в письменной культуре средневековья. М.: ИМЛИ РАН, 2005. С. 248–260.

12. *Лецева А.Н.* Синтаксические средства создания семантики неопределенности в поэзии Иосифа Бродского // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2009. № 2. С. 90–94.

13. *Ложкова А.В.* Литературная эпитафия: проблема жанровой специфики // Уральский филологический вестник. 2018. № 4. С. 56–64.

14. *Лотман Ю.М.* Культура и взрыв. М.: Гнозис: Прогресс, 1992. 272 с.

15. *Маковский М.М.* Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. М.: Владос, 1996. 416 с.

16. *Стручалина Г.В.* Познавательные интенции в процессе формирования художественного образа (на материале стихотворения И. Бродского «Памяти Клиффорда Брауна») // Современные проблемы языкознания, литературоведения, межкультурной коммуникации и лингводидактики. Белгород: НИУ «БелГУ», 2016. С. 300–304.

17. *Чевтаев А.А.* Событийная онтология небытия: об одной модели сюжетосложения в поздней

лирике И. Бродского // Вестник Удмурдского университета. Сер. История и Филология. 2017. Т. 27. Вып. 3. С. 390–399.

18. *Шатин Ю.В.* Три аспекта жанровой теории (тезисы) // Проблемы литературных жанров: Материалы VI науч. межвуз. конф. (7–9 дек. 1988 г.); под ред. Н.Н. Киселева. Томск: ТГУ, 1990. С. 5–6.

19. *Шукин В.Г.* О филологическом образе мира (философские заметки) // Вопросы философии. 2004. № 10. С. 47–64.

20. *Шукин В.Г.* Социокультурное пространство и проблема жанра // Вопросы философии. 1997. № 6. С. 69–78.

References

1. Avgustin Avrelii. *Ispoved'* [Confession]. Avgustin Avrelii. *Ispoved'* [Confession]: Abeliar P. *Istoriia moikh bedstvii* [History of my disasters], per. s lat. Moscow, Respublika Publ., 1992, 335 p. (In Russ.)

2. Azarenkov A.A. *Kompozitsiia «bol'shikh stikhotvoreniï» Iosifa Brodskogo: printsip leitmotivnosti* [The song “great poems” by Joseph Brodsky: the principle of leitmotives]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoriia. Filologiiia* [Bulletin of Novosibirsk state University. Ser.: History. Philology], 2016, vol. 15, № 9, pp. 208–214. (In Russ.)

3. Artemova S.Iu. *Zaglavie elegii: atavizm ili zhanrovyy marker* [The title of the Elegy: a throwback or a genre marker]. *Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* [Bulletin of the Russian state University for the Humanities], 2018, № 2–1 (35), pp. 43–50. URL: <https://liber.rsuh.ru/elib/000012212> (access date: 02.01.2019). (In Russ.)

4. Babicheva Iu.V. *Poetika zaglaviia* [Poetics of the title]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk state pedagogical University], 2000, vol. 6, pp. 61–64. (In Russ.)

5. Bakhtin M.M. *Sobranie sochinenii: v 7 t.* [Collected works: in 7 vols.], ed. by S.G. Bocharova, V.V. Kozhinova. Moscow, Russkie slovari Publ., 1997, vol. 5, 731 p. (In Russ.)

6. Brodskiy I. *Bol'shaia kniga interv'iu* [Big book of interviews]. Moscow, Zakharov Publ., 2000, 703 p. (In Russ.)

7. Brodskiy I. *Maloe sobranie sochinenii* [Small collection of works]. Saint-Petersburg, Azbuka-Attikus Publ., 2018, 880 p. (In Russ.)

8. Buslakova T.P. *Literatura russkogo zarubezh'ia: Kurs lektsiy* [Literature of the Russian abroad: a course of lectures]. Moscow, Vysshiaia shkola Publ., 2003, 365 p. (In Russ.)

9. Verina U.Iu. *Sledy original'nykh idiosstilei v poeticheskikh perevodakh (stikhotvorenie T. Ventslovy «Pamiati poeta. Variant» v interpretatsii I. Brodskogo i A. Gerasimovoi)* [Traces of original idiosyncrasies in

poetic translations (T. Venclova's poem "In memory of the poet. Variant" in the interpretation of I. Brodsky and A. Gerasimova)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaia i zarubezhnaia filologiia* [Bulletin of the Perm University. Russian and foreign Philology], 2018, t. 10, vol. 4, pp. 13–19. DOI 10.17072/2037-6681-2018-4-13-19. (In Russ.)

10. Kalashnikov S.B. *Poeticheskaia intonatsiia I.A. Brodskogo*: dis. ... kand. filol. nauk [I.A. Brodsky's poetic intonation: KSc thesis]. Volgograd, 2001, 235 p. (In Russ.)

11. Koniavskaia E.L. «Granitsy» drevnerusskoi literatury i problema zhanrov ["Borders" of old Russian literature and the problem of genres]. *Zhanry i formy v pis'mennoi kul'ture srednevekov'ia* [Genres and forms in the written culture of the middle ages]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2005, pp. 248–260. (In Russ.)

12. Leshcheva A.N. *Sintaksicheskie sredstva sozdaniia semantiki neopredelennosti v poezii Iosifa Brodskogo* [Syntactic means of creating of semantics of indefensibility in of Joseph Brodsky's poetry]. *Vestnik Iuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the South Ural state University], 2009, № 2, pp. 90–94. (In Russ.)

13. Lozhkova A.V. *Literaturnaia epitafiia: problema zhanrovoy spetsifiki* [Literary epitaph: the problem of genre specificity]. *Ural'skii filologicheskii vestnik* [Ural philological Bulletin], 2018, № 4, pp. 56–64. (In Russ.)

14. Lotman Iu.M. *Kul'tura i vzryv* [Culture and explosion]. Moscow, GnozisPubl., Progress Publ., 1992, 272 p. (In Russ.)

15. Makovskii M.M. *Sravnitel'nyi slovar' mifologicheskoi simboliki v indoevropeskikh iazykakh: Obraz mira i miry obrazov* [Comparative dictionary of mythological symbolism in Indo-European languages:

Image of the world and worlds of images]. Moscow, Vldos Publ., 1996, 416 p. (In Russ.)

16. Struchalina G.V. *Poznavatel'nye intentsii v protsesse formirovaniia khudozhestvennogo obraza (na materiale stikhotvoreniia I. Brodskogo «Pamiati Klifforda Brauna»)* [Cognitive intentions in the process of forming an artistic image (based on the material Of I. Brodsky's poem "In Memory of Clifford brown")]. *Sovremennye problemy iazykoznanii, literaturovedeniia, mezhkul'turnoi kommunikatsii i lingvodidaktiki* [Modern problems of linguistics, literary studies, intercultural communication and linguodidactics], Belgorod, NIU «BelGU» Publ., 2016, pp. 300–304. (In Russ.)

17. Chevtaev A.A. *Sobytiinaia ontologiia nebytiia: ob odnoi modeli siuzhetoslozheniia v pozdnei lirike I. Brodskogo* [Event ontology of non-existence: about one model of plot structure in the late lyric of I. Brodsky]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istorii i Filologiia* [Bulletin of Udmurt University. Series of History and Philology], 2017, t. 27, vol. 3, pp. 390–399. (In Russ.)

18. Shatin Iu.V. *Tri aspekta zhanrovoy teorii (teziy)* [Three aspects of genre theory (theses)]. *Problemy literaturnykh zhanrov: Materialy 6 nauch. mezhvuz. konferentsii (7–9 dek. 1988 g.)* [Proceedings of VI scientific. inter-University. conferences (7–9 dec. 1988 years)], ad by N.N. Kiselev. Tomsk, TGU Publ., 1990, pp. 5–6. (In Russ.)

19. Shchukin V.G. *O filologicheskom obraze mira (filosofskie zametki)* [On the philological image of the world (philosophical notes)]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], 2004, № 10, pp. 47–64. (In Russ.)

20. Shchukin V.G. *Sotsiokul'turnoe prostranstvo i problema zhanra* [Sociocultural space and the problem of genre]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], 1997, № 6, pp. 69–78. (In Russ.)

РЕЦЕПТИВНАЯ МОДЕЛЬ «ПОВЕСТВОВАНИЯ-КВЕСТА»
В ПОВЕСТИ М.П. ШИШКИНА «СЛЕПОЙ МУЗЫКАНТ»

Статья посвящена исследованию рецептивной модели повести М.П. Шишкина «Слепой музыкант». Автор исследует механизмы, посредством которых текст «маршрутизирует» читательское восприятие. Рассматриваемый нарратив интерпретируется как «повествование-квест», разгадывая который читатель опирается на разного рода ключи. Одним из самых значимых является заглавие. Его интерпретация с учетом интертекста ведет читателя к сопоставлению «Слепого музыканта» М.П. Шишкина с одноименной повестью В.Г. Короленко. Мифологический контекст подсказывает соотношение сюжета рассматриваемого произведения с античным и христианским сюжетами. В рамках философского контекста возможно установить корреляцию транслируемых Шишкиным идей с учениями гностиков и пифагорейцев. Учет каждой из названных смысловых сфер позволяет по-новому расшифровать референтную отнесенность знака, вынесенного в заглавие. Так, «слепым музыкантом» оказывается не только незрячий в буквальном смысле Роман, но и Евгения, которой для того, чтобы продолжать любить / быть «музыкантом», нужно ментально «ослепнуть», перестать видеть возлюбленного оценочно. В процессе анализа выявляются особенности нарративной организации шишкинского текста. Уровень презентации наррации здесь оказывается важнее, чем рассказываемая история, происходит переосмысление основных повествовательных инстанций, теряется четкая определенность субъекта речи.

Ключевые слова: рецепция художественного текста, наррация, проза М.П. Шишкина, повествование-квест, нарратор, заглавие, событие.

Информация об авторе: Гримова Ольга Александровна, ORCID: 0000-0003-0691-1078, кандидат филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар, Россия.

E-mail: astra_vesperia@mail.ru.

Дата поступления статьи: 28.12.2019.

Для цитирования: Гримова О.А. Рецептивная модель «повествования-квеста» в малой прозе М.П. Шишкина // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 1. С. 160-165. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-1-160-165.

Ol'ga A. Grimova
The Kuban State University

THE «QUEST NARRATIVE» RECEPTIVE MODEL
IN MIKHAIL SHISHKIN'S STORY «BLIND MUSICIAN»

The article is devoted to the study of the receptive model of Mikhail Shishkin's prose. The material of the story «Blind Musician» explores the mechanisms by which the text «routes» readers' perception. This narrative can be considered to be «quest narrative», decoding which, a reader relies on various kinds of keys. One of the most significant is the title, which is possible to interpret in terms of various contexts. Literary one leads us to an obvious comparison of the modern text with the Vladimir Korolenko's famous story «The Blind Musician». Mythological one suggests correlation with ancient and Christian plots. Within the philosophical framework it is possible to establish a correlation of Mikhail Shishkin's ideas with the teachings of Gnostics and Pythagoreans. Taking into account each of the listed semiotic codes allows a new decoding of the reference assignment of the sign put into the title. Thus, the «blind musician» turns out not only to be physically blind Roman, but also Evgenia, who needs to become mentally «blind» in order to continue to love, to be a «musician». The analysis revealed the peculiarities of the narrative organisation of Mikhail Shishkin's text. The level of presentation of the narration turns out to be more important than the plot itself, there is a reconsideration of the main narrative instances, and the clear certainty of the subject of speech is lost.

Keywords: reception of fiction, narration, Mikhail Shishkin's prose, narrative-quest, narrator, heading, event.

Information about the author: Ol'ga A. Grimova, ORCID: 0000-0003-0691-1078, Candidate of Philology, lecturer at the Department of History of Russian Literature, Theory of Literature and criticism of the Kuban State University, Krasnodar, Russia.

E-mail: astra_vesperia@mail.ru.

Article received: December 28, 2019.

For citation: Grimova O.A. The «quest narrative» receptive model in Mikhail Shishkin's story «Blind musician». Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 1, pp. 160-165 (In Russ.). DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-1-160-165.

Сложность восприятия современной литературы во многом обусловлена тем, что актуальные художественные тексты предполагают существенно большую степень вовлеченности читателя в процесс конструирования произведения, чем тексты классические. Выказанный тезис в полной мере можно отнести к творчеству М.П. Шишкина, автора нескольких романов

(«Записки Ларионова», «Взятие Измаила», «Венерин волос», «Письмовник»), сборников художественной прозы и эссе, а также нефикциональных проектов (путеводитель «Русская Швейцария»). Повесть «Слепой музыкант» относится к раннему этапу творчества автора, написана в 1994 году. Особенности повествовательной структуры этого произведения уже становились объектом литерату-

роведческого анализа в работе А.Р. Ингеманссона [Ингеманссон: 230–233]. В данной статье сосредоточимся на рассмотрении рецептивной организации шишкинского текста.

По утверждению В.И. Тюпы, «рецептивный аспект наррации в нарратологии наименее изучен. ...Нарратология пока не овладела оперативным подходом к анализу моделирования адресата рассказывания текстом рассказа» [Тюпа: 62]. А.Ю. Большакова, подводя итог развитию теоретической мысли XX века, посвященной читателю и чтению, констатирует: «“Читательский” аспект в теории литературы все еще остается малопроявленным и даже загадочным – в силу своей трудноуловимости в конкретном тексте произведения» [Большакова: 512].

Интересной в контексте решения данной проблемы представляется концепция «повествования-квеста» («quest narrative»), которую активно разрабатывает европейское литературоведение. П.К. Хоган в исследовании «Аффективная нарратология. Повествовательная структура историй» отмечает, что в основе такого типа нарратива лежит один из самых распространенных кросс-культурных фреймов. «Повествование-квест», как правило, моделируется как разгадывание загадки. Героем и, как следствие, читателем движет значимая цель. Обычно это «обретение некоего объекта (часто власти либо знания), находящегося в чужой земле. Разворачиваемая история повествует о путешествии в это место, обретении (неудаче в обретении) объекта и возвращении домой»¹ [Hogan: 105].

Определение «повествование-квест» кажется нам эффективным ключом к интерпретации «Слепого музыканта», так как наиболее емко описывает нарративную структуру и рецептивную модель повести. Читатель переходит от одной «разгадки» знака, вынесенного в заглавие, к другой, причем каждая из «разгадок» оказывается семантически недостаточной, не полностью исчерпывающей художественно-антропологическую концепцию автора².

Первый интерпретационный шаг, который предлагается читателю, – соотнесение повести М.П. Шишкина «Слепой музыкант» и одноименной повести В.Г. Короленко, безусловно, связанных интертекстуально. Произведения обнаруживают множественные переклички на мотивном, образном, сюжетном уровнях. Сходны образы протагонистов – слепцов, наделенных обостренной восприимчивостью, переживающих свой физический недостаток как глобальную ущербность. В обеих повестях развивается мотив беззаветной материнской веры в одаренность необычного ребенка, и есть сходные любовные линии (Петр и Эвелина у Короленко, Роман и Женья у Шишкина).

Однако интертекстуальная «подсказка» оказывается ложной. Нарочитый параллелизм образов приводит к смысловому тупику. М.П. Шишкин

и В.Г. Короленко выстраивают принципиально отличные друг от друга личностные концепции, по-разному работая с мотивами «музыки» и «слепоты»³. В.Г. Короленко актуализирует прямые их смыслы. Перед читателем буквальная слепота и музыкальная одаренность, и напряженность психологической интриги повести зависит именно от взаимодействия буквально истолкованных ключевых концептов. Слепота Петра – физический недостаток, порок, «подарок» злого рока, уродующий личность, превращающий ее в аутически замкнутый на собственной ущербности мир. Музыкальная одаренность героя, как и феномен музыки в целом, – средство скомпенсировать эту ущербность, распахнуть мир героя навстречу «большому миру», заставить его почувствовать других людей – все это и происходит в конце повести.

Роман, герой М.П. Шишкина, – также буквальный слепец, готовящийся посвятить жизнь музыке, но в аспекте смыслопостроения мотив его музыкальной одаренности оказывается совершенно непродуктивным. Между концептами «слепота» и «музыка» в их прямом значении не выстраивается, как в тексте Короленко, семантического контакта, в довершение всего второй компонент концептуальной базы текста (музыкальные способности героя) ценностно аннулируется автором («Ей (матери) невозможно объяснить, что чуткости слуха, присущей каждому слепому, еще недостаточно, что она сама по себе не составляет музыкальных способностей и что истинный талант так же редок между слепыми, как и между зрячими») [Шишкин: 378]. По Короленко, музыкальность – не просто наличие способности, но обладание ею в экстраординарной степени. Указывая на музыкальную заурядность своего героя, М.П. Шишкин подчеркивает ложность ключа, заданного интертекстуальным прочтением заглавия, и необходимость поиска иного, «некороленковского» кода прочтения.

Если прибегнуть к принятому в нарратологии членению сюжетного уровня на происшествя и события [Шмид: 22], то основа следующего этапа трансверсии заглавия рассказа – а значит, и следующей «подсказки» для продвижения по «нарративу-квесту» – в структуре происшествя, отраженных в тексте. Перед читателем – «любви́нный квадрат»: главная героиня рассказа, Евгения, влюблена в бывшего однокашника своего отца, Алексея Павловича, который, в свою очередь, связан брачными, но не любовными узами с Верой Львовной, в течение всей жизни изменявшей мужу с отцом главной героини. Брак родителей Евгении не выдерживает адюльтера – отношения не ладятся с первого же года совместной жизни; один из результатов «измены всех всем» – самоубийство матери героини. Персонажи оказываются опутанными целой сетью травмирующих, не сулящих счастливой развязки отношений, безысходность

которых заставляет проецировать ощущение фатальной неустроенности бытия на весь мир. Слепой музыкант, таким образом, – не Роман со своей мечтой о консерватории, а трансцендентная сила, умышленно неумело устроившая мир. Злое божество не способно извлекать из своего создания-инструмента гармонию, оно лишь бездарно «бьет по нам (людям), как по клавишам, и так и этак» [Шишкин: 354].

Образ злого неодаренного божества создается у Шишкина за счет одной из основных стратегий постмодернистского дискурса – функционального переосмысления основных традиционных повествовательных инстанций [Гримова: 132]. Одна из них – четкая определенность субъекта речи. Шишкин интересно реализует кортасаровский прием синкретизма нескольких субъектов говорения. Как содержание одного из воспоминаний героини приводится текст, лишенный четкой субъектной атрибуции: он может быть и фрагментом рассказа отца Евгении, известного врача, и выражением метафизического кредо иронично-злобного постмодернистского бога: «Я им: вот и вы! Милости просим в нашу компанию! И пуповинки им отрезаю. С появлением на Свет Божий! А они кричат, недовольны! Думали, тут свет Божий, а здесь самое Царство Тьмы и есть. Конечно, голые вы мои человечки, тут недоразумение вышло, обманули вас, объясняю им, но ничего уже не поделаешь. Поздно. Живите как можете! Здесь, братцы, каждому свой срок мучений, свой путь страданий отмечен, и никуда вы не денетесь, всю чашу каждому испить придется! Они надрываются, режут, мол, за что? Мы, мол, невинно осужденные! А я им: цыц! Все вы так сначала. А потом? Отца и мать не почитаете, кумиров творите, осла ближнего своего желаете! Так что страдайте и не вякайте! А они опять! И орут! И вопят!» [Шишкин: 354–355].

Этот тип трансверсии заглавных концептов текста основан на использовании их непрямых значений и отсылке к философско-мифологической архетипике. «Музыка» и «музыкальность», которыми автор атрибутирует высшую творящую силу, соотносятся с пифагорейскими представлениями об устроенности космоса как гармонии сфер, некоей вселенской музыке; «слепота» в данной ситуации интерпретируется как неспособность к миротворчеству, организованному по законам гармонии, это не столько недостаток (с присущим этому понятию значением непредумышленности), сколько сознательное проявление враждебной воли, невосприимчивости к эвфонии. «Слепота» становится контекстуальным синонимом «глухоты», конструирующим близкую к гностической идею злого демурга, ответственного за создание материальной действительности, – идею, хорошо выражающую постмодернистское ощущение девальвации ценностного центра мира.

Еще одной традиционной категорией, трансформированной автором, оказывается целостность образа. Оба основных «говорящих» героя – слепой юноша Роман и Евгения – «расслаиваются» на «действующую» и «производящую текст» ипостаси, которые автор наделяет практически взаимоисключающими характеристиками. Скажем, Роман-действующий персонаж допускает вполне естественные в его положении промахи: принимает чучело амурской кошки за белку, продолжает разговаривать с отошедшим на минуту собеседником, не может «тактильно» освоить игру в шахматы, скандалит, не обнаружив ножниц на серванте и т. д. Роман как автор своеобразного почти философского «трактата о слепоте» (он объясняет главной героине разные грани этого феномена) – апологет мира слепых, наделяющий их практически безграничной пронизательностью, превосходящей обычную человеческую. Пафос этих речей питается древней, еще Эдипом осмысленной взаимосвязью: теряешь буквальное зрение – углубляешь зрение духовное. Эти же речи содержат ключи к еще одному варианту интерпретации заглавия: главная героиня как «слепой музыкант». Таким образом, возникает третье направление возможной расшифровки «повествования-квеста».

Текст Шишкина лишен знаков присутствия нарратора в диегетическом мире, функционально он – скриптор [Handbook of narratology: 17], доносящий до читателя нечто вроде дневника героини, организованного в форме писем к Алексею Петровичу и несколько стилизованного под классическую эпистолярную прозу (например, частые обращения «любезный Алексей Петрович» – ср. «Бедные люди» Достоевского). Впрочем, почти сразу становится понятно, что этот диалогизм, конкретная адресованность – иллюзорны и в большой степени условны. Они – лишь текстовое выражение любовной эмоции героини, двуполности ее сознания («...и мысли все о вас, вернее обо мне, впрочем, это одно и то же» [Шишкин: 356]). Адресованность текста не несет ни коммуникативной («Вот и пишу вам, любезный Алексей Павлович, последнее письмо, которое вы, как и предыдущие, никогда не получите» [Шишкин: 387]), ни информативной нагрузки: героиня подробно рассказывает возлюбленному в том числе и о тех событиях, главным участником которых был он сам (например, о том скандале, устроенном им в доме отца Евгении, когда было найдено «пифагорейско-гностическое» определение бога). Создаваемый ею текст, таким образом, – не способ сообщить нечто, а наиболее достоверный для героини способ бытия в целом, точнее инобытия, причем она вполне осознанно отстаивает свои «авторские права» на это инобытие. В повседневной реальности она – дочь врача Дмитрия Александровича и любовница его друга. В текстовой она – практически вершитель космогонии, включающей, помимо прочего, и сотворение

возлюбленного (не случайно на протяжении всего рассказа героиня отождествляет его со своим ребенком): «это только кажется, будто лепите меня по образу своему и подобию, тогда как в этой дождливой с утра реальности вы сами лишь плод моих фантазий – случай в изящной словесности вполне заурядный. Как выясняется, не нужно большого ума или взыскательного воображения, чтобы сотворить этот мир: сделать бумагу белой, чернила – черными, недоеденный вчера хлебный мякиш – твердью, чулки, брошенные на спинку стула, – испутившими дух, стекло – прозрачным от дождя, небо – сереньким, землю – грешной» [Шишкин: 351]. В текстовом инобытии героини – ключ к смыслу ее «слепоты» и ее «музыки».

Прежде всего слепота становится метафорой конструктивного принципа «дневника» героини. В своем «трактате о слепоте» Роман говорит: «Для того, чтобы ориентироваться в так называемом видимом пространстве, совсем не обязательно видеть». Парадоксальным образом «видимое пространство» не только для Романа, но и для Евгении – «так называемое». Ее эпистолярный не только иллюзорно коммуникативен, он еще и «слеп»: читатель не видит комнат дома героини, ни вивария, где она встречается с Алексеем Павловичем, ни дачи, с пребывания на которой все началось. Это не только пространственная, но и временная «слепота» («Женечка, а какое сегодня число? – Надцатое мартабря» [Шишкин: 367]), отсюда тотальное нарушение хронологии повествования. Хронотоп не важен, так как основная задача – словесно оформить содержание собственного сознания, на «территории» которого разворачивается единственное и центральное событие (при множестве происшествий) рассказа – *прозрение* героини. Именно оно подталкивает читателя к идентификации главной героини как «настоящего» «слепого музыканта».

В «дневнике» героини причина внезапного обретения зрения не называется – в этом мире происшествия вообще не важны, внутреннее событие происходит «вдруг» и описывается при помощи системы интертекстов. Среди самых интересных – Свифт: «...Вы – повар, ощипываете индейку, я что-то шью, а в окно вдруг на мгновение заглянуло не наших, лилипутских, мерок лицо. Индейка падает на пол. Иголка вонзается в палец. И мнившие себя до той минуты людьми, жизнь которых необыкновенна и счастлива, приходят в замешательство» [Шишкин: 351]; Апулей: «...Тут Психея, слабея телом и душой, встает, вынимает светильник, стискивает в кулаке бритву, делает шаг, все еще не смея взглянуть, потом поднимает лампу, ожидая увидеть на ложе своего бога или зверя, а там – вы» [Шишкин: 352]; Евангелие: «И приводят к Нему слепого, и просят прикоснуться. Он, взяв слепого за руку, вывел вон из селения и, плюнув ему на глаза, возложил руки и спросил, видит ли что. Тот,

взглянув, сказал: «Вижу проходящих людей, как деревья». Тогда тот опять возложил руки на глаза и снова велел взглянуть. И тот открыл глаза и увидел все ясно» [Шишкин: 367].

Все «объясняющие» интертексты – об одном: прозрение героини – изменение масштаба видения, внезапное осознание, что любимый ею человек – ничтожен. «Захочу, красивый мой, умный, неповторимый, восхитительный, колючий, несчастный Алексей Павлович, и сделаю вас данной мне властью воображения тем, кто вы есть. Волосы вылезают с легкостью, пухами оставаясь на гребенке. Кожа делается дряблой, морщинистой. Выползает пухлый, почти женский живот. После четырех пролетов лестницы уже приходится ждать, пока успокоится дыхание. Глаза вблизи не видят, очков вы боитесь и читаете, держа книгу на вытянутых руках. Ваш замусоленный, перепачканный мелом пиджак, повешенный в аудитории у доски на гвоздик, сам растопыривает блестящие на солнце локти. В уборной я соскребаю со стен вашу исковерканную фамилию. Вы – обыкновенный и неумный» [Шишкин: 385]. Внезапно утраченная «слепая музыкальность» героини – ее способность к нерассуждающей, безоценочной любви. Вскользь пересказываемый в «дневнике» уровень происшествий «дублирует» внутреннее событие этой утраты: Евгения решает выйти замуж за провалившего экзамен в консерваторию Романа и уехать с ним в провинцию. Развязка сюжета о прозрении «слепого музыканта» так же внезапна, как и кульминация. Героиня выходит на одной из станций, не объяснившись с будущими родственниками, и возвращается в Москву, к Алексею Павловичу. Прозрение аннулировано, слепота торжествует, в сюжете, таким образом, разворачивается еще один эпизод из условного «трактата о слепоте»: «Существует, Евгения Дмитриевна, известный феномен прозрения, описанный еще в восемнадцатом веке. Слепому с рождения и прозревшему после операции кажется, что видимые предметы касаются его глаз. Он не может определить расстояние, ошибается, желая схватить ручку двери. Ему показывают шар и куб. Но определить, что это, он может только пощупав» [Шишкин: 387].

Описание «аннулированного» прозрения перерастает в своеобразный «гимн жизни»:

«Женя? Что случилось? А Вера Львовна вот молется... Что с тобой?

Все хорошо. Ни света, ни тьмы.

Что?

Пойдем. Взяла за руку и повела в комнату.

Да что с тобой?

Повалила на кровать.

В ванной что-то тяжело шлепнулось на пол.

Крепче обхватила, прижала изо всех сил, приросла ладонями к вздрогнувшей спине, усыпанной кропой.

Засмеялась, уже вбирая в себя жизнь» [Шишкин: 390].

Семiosфера «слепоты» окончательно приобретает, таким образом, «антикороленьковскую» конфигурацию, избавляясь от смыслов «ущербность, недостаток, требующий компенсации». И эта семантическая модуляция зависит непосредственно от авторской концепции любви-музыки. Любовь, согласно Шишкину, – не только универсальное начало, составляющее основу человеческой жизни, но и начало полностью по отношению к этой жизни автономное, не соотнобразующееся с достоинствами (или их отсутствием) того, на кого направлено чувство. Поэтому, чтобы дать этому началу возможность реализоваться в собственной жизни, человек должен уметь отказаться от «таксономического» зрения, от видения, в основе которого лежит критерий, умышленно ограничить поле этого видения; иными словами, чтобы быть «музыкантом», он должен суметь остаться «слепым».

Таким образом, интерпретационная работа читателя с повестью М.П. Шишкина, построенной по модели «повествования-квеста», осуществляется как движение от одного варианта трансверсии заглавия к другому. Заголовочный комплекс – «слепой музыкант» – может быть последовательно соотносён с образом главного героя, Романа (и тогда перед нами «антикороленьковская» история о том, что слепота не компенсируется музыкальностью), с образом злобного божества, слепого (не видящего красоты), а потому не способного извлекать из созданного им мира «музыку», и, наконец, с образом Жени, история которой вводит в повесть идею о необходимости отказа от видения / понимания ради сохранения способности к любви-музыке. В контексте исследования современной литературы необходимо подчеркнуть не только смысловую «поливалентность» текста, рассчитанного на повышенную активность читательского сотворчества, но и ряд интересных особенностей повествовательной структуры рассматриваемого произведения: синкретичность субъектов речи, размывание целостности образа, приоритетность события самого рассказывания по отношению к повествуемому событию.

Примечания

¹ “Quest narrative is perhaps the most common cross-cultural frame. In quest narratives, the goal is the acquisition of some object (alternatively, some power or knowledge) located in foreign place, and the unfolding of the story concerns the journey to the place, the acquisition of (or failure to acquire) the object, and the return home” (в статье перевод мой. – О. Г.).

² О заглавии как средстве «маршрутизации» читательского восприятия см. работу В.В. Прозорова «Читатель и литературный процесс».

³ Т.Г. Кучина в работе «Слепой и зеркало: скрытые отражения как структурный принцип нарратива в прозе М. Шишкина» отмечает «особую значимость» мотива слепоты не только в сфере построения смысла, но и в сфере организации повествовательной структуры повести «Слепой музыкант» [Кучина: 123].

Список литературы

Большакова А.Ю. Теория читателя и литературно-теоретическая мысль XX века. Теоретико-литературные итоги XX века. М.: Praxis, 2005. Т. 4. 592 с.

Гримова О.А. Поэтика современного русского романа: жанровые трансформации и повествовательные стратегии. Екатеринбург: Интмедиа, 2019. 280 с.

Ингеманссон А.Р. Особенности повествовательной структуры повести М. Шишкина «Слепой музыкант» // Ярославский педагогический вестник. 2012. № 2. С. 230–233.

Кучина Т.Г. Слепой и зеркало: скрытые отражения как структурный принцип нарратива в прозе М. Шишкина // Знаковые имена современной русской литературы: Михаил Шишкин. Краков: Scriptum, 2017. С. 123–130.

Прозоров В.В. Читатель и литературный процесс. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1975. 202 с.

Тюна В.И. Введение в сравнительную нарратологию. М.: Intrada, 2016. 145 с.

Шишкин М.П. Слепой музыкант // Шишкин М.П. Всех ожидает одна ночь: роман, рассказы. М.: Вагриус, 2007. 416 с. С. 349–391.

Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2008. 304 с.

Handbook of narratology. Berlin, Hubert & Co, GmbH & Co., 2009, 911 p.

Hogan P.C. Affective narratology. The emotional structure of stories. Lincoln, London, University of Nebraska Press, 2011, 304 p.

References

Bol'shakova A.Iu. *Teoriia chitatelia i literaturno-teoreticheskaia mysl' XX veka. Teoretiko-literaturnye itogi XX veka* [The reader theory and 20th century literary and theoretical thought. Theoretical and literary results of the 20th century]. Moscow, Praxis Publ., 2005, vol. 4, 592 p. (In Russ.)

Grimova O.A. *Poetika sovremennogo russkogo romana: zhanrovye transformatsii i povestvovatel'nye strategii* [The poetics of Modern Russian Novel: Genre Transformations and Narrative Strategies]. Ekaterinburg, Intmedia Publ., 2019, 280 p. (In Russ.)

Ingemansson A.R. *Osobennosti povestvovatel'noi struktury povesti M. Shishkina «Slepoi muzykant»* [Features of the narrative structure of M. Shishkin's story “Blind Musician”]. *Iaroslavskii pedagogicheskii*

vestnik [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], 2012, № 2, pp. 230–233. (In Russ.)

Kuchina T.G. *Slepoi i zerkalo: skrytye otrazheniia kak strukturnyi printsip narrativa v proze M. Shishkina* [Blind man and Mirror: Hidden Reflections as a Structural Principle of Narrative in M. Shishkin's Prose]. *Znakovye imena sovremennoi russkoi literatury: Mikhail Shishkin* [Significant names of modern Russian literature: Mikhail Shishkin]. Krakov, Scriptum Publ., 2017, pp. 123–130. (In Russ.)

Prozorov V.V. *Chitatel' i literaturnyi protsess* [Reader and literary process]. Saratov: Izdatel'stvo

Saratovskogo universiteta Publ., 1975, 202 p. (In Russ.)

Tiupa V.I. *Vvedenie v sravnitel'nuiu narratologiu* [Introduction to comparative narratology]. Moscow, Intrada Publ., 2016, 145 p. (In Russ.)

Shishkin M.P. *Slepoi muzykant* [Blind musician]. Shishkin M.P. *Vsekh ozhidaet odna noch': roman, rasskazy* [The night awaits everyone: novel, short stories]. Moscow, Vagrius Publ., 2007, pp. 349–391. (In Russ.)

Shmid V. *Narratologiya* [Narratology]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2008, 304 p. (In Russ.)

К ВОПРОСУ О ФОРМАХ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ФУНКЦИЙ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА

В статье рассматриваются важнейшие особенности форм осуществления функций государства на современном этапе своего развития. Обращается внимание на дискуссионный характер вопроса в силу наличия различных точек зрения на перечень форм и их содержание. Актуальность данному вопросу придает тот факт, что соответствующий набор функций и форм определяет степень эффективности деятельности всего государства. Автор анализирует основные подходы к проблеме выделения форм, сложившиеся в отечественной науке. Отмечается взаимозависимость различных форм осуществления государственных функций и условность их разграничения на правовые и неправовые (или организационные). Особо подчеркивается, что формы тесно связаны не только с сущностью, но и с деятельностью современного государства. Они динамичны и трансформируются вместе с изменениями в сферах жизни общества и государства. Делается вывод о том, что только благодаря сочетанию форм, способствующих полноценной реализации функций, возможно наиболее стабильное и успешное развитие.

Ключевые слова: государство, функции государства, правовые формы, организационные формы, государственная деятельность.

Информация об авторе: Гринько Андрей Александрович, ORCID: 0000-0002-9690-421X, кандидат исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Дальневосточный государственный аграрный университет», г. Благовещенск, Россия.
E-mail: andrey2007-85@mail.ru.

Дата поступления статьи: 23.12.2019.

Для цитирования: Гринько А.А. К вопросу о формах осуществления функций современного государства // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 1. С. 166-171. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-1-166-171.

Andrey A. Grin'ko
Far Eastern Agrarian University

ON THE QUESTION OF THE FORMS OF IMPLEMENTATION OF THE FUNCTIONS OF THE MODERN STATE

The article deals with the most important features of the forms of implementation of the functions of the state at the present stage of development. Attention is drawn to the debatable nature of the issue due to the presence of different points of view on the list of forms and their content. Topicality of this issue as the appropriate set of functions and forms determines the degree of effectiveness of the entire state. The author analyses the main approaches to the problem of allocation of forms that have developed in Russian science. It is noted that interdependence of various forms of state functions and conditionality of their differentiation into legal and non-legal (or organisational). Attention is drawn to the fact that forms are closely connected not only with the essence, but also with the activities of the modern state. They are dynamic and transform with changes in the spheres of life of society and the state. It is concluded that only through a combination of forms that contribute to the full implementation of functions, the most stable and successful development is possible.

Keywords: state, functions of state, legal forms, organisational forms, state activity.

Information about the author: Andrey A. Grin'ko, ORCID: 0000-0002-9690-421X, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of humanitarian disciplines of the Far Eastern Agrarian University, Blagoveshchensk, Russia.

E-mail: andrey2007-85@mail.ru.

Article received: December 23, 2019.

For citation: Grin'ko A.A. On the question of the forms of implementation of the functions of the modern state. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 1, pp. 166-171 (In Russ.). DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-1-166-171.

Вопрос о функциях государства и формах их осуществления является одним из важнейших в теории государства и права, а также ряде других наук. Понимание основ существования государства, его структура, степень эффективности организации, уровень развития и многое другое основывается на понимании его функций и форм. В настоящее время продолжают дискуссии о перечне форм и степени их значимости для государства и общества. Дискуссионность вопроса усиливается в результате усложнения государственной системы, появления новых функций

и форм и постепенного исчезновения ряда других. Учитывая указанные обстоятельства, необходимо более подробно рассмотреть особенности форм осуществления функций применительно к современному государству.

Прежде всего следует отметить, что под формами подразумеваются виды практической деятельности государственной машины, которые связаны с осуществлением целей и задач, имеют внешнее выражение в виде юридических последствий [Купцова: 125].

Формы тесно связаны с сущностью и деятельностью государства, они динамичны и трансфор-

мируются вместе с ним. Благодаря сочетанию форм, способствующих реализации тех или иных функций, оказывается воздействие на различные виды общественных отношений. Это может приводить к диаметрально противоположным результатам – как способствовать гармоничному развитию общества, так и усугублять негативные тенденции, протекающие в нем.

Помимо категории «форма» при изучении особенностей осуществления функций государства используется, но в меньшей степени, и иная категория – «механизм» [Горбатовская: 26; Ельцов: 152]. Выполняя ту или иную деятельность в определенном направлении, государство влияет на процессы, протекающие в обществе, через специальный механизм и может навязывать свою государственную волю [Барканов: 77].

Несмотря на существование различных классификаций форм осуществления функций государства, большинство из них сводится к условному выделению правовых и неправовых (организационных) форм. Данный подход зародился в советский период и разрабатывался рядом отечественных ученых, в первую очередь М.И. Байтиным [Акимов: 180; Байтин: 233]. Так, он характеризовал организационные формы как единообразную по внешним признакам государственную деятельность, которая не имеет последствий юридического характера. Эти формы опосредованно влияют на человеческую жизнедеятельность, в основном через создание комфортных условий для ее осуществления, в отличие от правовых форм, которые прямо предписывают человеку соответствующую поведенческую модель.

Так или иначе, государственная деятельность опосредована правом [Новикова: 5]. Под правовыми формами осуществления функций понимается однородная по своим внешним признакам деятельность органов власти по руководству обществом путем издания правовых актов.

Особая роль правовых форм обоснована следующим. В первую очередь, это вызвано соотношением государства и права, их связью. Последняя основывается на регулирующей роли права, в которой проявляется его активность в социальной жизнедеятельности. Именно благодаря праву жизнедеятельность общества протекает в организованных и устойчивых рамках. И, наконец, право способствует прогрессу общества или является одним из его проявлений [Бухтерева: 40].

Правовые формы заключаются в сознательном, активном, законном, процедурно оформленном воздействии (имеющем юридический характер) строго определенных субъектов государства на общественные отношения или какую-либо из сфер жизни общества.

В настоящее время принято выделять несколько основных правовых форм осуществления функций

государства: правотворчество, правоприменение (или правоисполнение) и правоохрану (включая контрольно-надзорную и судебную деятельность) [Гогин: 35]. Кроме того, некоторые исследователи выделяют распорядительную и договорную формы [Мухаев: 55].

В качестве основного содержания правотворчества выступает особая юридическая процедура, которая включает деятельность различных субъектов правотворческих отношений по подготовке, обсуждению, принятию и опубликованию в официальных источниках нормативных правовых актов. Его результатом являются законы и подзаконные акты (в том числе федеральные законы и законы субъектов, указы президента и постановления правительства, различные инструкции и распоряжения органов государственной власти и местного самоуправления). Так, Конституция РФ и другие нормативно-правовые акты содержат основы конституционного строя государства, принципы построения социальной и иных систем (статьи 7, 8 и 16), порядок формирования и взаимоотношений органов власти (статьи 81, 83, 96, 97, 100, 101, 111, 119 и 128)¹. Очевидно, что осуществление функций государства при отсутствии данной формы невозможно.

Большую роль в правотворчестве играет законодательная деятельность, осуществляемая соответствующими органами государства. Применительно к России высшим законодательным органом выступает Федеральное собрание РФ. Большое влияние на правотворчество оказывают процессы, происходящие в жизни государства, связанные с совершенствованием законодательства через принятие новых норм, соответствующих потребностям общества и государства, изменение или аннулирование существующих. Благодаря правотворчеству трансформируется сфера правового регулирования, создается нормативная база, в правовой системе появляются соответствующие методы, способы и средства воздействия юридического характера, видоизменяются правовые режимы регулирования отношений в обществе.

Сам правотворческий процесс включает в себя различные формы. В частности, правотворческая форма может воплощаться в виде правовой регламентации правотворчества. Это проявляется в принятии регламентов законотворческих органов, нормативных актов различных ведомств, предполагающих как правовые, так и неправовые формы. В качестве примера можно взять Регламент Государственной думы РФ, который включает в себя парламентские слушания, где обсуждаются проекты законов (статья 61); совещания (статья 72); голосования (статья 83); обсуждение законопроектов в первом и последующих чтениях (статьи 119, 122, 125)².

Если через такую форму, как правотворчество, государство создает алгоритм регулирования от-

ношений в обществе, то практическое воздействие на них, с опорой на нормативно-правовую базу, осуществляется с помощью правоприменительной формы.

Для правоприменительной формы характерен процесс, в рамках которого происходит преобразование правовых предписаний, имеющих место для нормативной ситуации, в конкретные веления властного характера и, наконец, их воплощение в повседневной жизни людей.

Исполнительная власть государства в лице правительства выступает главным правоприменительным субъектом [Музыкин: 164]. Деятельность правительства заключается в решении управленческих задач, основывается на издании соответствующих нормативно-правовых документов и контроле за их исполнением. Сюда можно отнести призывы в вооруженные силы, избрание или назначение на какую-либо должность, например, председателя Правительства РФ или формирование состава Конституционного суда РФ. Все это оформляется с помощью правоприменительных актов.

Ряд исследователей считает, что правоприменительная форма включает в себя несколько видов деятельности, в частности оперативно-исполнительную, контрольно-надзорную, а также юрисдикционную [Козлов: 215].

Правоприменительная форма характеризуется властно-организующим признаком. Этот признак заключается в том, что данная форма основывается на законности и проявляется в общеобязательных индивидуальных нормативных актах. Предписания актов поддерживаются с помощью разнообразных средств, в первую очередь юридических. К последним можно отнести применение мер принуждения со стороны государства. Характерными признаками предписаний являются односторонность волеизъявления властного органа, категоричность и обязательность веления, защищенность государством [Бухтерева: 48].

Правоприменительная деятельность включает в себя не только правовые, но и иные формы осуществления функций государства. К таковым относятся формы, в основе которых находятся факторы организационного и экономического характера, иногда предполагающие законодательное закрепление. Например, для расследования особо важных дел уголовного характера законодательство допускает создание следственных групп, а для повышения эффективности деятельности сотрудников органов внутренних дел возможны различные стимулы – премии, ценные подарки, благодарности³.

Правоохранительной формой можно считать деятельность органов власти, которая заключается в защите правовых норм, прав и свобод каждого человека, в обеспечении выполнения возложенных на них юридических обязанностей. Данная форма содержит в себе принятие предупредительных мер,

расследование правонарушений, а также применение санкций к нарушителям закона.

Практически все государственные органы, административный аппарат организаций и учреждений так или иначе реализуют данную форму. Степень ее осуществления зависит от компетенций того или иного органа власти, что не дает последнему возможности превысить свои полномочия или уклониться от исполнения обязанностей. Эти полномочия являются государственно-властными, а их полнота определяется задачами, поставленными применительно к соответствующим сферам жизни общества.

Правоохранительная деятельность имеет своим результатом акты применения правовых норм, к которым относятся постановления следственных органов, приговоры, решения судебных инстанций. Это приводит к появлению новых правовых отношений либо к изменению или прекращению существующих. Для правоохраны характерна не только правовая, но и организационная форма, например, организация патрулирования территории или обеспечение общественного порядка во время торжественных мероприятий.

К правоохранительной форме осуществления функций можно отнести контроль и надзор. Несмотря на близкое понимание этих видов деятельности, все же они различаются. Контроль в ходе своей реализации предполагает единство как правовых, так и организационных форм деятельности органов государственной власти. Как одна из функций государственного управления, он может использоваться в ходе сбора и анализа информации. Самостоятельным видом контроля является надзор. Наиболее ярким примером классического надзора является прокурорский надзор [Козлов: 216]. Отличительной особенностью прокурорского надзора является то, что прокуратура не занимается выдачей лицензий, разрешительных документов, не устанавливает каких-либо нормативов. Иные надзорные органы (например, фитосанитарный надзор) могут выдавать лицензии, разрешения, устанавливать специальные правила, что сближает их с аналогичными органами государственного контроля, по мнению М.А. Бухтеревой [Бухтерева: 55]. По мнению А.А. Шафранова, надзор предполагает создание особых структур при том, что контроль может осуществляться практически любым органом исполнительной власти. Орган надзора в своей деятельности ориентируется на точное исполнение правовых норм, он не оценивает целесообразность какого-либо акта [Шафранов: 6].

Распорядительная форма осуществления функций государства является самостоятельной и занимает срединное положение между правотворчеством и правоприменением. Распорядительная форма осуществления функций государства была особенно характерна для советского пери-

ода, и в настоящее время ее роль снижается при одновременном повышении значимости договорной формы. Это объясняется признанием правовой гибкости договора и возможностью облекать в эту форму различные общественные отношения. Разумеется, нормативно-правовой акт в виде закона является первичным правовым источником в развитии договорной формы. Он прямо вводит эту форму или допускает ее существование. В основном договорная форма применяется исполнительными органами, однако она характерна и для других ветвей власти. Ярким примером служат международные договоры, иные межгосударственные документы (декларации, хартии).

Как уже отмечалось выше, среди форм осуществления государственных функций выделяются и неправовые, или, иными словами, организационные. К ним относят однородную по своим внешним признакам деятельность государства, которая не связана с созданием, применением норм права. Данные формы имеют вспомогательный характер. В частности, через разработку политической программы власть способна сплотить жителей государства. В рамках этой программы возможно создание особого механизма, например экономического плана, который может быть представлен в виде разумной кредитно-финансовой политики для стимулирования деловой активности в обществе. Этому сопутствует поиск согласия между основными социальными группами, партиями, а также активное использование агитации и пропаганды.

Неправовая форма всегда опирается на законодательство и соответствующие полномочия органов государственной власти, охватывает значительный объем организационной и подготовительной работы в процессе осуществления функций государства [Гогин: 37].

В жизнедеятельности государства правовые и неправовые формы тесно взаимосвязаны. Первые не могут существовать без организационной составляющей, а вторые зачастую выступают основой для осуществления правовых форм. При этом организационные формы связаны с подзаконной деятельностью и реализуются в правовом поле.

Неправовые формы нельзя сводить только к структуре механизма функционирования государства, так как все его составляющие осуществляют деятельность, в частности, и в правовых формах. Как правило, неправовые формы не предполагают подразделения на подвиды, но условно их можно дифференцировать на организационно-регламентирующую, организационно-хозяйственную и организационно-идеологическую формы.

Сущностью организационно-регламентирующей формы является оперативная деятельность по решению текущих вопросов, связанных с обеспечением функционирования государственной системы, в частности подготовка официальных

документов, организация выборов. Материальное обеспечение деятельности государства и его органов возложено на организационно-хозяйственную форму. К ней можно отнести снабженческие операции, ведение статистики. Информационная составляющая, проявляющаяся в деятельности средств массовой информации, агитационно-разъяснительной работе, созданию благоприятного общественного мнения, характерна для организационно-идеологической формы [Акопова: 23].

К неправовым формам, помимо организационной деятельности, также относят осуществление материально-технических операций, таких как подготовка аналитических материалов, отчетов, ведение делопроизводства и т. д.

Исследователь М.А. Бухтерева говорит о существовании организационной, экономической, информационной, политической и идеологической неправовых форм [Бухтерева: 87].

Организационная форма по своему содержанию во многом совпадает с организационно-регламентирующей формой вышеописанной классификации. Она не предполагает издания особых юридических актов, однако предпосылки ее осуществления и результат вполне могут иметь юридическую фиксацию. Данная форма связана с обеспечением эффективной работы государственного механизма, однако она может касаться и негосударственных организаций, а также граждан. Это может быть выражено в инспектировании учреждений, разъяснении содержания юридических актов, подготовке и проведении заседаний, совещаний. Экономическая форма аналогична организационно-хозяйственной форме из ранее рассмотренной классификации. Политическая форма связана с организацией власти, с разработкой основ политики государства. Идеологическая форма предполагает ведение агитационной, воспитательной, пропагандистской и разъяснительной работы. Сущность информационной формы заключается в различных операциях с информацией. Например, избирательные комиссии используют государственную автоматизированную информационную систему в ходе выборов в Государственную думу РФ.

Кроме вышеназванных общих организационных форм можно выделить и фактические организационные формы. Последние приемлемы не для каждой функции и не для всех государственных органов. В частности, организация военных учений, управление войсками, подготовка военнослужащих относятся к организационно-военной форме. Организационные формы осуществления функций государства чаще всего представляют собой фактические действия (решения) его органов по экономическому, политическому, идеологическому и собственно организационному обеспечению выполнения стратегических и повседневных задач, направленные на реализацию правовых форм.

Ряд вопросов, касающихся организационных форм, носит дискуссионный характер. Высказывается мнение, что организационная деятельность, связанная с осуществлением властных полномочий, обязательно принимает юридическую форму, а также что организационная форма не может являться самостоятельной формой, так как она включена в содержание правовой формы. Например, такая неправовая форма, как планирование, может приобрести правовую форму в виде принятия федерального закона⁴.

Эти взгляды не могут считаться несомненно верными, поскольку далеко не каждая разновидность организационной деятельности государства может быть включена в правовую и не всегда связана с осуществлением властных полномочий. Нельзя отрицать, что в жизнедеятельности каждого государства присутствуют неправовые формы, обеспечивающие не только осуществление правовых форм, но также прямо осуществляющие государственные функции.

Так, функция обороны может быть реализована как в правовых, так и в организационных формах. К первым можно отнести нормативные акты о всеобщей мобилизации и их применение соответствующими органами, юридическая ответственность за уклонение от мобилизации, а ко вторым – идеологические призывы к защите родины, привлечение профессиональных военных за оплату и так далее.

Таким образом, в заключение необходимо подчеркнуть, что осуществление государственных функций происходит в специфических формах практической деятельности государства, направленной на претворение в жизнь его целей и разрешение разнообразных текущих задач. Формы находятся в постоянной динамике и преобразовываются вместе с самим государством. От форм зависит, насколько эффективно будет осуществляться та или иная функция, будет ли общество гармонично развиваться или находиться в кризисном состоянии. Правовые и неправовые (или организационные) формы считаются основными при осуществлении функций государства. При этом к правовым относятся правотворческая, правоприменительная и правоохранительная формы, а к организационным – регламентирующая, хозяйственная и идеологическая. Неправовые формы (например, подготовительные работы, сбор и анализ информации) являются предшествующим этапом в реализации правовых норм и обеспечивают их осуществление. Неправовые формы зачастую, хотя и не всегда, реализуются через право. Правовые и неправовые формы взаимосвязаны и нередко взаимно «переходят» друг в друга, что может иллюстрировать возбуждение уголовного дела по результатам непосредственного контроля. Для реализации, в частности, правоохранительной функции государства необходимо принятие и изда-

ние соответствующих нормативно-правовых актов (правотворческая форма), обеспечение их исполнения (правоисполнительная форма), юридическая ответственность за правонарушения (правоохранительная форма), однако этим правовым формам сопутствуют организационные формы. Можно утверждать, что практически все государственные функции имеют специфику, проявляющуюся в формах своего осуществления, которые уникальны по содержанию и требуют глубокого анализа применительно к каждому конкретному государству на данном этапе существования.

Примечания

¹ Конституция Российской Федерации: (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // КонсультантПлюс: справ. правовая система. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 18.12.2019 г.); Федеральный конституционный закон от 17.12.1997 № 2-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» // КонсультантПлюс: справ. правовая система. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 18.12.2019 г.).

² Постановление Государственной Думы ФС РФ от 22.01.1998 № 2134-II ГД «О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания РФ» (с изменениями и дополнениями) // КонсультантПлюс: справ. правовая система. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 18.12.2019 г.).

³ Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // КонсультантПлюс: справ. правовая система. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.12.2019 г.).

⁴ Например, Федеральный закон от 2.12.2019 № 380-ФЗ «О федеральном бюджете на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов» // КонсультантПлюс: справ. правовая система. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 22.12.2019 г.).

Список литературы

Акимов Н.А. Правовое обеспечение реализации экономической функции государства // Социально-экономические явления и процессы. 2017. № 2. С. 179–183.

Акопова С.Н. Антикоррупционная функция государства и гражданского общества // Право и государство. 2007. № 4 (28). С. 23–32.

Байтин М.И. Сущность и основные функции социалистического государства. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1979. 302 с.

Барканов А.А. Культурно-воспитательная функция современного российского государства: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 186 с.

Бухтерева М.А. Формы реализации функций государства: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 202 с.

Гогин А.А. К вопросу о формах реализации функций государства // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Сер.: Юридические науки. 2014. № 1. С. 35–38.

Горбатовская Е.С. О содержании культурно-воспитательной функции государства // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 9. С. 25–35.

Ельцов Н.С. К вопросу о субъектном составе механизма реализации функций государства // Вестник Тамбовского университета. 2015. № 10. С. 151–157.

Козлов А.В. Правовые формы реализации функции Российского государства по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 5, Юриспруденция. 2011. № 2 (15). С. 214–219.

Купцова О.Б. Экономическая функция современного российского государства: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2002. 207 с.

Музыкин А.А. Современные формы и методы реализации функций государства / А.А. Музыкин, Д.В. Абражеева // ModernScience. 2019. № 10-1. С. 163–165.

Мухаев Р.Т. Теория государства и права. М.: Юрайт, 2017. 585 с.

Новикова А.С. О формах реализации функций государства // Научный журнал КубГАУ. 2015. № 113 (09). С. 1–10.

Шафранов А.А. Разграничение контрольной и надзорной деятельности в сфере исполнительной власти // Право и Жизнь. 2006. № 91. С. 5–20.

References

Akimov N.A. *Pravovoe obespechenie realizatsii ekonomicheskoi funktsii gosudarstva* [Legal support for the implementation of the economic function of the state]. *Sotsial'no-ekonomicheskie iavleniia i protsessy* [Socio-economic phenomena and processes], 2017, № 2, pp. 179–183. (In Russ.)

Akopova S.N. *Antikorruptsiionnaia funktsiia gosudarstva i grazhdanskogo obshchestva* [Anti-corruption function of the state and civil society]. *Pravo i gosudarstvo* [The right of the state], 2007, № 4 (28), pp. 23–32. (In Russ.)

Baitin M.I. *Sushchnost' i osnovnye funktsii sotsialisticheskogo gosudarstva* [The essence and main functions of the socialist state]. Saratov, izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 1979, 302 p. (In Russ.)

Barkanov A.A. *Kul'turno-vospitatel'naia funktsiia sovremennogo rossiiskogo gosudarstva*: dis. ... kand. iurid. nauk [Cultural and educational function of the

modern russian state: DSc thesis]. Moscow, 2007, 186 p. (In Russ.)

Bukhtereva M.A. *Formy realizatsii funktsii gosudarstva*: dis. ... kand. iurid. nauk [Forms of realization of functions of the state: DSc thesis]. Moscow, 2002, 202 p. (In Russ.)

Gogin A.A. *K voprosu o formakh realizatsii funktsii gosudarstva* [To the question of forms of realization of functions of the state]. *Vektor nauki TGU. Ser.: Iuridicheskie nauki* [Vector of science TGU. Ser.: Legal Sciences], 2014, № 1, pp. 35–38. (In Russ.)

Gorbatovskaia E.S. *O sodержanii kul'turno-vospitatel'noi funktsii gosudarstva* [On the content of the cultural and educational function of the state]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava* [Actual problems of Russian law], 2017, № 9, pp. 25–35. (In Russ.)

El'tsov N.S. *K voprosu o sub'ektnom sostave mekhanizma realizatsii funktsii gosudarstva* [To the question of the subject structure of the mechanism of realization of functions of the state]. *Vestnik TGU* [Bulletin TGU], 2015, № 10, pp. 151–157. (In Russ.)

Kozlov A.V. *Pravovye formy realizatsii funktsii Rossiiskogo gosudarstva po preduprezhdeniiu i likvidatsii chrezvychainykh situatsii* [Legal forms of realization of the function of the russian state on prevention and liquidation of emergency situations]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 5, Iurisprudentsiia* [Bulletin of Volgograd state University. Ser. 5: Jurisprudence], 2011, № 2 (15), pp. 214–219. (In Russ.)

Kuptsova O.B. *Ekonomicheskaiia funktsiia sovremennogo rossiiskogo gosudarstva*: dis. ... kand. iurid. nauk [Economic function of the modern russian state: DSc thesis], N. Novgorod, 2002, 207 p. (In Russ.)

Muzykin A.A. *Sovremennye formy i metody realizatsii funktsii gosudarstva* [Modern forms and methods of state functions realization], A.A. Muzykin, D.V. Abrazheeva. *Modern Science*, 2019, № 10-1, pp. 163–165. (In Russ.)

Mukhaev R.T. *Teoriia gosudarstva i prava* [Theory of state and law]. Moscow, Iurait Publ., 2017, 585 p. (In Russ.)

Novikova A.S. *O formakh realizatsii funktsii gosudarstva* [About forms of realization of functions of the state]. *Nauchnyi zhurnal KubGAU* [The scientific journal of the Kuban state agrarian university], 2015, № 113 (09), pp. 1–10. (In Russ.)

Shafranov A.A. *Razgranichenie kontrol'noi i nadzornoii deiatel'nosti v sfere ispolnitel'noi vlasti* [Differentiation of control and supervisory activities in the sphere of executive power]. *Pravo i Zhizn'* [Law and Life], 2006, № 91, pp. 5-20. (In Russ.)

**ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ**

Функционирование и обмен информацией между государственными структурами федерального и регионального уровней, согласование интересов различных субъектов Российской Федерации способствуют созданию стабильности в стране. В этой ситуации происходит формирование необходимого «равновесия» во взаимоотношениях Российской Федерации и ее административно-территориальных единиц, которое на должном уровне может оградить государство от социальных потрясений и кризисов. В связи с этим автором проведен анализ участия субъектов Российской Федерации в обеспечении национальной безопасности. В статье дается обобщенная характеристика соотношения понятий «национальная безопасность» и «региональная безопасность». Обращается внимание на факторы, оказывающие влияние на систему обеспечения региональной безопасности. Рассматриваются отдельные актуальные вопросы правового регулирования деятельности субъектов Российской Федерации в сфере обеспечения национальной безопасности. Автором выявлены негативные тенденции, имеющие место в рамках системы обеспечения региональной безопасности. На основании проведенного исследования делается вывод о наличии ряда проблем в области обеспечения национальной безопасности на уровне субъектов Российской Федерации, которые могут воздействовать на государство в целом.

Ключевые слова: национальная безопасность, региональная безопасность, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, государственная политика, региональная политика, территориальные споры, региональный сепаратизм.

Информация об авторе: Тихалева Елена Юрьевна, ORCID: 0000-0003-4612-4722, кандидат юридических наук, доцент, Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации, г. Орел, Россия.

E-mail: columbijka@mail.ru.

Дата поступления статьи: 18.12.2019.

Для цитирования: Тихалева Е.Ю. Проблемные вопросы обеспечения национальной безопасности на региональном уровне // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 1. С. 172-177. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-1-172-177.

Elena Yu. Tikhaleva*The Academy of the Federal Guard Service of the Russian Federation***THE PROBLEM ISSUES OF ENSURING NATIONAL SECURITY AT THE REGIONAL LEVEL**

Functioning and exchange of information between state structures of federal and regional level, coordination of interests of various subjects of the Russian Federation, promote stability in the country. In this situation, the necessary «balance» is formed in the relations between the Russian Federation and its administrative-territorial units that at due level can protect the state from social shocks and crises. In this regard, the author analyses the participation of subjects of the Russian Federation in ensuring national security. The article provides a generalised characteristic of correlations between the concepts of «national security» and «regional security». The attention is drawn to factors influencing the regional security system. Some topical issues of legal regulation of activity of subjects of the Russian Federation about the ensuring national security are considered. The author revealed negative tendencies taking place within the regional security system. Based on the conducted research, the conclusion is made that there are a number of problems in the field of national security at the regional level. These problems can affect the state as a whole.

Keywords: national security, regional security, state bodies of subjects of Russian Federation, state politics, regional politics, territorial disputes, regional separatism.

Information about the author: Elena Yu. Tikhaleva, ORCID: 0000-0003-4612-4722, PhD (Law), Associate Professor, the Academy of the Federal Guard Service of the Russian Federation, Oryol, Russia.

E-mail: columbijka@mail.ru.

Article received: December 18, 2019.

For citation: Tikhaleva E. Yu. The Problem Questions of Ensuring National Security at the Regional Level. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 1, pp. 172-177 (In Russ.). DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-1-172-177.

На рубеже 1980–1990 гг. XX в. начала выстраиваться новая парадигма безопасности, охватывающая в порядке приоритетности безопасность личности, общества и государства [Коньшев: 43]. Наряду с этим, хотя отдельные аспекты безопасности детально исследованы в научных трудах, проблема региональной безопасности остается до сих пор недостаточно изученной. Связывается это с бытующим мнением, что только федеральный уровень в состоянии обеспечи-

вать безопасность и реализацию интересов отдельных граждан. Но в то же время человек проживает в конкретной местности, обусловленной нахождением в границах субъекта Российской Федерации, и, следовательно, требует для того, чтобы обеспечить свою жизнедеятельность, ежедневного удовлетворения материальных, эстетических, духовных и иных потребностей в первую очередь не на федеральном уровне, а уже на региональном и местном уровнях обеспечения своей безопасности.

В научно-исследовательской литературе, как правило, термины «национальная безопасность» и «региональная безопасность» рассматриваются как общее и частное. Что касается определения термина «национальная безопасность», то оно заключено в подзаконном акте: Указе Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» (п. 6)¹. В свою очередь, дефиниция «региональная безопасность» законодательно не закреплена и рассматривается учеными, в сферу научных интересов которых входит данный вопрос (О.А. Делинским, Е.А. Куклиной, В.В. Стрельченко, У.А. Хасановым, А.В. Шевченко и др.). В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации содержатся отсылки к данному понятию (в частности, упоминаются такие словосочетания, как состояние или обеспечение национальной безопасности на региональном уровне (п. 64–65), региональная стабильность и механизмы ее обеспечения (п. 93, 95, 104).

Следует отметить, что в настоящее время действует Указ Президента Российской Федерации от 16 января 2017 г. № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года», определяющий направления политического развития регионов². Ранее, в 2014 г., был разработан и принят «Модельный закон об основах региональной политики», в котором обстоятельно рассматривались основные характеристики указанного понятия³. В ч. 1 ст. 5 Федерального закона от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» закрепляется компетенция органов государственной власти субъектов Российской Федерации применительно к установлению приоритетов соответствующей политики, а также долгосрочных целей и задач социально-экономического развития субъектов Российской Федерации (исходя из приоритетов и целей социально-экономического развития России)⁴. В научных статьях термин «региональная политика» также обосновывается и неоднократно употребляется [см.: Тхабисимова, Цалиев; Ramey Jr., Volgy].

Как один из наиболее важных факторов, влияющих на всю систему обеспечения региональной безопасности, следует рассматривать деятельность субъектов обеспечения региональной безопасности, которые используют свои функции при помощи различных средств и методов. Среди них можно выделить политические, дипломатические, организационные, правовые, экономические и другие средства, в пределах которых осуществляется участие субъектов Федерации в реализации соответствующих мероприятий.

Так, например, исходя из п. «о» ч. 1 ст. 72 Конституции Российской Федерации, вопросы координации различных международных и внешнеэко-

номических связей, выполнения международных договоров Российской Федерации – сфера совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов⁵ (в частности, данные аспекты более подробно раскрываются в Федеральном законе от 8 декабря 2003 г. № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности»). В соответствии с п. 3 Указа Президента Российской Федерации от 11 июля 2004 г. № 865 «Вопросы Министерства иностранных дел Российской Федерации», в структуре МИД России находятся территориальные органы – представительства МИДа России, с помощью которых реализуется деятельность данного министерства на территории всего государства⁶. В отдельных субъектах Российской Федерации происходит закрепление налаживания международных и внешнеэкономических связей как прерогативы деятельности специально созданных органов (отраслевой компетенции): Агентства по внешнеэкономическим связям Республики Тыва, Департамента международного сотрудничества Приморского края и т. п.

Однако возможности, которыми располагают регионы в отношении осуществления правового регулирования таких видов национальной безопасности, как общественная и экологическая безопасность, безопасность личности (исходя из трактовки ст. 72 Конституции Российской Федерации), используются далеко не во всех субъектах Российской Федерации, и прежде всего в рамках предупреждения чрезвычайных ситуаций и реализации мер пожарной безопасности. Зачастую субъектам Российской Федерации приходится находиться в ожидании соответствующих решений, поступающих из федерального центра.

Принятие региональных законов в сфере безопасности, а также формирование необходимых органов и аппаратов, которыми бы обеспечивалась реализация изданных законов, сдерживаются ввиду имеющихся бюджетных и материально-технических возможностей субъектов Российской Федерации. Эти проблемы особенно актуальны для субъектов Федерации, в которых имеется дефицитный бюджет.

Тем не менее, если обратить внимание на структуру органов государственной власти в определенных субъектах Российской Федерации, можно констатировать, что в них созданы органы, в компетенцию которых входят вопросы обеспечения национальной безопасности на региональном уровне (Департамент региональной безопасности Костромской области, Министерство региональной безопасности Омской области и др.).

В последние годы в Российской Федерации постоянно подтверждается тенденция, обусловленная расширением масштаба вовлеченности регионов в решение вопросов по безопасности, однако соответствующие изменения в Федеральный закон

от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» и другие федеральные законы при этом не вносятся.

На практике поддержание субъектами Российской Федерации должного уровня законности, правопорядка и общественной безопасности реализуется в пределах имеющихся полномочий с использованием мер, направленных на обеспечение и охрану общественного порядка, противодействие терроризму и экстремизму, борьбу с преступностью. Более того, эти полномочия и меры должны быть урегулированы в законе и не затрагивать компетенцию федерального центра. В то же время постоянные жалобы руководителей субъектов Федерации на отсутствие реальных полномочий для обеспечения безопасности в регионах в какой-то степени послужили основанием для издания Указа Президента Российской Федерации от 11 декабря 2010 г. № 1535 «О дополнительных мерах по обеспечению правопорядка»⁷, который фактически изменил конституционно-правовые отношения в сфере обеспечения безопасности, а федеральные органы безопасности в определенной степени стали подконтрольны высшим должностным лицам субъектов Федерации (имеется в виду оценка работы территориальных органов федеральных органов исполнительной власти, наделенных полномочиями по обеспечению безопасности, со стороны координационных совещаний по обеспечению правопорядка, создаваемых на региональном уровне).

Сама по себе изменчивость системы региональной безопасности в зависимости от субъекта Российской Федерации предполагается природой федерации, так как позволяет учитывать специфику каждого субъекта в пределах России [Балаева: 215]. Однако этим не исключается, а, напротив, подразумевается применение единого подхода на территории всего Российского государства к сложившейся системе региональной безопасности, так как это позволяет федеральному центру видеть на региональном уровне прочную опору для осуществления своих координационных, организационных, методологических функций в интересах обеспечения национальной безопасности.

Проблемы, возникающие в границах субъектов Российской Федерации в пределах действия системы региональной безопасности, могут влиять на обеспечение национальной безопасности страны в целом. Они обусловлены рядом исторических и современных факторов, в том числе национального характера, которые можно выделить исходя из их распространенности и степени угроз национальной безопасности Российской Федерации.

Анализ наиболее распространенных исторических и современных факторов позволяет увидеть тенденции, преобладающие в рассматриваемой сфере и выявить наиболее острые вопросы, требующие пристального внимания на перспективу. По-

литико-правовой аспект также не может не учитываться при рассмотрении вопросов региональной безопасности.

Так, нередко в рамках государства могут зарождаться и приобретать актуальность территориальные претензии одних субъектов Российской Федерации к другим на основании различных изменений, происходящих с границами административно-территориальных единиц. Не всегда такие изменения имеют как экономическую, так и политическую целесообразность, а подчас обусловлены субъективными устремлениями конкретных должностных лиц.

Если рассматривать практику, можно выделить спор между Чечней и Ингушетией, возникший в результате последнего раздела Чечено-Ингушской АССР, когда были допущены грубые ошибки в ходе проведения границы между республиками. Из-за этих ошибок в составе Малгобекского и Сунженского районов Ингушетии оказалась значительная часть территории, которая относилась к Чечне до 1934 г., когда Чеченская и Ингушская АССР были объединены в первый раз. Кроме того, спорная ситуация возникла в 2018 г. в связи с подписанием Соглашения об установлении границы между Республикой Ингушетия и Чеченской Республикой, на основании которого Конституционный суд Республики Ингушетия определил как неконституционный Закон Республики Ингушетия от 4 октября 2018 г. № 42-РЗ «Об утверждении Соглашения об установлении границы между Республикой Ингушетия и Чеченской Республикой». Конституционный суд Российской Федерации признал в итоге обратное, указав, что заключение данного соглашения не должно рассматриваться как изменение границ между субъектами Российской Федерации и, следовательно, соблюдение соответствующей процедуры (как при изменении границ) не требуется⁸ [Худолей].

Примером территориального дробления является прецедент выделения одного территориального образования из другого, то есть фактического передела в рамках границ государства. Одна из первых попыток развития подобной ситуации была предпринята еще в 90-е гг. XX в. Так, Сокольский район Ивановской области вошел в состав Нижегородской области на основании референдума 1993 г. [Цветкова: 118]. В дальнейшем, в 1995–1997 гг., в Свердловской области городской округ Дегтярск вышел из состава Ревдинского района с подчинением областному центру (с последующим возникновением спора по поводу границ территорий) [Официальный сайт городского округа Дегтярск], а Староуткинск отделился от Шалинского городского округа в результате местного референдума [Официальный сайт городского округа Староуткинск]. Несмотря на то, что экономическую оправданность данных действий не всегда можно было

проследить, тем не менее механизмы изменения границ, территориального раздела были запущены.

Условия для реализации территориальных пределов часто складываются в связи с предлогом близости к региональному центру и более высокому уровню жизни соседнего региона. Так, территории, находящиеся далеко от своего регионального центра, пытаются «прикрепиться» к соседнему региону, поскольку они ближе к его региональному центру, а значит, их социально-экономические проблемы будут решаться более успешно и оперативно. Такая ситуация складывается периодически в различных субъектах Федерации: в Свердловской области в 2013 г. депутаты Тавдинского района предлагали присоединиться к соседней Тюменской области, обосновывая это дотационным характером бюджета и удобством местоположения; в Пермском крае жители ряда территорий периодически высказывают желание «перейти» в Удмуртскую Республику (в 2018 г. были приняты законы данных субъектов Российской Федерации, утвердившие Соглашение об описании местоположения границы между ними⁹); в 2019 г. ВРИО губернатора Курганской области обосновывал необходимость объединения своего региона с Тюменской областью вследствие финансовых соображений.

Очевидно, что, таких спорных территорий в стране гораздо больше. Если вдруг руководители регионов доведут до реального разделения территорий, национальная безопасность страны окажется под угрозой. Отметим, что с правовой точки зрения процесс территориального отделения или разделения не ограничен и, хотя носит сложный бюрократический характер, тем не менее вполне реализуем при определенных усилиях и в строгом соответствии с законом.

Помимо этого, в качестве одной из латентных угроз для национальной безопасности России может выступать так называемый региональный сепаратизм. Само определение понятия «сепаратизм» можно увидеть в Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом 2001 г.¹⁰ Региональный сепаратизм по аналогии следует рассматривать как определенную идеологию, проведение политики в целях отделения тех или иных территорий от государства для формирования нового государственного образования или приобретения определенной территории большей степени самостоятельности в различных сферах (в результате этого выделяют правовые, экономические формы регионального сепаратизма). В современном мире вспышки регионального сепаратизма в большей степени отмечаются в государствах Евразийского континента.

Если анализировать историю развития Российского государства, также можно выделить разнообразные проявления регионального сепаратизма: от территориальных претензий, нездоровой кон-

курсии регионов, вызванных дисбалансом в развитии субъектов Федерации или фальсификацией исторических событий, вплоть до вооруженных столкновений или гражданской войны. Во всех ситуациях сепаратистские устремления направлены на умаление значения принципов государственного суверенитета, связаны с неподконтрольностью отдельных административно-территориальных единиц со стороны центра и, к сожалению для своих сторонников, влекут за собой ослабление экономики, утрату исторических взаимосвязей и социокультурного сообщества [Медведев: 8]. Ярким примером проявления регионального сепаратизма была ситуация, возникшая в некоторых субъектах Федерации (Амурская и Свердловская области, Республика Хакасия, Чеченская Республика и др.), где инициировали выпуск собственной валюты в отсутствие права денежной эмиссии (имеются в виду амурские соппы, уральские франки, хакасские рубли, чеченские нахары и т. п.) в целях установления собственного суверенитета и автономии [Региональное финансовое право: 224].

Таким образом, к числу проблем в области обеспечения национальной безопасности с участием различных регионов можно отнести наличие пробелов в законодательстве (территориальные споры, которые могут рассматриваться как внутренняя угроза государственной целостности, вопросы разграничения соответствующих полномочий между Российской Федерацией и ее административно-территориальными единицами), недостаточное регулирование регионального уровня обеспечения безопасности с помощью федеральных нормативных правовых актов, а также ограниченность финансовых возможностей отдельных субъектов Российской Федерации.

Примечания

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 // Собрание законодательства РФ. 04.01.2016. № 1. Ч. II. Ст. 212.

² Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента РФ от 16.01.2017 № 13 // Собрание законодательства РФ. 23.01.2017. № 4. Ст. 637.

³ Модельный закон об основах региональной политики: (принят в г. Санкт-Петербурге 28.11.2014 Постановлением 41-8 на 41-м пленарном заседании Межпарламентской ассамблеи государств-участников СНГ). URL: <http://www.consultant.ru/document/cons/> (дата обращения: 16.12.2019).

⁴ О стратегическом планировании в Российской Федерации: Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ (в ред. от 31.12.2017 № 507-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 30.06.2014. № 26. Ч. I. Ст. 3378.

⁵ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993): (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 04.08.2014. № 31. Ст. 4398.

⁶ Вопросы Министерства иностранных дел Российской Федерации: Указ Президента РФ от 11.07.2004 № 865 // Собрание законодательства РФ. 12.07.2004. № 28. Ст. 2880.

⁷ О дополнительных мерах по обеспечению правопорядка: Указ Президента РФ от 11.12.2010 № 1535: (в ред. от 26.06.2013 № 581) // Собрание законодательства РФ. 13.12.2010. № 50. Ст. 6656.

⁸ По делу о проверке конституционности Закона Республики Ингушетия «Об утверждении Соглашения об установлении границы между Республикой Ингушетия и Чеченской Республикой» и Соглашения об установлении границы между Республикой Ингушетия и Чеченской Республикой в связи с запросом Главы Республики Ингушетия: Постановление Конституционного Суда РФ от 06.12.2018 № 44-П // Собрание законодательства РФ. 17.12.2018. № 51. Ст. 8095.

⁹ Об утверждении Соглашения об описании местоположения границ между Пермским краем и Удмуртской Республикой: Закон Пермского края от 29.11.2018 № 316-ПК; Об утверждении заключения Соглашения об описании местоположения границы между Удмуртской Республикой и Пермским краем: Закон Удмуртской Республики от 10.12.2018 г. № 77-ПЗ. URL: <http://www.consultant.ru/document/cons/> (дата обращения: 16.12.2019).

¹⁰ О подписании Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом: Распоряжение Президента РФ от 07.06.2001. № 312-рп // Собрание законодательства РФ. 11.06.2001. № 24. Ст. 2446.

Список литературы

Балаева Д.Р. К вопросу о субъектах обеспечения региональной безопасности в Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 3. С. 214–217.

Коньшев В.Н. Безопасность личности – новый поворот в понимании политики безопасности // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. № 40 (277). С. 43–54.

Медведев Д.А. 25 лет Конституции: баланс между свободой и ответственностью // Закон. 2018. № 12. С. 8–16.

Официальный сайт городского округа Дегтярск. URL: <http://www.degtyarsk.ru/> (дата обращения: 16.12.2019).

Официальный сайт городского округа Староуткинск. URL: <http://староуткинск.рф/> (дата обращения: 16.12.2019).

Региональное финансовое право: монография / Н.М. Артемов, А.В. Богданова, Н.В. Васильева и др.; отв. ред. И.Б. Лагутин. М.: Юстицинформ, 2017. 316 с.

Тхабисимова Л.А. О некоторых аспектах развития судебного федерализма и региональной политики в Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 6. С. 42–46.

Худолей К.М., Худолей Д.М. О неприкосновенности и неделимости территории субъекта Российской Федерации // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2019. № 2. URL: <http://electronic.ruzh.org/?q=ru/node/1448/> (дата обращения: 16.12.2019).

Цалиев А.М. Конституционно-правовые основы и проблемы региональной политики (на примере республик Северного Кавказа) // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 8. С. 26–30.

Цветкова О.В. Территориальные конфликты и споры в политическом пространстве Российской Федерации: внутривосточное измерение // Конфликтология. 2016. № 4. С. 117–134.

Rhamey Jr. J.P., Volgy T.J. Regional Politics and Powers: Hierarchy and Comparative Regional Analysis in International Relations // Oxford University Press. 2017. URL: <http://oxfordre.com/politics/view/10.1093/acrefore/9780190228637.001.0001/acrefore-9780190228637-e-609/>. DOI: 10.1093/acrefore/9780190228637.013.609 (access date: 16.12.2019).

References

Balaeva D.R. *K voprosy o sub'ektah obespechenia regional'noi bezopasnostiv Rossiiskoi Federacii* [On the subjects of regional security in the Russian Federation]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of internal affairs of Russia], 2017, № 3, pp. 214–217. (In Russ.)

Konyshchev V.N. *Bezopasnost' lichnosti – novyi povorot v ponimani ipolitiki bezopasnosti* [Security of the person – a new twist in understanding the security police]. *Nacional'nye interesy: priority i bezopasnost'* [National interests: priorities and security], 2014, № 40 (277), pp. 43–54. (In Russ.)

Medvedev D.A. *25 let Konstitutsii: balans mezhdu svobodoi i otvetstvennost'ju* [The 25th anniversary of the Constitution: balancing freedom and responsibility]. *Zakon* [Law], 2018, № 12, pp. 8–16. (In Russ.)

Oficial'nyi sait gorodskogo okruga Degtyarsk [Official site of the city district Degtyarsk]. URL: <http://www.degtyarsk.ru/> (access date: 16.12.2019). (In Russ.)

Oficial'nyi sait gorodskogo okruga Staroutkinsk [Official site of the city district Staroutkinsk]. URL: <http://староуткинск.рф/> (access date: 16.12.2019). (In Russ.)

Regional'noe finansovoe pravo: monografia [Regional financial law: monograph], N.M. Artemov,

A.V. Bogdanova, N.V. Vasilyeva and etc.; ed. by I.B. Lagutin. Moscow, Yustitsinform Publ., 2017, 316 p. (In Russ.)

Tkhabisimova L.A. *O nekotoryh aspektah razvitiya sydebnogo federalizma i regional'noi politiki v Rossiiskoi Federacii* [On some aspects of evolution of judicial federalism and regional politics in the Russian Federation]. *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo* [Constitutional and municipal law], 2014, № 6, pp. 42–46. (In Russ.)

Hudoley K.M., Hudoley D.M. *Oneprikosnovennostii nedelimosti territorii sub'ekta Rossiiskoi Federacii* [On the non-recognition and indivisibility of the territory of the subject of the Russian Federation]. *Elektronnoe prilozhenie k "Rossiiskomu juridicheskomu zhurnalu"* [Electronics supplement to "Russian legal journal"],

2019, № 2. URL: <http://electronic.ruzh.org/?q=ru/node/1448/> (access date: 16.12.2019). (In Russ.)

Tsaliev A.M. *Konstitucionno-pravovye osnovy i problemy regional'noi politiki (na primere respublik Severnogo Kavkaza)* [Constitutional and legal bases and problems of regional policy (on the example of the North Caucasus)]. *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo* [Constitutional and municipal law], 2018, № 8, pp. 26–30. (In Russ.)

Tsvetkova O.V. *Territorial'nye konflikty i spory v politicheskom prostranstve Rossiiskoi Federacii: vnutristranovoe izmerenie* [Territorial conflicts and disputes in the political space of the Russian Federation: internal dimension]. *Konfliktologiya* [Conflictology], 2016, № 4, pp. 117–134. (In Russ.)

**РЕЕСТР КОНЕЧНЫХ БЕНЕФИЦИАРОВ КАК ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ
ОТСЛЕЖИВАНИЯ РЕАЛЬНОГО ВЛАДЕЛЬЦА КОМПАНИИ.
ОПЫТ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ**

В 2015 году в рамках Европейского союза была принята Четвертая директива Европейского союза 2015/849 от 20 мая 2015 года «О предотвращении использования финансовой системы в целях отмывания денежных средств и финансирования терроризма», которая своим действием внесла важнейшее нововведение – внедрение публичного реестра бенефициарных собственников европейских компаний и иных структур. В данной статье рассмотрена реакция отдельных стран на основные предложения и комментарии Директивы, которая отражается во внесении изменений в действующую правовую систему. Отдельное внимание уделено оффшорным зонам, которые пытаются найти компромисс между комментариями Европейского союза, пропагандирующими прозрачность бизнеса, и принципом анонимности, который является основной привилегией оффшорных территорий и который привлекает своим действием немалый поток предпринимателей и их инвестиции. Помимо этого, в статье затронута проблема противоречия российского законодательства, регламентирующего порядок ведения реестра бенефициарных владельцев и предоставления информации, содержащейся в нем. В статье сформулирован основной вывод относительно реестра бенефициаров как о новой современной тенденции международного налогового планирования, которую впредь необходимо учитывать при создании структуры иностранных компаний, а также при выборе юрисдикции, в которой планируется осуществление предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: бенефициарный владелец, конфиденциальность, автоматический обмен, оффшорные юрисдикции, законный интерес, реестр бенефициаров.

Информация об авторе: Зыкова Ольга Андреевна, ORCID: 0000-0002-8980-2119, соискатель ученой степени кандидата юридических наук, ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет», г. Новосибирск, Россия.

E-mail: bubenova90@mail.ru.

Дата поступления статьи: 05.12.2019.

Для цитирования: Зыкова О.А. Реестр конечных бенефициаров как правовой механизм отслеживания реального владельца компании. Опыт в России и за рубежом // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 1. С. 178-183. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-1-178-183.

Olga A. Zykova
Novosibirsk state University

**REGISTER OF ULTIMATE BENEFICIARIES AS A LEGAL MECHANISM
FOR TRACKING THE REAL OWNER OF THE COMPANY.
EXPERIENCE IN RUSSIA AND ABROAD**

In 2015, the European Union adopted the Fourth European Union Directive 2015/849 of the 20th of May, 2015 «on the prevention of the use of the financial system for the purpose of money laundering and terrorist financing», which introduced the most important innovation – the introduction of a public register of beneficial owners of European companies and other structures. This article examines the reaction of individual countries to the main proposals and comments of the Directive, which is reflected in the amendments to the current legal system. Special attention is paid to offshore zones, which are trying to find a compromise between the comments of the European Union, promoting business transparency, and the principle of anonymity, which is the main privilege of offshore territories and which attracts a considerable flow of entrepreneurs and their investments. In addition, the article deals with the problem of contradiction of the Russian legislation regulating the procedure for maintaining the register of beneficial owners and providing information contained therein. The article formulates the main conclusion regarding the register of beneficiaries as a new modern trend of international tax planning, which should be taken into account in the future when creating the structure of foreign companies, as well as when choosing the jurisdiction in which business activities are planned.

Keywords: beneficial owner, confidentiality, automatic exchange, offshore jurisdictions, legal interest, register of beneficiaries.

Information about the author: Olga A. Zykova, ORCID: 0000-0002-8980-2119, competitor of a scientific degree of candidate of legal Sciences, Novosibirsk national research state University, Novosibirsk, Russia.

E-mail: bubenova90@mail.ru

Article received: December 5, 2019.

For citation: Zykova O.A. Register of ultimate beneficiaries as a legal mechanism for tracking the real owner of the company. Experience in Russia and abroad. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 1, pp. 178-183 (In Russ.). DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-1-178-183.

Н а сегодняшний день такие термины, как «прозрачность» и «подотчетность» достаточно популярны при рассмотрении и обсуждении вопросов, затрагивающих

международное налоговое планирование, а также касающихся функционирования коммерческих компаний, зарегистрированных в оффшорных юрисдикциях. В процессе борьбы с отмыванием

денег, финансированием терроризма и уклонением от уплаты налогов государственные органы различных стран придерживаются принципа, направленного на увеличение степени прозрачности деятельности коммерческих компаний, реализующих предпринимательскую деятельность на международном уровне. В частности, одной из первых проблем за последние годы стала актуальность и острая необходимость в повышении уровня общедоступности информации относительно бенефициарных владельцев юридических лиц. Ряд стран уже со своей стороны совершили первые шаги по формированию и ведению реестров бенефициарных владельцев, другие же действуют над их первоначальной организацией, а третьи только начинают задумываться об этом. Данная статья посвящена рассмотрению реальной международной обстановки в вопросе создания, функционирования, ведения реестров бенефициаров, а также в вопросе публичности и открытости непосредственно самой информации в различных странах [Канашевский: 81–82].

Изначально стоит определиться с правовыми основами понятия «реестр бенефициаров». Более детальное и расширенное рассмотрение вышеуказанного вопроса было реализовано в связи с принятием так называемой Четвертой директивы Европейского союза 2015/849 от 20 мая 2015 года «О предотвращении использования финансовой системы в целях отмывания денежных средств и финансирования терроризма»¹. Согласно ст. 3 п. 6 Директивы под бенефициарным владельцем понимается физическое лицо, в конечном счете владеющее юридическим лицом или контролирующее его путем прямого или косвенного владения через достаточную долю акций, прав голоса или долей участия в таком юридическом лице, в том числе через акции на предъявителя, либо через контроль иными средствами. Стоит обратить внимание, что в данном случае «прямое владение» подразумевает обладание физическим лицом акциями в объеме 25 % плюс одна акция или долей участия в компании более 25 %. «Косвенное владение» же обозначает ситуацию, когда 25 % акций плюс одна акция, либо долей участия более 25 % в юридическом лице-клиенте владеет другое юридическое лицо (или несколько юридических лиц), в свою очередь находящиеся под руководством с соответствующим контролем физического лица [Болвачев, Екимова, Чуйкова: 198].

Помимо того, что данная Директива ориентирована на ужесточение уже функционирующих правил и норм, направленных на противодействие отмыванию денег и финансированию терроризма, она также своим действием восполняет выявленные пробелы в законодательстве стран-членов Европейского союза, а именно включает в себя нововведение в части создания централизованной

базы данных (реестра). Именно последний вопрос был рассмотрен, внимательно изучен и проанализирован в процессе обсуждения внесения изменений в Четвертую директиву Европейского союза 2015/849 от 20 мая 2015 года. Редакция данного правового акта кроется именно в организации доступа к реестрам бенефициарных владельцев юридических лиц и структур. 19 декабря 2016 года был опубликован проект изменений в Четвертую антиотмывочную директиву Европейского союза, который включал в себя положения относительно прямой обязанности за странами-членами Европейского союза по обеспечению доступа к информации, содержащейся в реестрах бенефициарных владельцев [Федоров: 457–463].

При обсуждении вопроса о публичности информации несомненно стоит учитывать баланс общественным интересом в борьбе с отмыванием денежных средств и финансированием терроризма и защитой прав лиц на частную жизнь и защиту персональных данных. Именно данный принцип служит некой тормозной системой в введении общедоступности и открытости данных, содержащихся в реестре бенефициаров. Ниже будут рассмотрены различные варианты решения вопроса относительно доступа к информации о бенефициарах в отдельных странах [Цветков: 148].

Изначально стоит обратить внимание на Великобританию, поскольку именно она стала одним из первых европейских государств, которая в 2014 году выдвинула идею формирования единого реестра бенефициарных владельцев еще до принятия общеевропейской Директивы. Чуть позже в Великобритании был утвержден Закон «О малом бизнесе и занятости» 26 марта 2015 года (Small Business, Enterprise and Employment Act 2015), который своим действием внес существенные изменения в прозрачность корпоративной структуры путем введения нормы относительно обязательного формирования реестра «лиц, осуществляющих существенный контроль»². При этом отличительной чертой является принцип свободного доступа к информации, содержащейся в реестре. Правительство мотивирует свою позицию тем, что подобный вид реестра позволит корпоративную структуру вывести на уровень «саморегуляции», что в конечном итоге приведет к улучшению репутации Великобритании как бесппроблемной и надежной страны для ведения бизнеса и внедрения инвестиций. Оплата за получение сведений согласно местному законодательству не взимается, помимо этого предварительная регистрация запрашивающего лица также не требуется и обоснование законного интереса не является нужным и необходимым. Безусловно, стоит говорить о максимальной прозрачности подобной модели, что в итоге помимо всех положительных черт создает и негативные последствия, к коим стоит отнести наибольшие риски

для самого бенефициара, поскольку разглашение личной информации ведет порой к злоупотреблению персональными данными со стороны третьих лиц, которое может выражаться в виде угрозы для жизни и здоровья бенефициаров [Фурсов, Правосудов: 278–289].

Помимо Великобритании стоит в качестве примера рассмотреть правила ведения реестра бенефициаров в Италии. С 2015 года в рамках рассматриваемого государства начал функционировать комитет, задача которого заключается в разработке рекомендаций по имплементации Четвертой директивы Европейского союза. Основные принципы и положения Четвертой директивы Европейского союза нашли свое отражение в законодательстве Италии путем принятия и утверждения Законодательного декрета № 90/2017 от 04 июля 2017 г. (Decreto Legislativo n. 90/2017)³. Данный законодательный акт устанавливает, что все без исключения юридические лица несут обязанность направлять информацию относительно своих бенефициарных владельцев в Торговый реестр Италии. Что касается вопроса общедоступности данных, то в случае с Италией подобное сообщение о «выгодоприобретателях» доступно для ограниченного числа лиц [Елин, Иванова: 125–135]. А именно, это установленные законом государственные органы, а также частные лица, которые должны со своей стороны обосновать причину обращения за информацией. Таковыми причинами могут выступать необходимость сведений для организации защиты своих прав и законных интересов в рамках судебного процесса и наличие конкретных и документально подтвержденных причин сомневаться в том, что юридический собственник совпадает с фактическим. При этом в отличие от регламента Великобритании законодательство Италии обязывает внести оплату за предоставление информации [Шамраева: 179–183].

Что касается Германии, то законодательством данной страны, а именно Законом о борьбе с отмыванием денег (Gesetz über das Aufspüren von Gewinnen aus schweren Straftaten) от 23 июня 2017 года, предусмотрена обязанность за сектором бизнеса передавать информацию о бенефициарном владельце в электронный единый национальный реестр⁴. При этом доступ к немецкому реестру так же, как и в Италии, разрешен исключительно для отдельных, определенных законом лиц. Такими лицами выступают государственные органы, а также отдельные лица, которые изначально должны обосновать свой законный интерес в ознакомлении с содержащимися в реестре сведениями. Отличительным моментом в законодательстве рассматриваемой страны является возможность получения информации из реестра у профессиональных журналистов или представителей некоммерческих организаций, которые на профессиональном уровне

затрагивают вопросы борьбы с отмыванием денег или с коррупцией [Ryder, Turksen, Tucker: 89–93].

На основании представленных выше примеров можно сделать вывод, что большинство европейских юрисдикций отражают взгляды, цели и задачи Четвертой директивы ЕС в своем национальном законодательстве. Именно поэтому любопытно рассмотреть примеры правового регулирования ведения реестра бенефициаров в оффшорных зонах, отличающихся принципом анонимности, который в свою очередь является порой решающим фактором при выборе юрисдикции будущей компании.

Так, например, на территории Британских Виргинских островов (далее – БВО) 30 июня 2017 года был принят закон «О системе защищенного поиска информации о бенефициарном владении» (Beneficial Ownership Secure Search System Act), который устанавливает закрытость реестра бенефициаров на БВО⁵. Доступ к нему имеют лишь компетентные органы, занимающиеся финансовыми и налоговыми вопросами. Именно этот момент дает возможность сделать вывод о непубличности реестра бенефициаров в рамках БВО. Схожим образом построена система доступа к информации в реестре бенефициаров еще в одной оффшорной юрисдикции – о. Гернси. Соответствующий закон «О бенефициарном владении юридических лиц» от 15 августа 2017 г.⁶ устанавливает, что сведения, находящиеся в реестре, не являются публичными, таким образом, данная оффшорная зона придерживается основной позиции своего статуса – принципа конфиденциальности. Информация, содержащаяся в реестре, может быть доступна исключительно для правоохранительных и налоговых органов Гернси, а также для соответствующих компетентных иностранных органов [Boister: 303–307].

Чуть иного мнения в данном вопросе придерживается оффшорное государство – Белиз. Например, 21 июля 2017 года были приняты поправки в закон «О международных коммерческих компаниях» от 1 мая 1990 года, которые обязывают зарегистрированные в рамках рассматриваемой страны фирмы создавать, поддерживать реестр директоров и бенефициарных владельцев⁷. Причем данная обязанность закреплена за директором компании. Стоит обратить внимание на условие предоставления информации, содержащейся в реестре. Это лишь запрос со стороны компетентных органов. Ни централизованная база данных, ни публичный доступ к реестру не предусмотрены [Dhillon, Langan: 48–53].

Таким образом, можно сделать вывод, что оффшорные юрисдикции, несмотря на придерживаемые принципы анонимности, стараются каким-либо способом идти на определенный политический компромисс, который выражается следующим образом. С одной стороны, влияние мирового сообщества приводит к тому, что оффшоры

вынуждены руководствоваться международными правилами в сфере налогообложения и даже в небольшой степени снабжать информацией о бенефициарных владельцах в системе прозрачности. С обратной стороны, создание оффшорных компаний влечет за собой существенный денежный вклад в раскручивание экономики этих территорий, а так как обеспечение конфиденциальности является ключевым преимуществом оффшорных зон, они не желают отказываться от него.

Затронув международное законодательство, трактующее понятие бенефициарный владелец, регулирующее порядок ведения реестра, стоит обратить внимание также на российское законодательство, которое, во-первых, статьей 3 Федерального закона от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма» идентично определяет, что бенефициарным владельцем признается «физическое лицо, которое в конечном счете прямо или косвенно (через третьих лиц) владеет (имеет преобладающее участие более 25 процентов в капитале) клиентом – юридическим лицом либо имеет возможность контролировать действия клиента»⁸. Во-вторых, 21 декабря 2016 года в России вступил в силу Федеральный закон от 23.06.2016 года № 215-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», который установил в ст. 6.1 обязанность за юридическими лицами располагать (запрашивать), обновлять и хранить информацию о своих бенефициарных владельцах, а также представлять уполномоченным органам данную информацию по их запросу⁹. Примечательно, что требований относительно автоматической передачи информации в государственные органы нет. При этом согласно данному нормативному акту информация о бенефициарных владельцах относится к конфиденциальной информации и не подлежит публичному открытому доступу [Лаптев: 25].

Однако стоит обратить внимание на некое правовое разногласие, которое выражается в Федеральном законе от 30.03.2015 г. № 67-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части обеспечения достоверности сведений, представляемых при государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей»¹⁰, который в свою очередь корректирует Федеральный закон от 08.08.2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей». Данные изменения затронули порядок предоставления содержащихся в государственных реестрах сведений о конкретном юридическом лице или конкретном индивидуальном предпринимателе. После принятия Федерального

закона от 30.03.2015 г. № 67-ФЗ информация об определенном отдельном лице из сектора бизнеса стала бесплатна, общедоступна для неограниченного числа лиц. Помимо этого, данные можно запросить посредством интернет – ресурса без идентификации заявителя. Безусловно, нельзя отождествлять понятия учредитель и бенефициар, поскольку далеко не всегда учредитель отвечает всем характеристикам бенефициара. В случае, когда физическое лицо владеет долей уставного капитала в размере 25 %, его можно приравнять к числу бенефициаров. И уже в данной ситуации сведения, хранящиеся в Едином государственном реестре юридических лиц, будет носить информационный характер относительно бенефициара, а не учредителя, что противоречит принципу Федерального закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 07.08.2001 № 115-ФЗ [Чистякова: 18–25].

Из всего вышеизложенного стоит сделать вывод о том, что тенденции последних лет указывают и подтверждают желание сферы предпринимательской деятельности становиться всё более информационно прозрачной и открытой. Первой широко использовать и пропагандировать открытый без ограничения доступ к информации о бенефициарах стала Англия. Далее стоит выделить такие страны, как Нидерланды, Италия, Германия, которые своим законодательством устанавливают обязанность ведения реестра бенефициаров, информация о которых доступна для ограниченного числа лиц. Такие законодательные изменения построены на рекомендациях FATF и Четвертой директивы Европейского союза.

Законодательство Российской Федерации также не обошло стороной проблему борьбы с отмыванием денег, финансированием терроризма и уклонением от уплаты налогов. В соответствии с национальным правом юридические лица также обязаны хранить информацию относительно бенефициаров в течение пяти лет и предоставлять вышеуказанные данные в государственные органы по запросу. Безусловно, подобные международные и внутренние национальные правовые изменения приводят к ряду опасений бенефициаров, не желающих видеть свое имя в публичных реестрах, доступных каждому заинтересованному лицу. Именно поэтому на сегодняшний день бенефициарам в России дана возможность сделать выбор относительно дальнейшей структуры владения активами. Четвертый этап амнистии капиталов, действующий в России до 1 марта 2019 года, а также возможность проведения «безналоговой» ликвидации контролируемых иностранных компаний дают возможность для российских предпринимателей провести репатриацию капитала без привлечения дополнительных расходов, а главное, без привлечения к уго-

ловной ответственности. Пока достаточно трудно судить, в какой мере данные законодательные изменения, рассмотренные в статье, подействуют на бизнес в глобальном масштабе, но собственникам бизнеса – выгодоприобретателям, безусловно, не стоит надеяться на сохранение конфиденциальности при использовании иностранных компаний.

Примечания

¹ Четвертая директива Европейского союза 2015/849 от 20 мая 2015 года «О предотвращении использования финансовой системы в целях отмывания денежных средств и финансирования терроризма». URL: [https://www.cbr.ru/StaticHtml/File/36873/Directive%20\(rus\)%202015_849.pdf](https://www.cbr.ru/StaticHtml/File/36873/Directive%20(rus)%202015_849.pdf) (дата обращения: 10.11.2019).

² Закон Великобритании «О малом бизнесе и занятости» 26 марта 2015 года (Small Business, Enterprise and Employment Act 2015). URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2015/26/introduction/enacted> (дата обращения: 10.11.2019).

³ Законодательный декрет Италии № 90/2017 от 04 июля 2017 г. (Decreto Legislativo n. 90/2017). URL: <http://studiodamonte.it/sites/default/files/D.lgs%20n.%2090-2017.pdf> (дата обращения: 10.11.2019).

⁴ Закон Германии о борьбе с отмыванием денег (Gesetz über das Aufspüren von Gewinnen aus schweren Straftaten) от 23 июня 2017 года. URL: https://www.bundesfinanzministerium.de/Content/DE/Downloads/Gesetze/2017-06-24-G-z-Umsetzung-Vierte-Geldwaescherichtlinie.pdf?__blob=publicationFile&v=8 (дата обращения: 10.11.2019).

⁵ Закон БВО 30 июня 2017 года «О системе защищенного поиска информации о бенефициарном владении». URL: https://www.vistra.com/sites/default/files/no_15_of_2017-beneficial_ownership_secure_search_system_act_2017_0.pdf (дата обращения: 10.11.2019).

⁶ Закон о. Гернси «О бенефициарном владении юридических лиц» от 15 августа 2017 г. URL: <http://www.guernseylegalresources.gg/CHttpHandler.ashx?id=109063&p=0> (дата обращения: 10.11.2019).

⁷ О международных коммерческих компаниях: Закон Белиза от 01 мая 1990 года: (с изм. и доп. от 2000 года) // КонсультантПлюс: справ. правовая система. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=57791#07072856152017055> (дата обращения: 03.12.2019).

⁸ О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма: Федер. закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ // Собрание Законодательства РФ. 2001. № 33 (часть 1). Ст. 3418.

⁹ О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыва-

нию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: Федер. закон от 23.06.2016 года № 215-ФЗ // Собрание Законодательства РФ. 2016. № 26 (часть 1). Ст. 3884.

¹⁰ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части обеспечения достоверности сведений, представляемых при государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей: федер. закон от 30.03.2015 г. № 67-ФЗ // Собрание Законодательства РФ. 2015. № 13. Ст. 1811.

Список литературы

Болвачев А.А., Екимова К.В., Чуикова Н.М. Раскрытие информации о бенефициарных владельцах, как инструмент повышения уровня прозрачности компании в целях борьбы с легализацией доходов // Экономика и предпринимательство. 2015. № 3. С. 194–199.

Елин С., Иванова В. Арсенал должника и выскателю, или как выйти из долгового кризиса и выстроить эффективную работу с задолженностями. М.: Альпина Паблишер, 2018, 368 с.

Канашиевский В.А. О раскрытии информации о бенефициарах офшорных компании и трастов: текущее состояние и перспективы // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 2. С. 81–86.

Лантев В.А. К вопросу о понятии «корпорация» в российском праве // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2016. № 1. С. 23–26

Федоров А.Ю. Правовая охрана корпоративных отношений: актуальные проблемы, противодействие современным криминальным угрозам, зарубежный опыт: учеб.-практ. пособие. М.: Юстицинформ, 2012. 816 с.

Фурсов А., Правосудов С. Хозяева и бенефициары глобального хаоса. Как победить в битве за будущее. М.: Книжный мир, 2016. 410 с.

Цветков В.А. Корпоративный бизнес: теория и практика. СПб.: Нестор-История, 2011. 504 с.

Чистякова Л. Обзор разъяснений Минфина России и ФНС России за февраль – март 2016 г. // Налоговый вестник. 2016. № 4. С. 16–25.

Шамраев А.В. Международное и зарубежное финансовое регулирование: институты, сделки, инфраструктура: монография. М.: КНОРУС: ЦИПСИР, 2018. 640 с.

Boister Neil. An Introduction to Transnational Criminal Law. Oxford University Press, 2018, 512 p.

Dhillon Bob, Langan Fred. Business and Retirement Guide to Belize: The Last Virgin Paradise. Dundurn, 2018, 232 p.

Ryder Nicholas, Turksen Umut, Tucker Jon. The Financial Crisis and White Collar Crime – Legislative and Policy Responses: A Critical Assessment. The Law of Financial Crime. Routledge, 2017, 362 p.

References

- Bolvachev A.A., Ekimova K.V., Chuikova N.M. *Raskrytie informatsii o benefitsiarnykh vladel'tsakh, kak instrument povysheniia urovnia prozrachnosti kompanii v tseliakh bor'by s legalizatsiei dokhodov* [Disclosure of beneficial owners as a tool to increase transparency of companies in order to combat legalization of income]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo*, 2015, № 3, pp. 194–199. (In Russ.)
- Elin S., Ivanova V. *Arsenal dolzhnika i vzyaskatelia, ili kak vyiti iz dolgovogo krizisa i vystroit' effektivnuu rabotu s zadolzhennostiami* [Arsenal of the debtor and the claimant, or how to get out of the debt crisis and build an effective work with debts]. Al'pina Publisher Publ., 2018, 368 p. (In Russ.)
- Kanashevskii V.A. O raskrytii informatsii o benefitsiarkh ofshornykh kompanii i trastov: tekushchee sostoianie i perspektivy [On disclosure of information on beneficiaries of offshore companies and trusts: current status and prospects]. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniia*, 2018, № 2, pp. 81–86. (In Russ.)
- Laptev V.A. *K voprosu o poniatii «korporatsiia» v rossiiskom prave* [On the concept of «Corporation» in Russian law]. *Zhurnal predprinimatel'skogo i korporativnogo prava*, 2016, № 1. (In Russ.)
- Fedorov A. Iu. *Pravovaia okhrana korporativnykh otnoshenii: aktual'nye problemy, protivodeistvie sovremennym kriminal'nym ugrozam, zarubezhnyi opyt: uchebno-prakticheskoe posobie* [Legal protection of corporate relations: actual problems, counteraction to modern criminal threats, foreign experience: educational and practical manual. Scientific and practical guide]. Moscow, Iustitsinform Publ., 2012, 816 p. (In Russ.)
- Fursov A., Pravosudov S. *Khoziaeva i benefitsiary global'nogo khaosa. Kak pobedit' v bitve za budushchee* [Masters and beneficiaries of global chaos. How to win the battle for the future]. Moscow, Knizhnyi mir Publ., 2016, 410 p. (In Russ.)
- Tsvetkov V.A. *Korporativnyi biznes: teoriia i praktika* [Corporate business: theory and practice]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2011, 504 p. (In Russ.)
- Chistiakova L. *Obzor raz'iasnenii Minfina Rossii i FNS Rossii za fevral' – mart 2016 g.* [Review of explanations of the Ministry of Finance of Russia and the Federal tax service of Russia for February – March 2016]. *Nalogovyi vestnik*, 2016, № 4, pp. 16–25. (In Russ.)
- Shamraev A.V. *Mezhdunarodnoe i zarubezhnoe finansovoe regulirovanie: instituty, sdelki, infrastruktura: monografiia* [International and foreign financial regulation: institutions, transactions, infrastructure: monograph]. Moscow, KNORUS: TsIPSiR Publ., 2018, 640 p. (In Russ.)

Чекулаев Сергей Сергеевич
Дальневосточный федеральный университет
Гордеев Кирилл Владимирович
Дальневосточный федеральный университет
Леонов Михаил Романович
Дальневосточный федеральный университет

К ВОПРОСУ ОБ АЛИМЕНТНЫХ ФОНДАХ КАК СПОСОБЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДЕТЕЙ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

В статье поднимается проблема обеспечения несовершеннолетних детей при неисполнении родителями алиментных обязательств в Российской Федерации. В качестве ее решения авторами предлагается создать институт алиментного фонда. В статье анализируется и раскрывается сущность настоящего института на основе опыта Советской России и зарубежных стран: Испании, Швеции, Эстонии и иных государств – через следующие аспекты: размеры государственной поддержки несовершеннолетних детей, порядок оказания помощи, а также порядок возмещения затраченных денежных средств государством, источники финансирования фондов. Авторы упоминают о существовании схожего института в Союзе ССР (институт временных пособий на несовершеннолетних детей). В статье сделан вывод о том, что путем создания института алиментного фонда в Российской Федерации является сравнительно-правовой анализ зарубежных институтов, общественное обсуждение, экспертная и законодательная работа на основе изученного опыта. Также анализируется возможность одновременного существования государственных и частных форм алиментных фондов в Российской Федерации. Авторами предлагается принятие ФЗ «Об алиментных фондах в Российской Федерации», который будет олицетворять решение существующей проблемы, выступить основой правового регулирования деятельности данных фондов.

Ключевые слова: несовершеннолетние дети, родители, алиментные обязательства, алиментный фонд, неуплата алиментов, обеспечение детей, возмещение затрат государства.

Информация об авторах:

Чекулаев Сергей Сергеевич, ассистент кафедры гражданского права и процесса Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

E-mail: chekulaev_ss@dvfu.ru.

Гордеев Кирилл Владимирович, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия.

E-mail: gordeev.kv@students.dvfu.ru.

Леонов Михаил Романович, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия.

E-mail: leonov.mr@students.dvfu.ru.

Дата поступления статьи: 25.12.2019.

Для цитирования: Чекулаев С.С., Гордеев К.В., Леонов М.Р. К вопросу об алиментных фондах как способе обеспечения детей: зарубежный опыт // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 1. С. 184-189. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-1-184-189.

Sergey S. Chekulayev
Far Eastern Federal University
Kirill V. Gordeyev
Far Eastern Federal University
Mikhail R. Leonov
Far Eastern Federal University

THE ISSUE OF ALIMONY FUNDS AS A WAY OF PROVIDING FOR CHILDREN: FOREIGN EXPERIENCE

The article raises the issue of the provision of minor children in the event of parents' failure to meet their alimony obligations in the Russian Federation. As its solution, the authors propose to create an institute of alimony fund. The article analyses and reveals the essence of this institution on the basis of the experience of Soviet Russia and foreign countries – Spain, Sweden, Estonia and other countries – through the following aspects: the size of state support for underage children, the procedure for providing assistance, as well as the procedure for reimbursement of funds spent by the state, the sources of funding funds. The authors mention the existence of a similar institution to the Union of Soviet Socialist Republics (the institution of temporary allowances for underage children). The article concludes that by creating the institute of the alimony fund in the Russian Federation is a comparative legal analysis of foreign institutions, public discussion, expert and legislative work based on the studied experience. The possibility of simultaneous existence of state and private forms of alimony funds in the Russian Federation is also analyzed. The authors propose to adopt the Federal Law «On Alimony Funds in the Russian Federation», which will embody the solution of the existing problem and serve as a basis for legal regulation of these funds.

Keywords: minor children, parents, maintenance obligations, maintenance fund, non-payment of maintenance, provision of children, reimbursement of state expenses.

Information about the authors:

Sergey S. Chekulayev, Assistant of the department of civil law and the process of the School of Law of the Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

E-mail: chekulaev_ss@dvfu.ru.

Kirill V. Gordeyev, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

E-mail: gordeev.kv@students.dvfu.ru.

Mikhail R. Leonov, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

E-mail: leonov.mr@students.dvfu.ru.

Article received: December 25, 2019.

For citation: Chekulayev S.S., Gordeyev K.V., Leonov M.R. The issue of alimony funds as a way of providing for children: foreign experience. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 1, pp. 184-189 (In Russ.). DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-1-184-189.

Институт детства наравне с материнством и отцовством находится под защитой Российской Федерации, тем самым являясь важным аспектом социальной политики государства. Это подтверждается и международными обязательствами России. Так, в соответствии с ратифицированной Конвенцией о правах ребенка государства-участники признают право каждого ребенка на уровень жизни, необходимый для физического, умственного, духовного, нравственного и социального развития ребенка¹.

По результатам Обследования бюджетов домашних хозяйств на протяжении последних лет доля детей в возрасте до 16 лет в структуре бедного населения Российской Федерации увеличилась: если в 2007 году дети составляли пятую часть малоимущего населения (21 %), то в 2017 году их доля достигла 31,4 % [Семьи: 40]. Главной причиной наблюдаемой картины является падение уровня доходов населения, а значит, и доходов родителей. Но есть еще одна причина, которая представляет собой невыполнение родителями алиментных обязательств перед своими несовершеннолетними детьми. Хотя директор Федеральной службы судебных приставов Российской Федерации и отмечает в последние годы спад количества производств о взыскании алиментов (на 1 января 2016 года – 906 тыс., а на 1 января 2018 года – 845 тыс.), но этот уровень продолжает оставаться высоким [Красногородская]. Отчет деятельности ФССП РФ за 2018 год указывает на то, что 56 795 производств не были исполнены по причине розыска должников, чей долг составляет 19 141 129 рублей, а также 396 053 производств были не окончены по иным основаниям, сумма алиментов по которым составляет 57 662 421 рублей².

В Российской Федерации существуют различные правовые гарантии выполнения родителями алиментных обязательств. Конституция Российской Федерации провозглашает право и обязанность родителей заботиться о детях, Семейный кодекс Российской Федерации устанавливает определенный процент от доходов, который подлежит уплате детям в виде алиментов. Для злостных неплательщиков установлена гражданско-правовая (ст. 115 СК РФ – неустойка в размере одной десятой процента от суммы невыплаченных алиментов за каждый день просрочки), уголовная ответственность (ст. 157 УК РФ – злостное уклонение родителя от уплаты по решению суда средств на содержание несовершеннолетних детей, а равно

нетрудоспособных детей, достигших восемнадцатилетнего возраста), административная ответственность (ст. 5.35 КоАП РФ – неуплата средств на содержание детей). Также необходимо отметить, что ФЗ «Об исполнительном производстве» предусматривает такие меры в случае неуплаты алиментов, как ограничение на выезд должника из Российской Федерации (ст. 67), ограничение права на управление транспортным средством (ст. 67.1) и иные меры. Как показывает статистика, существующие гарантии и меры ответственности не останавливают нерадивых родителей не выполнять алиментные обязательства.

В 2017 году председатель комитета Государственной думы Российской Федерации Тамара Плетнева предложила воспользоваться зарубежным опытом и ввести институт алиментного фонда, хотя подобные предложения звучали и раньше [Волкова]. Необходимо отметить, что были сделаны конкретные шаги, а именно: в ГД ФС РФ был внесен проект № 489583-6 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты в части усиления гарантий прав ребенка на получение алиментов», авторами которого являются депутаты ГД ФС РФ С.М. Миронов и О.А. Нилов. Данный законопроект предусматривал выплату за счет средств бюджета субъекта РФ средств на содержания несовершеннолетних детей в период розыска родителей, уклоняющихся от уплаты алиментов. Но, к большому сожалению, закон не был принят. По мнению депутатов, создание в России алиментного фонда будет означать очередной этап реализации положения Конституции РФ о гарантии государства в воспитании детей, защите материнства и детства, семьи, а также повлечет увеличение уверенности прежде всего женщин-матерей, составляющих подавляющее большинство разведённых родителей, в завтрашнем дне и тем самым положительно повлияет на их решение иметь детей [Ржаницына: 256–257].

Прежде чем перейти к зарубежному опыту, необходимо отметить, что подобный институт существовал в СССР. Постановление Совета министров СССР от 25 января 1989 года № 67 «О мерах по улучшению материального положения несовершеннолетних детей, родители которых уклоняются от уплаты алиментов» предусматривало введение временных пособий на несовершеннолетних детей, родители которых, обязанные к уплате алиментов, разыскиваются органами внутренних дел по определению судов для выплаты алиментов³.

Размер пособия представлял собой 50 процентов минимальной заработной платы в месяц на каждого ребенка, при этом с разыскиваемых родителей взыскивалась компенсация государству, и данная компенсация приравнивалась к требованиям по алиментам. Полномочия по выплате пособий были возложены на органы по социальному обеспечению союзных республик.

Анализ зарубежного опыта показывает, что институт алиментного фонда не только существует, но и успешно используется во многих государствах мира. Так, алиментные фонды созданы в Испании, Швеции, Эстонии, Латвии, Израиле, США, Бахрейне и иных странах.

На основании проведенного анализа можно дать следующее определение понятию алиментный фонд: это государственный орган или государственное учреждение, в компетенцию которого входит содержание детей главным образом за счет государственного бюджета, вместо родителей, которые в установленных законом случаях не могут исполнять алиментные обязательства. Необходимо отметить, что в компетенцию такого фонда могут входить и иные полномочия. Так, например, в Великобритании и Израиле фонды осуществляют розыск злостных неплательщиков алиментов и взыскание задолженности по алиментным обязательствам [Маркова: 24–28].

Рассмотрим опыт зарубежных стран подробнее. В Швеции полномочия алиментного фонда осуществляет Агентство социального страхования (Försäkringskassan). Если у родителей отсутствуют средства для исполнения алиментных обязательств, а также в том случае, если родители не смогли достигнуть соглашения по алиментам, в этом случае государство обеспечивает содержание детей вместо родителя. Деятельность Агентства регулируется главой 18–19 Кодекса социального страхования Швеции⁴. Так, в соответствии с Кодексом правом на получение содержания от государства обладает:

- ребенок до 18 лет в случае, если родители не живут вместе и родитель, который обязан выплачивать алименты, проживает на территории Швеции;
- ребенок старше 18 лет в случае, если он не вступил в брак и проводит исследование, которое дает ему право на получение расширенного пособия на ребенка или пособия на учебу в соответствии с законодательством Швеции, при этом исследование должно быть продолжительностью более 8 недель.

Содержание от государства будет предоставлено только в том случае, если родитель не выплачивает алименты или не может гарантировать иным образом обеспечение содержания ребенку. Кодекс устанавливает, что родитель обязан возместить средства, которые были направлены на содержание его ребенка из государственного бюджета.

Кодекс социального страхования устанавливает размеры содержания, предоставляемого государством:

- 1 573 шведских крон в месяц, включая месяц, в котором ребенок достиг 11 лет (10 571 рублей);
- 1 723 шведских крон в месяц, начиная с месяца, в котором ребенок достиг 11 лет, до месяца, в котором ребенок достиг 15 лет (11 579 рублей);
- 2 073 шведских крон в месяц с месяца после 15-летия ребенка (13 932 рублей).

Необходимо отметить, что вышеперечисленные суммы выплачиваются по общему правилу. Также следует отметить, что в соответствии с Кодексом (глава 18, раздел 9, параграф 9) если родитель на протяжении 6 месяцев стабильно возмещает затраты, потраченные агентством на содержание его ребенка, то поддержка ребенка государством прекращается. Финансирование алиментной поддержки в Швеции осуществляется за счет средств из государственного бюджета, а также за счет специальных взносов муниципалитетов и частных лиц.

Можно привести данные статистики⁵. С 2010 года в Швеции наблюдается уверенное падение количества оказываемой государством алиментной поддержки. Так, если в 2010 году было зафиксировано 241 402 случая выплат содержания, то в 2018 году – уже 191 993 случая, что свидетельствует о падении количества детей, находящихся без обеспечения.

– В 2007 году в Испании Королевским указом № 1618/2007 был создан Фонд гарантий выплаты алиментов (Fondo de Garantía del Pago de Alimentos)⁶. Управление фондом осуществляется через Министерство экономики и финансов Испании. В соответствии с Указом фонд предназначен для того, чтобы гарантировать несовершеннолетним детям оплату алиментного обязательства, установленного в утвержденном в судебном порядке соглашении или в судебном решении. Финансирование фонда осуществляется за счет государственного бюджета, затраты из которого возмещаются родителем, который обязан исполнять алиментное обязательство, но не исполняет его. В соответствии с Указом правом на содержание от государства обладают:

- испанские несовершеннолетние граждане;
- несовершеннолетние граждане государств-членов Европейского союза, обладающими правом на получения алиментов, проживающие на законных основаниях в Испании на протяжении 5 лет (из которых 2 года – до даты подачи заявления на алиментную поддержку от государства), а также являющиеся членом семьи, чьи ресурсы и доходы не превышают суммы, получаемой на основании расчетов, которые осуществляются в порядке, установленном законодательством Испании.

Сумма выплат составляет 100 евро в месяц (7 075 рублей). При этом особенностью Испании является то, что временной границей оказания по-

мощи не является возраст достижения совершеннолетия. Максимальный срок помощи составляет всего восемнадцать месяцев.

В Эстонии в 2017 году были внесены поправки в закон «О семейных пособиях», которые устанавливают создание института алиментного фонда, а именно, вводится новый вид семейных пособий – «пособие на техническое обслуживание»⁷. Целью вышеуказанного пособия является обеспечение содержания ребенка, если обязанное лицо не выполняет алиментное обязательство во время судебного разбирательства или исполнительного производства. Закон устанавливает, что полномочиями по выплате пособий обладает Совет по социальному страхованию Эстонии, при этом пособия выплачиваются из государственного бюджета через Министерство социальных дел Эстонии.

Закон устанавливает право на получение данного пособия для следующих категорий:

- ребенок до 18 лет, родитель которого не выполняет алиментные обязательства;
- ребенок старше 18 лет, который получает основное, среднее или высшее образование или поступает в профессиональное образование, но не старше 21 года, и чьи родители не выполняют алиментные обязательства.

Особенностью эстонского института является выделение двух групп таких пособий: пособие на содержание во время судебного разбирательства и пособие на содержание во время исполнительного производства. Первое выплачивается, если должник не выполняет обязательство по содержанию в объеме, предусмотренном частью 1 статьи 101 Закона о семье Эстонии (ежемесячные алименты на одного ребенка не могут быть менее половины минимальной месячной ставки оплаты труда, установленной Правительством). Размер такого пособия на содержание одного ребенка в ходе судебного разбирательства составляет 100 евро за календарный месяц (7 075 рублей), при этом пособие выплачивается в течение 150 дней с даты принятия решения по предложению об оплате или решения об обеспечении иска.

Пособие на содержание во время исполнительного производства выплачивается на основании решения суда об уплате алиментов или решения административного органа, признанного равным решением суда. Размер такого пособия составляет до 100 евро за календарный месяц (7 075 рублей) и выплачивается исходя из суммы алиментов, выплачиваемой должником. При этом оно предоставляется, если прошло четыре месяца с момента открытия исполнительного производства и после этого возникла задолженность по алиментному обязательству.

Еще одной отличительной чертой Эстонии является наличие сложных процедур. Если в Швеции необходимо просто заявить о несостоятельно-

сти в Агентство, то в Эстонии все осуществляется в судебных процессах, с обязательными уведомлениями и прочим. Необходимо отметить, что для реализации Советом своих полномочий в государственном бюджете Эстонии предусмотрены в 2017 году дополнительные 7 200 000 евро (509 467 606 рублей)⁸.

Можно отметить общие черты вышеуказанных моделей алиментных фондов. Во-первых, их объединяет то, что это государственные структуры (органы или учреждения). Во-вторых, фонды финансируются из государственного бюджета, реже используются иные источники финансирования. В-третьих, деятельность фондов направлена на удовлетворение интересов несовершеннолетних детей.

Зарубежный опыт показывает нам, что институт алиментных фондов является эффективным средством для обеспечения интересов несовершеннолетних и предотвращения детской бедности, что является несомненным достоинством данного института. Конечно, в этом видится необходимость создания подобного фонда в Российской Федерации. Но не стоит забывать о трудностях, которые могут возникнуть в процессе создания и деятельности данного института.

В соответствии со статьей 72 Конституции Российской Федерации вопросы семьи, материнства и детства находятся в совместном ведении Федерации и ее субъектов. Могут возникнуть трудности, в какой плоскости необходимо организовывать настоящий фонд: в плоскости федерации (фонд и его филиалы в субъектах) или в плоскости субъектов. Отсюда возникает вопрос о финансировании. Так, если создать алиментные фонды в каждом субъекте, то финансовая нагрузка ложится целиком на «хрупкие плечи» субъектов Федерации, бюджеты, многих из которых являются дефицитными и дотационными. Если предусмотреть создание федерального алиментного фонда, то потребуются колоссальные денежные средства, но уже из федерального бюджета.

На наш взгляд, следует воспользоваться шведской моделью, которая предполагает наделение исследуемыми полномочиями специального фонда, которым в Российской Федерации является Федеральный фонд социального страхования. К его сфере деятельности относятся выплата пособия по уходу за ребенком, пособия при рождении ребенка и иных видов выплат. Зачем создавать что-то новое, когда есть работающий механизм. Настоящее решение вызовет определенные трудности, так как придется перестраивать систему финансирования фонда и изменять его правовую сущность, в том числе придется принимать новый ФЗ «Об обязательном социальном страховании», так как действующий ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессио-

нальных заболеваний» ориентирован на гарантии работников от несчастных случаев и заболеваний. Но данное решение не единственное.

Также необходимо задуматься о создании негосударственных алиментных фондов. Так, в Российской Федерации существует система обязательного и добровольного медицинского страхования. Можно воспользоваться аналогией и создать систему государственных и негосударственных алиментных фондов, различие между которыми могло бы состоять в следующем. Деятельность государственных фондов должна быть связана с гарантированными выплатами от государства в случаях, установленных законом. Деятельность негосударственных фондов может представлять собой страхование на случай, если плательщик алиментов не сможет выполнять свои обязательства перед своим несовершеннолетним ребенком. Первая модель характеризуется презумпцией «плательщика», в связи с чем государство будет требовать возвращения средств, после того как они были затрачены на пособие несовершеннолетнему ребенку. Вторая модель предполагает презумпцию «неплательщика».

На наш взгляд, итогом общественного обсуждения и работы законодателя по данному вопросу может стать ФЗ «Об алиментных фондах в Российской Федерации», в котором будет определена возможность существования государственных и негосударственных фондов, порядок создания таких фондов, финансирования и многие иные аспекты. Что же касается предложения о передаче таких полномочий Фонду социального страхования РФ (ФСС РФ), то это необходимо отразить в ФЗ «Об алиментных фондах в Российской Федерации», что потребует внесения соответствующих поправок в положение о ФСС РФ (Постановление Правительства РФ от 12.02.1994 № 101 «О Фонде социального страхования Российской Федерации»).

Создание алиментных фондов в Российской Федерации – вопрос открытый. Для его разрешения необходимо решение государства, а также одобрение общества, так как финансирование этого фонда ляжет на плечи налогоплательщиков.

Примечания

¹ Конвенция о правах ребенка: принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1989 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 05.12.2019).

² Ведомственная статистическая отчетность Федеральной службы судебных приставов Российской Федерации. URL: <http://fssprus.ru/statistics/> (дата обращения: 22.12.2019).

³ О мерах по улучшению материального положения несовершеннолетних детей, родители которых уклоняются от уплаты алиментов: постановление Совета Министров СССР от 25 января 1989 года

№ 67. URL: <http://docs.cntd.ru/document/9035217> (дата обращения: 06.12.2019 г.).

⁴ Кодекс социального страхования Швеции (№ 2010:110 от 04.03.2010 г.). URL: https://www.riksdagen.se/sv/dokument-lagar/dokument/svenskforfattningssamling/socialforsakringsbalk-2010110_sfs-2010-110 (дата обращения: 07.12.2019).

⁵ Статистика фонда социального страхования Швеции. URL: <https://www.forsakringskassan.se/statistik/barn-familj> (дата обращения: 08.12.2019).

⁶ Указ короля Испании № 1618/2007. URL: <https://www.boe.es/buscar/doc.php?id=BOE-A-2007-21500> (дата обращения: 07.12.2019).

⁷ Закон о семейных пособиях Эстонии (принят 15.06.2016 г.). URL: <https://www.riigiteataja.ee/en/eli/ee/Riigikogu/act/508112019002/consolide> (дата обращения: 07.12.2019).

⁸ С нового года в Эстонии начнет действовать Алиментный фонд // RUP: бухгалтерский и правовой портал. URL: <https://www.rup.ee/rus/novosti/novoe-v-zakonodatelstve/s-novogo-goda-v-estonii-nachnet-deistvovat-alimentnyi-fond> (дата обращения: 08.12.2019 г.).

Список литературы

Волкова О.В. В России может появиться алиментный фонд. URL: <https://www.pnp.ru/social/v-rossii-mozhet-poyavitsya-alimentnyy-fond.html> (дата обращения: 06.12.2019).

Красногородская А. Интервью директора ФССП России Д.В. Аристову газете «Известия». URL: <https://iz.ru/805965/aleksandra-krasnogorodskaja/glava-fssp-chislo-zhalob-na-kollektorov-vyroslo-natret> (дата обращения: 06.12.2019).

Маркова О.В. Алиментные обязательства в международном частном праве // Международное публичное и частное право. 2011. № 3. С. 24–28.

Ржаницына Л.С. Алименты в России: анализ проблем и стратегия в интересах детей: проект Института экономики РАН. М.: ИЭ РАН, 2012. 334 с.

Семьи с детьми в России: уровень жизни и политика социальной поддержки: доклад к XX апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества / С.С. Бирюкова, Е.А. Горина, А.Р. Горяйнова и др.; под ред. Л.Н. Овчаровой. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 2019. 153 с.

References

Volkova O.V. *Rossii mozhnet poiavit'sia alimentnyi fond* [Alimony fund may appear in Russia]. *Parlamentskaia gazeta* [Parliamentary newspaper]. URL: <https://www.pnp.ru/social/v-rossii-mozhet-poyavitsya-alimentnyy-fond.html> (access date: 06.12.2019). (In Russ.)

Krasnogorodskaja A. *Interv'iu direktora FSSP Rossii D.V. Aristova gazete «Izvestiia»* [Interview with D.V. Aristov, Director of the Federal Bailiff Service, Izvestia newspaper]. *Izvestiia* [Izvestia

newspaper]. URL: <https://iz.ru/805965/aleksandra-krasnogorodskaia/glava-fssp-chislo-zhalob-na-kollektorov-vyroslo-na-tret> (access date: 06.12.2019). (In Russ.)

Markova O.V. *Alimentnye obiazatel'stva v mezhdunarodnom chastnom prave* [Alimony obligations in private international law]. *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe parvo* [Public and private international law], 2011, № 3, pp. 24–28. (In Russ.)

Rzhanitsyna L.S. *Alimenty v Rossii: analiz problem i strategii v interesakh detei. Proekt Instituta ekonomiki* [Alimony in Russia: problem analysis

and strategy for children. Project of the Institute of Economics.]. Moscow, IE RAN Publ., 2012, p. 334. (In Russ.)

Sem'i s det'mi v Rossii: uroven' zhizni i politika sotsial'noi podderzhki: doklad k XX apr. mezhdunar. nauch. konf. po problemam razvitiia ekonomiki i obshchestva [Families with Children in Russia: Living Standards and Social Support Policy: Report to the XX April International Scientific Conference on Economic and Social Development] / S.S. Biriukova, E.A. Gorina, A.R. Goriainova etc., ed. by L.N. Ovcharova. Moscow, Izd. dom Vyssei shkoly ekonomiki Publ., 2019, p. 153. (In Russ.)

МЕДИАЦИЯ В ЗДРАВООХРАНЕНИИ: ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Статья посвящена комплексному исследованию эффективности применения процедуры медиации в российском здравоохранении и определению уровня информированности пациентов о возможности применения медиации при разрешении конфликтных споров в здравоохранении. Особое внимание в статье уделено положительной практике медиации, посредством которой регулируются затянувшиеся конфликты между медицинскими организациями, врачами и пациентами, а также снижается экономическая нагрузка на медицинские организации по выплате материального ущерба пациентам при оказании им некачественной медицинской помощи. Автор приходит к выводу, что внедрение медиации в практику урегулирования споров, возникающих при оказании медицинской помощи населению, находится лишь на этапе становления, поскольку пациенты не знают данного механизма защиты своих прав. Предлагаются комплексные меры по широкому внедрению процедуры медиации в российское здравоохранение.

Ключевые слова: медиация, разрешение споров, конфликты, здравоохранение, споры, врачи, пациенты, медицинская организация.

Информация об авторе: Басова Алла Викторовна, ORCID: 0000-0001-9155-5957, кандидат юридических наук, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный медицинский университет имени В.И. Разумовского» Министерства здравоохранения Российской Федерации, г. Саратов, Россия.

E-mail: allsar@rambler.ru.

Дата поступления статьи: 27.10.2019.

Для цитирования: Басова А.В. Медиация в здравоохранении: проблемы применения и перспективы // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 1. С. 190-194. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-1-190-194.

Alla V. Basova

Razumovsky Saratov State Medical University

MEDIATION IN HEALTH CARE: PROBLEMS OF APPLICATION AND PROSPECTS

The article is devoted to a comprehensive study of the effectiveness of the mediation procedure in the Russian health care and to determining the level of awareness of patients about the possibility of mediation in the resolution of conflict disputes in health care. Special attention is paid to the positive practice of mediation, by means of which protracted conflicts between medical organisations, physicians and patients are settled, as well as the economic burden on medical organisations to pay material damage to patients when providing them with poor quality medical care is reduced. The author comes to the conclusion that the introduction of mediation in the practice of settlement of disputes arising in the provision of medical care to the population is only at the stage of formation, since patients do not know this mechanism of protection of their rights. Comprehensive measures are proposed for the widespread introduction of mediation in health care.

Keywords: mediation, dispute resolution, conflicts, healthcare, disputes, physicians, patients, medical organisations.

Information about the author: Alla V. Basova, ORCID: 0000-0001-9155-5957, Candidate of Jural Sciences, Razumovsky Saratov State Medical University, Saratov, Russia.

E-mail: allsar@rambler.ru.

Article received: October 27, 2019.

For citation: Basova A.V. Mediation in health care: problems of application and prospects. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 1, pp. 190-194 (In Russ.). DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-1-190-194.

Сфера здравоохранения отличается высоким уровнем потенциальной конфликтности. Число разногласий между медицинскими организациями, врачами и пациентами в здравоохранении ежегодно увеличивается, что отражается в официальной статистике. Так, например, в Саратовской области ежегодно отмечается увеличение общего количества жалоб, подаваемых в Территориальный фонд обязательного медицинского страхования Саратовской области и Саратовские медицинские организации. В 2018 году по сравнению с аналогичным периодом 2017 года число жалоб выросло на 8,5 % (332 и 306 соответственно), при этом число обоснованных жалоб увеличилось на 16,7 %. В результате проверок выяснилось, что 154 жалобы являются обоснованными, из которых 107 подано на ненадлежащее качество оказания медицинской помощи,

17 жалоб – на взимание денежных средств за медицинскую помощь, 19 жалоб – на факты неоказания медицинской помощи, 5 жалоб – на отказ в медицинской помощи по программе обязательного медицинского страхования [О деятельности].

Данная статистика свидетельствует о возрастающей активности граждан в сфере защиты своих интересов при оказании им медицинской помощи, а также об актуальности широкого внедрения процедуры медиации в здравоохранении, позволяющей разрешить конфликты между пациентами и медицинскими организациями как в досудебном порядке, так и в процессе судебного разбирательства. Согласно Федеральному закону «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» под процедурой медиации следует понимать способ урегулирования споров при содействии медиатора

на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения. Медиатор не является представителем спорящих сторон, он выступает в качестве посредника, с помощью которого стороны самостоятельно и добровольно принимают взаимоприемлемое решение, оформленное в виде медиативного мирового соглашения [Воронов, Лунина].

При разрешении конфликтов между пациентами и медицинскими организациями (врачами) не существует единого нормативного порядка разрешения конфликтов, возникающих при оказании медицинской помощи населению. Пациенты имеют право подавать жалобы в вышестоящие органы здравоохранения, в правозащитные организации, а также иски в суд, минуя разрешение конфликта в медицинской организации, оказавшей медицинскую помощь [Басова 2013: 9].

Однако досудебное урегулирование конфликта имеет ряд преимуществ, нежели урегулирование спора в суде, так как пациент быстро достигает поставленной цели и добивается качественной медицинской помощи, а медицинская организация избегает огласки конфликта и подрыва репутации специалистов. К достоинствам досудебного порядка разрешения спора следует также отнести: оперативность, конкретные сроки рассмотрения спора, бесплатность обращений, отсутствие необходимых специальных знаний (жалоба или заявление составляются в свободной форме). Вместе с тем данный порядок разрешения спора имеет ряд и недостатков: ответственность за выявленные нарушения возлагается на руководителя медицинской организации, а не на врача, отсутствие механизма принудительной реализации принятого решения с участием самого пациента [Алламярова: 5]. Следует заметить, что именно данный механизм защиты нарушенных прав применяют многие пациенты, о чем свидетельствует вышеуказанная статистика жалоб в Территориальный фонд обязательного медицинского страхования Саратовской области и в Саратовские медицинские организации.

Альтернативную процедуру урегулирования споров необходимо развивать в здравоохранении не только с целью защиты прав пациентов, но и с целью защиты интересов медицинских работников, так как российское законодательство приоритетным образом защищает интересы первых. Резонансные судебные решения в отношении врачей, которые широко обсуждаются медицинским сообществом и средствами массовой информации, являются тому подтверждением. Механизм защиты врачей на государственном уровне до сих пор не создан [Басова 2018: 13].

При судебном рассмотрении конфликтных ситуаций, возникающих при оказании медицинской помощи гражданам, выносятся судебные решения, которые не всегда удовлетворяют спорящие сторо-

ны. Денежная компенсация, как правило, не приводит к восстановлению ущерба, причиненного жизни и здоровью пациентов, а признание требований последних необоснованными – не восстанавливает репутацию медицинской организации. Несовершенство досудебного и судебного механизмов разрешения конфликтных ситуаций, возникающих между пациентами и врачами (медицинскими организациями) указывает на актуальность развития медиации в здравоохранении.

Посредством альтернативного разрешения споров в здравоохранении разрешаются сложные конфликты. Наглядным примером положительной процедуры медиации является опыт зарубежных стран, например, дело пациента, родители которого подали иск к одной из больниц города Уральска Республики Казахстан о возмещении материального и морального вреда, причиненного здоровью их сына в связи с ненадлежащим оказанием ему медицинской помощи, приведшей его к инвалидности в детском возрасте. На момент судебного разбирательства пациент уже был совершеннолетним. Представители областного отдела здравоохранения обратились за помощью к медиаторам, объяснив, что в данном случае вины врачей не было, однако родители на протяжении многих лет обвиняют медиков в халатности и требуют привлечения врачей к уголовной ответственности за причинение вреда здоровью. Медиатор, подробно изучив все обстоятельства дела, побеседовав с обеими сторонами, заключил с ними медиативное соглашение, в результате которого молодой человек за счёт государства, но при содействии медицинской организации получает дорогостоящие лекарственные препараты на лечение как инвалид и два раза в год – путёвку в санаторий. Медицинская организация избежала значительного экономического урона и смогла продолжить деятельность по оказанию медицинской помощи населению [Как в Уральске].

Медиатор в вышеописанном случае помог установить между врачами и заявителями психологический контакт, устранил недоверие родственников пациента к медицинским работникам и психологическое напряжение между спорящими сторонами, возникшее из-за низкой правовой, а возможно, и этической культуры конфликтующих сторон; информировал пациента о его правах, которые он может реализовать в системе здравоохранения, что, в целом, привело к удовлетворенности сторон результатом разрешенного спора.

Медиация в российском здравоохранении с 2015 г. активно поддерживается Национальной медицинской палатой и лично ее президентом Леонидом Михайловичем Рошалем, во многих субъектах Российской Федерации запущены пилотные проекты досудебного урегулирования и третейских судов в сфере здравоохранения, активно поднимается вопрос подготовки медиаторов, специализирующихся

на разрешении конфликтных ситуаций в здравоохранении. С этой целью к освоению программ медиации приглашают клинических психологов, широко использующих комплекс психокоррекционных методик в своей работе для продуктивного решения конфликтов [Воронов, Лунина: 190].

В городе Тюмени в рамках реализации проекта «Организация деятельности медиационного центра для организации досудебного урегулирования конфликтов между организациями здравоохранения и пациентами» был организован «Медиационный центр», деятельность которого направлена на организацию процедуры медиации (досудебного урегулирования) по спорам, возникающим между медицинскими организациями и пациентами, на основании претензий пациентов к качеству оказанных медицинских услуг, ненадлежащему оказанию или неоказанию медицинской помощи и причинения в результате этого имущественного и (или) морального вреда. На многих сайтах государственных медицинских организаций здравоохранения города Тюмени и Тюменской области размещена информация для пациентов о данном центре, и в случае возникновения претензий пациентов к медицинским организациям или врачам они могут напрямую связаться с медиаторами. При этом процедура медиации «Медиационным центром» проводится бесплатно для спорящих сторон [11].

В сентябре 2018 года пациент обратился с заявлением в «Медиационный центр» с претензией к медицинской организации, оказавшей ему платные медицинские услуги (анализы), хотя согласно «Территориальной программе государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи в Тюменской области на 2018 год и на плановый период 2019 и 2020 гг.» [8] первичная медико-санитарная помощь, специализированная, в том числе высокотехнологичная, а также скорая медицинская помощь предоставляются гражданам бесплатно. Отметим, что претензию медицинская организация признала обоснованной и по результатам проведенной процедуры медиации между спорящими сторонами было заключено медиативное соглашение. Денежные средства, уплаченные пациентом за проведение анализов, лечебной организацией были возвращены пострадавшей стороне в полном объеме [10].

В октябре 2018 года один из главных врачей Тюменской областной больницы написал заявление в «Медиационный центр» для урегулирования требований пациента по исковому заявлению в суде с помощью процедуры медиации. Пациенту было предложено заключить медиативное соглашение, однако, сославшись на то, что снижать или отказываться от исковых требований он не собирается, он отказался участвовать в процедуре медиации. Позже решением суда в исковых требованиях к медицинской организации пациенту было

отказано в полном объеме. Следует заметить, если бы пациент согласился на процедуру досудебного урегулирования спора с участием «Медиационного центра», его требования и интересы были бы удовлетворены, хоть и не в полном объеме [10].

Рассмотренные нами случаи из практики «Медиационного центра» указывают на положительные результаты его деятельности в случае заключения медиативного заключения. По мнению В.А. Васильченко, преимущества процедуры медиации в здравоохранении для пациента заключаются в следующем: защита прав, возможность встречи с врачом, оказавшим медицинскую помощь, получение желаемого результата (извинение, признание врачебной ошибки, повторная операция, денежная компенсация). Более того, пациенту предлагается возможность повторного посещения медицинской организации, исключается негативное отношение её сотрудников к пациенту, что приводит к увеличению степени доверия к системе здравоохранения в целом. Врачи также имеют преимущества при разрешении конфликтных споров с пациентами, а именно, медиация обеспечивает конфиденциальность конфликта, сохранение репутации врача, дает возможность врачу объяснить пациенту ситуацию, сохранить с ним позитивный контакт [Васильченко: 93].

На наш взгляд, к преимуществам медиации, взаимовыгодным обеим спорящим сторонам, следует отнести снижение материальных затрат и времени, а также возможность рассмотреть конфликт более широко, провести анализ спорной ситуации, что позволит избежать подобных конфликтов в будущем. Конфиденциальность процедуры медиации позволяет обеспечить сохранение врачебной тайны.

С целью изучения уровня информированности населения об альтернативном способе урегулирования споров (с помощью медиации) мы провели онлайн-анкетирование взрослого населения старше 18 лет по оригинальной анкете. В анкетировании приняло участие 300 человек, из которых 70 % женщин и 30 % мужчин. Возраст опрошенных – от 18 до 70 лет. 83 % респондентов – городские жители, 17 % – проживают в сельской местности.

Сфера деятельности респондентов различна, а именно, 64 % – представители здравоохранения, 7,5 % – образования, 5 % – государственные служащие, 5 % – работники экономики, 5 % – занимаются искусством и творчеством, 5 % – представители неопределенных профессий, 3 % – работают в юриспруденции, 2,5 % – в сфере услуг, 2 % – в сфере информационных технологий, 0,5 % – в спорте, 0,5 % – в туризме и гостиничном бизнесе.

Знают о процедуре медиации только 33,5 % опрошенных, 20,5 % – где-то о ней слышали, но не знают, что это такое, а 46 % опрошенных – не имеют представления о ней. Источником информации об альтернативном способе разреше-

ния конфликтов для 20,5 % респондентов явились средства массовой информации, для 14 % – научная литература, для 13 % – коллеги, близкие люди, знакомые, для 2,5 % – конференции, семинары и форумы, а 50 % респондентов отметили, что впервые столкнулись с данным понятием.

Только 12,5 % опрошенных знают о преимуществах и особенностях урегулирования конфликтов с помощью медиации, 61,5 % – с таковыми не знакомы, а 26 % – затруднились с ответом.

Воспользуются услугами медиатора для разрешения спорных ситуаций между пациентом и врачом только 8 % респондентов, так как, по их мнению, процедура медиации способствует скорости и эффективности разрешения конфликта, а также удовлетворенности требований и результатов.

Частота возникновения конфликтов между врачом и пациентом среди опрошенных различна: у 59 % респондентов не случались конфликты при обращении за медицинской помощью, 24 % респондентов сталкиваются с конфликтной ситуацией при оказании медицинской помощи 1 раз в год, 9,5 % – чаще 1 раза в год, 7,5 % – при каждом обращении в медицинские учреждения.

Считают причиной возникновения конфликтов в медицине высокую загруженность медицинских работников – 41 %, 20 % – отсутствие квалифицированного персонала, 20 % – некачественное обучение студентов медицинских вузов, 19 % – несовершенство работы обязательного медицинского страхования.

Таким образом, 41 % граждан, обратившихся за медицинской помощью, заявили о случаях возникновения конфликтных ситуаций в здравоохранении, 16 % из которых испытывают их неоднократно в течение года. Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» хоть и был принят еще в 2010 году, но процедура медиации пока не находит своего широкого распространения в системе здравоохранения, так как только 8 % респондентов желают воспользоваться услугами медиатора в случае возникновения претензий к лечебному учреждению. Термин «медиация» известен узкому кругу лиц, пациенты и работники здравоохранения не знают преимуществ медиации и считают ее малоэффективной для разрешения конфликтов. Внедрение медиации в практику урегулирования споров, возникающих при оказании медицинской помощи населению, находится лишь на этапе становления. В условиях недостаточного ознакомления граждан с преимуществами медиативной формы разрешения споров считаем необходимым перенять опыт Тюменской области по популяризации медиации медицинскими организациями среди пациентов. Необходимо приглашать медиаторов в медицинские организации для разъяснения преимуществ медиации для

медицинских работников. Медиационные центры, специализирующиеся на альтернативном урегулировании споров между медицинскими организациями и пациентами, необходимо организовать во всех субъектах Российской Федерации. Для успешного продвижения данного института в системе здравоохранения необходимо:

1. Формирование государственной политики развития и популяризации альтернативного разрешения споров в сфере здравоохранения.

2. Повышение правовой культуры населения, проведение информационно-просветительских мероприятий медиаторами среди пациентов и врачей об особенностях, возможностях и преимуществах медиативных услуг для спорящих сторон.

3. Эффективное взаимодействие судебной системы с медиаторами.

4. Внесение контактной информации медиационных центров в информационные базы здравоохранения для обращений пациентов в случаях возникновения споров между ними и медицинскими организациями по качеству оказанных медицинских услуг, а также ненадлежащему оказанию или неоказанию медицинской помощи;

5. Подготовка медиаторов, специализирующихся на разрешении конфликтных споров в здравоохранении.

Список литературы

Алламярова Н.В. Проблемы и перспективы развития внесудебного урегулирования споров между медицинскими организациями и пациентами посредством медиации // Социальные аспекты здоровья. 2017. № 6. С. 1–10.

Басова А.В. Правовое регулирование разрешения конфликтных ситуаций в здравоохранении // Политико-правовые технологии разрешения конфликтных ситуаций между властью, общественными организациями и СМИ. Саратов: Саратовский источник, 2013. С. 8–11.

Басова А.В. Применение медиации в сфере здравоохранения // Медиация в семейном конфликте. Саратов: Саратовский источник, 2018. С. 11–15.

Васильченко М.А. Развитие медиации в здравоохранении: необходимость и перспективы развития // Проблемы и достижения современной науки. 2018. № 1. С. 92–95.

Воронов А.И., Лунина М.А. Медиация в системе здравоохранения – особенности внедрения // Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности. 2016. № 6. С. 189–192.

Как в Уральске решают проблемы в медицине с помощью медиации. URL: <https://informburo.kz/special/kak-v-uralske-reshayut-problemy-v-medicines-pomoshchyu-mediacii.html> (дата обращения: 27.10.2019).

О деятельности по защите прав застрахованных граждан в сфере обязательного медицин-

ского страхования за 2018 год. URL: http://www.sartfoms.ru/about/Dfond/Pokaz_ZPZ/UKKP_Dejat_prava_2018god.pdf (дата обращения: 27.10.2019).

О Территориальной программе государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи в Тюменской области на 2018 год и на плановый период 2019 и 2020 годов: Постановление правительство Тюменской области от 25 декабря 2017 года № 676-п // Гарант: справ. правовая система. URL: <https://base.garant.ru/46527110/> (дата обращения: 25.10.2019).

Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): Федеральный закон от 27 июля 2010 г. (в ред. от 26 июля 2019 г. № 197-ФЗ) // Консультант-Плюс: справ. правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103038/ (дата обращения: 25.10.2019).

«Областная больница № 13» (с. Исетское): сайт государственного бюджетного учреждения здравоохранения Тюменской области. URL: <http://ob13.ru/documents/78-mediatsionnyj-tsentr.html> (дата обращения: 27.10.2019).

Помощь в решении споров между медицинскими учреждениями и пациентами. URL: <https://www.car72.ru/forum/viewtopic.php?f=82&t=126426&sid=42d81a9eef0e523bf5abfde42ee697a9> (дата обращения: 27.10.2019).

References

Allamiarova N.V. *Problemy i perspektivy razvitiia vnesudebnogo uregulirovaniia sporov mezhdu meditsinskimi organizatsiiami i patsientami posredstvom mediatsii* [Problems and prospects for the development of out-of-court settlement of disputes between medical organizations and patients through mediation]. *Sotsial'nye aspekty zdorov'ia* [Social Aspects of Health], 2017, № 6, pp. 1–10. (In Russ.)

Basova A.V. *Pravovoe regulirovanie razresheniia konfliktnykh situatsii v zdavookhraneni* [Legal regulation of conflict resolution in healthcare]. *Politiko-pravovye tekhnologii razresheniia konfliktnykh situatsii mezhdu vlast'iu, obshchestvennymi organizatsiiami i SMI* [Political and legal technologies for resolving conflict situations between authorities, public organizations and the media]. Saratov, Saratov source Publ., 2013, pp. 8–11. (In Russ.)

Basova A.V. *Primenenie mediatsii v sfere zdavookhraneniia* [The use of mediation in healthcare]. *Mediatsiia v semeinom konflikte* [Family Conflict Mediation]. Saratov, Saratov source Publ., 2018, pp. 11–15. (In Russ.)

Vasil'chenko M.A. *Razvitie mediatsii v zdavookhraneni: neobkhodimost' i perspektivy razvitiia* [Development of mediation in health care: the need and development prospects]. *Problemy i dostizheniia sovremennoi nauki* [Problems and achievements of modern science], 2018, № 1, pp. 92–95. (In Russ.)

Voronov A.I., Lunina M.A. *Mediatsiia v sisteme zdavookhraneniia – osobennosti vnedreniia* [Mediation in the healthcare system - implementation features]. *Lichnost' v ekstremal'nykh usloviakh i krizisnykh situatsiakh zhiznedeiatel'nosti* [Personality in extreme conditions and crisis situations of life], 2016, № 6, pp. 189–192. (In Russ.)

Kak v Ural'ske reshait problemu v meditsine s pomoshch'iu mediatsii [How in Uralsk solve problems in medicine through mediation]. URL: <https://informburo.kz/special/kak-v-uralske-reshayut-problemy-v-medicine-s-pomoshchyu-mediatsii.html> (access date: 27.10.2019). (In Russ.)

O deiatel'nosti po zashchite prav zastrakhovannykh grazhdan v sfere obiazatel'nogo meditsinskogo strakhovaniia za 2018 god [On activities to protect the rights of insured citizens in the field of compulsory health insurance for 2018]. URL: http://www.sartfoms.ru/about/Dfond/Pokaz_ZPZ/UKKP_Dejat_prava_2018god.pdf (access date: 27.10.2019). (In Russ.)

O Territorial'noi programme gosudarstvennykh garantii besplatnogo okazaniia grazhdanam meditsinskoi pomoshchi v Tiimenskoi oblasti na 2018 god i na planovyi period 2019 i 2020 godov: Postanovlenie pravitel'stva Tiimenskoi oblasti ot 25 dekabria 2017 goda № 676-p [On the Territorial Program of State Guarantees for the Free Provision of Medical Assistance to Citizens in the Tyumen Region for 2018 and for the Planning Period of 2019 and 2020: Decree of the Government of the Tyumen Region dated December 25, 2017 No. 676-p]. URL: <https://base.garant.ru/46527110/> (access date: 25.10.2019). (In Russ.)

Ob al'ternativnoi protsedure uregulirovaniia sporov s uchastiem posrednika (protsedure mediatsii): Federal'nyi zakon ot 27 iulia 2010 g. (v red. ot 26 iulia 2019 g. № 197-FZ) [On the alternative dispute resolution procedure with the participation of a mediator (mediation procedure): Federal Law of July 27, 2010: (as amended on July 26, 2019 No. 197-FZ)]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103038/ (access date: 25.10.2019). (In Russ.)

«Областной больницы № 13» (с. Исетское): сайт государственного бюджетного учреждения здравоохранения Тюменской области [«Regional Hospital № 13» (village Isetskoye): the site of the state budgetary health care institution of the Tyumen region.]. URL: <http://ob13.ru/documents/78-mediatsionnyj-tsentr.html> (access date: 27.10.2019). (In Russ.)

Pomoshch' v reshenii sporov mezhdu meditsinskimi uchrezhdeniiami i patsientami [Assistance in resolving disputes between medical institutions and patients]. URL: <https://www.car72.ru/forum/viewtopic.php?f=82&t=126426&sid=42d81a9eef0e523bf5abfde42ee697a9> (access date: 27.10.2019). (In Russ.)

ЭФФЕКТИВНОСТЬ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ САНКЦИЙ И СИНГУЛЯРНОСТЬ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Статья посвящена описанию явления сингулярности в уголовном праве, а также ее влиянию на эффективность уголовно-правовых санкций. Отмечается, что кризис уголовно-правовой политики привел к появлению крайне опасных тенденций. Одной из таковых является сингулярность уголовного права. В статье дается определение данного явления как современного феномена в уголовном праве, отражающего его кризис. Указывается, что термин «сингулярность», который широко используется в физике, философии, математике, может быть применен в уголовном праве для обобщенного обозначения границ, за которыми представляется слабо возможным или невозможным описание явлений в условиях действующего представления и понимания. Обращается внимание на позицию ученых, указывающих на поглощение антиправом позитивного уголовного права в рамках состояния сингулярности. Делается акцент на нивелировании традиционных уголовно-правовых институтов, таких как санкции, наказание, их предупредительного, охранительного и карательного воздействия. Показывается влияние сингулярности на эффективность уголовно-правовых санкций. Акцентируется внимание, что глобализация в социальных сетях порождает новый феномен параллельного уголовно-правового воздействия.

Ключевые слова: сингулярность, сингулярность уголовного права, санкции, уголовно-правовые санкции, эффективность уголовно-правовых санкций, функции санкций, уголовно-правовое воздействие.

Информация об авторе: Хлыстова Надежда Борисовна, ORCID: 0000-0001-6344-650X, кандидат юридических наук, начальник кафедры уголовного права и криминологии Государственной образовательной организации высшего профессионального образования «Донецкая академия внутренних дел Министерства внутренних дел Донецкой Народной Республики», г. Донецк, Донецкая Народная Республика.

E-mail: afina_law@mail.ru.

Дата поступления статьи: 02.02.2020.

Для цитирования: Хлыстова Н.Б. Эффективность уголовно-правовых санкций и сингулярность уголовного права // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 1. С. 195-198. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-1-195-198.

Nadezhda B. Khlystova

Donetsk Academy of Internal Affairs of the Ministry of Internal Affairs,
People's Republic of Donetsk

THE EFFECTIVENESS OF CRIMINAL SANCTIONS AND SINGULARITY OF CRIMINAL LAW

The article describes the phenomenon of singularity in criminal law, as well as its impact on the effectiveness of criminal sanctions. It is noted that the crisis of criminal law policy has led to the emergence of extremely dangerous trends. One of these is the singularity of criminal law. The article defines this as a modern phenomenon in criminal law that reflects its crisis. It is pointed out that the term «singularity», which is widely used in physics, philosophy, and mathematics, can be used in criminal law to generalise the boundaries beyond which it seems poorly possible or impossible to describe phenomena in terms of current representation and understanding. Attention is drawn to the position of scientists who point to the absorption of positive criminal law by the anti-law within the framework of the singularity state. Emphasis is placed on leveling traditional criminal law institutions such as sanctions, punishment, and their preventive, protective, and punitive effects. The influence of the singularity on the effectiveness of criminal sanctions is shown. It is emphasised that globalisation in social networks generates a new phenomenon of parallel criminal law impact.

Keywords: singularity, singularity of criminal law, sanctions, criminal legal sanctions, effectiveness of criminal legal sanctions, functions of sanctions, criminal legal impact.

Information about the author: Nadezhda B. Khlystova, ORCID: 0000-0001-6344-650X, Candidate of Jural Sciences, head of the Department of Criminal Law and Criminology of Donetsk Academy of Internal Affairs of the Ministry of Internal Affairs, People's Republic of Donetsk.

E-mail: afina_law@mail.ru.

Article received: February 2, 2020.

For citation: Khlystova N.B. The effectiveness of criminal sanctions and singularity of criminal law. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 1, pp. 195-198. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-1-195-198.

Современное развитие уголовно-правовой политики характеризуется опасной тенденцией подмены традиционного государственного уголовно-правового воздействия на преступность на так называемое параллельное влияние, когда объективное право подменяется субъективным. Речь идет о сингулярности в уго-

ловном праве, то есть состоянии, когда императивный метод публично-правовой защиты прав, свобод и законных интересов человека, общества и государства может быть разрушен при помощи неконтролируемого распространения диспозитивного частного параллельного регулирования [Туляков 2016: 23]. Именно В.А. Туляков обозначает

описанную ситуацию термином «сингулярность уголовного права», поскольку, по мнению ученого, сингулярность проявляет себя как состояние уголовного права в его широком понимании, когда антиправо (субъективное право) поглощает позитивное право [Туляков: 2016: 286]. Отметим удачное применение несвойственного праву термина, достаточно точно описывающего современное состояние уголовной политики.

В математике и физике под сингулярностью понимают «искривленную область пространства-времени, где те или иные количественные характеристики могут стать бесконечными, так что обычные физические законы перестают действовать» [Большой астрономический словарь]. В философии сингулярность описывается как произвольные единичности, сохраняющие свойства бесцельности, ненамеренности, нелокализуемости [Пригожин: 200]. Более того, состояние сингулярности образует не подчиняющееся жестким правилам сообщество («множество»), которое противостоит управляющим агрегатам [Стеклова: 74]. В праве такое уникальное состояние понимается как состояние, подвергающееся воздействию со стороны новых форм социальных связей, эмоциональных переживаний общества и виртуального сегмента, утрачивающее первоначальное социальное значение и приводящее к тому, что позитивное право поглощается субъективным правом, из-за чего уголовное право может настолько претерпеть интерпретационные изменения, что будет глубоко изменен его смысл, вплоть до инверсии [Савинова: 200].

Опасность описываемого состояния состоит в его широком распространении в сетевом правосознании, опирающемся не на традиционное понимание преступления, наказания, расследования, принятия решений судом и т. п., а на субъективное эмоциональное восприятие, подогретое коллективным и относительно массовым пониманием справедливости/несправедливости, умноженным на молниеносное распространение сетевыми средствами массовой информации.

Достаточно вспомнить октябрь 2019 года, когда в г. Саратове была убита 9-летняя девочка. Социальные сети всколыхнула данная трагедия, и, несмотря на профессиональные и своевременные действия правоохранительных органов, виртуальный мир «набросился» на них, обвиняя в попытке утаить сексуальную составляющую убийства (позднее в рамках расследования было установлено, что сексуальные действия с погибшей не совершались, способом лишения жизни было удушение), обсуждал квалификацию деяния, наказание за содеянное, требуя смертную казнь. Сетевые баталии привели к массовым волнениям и едва не стали причиной массовых беспорядков.

Традиционные методы работы не позволяют правоохранительной системе своевременно реа-

гировать на такие вызовы. Манипулирование коллективным виртуальным сознанием со стороны отдельных групп создает риски возникновения извращенного представления о справедливости, уголовном праве, правосудии в целом.

Нельзя не отметить в контексте анализируемой проблемы феномен «сетевой (или виртуальной) революции», пропагандирующий идеи целесообразности с превалированием над законностью, генерирующий субъективное понимание добра и зла, преступного и не преступного, а также возмездие за содеянное.

Государство оказалось не готовым к таким вызовам. Недостаточно оперативное официальное освещение событий и фактов со стороны правоохранительных органов создает информационный вакуум, который и заполняется сингулярностью. Дальнейшие комментарии на уже сложившееся общественное мнение выглядят как минимум неубедительно, а порой могут вызывать новые волнения.

Сингулярность прямо влияет на эффективность уголовного права в целом и уголовно-правовых санкций в частности.

Ситуация усугубляется многочисленными изменениями в уголовном законодательстве, которые во многом касаются санкций уголовно-правовых норм, приводят к тому, что изначально заложенный в них предупредительный аспект попросту нивелируется в силу отсутствия механизмов донесения измененной сути до адресатов.

Известно, что «эффективность уголовно-правового воздействия во многом зависит от уровня правовой культуры законодателя. В тех случаях, когда принятие решений о внесении изменений в законодательство основывается лишь на идеологических предпочтениях, без учета научных данных, закон перестает выполнять свои функции, а обществу причиняется значительный ущерб» [Бытко: 36].

Согласимся с мнением о том, что «эффективность правовых норм не является их внутренним качеством и выражается именно внешне – в результате воздействия нормы на различные общественные отношения. При этом необходимо учитывать последствия применения нормы права и как индивидуальное воздействие, и как воздействие общественного (группового) характера [Подшибякин: 74].

Отвечая на вопрос, для кого создается уголовный закон, для правоохранительных органов и суда или для граждан, можно столкнуться с проблемой незнания последними нормативно закрепленной угрозы за неправомерное деяние, однако если правоохранительные органы и суды в силу специфики своей работы обратятся к нормативным правовым актам, то население зачастую даже не имеет представления о желаниях законодателя запретить/усилить/ужесточить, что значительно ограничивает сдерживающий потенциал уголовно-правовой санкции.

Отметим, что функция анализируемой санкции состоит, в частности, в информировании населения о мерах наказания, подразумевая превентивную функцию. Более того, правовой нигилизм дополнительно усугубляется отсутствием широкого правового ликбеза. Невозможность в полной мере реализовывать воздействие уголовно-правового характера подкрепляется присутствием в обществе значительного количества людей, безразлично относящихся к общественным ценностям.

Вполне удобно ссылаться на то, что незнание закона не освобождает от ответственности, однако, по сути, превентивная функция сводится к нулю.

В обозримом будущем все указанные негативные явления можно если не предотвратить, то минимизировать. Справедливо отмечается, что без формирования сознательно-волевых установок на положительное восприятие права говорить о росте правосознания граждан как необходимом условии преодоления правового нигилизма не приходится. Для этого необходим целый комплекс продуманных, целенаправленных мер организационного, идеологического, воспитательного характера, рассчитанный на длительные сроки реализации. Быстрые результаты здесь вряд ли могут быть достижимы [Носов: 24]. Добавим, что все указанные мероприятия должны отличаться мобильностью и тактически опережать распространение негативной информации как реакции на социальные события.

Правоохранительным органам рекомендуется более широко использовать возможности социальных сетей («ВКонтакте», «Одноклассники», «Фейсбук», «Инстаграм», «Телеграм») для коммуникации с обществом, в частности, формирование общественной онлайн приемной, оперативное реагирование на появление информации в СМИ о совершенных преступлениях, активное ведение страниц руководителей и реагирование на сообщения граждан.

На наш взгляд, на вооружение стоит взять опыт работы Следственного комитета Российской Федерации. Так, председатель Следственного комитета Российской Федерации, генерал юстиции Российской Федерации Александр Иванович Бастрыкин имеет свою онлайн приемную в социальной сети «ВКонтакте», где достаточно большое количество подписчиков, граждане обращаются с вопросами и получают ответы.

Более того, во всех вышеперечисленных социальных сетях ведутся страницы/группы, в которых также можно констатировать активность. Также стоит обратить внимание на информативный сайт ведомства: <https://sledcom.ru/>.

Положительным, на наш взгляд, является оперативное реагирование А.И. Бастрыкина на появляющуюся информацию о преступлениях или нарушенных правах граждан, когда в этот же день публикуется новость о том, что Следственный ко-

митет РФ узнал о проблеме, председатель взял ее на личный контроль, и уже спустя от одного до трех дней появляется информация о принятых решениях.

Вызывает доверие информирование о личных приемах А.И. Бастрыкина в разных городах Российской Федерации, на которых, судя по информации на страницах социальных сетей, делается акцент не только на разбирательство по сути обращения, но и изучается деятельность должностных лиц, допустивших невыполнение или некачественное выполнение обязанностей по расследованию преступлений.

В контексте нашего исследования считаем, что описанная открытая деятельность одного правоохранительного органа способна в определенной мере снизить негативное влияние сингулярности уголовного права, поскольку демонстрирует открытость системы и готовность к диалогу, а также снизить напряженность в виртуальном сетевом пространстве, купирова домьслы, розжиги и т. п.

Подводя итоги, отметим, что, несмотря на непопулярность термина «сингулярность уголовного права», явления, которые он описывает, прочно вошли в повседневную жизнь. Сингулярность оказывает негативное воздействие на эффективность как уголовной политики в целом, так и уголовно-правовых норм в частности.

Только целенаправленная и научно обоснованная политика оперативного противодействия современным вызовам будет способна минимизировать описанное негативное влияние.

Список литературы

- Большой астрономический словарь. URL: <https://gufo.me/dict/astronomy> (дата обращения: 02.02.2020).
- Бытко С.Ю. Идеология и право // Правовая культура. 2014. № 2 (17). С. 36–41.
- Носов С.И. Проблемы повышения правового сознания в России // Право и современные государства. 2013. № 3. С. 21–24.
- Подшибякин А.Н. К вопросу о возможности комплексной оценки эффективности норм уголовно-правового характера // Вестник Самарского юридического института. 2019. № 3 (34). С. 73–77.
- Пригожин И. От существующего к возникающему. М.: Наука, 1985.
- Савинова Н.А. Информационная (технологическая) сингулярность уголовного права. 2017. С. 199–202.
- Самсонов В.М., Петров Е.К. О проблеме сингулярности в гравитационной физике // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: Физика. 2009. № 4. С. 70–79.
- Стеклова И.В. Трансцендентальность автономности и сингулярности в науке // Гуманитарные науки и образование. 2011. № 2 (6). С. 71–74.

Туляков В.А. Сингулярность уголовного права в контексте гуманизации // Гуманизация уголовной ответственности и демократизация уголовного судопроизводства. 2016. С. 286–289.

Туляков В.А. Сингулярность уголовного права и государственное принуждение // Правовое воздействие на неправомерное поведение: актуальные грани. 2016. С. 23–30.

References

Bol'shoj astronomicheskij slovar' [Large astronomical dictionary]. URL: <https://gufo.me/dict/astronomy> (access date: 02.02.2020). (In Russ.)

БыткоС. Ю. *Ideologija i pravo* [Ideology and law]. *Pravovaja kul'tura* [Legal culture], 2014, № 2 (17), pp. 36–41. (In Russ.)

Nosov S.I. *Problemy povyshenija pravovogo soznaniya v Rossii* [Problems of increasing legal awareness in Russia]. *Pravo i sovremennye gosudarstva* [Law and modern States], 2013, № 3, pp. 21–24. (In Russ.)

Podshibjakin A.N. *K voprosu o vozmozhnosti kompleksnoj ocenki jeffektivnosti norm ugolovno-pravovogo haraktera* [On the possibility of a comprehensive assessment of the effectiveness of criminal law norms]. *Vestnik Samarskogo juridicheskogo instituta* [Bulletin of the Samara law Institute], 2019, № 3 (34), pp. 73–77. (In Russ.)

Prigozhin I. *Ot sushhestvujushhego k voznikajushhemu* [From existing to emerging].

Moscow, Nauka Publ., 1985. (In Russ.)

Savinova N.A. *Informacionnaja (tehologicheskaja) singuljarnost' ugolovno go prava* [Information (technological) singularity of criminal law], 2017, pp. 199–202. (In Russ.)

Samsonov V.M., Petrov E.K. *O probleme singuljarnosti v gravitacionnoj fizike* [On the singularity problem in gravitational physics]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Fizika* [Bulletin of the Tver State University. Ser.: Physics], 2009, № 4, pp. 70–79 (In Russ.)

Steklova I.V. *Transcendental'nost' avtonomnosti i singuljarnosti v nauke* [Transcendentality of autonomy and singularity in science]. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie* [Humanities and education], 2011, № 2 (6), pp. 71–74. (In Russ.)

Tuljakov V.A. *Singuljarnost' ugolovno go prava v kontekste gumanizacii* [Singularity of criminal law in the context of humanization]. *Gumanizacija ugolovnoj otvetstvennosti i demokratizacija ugolovno go sudoproizvodstva* [Humanization of criminal responsibility and democratization of criminal justice], 2016, pp. 286–289. (In Russ.)

Tuljakov V.A. *Singuljarnost' ugolovno go prava i gosudarstvennoe prinuzhdenie* [Singularity of criminal law and state coercion]. *Pravovoe vozdeystvie na nepravomerno go povedenie: aktual'nye grani* [Legal impact on illegal behavior: actual facets], 2016, pp. 23–30. (In Russ.)

О НОВОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ УТОЧНЕНИИ ПОЛНОМОЧИЙ ПРОКУРОРА В ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

В статье рассматривается существо законодательных новелл, связанных с дополнением полномочий прокурора в досудебном производстве, анализируется и прогнозируется их влияние на формирование правоприменительной практики и развитие теоретической конструкции процессуального статуса прокурора в досудебных стадиях уголовного процесса. Особое внимание уделяется положениям, связанным с проверкой сообщений о преступлениях и повышением значимости постановления прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании. К этим важным положениям также относятся дополнительные полномочия прокурора требовать от органов дознания и следственных органов устранения нарушений федерального законодательства, допущенных не только в ходе дознания или предварительного следствия, но и непосредственно при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях. Наряду с положительной оценкой внесенных дополнений в действующие законы, в статье высказываются сомнения относительно того, что проведенные точечные корректировки надзорных полномочий прокурора позволят существенно повысить эффективность деятельности уполномоченных органов и их должностных лиц в досудебных стадиях уголовного судопроизводства. Одновременно обосновываются предложения о переименовании стадии возбуждения уголовного дела и иные теоретические позиции по характеристике данной стадии, по созданию преград для сокрытия преступлений от учета.

Ключевые слова: прокурор, стадия возбуждения уголовного дела, сообщение о преступление, полномочия прокурора, государственный единый статистический учет.

Информация об авторе: Кобзарев Федор Михайлович, доктор юридических наук, профессор, Костромской государственной университет, г. Кострома, Россия.

E-mail: kobzarfm@yandex.ru.

Дата поступления статьи: 27.01.2020.

Для цитирования: Кобзарев Ф.М. О новом законодательном уточнении полномочий прокурора в досудебных стадиях уголовного судопроизводства // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 1. С. 199-203. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-1-199-203.

Fyodor M. Kobzaryov
Kostroma State University

ON THE NEW LEGISLATIVE CLARIFICATION OF THE POWERS OF THE PROSECUTOR IN THE PRE-TRIAL STAGES OF CRIMINAL PROCEEDINGS

The article examines the essence of legislative novels related to supplementing the powers of the prosecutor in pre-trial proceedings, analyses and predicts their impact on the formation of law enforcement practice and the development of the theoretical design of the procedural status of the prosecutor in the pre-trial stages of the criminal process. Particular attention is paid to the provisions related to checking reports of crimes and increasing the significance of the decision of the prosecutor to send relevant materials to the preliminary investigation body to resolve the issue of criminal prosecution. These important provisions also include the additional powers of the prosecutor to demand from the bodies of inquiry and investigative bodies the elimination of violations of federal law committed not only during the inquiry or preliminary investigation, but also directly during the reception, registration and resolution of reports of crimes. Along with a positive assessment of the amendments to existing laws, the article expresses doubts that the precise adjustments made to the supervisory powers of the prosecutor will significantly increase the efficiency of the authorised bodies and their officials in the pre-trial stages of criminal proceedings. At the same time, proposals on renaming the stage of initiating a criminal case and other theoretical positions on the characteristics of this stage, on creating barriers to concealing crimes from accounting, are substantiated.

Keywords: prosecutor, stage of initiating criminal case, report of crime, powers of prosecutor, state unified statistical accounting.

Information about the author: Fyodor M. Kobzaryov, Doctor of Jural Sciences, Professor, Kostroma State University, Kostroma, Russia.

E-mail: kobzarfm@yandex.ru.

Article received: January 27, 2019.

For citation: Kobzaryov F. M. On the new legislative clarification of the powers of the prosecutor in the pre-trial stages of criminal proceedings. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 1, pp. 199-203. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-1-199-203.

В целях обеспечения законности, предупреждения и устранения нарушений прав граждан и организаций при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях, в декабре 2019 года был принят ряд федеральных законов о внесении изменений и до-

полнений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ и другие федеральные законы¹. Большинство из них связано с уточнением полномочий прокурора на стадии возбуждения уголовного дела и обусловлены необходимостью осуществления полноценной реализации права граждан на до-

ступ к правосудию, недопущения фактов сокрытия преступлений от учета и других нарушений законов, допускаемых на этом этапе досудебного производства. При этом дополнения полномочий прокурора законодателем произведено в пакете с изменениями, внесенными в Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – Закон о прокуратуре), расширяющими полномочия Генеральной прокуратуры РФ по осуществлению государственного единого статистического учета данных о состоянии преступности, а также о сообщениях о преступлениях, следственной работе, дознании, прокурорском надзоре.

Данные законодательные новеллы нацеливают на потребность не только уяснения и оценки их сущности и перспектив влияния на формирование правоприменительной практики, но и теоретического осмысления содержания этих норм в плане дополнения характеристики стадии возбуждения уголовного дела, правового положения прокурора в этой стадии и в целом статуса прокуратуры, ее функциональной определенности².

Начнем с анализа понятий, составляющих содержание института и стадии возбуждения уголовного дела. Внесенными изменениями в УПК РФ (п. 43 ст. 5) понятие «сообщение о преступлении» наряду с заявлением о преступлении, явкой с повинной, рапортом об обнаружении преступления дополнено постановлением прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании. Указанный акт прокурора, который, по нашему мнению, следует рассматривать как акт прокурорского реагирования, принимаемый в процессе или по результатам надзора за исполнением законов, выявления нарушений уголовного закона, ранее был указан в п. 4 ст. 140 УПК РФ в качестве повода для возбуждения уголовного дела. Исходя из этого, в соответствии с прежней редакцией ст. 143 УПК РФ указанное постановление прокурора требовало для регистрации его в установленном порядке в качестве преступления оформления рапортом соответствующего должностного лица об обнаружении признаков преступления. Это создавало определенные трудности и временные задержки как при рассмотрении вопросов органами предварительного расследования и их должностными лицами о регистрации данного постановления прокурора в качестве сообщения преступления, так и при принятии решения по результатам его рассмотрения в порядке ст. 144 УПК РФ.

Соответственно, произведенные законодательные уточнения направлены на повышение значимости рассматриваемого акта прокурора и оказания положительного влияния на состояние законности и регистрационной дисциплины на стадии возбуждения уголовного дела.

В продолжение анализа поводов и основания возбуждения уголовного дела следует отметить, что одновременно Федеральным законом от 27.12.2019 № 498-ФЗ статья 140 УПК РФ дополнительно положением, определяющим, что поводом для возбуждения уголовного дела не могут служить: факт представления специальной декларации в соответствии с Федеральным законом «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», а также сведения, содержащиеся в указанной декларации и документах и (или) сведениях, прилагаемых к ней. Этим самым, а также дополнениями ст. 75, 164 УПК РФ об отнесении сведений из этой специальной декларации, полученных в результате проведения оперативно-розыскных мероприятий или следственных действий к недопустимым доказательствам и о запрете изъятия такой декларации и приложения к ней при производстве следственных действий, осуществлена гармонизация положений так называемого закона об амнистии капитала с положениями уголовно-процессуального закона. Соответственно, данные дополнения должны теперь быть в зоне повышенного внимания прокуроров при реализации ими надзорных полномочий.

Следующее дополнение уголовно-процессуального закона непосредственно связано с надзорными полномочиями прокурора за исполнением законов при производстве предварительного расследования и, в частности, с предметом надзора, состоящим в соблюдении установленного порядка приема, регистрации и разрешении сообщений о совершенных и готовящихся преступлениях. Дополнение п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ положением о полномочии прокурора требовать от органов дознания и следственных органов устранения нарушений федерального законодательства, допущенных не только в ходе дознания или предварительного следствия, но и непосредственно при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях, обусловлено тем, что прежняя редакция данной нормы не предусматривала возможности прокурора вносить данный акт прокурорского реагирования на нарушения, допущенные в ходе доследственной проверки. Хотя ст. 29 Закона о прокуратуре определяет в качестве предмета рассматриваемого направления надзора как установленный порядок разрешения заявлений и сообщений о преступлении, так и законность решений, принимаемых органами дознания и органами предварительного следствия, в том числе, надо понимать, и в ходе доследственной проверки.

В результате прокурорам приходилось использовать иные средства прокурорского надзора, применение которых нередко оспаривались органами и должностными лицами, уполномоченными

ми осуществлять прием, регистрацию и проверку сообщений о преступлении, что явно не способствовало укреплению законности на данном этапе уголовного процесса.

Произведенное уточнение надзорных полномочий прокурора в определенной степени восполняет имеющийся пробел в законодательстве, однако вряд ли, во-первых, решит проблему, связанную со сложившейся порочной практикой многократной отмены прокурорами постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела по причине неполноты или иной некачественности проведенных проверок сообщений о преступлениях³, а во-вторых, оно не вносит ясность в определение теоретической конструкции процессуального статуса прокурора на этой стадии и самой стадии возбуждения уголовного дела.

Не затрагивая особо дискуссионные вопросы о сохранении или ликвидации вообще стадии возбуждения уголовного дела и о предоставлении прокурору права возбуждать уголовные дела [Бозров, Ергашев, Кобзарев], следует отметить, что учеными и практическими работниками неоднократно высказывались предложения о необходимости существенной законодательной корректировки положений, регламентирующих порядок рассмотрения сообщений о преступлениях, уточнения в понятиях, наименовании первоначальной стадии уголовного судопроизводства.

Это касается, в частности, названия в УПК РФ раздела VII «Возбуждение уголовного дела», которое было бы правильнее именовать «Рассмотрение сообщения о преступлении и возбуждение уголовного дела» [Сиверская: 12, 28–29], так как в главе 19 данного раздела наряду с поводами и основанием для возбуждения уголовного дела регламентируется порядок приема, регистрации, проверки сообщения о совершенном или готовящемся преступлении и принятия решения по результатам этой проверки.

Исходя из этого, представляется целесообразным рассмотреть вопрос и о переименовании самой первоначальной стадии уголовного процесса и именовать ее, как и раздел «Рассмотрение сообщения о преступлении и возбуждение уголовного дела».

Наряду с этим желательным является внесение ясности по поводу понятий, определяющих процессуальный статус прокурора в досудебном производстве, а именно: «надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия» (ч. 1 ст. 37 УПК РФ), «надзор за исполнением законов органами, осуществляющими... дознание и предварительное следствие» (ст. 1, 30, гл. 3 Закона о прокуратуре). На наш взгляд, ни одно из этих определений не является точным по отношению к предмету надзора и полномочиям прокурора на досудебных стадиях. Первое определение является слишком узким, так

как не охватывает надзор за непроцессуальными действиями при приеме, регистрации и проверке сообщений о преступлениях, а второе – чрезмерно широким по причине включения в предмет надзора действий указанных органов и их должностных лиц, выходящих за сферу уголовно-процессуальной деятельности. Поэтому более предпочтительной представляется формулировка типа: «Надзор за исполнением законов при рассмотрении сообщения о преступлении и производстве дознания и предварительного следствия».

В качестве положительного аспекта, безусловно, следует рассматривать уточнение полномочий прокурора посредством внесения дополнений в ст. 145 УПК РФ «Решения, принимаемые по результатам рассмотрения сообщения о преступлении», связанных с передачей сообщения о преступлении по подследственности. Это касается четкого определения обязанности органа дознания, дознавателя, следователя, руководителя следственного органа направлять копию постановления о передаче по подследственности материалов проверки сообщения о преступлении в течение 24 часов с момента вынесения такого постановления прокурору (дополнение ч. 2 ст. 145 УПК РФ). При этом в ч. 4 данной статьи определено, что споры о передаче сообщения по подследственности разрешаются прокурором в течение 3 суток с момента поступления соответствующего обращения.

Указанные уточнения уголовно-процессуального закона по своей сути выступают в качестве дополнительной преграды сокрытия от учета преступлений, нередко совершаемого посредством пересылки сообщения о преступлении без достаточных оснований в другие органы по подследственности или территориальности и вызывающие необходимость обращения пострадавших от преступлений в самые высокие государственные инстанции⁴.

Далее – о взаимосвязанности перечисленных уточнений полномочий прокурора в досудебных стадиях с изменениями, внесенными в Закон о прокуратуре (ст. 51) и другие законы, регламентирующие деятельность отдельных правоохранительных органов и Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации по вопросам государственного единого статистического учета данных о состоянии преступности, а также о сообщениях о преступлениях, следственной работе, дознания, прокурорском надзоре.

Как известно, на Генеральную прокуратуру РФ возложено ведение государственного единого статистического учета заявлений и сообщений о преступлениях, состоянии преступности, раскрываемости преступлений, состояния и результатов следственной работы и прокурорского надзора сравнительно недавно, начиная с 2012 года. Наделение прокуроров указанными дополнительными

полномочиями в значительной мере обусловлено тем, что неотъемлемой составляющей учета данных о преступности является учет сообщений о преступлениях. При этом значительное число нарушений прав граждан на доступ к правосудию, а также фактов сокрытия преступлений выявляется именно при приеме, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлениях.

Наряду с этим ранее действующая редакция статьи 51 Закона о прокуратуре отличалась неполнотой, нечеткостью ряда положений и свидетельствовала, по мнению отдельных ученых, в момент ее введения о том, что ведение государственного учета прокуратурой как одно из её новых направлений внешней функциональной деятельности отличается пассивным характером, так как выражается в сборе по установленной Росстатом единой методике соответствующей информации от органов, осуществляющих уголовное преследование, отражающей состояние борьбы с преступностью на всех ее стадиях, начиная с регистрации заявлений и сообщений о фактах совершения либо подготовки уголовно наказуемых деяний [Винокуров].

Вместе с тем правоприменительная практика показала, что накапливаемый прокуратурой массив данных позволяет выявлять нарушения не только единого порядка учета преступлений, повысить достоверность статистической информации, противодействовать фактам создания видимости благоприятной ситуации с состоянием преступности, но и пресекать нарушения требований уголовно-процессуального законодательства [Инсаров].

Для упорядочивания этой деятельности внесенными изменениями установлено, в частности, что Генеральная прокуратура РФ:

- осуществляет государственный единый статистический учет в указанной сфере, проводит федеральное статистическое наблюдение на основе первичных статистических данных, предоставляемых государственными органами;

- утверждает формы федерального статистического наблюдения, указания по их заполнению, официальную статистическую методологию, порядок и сроки предоставления первичных статистических данных;

- размещает полученную официальную статистическую информацию на официальном сайте РФ в сети Интернет в форме открытых данных с учетом ограничений, установленных федеральными законами;

- осуществляет создание, развитие, ввод в эксплуатацию и обеспечение функционирования государственной автоматизированной системы правовой статистики и является ее оператором.

Кроме того, определено, что приказы Генерального прокурора РФ по вопросам государственного единого статистического учета и государственной автоматизированной системы правовой статисти-

стики, согласованные с федеральными государственными органами и федеральными органами исполнительной власти, обладающими соответствующими первичными статистическими данными, обязательны для исполнения указанными государственными органами. При этом следует учитывать, что ряд положений новой нормы вступают в силу с 1 января 2022 года.

Примечания

¹ Федеральные законы «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 27.12.2019 № 498-ФЗ, от 27.12.2019 № 499-ФЗ // Российская газета. 2019. 31 дек. № 296; Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам государственного единого статистического учета данных о состоянии преступности, а также о сообщениях о преступлениях, следственной работе, дознании, прокурорском надзоре» от 27.12.2019 № 487-ФЗ // Российская газета. 2019. 31 дек. № 296.

² Необходимость в последнем обусловлена тем, что в Генеральной прокуратуре РФ в настоящее время разрабатывается новая редакция закона о прокуратуре. См.: Егоров И. Добавят полномочий // Российская газета. 2020. 15 января. № 5.

³ В докладе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 1918 год приводится пример о том, что в Московской области следователями в течение семи лет по материалу проверки сообщения о преступлении 23 раза отказывалось в возбуждении уголовного дела, и каждый раз надзирающим прокурором постановление о возбуждении уголовного дела отменялось с направлением материала на дополнительную проверку // Российская газета. 2019. 11 июня. № 125.

⁴ Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 1918 год // Российская газета. 2019. 11 июня. № 125.

Библиографический список

Бозров В.М., Ергашев Е.Р., Кобзарев Ф.М. Возбуждение и расследование уголовных дел прокурором: шаг вперед или два шага назад // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2018. № 3 (65). С. 52–60.

Винокуров А.Ю. Государственный учет как самостоятельное направление (участок) деятельности прокуратуры Российской Федерации // Административное и муниципальное право. 2011. № 3. С. 74–76.

Инсаров О.А. Внедрение в органах прокуратуры Российской Федерации информационных технологий и меры по укреплению законности в деятельности субъектов учета // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2018. № 1 (63). С. 48–52.

Сиверская Л.А. Рассмотрение сообщений о преступлениях: правовое регулирование и процессуальный порядок: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 31 с.

References

Bozrov V.M., Ergashev E.R., Kobzarev F.M. *Vozbuzhdenie i rassledovanie ugovolnykh del prokurorom: shag vpered ili dva shaga nazad* [Prosecutor initiating and investigating criminal cases: one step forward or two steps back]. *Vestnik Akademii General'noi prokuratury Rossiiskoi Federatsii* [Bulletin of the Academy of the Prosecutor General of the Russian Federation], 2018, № 3 (65), pp. 52–60. (In Russ.)

Vinokurov A.Iu. *Gosudarstvennyi uchet kak samostoiatel'noe napravlenie (uchastok) deiatel'nosti prokuratury Rossiiskoi Federatsii* [State accounting as an independent area (section) of activity of the prosecutor's office of the Russian

Federation]. *Administrativnoe i munitsipal'noe pravo* [Administrative and municipal law], 2011, № 3, pp. 74–76. (In Russ.)

Insarov O.A. *Vnedrenie v organakh prokuratury Rossiiskoi Federatsii informatsionnykh tekhnologii i mery po ukrepleniiu zakonnosti v deiatel'nosti sub"ektov ucheta* [The introduction of information technologies in the prosecution authorities of the Russian Federation and measures to strengthen the rule of law in the activities of accounting entities]. *Vestnik Akademii General'noi prokuratury Rossiiskoi Federatsii* [Bulletin of the Academy of the Prosecutor General of the Russian Federation], 2018, № 1 (63), pp. 48–52. (In Russ.)

Siverskaia L.A. *Rassmotrenie soobshchenii o prestupleniakh: pravovoeregulirovanie i protsessual'nyi poriadok* [Examination of reports of crimes: legal regulation and procedural procedure]: avtoref. dis. ... kand. iurid. nauk. М., 2015. 31 p. (In Russ.)

**ЗАКОННОСТЬ РЕШЕНИЙ, ПРИНИМАЕМЫХ СУБЪЕКТАМИ
ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ:
К ВОПРОСУ О ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРИРОДЕ**

В статье исследуется проблема, связанная с уточнением юридической природы решений, принимаемых органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность. Констатируя неопределенность в соответствующих научных исследованиях, автор обращается к доктринальным представлениям о сущности законности в сфере оперативно-розыскной деятельности. На основе критического анализа современной научной литературы, а также комментариев к Федеральным законам Российской Федерации «О прокуратуре Российской Федерации», «Об оперативно-розыскной деятельности» выдвигается ряд суждений о правовой природе указанных решений. В частности, указывается, что законность является социально-правовым явлением, которое можно рассматривать как принцип, метод либо режим. Законность как явление развивается, изменяется вместе с обществом, правом и государством. Понимание и толкование законности зачастую не учитывает фундаментальные сдвиги, произошедшие в правовом регулировании общественных отношений, в том числе оперативно-розыскных отношений, постсоветского периода становления российского законодательства. Автор приходит к выводу о том, что современные условия выполнения оперативно-розыскных задач диктуют острую необходимость в уточнении и даже пересмотре сущности законности путем перехода от узкого к широкому пониманию ее юридической природы. В частности, отдается предпочтение правовому подходу, предполагающему подчинение законности более высоким правовым принципам и идеалам, например справедливости.

Ключевые слова: законность, закон, нормативный правовой акт, оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскное решение, юридическая природа, субъект оперативно-розыскной деятельности, справедливость, правомерность, преступность.

Информация об авторе: Бабичев Дмитрий Александрович, ORCID: 0000-0002-9806-156X, кандидат юридических наук, доцент, Костромской государственной университет, г. Кострома, Россия.

E-mail: babichev-lavd@inbox.ru.

Дата поступления статьи: 25.11.2019.

Для цитирования: Бабичев Д.А. Законность решений, принимаемых субъектами оперативно-розыскной деятельности: к вопросу о юридической природе // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 1. С. 204-211. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-1-204-211.

Dmitriy A. Babichev
Kostroma State University

**LEGALITY OF DECISIONS TAKEN BY THE SUBJECTS OF OPERATIONAL
AND INVESTIGATIVE ACTIVITIES: ON THE QUESTION OF THE LEGAL NATURE**

The article deals with the problem of determining the legal nature of the decisions taken by the bodies engaged in operational investigative activities. Stating the amorphousness in the relevant scientific research, the author refers to the doctrinal ideas about the essence of legality in the field of operational and investigative activities. On the basis of a critical analysis of the provisions set forth in the most cited dissertations, monographs, textbooks, as well as in the comments to the Laws of the Russian Federation «On the Prosecutor's office of the Russian Federation», «On operational investigative activities», a number of judgements are put forward. It is stated that the rule of law is a social and legal phenomenon, which can be considered to be a principle, a method or regime. Legality as a phenomenon develops and changes together with society, law and the state. Understanding and interpreting the rule of law often does not take into account the conceptual shifts in the architectonics of legal regulation that have occurred in post-Soviet Russian legislation. The author comes to the conclusion that the modern conditions for the implementation of operational and investigative tasks dictate the urgent need to clarify and even revise the essence of legality by moving from a narrow to a broad understanding of its legal nature. In particular, preference is given to the legal approach, which implies subordination of the rule of law to higher legal principles and ideals, for example, justice.

Keywords: legality, law, normative legal act, operational-search activity, operational-search decision, legal nature, subject of operational-search activity, justice, legality, crime.

Information about the author: Dmitriy A. Babichev, ORCID: 0000-0002-9806-156X, Candidate of Jural Sciences, Associate Professor, Kostroma State University, Kostroma, Russia.

E-mail: babichev-lavd@inbox.ru

Article received: November 25, 2019.

For citation: Babichev D.A. Legality of decisions taken by the subjects of operational and investigative activities: on the question of the legal nature. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 1, pp. 204-211 (In Russ.). DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-1-204-211.

Законность относится к числу важнейших государственно-правовых столпов выполнения правоохранительных задач всеми уполномоченными органами власти и особенно органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность (далее – ОРД). Соблюдение законности обеспечивает защиту высшей социальной ценности – человека, его прав и свобод. Что особенно важно, в рамках законодательных предписаний и правоприменительной практики именно законность является своего рода «краеугольным камнем», лежащим в основе принятия абсолютного большинства оперативно-розыскных решений, ориентированных на применение гласного и негласного арсеналов средств, методов и мероприятий в интересах эффективной и наступательной борьбы с преступностью. В то же время приходится констатировать, что в ряде современных и ставших уже классическими исследований прослеживаются своего рода аморфность в познании юридической природы законности решений, принимаемых субъектами ОРД. Одной из причин такого положения вещей стала закостенелость в представлениях о сущности самой законности в ОРД либо путаница в определении ее ключевых характеристик.

Так, например, сущность законности в ОРД, как ни странно, не вошла в предмет исследований наиболее цитируемых и известных диссертаций, к которым относим труды Осипкина В.Н. «Теоретические и организационно-методические проблемы прокурорского надзора за оперативно-розыскной деятельностью» (1998 г.), Махмудова И.Т. «Теоретические основы и научно-практические проблемы прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности (по материалам Республики Таджикистан)» (2008 г.) и Колесникова А.В. «Прокурорский надзор за исполнением законов при использовании результатов оперативно-розыскной деятельности в расследовании преступлений против личности, совершенных в условиях неочевидности» (2017 г.). Указанные авторы рассмотрели такие опорные для науки и правоприменительной практики категории, как прокурорский надзор за ОРД, уполномоченный прокурор, предмет и пределы прокурорского надзора за ОРД и другой терминологический инструментарий. В то же время, многократно оперируя таким понятием, как «законность решений», вопреки ожидаемой логике, оставили его без надлежащего внимания.

Среди монографических работ заметно выделяется глубиной анализа актуальных для ОРД вопросов совместный труд С.И. Захарцева, Ю.Ю. Игнащенко и В.П. Сальникова «Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке» (2015 г.). В нем авторы на основании ранее проведенных и апробированных исследований убедительно представили и обосновали свою точку зрения на

ряд дискуссионных аспектов, касающихся проведения оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ), прокурорского надзора за ОРД, роли и места науки ОРД в системе юридических наук [Захарцев, Игнащенко, Сальников]. Также ими были выделены типичные упущения в диссертациях по ОРД, что достаточно редко встречается в современных изысканиях по оперативно-розыскной тематике. Что же касается законности, то она была упомянута и разъяснена лишь в разрезе принципов ОРД в стиле общих формулировок, характерных для учебной литературы.

В ракурсе рассматриваемой проблемы стоит упомянуть достаточно познавательную монографию В.Ф. Луговика и С.М. Луговича «Правовой статус оперуполномоченного при проведении оперативно-розыскных мероприятий» (2018 г.) [Луговик, Лугович]. Работа, безусловно, интересная и с научной точки зрения, вне сомнений, состоятельная. Она ориентирована в большей мере на сторонников, отстаивающих организационную и тактическую самостоятельность оперуполномоченного при проведении ОРМ, наделяя его широкими дискретными полномочиями. Не останавливаясь на отдельных деталях данного исследования, которые, как нам кажется, небесспорны, с положительной стороны отмечаем внимание авторов к вопросам обеспечения законности деятельности оперуполномоченного при проведении ОРМ, к положениям о роли и месте в данном обеспечении прокурорского надзора и ведомственного контроля. Одновременно делимся ноткой досады, обусловленной тем обстоятельством, что яркими представителями всем известной Омской научной школы ОРД сущность таких многогранных явлений, как законность в ОРД либо законность решений в ОРД, также не была рассмотрена, осталась за рамками исследовательских интересов.

Еще одной серьезной научной разработкой современных проблем ОРД, изученной в рамках исследования сущности законности в ОРД, выступила монография В.А. Гусева и В.Ф. Луговика «Теория оперативно-розыскных процедур» (2019 г.) [Гусев, Луговик]. Без преувеличения – это фундаментальный труд, отражающий систему логически выстроенных суждений, обоснованных выводов и предложений относительно целого комплекса горячо обсуждаемых в оперативно-розыскной науке вопросов теоретического и прикладного характера, увенчавшихся подготовкой достаточно сбалансированного по наполняемости и содержательной насыщенности норм проекта Оперативно-розыскного кодекса Российской Федерации. Одновременно не можем не отметить высокую профессиональность авторов в использовании терминологического аппарата, позволившую последовательно и, главное, взвешенно расставить акценты в границах изученных положений, исключая излишнюю их перегруз-

ку дополнительными интерпретациями. В порядке исключения укажем лишь на видимую фрагментарность в анализе самой законности, которая на фоне разносторонне рассмотренных оперативно-розыскных принципов осталась в тени представленной научному сообществу концепции.

Примечательно, что сущностные характеристики законности в ОРД, как, впрочем, и законности оперативно-розыскных решений, не упоминаются в докладах и тезисах выступлений, обговариваемых в последние годы на разных дискуссионных площадках. Имеется в виду ряд всероссийских и международных научно-практических конференций, посвященных проблемам ОРД и надзорной деятельности прокуратуры. В числе прочих особое внимание обратили на «Сухаревские чтения», по праву считающиеся одним из самых авторитетных в России форматов, аккумулирующих мнения ведущих ученых, представителей российских и зарубежных научных и образовательных организаций, действующих работников органов прокуратуры, практикующих юристов, а также молодых соискателей по вопросам надзора за исполнением законов, обеспечения законности в деятельности различных ведомств правоохранительной системы.

Что характерно, и в данном случае проведенная работа особым успехом не увенчалась. На фоне широкого тематического спектра представленных к обсуждению научных докладов, комплекса изложенных в них предложений как теоретического, так и прикладного направления отметим лишь статью профессора А.Ю. Винокурова, в которой на основе ревизии законодательного обеспечения прокурорской деятельности за двадцатипятилетний период дается небольшое уточнение. В частности, констатируется, что законность ОРД в контексте предмета надзора впервые упоминается в положениях Закона Российской Федерации «О прокуратуре Российской Федерации» в редакции от 18 февраля 1992 года без дальнейших авторских комментариев [Винокуров: 67].

На наш взгляд, сложившаяся лакуна в ряде современных научных изысканий является следствием принятия многими исследователями наработанных мэтрами разных отраслей права концептуальных толкований законности и использования близких по сути терминологических и пояснительных положений как опорных в современных проектах юридической доктрины. В результате на страницах научных изданий наблюдается избыток отточенных в гносеологическом смысле суждений, позволяющих унифицированно оперировать ими при разборе любой актуальной проблематики, в том числе и оперативно-розыскной.

В пример приведем работу А.С. Гузовой, в которой отмечается, что законность является неотъемлемой составляющей правового государства и гарантией его развития. Соблюдение законно-

сти обеспечивает верховенство закона, закрепляет принципы и формы деятельности государственного аппарата и главную общественную ценность – права и свободы человека и гражданина. Принцип законности требует безусловного соблюдения законодательства всеми элементами государственного механизма и общества, а также является приоритетным конституционным принципом ОРД. Она реализуется в подчинении закону всей деятельности оперативных подразделений [Гузова: 210].

На фоне подобного рода безапелляционных, с нашей точки зрения, суждений встречаются и иные – расплывчатые в содержательном смысле научные положения с весьма сдержанной смысловой нагрузкой. Так, И.В. Сервецкий, анонсируя вопрос об обеспечении законности при проведении ОРМ относительно лиц, подозреваемых в совершении преступления, ограничился лишь обозначением проблемных аспектов. Автор отмечает, что проблема обеспечения законности в ОРД состоит, прежде всего, в выявлении и документировании фактов противоправной деятельности и использовании их в интересах объективного исследования криминального события; в осуществлении разработки лиц с применением гласных и негласных поисковых, разведывательных, контрразведывательных мер, предусмотренных законом [Сервецкий: 283]. Иных комментариев либо научных разъяснений в монографии нет...

Не стремясь абсолютизировать выявленные в научной плоскости пробелы, приуменьшить высокую значимость вышеупомянутых трудов в развитии юридической науки и правоохранительной деятельности, обратимся к исследованиям, отражающим в той или иной мере сущностные характеристики законности в ОРД.

В числе таковых в первую очередь важно отметить фундаментальный монографический труд профессора В.В. Клочкова «Актуальные проблемы теории законности и прокурорского надзора» (2012 г.). В данной работе известный ученый поднял и рассмотрел актуальные проблемы теории законности, представил многоаспектность (социальный, политический, юридический, философский и другие аспекты) и многогранность понятия законности, выделил природу законности, раскрыл особенности соотношения законности и правосознания, законности и правовой деятельности и, наконец, аргументировал свою точку зрения на теоретические проблемы прокурорского надзора в современной России [Клочков].

Заметим, что указанный концепт не содержит конкретных рекомендаций применительно к субъектам ОРД либо к сфере влияния уполномоченных прокуроров, осуществляющих надзор за законностью этой деятельности. Тем не менее представленные теоретические выкладки выступают необходимыми знаниями и опорным для исследования

материалом, имеющими все основания быть спроецированными в плоскость оперативно-розыскной науки и науки прокурорского надзора.

Так, В.В. Клочковым законность рассматривается в нескольких форматах. Под законностью в узком (юридическом) смысле слова им понимается, «прежде всего, соответствие закону (а не только исполнение, соблюдение закона), праву деятельности всех участников правовых отношений». Законность в широком смысле слова, по мнению автора, – «это соответствие закономерностям развития общества, потребностям правовой регуляции права, государства, политики». В фокусе идеалов демократического общества законность рассматривается как «совокупность требований, предъявляемых обществом и государством к праву и законодательной деятельности, к поведению субъектов общественных отношений и к обеспечению соблюдения правовых норм; это отношение субъектов общественных отношений к указанным требованиям и их исполнению; соответствие этим требованиям деятельности государственных органов, организаций, общественных объединений, должностных лиц и поведения граждан, неуклонное исполнение ими правовых норм» [Клочков: 19, 33].

На наш взгляд, предложенное В.В. Клочковым видение сущности законности вписывается в развитие соответствующих представлений, изложенных в теории права, дополняет ранее аргументированные и известные научные разработки.

К примеру, согласно Н.Г. Александрову, законность – неуклонное и точное соблюдение (исполнение) норм права всеми субъектами общественных отношений [Александров: 269], то есть всеми государственными органами, общественными организациями, должностными лицами и гражданами. По мнению С.С. Алексеева, законность – это не только требование соблюдения норм запретов и обязывающих юридических норм, но и требование надлежащей реализации предоставленных населению прав и свобод [Алексеев 1997: 436].

Также можем предположить, что в отдельных случаях идеи В.В. Клочкова генерировали дальнейший ход научной мысли относительно сущностных характеристик законности. Так, профессор К.И. Амирбеков считает законность «частью правовой системы общества, в котором функционируют юридические механизмы выявления потребностей в современной разработке, принятии востребованного законодательства и внесении необходимых изменений или отмене утративших целесообразность законов» [Амирбеков: 2–5].

Глубина научного суждения К.И. Амирбекова усматривается в возможности применения предложенной им трактовки законности в разных плоскостях государственного регулирования общественных отношений. Наиболее удачно она вписывается в проекцию деятельности правоохранительных

органов. Именно в этой сфере систематично вытекают на поверхность все пробелы действующего в России законодательства, которые, с одной стороны, создают благоприятные условия лицам для ухода от заслуженной юридической ответственности за совершенные правонарушения, для незаконного обогащения в обход нормативно установленных требований фискальной политики, для выстраивания твердой правовой защиты от обоснованных претензий правоохранителей. С другой стороны, бреши нормативной правовой системы, низкое качество юридической техники затормаживают наступательность в работе правоохранительных органов по противодействию преступному элементу, негативно влияют на процессы сбора, фиксации и накопления доказательств, на характер уголовного преследования за совершенные преступления, подрывают фундаментальные основы неотвратимости наказания за нарушение административного, уголовного и иных законов. Таким образом, обеспечивая законность в государстве, правоохранительные органы на своем практическом опыте регулярно и методично формируют портфель заявок на усовершенствование законодательства, его содержательную чистку и в целом приведение в порядок согласно развивающимся в динамике общественным отношениям.

Не углубляясь в детальный анализ представленных в теории права точек зрения, подчеркиваем, что часть из них была конкретизирована и адаптирована к специфике ОРД. Об этом свидетельствует имеющая место дискуссия, отражающая схожие и местами полярные мнения исследователей относительно сущности законности в ОРД.

Как считает А.С. Гузова, законность по отношению к ОРД предполагает точное и неукоснительное исполнение законов и подзаконных нормативных правовых актов (различных постановлений, приказов, распоряжений, правил, инструкций и положений) всеми субъектами ОРД [Гузова: 210].

Такое определение законности в содержательном смысле нам кажется неполным, не учитывающим иные важные черты организации ОРД. В этом ключе импонирует позиция А.Н. Домрачевой, Х.Ш. Сафина и Г.А. Федяевой, которые отмечают, что «в современных условиях развития государства законность в работе государственных органов следует воспринимать как основной принцип деятельности, включающий в себя не только строгое и неуклонное исполнение законов, но и своевременное выявление и устранение нарушений, их предупреждение» [Домрачева, Сафин, Федяева: 107].

Предлагаемое понимание законности существенно выигрывает акцентом на превентивную функцию ОРД, выражающуюся в организации действенного контроля за девиантным поведением лиц, представляющих оперативный интерес. Как известно, предупредить преступление означа-

ет непосредственно повлиять оперативно-розыскными силами, средствами и методами на лицо, имеющее намерение совершить преступление, либо на причины и условия, содействующие его совершению. Поэтому закономерно, что в правоприменительной практике оперативных подразделений состояние законности зависит от уровня предупредительной работы, а точнее от ее своевременности и эффективности.

Размышляя над сущностью законности с позиции парадигмы разделения права и закона, Г.П. Середина указывает на следующую конкретизацию. Так, опираясь на многолетний опыт руководящей работы в органах прокуратуры, в том числе Генеральной прокуратуры Украины, он считает, что, «во-первых, речь должна идти о соблюдении не предписаний нормативных актов, а правовых норм, то есть права в целом и правовых обычаев, в частности. Во-вторых, законность должна характеризовать не только поведение лиц, но и соответствие законов праву. В-третьих, законность как правовой режим (*de lege lata*) в определенной степени отображается в общественном правосознании и становится принципом права (*de lege ferenda*), то есть имеет собственные объективную и субъективную стороны» [Середина: 11].

На наш взгляд, связь законности с правосознанием человека небесспорна. Низкие показатели правосознания порождают инфантильность мышления, формируют примитивный менталитет и, в конечном итоге, влекут маргинальное поведение, отклоняющееся от нормативно установленных предписаний. Обеспечение законности в государстве с приземленным уровнем правосознания его граждан – априори невыполнимая задача.

По мнению Э.А. Дидоренко, Б.И. Бараненко и других авторитетных ученых, имеющих значительный опыт оперативной работы, «законность в ОРД представляет собой определенную систему правовых отношений в обществе, которые закреплены законом и реализуются при осуществлении этой деятельности ее непосредственными субъектами и иными участниками. Реализация законности в ОРД – это сложный нормативно-правовой, организационный, практический и контрольно-надзорный процесс, в котором задействованы различные уполномоченные на то государственные органы и отдельные исполнители» [Основы: 173].

Приведенные и иные подходы исследователей к познанию сущности законности в ОРД нашли отражение в комментариях к профильным для исследуемой проблемы законам.

Так, в украинском варианте комментария к закону «Об оперативно-розыскной деятельности», подготовленном В.Я. Мацюком, С.А. Панасюком, В.А. Николайчуком и другими авторами, законность в ОРД трактуется как «нормативно-правовые требования (положения), выполняющие конкрет-

ные регулятивные функции и обязывающие всех должностных лиц, осуществляющих ОРД, неукоснительно выполнять все нормы Конституции, действующего уголовного, уголовно-процессуального и оперативно-розыскного законодательства» [Научно-практический комментарий: 39].

Схожую по смыслу интерпретацию законности содержит комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности», ответственным редактором которого выступил В.С. Овчинский. По мнению его авторов, «законность – это точное и безусловное соблюдение субъектами ОРД Конституции РФ, Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», иных законодательных и нормативно-правовых актов» [Комментарий: 18]. Однако в данном комментарии в отличие от предыдущего делается существенное, как нам кажется, уточнение о том, что гарантии законности рассматриваются шире и не ограничиваются лишь такой формой реализации права, как его соблюдение субъектами ОРД. Система гарантий законности предполагает совокупность государственных гарантий, исключающих возможность злоупотреблений при осуществлении ОРД, обеспечение защиты нарушенных прав, контроля и надзора за субъектами этой деятельности.

Вышеуказанное уточнение содержит важный аспект, который редко упоминается как в классических, так и в современных исследованиях проблем законности, – обеспечение защиты нарушенных прав. В порядке исключения можно привести совместную работу Н.Д. Бут и А.Н. Ларькова, в которой законность рассматривается в близком ракурсе – через призму действенной реализации субъективных прав. Так, законность в экономической деятельности, по мнению ученых, по своей сути «близка к формирующейся в правосознании идеи, которая заключается в целесообразности и необходимости такого реального правомерного поведения всех участников общественных отношений, при котором не оставалось бы места для анархии и вседозволенности, фактически достигалась бы всеобщность права, действительная реализация субъективных прав» [Бут, Ларьков: 89].

В ином спектре представлений (в привязке к предмету надзорной деятельности прокуратуры) раскрывается законность в комментариях к Федеральному закону «О прокуратуре Российской Федерации». Так, по мнению А.Ю. Винокурова, «законность решений, принимаемых органами, осуществляющими ОРД, оценивается через призму таких понятий, как: 1) обоснованность решения с точки зрения возможности его принятия на основании нормы закона; 2) правомерность принятия основанного на требованиях закона решения уполномоченным на то лицом» [Винокуров: 294].

На наш взгляд, вышеприведенные мнения ученых представляют научный интерес, в своем

большинстве логичны и аргументированы, так как опираются на предписания Федеральных законов «Об оперативно-розыскной деятельности», «О прокуратуре Российской Федерации», а также положения одноименных нормативных правовых актов Украины. Также они соответствуют часто используемой в юридической науке догме, согласно которой «конституционный принцип законности означает, что должностные лица оперативных подразделений при осуществлении ОРД руководствуются требованиями Конституции, оперативно-розыскным законодательством и различными ведомственными правовыми актами, составляющими правовую основу этой деятельности» [Гузова: 210].

В целом, придерживаясь позиции С.С. Алексеева, согласно которой юридическая природа определяется через юридические характеристики правового явления, позволяющие увидеть его структуру, место и роль среди других правовых явлений в соответствии с его социальной природой [Алексеев 1989: 227], руководствуясь результатами системного анализа вышеизложенных и иных вышедших в свет научных положений, можно прийти к следующим выводам:

1. Понятие законности является одним из наиболее важных в российской правовой науке и правоприменительной практике. Особо значимую и весомую роль квинтэссенция законности играет в такой разновидности правоохранительной деятельности, как ОРД.

2. Законность является социально-правовым явлением, которое можно рассматривать как принцип, метод либо режим.

3. Законность как явление развивается, изменяется вместе с обществом, правом и государством. Современное понимание сущности законности в ОРД опирается на уроки истории, имеющие не только конструктивное значение, но и трагический характер.

4. Законность ассоциируется с особой социальной ценностью, охраняемой легальными средствами из-за признания права в качестве наиболее эффективного способа регулирования общественных отношений. С помощью законов устанавливается порядок, обеспечивается гармония в обществе, гарантируются права и свободы граждан.

5. Понимание и толкование законности зачастую не учитывает фундаментальные сдвиги, произошедшие в правовом регулировании общественных отношений, в том числе оперативно-розыскных отношений, постсоветского периода становления российского законодательства.

На наш взгляд, современные условия выполнения задач ОРД диктуют острую необходимость в уточнении и даже пересмотре сущности законности путем перехода от узкого к широкому пониманию ее юридической природы и, соответственно, содержания. «Считаем, что в ряду

с нормативистским подходом в такой сфере, как ОРД, должен применяться правовой подход, требующий подчинения законности более высоким правовым принципам и идеалам, например справедливости. При таком понимании в орбиту законности принимаемых оперативно-розыскных решений попадает не только их правомерность, но и эффективность ОРД в противодействии преступности, а также фактические результаты работы по восстановлению нарушенных прав граждан» [Пашин, Бабичев: 34].

Отдельные положения представленного исследования были апробированы на XXI Международном научно-практическом форуме «Юртехнетика» на тему «Система принципов российского законодательства: техника закрепления, интерпретации, реализации», проведенном 25–28 сентября 2019 года на базе Нижегородской академии МВД Российской Федерации. Не претендуем на безапелляционность предложенных автором измышлений. Надеемся на их критическое обсуждение. Приглашаем к содержательной конструктивной дискуссии.

Список литературы

Александров Н.Г. Право и законность в период развернутого строительства коммунизма. М.: Госюриздат, 1961. 271 с.

Алексеев С.С. Проблемы теории права. М., 1997. 400 с.

Алексеев С.С. Общие дозволения и запреты в советском праве. М.: Юридическая литература, 1989. 288 с.

Амирбеков К.И. Трансформация взглядов на понимание законности как правовой категории // Российская юстиция. 2016. № 4. С. 2–5.

Бут Н.Д., Ларьков А.Н. Свобода экономической деятельности и законность: монография. М.: Юрлитинформ, 2010. 424 с.

Винокуров А.Ю. Прокурорская деятельность: 25 лет эволюции // Прокуратура: вчера, сегодня, завтра (Сухаревские чтения): сб. материалов II Междунар. науч.-практ. конф. (г. Москва, 7 октября 2016 г.). С. 64–75.

Винокуров А.Ю. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «О прокуратуре Российской Федерации» (постатейный): в 2 т. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Юрайт, 2018. Т. 1. 359 с.

Гузова А.С. К вопросу о соблюдении законности в оперативно-розыскной деятельности при реализации функции прокурорского надзора // Вестник КрасГАУ. 2012. № 4. С. 210–212. URL: file:///C:/Users/Dmitriy/Desktop/k-voprosu-o-soblyudenii-zakonnosti-v-operativno-rozysknoy-deyatelnosti-pri-realizatsii-funktsii-prokurorskogo-nadzora.pdf (дата обращения: 29.10.2019).

Гусев В.А., Луговик В.Ф. Теория оперативно-розыскных процедур: монография. М.: Проспект, 2019. 336 с.

Домрачева А.Н., Сафин Х.Ш., Федяева Г.А. Законность в деятельности государственных органов Российской Федерации и проблемы совершенствования понятия «законность» // Вестник Российского университета кооперации. 2018. № 3. С. 105–107.

Захарцев С.И. Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке: монография / С.И. Захарцев, Ю.Ю. Игнащенко, В.П. Сальников. М.: Норма, 2015. 400 с.

Клочков В.В. Актуальные проблемы теории законности и прокурорского надзора: монография / сост.: А.В. Клочкова, О.В. Пристанская; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. М., 2012. 262 с.

Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности»: С приложением решений Конституционного Суда Российской Федерации и обзоров практики Европейского Суда по правам человека / отв. ред. В.С. Овчинский; вступ. ст. В.Д. Зорькина. 3-е изд., доп. и перераб. М.: Норма: ИНФРА-М, 2019. 576 с.

Луговик В.Ф. Правовой статус оперуполномоченного при проведении оперативно-розыскных мероприятий: монография / В.Ф. Луговик, С.М. Лугович. М.: ИНФРА-М, 2018. 156 с.

Науково-практичний коментар Закону України «Про оперативно-розшукову діяльність»: станом на 01.05.2011 р. / В.Я. Мацюк, С.А. Панасюк, В.А. Ніколайчук та ін.; за заг. ред. В.Я. Мацюка. К.: Видавничий дім «Професіонал», 2011, 304 с.

Основы оперативно-розыскной деятельности в Украине (понятие, принципы, правовое обеспечение): учеб. пособие / Э.А. Дидоренко, Б.И. Бараненко, В.А. Глазков и др.; под ред. проф. Э.В. Виленской; МВД Украины, Луг. акад. внутр. дел им. 10-летия независимости Украины. Луганск: РИО ЛАВД, 2006. Ч. 1. 245 с.

Пашин В.М., Бабичев Д.А. Прокурорский надзор за законностью оперативно-розыскных решений в зеркале реформирования контрольно-надзорной деятельности // Вестник Российской правовой академии. 2019. № 3. С. 31–36.

Сервецький І.В. Теорія принципів розшукового права: монографія. К., 2007. 310 с.

Середа Г. Законність оперативно-розшукової діяльності як мета та завдання прокурорського нагляду // Вісник Національної академії прокуратури України. 2009. № 4. С. 11–16.

References

Aleksandrov N.G. *Pravo i zakonnost' v period razvernuto go stroitel'stva kommunizma* [Law and legality in the period of expanded construction of communism]. Moscow, Gosyurizdat, 1961, 271 p. (In Russ.)

Alekseev S.S. *Problemy teorii prava* [Problems of legal theory]. Moscow, 1997, 400 p. (In Russ.)

Alekseev S.S. *Obshchie dozvoleniya i zaprety v sovetskom prave* [General permissions and prohibitions

in Soviet law]. Moscow, YUridicheskaya literatura Publ., 1989, 288 p. (In Russ.)

Amirbekov K.I. *Transformatsiya vzglyadov na ponimanie zakonnosti kak pravovoy kategorii* [Transformation of views on the understanding of legality as a legal category]. *Rossiyskaya yustitsiya* [Russian justice]. 2016, № 4, pp. 2–5. (In Russ.)

But N.D., Lar'kov A.N. *Svoboda ekonomicheskoy deyatel'nosti i zakonnost': monografiya* [Freedom of economic activity and legality: monograph]. Moscow: YUritinform Publ., 2010, 424 p. (In Russ.)

Vinokurov A.YU. *Prokurorskaya deyatel'nost': 25 let evolyucii* [Prosecutorial activity: 25 years of evolution]. *Prokuratura: vchera, segodnya, zavtra (Suharevskie chteniya): sb. materialov II Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Prosecutor's office: yesterday, today, tomorrow (Sukharev readings): collection of materials of the II International scientific and practical conference] (g. Moskva, 7 oktyabrya 2016 g.), pp. 64–75. (In Russ.)

Vinokurov A.YU. *Nauchno-prakticheskij kommentarij k Federal'nomu zakonu «O prokurature Rossijskoj Federacii» (postatejnyj)* [Scientific and practical commentary on the Federal law “on the Prosecutor's office of the Russian Federation” (article by article)]: v 2 t. 3-e izd., pererab. i dop. Moscow, Izdatel'stvo YUrajt Publ., 2018, vol. 1, 359 p. (In Russ.)

Guzova A.S. *K voprosu o soblyudenii zakonnosti v operativno-rozysknoj deyatel'nosti pri realizacii funktsii prokurorskogo nadzora* [On the issue of compliance with the law in operational investigative activities in the implementation of the function of Prosecutor's supervision]. *Vestnik KrasGAU* [Bulletin Of Krasgau], 2012, № 4, pp. 210–212. URL: file:///C:/Users/Dmitriy/Desktop/k-voprosu-o-soblyudenii-zakonnosti-v-operativno-rozysknoj-deyatelnosti-pri-realizatsii-funktsii-prokurorskogo-nadzora.pdf (data obrashcheniya: 29.10.2019). (In Russ.)

Gusev V.A., Lugovik V.F. *Teoriya operativno-rozysknykh procedur: monografiya* [The theory of operational-investigative procedures: monograph]. Moscow, Prospekt Publ., 2019, 336 p. (In Russ.)

Domracheva A.N., Safin H.SH., Fedyaeva G.A. *Zakonnost' v deyatel'nosti gosudarstvennykh organov Rossijskoj Federacii i problemy sovershenstvovaniya ponyatiya «zakonnost'»* [Legality in the activities of state bodies of the Russian Federation and problems of improving the concept of “legality”]. *Vestnik Rossijskogo universiteta kooperacii* [Bulletin Of the Russian University of cooperation], 2018, № 3, pp. 105–107. (In Russ.)

Zaharcev S.I. *Operativno-rozysknaya deyatel'nost' v HKHI veke: monografiya* [Operational and investigative activities in the twenty-FIRST century: monograph], S.I. Zaharcev, YU.YU. Ignashchenkov, V.P. Sal'nikov. Moscow, Norma Publ., 2015, 400 p. (In Russ.)

Klochkov V.V. *Aktual'nye problemy teorii zakonnosti i prokurorskogo nadzora: monografiya* [Actual

problems of the theory of legality and Prosecutor's supervision: monograph], sost.: A.V. Klochkova, O.V. Pristanskaya; Akad. Gen. prokuratury Ros. Federacii. Moscow, 2012, 262 p. (In Russ.)

Kommentarij k Federal'nomu zakonu «Ob operativno-rozysknoj deyatel'nosti»: S prilozheniem reshenij Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii i obzorov praktiki Evropejskogo Suda po pravam cheloveka [Comment on the Federal law “on operational search activities”. With the Appendix of decisions of the constitutional Court of the Russian Federation and reviews of the practice of the European Court of human rights], otv. red. V.S. Ovchinskij, vstup. st. V.D. Zor'kina. 3-e izd., dop. i pererab. Moscow, Norma Publ.: INFRA-M Publ., 2019, 576 p. (In Russ.)

Lugovik V.F. *Pravovoj status operupolnomochennogo pri provedenii operativno-rozysknyh meropriyatij: monografiya* [The legal status of a security officer when carrying out quickly-search actions: monograph], V.F. Lugovik, S.M. Lugovich. Moscow, INFRA-M Publ., 2018, 156 p. (In Russ.)

Macyuk V.YA., Panasyuk S.A., Nikolajchuk V.A. [i dr.] *Naukovo-praktichnij komentar Zakonu Ukraïni «Pro operativno-rozshukovu diyal'nist'»* [Scientific and practical commentary on The law of Ukraine “on operational search activities”]. Stanom na 01.05.2011 r., za zag. red. Macyuka V.YA. Kiev, Vidavnychij dim «Profesional» Publ., 2011, pp. 304 p. (In Russ.)

Osnovy operativno-rozysknoj deyatel'nosti v Ukraine (ponyatie, principy, pravovoe obespechenie): uchebnoe posobie [Fundamentals of operational and investigative activities in Ukraine (the concept, principles, legal regulation): textbook], E.A. Didorenko, B.I. Baranenko, V.A. Glazkov i dr.; pod red. prof. E.V. Vilenskoj; MVD Ukrainy, Lug. akad. vnutr. del im. 10-letiya nezavisimosti Ukrainy Publ. Lugansk, RIO LAVD, 2006, p. 1, 245 p. (In Russ.)

Pashin V.M., Babichev D.A. *Prokurorskij nadzor za zakonnost'yu operativno-rozysknyh reshenij v zerkale reformirovaniya kontrol'no-nadzornoj deyatel'nosti* [Prosecutor's supervision of the legality of operational search decisions in the mirror of control and supervision reform]. *Vestnik Rossijskoj pravovoj akademii* [Bulletin of the Russian legal Academy], 2019, № 3, pp. 31–36. (In Russ.)

Serveckij I.V. *Teoriya principiv rozshukovogo prava: monografiya* [The theory of investigative principles of law: monograph]. Kiev, 2007, 310 p. (In Russ.)

Sereda G. *Zakonnist' operativno-rozshukovoi diyal'nosti yak meta ta zavdannya prokurors'kogo naglyadu* [Legality of operational search activity as the purpose and tasks of Prosecutor's supervision]. *Visnik Nacional'noi akademii prokuraturi Ukraïni* [Bulletin of The national Academy of public Prosecutor's office], 2009, № 4, pp. 11–16. (In Russ.)

Джамиль Элла Зурабиевна

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

**ПРАВЕРЕГУЛИРУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПОСТАНОВЛЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОТ 6 ДЕКАБРЯ 2018 ГОДА № 44-П**

Всякое решение Конституционного суда Российской Федерации привлекает самое пристальное внимание юридического сообщества, поскольку влияет на широкий круг общественных отношений и на развитие права в целом. Поэтому не вызывает удивления имеющийся интерес к Постановлению Конституционного суда Российской Федерации № 44-П, принятого 6 декабря 2018 года, по делу о проверке конституционности Закона Республики Ингушетия «Об утверждении Соглашения об установлении границы между Республикой Ингушетия и Чеченской Республикой» и Соглашения об установлении границы между Республикой Ингушетия и Чеченской Республикой в связи с запросом Главы Республики Ингушетия, которое знаменует собой очередной этап в развитии федерализма в России. Сформулированные в данном постановлении выводы уточняют компетенцию Совета Федерации в части установления границ субъектов Российской Федерации, разъясняют вопросы, связанные с проведением референдума и выявления мнения населения соответствующих муниципалитетов при демаркации, а также определяют пределы дискреционных полномочий конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации в части блокирования законов субъектов. Вместе с тем многие выраженные Конституционным судом правовые позиции представляются по меньшей мере дискуссионными и нуждаются в глубоком осмыслении.

Ключевые слова: Конституционный суд, конституционные (уставные) суды, правовые позиции, границы между субъектами, конституционное правосудие, федерализм, территориальное самоопределение, территориальное разграничение, местное самоуправление, референдум.

Информация об авторе: Джамиль Элла Зурабиевна, помощник судьи Арбитражного суда Краснодарского края, аспирант кафедры конституционного и муниципального права Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Краснодар, Россия.

E-mail: hanga17@mail.ru.

Дата поступления статьи в редакцию: 18.12.2019.

Для цитирования: Джамиль Э.З. Праверегулирующий потенциал Постановления Конституционного суда Российской Федерации от 6 декабря 2018 года № 44-П // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 1. С. 212-216. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-1-212-216.

Ella Z. Dzhamil'

Belgorod State National Research University

**LAW-REGULATING POTENTIAL OF THE RESOLUTION OF THE CONSTITUTIONAL COURT
OF THE RUSSIAN FEDERATION NO. 44-П AS OF DECEMBER 6, 2018**

Every decision of the constitutional Court of the Russian Federation attracts the closest attention of the legal community, as it affects a wide range of public relations and the development of law in general. There is therefore no surprise about the interest in the Decision of the constitutional Court of the Russian Federation, on the 6th of December, 2018, No. 44-П adopted on business about check of constitutionality of the Law of the Republic of Ingushetia «On approval of the Agreement on the establishment of the border between the Republic of Ingushetia and the Chechen Republic» and the agreement on the establishment of the border between the Republic of Ingushetia and the Chechen Republic in connection with the request of the Head of Ingushetia, which marks another stage in the development of federalism in Russia. The conclusions formulated in this judgement clarify the competence of the Federation Council in terms of establishing the boundaries of constituent entities of the Russian Federation, which explains the issues related to the referendum and to identification of the views of the population of the respective municipalities when such a demarcation takes place, and definition of the limits of the discretionary powers of the constitutional (Charter) courts of constituent entities of the Russian Federation, in terms of blocking laws of the subjects. At the same time, many of the legal positions expressed by the Court appear to be at least controversial and need adequate reflection.

Keywords: constitutional Court, constitutionality (statutory) courts, legal positions, borders between subjects, constitutional justice, federalism, territorial self-determination, territorial delimitation, local self-government, referendum.

Information about the author: Ella Z. Dzhamil', assistant judge of the Arbitration court of Krasnodar Region, post-graduate student of the Department of constitutional and municipal law of Belgorod State National Research University, Krasnodar, Russia.

E-mail: hanga17@mail.ru.

Article received: December 18, 2019.

For citation: Dzhamil' E.Z. Law-regulating potential of the Resolution of the constitutional Court of the Russian Federation No. 44-П as of December 6, 2018 // Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 1, pp. 212-216. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-1-212-216.

Предметом Постановления Конституционного суда Российской Федерации № 44-П по делу о проверке конституционности Закона Республики Ингушетия «Об утверждении Соглашения об установлении границы между Республикой Ингушетия и Чеченской Республикой» и Соглашения об установлении границы между Республикой Ингушетия и Чеченской Республикой в связи с запросом Главы Республики Ингушетия¹ (далее – Постановление № 44-П) стал вопрос о соответствии Конституции РФ подписанного в конце сентября 2018 года Главами Республики Ингушетия и Чеченской Республики Соглашения об установлении границы между республиками, которая не была определена на момент распада Чечено-Ингушской АССР. Вопрос установления границы между двумя этими республиками продолжительное время оставался неурегулированным. В разные периоды субъектами подписывались акты об инициировании данной процедуры, но эти попытки оказывались безрезультативными.

Однако в сентябре 2018 года неожиданно для всех, без каких-либо публичных обсуждений и без обращения к средствам прямой демократии, главами обеих Республик подписано Соглашение об установлении границы между субъектами (далее – Соглашение), согласно которому значительная часть территории, которая до того принадлежала Республике Ингушетия, передана Чеченской Республике. Соответствующий проект закона об утверждении Соглашения в кратчайшие сроки был внесен в Народное собрание Республики Ингушетия (парламент Республики) и 4 октября 2018 года, несмотря на вызванный этой ситуацией серьезный общественный резонанс, принят тайным голосованием. Данное событие послужило поводом к глубокому общественно-политическому кризису и довольно крупному, если не самому масштабному в новейшей истории Республики Ингушетия, протестному движению, которое сопровождалось нарастанием межнациональной напряженности.

Закон Чеченской Республики от 4 октября 2018 года «Об утверждении соглашения об установлении границы между Республикой Ингушетия и Чеченской Республикой» вступил в силу 15 октября 2018 года, а соответствующий Закон Республики Ингушетия – 16 октября 2018 года. В этот же день Соглашение было утверждено и стало обязательным для обеих республик².

Однако группа депутатов Народного собрания Республики Ингушетия оспорила вышеуказанный Закон Республики Ингушетия, обратившись в Конституционный суд Ингушетии (далее – КС РИ). Рассмотрев данный вопрос, КС РИ признал доводы заявителей в полной мере обоснованными и признал спорные акты не соответствующими Конституции РИ. Из содержания Постановления³

следует, что в его обоснование легли следующие доводы: необходимым условием изменения границ Республики является рассмотрение вопроса на региональном референдуме; изменение территории, на которой осуществляется местное самоуправление, невозможно без учета мнения населения соответствующего муниципального образования; в самой процедуре принятия закона допущены грубые нарушения законотворческого процесса, что привело к искажению волеизъявления депутатов.

Вследствие этого 8 ноября 2018 года Глава Ингушетии обратился в Конституционный суд Российской Федерации (далее также – Конституционный Суд РФ, КС РФ), который оказался перед нелегкой задачей соизмерить конституционные ценности демократической легитимности и территориальной определенности.

Заявитель полагал, что соответствующий закон Республики Ингушетия и Соглашение, вопреки решению КС РИ, подлежат действию и в полной мере соответствуют Конституции РФ, основываясь на том, что ни федеральная Конституция, ни и Конституция Республики Ингушетия не закрепляют в качестве обязательной процедуры при установлении границы между республиками (в отличие от изменения уже установленной) проведение референдума и обеспечение согласия населения муниципальных образований. Кроме того, по мнению заявителя, парламентом не были нарушены требования к порядку принятия республиканских законов, а производство по запросу группы депутатов парламента республики должно было быть прекращено, поскольку число депутатов, подписавших запрос, составило менее 1/3 от общего числа депутатов.

Сама постановка главой Ингушетии перед Конституционным судом РФ вопроса о проверке конституционности актов Республики Ингушетия вопреки принятому КС РИ постановлению, безусловно, вызвала противоречивые оценки. Среди ожиданий в отношении перспектив разбирательства были надежды и пожелания, связанные с отказом в принятии данного запроса к рассмотрению или по крайней мере прекращением рассмотрения дела по итогам публичного слушания.

Надо сказать, решение Конституционного суда РФ породило немало споров касательно убедительности аргументации. Особый интерес вызывают позиции, выработанные Конституционным судом впервые, и изменение им своих предыдущих позиций. Формат настоящей статьи не дает возможности изложить развернутый анализ постановления, но попробуем обозначить основные его аспекты, которые в дальнейшем нуждаются в серьезном осмыслении.

Конституционный суд Российской Федерации пришел к выводу, что применительно к ситуации правовой неопределенности в вопросе о границе

между сопредельными субъектами речь идет не об изменении принадлежности какой-либо территории, а об их взаимной потребности разграничить свои земли и разрешить вопрос об установлении границы. В данном случае, принимая во внимание то, что определение границ не только право, но и конституционная обязанность, КС РФ признал, что урегулирование этого вопроса возможно и необходимо самими субъектами Федерации вне связи с обязательным участием Совета Федерации.

Вместе с тем в рассматриваемом Постановлении определяющее значение придается государственно-властным началам, в частности прямо относящимся к политической целесообразности. При этом КС РФ излагает суждения о том, что состоявшееся по проверяемым актам соглашение с точки зрения социально-экономической и иной целесообразности в данном деле не оценивается и оцениваться не может (абз. 4 пункта 1.2 мотивировочной части Постановления № 44-П).

Однако если по логике решения КС РФ такого рода соглашения не нуждаются в утверждении со стороны Совета Федерации, призванного, очевидно, выполнять в аналогичных случаях «изменения» границ контрольную и гарантирующую функции – как для обеспечения территориальной целостности Российской Федерации, так и в целях исключения субъективистских и диспаритетных решений, то должны существовать иные, объективные социально-правовые факторы, оправдывающие расчет на сдерживание возможного произвола и злоупотреблений.

Если даже согласиться с выводами суда о том, что применительно к первичному установлению границ субъектов Российской Федерации роль самой Федерации может быть иной, чем в случае изменения границ, то остается закономерный вопрос об обеспечении на уровне федерального законодательства необходимых основных институциональных гарантий законной и справедливой процедуры урегулирования территориальной неопределенности.

Одним из выводов, изложенных в Постановлении № 44-П, который трудно принять без возражений, является правовая позиция о том, что референдум не может подменять органы народного представительства.

Заявителем конституционной жалобы утверждалось, что Конституция РФ и Конституция Республики Ингушетия не закрепляют в качестве обязательной процедуры при установлении границы между республиками (в отличие от изменения уже установленной) проведения референдума и согласия населения муниципальных образований.

Оценивая проверяемые нормативные акты в части оснований для утверждения Соглашения в законодательном порядке, а не посредством проведения республиканского референдума, КС РФ пришел

к выводу о допустимости такого решения, поскольку ни законодательство Российской Федерации, ни законодательство субъекта РФ не закрепляют императивную обязанность проводить референдум по вопросу первичного установления границы между субъектами Российской Федерации.

Рассматривая данный вопрос, КС РФ обратился к ранее сформулированным позициям, выраженным в Постановлениях от 11 июня 2003 года № 10-П⁴ и от 21 марта 2007 года № 3-П⁵, касательно того, что референдум и свободные выборы как способ формирования выборных органов публичной власти, будучи равноценными формами непосредственной демократии, имеют свои особенности, что обязывает законодателя при определении возможностей их использования исходить из того, что референдум не может подменять органы народного представительства.

Конституция РФ не закрепляет, в каких случаях проведение субъектами РФ референдума для решения вопросов, затрагивающих их территориальную организацию, является обязательным, и не исключает его проведение, если такая возможность установлена федеральным законом или конституцией (уставом) и законом субъекта РФ.

В этой связи КС РФ исходит из того, что Конституция Республики Ингушетия⁶, предусматривая при установлении и изменении границ между административно-территориальными образованиями учет мнения населения соответствующей территории (статья 111), вместе с тем не содержит каких-либо положений о проведении референдума или учете мнения населения при решении вопроса о первоначальном определении границы как такового с другими субъектами РФ. Конституционный закон Республики Ингушетия от 31 марта 1997 года № 3-РКЗ «О референдуме Республики Ингушетия»⁷, в свою очередь, представляя перечень вопросов, требующих вынесения на референдум Республики Ингушетия, не относит к ним рассматриваемый вопрос (часть 2 статьи 3).

Нельзя не обратить внимание на вызывающий серьезную тревогу вывод суда относительно осуществления власти – как с точки зрения ограничения права народа на участие в референдуме и голосовании, так и с точки зрения значительного упрощения принятия органами государственной власти судьбоносных решений: не только с игнорированием мнения населения, но даже без соблюдения ими же установленных правил.

Озабоченность вызывает такое толкование законодательства, которое допускает авторитарное изменение административно-территориального устройства без обеспечения соблюдения прав местного самоуправления. В данном вопросе КС РФ обозначил конституционное право органов власти субъекта РФ создавать муниципальные образования в пределах своей территории, однако

указал на то, что пока границы самого субъекта не определены, границы муниципальных образований, сопредельных с другим субъектом федерации, также нельзя рассматривать как утвержденные. Иное позволяло бы населению муниципальных образований блокировать фиксацию границы между сопредельными субъектами РФ. А вопросы организации местного самоуправления являются вторичными по отношению к вопросам определения границ субъектов РФ.

Таким образом, референдум в Ингушетии, по мнению КС РФ, не является необходимым при установлении границы с соседней республикой.

Прежде всего, следует сказать о том, что само принятие запроса КС РФ вызвало ряд вопросов, поскольку КС РФ проверяет конституционность нормативного правового акта, и, следовательно, запрос должен содержать доводы заявителя о конституционности или неконституционности оспариваемого акта. В запросе Главы Республики Ингушетия не содержится ни одного такого аргумента, а все три довода выражают несогласие с решением регионального конституционного суда, при отсутствии других обоснований.

Вместе с тем КС РФ ранее в своих правовых позициях указывал, что суд не вправе принять к рассмотрению нормативные положения, если они прямо не указаны в запросе как противоречащие, по мнению заявителей, Конституции Российской Федерации и, соответственно, в запросе отсутствует необходимая аргументация.

Признавая Закон Республики Ингушетия «Об утверждении Соглашения об установлении границы между Республикой Ингушетия и Чеченской Республикой» не соответствующим Конституции Республики Ингушетия по порядку принятия, КС РФ в обоснование своей позиции указал, что данный Закон в нарушение Регламента парламента Ингушетии был принят в трех чтениях одним голосованием, при этом голосование было не открытым, а тайным, и к тому же протокол счетной комиссии о его результатах не был утвержден постановлением парламента Ингушетии.

В Постановлении № 44-П указывается на то, что Закон «Об утверждении Соглашения об установлении границы между Республикой Ингушетия и Чеченской республикой» является специальным законом, в содержание которого входит всего две статьи, первой из которых Соглашение утверждается, а второй – вводится в действие. В силу этого не предполагается ни изменение концепции законопроекта, ни внесение депутатами правок в текст. Таким образом, КС РФ пришел к выводу, что отступления от процедурных требований были связаны не с волеизъявлением, а с оформлением результатов голосования, что не дает оснований для признания оспариваемого акта противоречащим Конституции РФ по порядку принятия.

Рассматривая данную проблему, КС РФ также указал, что согласно правовым основам деятельности КС РФ запрещено проверять на соответствие Конституции Республики Ингушетия вступившее в силу Соглашение с другим субъектом РФ и закон о его утверждении, и КС РФ в любом случае был не вправе принять решение об отмене этих актов. В случае признания таких актов соответствующими Конституции РФ они не могут считаться утратившими силу и подлежат действию, заявил КС РФ, фактически отменив решение КС РФ.

Таким образом, КС РФ пришел к выводу, что Соглашение об установлении границы между Ингушетией и Чечней, а также закрепивший его Закон Республики Ингушетия не противоречат Конституции РФ.

Таким образом, Постановление КС РФ № 44-П имело целью разрешить вопрос, связанный с выполнением конституционной обязанности двух субъектов Российской Федерации в части установления границы между ними, с тем чтобы прекратить состояние территориальной неурегулированности. На это неоднократно указывается в самом постановлении. С этой точки зрения оно может оцениваться как еще один шаг на пути развития федерализма в России. Однако анализ выводов, сформулированных КС РФ, показывает их некоторую спорность либо неполноту. Так, КС РФ фактически оставил без внимания и никак не прокомментировал тот факт, что парламента Ингушетии не утвердил протокол счетной комиссии. Формально за соглашение проголосовали 17 депутатов, против – три, воздержались – пять. Но одиннадцать депутатов впоследствии подписали заявление о том, что они голосовали против и обвинили счетную комиссию в фальсификации. Также позиция КС РФ относительно решения КС РФ дает основания считать, что конституционные (уставные) суды субъектов РФ лишаются своей собственной компетенции и их дальнейшее существование также лишено смысла.

Примечания

¹ По делу о проверке конституционности Закона Республики Ингушетия «Об утверждении Соглашения об установлении границы между Республикой Ингушетия и Чеченской Республикой» и Соглашения об установлении границы между Республикой Ингушетия и Чеченской Республикой в связи с запросом Главы Республики Ингушетия: Постановление Конституционного Суда РФ от 6 декабря 2018 г. № 44-П // СЗ РФ. 2018. № 51. Ст. 8095.

² См.: Об утверждении соглашения об установлении границы между Республикой Ингушетия и Чеченской Республикой: Закон Чеченской Республики от 04.10.2018 года № 45-РЗ; Об утверждении Соглашения об установлении границы между Рес-

публикой Ингушетия и Чеченской Республикой: Закон Республики Ингушетия от 04.10.2018 года № 42-рз // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

³ Постановление Конституционного суда Республики Ингушетия от 30 октября 2018 г. № 19-П // Сердало: общенациональная газета. 2018. 3 нояб.

⁴ По делу о проверке конституционности Федерального конституционного закона «О внесении изменения и дополнения в Федеральный конституционный закон “О референдуме Российской Федерации”»: Постановление Конституционного Суда РФ от 11.06.2003 г. № 10-П // СЗ РФ. 2003. № 25. Ст. 2564.

⁵ По делу о проверке конституционности ряда положений статей 6 и 15 Федерального конституционного закона «О референдуме Российской Федерации» в связи с жалобой граждан В.И. Лакеева, В.Г. Соловьева и В.Д. Уласа: Постановление Конституционного Суда РФ от 21.03.2007 № 3-П // СЗ РФ. 2007. № 14. Ст. 1741.

⁶ Конституция Республики Ингушетия (принята всенародным голосованием 27 февраля 1994 года). URL: <http://pravitelstvori.ru/republic/constitution/> (дата обращения: 06.03.2019).

⁷ О внесении изменений и дополнений в Конституционный закон Республики Ингушетия «О референдуме Республики Ингушетия»: Конституционный закон Республики Ингушетия от 20.05.2003 года № 13-РКЗ: (принят Народным Собранием РИ 08.05.2003) // Ингушетия. 24.05.2003. № 52.

Список литературы

Джагарян А.А. Территориальные границы и границы конституционности: в тексте и контексте Постановления Конституционного Суда РФ от 6 декабря 2018 года № 44-П // Сравнительное конституционное обозрение. 2019. № 1. С. 107–121.

Евлоев И.М. Отдельные аспекты законотворческого процесса: размышления по итогам рассмотренного дела // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 1. С. 82–86.

Евлоев И.М. Постановление Конституционного Суда России о границах между субъектами Российской Федерации: разрешение спора или усугу-

бление проблемы? Комментарий к Постановлению от 6 декабря 2018 года № 44-П // Сравнительное конституционное обозрение. 2019. № 1. С. 92–106.

Мисроков Т.З. Границы между субъектами Российской Федерации: вопросы конституционно-правовой идентичности // Государственная власть и местное самоуправление. 2019. № 8. С. 8–11.

References

Dzhagaryan A.A. *Territorial'nye granitsy i granitsy konstitutsionnosti: v tekste i kontekste Postanovleniia Konstitutsionnogo Suda RF ot 6 dekabria 2018 goda № 44-P* [Territorial and constitutional boundaries: in the text and context of the Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 6, 2018 No. 44-P]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie* [Comparative Constitutional Review], 2019, № 1, pp. 107–121. (In Russ.)

Evloev I.M. *Otdel'nye aspekty zakonotvorcheskogo protsessa: razmyshleniia po itogam rassmotrennogo dela* [Some aspects of the legislative process: reflections on the results of the considered case]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [Laws of Russia: experience, analysis, practice], 2019, № 1, pp. 82–86. (In Russ.)

Evloev I.M. *Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda Rossii o granitsakh mezhdu sub"ektami Rossiiskoi Federatsii: razreshenie spora ili usugublenie problemy? Kommentarii k Postanovleniiu ot 6 dekabria 2018 goda № 44-P* [Resolution of the Constitutional Court of Russia on the boundaries between the constituent entities of the Russian Federation: resolution of a dispute or aggravation of a problem? Commentary on the Decree of December 6, 2018 No. 44-P]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie* [Comparative Constitutional Review], 2019, № 1, pp. 92–106. (In Russ.)

Misrokov T.Z. *Granitsy mezhdu sub"ektami Rossiiskoi Federatsii: voprosy konstitutsionno-pravovoi identichnosti* [Borders between the subjects of the Russian Federation: issues of constitutional and legal identity]. *Gosudarstvennaia vlast' i mestnoe samoupravlenie* [State power and local self-government], 2019, № 8, pp. 8–11. (In Russ.)

DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-1-217-220
УДК 658.71

Мельников Иван Николаевич
Костромской государственный университет
Климова Анастасия Юрьевна
Костромской государственный университет

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ КОНТРАКТНОЙ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Государственные закупки на сегодняшний день являются одним из ключевых процессов, который обеспечивает потребности государства, поэтому они нуждаются в постоянном совершенствовании. В данной статье рассматриваются вопросы повышения эффективности системы государственных закупок и устранение административных и правовых барьеров на пути реализации данного института. Современная наука и практика фиксирует значительное количество недостатков в работе контрактной системы государственных закупок. В представленной статье рассмотрены лишь некоторые из них, такие как: долговременная аккредитация для участия в торгах, наличие обеспечения заявки и контракта, а также наличие дефицита качественного кадрового потенциала заказчиков ввиду отсутствия квалификационных требований. На основании исследования правореализационной и правоприменительной практик в сфере государственных закупок были выявлены актуальные проблемы, препятствующие достижению плановых показателей эффективности работы системы государственных закупок и решению стратегических государственных целей в вопросах противодействия коррупции и эффективного расходования бюджетных средств. В результате проведенного исследования удалось сформулировать предложения по совершенствованию законодательства, направленного на регулирование государственных закупок.

Ключевые слова: государственные закупки, контрактная система, государственный контракт, государственный заказ, заказчик, поставщик, аккредитация.

Информация об авторах: Мельников Иван Николаевич, кандидат юридических наук, и. о. заведующего кафедрой конституционного и муниципального права Юридического института им. Ю.П. Новицкого, Костромской государственной университет, Кострома, Россия.

E-mail: melnikk44@gmail.com.

Климова Анастасия Юрьевна, главный эксперт отдела определения поставщиков, ОГКУ «Агентство государственных закупок Костромской области», Кострома, Россия.

E-mail: Anastasiak2017@yandex.ru.

Дата поступления статьи: 13.01.2020.

Для цитирования: Мельников И.Н., Климова А.Ю. Актуальные вопросы совершенствования контрактной системы государственных закупок в Российской Федерации на современном этапе // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 1. С. 217-220. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-1-217-220.

Ivan N. Mel'nikov
Anastasiya Yu. Klimova
Kostroma State University

TOPICAL ISSUES OF IMPROVING THE CONTRACT SYSTEM OF PUBLIC PROCUREMENT IN THE RUSSIAN FEDERATION AT THE PRESENT STAGE

Public procurement today is one of the key processes that meets the needs of the state, so they need constant improvement. This article discusses the issues of increasing the efficiency of the public procurement system and removing administrative and legal barriers to the implementation of this institution. Modern science and practice fixes a significant number of shortcomings in the work of the public procurement contract system. In the presented article, only a few of them are considered, such as: long-term accreditation for bidding, the availability of security for the application and contract, as well as the lack of quality personnel potential of customers due to the lack of qualification requirements. Based on a study of law enforcement and enforcement practices in the field of public procurement, topical problems have been identified that impede the achievement of planned performance indicators of the public procurement system and the achievement of strategic government objectives in the fight against corruption and the efficient spending of budget funds. Based on the reviewed experience of improvement in the field of public procurement, the existing problems and shortcomings of participation in public procurement by both participants and customers of purchases were identified. Further, ways to solve them were proposed. As a result of the study, it was possible to formulate proposals for improving legislation aimed at regulating public procurement.

Keywords: public procurement, contract system, state contract, state order, customer, supplier, accreditation.

Information about the authors: Ivan N. Mel'nikov, Candidate of Law, Kostroma State University, Kostroma, Russia.

E-mail: melnikk44@gmail.com

Anastasiya Yu. Klimova, chief expert of the supplier determination department, Government procurement agency of Kostroma Region, Kostroma, Russia.

E-mail: anastasiak2017@yandex.ru.

Article received: January 13, 2020.

For citation: Mel'nikov I.N., Klimova A.Yu. Topical issues of improving the contract system of public procurement in the Russian Federation at the present stage. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 1, pp. 217-220 (In Russ.). DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-1-217-220.

На сегодняшний день практически во всех странах государство является основным покупателем товаров и услуг на рынке. Задача обеспечения эффективности государственных закупок является первостепенной, так как объемы государственных закупок занимают значительную долю в хозяйственном обороте [Иванищева: 29].

Государственный заказ представляет собой организационно, экономически и юридически сложный процесс, который регламентируется Федеральным законом от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон о госзакупках). Данный закон пришел на смену Федеральному закону от 21.07.2005 № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» (далее – закон 94-ФЗ), устранив отдельные проблемы, имевшиеся ранее. Новый нормативно-правовой акт претерпел ряд изменений по сравнению со своим предшественником, что в целом качественно отразилось на регулировании государственных закупок в Российской Федерации. Например, расторжение контракта сейчас допускается: по соглашению сторон, по решению суда, а также в случае одностороннего отказа стороны контракта от исполнения контракта, при условии, что такое было предусмотрено контрактом. По закону № 94-ФЗ не было возможности расторжения контракта в случае одностороннего отказа стороны контракта от его исполнения. Данная возможность в настоящее время защищает интересы заказчиков в случае заключения контрактов, которые не удовлетворяют требованиям документации о закупке. Также в законе о госзакупках существенно сократились сроки рассмотрения заявок и заключения контракта, что в свою очередь ускорило процесс закупок в целом.

Государственные и муниципальные закупки представляют собой такие способы закупок, как: аукцион, конкурс, запрос котировок, запрос предложений и закупка у единственного поставщика. Такие способы размещения государственных и муниципальных заказов на обеспечение товарами, выполнение работ, а также оказания услуг в интересах государственных и муниципальных потребностей направлены на максимально возможное удовлетворение потребностей заказчиков. При этом условия проведения процедуры государственной закупки заблаговременно регулируются в документации о закупке.

В настоящее время в целях информационного обеспечения контрактной системы в сфере госзакупок создана Единая информационная система (далее ЕИС), в которой представлена вся необходимая информация о любой конкретной закупке. Подача заявок на участие, а также торги по госу-

дарственным и муниципальным закупкам, проходящие любым из перечисленных выше способов, осуществляются в электронном виде на электронных торговых площадках (далее ЭТП), что обеспечивает максимально возможную прозрачность и открытость процедуры государственных закупок.

На сегодняшний день функционирует достаточное количество электронных площадок для проведения тендеров, связанных с размещением заявок на государственные закупки [Кохан: 121]. Наиболее востребованными с точки зрения оценки количества совершаемых сделок являются: РТС тендер, Росэлторг, Сбербанк АСТ, ЭТП ГПБ, ТЭК-Торг.

Одной из особенностей участия в тендерах является обязательная аккредитация поставщиков на ЭТП и ЕИС. С одной стороны, это подтверждение того, что участник закупки соответствует требованиям законодательства, ЭТП и ЕИС, а с другой, данный факт резко ограничивает участие в государственных и муниципальных закупках большого количества потенциально заинтересованных лиц.

Для того, чтобы получить аккредитацию на площадках, нужно зарегистрироваться в ЕИСе, а затем попасть в Единый реестр участников закупок (далее ЕРУЗ) [Атласкирова: 7]. Также необходима регистрация руководителя организации и создание профиля организации на «Госуслугах». Исполнения требований для прохождения аккредитации на ЭТП и ЕИС не только занимают немало времени, но и требуют специальных навыков от участника или необходимости привлечения сторонних специалистов, что повлечет дополнительные затраты, а значит, и увеличит стоимость конечного продукта, который приобретает заказчик. При этом необходимость нести расходы на стадии до заключения контракта в условиях отсутствия гарантий по дальнейшему получению прибыли отталкивает многих потенциальных участников от участия в торгах [Алексеева: 18].

По Закону о госзакупках срок действия аккредитации в ЕИС составляет три года, причем в закупочных процедурах можно участвовать не позднее чем за три месяца до окончания данной аккредитации. Как следствие, аккредитацию нужно продлевать заранее, но и здесь есть условие – не ранее чем за шесть месяцев до ее окончания.

На наш взгляд, в условиях высокой степени проникновения цифровых платформ и технологий, таких как «Госуслуги», аккредитация могла бы производиться с этого электронного ресурса, минуя дополнительные аккредитационные центры.

В связи с вышеизложенным, в целях формирования эффективных и доступных механизмов доступа к процессу аккредитации в ЕИС и на ЭТП, предлагаем внести следующие изменения в действующее законодательство:

1. Дополнить ст. 24.2 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфе-

ре закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» п. 16, изложить его в следующей редакции: «Участник закупки вправе подать заявку на аккредитацию в Единой информационной системе, а также на электронных торговых площадках через Единый портал государственных услуг, с документами, указанными в настоящей статье. В течение суток после подачи заявки оператор дает согласие либо отказ в аккредитации участника».

2. Пункт 7 ст. 24.2 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» изложить в следующей редакции: «Участник закупки, зарегистрированный в единой информационной системе, вправе пройти регистрацию на новый срок в порядке, установленном настоящей статьей, за месяц до даты окончания срока регистрации».

3. Пункт 9 ст. 24.2 Закона о госзакупках изложить в следующей редакции: «Участник закупки не вправе подавать заявки на участие в электронных процедурах за месяц до даты окончания срока своей регистрации в единой информационной системе».

Еще одной немаловажной проблемой на пути эффективного развития системы государственных закупок является практически сплошное применение механизма обеспечения заявки на участие в закупке, а также механизма обеспечения исполнения контракта по государственному контракту.

На практике очень часто государственные учреждения при проведении расчетов в рамках контрактов используют оплату по факту выполнения работ или поставки товаров для государственных нужд. В итоге некоторые поставщики отказываются от исполнения контракта из-за угрозы разорения, что приводит к включению их в список недобросовестных поставщиков [Богданов: 9].

В данной ситуации правильнее было бы полное исключение из законодательства условий обеспечения заявок и контрактов, что привело бы к росту количества участников закупок, тем самым увеличивающих конкуренцию на рынке госзакупок. А также внести в законодательство обязанность заказчика перед поставщиком по полной оплате до приобретения товара или оказания услуги, что уменьшит риск участников закупок попасть в список недобросовестных поставщиков.

В настоящее время проблемы по осуществлению государственных и муниципальных закупок существуют и со стороны заказчика, для многих организаций закупки стали настоящим испытанием. На данный момент отмечается множество нюансов, препятствующих нормальному функционированию организации. Среди них выделяется такой, как недостаточное обучение и информированность заказчиков о проведении государственных и муниципальных закупок. После внедрения

ЕИС обязанности по закупкам легли на плечи бухгалтеров, юристов и иных специалистов, чьи полномочия не связаны с осуществлением государственных и муниципальных закупок. При этом конкретного и четкого разъяснения, как работать в ЕИС и на ЭТП нигде не дается. Законодательство же устанавливает жесткие ограничения по составлению технического задания документации по закупке, поэтому, если не знать тонкостей конкретного заказа, как следствие можно получить не тот товар, работу или услугу, необходимую организации [Милина: 76].

Исходя из вышеизложенного, необходимо включить в штат или закрепить за иной должностью специалиста, прошедшего подготовку по направлению осуществления государственных закупок. Для этого необходимо разработать единую программу подготовки специалистов и осуществлять периодическую подготовку. Предоставить образовательным организациям, прошедшим государственную аккредитацию, право осуществлять проведение подготовки по указанным программам, в том числе с использованием дистанционных технологий. Для этого необходимы изменения в п. 2 ст. 9 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», и изложить его в следующей редакции: «Заказчики, специализированные организации обязаны обеспечивать прохождение обучения и повышение уровня квалификации и профессионального образования должностных лиц, занятых в сфере закупок, путем направления соответствующего должностного лица на обучение, которое оказывается по утвержденным образовательным программам организациями, прошедшими государственную аккредитацию образовательной деятельности, в соответствии с законодательством Российской Федерации».

Подводя итог всему вышесказанному, следует заметить, что в настоящее время накопилось множество проблем и нюансов, связанных с участием в торгах при поставке товаров, выполнении работ и оказании услуг для государственных и муниципальных нужд. Необходимо систематизировать и упростить участие в государственных торгах как для самих заказчиков, так и для участников закупок.

Список литературы

- Алексеева А.В.* Становление и торможение контрактной системы в России // Актуальные проблемы экономики и общественного сектора. 2017. № 2. С. 12.
- Атласкирова И.* Новеллы в сфере госзакупок // Юрист. 2017. № 25. С. 7.
- Богданов Е.В.* Договоры купли-продажи и поставки: проблемы правоприменения и дифференциации // Законодательство и экономика. 2017. № 1. С. 19–24.

Иванищева А.А. Государственные закупки в России и за рубежом // Академическая публицистика. 2019. № 1. С. 29–32.

Кауфова Ф.Б. Проблемы контрактной системы государственных закупок и пути совершенствования законодательства // Молодой ученый. 2017. № 50. С. 296–298. URL: <https://moluch.ru/archive/184/47242>. (дата обращения: 21.01.2020).

Кохан В.В. Основные проблемы в области регулирования государственных закупок, возможные пути их решения // Молодой ученый. 2017. № 47. С. 119–121.

Лычкова А.Н. Проблемы правового регулирования контрактной системы РФ // Российская газета. 2017. № 1. С. 63–67.

Милина И.А. Проблемы контрактного обеспечения // Аукционный журнал. 2017. № 9. С. 68–79.

Мирошник С.В. Правовая природа контроля в сфере закупок товаров, работ, услуг для государственных (муниципальных) нужд // Российская юстиция. 2019. № 2. С. 2–5.

Овсипян М.В. Проблемы организации государственных и муниципальных закупок // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 9 (63). Ч. 1. С. 31–33.

References

Alekseeva A.V. *Stanovlenie i tormozhenie kontraktnoi sistemy v Rossii* [Formation and deceleration of the contract system in Russia]. *Aktual'nye problemy ekonomiki i obshchestvennogo sektora* [Actual problems of the economy and public sector], 2017, № 2, 12 p. (In Russ.)

Atlaskirova I. *Novelty v sfere goszakupok* [Novelties in the field of public procurement]. *Iurist* [Lawyer], 2017, № 25, 7 p. (In Russ.)

Bogdanov E.V. *Dogovory kupli-prodazhi i postavki: problemy pravoprimeneniia i differentsiatsii* [Sales and delivery contracts: problems of enforcement and differentiation]. *Zakonodatel'stvo i ekonomika*

[Legislation and economics], 2017, № 1, pp. 19–24. (In Russ.)

Ivanishcheva A.A. *Gosudarstvennye zakupki v Rossii i za rubezhom* [Public procurement in Russia and abroad]. *Akademicheskaiia publitsistika* [Academic journalism], 2019, № 1, pp. 29–32. (In Russ.)

Kaufova F.B. *Problemy kontraktnoi sistemy gosudarstvennykh zakupok i puti sovershenstvovaniia zakonodatel'stva* [Problems of the public procurement contract system and ways to improve legislation]. *Molodoi uchenyi* [Young scientist], 2017, № 50, pp. 296–298. URL: <https://moluch.ru/archive/184/47242> (access date: 21.01.2020). (In Russ.)

Kokhan V.V. *Osnovnye problemy v oblasti regulirovaniia gosudarstvennykh zakupok, vozmozhnye puti ikh resheniia* [Main problems in the field of public procurement regulation, possible ways to solve them]. *Molodoi uchenyi* [Young scientist], 2017, № 47, pp. 119–121. (In Russ.)

Lychkova A.N. *Problemy pravovogo regulirovaniia kontraktnoi sistemy RF* [Problems of legal regulation of the contract system of the Russian Federation]. *Rossiiskaia gazeta* [Russian newspaper], 2017, № 1, pp. 63–67. (In Russ.)

Milina I.A. *Problemy kontraktного obespecheniia* [Contract security issues]. *Auktsionnyi zhurnal* [Auction journal], 2017, № 9, pp. 68–79. (In Russ.)

Miroshnik S.V. *Pravovaia priroda kontroliia v sfere zakupok tovarov, rabot, uslug dlia gosudarstvennykh (munitsipal'nykh) nuzhd* [Legal nature of control in the sphere of procurement of goods, works, and services for state (municipal) needs]. *Rossiiskaia iustitsiia* [Russian Justice], 2019, № 2, pp. 2–5. (In Russ.)

Ovsipian M.V. *Problemy organizatsii gosudarstvennykh i munitsipal'nykh zakupok* [Problems of organizing state and municipal procurement]. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal* [International Research Journal], 2017, № 9 (63), ch. 1, pp. 31–33. (In Russ.)

Бриль Геннадий Геннадьевич
Костромской государственный университет
Зайцев Леонид Николаевич
Костромской государственный университет

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОЛИЦИЯ В КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ И ЕЁ КАДРОВЫЙ СОСТАВ В 1826–1867 ГГ.

В статье исследуется процесс зарождения и становления политической полиции Костромской губернии в середине XIX века. Отдельное внимание уделяется вопросу её кадрового обеспечения и широкому применению армейских офицеров для службы в политической полиции. Хронологические рамки охватывают малоизученный период деятельности политической полиции Костромской губернии. Авторы статьи отмечают, что особое место в назначении штаб- и обер-офицеров политической полиции имели Высочайшие приказы о военных чинах. На основе архивных материалов анализируются основные направления служебной деятельности высших чинов политической полиции в регионе. Раскрывается вклад начальников Корпуса жандармов в охрану общественного порядка в рассматриваемый период. Выявлено отношение власти к грамотности среди низших чинов жандармерии. На основе исторических и архивных документов дается заключение о том, что успешной карьере офицерского состава способствовало добросовестное исполнение своих должностных обязанностей, их «отлично-усердная и ревностная служба». Делается вывод о том, что дисциплине среди жандармского состава уделялось особое внимание. Органы политической полиции были независимы от иных ветвей власти, а подчинялись только штабу Корпуса жандармов и III отделению Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Восполняются пробелы в историко-правовом освещении работы органа государственной безопасности в провинции Российской империи на первом этапе его существования.

Ключевые слова: политическая полиция, Положение о Корпусе жандармов, управление Костромского губернского жандармского штаб-офицера, кадровая политика.

Информация об авторах: Бриль Геннадий Геннадьевич, доктор юридических наук, профессор, Костромской государственный университет, Кострома, Россия.

E-mail: g_bril@ksu.edu.ru

Зайцев Леонид Николаевич, старший преподаватель, Костромской государственный университет, Кострома, Россия.

E-mail: zln15@yandex.ru

Дата поступления статьи: 24.01.2020.

Для цитирования: Бриль Г. Г., Зайцев Л. Н. Политическая полиция в Костромской губернии и её кадровый состав в 1826–1867 годы // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 1. С. 221–227. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-1-221-227.

Gennadiy G. Bril'
Kostroma State University
Leonid N. Zaytsev
Kostroma State University

POLITICAL POLICE OF KOSTROMA PROVINCE AND ITS CADRE PERSONNEL IN 1826–1867

The article examines the process of origin and formation of the political police of Kostroma Province in the mid-19th century. Special attention is paid to the issue of its staffing and the wide use of army officers for service in the political police. The chronological framework covers a little-studied period of activity of the political police in Kostroma Province. The authors of the article note that the Highest orders of military ranks that had a special place in the appointment of the headquarters and chief officers of the political police. On the basis of archival materials, the main directions of service activities of the highest ranks of the political police in the region are analysed. The article reveals the contribution of the gendarmes' Corps chiefs to the protection of public order during the period under review. The author reveals the attitude of the authorities to literacy among the lower ranks of the gendarmerie. On the basis of historical and archival documents, it is concluded that the successful career of officers was promoted by conscientious performance of their official duties, their «excellent-diligent and zealous service». It is concluded that special attention was paid to discipline among the gendarmes. The political police were independent of other branches of government, and were subordinate only to the headquarters of the gendarmes' corps and the third division of His Imperial Majesty's own office. Gaps in the historical and legal coverage of the work of the state security Agency in the province of the Russian Empire at the first stage of its existence are filled.

Keywords: political police, Regulations on gendarmes Corps, office of Kostroma provincial gendarmes staff officer.

Information about the author: Gennadiy G. Bril', Doctor of Jural Sciences, Professor, Kostroma State University, Kostroma, Russia.

E-mail: g_bril@ksu.edu.ru.

Leonid N. Zaytsev, senior lecturer, Kostroma State University, Kostroma, Russia.

E-mail: zln15@yandex.ru.

Article received: January 24, 2020.

For citation: Bril' G.G., Zaytsev L.N. Political police of Kostroma Province and its cadre personnel in 1826–1867. Vestnik of Kostroma State University. 2020, vol. 26, № 1, pp. 221–227 (In Russ.). DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-1-221-227.

Последнее время в отечественной исторической и правовой науке активно разрабатывается тема истории политической полиции Российской империи. Актуальность таких историко-правовых исследований существенно возрастает на современном этапе развития общества и государства в России. Безопасности государства, царственных особ, правящей элиты, защите существующего строя уделялось внимание еще в Древней Греции. Древнегреческий государственный деятель и военачальник Полибий утверждал: «Граждане, угнетенные тиранией, злоумышляют против неё, вследствие чего безопасность самодержца перекладывается на плечи наемных воинов» [Данилов: 12].

В отечественной науке современного периода имеется достаточное количество исследований организации и деятельности политической полиции Российской империи. Заслуживает внимания исследование по вопросам структуры, компетенции и основных направлений деятельности местных органов политической полиции Поволжья середины XIX века, проведенное В.В. Романовым [Романов]. Истории создания политической полиции царской России, её месту и роли в системе правоохранительных органов в период правления Николая I в 1825–1855 годы уделил отдельное внимание А.Г. Чукарев [Чукарев]. Г.Н. Бибиков впервые затронул проблему комплектования кадров политической полиции [Бибиков]. Вопросы практики назначения офицеров Корпуса жандармов в Сибири получили освещение в исследовании Д.А. Бакшта [Бакшт]. С.Н. Барсук провела анализ особенностей кадрового обеспечения на начальном этапе формирования политической полиции [Барсук]. В работах С.Ю. Грозина и его учеников и коллег рассматриваются историко-правовые вопросы организации и деятельности политической полиции в Сибири, а в частности Иркутской губернии в XIX в.

Исследования перечисленных авторов касаются либо центральных органов политической полиции, либо других регионов Российской империи. Несмотря на это, ощущается явный недостаток историко-правовых исследований в области рабо-

ты с кадрами местных органов политической полиции Российской империи. Однако наиболее интересна, по нашему мнению, тема персонального вклада в обеспечение безопасности государства в период зарождения и становления органов политической полиции в Костромской губернии.

Уже в первой четверти XIX века оказалась актуальной проблема охраны главы государства, всей царской семьи в связи с активизацией общественно-политических сил. Это повлекло за собой необходимость реорганизации правоохранительных органов, в том числе полиции. 28 апреля 1827 г. по именному высочайшему указу «Об учреждении пяти округов Жандармского корпуса» были образованы органы, занимающиеся безопасностью государства, именуемые политической полицией. При этом жандармские округа делились на 26 отделений¹.

Личным составом и комплектованием частей Корпуса жандармов занималось I отделение штаба Корпуса жандармов.

На первоначальном этапе политическая полиция выполняла особые функции по охране самодержавной монархической власти от новых на неё посягательств, наблюдала за состоянием умов, за настроениями в обществе. Осуществляла надзор и контроль над деятельностью государственного аппарата. Затем передавала сведения в III отделение собственной Его Императорского Величества канцелярии, а уже оттуда они в виде докладов поступали к императору.

В Костромской губернии политическая полиция начала свою деятельность в царствование императора Николая I, после образования жандармского корпуса в 1827 г. Регион относился ко 2-му округу жандармского корпуса и к 3-му отделению вместе с Владимирской губернией. При этом 1 штаб-офицер, 1 обер-офицер (адъютант) и 2 писаря первоначально находились во Владимире. Периодически штаб-офицер либо обер-офицер командировались в Костромскую губернию для выполнения контрольных и надзорных мероприятий и поручений. Затем был назначен штаб-офицер и в Костромскую губернию.

Таблица 1

Штат и должностные оклады управления штаб-офицера III отделения II округа Корпуса жандармов с 28 апреля 1827 г.²

	Число людей	Жалованье Рублей/одному	Всем
Штаб-офицер Ему положено по чину столовых Квартира в натуре	1	2 000 р.	2 000 р.
При нем за адъютанта обер-офицер Ему положено по чину Квартира в натуре	1		
Писарей	2	97 р. 25 к.	194 р. 50 к.
На канцелярские расходы		750 р.	750 р.
Итого			2 944 р. 50 коп.

Как видно из данных таблицы (табл. 1), состав и финансирование местных органов политической полиции в Костромской губернии были незначительными с учетом первоначальной деятельности управления штаб-офицера III отделения на две губернии. Такое положение сохранялось около 10 лет.

Первым начальником III отделения II округа Корпуса жандармов был видный государственный деятель Степан Васильевич Перфильев. Он происходил из дворянского рода. В 1812 г. окончил Пажеский корпус и участвовал в Отечественной войне. В 1821 г. получил чин полковника. Затем, с 1821 г., находился в отставке. После образования Корпуса жандармов (с 1827 г.) занимал указанную должность, а в 1831 г. был штаб-офицером Костромской губернии. С 21 июня 1831 по 10 января 1836 г. занимал должность гражданского губернатора Рязанской губернии. Впоследствии, в 1836 г., был произведен в генерал-майоры и назначен начальником 2-го округа Отдельного корпуса жандармов. В 1847 г. произведён в генерал-лейтенанты. С.В. Перфильев имел награды: ордена Св. Станислава I ст., Св. Анны I ст. с Имперской короной, Св. Гегрия IV ст. за XXV лет, Св. Александра Невского, Белого Орла, знак Отличия за XL лет, золотую табакерку с портретом Государя Императора и ряд других [Пажи за 185 лет: 172].

После назначения С.В. Перфильева гражданским губернатором Рязанской губернии, его должность в Костромской губернии занял майор Карл Федорович Гейкинг.

Вот как об этом назначении говорится в приказе по Корпусу жандармов от 22 августа 1831 г.: «Находившийся во Владимирской губернии Корпуса жандармов Майор Гейкинг перемещается в Костромскую губернию на место находившегося там полковника (ныне действительный статский советник) Перфильева, назначенного рязанским гражданским губернатором»³.

Он также происходил из старинного дворянского рода. Являлся участником Отечественной войны 1812 г., командовал сводной ротой Отдельного корпуса военных поселений в Романове (1821 г.). Имел награды: орден Св. Анны IV ст. Высочайшим

приказом 20.01.1836 г. «за отличие по службе» К.Ф. Гейкинг произведен в подполковники⁴. Его пребывание в должности Костромского губернского жандармского штаб-офицера было более продолжительным – до 1839 г.

После принятия 1 июня 1837 г. Положения о Корпусе жандармов в его состав уже входили семь округов, отделения были упразднены⁵. В Костромской губернии появилось отдельное управление жандармского штаб-офицера. Следует отметить, что Костромская губерния так и осталась в составе II округа Корпуса жандармов. При этом штат управления и его финансирование увеличились (табл. 2). Местному надзору стало уделяться больше внимания, поскольку твердость, единство и сила управления зависели от совершенства установлений и от хорошего выбора лиц [Анучин: 16–17].

Для успешного выполнения возложенных на неё функций политическая полиция занимала независимое положение от иных органов государственной власти. Она не подчинялась не только местному, губернскому, но и центральному сенатскому надзору. Прокуратура также не могла контролировать её деятельность [Лопухин: 13].

Одной из обязанностей жандармских штаб-офицеров являлся контроль за успешным проведением важнейшей государственной повинности – рекрутских наборов. Указанную обязанность жандармы исполняли в тесном взаимодействии с губернскими органами власти.

Шеф жандармов генерал-адъютант граф А.Х. Бенкендорф объявил К.Ф. Гейкингу благодарность. В приказе от 25 июня 1837 г. отмечено: «Костромской гражданский губернатор действительный статский советник Приклонский свидетельствует, что находящийся в Костромской губернии Корпуса жандармов подполковник Гейкинг с отличным и постоянным усердием содействует ему г. губернатору к успешному исполнению обязанностей службы, что доказал особенно во время последнего, бывшего в Империи рекрутского набора»⁷.

С 1844 г. Костромским губернским штаб-офицером стал подполковник Василий Егорович

Таблица 2

Штат и должностные оклады управления Костромского жандармского штаб-офицера II округа Корпуса жандармов с 1.06.1837 г.⁶

	Число людей	Жалованье Рублей/одному	Всем
Штаб-офицер, подполковник или майор	1	1 200 р.	1 200 р.
Ему столовых	–	2 000 р.	2 000 р.
При нем за адъютанта поручик	1	750 р.	750 р.
Ему столовых			
Писарей из кантовнистов	2	97 р. 25 к.	194 р. 50 к.
Денщиков: подполковнику 4 и состоящему при нем за адъютанта 1, а всем	5	7 р. 30 к.	36 р. 50 к.
На канцелярские расходы		750 р.	750 р.
Итого	9		5 296 р.

Схалеев, который был переведен в Кострому из Таврической губернии. Происходил из дворянского рода. Участник похода в Персию 1828 г. В 1831 г. принимал непосредственное участие в делах против польских мятежников. За боевые заслуги, а также за службу награжден чинами майора и подполковника, орденами Св. Анны III ст., иностранным Персидским орденом Льва и Солнца II ст. с алмазными украшениями, «За военное достоинство» III ст.; Св. Георгия 4-го класса, за выслугу в штаб-офицерских чинах 25-ти лет. В Костроме 26.03.1846 г. за «отлично-усердную и ревностную службу» пожалован кавалером ордена Св. Анны II ст. В.Е. Схалеев прослужил в Костроме недолго. Высочайшим приказом от 9.12.1846 г., продублированным приказом по Корпусу жандармов 16.12.1846 г., он был переведен в Кинбурнский драгунский полк за совершение преступления в период его службы в Таврической губернии⁸.

Следует отметить, что за дисциплиной и соблюдением законов в Корпусе жандармов строго следили. В штате Корпуса жандармов, в его штате, а также в жандармских округах находились аудиторы (квалифицированные военные юристы), которые проводили в отношении жандармов соответствующие проверки.

Сохранившиеся исторические данные свидетельствуют о том, что в отношении В.Е. Схалеева была проведена такая проверка за период его пребывания штаб-офицером в Таврической губернии в 1842–1843 годы. «За неправильные действия и предосудительные сношения с подчиненным», а именно ненадлежащей оценкой и укрывательством преступных действий начальника Керченской жандармской команды поручика Павлова, он был предан военному суду. Вместе с тем, как указано в заключении, «генерал-аудиторат не мог, однако же, принять в уважение, что Схалеев состоит на службе 30 лет, в том числе офицером более 28 лет и в настоящем чине 9 лет», учитывая его боевые заслуги и награды, то, что он «в штрафах же до сего никогда не был и к повышению аттестовывался всегда достойно. А посему генерал-аудиторат, повергая такую долговременную и отличную службу Схалеева на благоусмотрение Его Императорского Величества, единственно по уважению к оной, всеподданнейше ходатайствовал, не благоугодно ли будет Высочайше повелеть, не предавая его, Схалеева, военному суду, выдержать под арестом на гауптвахте два месяца и, внося штраф сей в формулярный его список, перевести из Корпуса жандармов в армейские полки»⁹. Этим же заключением генерал-аудитората начальнику 5-го округа Корпуса жандармов генерал-майору Шнелю был объявлен строжайший выговор. Одесскому жандармскому штаб-офицеру полковнику Граве, инспектируемому после вышеуказанных событий Керченскую жандармскую команду через неделю

после ее осмотра подполковником Схалеевым, был объявлен строжайший выговор. Майору фон-Вендруху, который на момент преступных деяний был адъютантом Схалеева, за «отступление от порядка при производстве следствия» был объявлен выговор. Сам поручик Павлов за совершенные преступления содержался под арестом более двух с половиной лет и окончательно, с учетом его прошлых заслуг, отбыв еще два месяца на гауптвахте, был возвращен на службу с лишением права занимать должность начальника жандармской команды.

7 ноября 1846 г. на указанном заключении генерал-аудитората последовала собственно ручная Его Величества конфирмация: «Быть по сему»¹⁰.

За всю историю существования политической полиции Костромской губернии это был единственный случай привлечения к ответственности штаб-офицера, да и то за деяния, не связанные со службой в Костроме.

Следующим штаб-офицером Костромской губернии стал майор Антон Михайлович Деспот-Зенович. Он происходил из старинного литовского дворянского рода. В Корпус жандармов был переведен из Гусарского Наследного Гросс-Герцога Саксен-Веймарского полка. В Кострому он был перемещен из Псковской губернии по Высочайшему приказу от 20 ноября 1846 г. на место подполковника Схалеева¹¹. Его личностные качества снискали уважение среди костромских чиновников и населения. В марте 1847 г. «за отлично-усердную и ревностную службу» ему был пожалован орден Св. Анны II ст.¹², а затем Высочайшим приказом 20.05.1847 г. он был произведен в подполковники¹³. Прослужил в Костроме Деспот-Зенович более четырех лет. Он также имел награды: орден Св. Анны III ст. с бантом, знак отличия «За военное достоинство» IV ст., третное жалование, орден Св. Владимира IV ст. Высочайшим приказом от 1.06.1851 г. Деспот-Зенович исключен из списков умершим¹⁴.

Высочайшим приказом от 3.06.1851 г. в Кострому был переведен штаб-офицер Корпуса жандармов Ковенской губернии майор Михаил Григорьевич Шевелев¹⁵. Происхождение он имел дворянское. Свою службу в политической полиции он начинал с должности адъютанта штаба Корпуса жандармов. Уже в Костроме 19.07.1851 г. ему был присвоен чин подполковника¹⁶. В этой должности М.Г. Шевелев пробыл недолго. Высочайшим приказом 30.04.1854 г. он был переведен в Витебск. Затем был штаб-офицером по особым поручениям при начальнике 8-го округа Корпуса жандармов генерал-майора Я.Д. Казимирского. Высочайшим приказом 15.03.1859 г. Михаил Григорьевич был уволен от службы по домашним обстоятельствам с мундиром и с пенсионом половинного жалования¹⁷. М.Г. Шевелев имел награды: ордена Св. Анны III ст., Св. Станислава II ст., знак «Отличия беспорочной службы» за XV лет.

С 5 мая 1853 г. на основании приказа № 38 по Корпусу жандармов Костромским губернским штаб-офицером стал подполковник Михаил Петрович Змеев, переведённый из Шемахинской губернии. Имел награды: орден Св. Анны II ст., знак «Отличия беспорочной службы» за XV лет.

С 1857 г. следующим штаб-офицером Костромской губернии стал подполковник Николай Николаевич Политковский. Он также происходил из дворян. Офицером стал 16.05.1824 г. В Костроме он занимал указанную должность около шести лет. Высочайшим приказом 14 июня 1863 г. Николай Николаевич «за отличие по службе» произведен в генерал-майоры и назначен начальником 8-го округа Корпуса жандармов на место генерал-майора В.А. Масолова, где прослужил в указанной должности 10 лет¹⁸, а 18.12.1873 г. Высочайшим приказом произведен в генерал-лейтенанты с увольнением от службы, с мундиром и с пенсионом полного оклада¹⁹. Н.Н. Политковский имел награды: ордена: Св. Владимира IV ст., Св. Владимира III ст., Св. Анны IV ст., Св. Анны I ст. с императорской короной, Св. Станислава I ст., Св. Георгия IV ст., перстень с вензелем изображения Высочайшего имени, знак «Отличия беспорочной службы» за XL лет, четырежды награждался денежными суммами, а также был награжден арендой в размере 1 500 рублей на срок 12 лет [Список генералам 1872: 547].

Тем же приказом по Корпусу жандармов от 15 июня 1863 г., которым Н.Н. Политковский после произведения его в генерал-майоры был переведён на должность начальника 8-го округа Корпуса жандармов, вместо него в Костромскую губернию из Рязанской губернии был переведён полковник Иосиф Игнатьевич Лобановский²⁰. Он происходил из дворян Ярославской губернии. Офицером Иосиф Игнатьевич стал 24.02.1825 г. Высочайшим приказом 13 июля 1866 г., продублированным приказом по управлению Костромского губернского штаб-офицера, И.И. Лобановский произведен в генерал-майоры с увольнением от службы с пенсионом полного оклада²¹. За свою безупречную службу И.И. Лобановский неоднократно награждался. Он имел награды: ордена: Анны III ст. с бантом, Св. Анны II ст., Св. Георгия IV ст. за выслугу (25 лет), знак «Отличия беспорочной службы» за XXV лет, Св. Станислава II ст. с императорской короной, Св. Владимира IV ст., перстень с вензелем изображения Его Императорского Величества, трижды получал в награду полугодовой жалование и дважды по 287 руб. 50 коп. серебром [Список полковникам].

В 1866 году на место И.И. Лобановского был переведён майор Иван Николаевич Чалеев. Иван Николаевич был из дворян Костромской губернии. В приказе по управлению Костромского губернского жандармского штаб-офицера от 25 августа 1866 г. говорится: «Прибыв сего числа в г. Кострому и вступив в исправление Костром-

ского жандармского штаб-офицера, я объявляю о сем по управлению и команде»²².

Впоследствии И.Н. Чалеев дослужился до чина генерал-лейтенанта.

В исследуемый период адъютантами при Костромском штаб-офицере были: поручик Аверкиев, штабс-капитан, а впоследствии капитан барон Шеттер, поручик Фитингоф, штабс-капитан Андреев. Больше всех в этой должности с 1854 г. по 26.05.1865 г. был штабс-капитан, а впоследствии капитан Александр Аркадьевич Сербин.

Нестроевыми сотрудниками управления Костромского жандармского штаб-офицера были писари. Писарями губернского штаб-офицерского управления в разный период были Александр Павлов, Иван Сергеев, Порфирий Владимиров, Николай Янкелевич. Они также за добросовестный труд поощрялись. Так, в 1846 г. писари Александр Павлов и Иван Сергеев «за отлично-усердную службу и доброе поведение» Всемилоостивейше пожалованы наградами: 5 и 4 руб. серебром²³.

Следует отметить, что в исследуемый период законодательство разрешало находящимся на военной службе евреям, обратившимся в христианство, переменять фамилии по имени их крестных отцов²⁴. Так, например, произошло с одним из писарей управления Костромского губернского жандармского штаб-офицера, зафиксированный в документах делопроизводства. В приказе от 10.10.1865 г. по управлению об этом говорится следующее: «Писарь вверенного мне Управления Николай Янкелевич объявил о своем желании переменить настоящую свою фамилию на фамилию, заимствованную от имени крестного его отца, пермского купца Василия Максимова. Из собранных по сему предмету справок сказывается, что пермский купец Василий Максимов значится умершим в 1857 году, а поэтому на основании Приказа военного министра сего года за № 176, разрешая писарю Янкелевичу иметь фамилию Васильев, я объявляю о сем по Управлению и команде. Предлагаю настоящую перемену внести в послужной его список»²⁵. Указанный факт свидетельствует о том, что, несмотря на отсутствие в XIX веке в Российской империи Конституции, уже использовалось и применялось право на изменение имени и фамилии.

Вышеприведенные данные позволяют сделать вывод о политике властей к находящимся на военной службе евреям и об отношении государства к христианству.

В Костромской губернии в 1827 году была образована жандармская команда, состоящая из 34 человек, включая начальника команды в чине штабс-капитана, нижних чинов: строевых: 2 унтер-офицера старшего оклада, 2 унтер-офицера младшего оклада; рядовых: конных 20, пеших 4; нестроевых: 1 писарь, 1 коновал, 1 кузнец, 2 ден-

щика. На жандармскую команду было положено 1 офицерская лошадь и 24 строевых лошадей.

Жандармские команды – структура, находящаяся под двойной подчиненностью, в том числе и политической полиции.

В 1847 году для Костромской жандармской команды строились каменные казармы.

Начальниками Костромской жандармской команды были: капитан Теофил Теофилович Буше, капитан Василий Васильевич Смеловский.

Пополнение в Костромскую жандармскую команду происходило из Костромского губернского батальона²⁶.

Отдельное внимание уделялось обучению нижних чинов состава жандармских команд. Так, в 1859 г. при жандармских командах были созданы школы для успешного распространения грамотности между нижними чинами, в которых изучали чтение, чистописание, арифметику, положения об обязанностях нижних чинов по службе, в особенности жандармской, и о том, «что им отпускается от казны». Для этих целей приобретались учебники. Занятия проводились в казармах. Ежегодно при инспектировании частей окружными начальниками проводились экзамены всем обучающимся в школах. Организовывались соревнования между нижними чинами для «отличия прилежных от ленивых». Предписывалось рядовых младшего оклада жалованья перемещать на старший, а равно производить в ефрейторы, вице-унтер-офицеры и унтер-офицеры «не иначе как грамотных». Обращалось внимание на то, что «одно только знание грамоты не может служить основанием для присвоения следующего чина... Каждый солдат поведением своим и усердием в службе, а также и ее знанием должен удовлетворять необходимым требованиям для предоставления ему этих отличий. При соединении всех этих условий означенные поощрения, показывая всю справедливость оценки заслуг каждого из нижних чинов, непременно должны иметь на них нравственное влияние»²⁷.

Уделялось особое внимание и дисциплине среди жандармского состава. Так, в приказе по Управлению Костромского губернского жандармского управления от 2 мая 1866 г. № 6 отмечалось: «Начальник 2-го округа Корпуса жандармов предписанием от 28 минувшего апреля за № 584 дал мне знать, что рассмотрев военно-судное дело, произведенное о рядовым Костромской жандармской команды Николае Цветкове Его Высокопревосходительство находит его виновным в самовольной отлучке в ночное время с дежурства, когда он находился 5 июля 1865 года вестовым у костромского вице-губернатора, разъезжал в нетрезвом виде по городу Костроме, в посещении трактирных заведений и был доставлен в полицейское отделение... За вышеуказанные поступки рядового Цветкова генерал от кавалерии Перфильев определил для

подсудимого, как прежде подвергавшегося три раза дисциплинарным взысканиям, лишить имеющейся у него желтой нашивки, зачислить в разряд штрафованных и потом перевести его из Корпуса жандармов в другой род службы, о чем и сделано представление шефу жандармов»²⁸.

Анализ кадровой политики, осуществляемый в рассматриваемый период в региональных подразделениях политической полиции, позволяет отметить, что служба в Костромской губернии послужила рывком в карьере ее офицеров. Из девяти проходивших службу костромских губернских штаб-офицеров четверо получили генеральские чины, а двое стали начальниками жандармских округов: С.В. Перфильев – II округа, а Н.Н. Политковский – VIII округа. И.Н. Чалеев в 1867 г. стал начальником костромского губернского жандармского управления. Все они длительное время после работы в Костромской губернии продолжали службу в органах безопасности Российской империи, занимая высокие должности. Только И.И. Лобановский был произведен в генерал-майоры с увольнением со службы. Таким образом, в государственной политике комплектования политической полиции Российской империи постоянно применялась ротация штаб- и обер-офицеров, что позволяло эффективно осуществлять подбор и расстановку кадров.

Примечания

¹ Полное собрание законов Российской Империи. Т. 2. 1827 г. СПб., 1830. С. 396.

² Там же. С. 132.

³ Приказы по Корпусу жандармов с 1831 по 1866 гг. СПб., 1831. С. 97.

⁴ Высочайшие приказы о чинах военных с 1836 по 1873 гг. СПб., 1836. С. 44.

⁵ Полное собрание законов Российской империи. Т. 2. 1836 г. СПб., 1837. С. 312.

⁶ Там же. С. 137.

⁷ Приказы по Корпусу жандармов с 1831 по 1866 гг. СПб., 1837. С. 105.

⁸ Там же. 1846. С. 477.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. 1846. С. 235.

¹¹ Высочайшие приказы о чинах военных с 1836 по 1873 гг. СПб., 1846. С. 456.

¹² Там же. 1847.

¹³ Там же. 1847. С. 175.

¹⁴ Там же. 1851.

¹⁵ Приказы по Корпусу жандармов с 1831 по 1866 гг. СПб., 1851. С. 185.

¹⁶ Там же. 1851. С. 123.

¹⁷ Там же. 1859. С. 63.

¹⁸ Там же. 1863. С. 309.

¹⁹ Там же. 1873.

²⁰ Там же. 1863. С. 179.

²¹ Высочайшие приказы о чинах военных с 1836 по 1873 гг. СПб., 1866. С. 229.

²² Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. 749. Оп. 1. Д. 4. Л. 15.

²³ Приказы по Корпусу жандармов с 1831 по 1866 гг. СПб., 1846. С. 112.

²⁴ Там же. 1865.

²⁵ ГАКО. Ф. 749. Оп. 1. Д. 4. Л. 15, 5–7 об.

²⁶ ГАКО. Ф. 749. Оп. 1. Д. 6. Л. 5 об.

²⁷ Приказы по Корпусу жандармов с 1831 по 1866 гг. СПб., 1859. С. 203.

²⁸ ГАКО. Ф. 749. Оп. 1. Д. 8. Л. 10 об.

Список литературы

Анучин Е.Н. Исторический обзор развития административно-полицейских учреждений в России, с Учреждения о губерниях 1775 г. до последнего времени. СПб.: Тип. М-ва вн. дел, 1872. 238 с.

Бакуит Д.А. Практика назначения офицеров корпуса жандармов, уполномоченных по надзору за частной Сибирской золотопромышленностью в первой половине XIX века // Вестник Томского государственного университета. Сер.: История. 2017. № 50. С. 5–11.

Барсук С.Н. Особенности кадрового обеспечения политической полиции в Российской империи на этапе её зарождения // Вестник всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2018. № 2 (46) С. 84–89.

Бибиков Г.Н. А.Х. Бенкендорф и политика императора Николая I: дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. 424 с.

Данилов Е.С. Идея безопасности в политической теории Полибия // Вестник Ярославского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. № 2 (44). С. 11–15.

Лопухин А.А. Настоящее и будущее русской полиции. Из итогов служебного опыта. М., 1907. 69 с.

Пажы за 185 лет: биографии и портреты бывших пажей с 1711 по 1896 г. Фридрихсгамн: Тип. Акц. о-ва, 1894–1897. 952 с.

Романов В.В. Местные органы политической полиции Российской империи: структура, компетенция, основные направления деятельности в 1826–1860 гг.: на материалах Поволжья: автореф. дис. ... докт. ист. наук. Ульяновск, 2008. 47 с.

Список генералам по старшинству. СПб.: Воен. тип., 1872. 992 с.

Список генералам по старшинству. СПб.: Воен. тип., 1882. 1035 с.

Список полковникам по старшинству. СПб.: Воен. тип., 1865. 636 с.

Чукарев А.Г. Тайная полиция России, 1825–1855 гг. М.: Жуковский: Кучково поле, 2005. 701 с.

References

Anuchin E.N. *Istoricheskij obzor razvitiya administrativno-policejskih uchrezhdenij v Rossii, s Uchrezhdeniya o guberniyah 1775 g. do poslednego vremeni* [Historical review of the development of ad-

ministrative and police institutions in Russia, from the Establishment of the provinces in 1775 to the last time]. St. Petersburg, Tipografiiia ministerstva vnutrennikh del Publ, 1872. 238 p. (In Russ.)

Baksht D.A. *Praktika naznacheniya oficerov korpusa zhandarmov, upolnomochennyh po nadzoru za chastnoj Sibirskoj zolotopromyshlennost'yu v pervoj polovine XIX veka* [The practice of appointing officers of the gendarmes corps authorized to supervise the private Siberian gold industry in the first half of the XIX century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija* [Bulletin of Tomsk state University. History]. 2017. №50. pp. 5–11. (In Russ.)

Barsuk S.N. *Osobennosti kadrovogo obespecheniya politicheskoy policii v Rossijskoj imperii na etape eyo zarozhdeniya* [Features of personnel support of political police in the Russian Empire at the stage of its origin]. *Vestnik vsrossijskogo instituta povysheniya kvalifikacii sotrudnikov Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii* [Bulletin of Russian Institute of advanced training of employees of the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation]. 2018. № 2(46). pp. 84–89. (In Russ.)

Bibikov G.N. *A.H. Benckendorf i politika imperatora Nikolaya I* [A. H. benckendorf and the policy of Emperor Nicholas I.]. Moscow, 2009. 424 p. (In Russ.)

Danilov E.S. *Ideya bezopasnosti v politicheskoy teorii Polibiya* [Ideya bezopasnosti v politicheskoy teorii Polibiya]. *Vestnik Yaroslavskego gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Yaroslavl State University. Series: Humanities]. 2018. № 2 (44). pp. 1–15. (In Russ.)

Lopuhin A.A. *Nastoyashchee i budushchee russkoj policii. Iz itogov sluzhebnogo opyta* [Present and future of the Russian police. From the results of service experience] Moscow; izd. V.M. Sablina Publ, 1907. 69 p. (In Russ.)

Pazhi za 185 let: biografii i portrety byvshih pazhej s 1711 po 1896 g. / sobral i izdal O. fon Frejman [Pages for 185 years : biographies and portraits of former pages from 1711 to 1896 / collected and published by FR. von Freiman. Fredrikshamn, 1894–1897. 952 p. (In Russ.)

Romanov V.V. *Mestnye organy politicheskoy policii Rossijskoj imperii: struktura, kompetenciya, osnovnye napravleniya deyatelnosti v 1826-1860 gg.: na materialah Povolzh'ya, avtoref. dis... d-ra ist. Nauk* [Local bodies of the political police of the Russian Empire: structure, competence, main directions of activity in 1826-1860: on materials of the Volga Region]. Ul'yankovsk, 2008. 47 p. (In Russ.)

Spisok generalam po starshinstvu [List of generals by seniority]. St. Petersburg. 1872. 992 p. (In Russ.)

Spisok generalam po starshinstvu [List of generals by seniority]. St. Petersburg. 1882. 1035 p. (In Russ.)

Spisok polkovnikom po starshinstvu [List of colonels by seniority]. St. Petersburg. 1865. 636 p. (In Russ.)

Chukarev A.G. *Tajnaya policiya Rossii, 1825–1855 gg.* [Secret police of Russia, 1825–1855]. Moscow, Zhukovskiy. Kuchkovo pole Publ, 2005. 701 p. (In Russ.)

**ИЗ ИСТОРИИ СЛЕДСТВЕННЫХ ОРГАНОВ В КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ
(ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД)**

В статье рассматривается начальная история возникновения и развития органов предварительного следствия на территории Костромской губернии в дореволюционный период. Публикуемая работа раскрывает процесс постепенного возникновения, развития и становления института судебного следователя в ходе судебно-следственной реформы Александра II. При сборе материала автором были использованы малодоступные литературные источники по истории следственных органов в Костромской губернии. При исследовании источников и исходных материалов автором применялся как всеобщий – диалектико-материалистический – метод познания, так и общенаучные методы: дедукции, индукции, анализа, синтеза, логики. Основными выводами исследования являются: российское досудебное следствие на территории современной Костромской области имеет глубокие традиции, уходящие своими корнями в дореволюционную Россию. Возникновение института судебных следователей в Костромской области проводилось в рамках общероссийской модернизации судебно-следственной системы.

Ключевые слова: судебные следователи, следственные приставы, Костромской окружной суд, прокуратура, реформа, предварительное следствие.

Информация об авторе: Зайцев Александр Владимирович, ORCID: 0000-0003-4977-8828, доктор политических наук, доцент, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций Костромского государственного университета, г. Кострома, Россия.

E-mail: aleksandr-kostroma@mail.ru.

Дата поступления статьи: 24.11.2019.

Для цитирования: Зайцев А.В. Из истории следственных органов в Костромской губернии (дореволюционный период) // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 1. С. 228-233. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-1-228-233.

Aleksandr V. Zaytsev
Kostroma State University

**FROM THE HISTORY OF INVESTIGATIVE BODIES IN KOSTROMA PROVINCE
(PRE-REVOLUTIONARY PERIOD)**

The article discusses the initial history of the emergence and development of preliminary investigation bodies in the territory of Kostroma Province in the pre-revolutionary period of time. The published work reveals the process of the gradual emergence, development and establishment of the institution of a judicial investigator in the course of the judicial reform of Alexander II. When collecting material, the author used inaccessible literary sources on the history of the investigating authorities in Kostroma Province. In the study of sources and source materials, the author used both the universal – the dialectical-materialistic – method of cognition, and the general scientific methods of cognition: deduction, induction, analysis, synthesis, logic. The main findings of the study include: the Russian pre-trial investigation in the territory of modern Kostroma Region has deep traditions rooted in pre-revolutionary Russia. The emergence of the institution of judicial investigators in Kostroma Region was carried out as part of the all-Russian modernisation of the judicial investigative system.

Keywords: judicial investigators, investigative bailiffs, Kostroma district court, prosecutor's office, reform, preliminary investigation.

Information about the author: Aleksandr V. Zaytsev, ORCID: 0000-0003-4977-8828, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications of Kostroma State University, Kostroma, Russia.

E-mail: aleksandr-kostroma@mail.ru.

Article received: November 18, 2019.

For citation: Zaytsev A.V. From the history of investigative bodies in Kostroma Province (pre-revolutionary period). Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 1, pp. 228-233. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-1-228-233.

В дореволюционной России в течение продолжительного промежутка времени следствие по наиболее важным уголовным делам осуществлялось следственными приставами, их нередко еще именовали «приставами следственных и уголовных дел». Они были включены «в штаты местной, то есть городской и уездной полиции» [Серов: 114–115]. Однако следственные приставы в составе полиции были далеко не повсеместно, а только в отдельных, наиболее крупных, губерниях Российской империи. Там, где они отсутствовали (как, например, в Костромской гу-

бернии), функции следствия вплоть до середины XIX века исполняли другие, неспециализированные сотрудники полиции.

В Костроме первые полицейские появились в 1774 году [Волков: 24]. В штате градской (городской) полиции Костромы в 1851 году состояло всего лишь шесть сотрудников: полицмейстер, два частных пристава, письмоводитель, брандмейстер и смотритель тюремного замка [Памятная книжка, 1851: 25–26]. Следователей в штатном расписании полиции на всей территории Костромской губернии в то время еще не было. Полиция, как

правило, осуществляла розыск и задержание подозреваемых и преступников, пресекая лишь мелкие уголовно наказуемые преступления и проводя по ним предварительное следствие. По незначительным уголовным делам полиция осуществляла суд или же направляла дела в так называемый словесный суд. Функции предварительного следствия осуществляли как сотрудники полиции, так и работники судебной системы.

К середине XIX века в Костромской губернии, как и во всей России, расследованием уголовно наказуемых преступлений занимались по преимуществу приставы, в том числе частные, становые, позднее – следственные приставы, а также комиссары по пресечению конокрадства.

В 1849 году в 12 губерниях, включая Костромскую губернию, где конокрадство получило наибольшее распространение, были учреждены особые комиссары для пресечения конокрадства. В штате Костромского земского суда в 1851 году состояли, кроме земского исправника, заседателя и секретаря суда, еще три должностных лица – два становых пристава и комиссар для пресечения конокрадства, которые имели прямое отношение к работе по расследованию уголовных дел [Памятная книжка, 1851: 27]. Дело в том, что конокрадство в дореволюционной России считалось одним из наиболее тяжких уголовных преступлений, поскольку лишало крестьян рабочего скота, а вместе с тем и возможности обрабатывать свое поле и получать средства к существованию.

Комиссары по пресечению конокрадства существовали не только в Костромском земском суде, но и в некоторых других судах губернии. Однако, несмотря на предпринимаемые меры, за три года, начиная с 1864 и по 1866 год, в Костромской губернии было совершено 400 краж лошадей или, в среднем, чуть более чем по 133 коня в год [Левенстим: 48].

Организация следственных органов существенно трансформировалась в ходе следственной реформы 1860 г., в результате которой появился российский институт судебных следователей. С течением времени должности комиссаров по пресечению конокрадства были трансформированы в штат следственных приставов, а те в свою очередь в ходе судебной реформы были преобразованы в институт судебных следователей. Так, уже в 1857 году в 9 земских судах Костромской губернии – Костромы, Нерехты, Кинешмы, Юрьевца, Солигалича, Буя, Макарьева, Кологрива и Варнавина – существовали должности следственных приставов [Памятная книжка, 1857: 5, 41, 43, 46, 51, 54, 59]. В то же время должности следственных приставов отсутствовали в уездных судах Галича, Чухломы и Ветлуги.

Александр II 8 июня 1860 года издал указ об «Учреждении судебных следователей»¹, в соответ-

ствии в котором в нескольких губерниях Российской империи, включая Костромскую губернию, был официально введен штат судебных следователей. В данном документе отмечалось, что профессионализация следственной деятельности необходима еще и для того, чтобы «дать полиции более средств к успешному исполнению ее обязанностей, столь важных для порядка и спокойствия жителей всех состояний, и определить точнее свойство и круг ее действий». Еще одна важная инновация, содержащаяся в монаршем Указе, состояла в том, что отныне следствие окончательно отделялось от полиции, переходя в ведение Министерства юстиции. За полицейскими оставались только «исследования по преступлениям и проступкам маловажным» и «первоначальное дознание о происшествиях»¹.

Вместе с вышеназванным указом в 1860 году появились два наказа: первый – судебным следователям, второй – полиции, где шла речь о процедурных вопросах следственного производства и полицейского дознания по незначительным преступлениям и проступкам. В этих же документах регламентировался порядок производства следственных действий, устанавливались нормы и процедуры взаимодействия судебных следователей и полиции, а также закреплялись многие другие вопросы, относящиеся к практической стороне функционирования нового института судебных следователей. Особо следует отметить право судебных следователей проверять и дополнять дознание, а в случае необходимости – отменять распоряжения полицейских, принятых ими в ходе дознания.

В соответствии с указом императора Александра II об «Учреждении судебных следователей», в 1862 году 19 должностей судебных следователей были введены во всех 12 уездах Костромской губернии. В начале 1860-х гг. в Костромской губернии шли два разнонаправленных, но взаимосвязанных друг с другом тренда. С одной стороны, набирала силу интенция, направленная на упразднение ранее функционировавших в земских судах следственных приставов, с другой – активно набирал силу тренд на замену их судебными следователями уездных судов Костромской губернии.

Так, первые судебные следователи появились в уездных судах Костромы (два следователя), Нерехты (два), Кинешмы (два), Юрьевца (два), Макарьева (два), Галич (один), Солигалич (один), Буй (один), Чухломы (один), Кологрива (один), Ветлуги (два), Варнавина (один) [Памятная книжка, 1862: 23, 28, 32–33, 36, 40, 42–43, 46, 49, 52, 55, 58, 61]. Кроме этого, два судебных следователя (то есть 21 следователь в масштабах всей губернии) работали в пределах города Костромы.

В соответствии с вышеназванным указом об учреждении судебных следователей, должности судебных следователей были включены в штатное

расписание соответствующих уездных судов, поэтому все судебные следователи Российской империи назначались исключительно министром юстиции по предложениям губернаторов и на основании официальных представлений губернских прокуроров. Местами функционирования судебных следователей стали следственные участки, включающие в себя определенные населенные пункты и территории губернии. В соответствии с данным указом следственные участки создавались, как правило, в пределах одного-двух уездов или какой-то части уезда или города. Значение играли не только статистические данные о числе возбужденных и расследовавшихся уголовных дел, но и количество проживающего населения, протяженность территории, состояние дорог, наличие транспорта, мест для содержания подследственных лиц и расположения «резиденции» для судебного следователя. «Количество участков и места постоянной дислокации следователей определялись губернатором по согласованию с губернским прокурором»¹.

Вот как выглядела статистическая ситуация с количеством уголовных дел за 1863–1864 годы (см. табл. 1) в границах ранее сформированных следственных участков, представленная тогдашним Костромским губернским прокурором П.Н. Кашиевым для нового разделения территории губернии на следственные участки, выделения должностей судебных следователей и введения судебных уставов в ходе судебного-следственной реформы [Судебно-статистические сведения: 20–23].

Таким образом, судебные следователи занимались предварительным следствием строго в пределах закрепленных за ними территорий (следственных участков). Они были включены в штаты окружных судов. Кроме того, они получили, подобно судьям, статус несменяемости. Назначение на должность судебного следователя теперь производилось Высочайшей властью, то есть самим монархом, по представлению министра юстиции. Данное обстоятельство значительно повысило степень их независимости от местной власти при про-

Таблица 1

Статистические данные о деятельности судебных следователей в Костромской губернии за 1863–1864 гг.*

Следственные участки	Количество дел, поступивших в 1863/1864 гг.	Количество следствий в 1863 г.	Количество следствий в 1864 г.	Среднее количество расследований за 1863–1864 гг.
Город Кострома				
1 участок	129/100	120	108	114
2 участок	107/98	106	93	100
Костромской уезд				
1 участок	99/76	96	67	82
2 участок	60/84	58	59	59
Галичский уезд				
1 участок	101/168	121	159	140
2 участок	123/88	152	90	121
Нерехтский уезд				
1 участок	142/121	116	79	98
2 участок	86/ 91	67	100	84
Кинешемский уезд				
1 участок	185/169	188	141	165
2 участок	177/94	176	79	128
Юрьевецкий уезд				
1 участок	164/114	191	114	153
2 участок	95/120	78	102	90
Макарьевский уезд				
1 участок	130/233	120	112	116
2 участок	133/263	82	124	103
Ветлужский уезд				
1 участок	139/115	63	152	108
2 участок	144/60	100	103	102
Кологривский уезд				
	84/125	62	73	68
Варнавинский уезд				
1 участок	106/93	171	51	111
2 участок	154/107	92	106	99
Буйский уезд				
	139/107	120	158	139
Солигаличский уезд				
	222/229	138	111	125
Чухломский уезд				
	83/82	73	71	72

* *Примечание.* Сведения приводятся по: [Судебно-статистические сведения: 6].

ведении предварительного расследования уголовных дел в пределах своего следственного округа. Таким образом, судебный следователь в Российской империи превратился в достаточно автономное должностное лицо, состоящее в штате окружного суда и предназначенное для осуществления производства предварительного следствия в пределах территории своего следственного участка.

Судебные уставы были одобрены императором 20 ноября 1864 года. Но история России знает мало документов, положения которых реализовывались сразу после их принятия. Уставы 1864 г. не стали исключением. Из-за нехватки денежных средств, помещений, а также квалифицированных следственных кадров реформа затягивалась.

В 1867 году Сенатом была упразднена половина уездных судов Костромской губернии, другая половина прекратила существование в 1868 году. В начале 1871 года в Костромской губернии функционировали уже 23 судебных следователя, в том числе три – в Палате уголовного и гражданского суда. По два судебных следователя были при мировых судах в Костромском, Галичском, Кинешемском, Макарьевском, Нерехтском, Юрьеveckом, Варнавинском и Ветлужском уездах. По одному следователю – в Кологривском, Солигаличском, Чухломском и Буйском уездах [Костромской календарь, 1871: 15, 19–25].

Важной вехой в истории формирования института судебных следователей в Костромской губернии стало торжественное открытие Костромского

окружного суда, произошедшее 1 июля 1871 г. Для этого в Кострому прибыли важные высокопоставленные гости. Среди них – министр юстиции К.И. Пален, тайный советник и сенатор А.Н. Шахов и другие лица. В день 1 июля 1871 г. в Костроме в присутствии губернатора В.И. Дорогобужнинова старший председатель Московской судебной палаты А.Н. Шахов официально открыл Костромской окружной суд, который разместился в специально для этого события отремонтированном «доме Борщова», в самом центре исторической части города.

В Костромском окружном суде было создано три отделения. Одно из них – по гражданскому законодательству и два – по уголовному. В свою очередь отделения по уголовным делам были сформированы на основе территориального принципа. По этому же принципу была проведена передислокация судебных следователей. Вместе с введением окружного суда в Костромской губернии были упразднены Палаты уголовного и гражданского суда, а следствие, как и прокуратура, окончательно интегрировалось в относительно самостоятельный элемент единой судебной системы.

Судебная система Костромской губернии состояла из Костромского окружного суда (коллежский советник Иосиф Александрович Плец), прокурорского надзора Костромского областного суда (прокурор титулярный советник Владимир Романович Лицкий) и съезда мировых судей Костромского мирового судебного округа (председатель капитан второго ранга Владимир Павлович Смо-

Таблица 2

Кадры и штат судебных следователей Костромского окружного суда

Территория	Судебные следователи и следственные участки
Город Кострома	Коллежский ассессор Константин Иванович Рохальский Надворный советник Владимир Николаевич Полозов
Костромской уезд	Коллежский секретарь Алексей Иванович Петров Губернский секретарь Александр Иванович Горицкий
Нерехтский уезд	Губернский секретарь Александр Николаевич Кобыльский (в Нерехте) Коллежский секретарь Николай Александрович Органов (в Плесе)
Кинешемский уезд	Кандидат Московского университета Александр Иванович Гросицкий Коллежский секретарь Петр Иванович Варфоломеев
Юрьеveckий уезд	Губернский секретарь Федор Иванович Пушурский Титулярный советник Станислав Цезаревич Вольбен
Макарьевский уезд	Титулярный советник Николай Иванович Соколов Губернский секретарь Ольверд Людвигович Берништам
Варнавинский уезд	Губернский секретарь Петр Алексеевич Воскресенский Коллежский ассессор Арсений Александрович Орлов
Ветлужский уезд	Губернский секретарь Константинов Надворный советник Григорий Максимович Волоцкой
Галичский уезд	Титулярный советник Владимир Петрович Кенигсон Надворный советник Петр Иванович Мансветов
Кологривский уезд	Коллежский секретарь А.П. Померанцев
Буйский уезд	Губернский секретарь Франц Францевич Глушанин
Солигаличский уезд	Коллежский секретарь Юлиан Иванович Желиговский
Чухломский уезд	Губернский секретарь Михаил Николаевич Успенский

Примечание. Сведения приводятся по: [Костромской календарь, 1872: 15].

лянинов). В штат Костромского окружного суда были включены: сам председатель суда, его два товарища (или, говоря современным языком, заместители председателя окружного суда), а также девять членов суда. Кроме них в состав аппарата суда вошли сотрудники, выполнявшие технические функции, это: три секретаря суда, четыре помощника секретаря суда, старший нотариус и еще пять младших нотариусов. Также в штате Костромского окружного суда состояли судебные приставы, которые, как и судебные следователи, функционировали в пределах закрепленных за ними территорий (участков). В состав единой судебной системы вошла и прокуратура в составе самого прокурора и его аппарата, которая осуществляла прокурорский надзор на территории всей Костромской губернии и поддерживала государственное обвинение в процессе уголовного судопроизводства.

В Костромской окружной суд также были включены 22 судебных следователя. Из них два следователя обслуживали территорию по городу Костроме, остальные – уезды Костромской губернии (см. табл. 2).

В восьми уездах Костромского судебного округа штатным расписанием было предусмотрено по два следственных участка и, соответственно этому, по два судебных следователя – это Костромской, Галичский, Варнавининский, Ветлужский, Костромской, Кинешемский, Нерехтский, Макарьевский и Юрьевецкий уезды. В четырех уездах с одним следственным участком функционировало по одному судебному следователю (Буй, Кологрив, Солигалич, Чухлома) [Костромской календарь, 1872: 15].

Как уже было сказано выше, первым председателем Костромского окружного суда (с 18 марта 1871 года) стал Иосиф Александрович Плец (род. 1840). Товарищами (заместителями) председателя Костромского окружного суда стали: статский советник Василий Иванович Самойлов и титулярный советник Александр Андреевич Кобылин. Однако А.И. Плец скончался в возрасте 32 лет, прослужив в должности председателя Костромского окружного суда чуть более полутора лет. Со 2 ноября 1872 года новым председателем суда был назначен Николай Адольфович Ридман, занимавший эту должность до 26 января 1878 года. Первым прокурором Костромского окружного суда 29 апреля 1871 года стал Владимир Романович Лицкой, служивший на данной должности до 15 января 1876 года, то есть до назначения его прокурором Московского окружного суда.

На должности высших должностных лиц окружных судов, в том числе судебных следователей, назначались лица, получившие аттестаты университетов или других высших учебных заведений об окончании курса юридических наук либо выдержавшие экзамен по юридическим наукам и доказавшие практикой свои теоретические знания.

Так в пределах Костромской губернии впервые появился новый судебно-следственный орган, включивший в себя штат судебных следователей, независимых от административной и прокурорской власти, входящих в судебную систему – институт судебного следователя Костромского окружного суда, получивший свое развитие в последующей трансформации и эволюции следственных органов советской и постсоветской России [Зайцев: 21–28].

Примечания

¹ Указ об Учреждении судебных следователей от 8 июня 1860 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXXV. Отделение первое, 1860. СПб: Тип. II отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1862. С. 711–727.

Список литературы

Волков Д.А. Костромская полиция от создания до 1917 г (краткий очерк) // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2016. № 1. С. 24–28.

Зайцев А.В. Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Костромской области: история и современность / под ред. Н.В. Сакова. Кострома, 2016. 216 с.

Костромской календарь или настольная книга для всех сословий на 1871 год. Кострома: Губернская типография, 1871.

Костромской календарь или справочная книжка для всех сословий на 1872 год. Кострома: Губернская типография. 1872.

Левенстим А.А. Конокрадство с юридической и бытовой стороны // Вестник Права. СПб., 1899. № 2 (февраль). С. 28–82.

Памятная книжка Костромской губернии на 1857 год. Кострома: Губернская типография, 1857.

Памятная книжка Костромской губернии на 1862 год. Кострома: Губернская типография, 1862.

Памятная книжка Костромской губернии на 1851 год. Кострома: Губернская типография, 1851 г.

Серов Д.О. От следственных приставов к судебным следователям: организация следственного аппарата в России во второй половине XIX века // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2014. № 9–1. С. 114–135.

Судебно-статистические сведения и соображения о введении судебной реформы по Костромской губернии // Судебно-статистические сведения и соображения о введении в действие судебных уставов от 20 ноября 1864 года (по 32 губерниям). Ч. 2. СПб.: Тип. правительствующего Сената, 1866.

References

Volkov D.A. Kostromskaja policija ot sozdanija do 1917 g (kratkij ocherk) [Kostroma police from creation to 1917 (short essay)]. Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova [Vestnik of Nekrasov Kostroma State University], 2016, № 1, pp. 24–28. (In Russ.)

Zajcev A.V. Sledstvennoe Upravlenie Sledstvennogo komiteta Rossijskoj Federacii po Kostromskoj oblasti: istorija i sovremennost' [Investigative Department of the Investigative Committee of the Russian Federation in the Kostroma region: history and modernity], ed. by N.V. Sakova. Kostroma, 2017, 216 p. (In Russ.)

Kostromskoj kalendar' ili nastol'naja kniga dlja vseh soslovij na 1871 god [Kostroma calendar or handbook for all classes for 1871]. Kostroma, Gubernskaja tipografija, 1871 (In Russ.)

Kostromskoj kalendar' ili spravocnaja knizhka dlja vseh soslovij na 1872 god [Kostroma calendar or reference book for all classes for 1872]. Kostroma, Gubernskaja tipografija, 1872 (In Russ.)

Levenstim A.A. Konokradstvo s juridicheskoj i bytovoj storony [Horse-breeding from the legal and domestic side]. Vestnik Prava [Bulletin of Law]. SPb., 1899, № 2 (feb.), pp. 28–82. (In Russ.)

Pamjatnaja knizhka Kostromskoj gubernii na 1857 god [The memorial book of the Kostroma province for 1857]. Kostroma, Gubernskaja tipografija, 1857. (In Russ.)

Pamjatnaja knizhka Kostromskoj gubernii na 1862 god [The memorial book of the Kostroma

province for 1862]. Kostroma, Gubernskaja tipografija, 1862 g. (In Russ.)

Pamjatnaja knizhka Kostromskoj gubernii na 1851 god [The memorial book of the Kostroma province for 1851]. Kostroma, Gubernskaja tipografija, 1851 g. (In Russ.)

Serov D.O. Ot sledstvennyh pristavov k sudebnym sledovateljam: organizacija sledstvennogo apparata v Rossii vo vtoroj polovine XIX veka [From investigative bailiffs to judicial investigators: the organization of the investigative apparatus in Russia in the second half of the 19th century]. Istoriko-pravovye problemy: novyj rakurs [Historical and legal problems: a new perspective], 2014, № 9–1, pp. 114–135. (In Russ.)

Sudebno-statisticheskie svedenija i soobrazhenija o vvedenii sudebnoj reformy po Kostromskoj gubernii [Forensic statistics and considerations on the introduction of judicial reform in the Kostroma province]. Sudebno-statisticheskie svedenija i soobrazhenija o vvedenii v dejstvie sudebnyh Ustavov ot 20-go nojabrja 1864 goda (po 32 gubernijam). Chast' 2 [Forensic statistics and considerations on the entry into force of the Judicial Charter of November 20, 1864 (in 32 provinces). Part 2], SPb., Tipografija pravitel'stvujushhego Senata, 1866 (In Russ.)

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Направляемый в редакцию материал должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других изданиях.

Статьи, оформленные не по требованиям, не принимаются к рассмотрению!

Все материалы следует представлять в редакцию по электронной почте:

e-mail: vestnik@ksu.edu.ru

Научные статьи принимаются в редакцию в течение всего года, публикуются в порядке живой очереди по мере наполнения портфеля редакции. Особые случаи с очередностью публикации статей решаются главным редактором.

Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе **Microsoft Word**. Статью в редакцию необходимо прислать в форматах: *.doc, *.docx, *.rtf. Обязательно прикладывается файл статьи в формате *.pdf. В качестве имени файла указывается фамилия, имя и отчество автора русскими буквами (например: Иванов Иван Иванович).

Все статьи проходят проверку на обнаружение текстовых заимствований в системе «Антиплагиат». Редакция принимает статьи, оригинальность которых составляет не менее **80%**.

Компьютерный набор статьи должен удовлетворять следующим требованиям: формат – А4; поля – по 2 см со всех сторон; гарнитура (шрифт) – Times New Roman; кегль – 14; межстрочный интервал – 1,5; абзацный отступ – 1,25 см.

Минимальный объем текста статьи с – **не менее 10 000 знаков**. Максимальный объем текста не должен превышать **30 000 знаков (не более 16 страниц)**, включая все сведения об авторе, аннотацию и список литературы с references. Ограничения не распространяются на научные публикации, объем которых, превышающий требования, мотивирован логикой доказательств и количественными показателями публикуемых источников.

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК

© **Инициалы и фамилия, 2019**

Аффилиация(и) автора: организация, где проводилось исследование,
г. Город, Страна

Название (жирным шрифтом, строчные буквы)

*Информация о финансировании (ссылки на гранты и пр.)
указывается после названия статьи курсивом*

Аннотация: 150–200 слов.

Аннотация к научной статье представляет собой краткую характеристику текста с точки зрения его назначения, содержания, вида, формы и других особенностей. Она передает главную, ключевую идею текста до ознакомления с его полным содержанием. Научная аннотация условно делится на три части:

- 1. Презентация вопроса или проблемы, которым посвящена статья.*
- 2. Описание хода исследования.*
- 3. Выводы: итоги, которых удалось достичь в результате проведенного исследования.*

В аннотации не допускается привлечение дополнительной информации (биографические данные, историческая справка, отступления, рассуждения и т.д.). В тексте аннотации не должны использоваться очень сложные предложения, изложение строится в научном стиле.

Ключевые слова: 7–10 слов, разделенных запятой.

Информация об авторе: Фамилия Имя Отчество, ORCID автора, ученая степень, ученое звание, место работы полностью: название организации, улица, дом, индекс, город, страна.

E-mail:

Дата поступления статьи: указывается дата отправки статьи в формате: 08.08.2008.

Дата приема статьи к публикации: заполняется в редакции.

Для цитирования: Фамилия И.О. Название статьи // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 1. С. XX–XX (страницы будут указаны в редакции). DOI:

Далее вся информация должна быть представлена на английском языке:

© Vladimir A. Smirnov, 2019.

Affiliation(s), Moscow, Russia

Name of the article

Information about financing (links to grants, etc.) is indicated after the title of the article in italics

Abstract: 150–200 word.

Keywords: 7–10 word, separated by a comma.

Information about the author:

E-mail:

Article received: August 08, 2019.

Published:

For citation: Smirnov V.A. Name of the article. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 1, pp. XX–XX (In Russ.). DOI:

Текст статьи¹ Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи [Анненков: 467].

Примечания (следуют после текста статьи)

¹ К сожалению, современное переиздание перевода Перцова книги Тэна лишено того изобилия фотографий и иллюстраций, которыми было богато снабжено его первое издание 1913, 1916 гг.

² О стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: Указ Президента РФ от 01.12.2016 № 642. URL: <http://www.consultant.ru/document/cons/> (дата обращения: 11.04.2019).

³ Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Архив ВИМАИВ и ВС). Ф. 2. Оп. 2. Д. 253.

Список литературы

Анненков П.В. Замечательное десятилетие. 1838–1848. Из литературных воспоминаний // Вестник Европы. 1880. Т. 2, № 4. С. 457–506.

New K.A. Roman Comedy on the Russian Stage: Alexander N. Ostrovsky's There Was Not a Penny, But Suddenly Altyn and Plautus' Aulularia. *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, № 1, pp. 138–159. DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-1-138-159

References

Annenkov P.V. *Zamechatel'noe desiatiletie. 1838–1848. Iz literaturnykh vospominanii* [A wonderful decade. 1838–1848. From literary memories]. *Vestnik Evropy*, 1880, vol. 2, № 4, pp. 457–506. (In Russ)

New K.A. Roman Comedy on the Russian Stage: Alexander N. Ostrovsky's There Was Not a Penny, But Suddenly Altyn and Plautus' Aulularia. *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, № 1, pp. 138–159. DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-1-138-159

**ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ ПРИМЕЧАНИЙ, БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК,
СПИСКА ЛИТЕРАТУРЫ И REFERENCES**

Примечания

В статье допустимы примечания, которые приводятся после текста, нумеруются арабскими цифрами (в виде верхних индексов) и представляют собой разъяснения, указания на переводы и пр.

Просьба не путать примечания со списком литературы!

Архивные материалы и законодательные материалы также оформляются в виде примечаний.

Архивные материалы:

Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. 198. Оп. 7. Д. 68. Л. 22.

Законодательные материалы:

Об организации страхового дела в Российской Федерации: Федеральный закон от 27 нояб. 1992 г. (в ред. от 21 июля 2005 г. № 104-ФЗ) // КонсультантПлюс: справ. правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1307 (дата обращения: 28.10.2019).

Библиографические ссылки

Ссылки в тексте статьи оформляются *квадратными скобками* с указанием фамилии автора и страниц. После фамилии автора ставится знак «:» (двоеточие), а далее номер страницы [Коровин: 187].

Книга или статья одного автора: [Лебедев: 28], двух и трех авторов: [Шмидт, Князьков: 52]. Если в книге четыре, пять и более авторов, то она описывается под заглавием [Методика: 34].

Для многотомных изданий и изданий из нескольких выпусков указывается номер тома или выпуска: [Толстой, 12: 415]; [СРНГ, 44: 170].

Для описания книги под заглавием в тексте приводится первое слово или словосочетание (если первое слово определение) названия книги: [Необъявленная война: 102].

В том случае, если в списке литературы есть несколько авторов с одной фамилией, в квадратных скобках необходимо указать фамилию и инициалы автора [Мережковский Д.С. 1990, 3: 256].

Если в списке литературы приводятся две и более публикации одного автора, после фамилии автора указывается год издания, а уже далее страницы [Коровин 2019: 187].

Несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, оформляются добавлением буквенной аббревиатуры к году: [Андреева 2019а: 10]. В этом случае необходимо сделать соответствующее указание в списке литературы: *Андреева В.Г.* Личные интересы героев и мотив ожидания в романе-эпопее Л.Н. Толстого «Война и мир» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019а. № 1 (178). С. 8–12.

Список литературы

После статьи следует список литературы. Он должен быть представлен *в алфавитном порядке*.

Сначала приводятся все русскоязычные источники в алфавитном порядке, после – все источники на иностранных языках.

Фамилия и инициалы автора в списке литературы выделяются *курсивом*.

Между фамилией и инициалами на протяжении всей статьи, в том числе в списке литературы, ставится неразрывный пробел (инициалы при этом пробелом не разделяются). К примеру: Смирнов (**н.п.**) В.А.

Книга одного автора

Хазова С.А. Ментальные ресурсы субъекта: феноменология и динамика. Кострома, КГУ им. Н.А. Некрасова, 2013. 386 с.

Книга двух и трех авторов

Если в книге два или три автора, то указывают всех.

Божилев И., Тотоманова А., Билярски И. Борилев синодик. София: Пабблишинг компани, 2010. 386 с.

Книга четырех или более авторов

Если у издания четыре, пять и более авторов, то оно описывается под заглавием, за косой чертой указывают фамилии первых трех авторов с добавлением «и др.»

Новые педагогические и информационные технологии в системе образования: учеб. пособие для студентов / Е.С. Полат, М.Ю. Бухаркина, М.В. Моисеева и др.; под ред. Е.С. Полат. М.: Академия, 2002. 272 с.

Книга, описанная под заглавием

Жизнь и приключения Максима Горького / сост. И. Груздев. М.; Л.: ГИЗ, 1926. 164 с.

Многотомное издание

Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Худ. лит., 1928–1958.

Один том из многотомного издания

Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: в 14 т. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 12. 596 с.

Статьи из сборников

Панкратова Т.М. Образ семьи как механизм ее успешного функционирования // Психологическое благополучие современной семьи. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2016. С. 119–122.

Королева Е.М., Крюкова Т.Л. Роль диадического копинга в супружеских отношениях // Семья, брак и родительство в современной России; под ред. А.В. Махнач, К.Б. Зуева. М.: Институт психологии РАН, 2015. Вып. 2. С. 105–113.

Статьи из журналов

Анненков П.В. Замечательное десятилетие. 1838–1848. Из литературных воспоминаний // Вестник Европы. 1880. Т. 2, № 4. С. 457–506.

Статьи из газет

Райцын Н.С. В окопах торговых войн // Деловой мир. 1993. 7 окт.

Справочные издания, энциклопедии, словари

Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. М.: НПК «Интелвак», 2003. 1600 стб.

Статьи из энциклопедий, словарей

Телия В.Н. Номинация // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 336–337.

Диссертации и авторефераты диссертаций

Андреева В.Г. Национальное своеобразие русского романа второй половины XIX века: дис. ... докт. филол. наук. М., 2017. 497 с.

Иностранные источники

New K.A. Roman Comedy on the Russian Stage: Alexander N. Ostrovsky's *There Was Not a Penny, But Suddenly Altyn and Plautus' Aulularia*. *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, № 1, pp. 138–159. DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-1-138-159

Материалы из сети Интернет

Симонова И.А. Ф.В. Чижов и А.А. Иванов. URL: http://ruskline.ru/analitika/2008/03/12/f_v_chizhov_i_a_a_ivanov (дата обращения: 20.06.2019).

Ранчин А.М. Теория «Москва – Третий Рим» и ее место в русской культуре XVI–XVIII вв. // Образовательный портал «Слово». Филология. [Б. г.]. URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/44938.php> (дата обращения: 27.08.2017).

Список литературы должен содержать не менее 10 источников по теме исследования, желательно присутствие в нем источников на иностранных языках.

Редакция рекомендует включение в список литературы новых научных исследований (за последние пять лет).

Все художественные тексты, воспоминания и пр. также включаются в список литературы.

References

После списка литературы на русском языке в статье должен быть представлен транслитерированный список литературы: References.

Транслитерируются только источники, написанные кириллицей; французские, немецкие, итальянские, польские и пр. источники не переводятся, а остаются в references неизменными.

Для выполнения транслитерации необходимо использовать специальную программу.

✓ Зайти на сайт <https://translit.ru> и выбрать в верхнем правом разделе в появляющемся списке под ▼ позицию LC. Вставить в специальное поле весь текст библиографии на русском языке и нажать кнопку «В транслит».

✓ Затем копировать транслитерированный текст в готовящийся список References.

✓ Далее необходимо отредактировать полученное и добавить переводы на английский язык:

– перевести на английский язык название статьи, книги, журнала и др. и вставить его в квадратных скобках [] после соответствующих названий;

– заменить знак «//» на точку;

– заменить знак «/» на запятую;

– перевести на английский язык место издания (например, было М. – после редактирования: Moscow);

– заменить знак «:» (двоеточие) после названия места издания на запятую;

– после транслитерации названия издательства добавить Publ.;

– при необходимости исправить обозначение страниц: вместо 235 s. – 235 p., вместо S. 45–47 – pp. 45–47;

– курсивом выделить название источника и название журнала;

– в конце транслитерированной библиографической ссылки необходимо добавить указание на оригинальный язык статьи (In Russ.)

Примеры транслитерации источников

Проскурина В.Ю. Мифы империи. Литература и власть в эпоху Екатерины II. М.: НЛО, 2006. 332 с

Proskurina V.Iu. *Mify imperii. Literatura i vlast' v epokhu Ekateriny II* [The myths of the empire. Literature and power in the era of Catherine II]. Moscow, NLO Publ., 2006, 332 p. (In Russ.)

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / под ред. И.А. Бодуэна де Куртенэ. М.: Прогресс, Универс, 1994. 2030 стб. (Репринт. изд. 1903–1909 гг.)

Dal' V.I. *Tolkovy slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka*: v 4 t. [Dictionary of the living Russian language: in 4 vols.], ed. by I.A. Boduena de Kurtene. Moscow, Progress Publ., Univers Publ., 1994, 2030 col. (In Russ.)

Морозов И.Л. «Горестная профанация» (Неопубликованные письма П.В. Анненкова о революции 1848 г. в Париже) // Исторический сборник, 1935, № 4. С. 223–258.

Morozov I.L. “*Gorestnaja profanacija*” (*Neopublikovannye pis'ma P.V. Annenkova o revoljucii 1848 g. v Parizhe*) [“Woeful profanation” (unpublished letters of P.V. Annenkov about the 1848 revolution in Paris)]. *Istoricheskij sbornik* [Historical collection], 1935, № 4, pp. 223–258. (In Russ.)

Непомнящий В.С. Пушкин в свете очевидностей // Новый мир. 1998. № 6. С. 190–216.

Nepomniashchii V.S. *Pushkin v svete ochevidnostei* [Pushkin in the light of evident facts]. *Novyi mir*, 1998, № 6, pp. 190–216. (In Russ.)

Методика воспитательной работы / Л.А. Байбородова, Л.К. Гребенкина, О.В. Еремкина и др.; под ред. В.А. Сластенина. М.: Академия, 2002. 144 с.

Metodika vospitatel'noi raboty [Methodology of educational work], L.A. Baiborodova, L.K. Grebenkina, O.V. Eremkina and etc., ed. by V.A. Slastenin. Moscow, Akademia Publ., 2002, 144 p. (In Russ.)

Андреева В.Г. Национальное своеобразие русского романа второй половины XIX века: дис. ... докт. филол. наук. М., 2017. 497 с.

Andreeva V.G. *Natsional'noe svoeobrazie russkogo romana vtoroi poloviny XIX veka*: dis. ... dokt. filol. nauk [National identity of the Russian novel of the second half of the XIX century: DSc thesis]. Moscow, 2017, 497 p. (In Russ.)

Шеметова Т.Г. Биографический миф о Пушкине в русской литературе советского и постсоветского периодов: автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2011. 47 с.

Shemetova T.G. *Biograficheskii mif o Pushkine v russkoi literature sovetskogo i postsovetskogo periodov*: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk [Biographical myth of Pushkin in Russian literature of the Soviet and post-Soviet periods: DSc thesis, summary]. Moscow, 2011, 47 p. (In Russ.)

Ранчин А.М. Теория «Москва – Третий Рим» и ее место в русской культуре // Образовательный портал «Слово». URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/44938.php> (дата обращения: 27.08.2017).

Ranchin A.M. *Teoriya «Moskva – Tretij Rim» i ee mesto v russkoj kul'ture* [The theory “Moscow – Third Rome” and its place in Russian culture]. *Obrazovatel'nyj portal «Slovo». Filologiya* [Educational portal “Word”]. URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/44938.php> (access date: 27.08.2017). (In Russ.)

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ТЕКСТА СТАТЬИ

1. Единицы измерения приводятся в соответствии с международной системой единиц (СИ).
2. В указании дат используются сокращения типа г., гг., в., вв. (полностью слова «год», «годы» не пишутся). Эти сокращения отделяются от даты неразрывным пробелом!
3. Кавычки в тексте – елочки «*»*», если появляются кавычки внутри кавычек, то используются лапки “*”*”.
4. При первом упоминании автора в тексте приводятся инициалы, далее представляется только фамилия. Инициалы с фамилией разделяются неразрывным пробелом.
5. В качестве иллюстраций статей принимается не более 4 рисунков. Они должны быть размещены в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретный рисунок, например: (рис. 2).
Схемы выполняются с использованием штриховой заливки или в оттенках серого цвета; все элементы схемы (текстовые блоки, стрелки, линии) должны быть сгруппированы. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений. Электронную версию рисунка следует сохранять в форматах jpg, tiff (Grayscale – оттенки серого, разрешение – не менее 300 dpi).
6. Таблицы. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком. Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word, располагаться в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретную таблицу, например: (табл. 2). Структура таблицы должна быть ясной и четкой, каждое значение должно находиться в отдельной строке (ячейке таблицы). Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается. (В таблицах возможно использование меньшего кегля, чем основной, но не менее 10.)
7. Формулы выполняются только в редакторе **MS Equation**.
8. Десятичные дроби имеют в виде разделительного знака запятую (0,78), при перечислении каждая из десятичных дробей отделяется от другой точкой с запятой (0,12; 0,087).

ДЛЯ ЗАМЕТОК

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ВЕСТНИК

Костромского государственного университета

2020 – Т. 26 – № 1

Учредитель и издатель
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Костромской государственный университет»

Главный редактор
ГРУЗДЕВ ВЛАДИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор юридических наук, доцент,
проректор по научной работе КГУ

Компьютерная верстка

А.Н. Коврижных

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-75265 от 07.03.2019 г.

Подписано в печать 24.03.2020.
Дата выхода в свет 23.06.2020.
Формат 60×90 1/8. Усл. печ. л. 30,0.
Уч.-изд. 31,2 л.
Тираж 500 экз.
Изд. № 81.

Подписной индекс: **18902**
Адрес редакции, адрес издательства, адрес типографии:
156961, Костромская обл., г. Кострома, ул. 1 Мая, д. 14.
Телефон: **(4942) 39-16-56**, факс: **(4942) 31-13-22**,
E-mail: vestnik@ksu.edu.ru

Цена свободная
При перепечатке ссылка обязательна